

30 лист.

СОВРЕМЕННИКЪ

№ VI

(Iюнь)

Санктпетербургъ

—

1849

ОГЛАВЛЕНІЕ ШЕСТОЙ КНИЖКИ:

(Смотри окончаніе оглавленія въ концѣ книги, на внутренней сторонѣ обертки.)

МАСКАРАДНАЯ БЫЛЬ.

I.

Полубольной, въ печально освѣщенной одною свѣчою комнатѣ, лежалъ я на диванѣ. Тишина вокругъ меня была совершенная, такъ-что даже слышалось однообразное біеніе моихъ карманныхъ часовъ.

Внутри меня жизнь порою какъ-будто бы пріостанавливалась, дыханіе захватывало: такъ безжалостно давила меня страшная тоска — тоска бездѣйствія. Я лежалъ неподвижно, спокойно; но какъ ужасно, какъ мучительно было это спокойствіе! какимъ медленнымъ огнемъ жгло оно мою внутренность! И однакожъ этой тоскѣ не было никакой опредѣленной и уловимой причины.

Но никакихъ удовлетворяющихъ занятій у меня не было; особенныхъ интересовъ для меня не существовало. Вспомнить было нечего; а вдаль заглянуть я боялся и отгонялъ отъ себя неотвязчивую и безотрадную мысль, что въ будущемъ не ожидаетъ меня ничего новаго, и что оно будетъ также походить на настоящее, какъ настоящее походитъ на прошедшее.

Я страшно страдалъ.

Въ такомъ положеніи засталъ меня М*, мой старый знакомый.

Ему было лѣтъ подъ сорокъ. Онъ много видѣлъ и испыталъ въ жизни, и недаромъ прошелъ ее. Опытъ принесъ ему въ

даръ ясность взгляда и настоящее пониманіе жизни. Его мнѣнія и доказательства были безотрадны, но убѣдительны. По нимъ можно было заключить, что онъ отжилъ, хотя и рано, и, утомившись быть самому дѣйствующимъ лицемъ въ драмѣ жизни, сталъ хладнокровнымъ зрителемъ и безпристрастнымъ судьей.

Сердце его однако не остыло, хотя всегда спокойно и одинаково билось.

Для насъ, молодыхъ людей, еще не совсѣмъ разставшихся съ своими идеалами, онъ былъ иногда неумолимъ съ своими горькими истинами.

Онъ безжалостно подрубалъ наши надежды въ самомъ корнѣ и предсказывалъ ихъ грустные результаты заранѣе, но все-таки не выучилъ насъ, разгоряченныхъ и увлеченныхъ, вѣрить этимъ предсказаніямъ. Мы же бѣсились и упрекали его безчувственностью и холодностью.

Но зато, когда неудачи сражали насъ, онъ первый являлся съ утѣшеніемъ.

Онъ старался возбудить въ насъ упавшія силы, показать исходъ страданіямъ, объяснить причины и слѣдствія.

Поэтому видно, что онъ вовсе не изъ одного удовольствія былъ всегда въ началѣ бичемъ всѣхъ нашихъ иллюзій.

Привычка смотрѣть на все хладнокровно и со стороны искать всему причины, соображать по нимъ слѣдствія, анализировать всякое движеніе сердца наложили на его разговоръ какой-то особенный, наставительный, педагогическій колоритъ.

— Что это ты лежишь въ такой темнотѣ? спросилъ онъ меня, подходя къ дивану: — или спишь?

— Нѣтъ, Николай Александрычъ: тоска страшная, скука, отвѣчалъ я.

— Немудрено, когда ничѣмъ не занятъ: тоска отъ праздности, разумѣется.

— Да чтожь мнѣ дѣлать? дайте занятіе, работу моему уму, сердцу, и я благословлю васъ. Отыщите ихъ. Къ ручной же, машинной работѣ я неспособенъ и непривыченъ. Она изнуритъ меня понапрасну и убьетъ.

— Лучше бы было, если бы ты хоть однѣми руками работалъ безъ участія головы, чѣмъ неподвижно лежать въ такой гнусной темнотѣ. Я бы тебѣ посовѣтовалъ начать играть въ карты. Авось проиграешься совсѣмъ: тогда по-неволѣ примешься за

машинную работу. И для головы и для сердца будетъ занятіе, когда нужно будетъ добывать насущный хлѣбъ.

— Если бы я проигрался, повѣрьте, что умеръ бы съ голоду.

— Не умеръ бы, другъ, жилъ бы, работалъ и въ добавокъ меньше скучалъ и роптал̀ъ бы на судьбу. Ты все ищешь занятія уму и сердцу, какой бы цѣной тамъ ни было, Вотъ тебѣ другой совѣтъ, какъ обрѣсти то,чего просишь: женись — и уму и сердцу будетъ вдоволь работы.

— Легко вамъ сказать: женись, отвѣчалъ я съ досадою.

— Вовсе нелегко; мой другъ, это тебѣ докторскій рецептъ. Для иныхъ же болѣзней доктора прописываютъ ядъ. Вотъ себѣ бы я этого не совѣтовалъ. Занятій уму и сердцу, такихъ, какъ ты понимаешь, мнѣ не надо: мнѣ надо спокойствіе, которымъ я, благодаря Бога, пользуюсь, но которое ты, наоборотъ, проклинаешь и гонишь отъ себя.

— Хорошо это спокойствіе, которое не даетъ порядочно уснуть.

— Спишь-то ты до двѣнадцатаго часу, кажется, продолжалъ Николай Александрычъ, не всеже маяться. Въ-самомъ-дѣлѣ, я тебѣ говорю серьёзно: женись.... что̀ тебя пугаетъ въ супружествѣ?

— А обязанности, зависимость! отвѣчалъ я.

— Вотъ всѣ вы послѣдовательны. Хотите жить сердцемъ, въ этомъ находить для себя удовлетворяющее чувство, а между тѣмъ боитесь и бѣжите всякой зависимости. Жизнь сердца и абсолютная независимость могутъ ли существовать вмѣстѣ? Вотъ вы меня называете холоднымъ и безчувственнымъ, а я не желалъ бы этой независимости, потому-что она исключаетъ всякое чувство привязанности. А ты знаешь, что у меня есть привязанности. Ты же, который говоришь, что для тебя только тогда и можетъ существовать счастіе, когда сердце и умъ заняты въ работѣ, ты думаешь найти его внѣ всякаго рода зависимости. Вотъ оттого, что вы обо всемъ судите поверхностно, и происходятъ безпрерывныя противорѣчія и въ вашихъ мнѣніяхъ и въ вашихъ дѣйствіяхъ; вотъ отчего вы изъ всего и выносите себѣ страданье. Нѣтъ, индивидуальная независимость не можетъ удовлетворить. Я противникъ индивидуализма, какъ холоднаго эгоизма. Уединенная отъ другихъ независимость есть асцетизмъ,

отшельничество своего рода. Въ взаимной заботливой зависимости только таятся, по моему, начала прямого, теплаго счастія, — счастія общественнаго и счастія частнаго. Движенія нашей жизни должны соразмѣряться съ движеніями чьими-нибудь; біенія нашего сердца должны находить откликъ въ біеніи другого.

Все въ природѣ не можетъ существовать безъ взаимной зависимости, — всмотритесь хорошенько.... оттого и гармонія и порядокъ царствуетъ въ ней; съ чего брать примѣръ, какъ не съ нея? Мы тоже члены этой природы, и, кажется, немаловажные.

Если хотимъ гармоніи, порядка и счастія, будемъ искать взаимной зависимости.

Человѣкъ, который живетъ жизнью отдѣльною, живетъ въ самомъ себѣ, по моему, дѣлаетъ преступленіе, во-первыхъ, въ отношеніи къ обществу, а во-вторыхъ, къ самому себѣ, — въ отношеніи къ обществу потому, что онъ лишаетъ его одного изъ его членовъ и не приноситъ ему той пользы, которую могъ бы принесть; въ отношеніи къ самому себѣ потому, что онъ не развиваетъ въ себѣ удовлетворяющей способности любить и дѣйствовать съ пользою.

Если каждый изъ насъ будетъ только сознавать свои *права* въ самомъ себѣ, а будетъ забывать свой долгъ, свои обязанности въ отношеніи къ другимъ, — будетъ ли это ручательствомъ въ счастіи?

Самъ онъ очерствитъ свое недвижное сердце; способности любить, самыя главныя, коренныя, притупятся; сознаніе своего незначенія, своей безполезности озлобитъ его противъ другихъ. Ѣдкая горечь будетъ примѣшиваться къ каждому его дѣйствію, къ каждому происшествію; не чувствуя себя счастливымъ, онъ не будетъ горячо желать счастія другимъ, будетъ равнодушенъ къ нему. Вотъ, другъ мой, плоды уединенной отъ другихъ жизни, плоды сосредоточенности въ самомъ себѣ, безъ изліянія на другихъ или въ другихъ богатства своихъ чувствъ и способностей.... не даромъ данныхъ, чтобъ имъ погребстись за-живо. По настоящему, отъ насъ вправѣ требовать проявленія ихъ.

Человѣкъ, живущій отдѣльною жизнью, правда, пользуется спокойствіемъ безпечности, но врядъ ли спокойствіемъ совѣсти, если онъ не бездушный эгоистъ.

Вы — люди крайностей. Вы или хотите жить совершенно сами съ собою — по-крайней-мѣрѣ говорите такъ, или уже проявляться и изливаться передъ каждымъ. То, что я говорилъ, тебѣ должно быть очень понятно, если ты разсудишь хорошенько. Ты жаждешь внутренней дѣятельности; а можетъ ли она существовать внѣ всякой зависимости.

Изъ всего этого ты не заключи, будто я думаю, что для того, чтобы дать пищу внутренней дѣятельности, необходимо нужно жениться. Женитьбу я тебѣ прописываю какъ занятіе твоей праздности. Удовлетворяющая зависимость имѣетъ не одну форму.

Я молчалъ.

— Вы хорошо разсуждаете, сказалъ я наконецъ: — а научите лучше меня, укажите мнѣ такую дѣятельность, которая бы удовлетворила, не связывая и не обязывая.

— Вотъ чего ты хочешь! отвѣчалъ Николай Александрычъ: — вы всегда бѣгаете за невозможнымъ. Научить этому нельзя. Въ твои лѣта холоднаго разсудка не слушаютъ и не понимаютъ. Я сужу по себѣ; и самъ я таковъ же былъ въ молодости. Я припоминаю себя въ былые годы. Сколько даромъ испорчено времени, сколько попусту перечувствовано волненій! Жалко и обидно становится!

Вотъ сегодня еще я встрѣтился съ одной женщиной, которую давно потерялъ изъ виду. Мы вспомнили съ ней одно происшествіе, въ которомъ оба играли прежалкую роль. Съ тѣхъ поръ было довольно времени поразмыслить, поразсудить. И грустно и смѣшно было намъ съ нею говорить о прошедшемъ.

И Николай Александрычъ сталъ ерошить свои волосы.

— Разскажите-ка, разскажите, пожалуйста, Николай Александрычъ, сказалъ я, встрепенувшись. Очень любопытно мнѣ, очень интересно знать, о чемъ это вы такъ жалѣете; какое это происшествіе, при воспоминаніи котораго вы выходите изъ обычнаго своего спокойствія.

— Признаюсь, отвѣчалъ Николай Александрычъ: — что это происшествіе на меня сдѣлало тогда сильное впечатлѣніе, — и всѣ обстоятельства его я также помню, какъ-будто бы это было вчера. Развѣ разсказать тебѣ, въ-самомъ-дѣлѣ, позабавить тебя попусту тоскующаго? Ты не жди пожалуйста ничего эффектнаго. Время происшествій съ эффектнымъ содержаніемъ давнымъ-

давно прошло. Но мой разсказъ можетъ служить тебѣ полезнымъ урокомъ.

Помни, что всѣ сужденія, которыя ты услышишь въ разсказѣ, принадлежали мнѣ, но за нѣсколько лѣтъ назадъ.

Можетъ быть что-нибудь забуду или прибавлю; но ужь не взыщи: давненько было.

II.

Дѣйствіе происходило, въ одну изъ прошедшихъ зимъ, въ Петербургѣ. Я былъ въ маскарадѣ Дворянскаго Собранія. Толпа была страшная. Когда я взошелъ въ залу, балъ только-что кончился. Маски длинными вереницами сходили съ хоръ въ залу и перемѣшивались съ пестрыми группами дамъ въ бальныхъ платьяхъ и офицеровъ въ блестящихъ и разнообразныхъ мундирахъ.

Надо тебѣ замѣтить, что по обязанности службы, жилъ я большею частью въ провинціи, гдѣ семейнаго общества для меня почти не было. Женщинъ я почти не видалъ, и потому дичился ихъ и вблизи ихъ чувствовалъ себя не совсѣмъ ловко.

Ты поймёшь, что послѣ такой тихой и уединенной жизни, какую мы ведемъ, попасть въ такую суматоху должно казаться очень дико. Съ любопытствомъ смотрѣлъ я съ возвышенія на это волнующееся море тысячи головъ. Веселые звуки музыки, смутный шумъ разговоровъ, эта пестрота, разнообразіе костюмовъ, это многолюдство, ослѣпительное освѣщеніе залы, а въ добавокъ можетъ быть и жаръ охмѣлили меня на нѣсколько минутъ.

Я сталъ бродить по заламъ, наблюдая взаимныя положенія безконечно встрѣчающихся мнѣ паръ масокъ съ кавалерами. Обошедъ нѣсколько разъ всѣ залы, усталый, я сѣлъ въ одной изъ нихъ. На диванахъ около меня сидѣло нѣсколько паръ. Они разговаривали тихо, но горячо. Всѣ они казались въ близкихъ между собою отношеніяхъ.

Тутъ были и сѣдые маленькіе старички съ помутившимися глазами, съ сладкими улыбками на устахъ, разговаривающіе съ высокими, широкими и массивными масками,—и молодые люди моихъ лѣтъ съ граціозными, живыми и прекрасно замаскиро-

ванными женщинами. Первые возбуждали во мнѣ невольную улыбку, вторые — досаду. Была ли это зависть, право не знаю. Но почему-то мнѣ стало грустно, и я вспомнилъ свое тяжелое одиночество.

— У каждаго изъ нихъ, думалъ я: — есть свои интересы, свои привязанности; всякой хлопочетъ о чемъ-нибудь, чего-нибудь добивается; а я, я, какъ-будто чуждый всѣмъ имъ, чуждый всѣхъ интересовъ, одинъ, кажется, здѣсь присутствую какъ зритель. И долго я сидѣлъ погруженный въ грустныя думы.

Вдругъ кто-то дотронулся до моего плеча. Я очнулся. Склонившись надо мной, стояла дама въ бархатной маскѣ. Глаза ея пристально были устремлены на меня.

— Покойной ночи П*, сказала она мнѣ. — Ты, кажется, заснулъ?

— Нѣтъ, отвѣчалъ я, вставая: — я задумался.

Она подала мнѣ руку.

— Какое же заключеніе ты вывелъ изъ всего предъ тобой происходящаго? спросила она.

— Я задавалъ себѣ вопросъ: отчего всѣ, кажется, веселятся, всѣ довольны, а я скучаю?

— Отчего же ты скучаешь? спросила она.

— Видишь ли ты, милая маска, для всѣхъ васъ, кажется, маскарадъ только способъ, средство, — для меня одного онъ зрѣлище.

— Да, разумѣется, если ты будешь только мечтать. Почему же ты не хочешь въ немъ быть самъ дѣйствующимъ лицомъ?

— Я очень хочу имъ быть. Да чтожь дѣлать? Я почти никого не знаю, мной тоже никто не интересуется. Не могу понять, право, чему обязанъ я, что ты обратила на меня свое вниманіе. Ты меня знаешь?

— Да, я тебя знаю, а подошла къ тебѣ для того, чтобы еще болѣе тебя узнать.

Тутъ она разсказала мнѣ нѣкоторыя частныя подробности моей жизни и описала въ общихъ словахъ мой характеръ.

— Странно, сказалъ я: — я тебя не знаю. Ты собрала однакожь эти свѣдѣнія отъ человѣка, меня хорошо знающаго. Съ

какою цѣлью ты это дѣлала? Всего вѣроятнѣе, изъ любопытства. Участія же отъ кого-нибудь я уже пересталъ ждать.

— А! сказала она съ насмѣшкою: — ты, какъ видно, разочарованный. Право, нынче не встрѣтишь ни одного молодого человѣка, который былъ бы не разочарованъ.

— Нѣтъ ужь, Бога ради, уволь меня отъ этого названія, я вовсе не разочарованный, особенно въ томъ смыслѣ, въ какомъ это слово теперь понимается. Я, какъ мнѣ помнится, и прежде не очень парилъ по поднебесью. Я не мизантропъ, я не ненавижу людей.... я готовъ любить ихъ. Но правда и то, что я утратилъ эту юношескую, довѣрчивую вѣру въ людей, и эти тщетныя, глупыя надежды на невозможное и неосуществляющееся въ жизни, — надежды, которыя могутъ быть не смѣшны только въ начинающемъ жизнь человѣкѣ. Жизнь непремѣнно должна была привести къ такимъ результатамъ, — это очень просто. Состояніе своей души и своихъ понятій я никому не расписываю, не драпирую гаральдовымъ плащемъ ихъ незамѣчательное изображеніе, и потому если бы ты меня знала, ты никакъ не упрекнула бы меня въ разочарованіи.

Она молчала.

— Неужели, сказала она: — въ этой залѣ не могло быть ни одной женщины, встрѣчи съ которою ты ожидалъ или желалъ бы?

— Ни одной, отвѣчалъ я.

— И ты никого не любишь и не любилъ?

— Если бы ты меня спросила лѣтъ шесть назадъ, я бы тебѣ утвердительно отвѣчалъ: что любилъ и люблю. Теперь я скажу, что любилъ, если назвать любовью то чувство, которое возгорается и разливается до крайнихъ предѣловъ въ девятнадцатилѣтнемъ человѣкѣ, въ какіе-нибудь три дня, — чувство, въ чистотѣ котораго также нельзя сомнѣваться, какъ и въ смѣшной наивности. Но на все есть свое время. Съ тѣхъ поръ я уже не любилъ никого, оттого ли, что это чувство въ моихъ понятіяхъ получило гораздо обширнѣйшее и полнѣйшее значеніе, или, просто оттого, что въ жизни моей не было случайной, симпатичной встрѣчи.

— И ты равнодушенъ совершенно къ этому, сказала она: — и ты не ищешь любви, не желаешь, чтобы она посѣтила тебя?

— Напротивъ, отвѣчалъ я: — кто не ищетъ любви, кто бѣгаетъ этого чувства? а уже особливо я. Повѣрь мнѣ, маска, продолжалъ я нѣсколько насмѣшливымъ голосомъ: — я самый любящій человѣкъ; по моему, безъ любви нѣтъ истиннаго счастія для порядочнаго человѣка. Любить, быть любиму, — вотъ необходимыя условія удовлетворяющей дѣятельности для человѣка. Безъ этихъ условій жизнь уже не разумное дѣйствіе, а безсознательное, поступательное движеніе къ предѣлу ея, т. е. къ могилѣ.

— А! я теперь вѣрю, что ты любящій человѣкъ, сказала она, смѣясь: — судя по тому, что̀ ты говоришь. По твоему, и ученые и философы, которые, говорятъ, ничего не любятъ кромѣ своей науки, очень неразумно дѣйствуютъ.

— По моему, милая маска, ученые и философы, которые ничего и никого не любятъ, кромѣ своей науки, просто безполезные труженики.

— Того, кто въ занятіяхъ своихъ науками не ставитъ цѣлью благо и пользу человѣчеству, и судьба упрямая и справедливая не допуститъ сдѣлать ничего особенно-хорошаго. Тотъ же, который, трудясь, подстрекается пламеннымъ желаніемъ добра и пользы, уже значитъ любитъ; а такой человѣкъ не закроетъ своего сердца для привязанности, потому-что такое дѣйствіе не омрачаетъ свѣтлаго разсудка. Всѣ лучшіе математики вмѣстѣ были и философы; а истинные философы, и по сущности своего значенія, необходимо должны быть любящими людьми.

— Что̀жь, ты не любишь? сказала она настойчиво: — что̀жь, ты не любишь?

Я тихо пожалъ ея маленькую руку.

— Кого любить? сказалъ я грустнымъ тономъ: — кого? Ужь если судьба не захочетъ, не сведетъ, если и встрѣтишь женщину, съ которой бы хотѣлось сблизиться, которую, какъ кажется, могъ бы полюбить, такъ вдругъ нападетъ страхъ и сомнѣніе, — и убѣдишь себя, что она-то тебя не полюбитъ.

— Что̀ за излишняя скромность, сказала она: — что̀ за отсутствіе самолюбія. Почему же ты думаешь, что на твою любовь не отвѣтятъ любовью, что ты не заслуживаешь ея.

— Нѣтъ, я знаю, что я ея достоинъ. Но вотъ видишь ли что̀: чтобы, рѣзко не выставляясь, обратить вниманіе женщины, обрѣсти любовь ея, надо быть или казаться чѣмъ-нибудь осо-

беннымъ. Я совершенно обыкновенный человѣкъ; казаться другимъ, чѣмъ я есть въ самомъ дѣлѣ, не могу и считаю недостойнымъ. Изъявляя свою любовь женщинѣ, я не стану ее изображать въ огненныхъ чудовищныхъ формахъ и размѣрахъ, хотя вѣроятно съумѣлъ бы любить получше, нежели эти господа, которые такъ хорошо разсказываютъ. Вотъ мы говорили о разочарованныхъ: ихъ-то вы скорѣе полюбите. Разумѣется, вы съумѣете отличить человѣка съ истинно-высокими достоинствами; но вы можете полюбить и полюбите скорѣе *le genie du vice*, генія порока, какъ бы это сказать, нежели человѣка, не представляющаго въ себѣ ничего рѣзкаго. Повѣрь, на это есть тысяча фактовъ, примѣровъ. Женщины падки на эффекты. Ваше самолюбіе таково, что вы требуете, чтобы вліяніе особы вашей на человѣка отражалось въ немъ эффектно.

— Какое прекрасное мнѣніе о женщинахъ! сказала она, видимо разгорячаясь. Такъ неужели мы такіе, что будемъ скорѣе любить порокъ, чѣмъ добродѣтель; ложь и притворство не съумѣемъ отличить отъ истины? Нѣтъ, мы не такъ недальновидны.

— Я вовсе не приписываю это тому, что вы порочны: это или въ вашей натурѣ или происходитъ отъ сложнаго направленія воспитанія. Вы не виноваты.

— Сознайся, что вы, женщины, скорѣе отдадитесь человѣку смѣлому и рѣшительному, показывающему даже увѣренность въ своихъ достоинствахъ и въ успѣхѣ, потому-что, уступая ему, вы можете упираться на свою относительную слабость, между тѣмъ какъ, отдаваясь человѣку непривычному, приближающемуся къ вамъ съ робкою любовью, если уступаете, то по неотрадному увлеченію страсти. Однимъ словомъ, вы лучше любите быть взяты приступомъ, нежели быть вынуждены сдаваться добровольно.

Мы взошли на хоры. Въ одномъ углу ихъ было мало народу. Мы сѣли подлѣ самой лампы. Жаръ былъ страшный. *Она* попросила пить. Нѣсколько минутъ мы молчали. Я пристально всматривался въ нее. Иногда въ ея разговорахъ прорывались знакомые мнѣ звуки; выраженіе глазъ напоминало мнѣ тоже кого-то; но я никакъ не могъ и — можете представить; мнѣ кажется, и не желалъ догадаться. Когда я пришелъ съ лимона-

домъ, съ ней говорилъ одинъ мой знакомый офицеръ; но, поздоровавшись со мной, онъ ушелъ.

— Ну, немудрено, сказала она наконецъ: — что ты никого не любишь, когда ты такого жалкаго мнѣнія о женщинахъ.

— А несмотря на все это, отвѣчалъ я торжественнымъ тономъ: — нѣтъ ни одного человѣка, который бы готовъ былъ такъ любить васъ. — Нѣтъ ни одного человѣка, который сталъ бы такъ ревностно оправдывать всѣ ваши недостатки и такъ рельефно выказывать ваши достоинства. Если бы меня полюбила женщина, которая бы не могла возбудить во мнѣ слишкомъ большой симпатіи, я и тогда какъ бы ей былъ благодаренъ; я съумѣлъ бы не оскорбить ея добраго чувства и заплатить ей по мѣрѣ силъ. Вотъ я тебя не знаю, всего лица твоего не вижу. Правда, твои глаза, твои губы, твой подбородокъ не дурны; но цѣлое все-таки закрыто.... попробуй полюбить меня, и вѣрно не будешь раскаяваться.

Я крѣпко сжалъ ея руку.

— Какой ты чудакъ, сказала она вздрогнувъ и засмѣявшись, но не отняла у меня руки своей.

— О, я бы радъ былъ быть чудакомъ. По-крайней-мѣрѣ — особенность, а стало быть и болѣе шансовъ пріобрѣсти вниманіе. А ты, позволь мнѣ спросить тебя въ свою очередь, любишь ли ты кого-нибудь? свободно ли твое сердце, — прибавилъ я.

Она встрепенулась.

— Нѣтъ, сказала она, какъ будто припоминая что-то: — нѣтъ я никого не люблю.

Она отвернулась и, облокотившись на руку, стала смотрѣть внизъ.

Нѣсколько минутъ мы молчали.

— Уфъ, какъ жарко! сказала она, выдергивая свою руку изъ моей.

И она съ нетерпѣніемъ стала сдергивать перчатку.

— Позволь мнѣ пособить тебѣ, сказалъ я.

Она протянула ко мнѣ свою усталую руку; снять перчатку было довольно трудно, потому-что она пристала къ потной рукѣ. Надо было отдирать ее осторожно. Послѣ долгихъ, хотя весьма пріятныхъ для меня, усилій, я снялъ ее; но обнаженная и горячая ручка осталась покоиться въ моихъ рукахъ.

Мы продолжали разговоръ все на ту же тему, только съ бо̀льшимъ одушевленіемъ.

Я сожалѣлъ о своемъ грустномъ и незаслуженномъ одиночествѣ; я говорилъ, что, откинувъ всякое самолюбіе, я не могу не сознаться, что я имѣю такое же право любить и быть любимымъ, какъ и другіе, но что злая судьба преслѣдуетъ, моритъ меня и лишаетъ меня того единственнаго насущнаго хлѣба, который можетъ удовлетворить мой духовный голодъ. И все это богатство любви, преданности, слѣпой довѣрчивости, страсти, молодости, — продолжалъ я — пропадетъ и изсохнетъ даромъ, выжгя всю мою внутренность и сокрушивъ силы. И состарюсь я, съ ужасомъ глядя на прошедшее и спрашивая себя: какъ я жилъ? гдѣ же жизнь?

Невольно холодъ пробѣгаетъ по всему моему тѣлу, когда, считая оставшіеся годы молодости, я воображаю, что они пройдутъ также, какъ и прежніе.

Но вотъ что̀, главное: во всемъ своемъ разговорѣ я старался половче высказать желаніе, чтобы нашлось такое доброе и благое существо, которое бы оживило мою одинокую жизнь.

Она отвѣчала мнѣ полусерьёзнымъ, полунасмѣшливымъ тономъ, что вполнѣ признаетъ законность моихъ претензій на судьбу и понимаетъ горькое состояніе одиночества.

Когда въ пылу разговора я пожималъ ея руку, она ея не отнимала.

Глаза мои горѣли, кровь кипѣла, сердце билось. Прикосновеніе ея эликтризовало все мое существо. Я нѣсколько разъ бралъ у ней букетъ свѣжихъ цвѣтовъ, прикладывалъ его къ своимъ глазамъ, къ своему разгорѣвшемуся лицу, думая освѣжить его и разогнать волнующіяся въ головѣ мысли.

— Couple bienheureuse, couple fortunée! сказалъ кто-то насмѣшливымъ голосомъ, проходя мимо насъ.

Она вскочила.

— Пойдемъ, сказала она: — мнѣ пора. Какъ жарко!

Мы стали спускатся съ хоръ.

— Какая злая насмѣшка для меня, сказалъ я: — эти два слова «Couple fortunée». Да, дорого бы я далъ, чтобы имѣть право сознаться, что каждый изъ насъ не самъ по себѣ, но что мы, въ-самомъ-дѣлѣ, составляемъ «couple fortunée».

Она засмѣялась.

Признаюсь, я самъ не могъ удержаться, чтобы не засмѣяться отъ своей выходки.

Я звалъ ее ужинать, но она отказалась, говоря, что ей пора ѣхать домой.

— Я никакъ не могъ узнать, кто ты, милая маска, сказалъ я. Я тебя вѣроятно не знаю. Ты же обо мнѣ по-крайней-мѣрѣ много слыхала. Неужели твое явленіе такъ и останется для меня загадкой?

— Будь здѣсь въ слѣдующій маскарадъ, отвѣчала она. Я буду и отъищу тебя непремѣнно. Тогда постарайся узнать, кто я.

— Послушай, милая маска, сказалъ я: — скажи мнѣ, какая причина тому, что ты посвятила мнѣ этотъ вечеръ.

— Очень простая, отвѣчала она, прерывая меня. — Я сама здѣсь почти никого не знаю. О тебѣ же я слыхала, или знаю тебя, какъ хочешь. — Нужно же было мнѣ провести съ кѣмъ нибудь вечеръ, съ кѣмъ нибудь поговорить, — я и подошла къ тебѣ.

— Такъ моя личность тутъ не играла ровно никакой роли? сказалъ я, вздыхая: — и ты вовсе и не интересовалась ею?

— Вотъ причина, вотъ причина! продолжалъ я трагическимъ голосомъ, пародируя Отелло, входящаго въ спальню Десдемоны.

— О самолюбіе! отвѣчала она. А ты говорилъ еще, что ты вовсе не самолюбивъ. Ну, догадывайся же самъ, въ какой степени тобой интересуются.... Надѣюсь, что ты будешь столько совѣстливъ, что не будешь слѣдить за мной теперь.... До свиданія.

И она вмѣшалась въ толпу.

Я не рѣшился преслѣдовать ее издали, чтобы узнать, кто она такая.

Проходя залу, чтобы ѣхать домой, я встрѣтился съ офицеромъ, который незадолго разговаривалъ съ нею.

— Что̀ Д....а уѣхала? спросилъ онъ меня улыбаясь.

Я остолбенѣлъ. Въ одно мгновеніе я догадался, кто была моя маска.

— Развѣ вы ее не узнали? сказалъ онъ, замѣтивъ мое изумленіе.

— Нѣтъ.... узналъ; она уѣхала, отвѣчалъ я, смѣшавшись.

Мнѣ стало грустно; какъ-будто опять одной надеждой стало меньше. Все мое очарованіе вдругъ рушилось.

Осталось одно непріятное опасеніе: не сдѣлалъ или не сказалъ ли чего-нибудь, что̀ бы могло ее оскорбить! Кажется, ничего особеннаго, думалъ я: а если и сказалъ, то она сама виновата. Она первая подала мнѣ поводъ.

III.

Моя маска была жена одного моего хорошаго знакомаго. Я его зналъ давно. Онъ былъ прекрасный и благородный человѣкъ. Несмотря на нѣкоторые недостатки, я привыкъ любить и уважать его.

Онъ былъ женатъ года три; жену его я зналъ немного. Ей было двадцать одинъ или двадцать два года. Ему было около тридцати пяти лѣтъ. Онъ былъ недуренъ собой.

Но, всматриваясь безпристрастно въ его физіономію, мнѣ всегда казалось, что онъ былъ лишенъ тѣхъ условныхъ достоинствъ, которыя могли бы возбудить горячее сочуствіе въ женщинѣ пылкой и молодой. Его натура казалась такою апатичною. Движенія его были слишкомъ вялы; выраженіе глазъ какъ-то лишено жизни; какъ-то было видимо, что молодость отжила въ немъ, кровь перестала бушевать и упадокъ силъ и энергіи начался.

Какъ онъ мнѣ самъ говорилъ, жена его, выходя за-мужъ, не питала къ нему ни любви, ни непріязни. — Ее никто не принуждалъ, но всѣ ей совѣтовали, и она вышла за-мужъ, какъ и многія выходятъ у насъ дѣвушки. Живя съ нимъ, она увидѣла его добрыя качества, оцѣнила его любовь и — полюбила или привыкла къ нему, не знаю. Надо же было, по необходимости, возбудить въ себѣ чувство привязанности.

Повидимому они жили очень мирно и согласно. Изрѣдка, правда, во время его разговоровъ или когда онъ ласкалъ ее, я замѣчалъ въ ней нетерпѣливыя движенія.

Главная его ошибка была, по моему, вотъ въ чемъ. Выслушай-ка, другъ.

Исполняя, какъ нельзя лучше, даже прихоти своей жены, онъ думалъ, что дѣлаетъ все, чтобы пріобрѣсти и поддерживать любовь ея.

Но между тѣмъ онъ рѣшительно нисколько не заботился о томъ, чтобы нравиться ей съ внѣшней стороны. Своею особою онъ не занимался нисколько. Женясь, онъ какъ-то опустился и ослабъ. Напротивъ, онъ долженъ бы былъ сохранить энергію и какъ можно болѣе заботиться о своей внѣшности, чтобы возбудить и поддерживать любовь жены. Женщина никогда не можетъ любить того, чья фигура казалась ей смѣшною или непріятною. Кто не показываетъ желанія нравиться ей, значитъ не оказываетъ уваженія къ женщинѣ и къ ея самолюбію.

Посторонніе и свои не должны забывать этого.

Мужья тѣмъ болѣе, потому-что отъ этого зависятъ самые важные ихъ интересы.

Онъ не понялъ этого, какъ не понимаютъ многіе мужья.

Холостые, они употребляютъ всѣ возможныя средства, чтобы нравиться, но когда женятся, думаютъ, что достигнувъ цѣли, не для чего болѣе насиловать себя; напротивъ, рѣшаясь находить впередъ счастіе въ предѣлахъ семейнаго быта, надо приложить еще болѣе стараній нравиться женщинѣ, чтобы не вдругъ потерять любовь и упрочить счастіе.

Другая ошибка моего пріятеля состояла въ томъ, что женясь, онъ около двухъ лѣтъ жилъ съ нею въ деревнѣ, въ совершенномъ уединеніи. Такъ-какъ она ему замѣняла всякое общество, и ему не нужно было другого, онъ думалъ, что и ей достаточно его одного. Молодая женщина любитъ жить въ обществѣ, потому-что съ женитьбою у ней не можетъ пропасть желаніе нравиться—необходимое достоинство женщинъ, проявляющееся даже въ дѣтскихъ лѣтахъ.

Быть у ней постоянно на глазахъ и быть ея единственнымъ обществомъ — самое вѣрное средство надоѣсть.

Я думаю даже, что если бы соединить Петрарку и Лауру и, поставя ихъ во взаимномъ созерцаніи, уединить отъ всякаго другого общества, они скоро бы стали несносны другъ другу.

Но какъ бы то ни было, а Д.... жилъ съ своей женой очень хорошо и благополучно.

Прійдя изъ маскарада домой, я разсудилъ вотъ какимъ образомъ: для очищенія и успокоенія совѣсти, я долженъ непремѣнно итти на-дняхъ къ нимъ. Если она мнѣ ничего не будетъ говорить про нашу маскарадную встрѣчу, значитъ она желаетъ продолжать мистификацію, и мнѣ, кажется, неучтиво сказать,

что я узналъ ее. Если же она мнѣ признается сама, то дѣло само собою и очень просто кончится.

Такъ я и сдѣлалъ. Я провелъ у нихъ цѣлый вечеръ, нарочно заговаривалъ о маскарадѣ, но она ни однимъ словомъ не намекнула мнѣ о нашей встрѣчѣ. Разъ только я замѣтилъ у ней лукавую улыбку.

Я поступилъ какъ слѣдуетъ, думалъ я, уходя отъ нихъ: — я сдѣлалъ авансы къ объясненію; она не хотѣла его, значитъ она желаетъ продолжать интриговать меня. Неужели я положу оружіе?

И, признаться ли тебѣ, я внутренно радовался, что никакого объясненія не послѣдовало. Замѣть, пожалуйста, какъ я *рѣшительно* дѣйствовалъ тогда для успокоенія тревожащей меня совѣсти. Не смѣшно ли? какое твердое убѣжденіе въ своемъ правѣ!!

Въ слѣдующій маскарадъ, который былъ въ театрѣ, я отправился довольно рано. Долго ходилъ я въ ожиданіи по заламъ и коридорамъ, искалъ ее глазами, убѣжденный, что непремѣнно долженъ узнать ее.

Наконецъ, въ одномъ изъ угловъ залы, она схватила меня за руку.

— Здравствуй, сказала она. — Я тебя ищу давно. Гдѣ ты скрываешься? Или опять созерцаешь что-нибудь?

— Я уже отчаялся видѣть тебя сегодня, отвѣчалъ я, пожимая ея руку. — Знаешь ли, милая маска, я также обрадовался увидавъ тебя, какъ-будто бы встрѣтилъ кого-нибудь очень близкаго и давно знакомаго, послѣ долгой разлуки. А наше знакомство, кажется не изъ давнихъ, и.... и къ несчастію несмѣю сказать, чтобы изъ близкихъ.

— Ну, чтожь? сказала она: — какъ-то ты растолкуешь себѣ то, что я опять тебя преслѣдую сегодня. Какая причина меня заставляетъ это дѣлать? Самолюбіе не шепчетъ ли внутри тебя, что ты сильно заинтересовалъ меня?

— Я не избалованъ судьбою, отвѣчалъ я: — и не привыкъ внимать голосу самолюбія. Твое объясненіе въ прошедшемъ маскарадѣ я принялъ за чистую монету.

— И очень хорошо сдѣлалъ, отвѣчала она съ нѣкоторымъ нетерпѣніемъ. Терпѣть не могу людей, которые думаютъ о себѣ много.

— Знаешь ли, что̀ мнѣ пришло теперь въ голову! сказалъ я. — Мужчины въ маскарадѣ играютъ самую жалкую роль. Мы здѣсь совершенныя игрушки, съ которыми вы дѣлаете что̀ хотите. Вотъ ты говоришь, что меня знаешь. Я долженъ согласиться, по-крайней-мѣрѣ, что ты обо мнѣ слышала, потому-что ты разсказываешь мнѣ такія вещи, которыя извѣстны только мнѣ близкимъ; наконецъ ты меня видишь; а я вотъ второй вечеръ провожу съ тобою и не имѣю объ тебѣ рѣшительно никакого понятія; я знаю тебя только потому, что вижу. Вы во зло употребляете здѣсь свободу, чтобы мучить насъ; это похоже на возмездіе за то, что вы не вполнѣ пользуетесь ею во вседневной жизни. Я незнаю, какъ это потеряно имя того, кто первый придумалъ маскарады; по-крайней-мѣрѣ я его не знаю. Вы бы должны были позаботиться объ этомъ. Вы ему обязаны вѣчною благодарностью за эту тѣнь свободы, которой онъ далъ вамъ случай пользоваться.

— Неужели же ты завидуешь этимъ нѣсколькимъ часамъ свободы? сказала она: — не стыдно ли!

— Нѣтъ, милая маска, я ей нисколько не завидую и не хочу посягать на нее. Я ревностно желалъ бы расширить кругъ ея для васъ и въ обыкновенной жизни. Знаешь ли, маска, когда я еще учился, мнѣ разъ задали сдѣлать сочиненіе «О Петрѣ Великомъ». Говоря о его многочисленныхъ заслугахъ, какъ ты думаешь, на какую изъ нихъ я преимущественно обратилъ вниманіе? Это на то, что онъ позаботился о женщинахъ, что онъ ввелъ ихъ въ общество, сдѣлалъ ихъ членами его, тогда-какъ онѣ до него было только матерями этихъ членовъ. Видишь ли ты, какъ я рано принималъ къ сердцу ваши интересы, какъ я рано былъ ревностнымъ адвокатомъ правъ вашихъ.

— Это очень похвально, отвѣчала она улыбаясь. — Значитъ въ тебѣ не принялись сѣмена себялюбія и эгоизма.

— Все это я говорилъ для того, продолжалъ я: — чтобы доказать тебѣ, что я самый любящій и самый преданный вамъ и вашимъ интересамъ человѣкъ, какъ я тебѣ и говорилъ это прошлый разъ. Да что̀ пользы! гдѣ награда! Нѣтъ, на ловца-то звѣрь и не бѣжитъ!

— Немудрено, отвѣчала она смѣясь: — ловецъ хочетъ, чтобы звѣрь набѣжалъ на него, когда онъ самъ расхаживаетъ по открытому полю.

— Ловецъ боится углубиться въ лѣсъ, отвѣчалъ я: — чтобы не заблудиться. Тропинки такія узкія, извилистыя....

— Нѣтъ, въ-самомъ-дѣлѣ, продолжалъ я, перемѣняя шутливый тонъ на серьёзный: — дай мнѣ совѣтъ, научи меня, что̀ дѣлать. Тоска страшная, въ душѣ царствуетъ такая ненаполняемая пустота. Право, бываютъ иногда такія ужасныя минуты, когда взглянешь назадъ, когда не видишь вдали исхода изъ этого грустнаго положенія.... что̀ дѣлать! Читать тоже мнѣ надоѣдаетъ. Всѣ любятъ, всѣ живутъ. Вездѣ любовь играетъ такую важную роль. Для меня только она не имѣетъ никакого дѣйствительнаго значенія....

— Ты думаешь, что только у тебя бываютъ такія минуты? сказала она, прерывая меня.

— Нѣтъ, но онѣ происходятъ отъ другихъ причинъ. У меня онѣ слѣдствіе страшной пустоты душевной, отсутствія всякой внутренней дѣятельности, всякихъ внутреннихъ интересовъ. Тоска неопредѣленная, неясная, повѣрь мнѣ, самая томительная, самая ужасная.

— Одни отъ недостатка этой дѣятельности, другіе отъ избытка, замѣтила она.

— Да, но отъ избытка все-таки легче. Я не идеалистъ. Всѣ свои идеалы я отложилъ въ сторону, видя ихъ несбыточность. Я не ищу и не надѣюсь на вѣчную и неизмѣнную любовь, въ жизни уединенной, въ жизни вдвоемъ, въ постоянномъ довольствѣ другъ другомъ. Но я былъ бы счастливъ, если бы могъ быть въ близкихъ отношеніяхъ съ женщиной, которая бы мнѣ нравилась и которой бы я нравился. Я бы съумѣлъ любить ее. Я бы готовъ былъ сдѣлать для нея все то, что̀ въ состояніи были бы сдѣлать и люди, обрекшіе себя вѣчной и неизмѣнной любви. Но я не связалъ бы ея ни какими условіями, ни какими обязательствами въ отношеніи ко мнѣ, и не надоѣдалъ бы ей никакими требованіями. Повѣрь мнѣ, что я бы поступалъ такъ, чтобы любовь моя не могла ей принести ничего другого, кромѣ удовольствія и даже счастія.

— Но возможно ли это?

Я началъ доказывать ей, что возможно; я много говорилъ и говорилъ съ большимъ одушевленіемъ... Особенность и новизна моего положенія въ этой охмѣляющей сферѣ, меня окружавшей, эти звуки музыки, безпрестанно раздававшіеся въ ушахъ

моихъ, заманчивый предметъ разговора съ такимъ интереснымъ для меня слушателемъ, вѣроятно имѣли на это вліяніе.

Къ тому же я чувствовалъ, что совѣсть шевелилась во мнѣ, что она смутно даетъ мнѣ знать, что я не добросовѣстно поступаю, и одушевленіе мое возрастало какъ-будто на зло, и для того, чтобы задушить ее.

— Все, что ты говоришь, отвѣчала она: — можетъ быть хорошо въ теоріи. Но въ приложеніяхъ въ дѣйствительной жизни сколько встрѣчается затрудненій. Что бы ты сказалъ, или по-крайней-мѣрѣ что бы ты подумалъ, если бы женщина, замѣтивъ, что она тебѣ нравится, явнымъ образомъ высказала или откровенно призналась тебѣ, что ты тоже ей нравишься.... что она непрочь быть съ тобою въ отношеніяхъ болѣе близкихъ.... что бы подумалъ ты? скажи, окончила она заторопившись.

— Я бы получилъ къ ней вдвое сильнѣйшее уваженіе, отвѣчалъ я. — Можно ли подумать дурно о женщинѣ, которая, замѣтивъ любовь мою и пренебрегая всѣми мелкими средствами, всѣми уловками обветшалаго и приторнаго кокетства, рѣшилась бы сказать мнѣ откровенно: я тоже люблю тебя, или: ты тоже мнѣ нравишься.

Нѣсколько времени мы шли молча по освѣщеннымъ заламъ.

Мнѣ казалось, что ей было досадно и ее безпокоило то, что мы зашли довольно далеко въ своихъ разговорахъ.

У меня на душѣ было тоже не совсѣмъ хорошо.

Я пригласилъ ее ужинать въ литерную ложу, которую предложилъ мнѣ одинъ знакомый, уѣзжавшій изъ маскарада. Она улыбаясь посмотрѣла на меня пристально, нѣсколько времени колебалась.

— Какой ты ребенокъ! сказалъ я.

Она согласилась.

Подали ужинъ, и мы остались вдвоемъ.

Я налилъ бокалъ и предложилъ тостъ: — Въ воспоминаніе того неизвѣстнаго изобрѣтателя маскарада, сказалъ я: — которому я обязанъ знакомствомъ съ тобою.

Она дотронулась губами до бокала.

— Отчего ты не пьешь? сказалъ я: — неужели боишься?

— Нѣтъ, отвѣчала она выпивъ: — пожалуй, если тебѣ такъ хочется. Я не понимаю, отчего вы, мужчины, нигдѣ и никогда не можете обойтись безъ вина и иногда находите даже удовольствіе напиваться.

— Бо́льшею частью, разумѣется, ужь не изъ пристрастія къ вину, повѣрь мнѣ. Все веселѣе какъ-то. Мы ищемъ забвенія, также какъ и тѣ, которые испытываютъ существенныя несчастія. Мы боимся заглянуть внутрь себя, вспомнить прошедшее, понять настоящее, хотя можетъ быть въ томъ и другомъ нѣтъ никакого осязаемаго несчастія. Но такъ бѣдно, такъ сухо, такъ пошло и это прошедшее и это настоящее, такъ умаляетъ и такъ унижаетъ оно наше значеніе въ собственныхъ глазахъ, что хочется забыться и убѣжать отъ холоднаго анализа.

По моему настоянію, она выпила еще бокалъ.

— Признайся, сказала она, спустя нѣсколько времени: — признайся что ты хитрилъ со мною, что много того, что́ ты говорилъ, было расчитано, а не чувствовалось.

Она угадала не совсѣмъ: я вмѣстѣ былъ искрененъ и фальшивилъ. Самъ не знаю, что́ перевѣшивало.

— Жалкое надо имѣть понятіе о моей хитрости, чтобы думать такъ, отвѣчалъ я. Судя по тому, какъ веденъ былъ разговоръ, было видно, что въ немъ нѣтъ никакого расчету, — или же я уже очень плохой хитрецъ. Если бы во мнѣ и было столько самонадѣянности, столько самолюбія, чтобы осмѣлится думать, что я могу заинтересовать тебя собою, я бы говорилъ не такъ. Помнишь ли мое мнѣніе о тѣхъ, которые наиболѣе выигрываютъ у женщинъ. Старался ли я выказаться предъ тобою подобнымъ человѣкомъ—любимцемъ счастія, обольстителемъ или побѣдителемъ! нѣтъ, напротивъ, я жаловался тебѣ на свою робость. То-то мое и горе; что нѣтъ у меня увѣренности въ собственномъ достоинствѣ, и потому я и боязливъ и нерѣшителенъ.

Я порывался продолжать разговоръ — и не могъ. Непреоборимая сила притягивала меня къ ней все ближе и ближе.

— Но мнѣ однако пора, сказала она вставая.

— Погоди, ради Бога, погоди, сказалъ я ей умоляющимъ голосомъ и посадилъ ее опять на диванъ: — еще рано.

— Что̀ мнѣ дѣлать? продолжалъ я: — какъ грустно мнѣ съ тобою разставаться. Мнѣ кажется, что ты для меня какъ будто родная!

И я почти искренно плача, припалъ къ ея рукѣ.

Мое лицо лежало на этой рукѣ, и крѣпко цаловалъ я ее и прикладывалъ къ горящимъ глазамъ.

Она дѣлала слабыя усилія, чтобы освободить ее. Потомъ мнѣ показалось, что она нагнулась; я сталъ ощущать щекотанье блондъ ея маски, потомъ прикосновеніе ея жаркихъ губъ къ моимъ волосамъ.... а они были тогда хороши, не то что теперь. Я страшно вздрогнулъ всѣмъ существомъ своимъ и забылъ все.

Что̀ я чувствовалъ, ты поймешь. Сердце мое стучало изъ всей мочи. Совѣсть забила въ груди страшную тревогу и силилась остановить меня, но мной овладѣла какая-то отчаянная сила и непреоборимое желаніе итти на зло, на-перекоръ ей.

Съ чѣмъ бы сравнить это? Вспомни, когда у тебя болитъ зубъ. Когда онъ мучительно ноетъ, такъ и хочется какъ-будто на-зло ему усилить эту боль—выдернуть или ударить его, или рѣзнуть щеку, только чтобы покончить порѣзче. Такъ и я неумолкаемый голосъ совѣсти хотѣлъ преобразить въ рѣзкій крикъ.

Я у ногъ ея. Мантилія свалилась съ нея. Какъ-то въ забытьи я обхватилъ ея голову, стараясь прижать къ моему лицу, неловко толкнулъ пружины маски — и маска упала.

Она страшно вскрикнула, сдѣлала движеніе, чтобы закрыть лицо руками, но не могла высвободить ихъ. Головка ея склонилась впередъ. Губы ея упали на мои....

Вдругъ она вздрогнула, вырвалась изъ моихъ рукъ и вскочила на ноги.

Какъ хороша была она тогда! Какую чудную, граціозную позу приняла она невольно! Сколько въ этой позѣ было и величія и тоски, и страха, и раскаянія.

По разгорѣвшемуся лицу ея въ безпорядкѣ скользили волны волосъ, выбившихся изъ-подъ капишона. Глаза ея, подернутые слезами, страшно блестѣли, полуоткрытыя губы шевелились и она вся дрожала.

— Вы меня узнали, говорила она съ невыразимою тоскою и съ силою проводя руками по своему лицу: — вы меня узнали. Что̀ я надѣлала.... я ничего не понимаю, я съ ума сошла!

И она бросилась къ двери. Я остановилъ ее за платье.

— Надѣньте маску, сказалъ я ей: — надѣньте маску.

Она повиновалась мнѣ какъ ребенокъ, вдругъ остановленный въ своихъ порывахъ, и въ изнеможеніи сѣла на диванъ.

Я бросился къ ея ногамъ.

— Ради Бога, говорилъ я ей: — не тревожьтесь.... простите меня.... и Богъ знаетъ что̀ говорилъ я ей еще!

Она сидѣла неподвижно какъ статуя и молчала. Я слышалъ только ея тяжелое дыханіе.

Потомъ она молча оттолкнула меня и молча выбѣжала въ коридоръ.

Я слѣдовалъ за нею въ самомъ жалкомъ состояніи духа.

Она быстро прошла по коридорамъ и спустилась къ подъѣзду. Покамѣстъ человѣкъ пошелъ за каретой, я стоялъ возлѣ нея какъ преступникъ. Подавая ей салопъ, я замѣтилъ, что она все еще дрожала.

— Ради Бога, сказала она тихимъ голосомъ, уходя: — приходите ко мнѣ завтра, часу во второмъ. Мнѣ надо поговорить съ вами. Приходите же непремѣнно, прошу васъ.

Я хотѣлъ найти ея руку, но она увернулась.

IV.

Какъ она провела ночь, не знаю, — можетъ быть въ раскаяніи, въ слезахъ.

Я же провелъ ее очень непокойно.

Когда я пріѣхалъ домой, мной овладѣла страшная тоска. Совѣсть запѣла свои пуританскія пѣсни. И стало мнѣ досадно на свою слабость, стало мнѣ обидно, что я увлекся до того, что пожертвовалъ уваженіемъ къ себѣ, и чувствуя что поступалъ недобросовѣстно, поколебалъ вѣру въ твердость, съ которою всегда надѣялся быть вѣрнымъ начертаннымъ себѣ правиламъ.

Потомъ я представилъ себѣ всю неловкость ожидаемаго объясненія. А я зналъ, совершенно зналъ, въ чемъ будетъ состоять оно.

Въ эту ночь сонъ мой былъ самый тревожный, — и сколько испыталъ я муки попустому! Утро подняло меня въ весьма непріятномъ расположеніи духа.

Я приготовлялся къ объясненію. Я представлялъ себѣ то, что̀ будетъ говорено ею, и заранѣе составлялъ отвѣты, которые бы какъ можно ловче должны были оправдать въ глазахъ ея вчерашнюю сцену.

Но когда я подходилъ къ дверямъ ея комнаты, признаюсь, у меня сильно забилось сердце, я растерялся — и все забылъ.

Она сидѣла на диванѣ и, казалось, что-то читала. Я поклонился ей очень неловко и сѣлъ.

Съ минуту длилось молчаніе. Мое положеніе было самое жалкое, да и ея едва ли легче. Я мелькомъ взглянулъ на нее. Краска покрыла лице ея. Губы какъ-то судорожно вздрагивали. Потупивъ глаза, она съ нетерпѣніемъ щипала кружева своего платка, а грудь ея высоко поднималось. Мнѣ грустно было видѣть ея болѣзненное волненіе и чувствовать, что причиною его я. Нѣсколько разъ раскрывалъ я ротъ, чтобы начать разговоръ, но никакъ не могъ найти никакого приличнаго начала. Въ смущеніи я повернулъ глаза къ окошку. Яркій лучъ солнца падалъ съ него на пестрый коверъ.

Я ухватился за этотъ лучъ, ужь подлинно какъ, говорятъ, утопающій хватается за соломенку.

Несмотря на то, что я самъ, и неоднократно, какъ и вы всѣ смѣялся надъ тѣми милыми и смѣлыми любезниками, которые начинаютъ разговоръ съ погоды, несмотря на это все, — я началъ такъ:

— Какой прекрасный, веселый день сегодня, хотя и очень морозно....

Я остановился; мнѣ стало совѣстно продолжать дальше.

— Да, отвѣчала она едва внятно и поднявъ на меня глаза.

— Послушайте, продолжала она въ сильномъ волненіи: — послушайте.... Я не могу, право, вспомнить, не могу начать.... Послѣ вчерашней сцены, что̀ вы должны обо мнѣ думать, что̀ вы....

Голосъ ея прерывался и дрожалъ; она почти задыхалась.

А въ глазахъ ея было столько страданія, столько болѣзненнаго блеска, что я не могъ выдержать и прервалъ ее.

— Ради Бога, сказалъ я ей съ видимымъ и искреннимъ участіемъ: — ради Бога, успокойтесь и не обвиняйте нисколько себя. Вся вина на моей сторонѣ. Прежде всего простите меня за то, что я причиною этого разговора; простите меня за мою

слабость. Мгновенное увлеченіе.... Нѣтъ, я не такъ глупо самолюбивъ, чтобы понимать это иначе!

— Нѣтъ, нѣтъ, сказала она: — я знаю вину свою. Но вы должны выслушать по-крайней-мѣрѣ, какимъ образомъ все это случилось. Вы знаете, что мужъ мой васъ очень любитъ. Онъ видѣлъ въ васъ всегда нѣчто непохожее на другихъ. Онъ говорилъ мнѣ, что вашъ характеръ съ первыхъ лѣтъ отличался какою-то гордостью и твердостью, не допускавшей васъ покоряться слабостямъ, свойственнымъ молодымъ людямъ вашихъ лѣтъ, что въ жизни вашей вы пренебрегаете мелкими и пустыми наслажденіями и ищите серьёзныхъ и сильныхъ ощущеній, съ какою-то непреклонною настойчивостью. Отчасти я замѣтила это и сама изъ разговоровъ, разумѣется не маскарадныхъ. Понялъ ли онъ васъ, или нѣтъ, продолжала она, замѣтивъ мое желаніе говорить: — это уже другой вопросъ. Я случайно встрѣтила васъ въ первомъ маскарадѣ; вы не узнали меня, я разсказала объ этомъ мужу, и онъ совѣтовалъ мнѣ продолжать интриговать васъ. Я такъ и сдѣлала. Но подъ конецъ вчерашняго маскарада мнѣ пришло на мысль съиграть съ вами, сознаюсь, злую шутку. Я знала, гдѣ вы живете, и потому хотѣла предложить завезти васъ. Но втайнѣ я хотѣла привезти васъ къ нашему подъѣзду и тамъ, открывшись вамъ, посмѣяться надъ вашимъ смущеніемъ и даже просить васъ проводить меня до верху и зайти къ мужу, который уѣхалъ изъ маскарада за нѣсколько минутъ до меня. Но вы видите теперь, какъ я горько наказана.... Я слишкомъ понадѣялась на себя. Оружіе мое обратилось противъ меня. Желая только, и безъ злобы, посмѣяться надъ вами, что̀ я надѣлала! Вы должны презирать меня и смѣяться надо мною. И въ глазахъ вашихъ я терплю все невыносимое униженіе этого необходимаго объясненія.

Слезы полились изъ глазъ ея.

— Забудьте все это, сказалъ я, самъ въ сильномъ волненіи, потому-что совѣсть болѣзненно шевелилась внутри меня. — Представьте, что все это было непріятнымъ сномъ. Я отъ души прощаю вамъ ваше не доброенамѣреніе, а вы, вы, въ-замѣнъ, простите мнѣ огорченіе, которое я нанесъ вамъ; я имѣю нужду въ прощеніи. Эти слезы будутъ мнѣ всегдашнимъ упрекомъ, въ томъ, что я причиною ихъ. Воспоминанія о вчерашней сценѣ для васъ горьки, я согласенъ; но, ради Бога, не дѣлайте ихъ для меня нестерпимыми.

— Перестаньте, отвѣчала она: — въ томъ, что все это останется между нами, я увѣрена. Я вѣрю вамъ, вѣрю вашему благородству, сама не отдавая въ этомъ себѣ яснаго отчета. Но успокойте меня: скажите мнѣ откровенно, по совѣсти, безъ жалости, перемѣнили ли вы обо мнѣ мнѣніе, думаете ли вы обо мнѣ дурно? Я этого быть можетъ заслужила.

И, когда она говорила это, въ голосѣ ея было столько горькаго смиренія, что я невольно протянулъ къ ней руку.

— Я васъ уважаю, я васъ люблю.... люблю какъ сестру, отвѣчалъ я.

Она подала мнѣ руку; я съ жаромъ поцаловалъ ее. Мы разстались друзьями.

— Знаешь, и теперь, когда вспомню всѣ слова, всѣ обстоятельства этого сильно чувствительнаго объясненія, мнѣ становится и жалко и смѣшно....

ИППОЛИТЪ П — — ВЪ.

ПРИЗНАНІЯ ЛАМАРТИНА.

КНИГА XI.

1.

Въ 1814 году я вступилъ въ военную службу Людовика XVIII-го, подобно всѣмъ молодымъ людямъ моего возраста, семейства которыхъ были по преданію привязаны къ старой монархіи. Я находился въ одномъ изъ корпусовъ гвардіи, которой суждено было итти противъ Бонапарте въ Неверъ, потомъ въ Фонтенбло, и защищать наконецъ Парижъ отъ нашествія солдатъ съ острова Эльбы, вмѣстѣ съ національною гвардіею и молодыми воспитанниками школъ, добровольно ставшими въ ряды. Пятнадцать лѣтъ сряду исторію постыднымъ образомъ заставляютъ лгать, повѣствуя о мнимо-тріумфальномъ возвращеніи Наполеона въ Парижъ, при рукоплесканіяхъ цѣлой Франціи. Всѣ условились разсказывать это событіе такъ, а не иначе, но это не мѣшаетъ разсказу быть грубою ложью.

Франція, изумленная и озадаченная, была завоевана преданіемъ славы, устрашившимъ народъ; она вовсе не возставала пробужденная фанатическою привязанностью къ имперіи. Фанатизмъ этотъ существовалъ только въ войскѣ, ито только въ низшихъ слояхъ его. Франція утомилась сражаться за одного человѣка. Въ лицѣ Людовика XVIII она привѣтствовала короля не

контръ-революціи, но свободной конституціи. Прерванное движеніе революціи 1789 года снова начиналось съ паденіемъ имперіи.

Вся Франція, т. е. Франція, которая мыслитъ, а не та, которая кричитъ, чувствовала очень ясно, что съ возвращеніемъ Бонапарте возвращается тираннія и военный деспотизмъ. Она ужасалась ихъ. Двадцатое марта было вооруженнымъ заговоромъ, а не народнымъ движеніемъ. Первою мыслью народа было возстать противъ дерзости человѣка, давившаго націю всею тяжестью героя. Не будь во Франціи организованнаго войска, готоваго стать подъ императорскіе орлы, императору никогда не бывать бы въ Парижѣ. Армія покорила націю, забыла все ради одного человѣка; вотъ истина. Человѣкъ этотъ былъ великій полководецъ; онъ пятнадцать лѣтъ командовалъ этимъ войскомъ; онъ былъ въ его глазахъ олицетвореніемъ славы и имперіи; вотъ что́ извиняетъ его. Тогда я въ первый разъ почувствовалъ глубокій упадокъ духа въ людяхъ. На одной недѣлѣ я видѣлъ Францію, готовую возстать какъ одинъ человѣкъ противъ Бонапарте, и Францію, лежащую у ногъ того же Бонапарте. Я зналъ, что покорность эта была не добровольная и поклоненіе не чистосердечно; я понялъ, что и величайшія націи не всегда ведутъ себя геройски. Съ этого дня я отчаялся во всемогуществѣ убѣжденія, и *plus quod decet* увѣровалъ въ могущество штыка. Это было мое первое политическое разочарованіе. Двадцатое марта и шаткость націи, отступившей предъ нѣсколькими полками, легли мнѣ камнемъ на сердце. Исторія скрыла порабощеніе подъ вымышленнымъ энтузіазмомъ. Но есть исторія правдивѣе той, которую пишутъ изъ лести передъ своимъ вѣкомъ; она заговоритъ не то, что́ говорили возжигатели ѳиміама передъ великимъ народомъ и великимъ воиномъ. Имперія ждетъ своего Тацита. До тѣхъ поръ пусть-себѣ лжетъ въ мирѣ эта исторія безъ совѣсти, эти Тациты, вѣчно оправдывающіе удачу.

2.

Мы оставили Парижъ въ ночь передъ прибытіемъ Бонапарте. Столица была въ волненіи. На всѣхъ улицахъ, на всѣхъ бульварахъ, во всѣхъ предмѣстіяхъ и деревняхъ, гдѣ мы ни

проходили, народъ тѣснился къ намъ и осыпалъ насъ благословеніями. Граждане выходили за ворота и со слезами предлагали намъ хлѣба и вина. Они жали намъ руки, проклинали преторіанцевъ, низвергнувшихъ едва возстановленный миръ и порядокъ. Вотъ что̀ я видѣлъ и слышалъ по дорогѣ отъ площади Людовика XV-го вплоть до бельгійской границы.

И такъ говорили не только роялисты, приверженцы Бурбоновъ, но еще болѣе друзья революціи.

При звукахъ проклятій и рыданій, дошли мы до Бетюна, маленькой крѣпостцы въ двухъ миляхъ отъ бельгійской границы. Нами командовалъ маршалъ Мармонъ. Графъ д'Артуа и герцогъ Беррійскій, сынъ его, были съ нами. Король разстался съ нами въ Аррасѣ и отправился по дорогѣ въ Лилль. Тамошній гарнизонъ былъ расположенъ не въ его пользу, и черезъ нѣсколько часовъ онъ уѣхалъ въ Бельгію.

Получивши это извѣстіе, графъ д'Артуа, маршалъ Мармонъ и конные гренадеры королевской гвардіи выступили изъ Бетюна, чтобы перейти вслѣдъ за королемъ черезъ границу. Нѣсколько отрядовъ легкой кавалеріи и мушкатеровъ остались для защиты города. Вечеромъ насъ собрали на плацъ-парадѣ; намъ прочитали прокламацію, въ которой принцы благодарили насъ за вѣрность; прощаясь съ нами, они говорили, что мы освобождены отъ данной имъ присяги и можемъ разойтись по домамъ или слѣдовать за королемъ въ чужую землю.

Во время чтенія этой прокламаціи всюду образовались группы. Мы разсуждали, на что рѣшиться, чего требуютъ отъ насъ честь и отечество. Одни говорили, что должно итти за королемъ, другіе совѣтовали возвратиться въ ряды націи и ждать случая вступиться за дѣло проигранное, но все-таки правое. Партія самая горячая и самая многочисленная предлагала итти съ распущенными знаменами въ Бельгію и приковать судьбу нашу къ стопамъ короля, котораго мы клялись защищать. Говорили съ одушевленіемъ, съ военнымъ краснорѣчіемъ, сопровождаемымъ рѣзкими жестами и звукомъ сабель. Тогда я въ первый разъ говорилъ публично. Любимый товарищами и пользовавшійся, несмотря на мою молодость, нѣкоторымъ вліяніемъ, я сталъ, по просьбѣ друзей, на ось багажнаго ящика и отвѣчалъ мушкатеру, сильно разшевелившему умы рѣчью въ пользу эмиграціи.

Я былъ врагомъ Бонапарте и приверженцемъ реставраціи не хуже кого другого, но принадлежалъ къ фамиліи, никогда не отрывавшейся отъ родимой почвы и вѣровавшей въ права отечества и престола. Отецъ и дяди мои принадлежали къ поколѣнію Французскихъ дворянъ, жившему въ селахъ и лагеряхъ, вдали отъ двора, и ненавидѣвшему злоупотребленія; они были друзьями Мирабо и первыхъ поборниковъ конституціи, врагами преступленій революціи, твердыми приверженцами ея принциповъ. Никто изъ нихъ не эмигрировалъ. Кобленцъ былъ въ ихъ глазахъ глупостью и проступкомъ. Они предпочли роль жертвъ революціи роли помощниковъ иноземнаго врага. Я взросъ въ этихъ идеяхъ, онѣ перешли въ мою кровь. Политическія мнѣнія человѣка въ крови его.

Я изложилъ мои взгляды откровенно и энергически. Я подкрѣпилъ ихъ нѣсколькими мыслями, которыя могли сдѣлать благопріятное впечатлѣніе на нерѣшительныхъ.

Я сказалъ между прочимъ, что долгъ и здравая политика запрещаютъ намъ выйти вслѣдъ за королемъ изъ предѣловъ Франціи, — что до сихъ поръ мы шли за нимъ, повинуясь долгу вѣрности и дисциплины, но что еще шагъ дальше — и мы отречемся отъ своей народности, приготовивъ себѣ въ будущемъ минуты раскаянія и угрызеній совѣсти, — что я не перейду заграницу и, не осуждая защитниковъ противнаго мнѣнія, приглашаю стать на мою сторону тѣхъ, которые раздѣляютъ мои взгляды.

Слова мои сдѣлали сильное впечатлѣніе, и масса откликнулась противъ эмиграціи. Оставшіеся при мысли слѣдовать за королемъ сѣли на лошадей и выѣхали изъ города. Мы заперлись въ Бетюнѣ, окруженные войскомъ, посланнымъ отъ императора для наблюденія за отъѣздомъ короля. Принужденные, за отсутствіемъ начальниковъ, командовать сами собою, мы разставили нѣсколько карауловъ у главнѣйшихъ воротъ и день и ночь ходили патрулями по укрѣпленіямъ. Я три дня и три ночи пробылъ въ караульнѣ у лилльскихъ воротъ съ однимъ изъ пріятелей моихъ, Вожеласомъ, отличившимся впослѣдствіи времени на политическомъ поприщѣ. На четвертый день мы сдались на конституцію. Отпущенные королемъ, мы вторично были распущены генераломъ арміи Бонапарте, вступившимъ въ Бетюнь,

Намъ предоставили полную свободу разойтись по домамъ. Только въ Парижъ запрещено намъ было являться.

Я однако же проскользнулъ въ него, приказавши прислать себѣ въ Сенъ-Дени городское платье и кабріолетъ. Въ Парижѣ я провелъ нѣсколько дней, изучая расположеніе умовъ и наблюдая собственными глазами за духомъ юношества и народа. Я видѣлъ императора на смотру на Карусельской площади. Надо было смотрѣть сквозь призму славы и чадъ фанатизма, чтобы видѣть въ наружности его, въ эту эпоху, идеалъ той разумной красоты и того врожденнаго царственнаго величія, какія придавали ей потомъ въ бронзѣ и мраморѣ. Голова его уходила въ плечи. Щоки, блѣдныя и полныя, выступали за тѣсный воротникъ мундира. Жолтый цвѣтъ лица говорилъ о бремени заботъ, морщины на лбу — о затруднительности его положенія. Впадшіе глаза съ безпокойствомъ оглядывали народъ и войско. Прекрасно обрисованныя губы его механически улыбались толпѣ, но мысль очевидно была далеко. По всему было замѣтно, что онъ ощупываетъ престолъ и судьбу свою. Онъ не зналъ, какъ понять свое вшествіе въ Парижъ: удача ли это, или ловушка, поставленная ему фортуной? Войска, проходя мимо него, кричали *vive l'empereur!* голосомъ отчаянья. Жители предмѣстій повторяли ихъ слова больше съ угрозой, нежели съ энтузіазмомъ. Зрители молчали или перешептывались и перемигивались. Легко было увидѣть, что ненависть подстерегаетъ паденіе Бонапарте среди самого торжества его силы. Полиція вглядывалась въ выраженіе лицъ.

Я выѣхалъ изъ Парижа съ предчувствіемъ скораго паденія Бонапарте.

3.

Когда я возвратился домой, посыпались декреты о новыхъ наборахъ и нарушили спокойствіе моего отца. Я долженъ былъ или самъ вступить въ ряды солдатъ, или нанять за себя другого. Я не хотѣлъ ни того, ни другого. Я объявилъ отцу моему, что скорѣе дамъ разстрѣлять себя по приказанію Бонапарте, нежели пожертвую хоть каплею своей или чужой крови за поддержаніе того, что я называлъ тираннiей. Я чувствовалъ, что объявить

это гласно и рѣшительно, значитъ компрометировать отца, и потому положилъ удалиться.

Швейцарія была землею нейтральною. Я взялъ у матушки нѣсколько луидоровъ и отправился однажды ночью къ Альпамъ, безъ паспорта.

4.

Дѣдъ мой владѣлъ большими помѣстьями въ Франшъ-Комте, между Сентъ Клодомъ и границею Валлиса. Помѣстья эти не принадлежали уже намъ, но ихъ пріобрѣли старинные повѣренные нашей фамиліи, которымъ имя мое было не неизвѣстно. Я благополучно добрался до мѣста ихъ жительства, на опушкѣ сосновыхъ лѣсовъ, растущихъ на землѣ Франціи и Швейцаріи. Они приняли меня какъ внука бывшаго владѣльца этихъ лѣсовъ. Они скрывали меня у себя нѣсколько дней. У нихъ оставилъ я мой городской костюмъ. Я занялъ у одного изъ ихъ сыновей полотняную рубаху, какія носятъ поселяне въ Комте, и съ ружьемъ на плечѣ прошелъ въ Швейцарію мимо ведетовъ и таможенной стражи, принявшихъ меня за охотника изъ окрестностей. На вершинѣ Сенъ Серга, откуда взоръ обнимаетъ Женевское озеро, оправленное въ гигантское кольцо горъ, я съ восторгомъ поцаловалъ землю — мое прибѣжище.

5.

У меня не было ни писемъ, ни кредита, ни рекомендацій, ни бумагъ, которыя ввели бы меня въ какой-нибудь домъ въ Швейцаріи. Федеральная полиція могла принять меня за одного изъ многочисленныхъ шпіоновъ, посылаемыхъ императоромъ въ кантоны, чтобы клонить мнѣнія въ его пользу и возмущать страну противъ слабыхъ остатковъ бернской аристократіи. Надо было ощупью сыскать семейство, которое поручилось бы за меня. Я вошелъ въ Сенъ Сергѣ въ жилище одного изъ проводниковъ, которые проводятъ иностранцевъ изъ Франціи въ Швейцарію по горнымъ тропинкамъ. Я попросилъ у него ночлега. За ужиномъ я распросилъ его о главнѣйшихъ семействахъ Валлиса, къ которымъ онъ чаще всего отводитъ путешественниковъ. Онъ

назвалъ мнѣ госпожу Стаэль, многочисленные и знаменитые друзья которой часто останавливались у него при переходѣ через границу. Извѣстно, что Коппетъ былъ убѣжищемъ очень многихъ въ продолженіи десяти лѣтъ неимѣвшихъ иного покровителя, кромѣ генія женщины. Онъ назвалъ мнѣ и барона де Венси, служившаго когда-то во Франціи офицеромъ швейцарской гвардіи. Онъ показалъ мнѣ его зàмокъ, бѣлѣвшій въ нѣсколькихъ лье у подошвы горъ. Онъ указалъ мнѣ къ нему дорогу, и я рѣшился итти туда.

6.

На другой день, на разсвѣтѣ, я сошелъ къ озеру со стороны Ніона. Это было въ маѣ; небо было чисто, и на блестящемъ озерѣ кое-гдѣ мелькали бѣлые паруса. Со стороны Мельерэ въ немъ отражались горы съ ихъ скалами, лѣсами и снѣгами. Я упивался этими видами, которые нѣсколько лѣтъ тому назадъ только мелькнули передо мной вдали. Я останавливался на каждомъ поворотѣ схода, садился у каждаго ключа, въ тѣни роскошнѣйшихъ каштановъ, и поглощалъ, такъ сказать, глазами эту роскошную природу. Кромѣ того, я невольно медлилъ явиться въ Венси. Я отдалялъ минуту затруднительнаго объясненія.

7.

Наконецъ я дошелъ до ограды зàмка. Было уже за полдень. Притворяясь смѣлымъ, но внутренно робѣя, спросилъ я: дома ли баронъ де Венси? Мнѣ отвѣчали, что дома, и я вошелъ. Лицо мое ладило съ крестьянскимъ костюмомъ такъ плохо, что баронъ пригласилъ меня сѣсть и спросилъ, чтò меня къ нему привело. Я объяснился. Онъ выслушалъ меня ласково, сдѣлалъ нѣсколько вопросовъ, желая увѣриться, что я не бродяга, остался, казалось, доволенъ, и далъ мнѣ письмо къ одному изъ бернскихъ начальниковъ. Я вышелъ, поблагодаривши его отъ всего сердца.

Въ ту самую минуту, когда я прощался съ нимъ на крыльцѣ, двѣ женщины появились на лѣстницѣ и сошли въ сѣни.

Одна изъ нихъ была баронесса де Венси, женщина лѣтъ сорока, высокая ростомъ, величественная, съ лицомъ кроткимъ,

спокойнымъ, подернутымъ печалью, въ родѣ древней Ніобеи. Другая была дѣвушка лѣтъ пятнадцати или шестнадцати, гораздо меньше своей матери; задумчивая физіономія ея говорила, что это растеніе сѣвера, растущее въ тѣни холоднаго климата и можетъ быть какой-нибудь домашней невзгоды. Дамы остановились послушать послѣднія слова разговора моего съ барономъ. Онѣ посмотрѣли на меня внимательно и нѣсколько минутъ слѣдили за мною глазами съ крыльца. Въ позѣ ихъ выражались нерѣшительность и сожалѣніе.

Я удалился отъ зàмка и былъ уже въ улицахъ села, когда меня догналъ слуга и попросилъ отъ имени г-жи де Венси воротиться. На крыльцѣ ждали меня баронъ, жена его и сынъ лѣтъ десяти или двѣнадцати.

— Намъ васъ жаль, сказала мнѣ г-жа де Венси нѣжнымъ голосомъ матери: — мы подумали, что вы здѣсь чужой, устали съ долгой дороги и не найдете въ селѣ порядочной гостинницы для отдыха. Остановитесь у насъ и отобѣдайте съ нами. Мы сейчасъ садимся за столъ. Въ Ролль вы поспѣете еще къ вечеру.

Я отказался было, ссылаясь на мой костюмъ, но они настаивали, и я согласился. Обѣдъ былъ простъ и умѣренъ; мы сидѣли въ залѣ, свидѣтельствовавшей о прошедшемъ великолѣпіи павшей фамиліи. Баронъ и баронесса старались увѣриться въ разговорѣ со мною, что я дѣйствительно то, за что себя выдаю. Фамилія моя была имъ неизвѣстна; но въ Парижѣ я видѣлся съ нѣкоторыми изъ ихъ знакомыхъ. Подробности, которыя я сообщилъ о нихъ, доказали, что я принадлежу къ порядочному обществу. Инстинктивная ненависть моя къ Бонапарте тоже говорила въ мою пользу. Къ концу обѣда въ нихъ очевидно не осталось и тѣни сомнѣнія на мой счетъ. Прямой взглядъ мой, ясное лицо и простые отвѣты убѣдили ихъ въ истинѣ всего мною сказаннаго. Послѣ обѣда я поблагодарилъ г-жу де Венси, взялъ свою палку и хотѣлъ итти. Дамы пожелали проводить меня до дорогѣ въ Ролль. Онѣ прошли со мною черезъ виноградники и лѣсъ около полулье. Вечерѣло; мы разстались.

Но едва сдѣлалъ я нѣсколько шаговъ, какъ меня кликнули назадъ. Я воротился.

— Нечего испытывать васъ дольше, сказала г-жа де Венси: — намъ непріятно было бы предоставить васъ, одного на чужбинѣ, на произволъ судьбы. Мы, кажется, понравились другъ

другу; не будемъ же разлучаться. Воображаю себя на мѣстѣ вашей матери; у меня тоже есть сынъ вашихъ лѣтъ, который сражается теперь въ голландской арміи; можетъ быть онъ раненъ, взятъ въ плѣнъ или странствуетъ подобно вамъ. Мнѣ кажется, что, пріютивши васъ, я приговляю и ему убѣжище въ чьемъ-нибудь домѣ. Пойдемте съ нами. Мы раззорились, столъ у насъ плохой, но мы этого не стыдимся. Лишній гость не несчастье для бѣдныхъ. Удовольствуйтесь, чѣмъ Богъ послалъ, и оставайтесь у насъ, пока дѣла Европы не разъяснятся, и пока за горами не станетъ свѣтло.

Я былъ глубоко тронутъ такою добротою. Я возвратился въ за̀мокъ, какъ домой. Мнѣ отвели комнату, изъ которой видно было озеро, и дали для развлеченія книгъ. Черезъ нѣсколько дней г-жа де Венси и дочь ея не обращали уже на меня вниманія. Я былъ какъ-будто сыномъ одной и братомъ другой. Каждый вечеръ я сопутствовалъ имъ на прогулкѣ въ горы или по озеру. Я послалъ въ Женеву купить платье и нѣсколько бѣлья. Меня представили кое-кому изъ сосѣдей, знакомыхъ барона. Дамы, замѣтивши, что я часто пишу, попросили меня сообщить имъ что-нибудь. Я прочелъ имъ оду на свободу Европы и нѣсколько стиховъ на Альпы. Онѣ нашли ихъ лучше, нежели ожидали. Онѣ попросили прочесть ихъ и г-ну де Венси, который обнялъ меня за желаніе независимости отечеству. Онъ не хотѣлъ вѣрить, что стихи написаны мною. Чтобы убѣдить его, я долженъ былъ написать тутъ же, при немъ, нѣсколько строфъ на заданныя темы.

Съ этого дня добрые хозяева оказывали мнѣ еще болѣе снисходительности, хотя и не болѣе добраго расположенія. Они приняли меня, ради меня, а не ради слабаго моего таланта. Я жилъ счастливо въ патріархальномъ семействѣ, напоминавшемъ мнѣ отцовскій домъ мой. Вечера̀ мы проводили на широкой и длинной террасѣ за̀мка, откуда взоръ ниспадалъ на озеро. Мы бесѣдовали о современныхъ происшествіяхъ и любовались спокойствіемъ сцены, озаренной луною.

8.

Оттуда видны были верхушки деревъ парка и кровли павильоновъ замка Коппета, гдѣ жилъ тогда въ образѣ жен-

щины геній, болѣе прочихъ очаровывавшій меня въ молодости.

— Вы вѣрно одинъ изъ поклонниковъ нашей сосѣдки, г-жи де Стаэль, сказала мнѣ однажды вечеромъ г-жа де Венси.

Я съ жаромъ признался, что глубоко уважаю автора Корины. Я замѣтилъ, что губы г. де Венси приняли при этихъ словахъ легкое выраженіе презрѣнія.

— Мнѣ хотѣлось бы ввести васъ къ вашей героинѣ, сказала г-жа де Венси. Я очень хорошо знаю г-жу де Стаэль. Мнѣ нравится ея характеръ. Должно отдать справедливость ея добротѣ и благотворительности. Но мы съ нею уже не видимся. Насъ раздѣляетъ образъ мыслей. Она дочь революціи по Неккеру, мы — поклонники прошедшаго. Мы не уживаемся между собою, какъ не уживается аристократія съ демократіей. Въ настоящую минуту мы конечно сходимся въ ненависти къ Бонапарте, но все-таки не должны видѣться, потому-что ненависть эта проистекаетъ изъ различныхъ началъ. Мы ненавидимъ въ немъ революцію, свергнувшую насъ съ первенства въ Бернѣ. Она ненавидитъ въ немъ контръ-революцію. Мы не поймемъ другъ друга. Вотъ вы—дѣло другое. Г-жа де Стаэль нейтральная слава, озаряющая всѣ партіи; она не можетъ не плѣнить двадцатилѣтное сердце. Вамъ вѣрно хочется ее увидѣть. Однако намъ было бы непріятно, если бы вы посѣщали ее, живя у насъ. Друзья наши не поняли бы этихъ косвенныхъ сношеній между двумя зàмками, обитаемыми приверженцами различныхъ мнѣній.

9.

Я понялъ ее и не оспаривалъ. Кромѣ того робость передъ женщиной и геніемъ не позволяла мнѣ подумать о визитѣ къ г-жѣ де Стаэль безъ трепета. Покланяться издали блеску ея славы,—этого было съ меня довольно.

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого разговора я узналъ, что г-жа де Стаэль ѣздитъ по вечерамъ кататься на Лозаннскую дорогу съ мадамъ Рекамье, гостившею тогда въ Коппетѣ. Я спросилъ, въ которомъ часу именно, и мнѣ отвѣчали, что въ разное время, смотря по обстоятельствамъ. Я рѣшился провести на дорогѣ цѣлый день. Я сказалъ, что иду прогуляться на

Юру, вышелъ съ утра, взявши съ собой хлѣба и томъ Коринны, и засѣлъ подъ кустомъ, на закраинѣ рва большой дороги.

Часы шли. Сотни колясокъ проѣхали мимо, но ни въ одной изъ нихъ не было женщинъ, которыхъ я могъ бы принять по наружности за г-жъ Стаэль и Рекамье. Я уже хотѣлъ уйти, грустный и печальный, какъ вдругъ направо, по дорогѣ изъ Коппета, поднялось облако пыли. Двѣ открытыя коляски, запряженныя превосходными лошадьми, катились къ Лозаннѣ. Г-жа де Стаэль и Рекамье пронеслись мимо меня молніею. Я едва успѣлъ разглядѣть сквозь пыль женщину съ черными глазами, съ жаромъ говорившую что-то другой женщинѣ, лицо которой могло бы служить типомъ совершенной красоты, красоты очаровывающей и увлекающей. За ними, во второмъ экипажѣ, ѣхали четыре другія женщины, молодыя и прекрасныя собою. Никто изъ нихъ не обратилъ на меня вниманія. Я долго слѣдилъ глазами за убѣгающими колесами. Мнѣ хотѣлось бы остановить лошадей, но г-жа де-Стаэль и не подозрѣвала, что на закраинѣ рва сидитъ ея страстный поклонникъ. Въ воображеніи моемъ остался только неясный образъ.

Увлекательное лицо г-жи Рекамье врѣзалось мнѣ въ память глубже. Впечатлѣніе генія забывается; впечатлѣніе привлекательности неистребимо. Красота пронзаетъ подобно молніи. Это дагеротипъ сердца. Красота г-жи Рекамье была только потому такъ совершенна и могуча, что была внѣшнимъ выраженіемъ ея ума и сердца. Не только лицо ея было красиво, она сама была красива. Эта красота, принадлежавшая тогда роману, будетъ достояніемъ исторіи. Блистательная какъ Аспазія, но Аспазія чистая, христіанская, она была предметомъ страсти генія повыше Перикла. Я не былъ знакомъ съ г-жею де Стаэль, но узналъ ее послѣ въ дочери ея, герцогинѣ де Брольи. Можетъ быть такъ и слѣдовало узнать ее, чтобы удивляться ей въ ея воплощеніи.

Въ г-жѣ де Брольи страсть матери перешла въ красоту, огонь въ теплоту, геній въ добродѣтель. Умереть, оставивши за собою такой слѣдъ, — это было для г-жи де Стаэль живою апотеозой. Я увидѣлъ герцогиню де Брольи въ первый разъ въ 1819 году. До самой смерти своей она оказывала мнѣ вниманіе, память о которомъ всегда будетъ для меня священна. Я посвятилъ памяти ея нѣсколько изъ послѣднихъ стиховъ моихъ. Поэзія, въ

извѣстную пору жизни, дѣлается погребальною урною, въ которой сожигаются ароматы для бальзамированія дорогихъ воспоминаній. Память о г-жѣ де Брольи не имѣла въ нихъ нужды. Она была сама для себя этими ароматами и набальзамирована добродѣтелью.

10

Мнѣ становилось стыдно, что я такъ долго остаюсь въ семьѣ мнѣ чужой. Я опасался, чтобы присутствіе мое не сдѣлалось наконецъ имъ въ тягость. Состояніе ихъ, казалось, не соотвѣтствуетъ ихъ великодушію. Этого нельзя было не замѣтить, несмотря на благородство ихъ обращенія. Я не хотѣлъ вводить ихъ въ лишнія издержки и усилить затруднительность положенія, къ признакамъ котораго очень присмотрѣлся въ своемъ собственномъ семействѣ. Я видѣлъ ихъ стѣсненныя обстоятельства и страдалъ съ ними и за нихъ. Щедрость ихъ боролась съ нуждою.

11.

Подъ предлогомъ путешествія въ горы южной Швейцаріи, я простился съ моими хозяевами. Разлука обошлась не безъ обоюдной печали. Уходя, я часто оглядывался на замокъ и благословлялъ его глазами. Одинъ, пѣшкомъ, въ дорожномъ костюмѣ ремесленника, прошелъ я самыя лучшія и самыя дикія части Гельвеціи. Пробродивши три мѣсяца, я возвратился къ Женевскому озеру и остановился на части берега, противолежащей Валлису, части, которую Руссо по справедливости предпочелъ всѣмъ прочимъ. Я нанялся, за нѣсколько су въ день, у лодочника изъ Шабле, уединенный домикъ котораго прилегалъ къ маленькой деревушкѣ. Занятія моего хозяина состояли въ томъ, что раза два въ недѣлю онъ перевозилъ крестьянъ черезъ озеро, ловилъ рыбу и обработывалъ поле. Вся семья его состояла изъ дочери двадцати пяти лѣтъ, которая завѣдывала хозяйствомъ и кормила рыбаковъ и прохожихъ. Шаговъ за триста отъ жилища этого рыбака и его дочери стоялъ другой домъ, также принадлежавшій ему; въ немъ не жилъ никто, а только иногда останавливались путешественники или таможенные досмотрщики.

Домъ состоялъ изъ одной комнаты надъ погребомъ. Я нанялъ его. Онъ возвышался на плоскости, близь опушки большого каштановаго лѣса, и былъ построенъ у самого озера, волны котораго шумѣли у его стѣнъ. Убранство моей комнаты состояло изъ кровати безъ тюфяка, стула и скамьи; на кровать постилалось сѣно или солома, а сверхъ него простыня и одѣяло. Окно служило мнѣ писменнымъ столомъ.

Дважды въ день, по утру и ввечеру, ходилъ я ѣсть къ рыбаку въ деревню. Обѣдъ и ужинъ состояли изъ хлѣба, яицъ, вареной рыбы и терпкаго, кислаго туземнаго вина. Рыбакъ былъ человѣкъ честный, дочь его очень привѣтлива. Въ нѣсколько дней мы подружились. Разъ въ недѣлю я посылалъ рыбака за книгами и новостями въ Лозанну или Нойонъ. У меня были чернила, карандашъ и бумага. Въ дождливые дни я оставался дома, читалъ и писалъ, въ ясные бродилъ по длиннымъ извилинамъ береговъ или незнакомымъ тропинкамъ каштановаго лѣса. Ввечеру, послѣ ужина, я засиживался у лодочника, бесѣдуя съ нимъ, его дочерью и иногда деревенскимъ учителемъ и кюре. Возвратясь домой, я засыпалъ подъ говоръ волнъ, игравшихъ камешками.

Комната моя была такъ близко отъ воды, что во время бури пѣна волнъ взлетала до окна. Никогда не изучалъ я такъ пристально говора волнъ, ихъ жалобныхъ и сердитыхъ звуковъ, ихъ плеска и стоновъ, какъ въ эти ночи и дни, проведенные наединѣ, въ монотонномъ обществѣ озера. Я могъ бы написать поэму водъ, не пропустивши ни малѣйшей нотки. Никогда не наслаждался я въ такой степени уединеніемъ, этимъ добровольнымъ саваномъ, въ который облекается человѣкъ, умирая на землѣ. По утрамъ я видѣлъ, какъ блеститъ вдали, за семь лье, по ту сторону озера, освѣщенный солнцемъ замокъ Венси. Я могъ бы возвратиться туда, если бы хотѣлъ употребить во зло трогательное гостепріимство хозяевъ. Я написалъ имъ благодарственное письмо и извѣстилъ ихъ о новомъ мѣстѣ моего жительства.

12.

Всякое сообщеніе съ Франціею прекратилось по случаю войны. Я не зналъ, возвращусь ли я туда когда-нибудь. По-

крайней-мѣрѣ я твердо рѣшился не возвращаться туда, въ политическую атмосферу, душившую меня во время Имперіи. Путешествіе въ Швейцарію облегчило нѣсколько тяжесть кожанаго пояса моего, въ которомъ лежало при моемъ отбытіи изъ Франціи всего 25 луидоровъ. Я подумалъ, что̀ могу я извлечь изъ моей молодости и познаній, если отрекусь отъ родины, и остановился на мысли вступить учителемъ или надзирателемъ въ какое-нибудь русское семейство, пробраться потомъ въ Крымъ, на Кавказъ, въ Персію, насладиться небомъ востока, его поэзіею, его жизнію, полною чудесныхъ приключеній, прельщавшихъ издали мое юное воображеніе. Подъ вліяніемъ этихъ чувствъ я написалъ романсъ *Ласточка* и послалъ его черезъ лодочника къ мадмоазель де Венси. То было мое прощанье съ моими прежними хозяевами.

Благородное, гостепріимное семейство! Я никогда не забывалъ его радушнаго пріема. Я всегда сожалѣлъ, что мнѣ не случилось отблагодарить ему въ лицѣ кого-нибудь изъ его членовъ за ихъ услуги и братское участіе. Отецъ и мать скончались прежде, нежели счастье снова улыбнулось ихъ дому. Теперь, говорятъ, онъ опять процвѣтаетъ. Да благословитъ его небо! Я ни разу не проѣзжалъ по дорогѣ изъ Женевы въ Лозанну не обративши взора на зàмокъ де Венси, и мыслей ко времени моего тамъ пребыванія. Нѣсколько мѣсяцовъ онъ былъ для меня отцовскимъ домомъ. Сердце мое питаетъ къ нему такое же чувство, какъ къ родимой кровлѣ. Изъ всѣхъ растѣній, которыми украшаютъ въ будущемъ сады этого зàмка, самое свѣжее и долголѣтнее есть признательность поэта.

13.

Въ это время я возвратился въ Парижъ, чтобы снова поступить въ королевскую гвардію. Тутъ я встрѣтился съ однимъ изъ товарищей моего дѣтства. Его звали графъ Эмонъ де Вирьё — тотъ самый, что̀ былъ со мною въ Италіи. Онъ былъ первымъ и лучшимъ изъ моихъ друзей; впрочемъ истертое слово *другъ* неточно выражаетъ чувство, связывавшее насъ съ самого дѣтства. Это было что-то въ родѣ кровной связи, родства душъ. Я былъ ему, какъ онъ мнѣ, братомъ. Потерявши его, я потерялъ поло-

вину моей жизни. Мысль моя отзывалась въ немъ точно также, какъ во мнѣ самомъ. Въ день его смерти вокругъ меня воцарилось глубокое безмолвіе. Мнѣ казалось, что съ нимъ скончалось живое эхо всѣхъ біеній моего сердца. Я чувствовалъ себя, но я себя уже не слышалъ.

14.

Эмонъ де Вирьё былъ сынъ графа де Вирьё, одного изъ замѣчательныхъ людей конституціонной партіи собранія (assemblée constituante), друга Мунье, Толленделя, Клермонъ Топнерра, всѣхъ этихъ мечтателей, хотѣвшихъ преобразовать монархію не разрушая ея. Но преобразовать можно только то, надъ чѣмъ властвуешь. Предавши престолъ въ руки собранія, они могли вырвать его только по кускамъ. Ими овладѣло раскаянье, и они стали противъ начатой ими революціи, когда она еще не была кончена. Одни эмигрировали, другіе приняли имя монархистовъ и попытались образовать посредствующія партіи, погибшія отъ столкновенія другихъ, сильнѣйшихъ. Люди болѣе смѣлые воспользовались шансами анархіи и подняли провинціи противъ конвента.

Изъ числа сихъ послѣднихъ былъ графъ де Вирьё. Оставивши трибуну, онъ взялся за оружіе. Ліонъ возсталъ противъ тиранніи. Въ этомъ совершенно муниципальномъ возмущеніи онъ увидѣлъ возможность увлечь Ліонъ и югъ Франціи въ движеніе роялистское, къ возстановленію монархіи. Онъ поспѣшилъ туда. Его сдѣлали начальникомъ ліонской кавалеріи во время осады города республиканцами. Въ ночь, предшествовавшую сдачѣ города, онъ попытался прорубиться съ своими всадниками сквозь армію конвента. Это удалось ему; но, спасая часть своихъ спутниковъ, самъ онъ палъ за нѣсколько лье отъ Ліона. Тѣла его не могли отыскать. Отъ него осталось только имя на страницахъ исторіи.

15.

Жена его, оставшаяся въ Ліонѣ съ единственнымъ сыномъ, спаслась отъ эшафота только бѣгствомъ. Въ одеждѣ нищей она

бродила по горамъ Дофине. Потомъ вручила сына своего одной преданной ей крестьянкѣ, которая и воспитала его вмѣстѣ съ своими дѣтьми; госпожа де Вирьё перешла чрезъ границу и жила въ Германіи трудами рукъ своихъ, ожидая возвращенія мужа, смерть котораго была ей неизвѣстна. Это была женщина характера героическаго; глубокое благочестіе ея переходило въ религіозный мистицизмъ; любовь къ мужу доходила до экстаза. Долгая жизнь ея съ того дня, какъ потеряла она мужа, до самой смерти была одною слезою, одною надеждою, однимъ воззваніемъ. Возвратясь во Францію и нашедши сына и дочерей, она собрала кое-какіе остатки своего значительнаго состоянія и поселилась въ Дофине, гдѣ вела жизнь совершенно монастырскую, оживляемую только благотворительностью и любовью къ дѣтямъ. Іезуиты основали въ это время коллегію на границѣ Франціи и Савойи, въ Беллеѣ. Коллегія эта разцвѣтала, пользуясь хорошею славой, среди развалинъ учебныхъ заведеній, уничтоженныхъ революцій. Благородныя фамиліи, враги имперіи, религіозныя семейства буржуазіи присылали въ эту школу сыновей своихъ изъ Франціи, Савойи, Германіи и Италіи. Здѣсь воспитывались триста человѣкъ.

Г-жа де Вирьё помѣстила своего сына въ эту коллегію. Я былъ отданъ туда же моею матерью. Мы встрѣтились. Характеры наши были повидимому мало сходны. Онъ былъ веселъ, я—грустенъ; онъ рѣзовъ, я — тихъ; онъ насмѣшливъ, я—серьёзенъ; онъ скептикъ, я — благочестивъ. Но подъ грубою оболочкою скрывалось въ немъ сердце самое нѣжное и высокій умъ, постигавшій вещи не вглядываясь въ нихъ. Я не искалъ его дружбы; онъ самъ старался со мною сблизиться, несмотря на то, что мнѣ не очень нравились его шалости, и что я мало отвѣчалъ на его дружбу.

Но по мѣрѣ того, какъ мы росли и возвышались пониманіемъ надъ толпою прочихъ товарищей, росла и наша дружба. Между нами установилось духовное братство. Его понималъ только я; а хорошо понять другъ друга почти тоже, что полюбить. Дружба наша, нѣсколько холодная, долго оставалась въ области ума, прежде нежели перешла въ сердце. Мы привязались другъ къ другу вполнѣ уже по выходѣ изъ школы, въ лѣта страстей.

Вирьё, старше меня нѣсколькими годами, былъ въ первой порѣ юношества. Бѣлокурая, кудрявая голова его — сѣверный типъ — отличалась выпуклымъ лбомъ, изваяннымъ какъ-будто рукою Микель Анджело. Въ немъ больше выражалось умственной силы, нежели правильности и гармоніи разнообразныхъ дарованій. Голубые глаза его сверкали какъ черные. Въ нихъ отражалась вся грація, вся лучезарность его души. Остальная фигура его была выраженіемъ силы, съ примѣсью чего-то жесткаго. Взглядъ его дрожалъ подобно лучу на водѣ. Сократовскій носъ его былъ вздернутъ, и ноздри расширялись отъ игры мускуловъ ироніи. Ротъ его, слишкомъ открытый, принадлежалъ скорѣе мощному оратору, нежели размышляющему философу.

Въ позѣ, въ жестахъ, въ рѣчи его отзывалось какое-то презрѣніе къ толпѣ,—чувство превосходства породы и родовой гордости, говорившее о привычкѣ смотрѣть сверху внизъ. Умъ его былъ такъ обширенъ, такъ гибокъ, такъ переполненъ способностями всякаго рода, что самое богатство было для него затрудненіемъ; онъ становился иногда безплоденъ именно отъ чрезмѣрнаго плодородія,—какъ есть люди, которымъ слишкомъ дѣятельное воображеніе подсказываетъ вдругъ столько словъ, что они невольно запинаются.

Вирьё дѣйствительно запинался и заикался въ дѣтствѣ. Рѣчь его сдѣлалась спокойна и ясна, когда поостылъ уже кипятокъ молодости. Онъ почти всегда и во всѣхъ классахъ былъ послѣднимъ, но товарищи и учители смотрѣли на него, казалось, съ общаго согласья, какъ на перваго. Они чувствовали, что онъ былъ бы первымъ, если бы захотѣлъ; но умъ его рѣдко бывалъ занятъ тѣмъ, чѣмъ заняться ему въ ту минуту указывали. Онъ бывалъ занятъ математикой, когда мы сидѣли за латынью, — исторіей, когда мы изъясняли поэтовъ,— поэтами, когда дѣло шло о философахъ. Ему давали въ этомъ волю. Онъ доходилъ до цѣли иначе, но все-таки доходилъ, хотя и не въ указанный часъ. Умъ его не терпѣлъ принужденія; онъ не могъ итти по чужимъ слѣдамъ и пролагалъ себѣ свою дорогу.

16.

Онъ учился меньше насъ, зато размышлялъ гораздо больше. Руководителемъ его былъ Монтень, предокъ его матери. Геній-

альный забавникъ и скептикъ перешелъ отчасти въ кровь молодого Вирьё. Творенія Монтеня были его катехизисомъ. Двѣнадцати лѣтъ онъ уже зналъ наизустъ почти всѣ главы этой энциклопедіи скептицизма. Онъ безпрестанно повторялъ ихъ мнѣ. Я всѣми силами оспаривалъ любовь его къ Монтеню. Сомнѣніе, находящее удовольствіе въ томъ, чтобы сомнѣваться, казалось мнѣ адскимъ. Человѣкъ рожденъ, чтобы вѣрить или умереть. Монтень можетъ только обезплодить умъ, который къ нему привяжется. Ничему не вѣрить значитъ ничего не дѣлать.

Меня оскорблялъ и цинизмъ выраженій Монтеня. Нечистота словъ — это пятно на душѣ. Неприличное слово дѣлало на умъ мой такое же впечатлѣніе, какъ дурной запахъ на обоняніе. Я любилъ въ Монтенѣ только привлекательную наготу стиля, которая разоблачаетъ граціозныя формы ума, и сквозь которую видно все, до трепетаній самого сердца. Но философія его казалась мнѣ жалка. Ее нельзя назвать философіей животнаго, ибо онъ размышляетъ; но нельзя назвать и философіей человѣка, ибо онъ не дѣлаетъ никакихъ выводовъ. Это — философія ребенка, играющаго всѣмъ, чѣмъ попало.

Міръ однако же не игрушка. Твореніе Божіе стоитъ серьёзнаго взгляда, и человѣческая натура довольно благородна и довольно несчастлива, чтобы если не уважать ее, то по-крайней-мѣрѣ пожалѣть о ней. Шутка въ подобномъ дѣлѣ не только жестока, но даже преступна.

17.

Вотъ что̀ говорилъ я Вирьё съ самаго начала; и вотъ что̀ сказалъ онъ и самъ себѣ лучше моего, когда въ душѣ его отдались наконецъ звуки страсти и несчастія. Онъ вработывался въ мысль такъ ревностно, что не могъ не добраться до конечнаго основанія, т. е. до Бога.

Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ окончанія нашего курса, мы свидѣлись въ Шамбери. Я остановился тамъ дня на два проѣздомъ въ Италію, чтобы повидаться съ нимъ. Тутъ дружба наша укрѣпилась: мы лучше понимали самихъ себя, и умственное родство наше высказалось опредѣлительнѣе. Три года разлуки научили насъ цѣнить свиданіе. Мы поклялись въ неизмѣнномъ,

истинномъ братствѣ, и сдержали свою клятву. Съ этого дня мы не разлучались умомъ и сердцемъ.

18.

Черезъ шесть мѣсяцовъ онъ пріѣхалъ ко мнѣ въ Римъ. Мы долго путешествовали вмѣстѣ; мы доканчивали свое воспитаніе, — одинъ давалъ другому то, чего ему не доставало. Въ этомъ ежедневномъ обмѣнѣ способностей, онъ давалъ идею, я чувство, онъ критику, я вдохновеніе, онъ знаніе, я фантазію. Онъ никогда ничего не писалъ; онъ принадлежалъ къ числу людей, вѣчно недовольныхъ своими произведеніями, и потому предпочитающихъ хранить ихъ въ умѣ, не профанируя идеала несовершеннымъ проявленіемъ. Это величайшіе умы. Они не надѣются достигнуть словомъ, искусствомъ или дѣломъ до высоты своей мысли. Жизнь ихъ безплодна, но не отъ безсилія, а, напротивъ того отъ избытка силъ и болѣзненной страсти къ совершенству. Это дѣвственники ума. Они сообщаются только съ своимъ идеаломъ и не оставляютъ по себѣ ничего на землѣ. Такъ умеръ и Вирьё, никѣмъ незнаемый геній.

19.

Возвратившись во Францію, мы почти не разставались. Въ Парижѣ мы жили вмѣстѣ. Лѣтомъ я цѣлые мѣсяцы проводилъ въ его семействѣ, въ уединенномъ жилищѣ его въ Дофинѣ, въ обществѣ его матери, совершенно посвятившей себя Богу, и сестры, посвятившей себя матери и брату. Сестра эта (Стефанія де В*) несмотря на свою молодость, красоту и богатство, отказалась уже въ это время отъ свѣта и замужства и посвятила себя исключительно своему семейству и живописи, къ которой имѣла много дарованія. Она была грезомъ женщинъ.

Въ долгіе осенніе дни мы читали ей, въ то время, когда она рисовала, или выдумывали сюжеты картинъ, и быстрая импровизація карандаша ея тотчасъ же вызывала ихъ къ жизни и воплощала въ форму. Она чрезвычайно любила своего брата и ради его интересовалась и мною. Г-жа де Вирье сидѣла обыкновенно

въ большихъ креслахъ у камина, грустная и молчаливая, мысленно творящая молитву; иногда она бросала на насъ нѣжный взглядъ, и разсѣянная улыбка ея, казалось, говорила: «земную радость чувствую я только раздѣляя ее съ вами».

Спокойная, невинная жизнь въ этомъ домѣ освѣжала мое сердце, всегда почти утомленное страстью.

Послѣ паденія имперіи, которую Вирьё и всѣ молодые люди этого времени ненавидѣли не меньше моего, мы вступили съ нимъ въ гвардію короля. Мы вышли тоже вмѣстѣ, когда гвардія эта была распущена. Вмѣстѣ вступили мы и на дипломатическое поприще. Онъ отправился съ герцогомъ Ришльё въ Германію, потомъ былъ при посольствѣ герцога люксамбургскаго въ Бразиліи, сопутствовалъ г. де Лаферроннэ на веронскій конгрессъ и былъ секретаремъ посольства въ Туринѣ и Мюнхенѣ. Тайныя скорби разстроили его здоровье. Онъ оставилъ дипломатію и возвратился въ нѣдра своего семейства. Разлука не ослабила нашей дружбы. Мы переписывались ежедневно и продолжали бесѣдовать издали. Кошелекъ у насъ былъ общій, точно также какъ и мысли. Сколько разъ выручалъ онъ меня изъ стѣсненнаго положенія! Онъ не зналъ, заплачу ли я ему когда-нибудь, и не заботился объ этомъ. Для меня онъ готовъ былъ израсходовать свою душу, такъ могъ ли онъ вести счетъ въ деньгахъ?

Я не оскорблялъ его признательностью. Признательность моя заключалась въ томъ, что я не велъ счета и не дѣлалъ различія между его и моимъ. И сколько принадлежало собственно ему, чтó теперь принадлежитъ мнѣ? Умъ, душа, сердце, состояніе, — только развѣ Богъ одинъ можетъ сказать: «вотъ это его, вотъ это твое». Люди, соединенные такими узами, должны бы жить неразлучно и въ людской памяти, какъ жили они въ жизни, и называться однимъ именемъ, какъ существо сложное. Это было бы и вѣрнѣе и прекраснѣе. Зачѣмъ два имени для одного человѣка?

20.

Нѣсколько лѣтъ спустя, онъ женился на молодой дѣвушкѣ. Ея скромная грація, добродѣтель и страстная привязанность на-всегда заключили жизнь его въ уединеніе семейнаго счастія.

Мощный умъ его не ослабѣлъ, но только спустился съ облаковъ на землю. Душа его, нѣкогда пытливая и сомнѣвающаяся, нашла истину въ счастьи и покой въ вѣрѣ матери. Онъ заключился въ любви къ женѣ и дѣтямъ. Онъ ограничилъ свою жизнь и не переступалъ уже этой границы. Сердце его выходило за кругъ семейной жизни только изъ дружбы ко мнѣ, сохранившейся во всей цѣлости. Онъ размышлялъ больше о прошедшемъ, нежели о будущемъ, какъ всѣ утомленные временемъ. Его мало интересовали современныя политическія тревоги. Онъ смотрѣлъ на нихъ вскользь. Онъ ожидалъ всего только отъ Бога и видѣлъ нѣчто постоянное только въ вѣрѣ.

Онъ часто писалъ мнѣ о современныхъ событіяхъ. Письма его были печальны и много-значительны, какъ голосъ человѣка, говорящаго изъ глубины святилища къ народу на площади. Однажды я цѣлыя двѣ недѣли не получалъ отъ него писемъ, наконецъ получилъ письмо отъ сестры его, въ которомъ она извѣщала о его кончинѣ. Онъ умеръ на рукахъ жены, благословляя сыновей своихъ и назвавши меня въ числѣ тѣхъ, съ которыми ему жаль было разставаться, и съ которыми онъ желаетъ увидѣться на томъ свѣтѣ. Религія обезсмертила его последнее дыханіе. Начавши путь жизни скептикомъ, онъ, подвигаясь впередъ, прозрѣвалъ все яснѣе и яснѣе. Подъ конецъ онъ уже не сомнѣвался.

Я потерялъ въ немъ живого свидѣтеля всей первой половины моей жизни. Я чувствовалъ, что смерть вырвала драгоцѣннѣйшую страницу изъ моей исторіи; она погребена съ нимъ вмѣстѣ.

21.

Въ Дофинe, въ развалинахъ древняго замка его фамиліи, Нюпетіера, написалъ я для него поэтическое мечтаніе подъ заглавіемъ *Долина*. Стихи эти напоминаютъ мѣстность и журчаніе чувствъ, пробужденное въ насъ этимъ уединеніемъ, этимъ лѣсомъ и водами. Если бы описать журчаніе самихъ водъ и шопотъ лѣса, строфы были бы лучше. Душа поэта — текущая вода, пишущая и поющая свое журчаніе; но мы выражаемъ его звуками человѣческими, а природа — божественными.

Оставивши окончательно службу, я возвратился въ отцовскій домъ и потомъ пустился путешествовать. Я часто заглaды-

валъ въ Альпы; и здѣсь самое приличное мѣсто поговорить о человѣкѣ, больше всѣхъ меня туда привлекавшемъ. То былъ баронъ Луи де Винье. Онъ умеръ нѣсколько лѣтъ тому назадъ сардинскимъ посланникомъ въ Неаполѣ. Въ гробницѣ его покоится одно изъ драгоцѣннѣйшихъ воспоминаній жизни моего сердца. Что можетъ сдѣлать живой для мертваго? написать холодную эпитафію,— и только. На камнѣ память держится дольше, нежели въ сердцѣ; вотъ почему на гробницѣ вырѣзываютъ имя и надпись. Но поколѣніе вымретъ, и прохожій не понимаетъ уже ни имени, ни надписи. Ихъ надо изъяснять.

Луи де Винье, котораго я зналъ еще въ школѣ, былъ сынъ сенатора въ Шамбери и, по матери, племянникъ графа Жоржа де Метра, философа, и графа Ксавье де Метра, Стерна нашего времени, но Стерна болѣе чувствительнаго и естественнаго, нежели его предшественникъ.

Луи де Винье и я, мы вѣчно оспаривали другъ у друга въ іезуитской коллегіи пальму первенства, которою наставники такъ неблагоразумно льстили нашей гордости. Онъ былъ старше меня лѣтами, зрѣлѣе умомъ, крѣпче волею и часто одерживалъ верхъ. Я отъ природы былъ независтливъ. Онъ, напротивъ того, казалось, былъ не очень доволенъ своими побѣдами, но сильно чувствовалъ униженіе, будучи побѣжденъ. Это была борьба итальянца съ французомъ. Лица и характеры наши были типами этихъ двухъ народностей. Винье былъ высокаго роста, худъ, нѣсколько сутуловатъ, черноволосъ; лицо блѣдное, съ мѣднымъ отливомъ; глаза впалые, съ длинными рѣсницами; носъ орлиный, острый, чрезвычайно красивый; тонкія губы его раскрывались рѣдко; углы рта были постоянно опущены внизъ, съ выраженіемъ горечи и презрѣнія; подбородокъ длиненъ, обрѣзанъ подъ прямымъ угломъ, какъ голова арабской лошади. Овалъ лица длинный и граціозный. Онъ говорилъ мало; гулялъ одинъ. По лѣтамъ и энергіи, онъ чувствовалъ себя выше насъ. Товарищи не любили его, а учители боялись. Молчаніе его отзывалось неудовольствіемъ, любовь къ уединенію — какими-то замыслами.

Онъ хвасталъ своимъ невѣріемъ и почти атеизмомъ. Я удивлялся его дарованіямъ, сожалѣлъ о его одиночествѣ, но чувствовалъ мало влеченія къ его личности. Во взглядѣ его было что-то фаустовское: онъ приковывалъ къ себѣ мысль, какъ

загадка, возбуждалъ удивленіе, но уничтожалъ возможность искренняго сближенія.

Никого изъ извѣстныхъ мнѣ людей природа не одарила такими способностями. Умъ его былъ острымъ и твердымъ инструментомъ въ рукахъ воли, которой ничто не могло противиться. Онъ имѣлъ даръ слова; перо его, казалось, подражало величайшимъ писателямъ. Рѣчь его сама собою слагалась на древній ладъ. Онъ былъ поэтъ гармоническій и чувствительный въ своихъ стихахъ, философъ смѣлый еще до поры мысли. Наши сочиненія были всегда блѣдны въ сравненіи съ его. Единственная погрѣшность его состояла въ избыткѣ воспоминаній и слишкомъ искуственной отдѣлкѣ. Естественность и импровизація давали мнѣ иногда перевѣсъ. Я побѣждалъ его только отсутствіемъ нѣкоторыхъ недостатковъ, но былъ очень далекъ отъ того, чтобы гордиться этими побѣдами; я больше, нежели кто-нибудь, чувствовалъ превосходство его труда и дарованій.

22.

Онъ окончилъ курсъ ученія тремя годами раньше меня. Имя его осталось между нами, какъ слѣдъ значительнаго человѣка, прошедшаго сквозь толпу, которая сливается за нимъ не вдругъ. Мы говорили о немъ съ удивленіемъ и отчасти даже со страхомъ. Мы думали, что онъ рожденъ для какого-то великаго, но мрачнаго подвига. Мы ожидали отъ него чего-то необыкновеннаго. Потомъ мы услышали, что онъ изучаетъ права въ Гренобльской школѣ; что тамъ, какъ и вездѣ, онъ возбуждаетъ много удивленія, но мало любви; что онъ попрежнему съ гордостью смотритъ на толпу; что онъ не увлекается глупымъ тщеславіемъ школьниковъ; что онъ даже гордится, какъ стоикъ, своею бѣдностью, и что его часто встрѣчаютъ на улицѣ среди бѣлаго дня, несущаго порванные башмаки свои въ починку, или гордо съѣдающаго кусокъ хлѣба, держа подъ мышкой книгу. Эта гордость, проистекавшая изъ сознанія своего достоинства, доказывала, что душа его была выше насмѣшекъ товарищей. Но надъ нимъ не смѣялись: его уважали. При удобныхъ случаяхъ онъ выказывалъ дарованія свои, какъ законовѣдъ и ораторъ, и занялъ въ этомъ отношеніи очень высокое мѣсто во мнѣніи города.

Прошло уже шесть лѣтъ со времени нашей разлуки, когда случай свелъ насъ опять съ Шамбери, гдѣ я провелъ нѣсколько дней, возвращаясь съ поѣздки на Альпы. Я кипѣлъ тогда молодостью. Небо казалось мнѣ узко, солнце—недовольно ярко; цѣлой атмосферы было мало для дыханія моей груди. Я былъ олицетворенною горячкой; бредъ и жаръ царствовали во всѣхъ членахъ. Правильная жизнь учебныхъ лѣтъ и благочестіе матери и наставниковъ были отъ насъ уже далеко. Я профанировалъ дружбу и чувство сближеніемъ съ кѣмъ попало. Я былъ въ связяхъ со всей безпутной молодежью моей родины. Я вдавался во всѣ шалости, несмотря на то, что онѣ имѣли для меня что-то отталкивающее. Это дѣлалось изъ подражанія, а не вытекало изъ натуры. Когда я оставался одинъ, одиночество меня очищало.

Въ это-то время встрѣтился я съ Винье. Я едва могъ узнать его. Никогда можетъ быть физіономія не измѣнялась до такой степени, такъ скоро. Я увидѣлъ скромнаго юношу, съ серьёзнымъ, оттѣненнымъ грустью лицомъ, медленною задумчивою походкою, звучнымъ ласкающимъ голосомъ. Онъ подошелъ ко мнѣ скорѣе какъ отецъ къ сыну, нежели какъ товарищъ къ товарищу. Онъ обнялъ меня и началъ упрекать себя за непріязненное чувство, которое пораждало въ немъ когда-то соперничество въ школьныхъ успѣхахъ. Онъ говорилъ, что теперь ему стыдно, и что онъ страстно желаетъ сдѣлаться на остальную жизнь моимъ неизмѣннымъ другомъ. Черты лица его, жесты, прозрачность глазъ соотвѣтствовали словамъ его. Сердце мое раскрылось. Я чувствовалъ, что этотъ суровый и вмѣстѣ съ тѣмъ нѣжный человѣкъ, имѣвшій довольно силы не увлечься уносившимъ насъ потокомъ шалостей и глупостей, оригинальный въ дѣлѣ добра, тогда-какъ мы были только жалкими подражателями въ дурномъ, — я чувствовалъ, что онъ лучше и выше товарищей моихъ удовольствій.

23.

Въ рѣчахъ его было что-то успокоивающее; онъ разсказалъ мнѣ о своемъ внутреннемъ превращеніи, подымаясь со мною, при солнечномъ восходѣ, по долинѣ каштановъ, ведущей въ

Шарметтъ, колыбель первой любви и первыхъ вспышекъ генія Руссо. Высокій ростъ Винье, его сутуловатость, голова, наклоненная впередъ, черные локоны, выглядывающіе изъ-подъ шляпы и оттѣняющіе блѣдное лицо, медленная поступь, даже черное, узкое, поношенное платье, застегнутое на груди, нѣжный, но унылый голосъ, живо напоминали мнѣ Савойскаго Викарія, какъ представлялъ я себѣ его въ воображеніи, это живописное созданіе Руссо, этого горнаго Платона, Сунійскимъ мысомъ котораго была бѣдная деревушка въ Шаблэ.

24.

Отецъ его былъ бѣденъ; революція лишила его званія и жалованья. Онъ удалился въ единственное маленькое помѣстье свое, за милю отъ Шамбери, близь деревни Серволексъ. Онъ умеръ тамъ нѣсколько лѣтъ спустя, когда сынъ его воспитывался со мною въ коллегіи.

Мать моего друга, женщина, обожаемая своими дѣтьми, продавала каждый годъ поле за полемъ изъ своего наслѣдства, чтобы докончить воспитаніе двухъ сыновей и дочери. Старшій сынъ, котораго я не зналъ, жилъ въ Женевѣ и изучалъ тамъ администрацію. Бѣдная мать жила съ дочерью въ Серволексѣ, послѣднемъ остаткѣ родового имѣнія. Упадокъ имѣнія, смерть мужа, неисполнившіяся надежды ввергли ее въ томительную болѣзнь. Чувствуя приближеніе смерти, она призвала изъ Гренобля сына Луи и поручила ему управленіе имѣніемъ и надзоръ за сестрою.

25.

Винье явился на зовъ. Видъ умирающей матери поразилъ его. Одна страсть — сыновняя любовь — погасила въ немъ всѣ прочія. Гордость его потонула въ слезахъ. Видя спокойное ожиданіе смерти, онъ самъ сдѣлался равнодушенъ къ жизни. Благочестіе не убѣлило души его, но тронуло ее. Онъ еще не видѣлъ Бога, но уже слышалъ и чувствовалъ Его. Онъ помолился въ первый разъ, и послѣ того тысячи молитвъ были произнесены у одра страданій и мира. Онъ принялъ религію мате-

ри, чтобы молиться на одномъ съ нею языкѣ. Агонія матери продолжалась два года; она умерла, завѣщая сыну свою религію, и больше ничего. Въ минуту, когда слово дѣлается святыней, онъ поклялся принять завѣщанное ея душою, и сдержалъ свою клятву. Мать была его религіею, обѣщаніе—убѣжденіемъ, воспоминаніе — вѣрой.

26.

Но два года прерванныхъ занятій и карьеры измѣнили всю его будущность. Честолюбіе его сошло въ могилу съ его матерью и успокоилось на серволекскомъ кладбищѣ. Уединеніе и печаль разстроили его здоровье. Ясная, но глубокая и неизлечимая грусть омрачила все вокругъ него. Люди и мимолетныя мысли ихъ возбуждали въ немъ жалость. Все въ мірѣ потеряло свою цѣну.

Онъ отказался отъ всякой карьеры и рѣшился жить наединѣ съ сестрою, женщиною достойною такого брата, въ бѣдномъ серволекскомъ имѣньицѣ. Виноградники, лѣсъ и земля вокругъ дома стоили тысячь тридцать франковъ; доходу съ нихъ было достаточно для его скромной жизни инемногихъ прихотей. Книги, молитва, литература, — вотъ въ чемъ состояли его занятія. Можетъ статься онъ любилъ одну молодую родственницу, подругу сестры, сироту и бѣдную, подобно ему. Но любовь эта, если она исуществовала, никогда не высказывалась иначе, какъ въ постоянствѣ нѣмой привязанности. Онъ не вѣрилъ въ свое счастье и не хотѣлъ соединить судьбу бѣдной дѣвушки съ своею судьбою. Сердцу его не доставало только друга; онъ избралъ меня.

Въ продолженіи шести лѣтъ онъ часто вспоминалъ обо мнѣ, какъ о единственномъ человѣкѣ, съ которымъ могъ бы вступить въ сердечный союзъ. Онъ не смѣлъ писать ко мнѣ. Онъ зналъ, что жосткій характеръ отталкивалъ отъ него его товарищей; зналъ также и то, что, попавши въ общество мимолетныхъ пріятелей, я предался всѣмъ свѣтскимъ развлеченіямъ. Онъ сожалѣлъ объ этомъ. Я былъ созданъ не такъ, чтобы сдѣлаться игрушкою и идоломъ свѣта. Душа моя парила выше тщеславія и пороковъ. Мать моя была также благочестива, какъ и его мать. Ее не могла не огорчать жизнь сына въ порочной средѣ.

Винье былъ старше меня лѣтами, и особенно несчастіемъ, считающимъ года по днямъ; онъ предложилъ мнѣ дружбу истиннѣе и дороже дружбы товарищей моей разсѣянной жизни. Онъ отдавался мнѣ съ чувствомъ брата.

27.

Я почувствовалъ истину словъ, и они меня тронули. Разговаривая, вошли мы въ опустѣвшій домъ Шарметта; бѣдная женщина открыла намъ его двери, какъ-будто хозяева отлучились не дальше какъ вчера и должны возвратиться сегодня къ вечеру. Три маленькія комнаты нижняго этажа были для насъ оживлены образами г-жи де Варансъ и Ж. Ж. Руссо, ребенка. Мы искали мѣста, гдѣ они садились. Мы обѣжали небольшой садикъ и сѣли въ концѣ аллеи подъ тѣнью жимолости и винограда, гдѣ было произнесено первое признаніе въ любви, послѣ того такъ профанированной. Винье не менѣе меня восхищался Руссо. Мы провели часть дня въ этомъ саду, облитомъ лучами солнца и ароматами, точно какъ-будто растенія и деревья радовались, что принимаютъ гостей, достойныхъ любить ихъ прежнихъ хозяевъ. Мы удалились уже при закатѣ солнца.

Я чувствоealъ, что этотъ молодой человѣкъ, рожденный близь колыбели Руссо, вдохновенный, бѣдный и несчастный подобно ему, но болѣе чистый и религіозный, стоитъ далеко выше тѣхъ, кого я называлъ друзьями. Я былъ обязанъ Шарметту не только пустымъ воспоминаніемъ о великомъ человѣкѣ, но и дружбою порядочнаго человѣка. Сердце мое искало только предмета для удивленія.

28.

Винье увезъ меня къ себѣ въ Серволексъ и познакомилъ съ своимъ семействомъ. Двое дядей его матери жили тогда въ Шамбери или окрестностяхъ Серволекса. Они были братья графовъ Жозефа и Ксавье де Метра, жившихъ въ Россіи. Одинъ былъ отставной полковникъ, другой—каноникъ, вскорѣ произведенный въ епископы въ Аосту, что въ Савойѣ. Они были до-

стойны имени, прославленнаго геніемъ ихъ братьевъ. Кромѣ того, они отличались добротою сердца. Бесѣда ихъ сверкала кроткимъ веселіемъ. Грація была врожденна всему ихъ роду. Тонкій умъ итальянцевъ скрывался подъ наивностью савойскихъ горцевъ. Ихъ образъ мыслей былъ суровъ, но они снисходительно прощали другимъ. Долго бывшіе игралищемъ революціи, блуждавшіе изъ края въ край свѣта, они походили на камни ихъ родимыхъ горъ, сброшенные лавиной въ рѣку и округленные движеніемъ воды: гладкая, почти мягкая поверхность не измѣнила ихъ существа, — они все-таки остались твердыми камнями.

29.

Они видѣли много событій, встрѣчались съ людьми всѣхъ сортовъ; они знали вѣкъ свой наизустъ. Смѣшная, ироническая сторона его бросалась имъ въ глаза прежде всего. Они смотрѣли серьёзно только на честь и Бога. Остальное принадлежало къ области людской комедіи. Они смѣялись надъ пьесой, но сожалѣли объ актерахъ.

Особенно каноникъ былъ человѣкъ эксцентрическій и оригинальный, какого мнѣ еще не случалось видѣть. По утрамъ онъ писалъ проповѣди, а ввечеру читалъ намъ изъ нихъ отрывки, и собиралъ всѣ шутовскіе анекдоты; они составили родъ энциклопедіи для смѣха. То былъ однако же смѣхъ праведника. Онъ никого не заставлялъ плакать или краснѣть. Всюду была подмѣчена смѣшная, но не дурная сторона природы. Каноникъ былъ близко знакомъ съ г-жей де Стаэль; онъ не одобрялъ ея образа мыслей, шутилъ надъ ея энтузіазмомъ, но уважалъ ея доброе сердце. Онъ переписывался съ нею часто.

Въ другую эпоху познакомился я съ графомъ Жозефомъ де Метромъ, старшимъ изъ этихъ братьевъ. Онъ самъ читалъ при мнѣ свои *Записки*, передъ выходомъ ихъ въ свѣтъ. Друзья и враги его философіи равно не знали въ писателѣ человѣка.

Графъ де Метръ былъ высокъ ростомъ, хорошъ собою; фигура его была мужественно-воинственна, лобъ открытый и высокій, увѣнчанный клочками сребристыхъ волосъ. Взглядъ его былъ живой и откровенный. Губы выражали тонкую шутку — характерическій признакъ всей фамиліи. Въ позѣ его отражалось

достоинство его сана, мысли и лѣтъ. Нельзя было увидѣть его и не остановиться; зритель невольно догадывался, что передъ нимъ что-то великое.

Рано оставивши свои горы, онъ жилъ сначала въ Туринѣ, потомъ былъ брошенъ судьбою въ Сардинію, потомъ въ Россію, мимо Франціи, Англіи и Германіи. Съ самаго дѣтства онъ былъ нравственно оторванъ отъ отечества. То, что онъ зналъ, зналъ онъ только изъ книгъ; а книгъ онъ читалъ очень мало. Вотъ причина удивительной эксцентричности его мыслей и слога. Это была необразованная, но великая душа; умъ не вылощенный, но обширный; стиль грубый, но мощный. Вся его философія была нечто иное, какъ теорія его религіозныхъ чувствъ. Писатель былъ въ немъ выше умствователя, но человѣкъ выше обоихъ. Вѣра его, которую онъ очень часто рядилъ въ софизмы и парадоксы, была искренна, возвышенна, и не безплодна въ жизни. Это была античная доблесть, или, вѣрнѣе, доблесть ветхозавѣтная, въ родѣ Моисея Микель-анджелова, на формахъ котораго видны слѣды изваявшаго ихъ рѣзца. Подъ человѣческой формой можно было осязать скалу. Вотъ почему де Метръ писатель народный. Будь онъ совершеннѣе, глаже, онъ понравился бы толпѣ меньше, потому-что она не смотритъ вблизи.

КНИГА XII.

1.

Общество это принесло мнѣ много пользы. Оно освободило умъ мой отъ тогдашней философіи и изнѣженной литературы, которыми дышало тогда все во Франціи. Я увидѣлъ настоящихъ людей вмѣсто блѣдныхъ копій, составлявшихъ въ то время умствующій классъ въ Франціи. Я очутился въ новомъ, оригинальномъ, эксцентрическомъ мірѣ, типъ котораго былъ мнѣ до сихъ поръ неизвѣстенъ. Въ этомъ обществѣ были не только геній, но и юность, и грація, и красота. Вокругъ старыхъ стволовъ семейства де Метровъ и Винье росли юныя отрасли, полныя надеждъ. Я былъ между ними принятъ какъ сынъ и братъ.

Насъ разлучили потомъ смерть, время, разность мнѣній и

философскихъ взглядовъ. Но и во сто лѣтъ не забуду я этихъ дней, достойныхъ бесѣдъ Боккачіо во время чумы во Флоренціи,—дней, проведенныхъ нами въ Бисси, у полковника де Метра, или въ Серволексѣ, у друга моего Луи Винье.

Салонъ нашъ былъ подъ открытымъ небомъ, то въ молодой сосновой рощѣ, на верхушкѣ горы Шата, откуда взоръ обнимаетъ истинно-аркадскую долину Шамбери съ ея озеромъ влѣвѣ, —то въ аллеѣ высокихъ грабинъ въ глубинѣ Серволекскаго сада, возвышающейся террасою надъ долиной, залитой зеленью и сѣтью винограда съ орѣшникомъ. Солнце молча пробѣгало клочокъ неба между горою Шатомъ и первыми, Ниволейскими Альпами. Тѣни то сокращались, то вытягивались. Графъ де Метръ, типъ гальскаго Платона, въ раздумьи чертилъ на пескѣ фигуры своею кавказскою тростью. Онъ разсказывалъ внимательно слушающимъ братьямъ исторію своего изгнанія и разныхъ приключеній. Старшая дочь его, задумчивая и молчаливая, играла на фортепьяно грустные напѣвы Скиѳіи. Вѣтеръ доносилъ къ намъ эти звуки сквозь открытое окно. Каноникъ де Метръ — Сократъ, просвѣтленный геніемъ христіянства,—читалъ свой требникъ въ отдаленной аллеѣ сада. По временамъ онъ бросалъ на насъ разсѣянный взглядъ; видно было, что онъ спѣшитъ докончить псаломъ, чтобы поскорѣе принять участіе въ нашей бесѣдѣ.

2.

Младшей дочери графа де Метра было лѣтъ 17 или 18. Геній отца отражался на челѣ ея, на устахъ и во взорѣ. Это была дѣва Синая, вдохновенная ученіемъ своего семейства. Она переписывала сочиненія своего отца, но писала, говорятъ, и сама. Это была христіянская *Коринна*, за нѣсколько миль отъ философской и революціонной Коринны Коппета. Я не читалъ ея сочиненій; но краснорѣчіе ея было мужественно и рѣзко. Въ минуты невольнаго вдохновенія, говоря о политикѣ или религіи, она вставала съ дерновой скамьи и начинала ходить, сама того не замѣчая. Ноги ея, казалось, не касаются земли, и она движется какъ тѣнь. Вѣтеръ разнесъ цѣлыя страницы живой рѣчи, достойныя первыхъ мыслителей вѣка. Мы блѣднѣли, внимая ей. Имя отца озарило ее; неожиданное счастье

нашло ее въ уединеніи. Не знаю, что̀ сдѣлала она съ своимъ геніемъ — орудіемъ для мужчины и бременемъ для женщины. Я думаю, она обратила его въ добродѣтель.

3.

Луи де Винье читалъ намъ гармоническіе, грустные стихи, которыхъ не печаталъ, опасаясь лишить ихъ букета и свѣжести. Я тоже начиналъ тогда лепетать стихами и краснѣя читалъ ихъ графу де Метру и его дочерямъ.

«У этого Француза—говорилъ де Метръ своему племяннику, — прекрасный языкъ для выраженія идей. Посмотримъ, что̀ сдѣлаетъ онъ съ нимъ, когда наступитъ возрастъ мысли. Какъ счастливы эти французы! прибавлялъ онъ съ нетерпѣніемъ. Ахъ, если бы я родился въ Парижѣ! Но я никогда не видалъ Парижа. Языкъ мой только савойскій жаргонъ».

Онъ не зналъ еще, что человѣкъ есть языкъ, и что жаргонъ этотъ могъ быть высокимъ краснорѣчіемъ, — что чѣмъ обработаннѣе языкъ, тѣмъ онъ безцвѣтнѣе, и что̀ французскій языкъ освѣжится въ Серволексѣ его геніемъ, какъ освѣжился онъ въ Шарметтѣ невѣдѣніемъ Руссо.

Впослѣдствіи времени племянникъ графа де Метра женился на одной изъ моихъ сестеръ. Въ Серволексѣ сдѣлалась она матерью, но вскорѣ умерла.

4.

Здѣсь пропускъ около двухъ лѣтъ. Въ продолженіи этого времени я не записывалъ ничего, потому-что пришлось бы записывать только ошибки и несчастія. Игра была моимъ главнымъ занятіемъ. Я проигрывалъ и выигрывалъ значительныя суммы въ Миланѣ, Парижѣ, Неаполѣ. Отозванный матерью, я возвратился въ отцовскій домъ, почти раззоренный, благодаря непредвидѣннымъ несчастіямъ.

. . . .

5.

Я жилъ тогда (если это можно назвать жизнью) въ какомъ-то полусвѣтѣ и полумракѣ; душа, чувства и мысли мои прозябали какъ въ осенніе сумерки. Я еще не жилъ, но уже утомился жизнью. Я удалился, такъ сказать, изъ бытія въ разочарованное уединеніе, въ одиночество сердца, которое создаетъ себѣ иногда человѣкъ, прекращая всѣ связи съ міромъ и отрекаясь отъ всякаго участія въ его движеніи. Эта преждевременная, добровольная старость ложна и притворна; подъ кажущейся холодностью таится въ ней юность пламеннѣе и бурнѣе прожитой.

Все семейство было въ отлучкѣ: отецъ у одного изъ моихъ дядей, на охотѣ въ бургонскихъ лѣсахъ; мать въ путешествіи; сестры по монастырямъ. Я провелъ въ Мильи цѣлое лѣто одинъ, съ старой служанкой, лошадью и собакой. Деревушка эта, сложенная изъ сѣрыхъ камней у подошвы горы, покрытой терномъ, съ пирамидальной колокольней, неровными каменистыми тропинками окаймленными навозомъ и лачужками, съ кровлями, покрытыми чернымъ мохомъ, живо напоминаетъ собою деревни Калабріи или Испаніи.

Мнѣ нравилась эта бѣдность, эта сушь, этотъ недостатокъ воды, тѣни и растительности. Такая природа, казалось мнѣ, лучше гармонируетъ съ моею душею. Я самъ былъ лозою этихъ холмовъ, ланью этихъ горъ. Совершенное безмолвіе въ отцовскомъ домѣ, пустота сада и комнатъ напоминали собою могилу. Мысль о гробницѣ ладила съ моимъ воображеніемъ. Я чувствовалъ или хотѣлъ чувствовать, что я мертвъ. Я любилъ каменный саванъ, въ который заключился добровольно. Въ домъ проникали только дальніе, монотонные звуки полей. Они до сихъ поръ отдаются въ моемъ слухѣ.

Какъ теперь слышу еще мѣрные удары цѣповъ, далекое блеяніе овецъ, голоса дѣтей, играющихъ на дорогѣ, башмаки виноградарей, идущихъ домой съ работы, шумъ прялокъ или стрекотаніе кузнечиковъ.

Я цѣлые мѣсяцы читалъ, мечталъ, бродилъ изъ своей комнаты въ пустую залу, изъ залы въ конюшню, полежать съ собакой на свѣжей постилкѣ, которую самъ готовилъ для моей

лошади; изъ конюшни въ садъ, изъ сада на гору, гдѣ, спрятавшись въ тернѣ, смотрѣлъ на снѣжныя вершины Альповъ, казавшихся мнѣ тогда, какъ и теперь, завѣсою страны, слишкомъ великолѣпной для человѣка. Съ печальнымъ наслажденіемъ внималъ я звону колокольчиковъ на шеѣ животныхъ, счастливыхъ, если только есть гдѣ пожевать имъ травку.

Я написалъ бы цѣлые томы, если бы записывалъ всѣ впечатлѣнія этого лѣта, всѣ трепетанія сердца, мысли, грусть и восторги души. Но я ничего не писалъ; всѣ эти чувства проносились внутри меня какъ вѣтеръ надъ горною травою; я не заботился о развѣянномъ шелестѣ и ароматѣ растеній, и не считалъ вздохи и ароматы моего юношескаго сердца достойными сохраненія. Я дошелъ даже до той точки унынія и душевной засухи, что находилъ наслажденіе въ сознаніи жизни безъ цѣли и результата, подобно цвѣтамъ на неприступныхъ вершинахъ Альпъ, гдѣ они прозябаютъ далеко отъ людского взора.

6.

Одно обстоятельство поддерживало во мнѣ это мрачное расположеніе духа и презрѣніе къ міру, именно бесѣды съ другимъ пустынникомъ, столько же чувствительнымъ, но болѣе меня несчастнымъ. Общество его было единственнымъ исключеніемъ изъ моего одиночества. Мы встрѣтились, я привыкъ его видѣть, и знакомство наше все больше и больше начало перераждаться въ дружбу; случай сблизилъ два существа различнаго возраста и званій (онъ былъ старше меня), но сходныхъ между собою по чувствамъ, характеру и душевной грусти. Одно изъ этихъ существъ былъ я, другое—бѣдный кюре изъ Бюссьера, къ приходу котораго принадлежитъ Мильи.

Я уже говорилъ о молодомъ викаріѣ, учившемъ дѣтей катехизису и латинскому языку въ домѣ бюссьерскаго кюре; лѣта и натура его не ладили съ педагогическими занятіями, на которыя онъ былъ осужденъ; онъ покидалъ книгу и ферулу раньше назначеннаго часа и отправлялся, съ ружьемъ и собакою, бродить по горамъ. Я уже говорилъ, что его звали Дюмонъ; что онъ жилъ въ приходѣ, какъ въ отцовскомъ домѣ; что мать его, женщина уже въ лѣтахъ, но еще прекрасная и граціозная, съ незапамятныхъ временъ управляла дѣлами прихода; что между

старымъ кюре и молодымъ викаріемъ было какое-то плохо определенное родство, и что родство это давало викарію въ домѣ кюре скорѣе значеніе сына, нежели нахлѣбника.

Наконецъ я разсказалъ, какъ маконскій епископъ, человѣкъ свѣтскій и ученый, принялъ его къ себѣ и воспиталъ среди свѣтскаго общества, собиравшагося у него до революціи. Революція разогнала это общество, конфисковала дворецъ, заключила епископа въ темницу, а молодого секретаря его удалила изъ роскоши въ бѣдный бюсьерскій приходъ. Стараго кюре уже не было въ-живыхъ. Молодой человѣкъ сдѣлался священникомъ, и приходъ достался ему какъ наслѣдство.

Аббату Дюмону было тогда 38 лѣтъ. Онъ былъ высокъ ростомъ, строенъ, — осанка воинственная, одежда мірская, тщательная, точно какъ-будто онъ хотѣлъ, не нарушая приличій, приблизиться, сколько возможно, къ костюму свѣтскаго человѣка и заставить забыть и себя и другихъ о званіи навязанномъ ему слишкомъ поздно.

Лицо его выражало энергію, гордость и мужество; ихъ смягчала только кроткая грусть, разлитая въ чертахъ. Въ очеркѣ щекъ видна было сдержанная страсть; губы тонкія и изящныя; носъ прямой, чрезвычайно правильный, съ очень подвижными ноздрями, узкій и мускулистый сверху, гдѣ онъ примыкаетъ ко лбу и раздѣляетъ глаза. Глаза были синіе, цвѣта морской воды, съ сѣроватымъ оттѣнкомъ; взоръ глубокій, нѣсколько загадочный, какъ недосказанное признаніе; лобъ выступающій впередъ, прямой, возвышенный и широкій. Черные волосы, уже нѣсколько порѣдѣвшіе, лежали на вискахъ гладкими прядями и возвышали бѣлизну кожи. Не было видно и слѣда тонзуры.

Такова была наружность человѣка, съ которымъ я, несмотря на разность нашихъ лѣтъ, незамѣтно заключилъ истинную и прочную дружбу. Насъ сблизило уединеніе, сосѣдство, сходство натуръ и общая грусть.

Года укрѣпили эту дружбу; она продолжалась до его кончины, и теперь, когда мнѣ случается проѣзжать по деревнѣ Бюссьеръ, лошадь моя поворачиваетъ по привычкѣ съ большой дороги къ кресту, взбѣгаетъ по каменистой тропинкѣ за церковь и сама останавливается у ограды кладбища. Черезъ стѣну виденъ могильный камень, положенный мною надъ прахомъ друга. Вмѣсто всякой эпитафіи я вырѣзалъ на немъ только его и мое

имя. Я приношу ему въ молчаніи, что̀ можетъ принесть живой мертвому: мысль.... молитву.... надежду свиданія въ иномъ мірѣ!...

7.

Мы сблизились естественно, сами того не предвидя. Ему не съ кѣмъ было бесѣдовать кромѣ меня въ этой пустынѣ, среди отсутствія людей, мыслей, книгъ,—всего, къ чему онъ привыкъ во дворцѣ маконскаго епископа. Мнѣ тоже некому было кромѣ него повѣрять движеній души, переполненной чувствомъ и грустью.

Мы встрѣчались часто: по воскресеньямъ въ церкви, въ прочіе дни на дорогѣ или въ горахъ. Изъ моихъ оконъ слышанъ былъ призывный лай его собакъ.

Частыя встрѣчи превратились въ потребность свиданія. Онъ замѣтилъ, что въ душѣ его собесѣдника есть зародыши, развитіе которыхъ интересно для наблюдателя. Я понялъ, что судьба обманула этого зрѣлаго и утомленнаго жизнью человѣка, какъ обманула она и меня; я увидѣлъ въ немъ душу больную, но сильную, и могъ отомстить за свои несчастія по-крайней-мѣрѣ привязанностью къ несчастливцу.

Я давалъ ему книги, за которыми каждую недѣлю отправлялся въ маконскую библіотеку. Онъ давалъ мнѣ старые томы церковной исторіи и богословской литературы, найденные имъ въ библіотекѣ маконскаго епископа. Они достались ему по завѣщанію. Мы бесѣдовали о томъ, что̀ читали, и замѣтили въ себѣ сходство мыслей и чувствъ. Каждый день, каждая книга, каждый разговоръ раскрывалъ намъ это яснѣе и сближалъ насъ еще болѣе. Къ людямъ привязываешься, открывая въ нихъ сходство съ собою. Любовь и дружба суть нечто иное, какъ взаимное отраженіе собственнаго существа въ сердцѣ другого. И когда два образа сливаются до такой степени, что составляютъ только одинъ, дружба или любовь достигли высочайшей степени. Къ этому-то совершенству приближалась наша дружба съ каждымъ днемъ.

8.

Скоро мы не могли уже довольствоваться случайными встрѣчами на дорогѣ. Онъ посѣтилъ меня, я его. Наши жилища раздѣляла только легкая возвышенность. У подошвы этого холма, покрытаго виноградомъ, билъ ключъ, осѣненный ивами, и тропинка бѣжала между плетнемъ въ луга.

Въ концѣ луговъ калитка вела въ садъ, окруженный стѣною. Въ концѣ сада стоялъ низенькій, продолговатый домикъ съ наружною галлереею, кровля которой покоилась на деревянныхъ столбахъ. На галлереѣ лежали двѣ прекрасныя собаки, ворчавшія, когда отворялась комната, и стояло нѣсколько горшковъ резеды и рѣдкихъ цвѣтовъ. На дворѣ нѣсколько куръ, на крышѣ голуби. Это былъ домъ приходскаго священника.

Противоположная сторона дома выходила на кладбище, зеленое какъ неровный лугъ. За кладбищемъ взоръ упирался на дикіе скаты горъ, раздѣленныхъ высокими каштанами; потомъ онъ скользилъ въ сторону и терялся въ глубинѣ мрачной долины, лѣтомъ покрытой жаркимъ паромъ солнца, зимою залитой туманомъ. Звонъ колокола по случаю крестинъ или похоронъ, шаги крестьянъ, возвращающихся съ работы, плачь дѣтей, — вотъ все, что слышалось вокругъ этого дома. Внутри его молчаніе нарушали только мать кюре съ своею племянницею, занятыя приготовленіемъ супа или сушкою бѣлья на галлереѣ.

9.

Скоро я сдѣлался ихъ постояннымъ гостемъ. Я приходилъ къ нимъ почти каждый день подъ вечеръ. Простившись съ тѣнью двухъ-трехъ грабинъ мильисскаго сада, закрывши книги, поласкавши лошадь и приготовивши ей свѣжую постилку, я медленными шагами всходилъ на холмъ и какъ тѣнь скользилъ между вечерними тѣнями ивъ. Собаки въ Бюссьерѣ не лаяли, когда я отворялъ калитку; онѣ меня знали, ждали въ извѣстный часъ и, встрѣтивши радостными прыжками, бѣжали впередъ, какъ-будто извѣщая о приходѣ друга.

10.

Я заставалъ обыкновенно аббата Дюмона за садовой работой: онъ обрѣзывалъ сушь, или пололъ салатъ, или очищалъ отъ гусеницы деревья. Я бралъ изъ рукъ матери лейку, помогалъ племянницѣ вертѣть колесо колодца. Мы работали въ-четверомъ въ саду, пока было видно, и потомъ возвращались въ комнату кюре. Стѣны этой комнаты были голыя, известка коегдѣ осыпалась отъ гвоздей, на которыхъ онъ вѣшалъ ружья, охотничьи ножи, платье и нѣсколько картинъ въ деревянныхъ рамкахъ, представлявшихъ Людавика XVI и его семейство въ Тамплѣ. Аббатъ Дюмонъ, какъ я уже замѣтилъ, былъ роялистъ и демократъ, — противорѣчіе, встрѣчавшееся въ ту эпоху очень часто; онъ былъ контръ-революціонеръ по чувству, несмотря на то, что ненавидѣлъ старое правленіе, и раздѣлялъ всѣ ученія и надежды революціи.

На стѣнахъ и каминѣ не было видно признаковъ его званія: ни молитвенника, ни распятія, ни образовъ, ни священнической одежды. Все это хранилось у звонаря. О священническомъ санѣ его напоминалъ только стоявшій въ углу хромой столикъ, съ лежащею на немъ метрическою книгою о родившихся и умершихъ.

Къ ночи онъ зажигалъ сальную свѣчу или восковой жолтый огарокъ, свалившійся съ какого-нибудь канделабра въ церкви. Послѣ минутнаго разговора или чтенія, племянница накрывала столъ, и мы садились ужинать. Ужинъ состоялъ обыкновенно изъ ржаного хлѣба съ отрубями, изъ яицъ, салата или спаржи, изъ улитокъ, собранныхъ на виноградныхъ листьяхъ и медленно сваренныхъ подъ золою, изъ тыквы, иногда изъ старой, тощей курицы, принесенной въ даръ бѣдною женщиною послѣ молитвы очищенія, и наконецъ изъ зайца или куропатки, убитой по утру на охотѣ. Другія блюда подавались рѣдко. Бѣдность не позволяла матери ходить на рынокъ. Пищу запивали мы туземнымъ краснымъ или бѣлымъ виномъ.

Аббатъ Дюмонъ, не имѣвшій никакихъ гастрономическихъ наклонностей, помогалъ иногда матери и, въ науку племянницѣ, надзиралъ за печеньемъ хлѣба, за жаркимъ на вертелѣ, за яйцами на огнѣ. Онъ собственноручно приправлялъ незатѣйливыя

блюда, и мы ѣли, подшучивая надъ мастерствомъ повара. Такимъ образомъ я пріучился самъ приготовлять себѣ простую деревенскую пищу и находить удовольствіе и даже какое-то особенное достоинство въ хозяйственныхъ занятіяхъ, освобождающихъ человѣка отъ ига нуждъ и уменьшающихъ ужасъ нищеты и недостатка.

11.

Послѣ ужина мы бесѣдовали тутъ же за столомъ или на террасѣ, при свѣтѣ луны. Предметами разговора были вопросы, неизбѣжно представляющіеся людямъ, занятымъ только своими идеями: земная участь человѣка, тщета честолюбія, несправедливость судьбы къ дарованіямъ и доблести, непостоянство и неопредѣленность мнѣній, религія, философія, литература различныхъ вѣковъ и народовъ, преимущество одного великаго человѣка передъ другимъ, превосходство какого-нибудь оратора или писателя надъ его соперниками, величіе или мелкость духа въ извѣстныхъ лицахъ, чтеніе отрывковъ изъ различныхъ писателей для повѣрки нашихъ сужденій, тирады изъ Платона, Цицерона, Сенеки, Фенелона, Боссюета, Вольтера, Руссо.

12.

Иногда, впрочемъ рѣдко, я декламировалъ прекрасные стихи древнихъ поэтовъ, по-латынѣ или по-гречески, подъ той самой кровлей, подъ которой учился когда-то разбирать ихъ по складамъ. Но стихи играли въ нашихъ бесѣдахъ незначительную роль. Аббатъ Дюмонъ, подобно многимъ другимъ умнымъ людямъ, не любилъ ихъ. Онъ понималъ смыслъ, но не чувствовалъ музыки писанаго слова. Ему казалось, также какъ и мнѣ впослѣдствіи времени, что есть что-то дѣтски унизительное для ума въ искуственномъ механизмѣ стиха и созвучіяхъ риѳмы, которые говорятъ только уху и присоединяютъ къ нравственному величію мысли или мужественной энергіи чувства наслажденіе чисто-чувственное. Стихи казались ему языкомъ дѣтства народовъ, проза — языкомъ мужескаго возраста. Теперь мнѣ самому кажется, что онъ былъ правъ. Поэзія не въ пустой звучности

стиха, но въ идеѣ, чувствѣ и образахъ. Стихокропатели скажутъ, что я клевещу, истинные поэты почувствуютъ, что я говорю правду. Превратить слово въ музыку не значитъ усовершенствовать его, но оматеріялизировать. Слово простое, вѣрно и сильно выражающее чистую мысль или голое чувство, какъ бы оно ни звучало,—вотъ гдѣ тайна стиля. Остальное—дѣтская забава: *nugae canores*. Если вы сомнѣваетесь, соедините мысленно Платона и Россини въ одно лицо. Что̀ выйдетъ? Вы конечно возвысите Россини, но унизите Платона.

13.

Я не осуждалъ и не одобрялъ тогда инстинктивной нелюбви мужественныхъ натуръ къ обольщенію стихотворной формы мыслей. Я любилъ стихи безъ всякой теоріи, какъ любятъ цвѣтъ, звукъ, запахъ. Я читалъ ихъ много, но самъ не писалъ.

Отъ литературныхъ предметовъ разговоръ естественно переходилъ къ высшимъ вопросамъ политики, философіи и религіи.

Когда слова начинали замирать на губахъ нашихъ и дремота смыкала глаза, я бралъ ружье и звалъ свистомъ мою собаку. Дюмонъ провожалъ меня до конца луговъ, и тутъ, пожавши другъ другу руку, мы разставались. Я молча перебирался черезъ каменистый холмъ, то въ лучахъ мѣсяца, то во влажномъ сумракѣ ночи, среди первыхъ тумановъ осени.

Старая служанка ждала меня за прялкой, при свѣтѣ мѣдной лампы въ кухнѣ. Я ложился, засыпалъ и просыпался на слѣдующее утро при трепетаньи ласточекъ, свободно влетающихъ ко мнѣ въ окно.

Что̀ меня больше всего привязывало къ Дюмону, такъ это облако грусти, отѣнявшее его физіономію. Эта тѣнь сглаживала послѣдній огонь юности въ его взорѣ и придавала голосу его какое-то унылое выраженіе, гармонировавшее съ уныніемъ моей души. Въ сердечныхъ изліяніяхъ его проглядывала какая-то тайна. Видно было, что онъ не высказываетъ всего, и что послѣднее признаніе останавливается у него на губахъ.

Я не старался вывѣдать этой тайны, и онъ никогда не довѣрилъ бы мнѣ ее самъ. Приличіе не позволяло ему, какъ священнику, сдѣлать подобнаго рода признаніе юношѣ моихъ лѣтъ. Но

шопотъ деревенскихъ женщинъ намекнулъ мнѣ кой о чемъ, а впослѣдствіи времени я узналъ эту тайну во всей подробности. Вотъ въ чемъ она состояла:

Когда маконскій епископъ былъ выгнанъ изъ своего зàмка и посаженъ въ тюрьму, аббатъ Дюмонъ былъ еще только молодымъ секретаремъ. Онъ возвратился къ Бюсьерскому кюре, давшему присягу конституціи, и распространилъ кругъ своего знакомства; смѣлый, умный и видный собою, онъ принималъ участіе во всѣхъ движеніяхъ, волновавшихъ маконскую и ліонскую молодежь во время паденія монархіи; а въ началѣ республики отличался въ особенности антипатіею къ якобинцамъ и смѣлыми противъ нихъ выходками. Преслѣдуемый во время террора какъ роялистъ, онъ дѣйствительно вступилъ наконецъ въ тайныя общества молодыхъ роялистовъ, разсыпанныхъ и помогавшихъ другъ другу отъ Севенскихъ горъ до полей Ліона.

Одинаковый образъ мыслей, частыя встрѣчи, общая опасность среди гражданской войны свели его съ сыномъ одного стараго дворянина изъ Фореца. Фамильный зàмокъ ихъ возвышался среди дикой долины на вершинѣ крутой горы. Тутъ было сборное мѣсто окрестныхъ роялистовъ. Старикъ овдовѣлъ въ началѣ революціи. У него остались четыре дочери, въ первой порѣ молодости. Воспитанныя безъ матери и гувернантки въ зàмкѣ стараго охотника, солдата, человѣка причудливаго и необразованнаго, онѣ отличались удивительною красотою, простодушіемъ, граціею, живостью впечатлѣній и рѣзвостью, свойственною ихъ возрасту.

Отецъ съ раннихъ лѣтъ пріучилъ ихъ принимать участіе въ его пирушкахъ, среди гостей всякаго сорта, ѣздить верхомъ, владѣть ружьемъ и ходить съ нимъ на охоту—главнѣйшее занятіе его въ жизни. Понятно, что дочери красавицы и вѣчный праздникъ въ зàмкѣ привлекали туда много молодежи.

Аббатъ Дюмонъ, ходившій въ охотничьемъ и военномъ костюмѣ, молодой, прекрасный собою, ловкій, краснорѣчивый, любимый отцомъ, другъ брата, нравящійся дочерямъ, сдѣлался однимъ изъ постоянныхъ посѣтителей зàмка. Онъ былъ у нихъ какъ родной, какъ братъ. У него была своя комната въ высокой башенкѣ, изъ которой на далекое пространство видна была единственная, ведущая въ зàмокъ дорога. Ему поручено было наблюдать за приближеніемъ жандармовъ или патрулей

національной гвардіи; онъ смотрѣлъ за безопасностью входовъ и порядкомъ въ арсеналѣ, всегда полномъ заряженныхъ ружей и пистолетовъ; тутъ были даже двѣ пушки, изъ которыхъ графъ *** рѣшился палить въ республиканцевъ, если они отважутся войти въ ущеліе.

Время проходило въ принимании и отправкѣ переодѣтыхъ вѣстниковъ, поддерживавшихъ связь суевѣрнаго и контръ-революціонернаго духа въ этихъ горахъ съ эмигрантами въ Савойѣ и заговорщиками въ Ліонѣ. Охотѣ пѣшкомъ и верхомъ, въ горахъ и въ лѣсахъ, не было конца. Жители замка безпрестанно учились владѣть оружіемъ и смѣялись издали надъ якобинцами сосѣднихъ городовъ, постоянно дѣлавшими доносы о *притонѣ* аристократовъ, но не смѣвшими подступить къ нему. Въ замокъ стекалась на игру и танцы молодежь изъ окрестныхъ замковъ, привлекаемая страстью къ приключеніямъ и удовольствіямъ.

Несмотря на близкое соприкосновеніе съ толпою гостей и отсутствіе надзора, молодыя дѣвушки, оказывая вниманіе однимъ преимущественно передъ другими, умѣли удержаться въ границахъ приличія и чистой нравственности. Память матери и личная опасность оберегали ихъ лучше самаго строгаго надзора. Онѣ были простодушны, но невинны, подобно крестьянкамъ, не пугливымъ и не чопорнымъ, но умѣющимъ хранить достоинство своего пола.

Двѣ старшія были помолвлены за двухъ молодыхъ дворянъ южной Франціи; третья ждала съ нетерпѣніемъ открытія монастырей, чтобы исключительно посвятить себя Богу. Спокойная среди всеобщей тревоги, холодная среди огня любовныхъ похожденій, она управляла домомъ отца какъ двадцатилѣтняя матрона. Четвертой только что исполнилось шестнадцать лѣтъ. Она была любимицей отца и сестеръ.

Ей удивлялись какъ молодой дѣвушкѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ были къ ней снисходительны какъ къ ребенку. Красота ея, болѣе привлекательная, нежели блестящая, была отраженіемъ любящей души, въ которую можно заглянуть сквозь лицо, глаза и улыбку. Чѣмъ больше въ нее всматривался, тѣмъ больше открывалъ въ ней нѣжности, невинности и добродушія. По тому, что увидѣлъ я нѣсколько лѣтъ позже, когда пыль жизни и слезы

уже уничтожили свѣжесть лица ея, можно было догадаться, какова была она шестнадцати лѣтъ.

Она сама не знала, какъ привязалась къ молодому другу своего брата, болѣе другихъ близкому ей по возрасту. Званіе роялиста устанавливало тогда какую-то короткость между приверженцами этой партіи; они встрѣчались въ дворянскихъ домахъ какъ товарищи битвъ.

Молодой человѣкъ имѣлъ много познаній. Отецъ поручилъ ему учить младшую дочь грамотѣ и религіи. Она смотрѣла на него какъ на брата, нѣсколько опытнѣе ея въ жизни. Онъ отвѣчалъ за нее, когда она отправлялась съ отцомъ и сестрами на опасную охоту за кабаномъ; онъ сѣдлалъ ей лошадь, заряжалъ и возилъ за нею ружье, помогалъ ей перебираться черезъ ручьи и овраги, доставалъ убитую ею дичь, окутывалъ ее во время дождя своимъ плащемъ. Такія близкія сношенія между пылкимъ юношей и ребенкомъ, незамѣтно дѣлавшимся молодою дѣвушкою, не могли не превратиться въ любовь. Самая опасная для сердца ловушка — привычка, прикрытая невинностью. Они попали въ эту ловушку прежде, нежели успѣли опомниться. Время и обстоятельства не замедлили открыть имъ глаза.

Революціонный комитетъ города ** узналъ о замыслахъ, безнаказанно питаемыхъ въ зàмкѣ **. Комитетъ негодовалъ на трусость или соумышленность сосѣднихъ городскихъ начальствъ, которыя не смѣли или не могли уничтожить это гнѣздо заговорщиковъ. Онъ положилъ загасить этотъ очагъ контръ-революціи, грозившій пожаромъ цѣлой странѣ. Втихомолку былъ собранъ отрядъ жандармовъ, легкаго войска и національной гвардіи. Отрядъ шелъ всю ночь, чтобы подойти къ стѣнамъ зàмка до зари и застать жителей его врасплохъ.

Изъ зáмка, окруженнаго во время сна жильцовъ со всѣхъ сторонъ, бѣжать было невозможно. Командиръ отряда потребовалъ у графа **, чтобы онъ приказалъ отворить ворота. Поневолѣ должно было повиноваться. Предписанія арестовать графа и всѣхъ совершеннолѣтнихъ членовъ семейства, неисключая женщинъ, были уже заготовлены заранѣе. Стараго владѣтеля зàмка, брата его, сына, гостей, прислугу и трехъ старшихъ дочерей посадили на телѣжки, чтобы отвезти въ ліонскую тюрьму. Гербы, оружіе и двѣ пушки повезли за ними какъ военную до-

бычу. Отъ плѣна ушли только обычный гость зàмка и меньшая дочь графа.

Пробужденный въ своей башнѣ шумомъ оружія и топотомъ лошадей, молодой человѣкъ поспѣшно одѣлся, вооружился и пошелъ въ арсеналъ, съ цѣлью какъ можно дороже продать свою жизнь, защищая другихъ. Но было уже поздно. Всѣ входы зàмка были заняты національною гвардіею. Командиръ отряда былъ уже съ жандармами въ комнатѣ графа и опечатывалъ его бумаги. Молодой человѣкъ встрѣтилъ на лѣстницѣ дочерей графа, едва одѣтыхъ. Онѣ шли раздѣлить участь отца.

— Спасите сестру, сказали онѣ ему поспѣшно. Мы пойдемъ за отцомъ всюду, въ тюрьму и на казнь; но она еще дитя и не имѣетъ права располагать своею жизнью, Укройте ее отъ этихъ негодяевъ. Вотъ вамъ золото. Вы найдете ее въ нашей комнатѣ; мы одѣли ее въ мужское платье. Вы знаете тайные ходы зàмка. Богъ защититъ васъ. Проводите ее въ Севенны къ теткѣ; у насъ нѣтъ другихъ родныхъ, она приметъ ее какъ дочь. Прощайте.

Гость исполнилъ ихъ порученіе, ладившее съ его собственнымъ желаніемъ.

14.

Въ зàмкѣ **, какъ почти во всѣхъ укрѣпленныхъ жилищахъ среднихъ вѣковъ, былъ подземной ходъ, который велъ изъ подваловъ главной башни поперекъ террасы къ подъемной двери, и потомъ, опустившись ступеней на 400 или на 500 по темной лѣстницѣ, оканчивался у подошвы горы, на которой стоялъ зàмокъ. Желѣзная рѣшетка, какъ въ окнѣ темницы, отворялась въ щель скалы и вела въ обширные луга, окруженные лѣсомъ и составлявшіе русло рѣки.

Республиканцы не знали о существованіи этой двери, никогда не отворявшейся. Только жителямъ зàмка извѣстно было гдѣ хранится ключъ. Молодой человѣкъ взялъ его, взошелъ въ комнату дѣвушки, увлекъ ее, плачущую, по темному ходу, открылъ рѣшетку, и никѣмъ не замѣченный вышелъ подъ ивы. Скользя отъ дерева къ дереву вдоль ручья, онъ достигъ съ нею лѣса.

Лѣсъ былъ ему знакомъ; вооруженный двумя ружьями, съ запасомъ золота въ карманѣ, онъ не боялся уже встрѣчи съ

людьми. Преданный какъ рабъ, внимательный какъ отецъ, онъ провелъ свою спутницу, которую принимали за его брата, до окрестностей городка, гдѣ жила ея тетка.

Одежда охотника избавляла его отъ необходимости изъяснять, зачѣмъ онъ удаляется отъ большихъ дорогъ и деревень, и кромѣ того крестьяне этихъ горъ, роялисты и приверженцы револиціи, привыкли уважать тайны частныхъ побѣговъ и разныя переодѣванья.

Однако же, собираясь войти въ городъ, гдѣ надзоръ, безъ сомнѣнія, былъ строже, онъ расчелъ, что лучше предупредить тетку о приходѣ племянницы, и условиться, когда и подъ какимъ именемъ ввести ее къ ней.

Онъ послалъ къ ней ребенка съ запиской. Черезъ нѣсколько часовъ, въ продолженіи которыхъ молодая спутница его не переставала плакать при мысли о близкой разлукѣ, ребенокъ возвратился съ запиской. Тетка была арестована и отвезена въ Нимъ. Домъ ея былъ опечатанъ, и убѣжище племянницы закрылось, когда она уже думала вступить въ него. Это извѣстіе больше поразило, нежели опечалило ихъ. Мысль о близкой и вѣчной разлукѣ огорчала ихъ сильнѣе, нежели они сознавались въ томъ самимъ себѣ. Рокъ соединилъ ихъ.

15.

Они посовѣтовались, что̀ имъ дѣлать, и естественно рѣшились прибѣгнуть къ средству, которое отдаляло ихъ разлуку. Остановиться у бюссьерскаго кюре значило добровольно отдаться подъ арестъ и погубить своего благодѣтеля; у молодой дѣвушки не было ни одного родственника, жилище котораго не было бы заперто для нея терроромъ и сами жильцы изгнаны. Они рѣшились снова приблизиться къ за̀мку ** и поискать пріюта гдѣ нибудь въ горной хижинѣ, у крестьянина, преданнаго своему бывшему господину.

Они медленно пошли назадъ. Однажды ночью они постучались въ двери бѣдной женщины, вдовы башмачника, бывшей кормилицы молодой дѣвушки, на вѣрность которой можно было положиться. Хижина, стоявшая на одной изъ послѣднихъ площадокъ высокой горы, въ пролѣскѣ, была посѣщаема толь-

ко дровосѣками или окрестными охотниками. Ея едва было видно снизу, и только синеватый дымокъ, подымаясь по утру и ввечеру надъ деревьями, говорилъ о присутствіи тамъ людей.

16.

Хижина состояла всего изъ одной комнаты, гдѣ жила эта бѣдная женщина съ дѣтьми. Рядомъ былъ хлѣвъ, длиннѣе комнаты, съ плетенымъ потолкомъ. Ослица, двѣ козы и нѣсколько овецъ входили въ него на ночь съ поля, подъ надзоромъ дѣтей.

Кормилица, знавшая о случившемся въ замкѣ, о взятіи подъ стражу графа и пропажѣ своей питомицы, зарыдала, узнавши ее въ мужскомъ костюмѣ. Она уступила ей свою постель, а себѣ постлала травы у ея ногъ. Малютокъ перемѣстила она въ хлѣвъ, а гостю дала нѣсколько пачекъ льна укрыться отъ холода на сѣнникѣ.

На зарѣ она отправилась закупить хлѣба, вина, сыру и куръ, но изъ осторожности скупила эту провизію по частямъ въ разныхъ деревняхъ. Передъ полуднемъ она возвратилась съ своею ношей и накрыла на столъ.

17.

Кормилица запретила своимъ дѣтямъ удаляться отъ хижины на извѣстное пространство и разсказывать пастухамъ о гостяхъ, принесшимъ съ собою радость и довольство. Дѣти, гордыя оказанною имъ довѣренною, хранили тайну. Никто въ окрестности не подозрѣвалъ, что въ бѣдной хижинѣ башмачника скрывается цѣлый міръ счастья, любви и вѣрности.

Никто не можетъ знать и описать, что происходило въ сердцахъ молодыхъ людей, сближенныхъ уединеніемъ и общею нуждою въ продолженіи цѣлаго года. Все это не переступило за порогъ хижины. Они выходили вдвоемъ только ночью, съ заряженными ружьями, и, удаляясь отъ дорогъ, бродили среди ароматическаго воздуха полей и лѣсовъ. Они собирали цвѣты или садились на скатѣ скалы, откуда взоръ ниспадалъ въ долину, на опустѣлый замокъ ***, въ которомъ не мелькало уже огней, и на

безбрежный какъ море горизонтъ, разстилавшійся за бассейномъ Роны до снѣговъ итальянскихъ Альповъ.

18.

Кто осудитъ ихъ, а не судьбу ихъ? кто можетъ сказать, на какой неопредѣленной чертѣ между добродѣтелью и любовью остановилось взаимное ихъ чувство? Одинъ Богъ могъ это видѣть. Глазъ человѣка не проникаетъ въ подобную тайну. Проступокъ онъ видитъ только сквозь слезы и очищаетъ его осужденіемъ. Міръ для нихъ недоступный, — небо открытое, изгнаніе, невольно тѣснившее сердца ихъ одно къ другому, одинаковый возрастъ, одинаковая одежда, общія впечатлѣнія, невинность и непониманіе опасности, разность состояній, забытая вдали отъ свѣта, неизвѣстность, вступятъ ли они когда-нибуль снова въ этотъ свѣтъ съ его условіями, желаніе воспользоваться свободой, которой ежеминутно могутъ быть лишены, краткость жизни въ такое время, когда завтра ни для кого не было вѣрно, — ночь, луна и звѣзды, приводящія глаза и сердце въ упоеніе, — плѣнъ въ тѣсной хижинѣ, гдѣ нечѣмъ было развлечься мысли и гдѣ никто не прерывалъ ихъ бесѣдъ, — самое жилище, неприступною точкой висѣвшее въ атмосферѣ, сдѣлавшееся для нихъ всѣмъ міромъ и казавшееся имъ отдѣльнымъ островомъ, парящимъ высоко надъ землею, подъ самымъ небомъ, — все влекло ихъ другъ къ другу, все связывало ихъ души, все заставляло ихъ искать исчезнувшую жизнь единственно въ своихъ сердцахъ. Жизнь ихъ удвоилась въ ту самую минуту, когда они опасались потерять ее.

19.

Были ли они столько благоразумны, что предвидѣли опасность своего уединеннаго положенія? достало ли у нихъ силъ устоять? любили ли они другъ друга какъ братъ и сестра? Кто это скажетъ? Я зналъ ихъ очень коротко; но ни онъ, ни она не говорили мнѣ ни слова объ этомъ годѣ своей жизни. Только встрѣчаясь впослѣдствіи времени, они избѣгали другъ друга при

людяхъ. Румянецъ пробѣгалъ по щекамъ ихъ, смѣняясь блѣдностью, точно какъ-будто передъ ними мелькнула тѣнь времени съ ея магическими призраками минувшаго. Былъ ли это остатокъ неугасшаго еще чувства? или равнодушіе, встревоженное воспоминаніемъ? сожалѣніе или раскаяніе? Кто прочтетъ въ закрытомъ сердцѣ слова, смытыя слезами и доступныя только оку Всевидящему?

20.

Такъ прошло болѣе года. Потомъ терроръ утихъ. Темницы растворились. Старый графъ возвратился въ свой зàмокъ съ тремя дочерьми. Кормилица привела къ нему меньшую. Гость ихъ послѣдній вышелъ изъ этихъ горъ.

Печальный, въ нѣсколько мѣсяцовъ постарѣвшій двадцатью годами, возвратился онъ въ Бюссьерскій приходъ. Онъ все больше и больше предавался охотѣ, вмѣстѣ съ моимъ отцомъ и окрестными дворянами. Иногда только онъ удалялся на нѣсколько дней, неизвѣстно куда. Возвращаясь, онъ говорилъ, что собаки его забѣжали далеко по слѣдамъ козъ, и что онъ принужденъ былъ итти за ними. Въ зàмкѣ *** все пошло, какъ говорили, по старому, только прежній гость ихъ уже не являлся къ графу.

21.

Кормилица продолжала по прежнему жить въ своей хижинѣ и воспитывала у себя какого-то сироту, одѣтаго въ бѣлье нѣсколько получше горскихъ дѣтей. У него бывали игрушки, очевидно купленныя въ городѣ. Когда кормилицу спрашивали, кто этотъ сирота, и за чѣмъ отличаетъ она его отъ своихъ дѣтей, она отвѣчала, что нашла его однажды утромъ подъ деревомъ, и что какой-то разносчикъ приноситъ ему иногда бѣлье и игрушки изъ коралла или слоновой кости. Я зналъ этого ребенка, дитя изгнанія: печаль виднѣлась въ душѣ и чертахъ лица его.

Лѣтъ черезъ пять или шесть младшая дочь графа вышла за одного старика, добраго и снисходительнаго къ ней, какъ къ дочери. Она посвятила себя его старости. Онъ увезъ ее въ маленькій городъ на югъ Франціи. Товарищъ ея изгнанія, колебав-

шійся до тѣхъ поръ между міромъ и церковью, вышелъ изъ этой нерѣшимости, узнавши о ея замужствѣ. Ему не о чемъ было жалѣть въ жизни, и онъ отрекся отъ міра легко. Онъ вступилъ въ семинарію,—потомъ на нѣсколько недѣль удалился къ маконскому епископу, выпущенному изъ темницы и доживавшему вѣкъ свой среди бѣдности и болѣзни въ домѣ одного изъ своихъ вѣрныхъ служителей, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ своего прежняго епископскаго дворца. Епископъ посвятилъ его, и онъ возвратился въ Бюссьеръ, гдѣ и оставался въ должности викарія до смерти стараго кюре.

22.

Вотъ сокровенный смыслъ жизни человѣка, поставленнаго судьбою рядомъ со мною, какъ печальное созвучіе раннему разочарованію моей молодости, какъ горькая улыбка надъ бездною скорбнаго чувства, болѣзненныхъ воспоминаній, дорого искупленныхъ ошибокъ, недогорѣвшей любви и сдержанныхъ слезъ. Все это проглядывало въ его наружности, лицѣ, молчаніи и звукѣ голоса и привязывало меня къ нему. Будь онъ счастливъ и благоразуменъ, я не полюбилъ бы его такъ сильно. Въ дружбѣ человѣка есть частица сожалѣнія. Несчастіе привлекаетъ. Сердце наше спаяно слезами, и почти всѣ глубокія чувства начинаются ощущеніемъ скорбнымъ.

23.

Такъ провелъ я это лѣто. Сдавленная уединеніемъ нравственная жизнь, сосредоточенность мысли, врабатывавшейся постоянно внутрь моего существа, тревожныя движенія сердца, горѣвшаго безъ дѣйствительной пищи и возмущаемаго отсутствіемъ воздуха, свѣта и любви, отразились даже въ моемъ тѣлѣ и произвели спазмы, разслабленіе, отвращеніе отъ жизни, которое я принималъ за болѣзнь тѣла, тогда какъ это былъ недугъ душевный.

Нашъ домашній докторъ, заѣзжавшій ко мнѣ иногда мимоѣздомъ, испугался моего состоянія. Его звали Паскаль. Это былъ человѣкъ добрый, чувствительный, умный. Онъ любилъ

меня какъ растеніе, взрощенное его попеченіемъ. Онъ приказалъ мнѣ отправиться на воды въ Э, хотя время купанья уже миновалось, — былъ октябрь, и холодные туманы начинали уже разстилаться по долинамъ. Но онъ имѣлъ въ виду не столько купанья, сколько перемѣну мѣста жительства и нравственное потрясеніе. Увы! я послѣдовалъ его совѣту слишкомъ усердно.

Я занялъ 25 луидоровъ у стараго пріятеля отца моего, Блонделя, любившаго молодыхъ людей, потому-что самъ былъ одаренъ добротою, этою вѣчною юностью сердца. Я пустилъ свою лошадь на волю вмѣстѣ съ коровами и уѣхалъ безъ радости и ожиданій, какъ бывало прежде, но мрачный, молчаливый, какъ-будто предчувствуя, что потеряю дорогой частицу самого себя и возвращусь, утративши свое сердце.

Вотъ строки, написанныя мною въ эту эпоху на маринезѣ Тацита:

24.

(Писано на дорогѣ, подъ деревомъ, въ долинѣ Эшелль, въ Шамбери.)

Сегодня мнѣ минуло двадцать лѣтъ, а я усталъ, какъ-будто прожилъ сто. Я не думалъ, чтобы жить было такъ трудно. Отчего же однакожь? Куска хлѣба и капли воды изъ этого источника, кажется, довольно для существованія. Органы мои здоровы, члены бодры. Я свободно вдыхаю ароматическій воздухъ. Надо мной разстилается блестящее небо. Вотъ ручей, журчащій въ радости, что бѣжитъ возлѣ меня; вотъ водопадъ, гордо льющійся радугою; скалы съ ихъ мохомъ и цвѣтами, освѣженными влагою; вотъ зàмки, какъ гнѣзда ласточки, свитыя на вершинахъ горъ,—стада, пасущіяся въ густой травѣ,—пастухи, неподвижно смотрящіе на теченіе ручья и дня,—крестьяне и крестьянки, спѣшащіе въ праздничномъ нарядѣ къ обѣдни, — во всемъ этомъ не отражается ли довольство жизнью? Видны ли на этихъ лицахъ, такъ какъ на моемъ, морщины мысли? Нѣтъ. На нихъ разлитъ свѣтъ безъ тѣни. Прозрачныя души ихъ видны насквозь. А мнѣ нужно усиліе и цѣлые часы, чтобы разглядѣть, чтò шевелится внутри меня....

Однако же земныя страсти отъ меня уже далеко. Сердце тяжело, когда пусто. Отчего? оттого, что оно полно скуки. Да, меня мучитъ страсть самая ужасная и томительная — скука!

Я былъ безумецъ. Я встрѣтилъ счастье и не узналъ его, или, вѣрнѣе, узналъ его, когда оно уже исчезло. Я не оцѣнилъ его, я отъ него отказался, и его взяла себѣ смерть. О Граціелла! Граціелла!... зачѣмъ я тебя покинулъ?... Единственные блаженные дни въ моей жизни были тѣ, которые я провелъ съ тобою въ бѣдной хижинѣ твоего отца. Зачѣмъ я тамъ не остался? зачѣмъ не понялъ я, что ты меня любила? а когда понялъ, зачѣмъ не предпочелъ я тебя всему, зачѣмъ не сдѣлался рыбакомъ, подобно твоему отцу, и не забылъ въ твоихъ объятіяхъ и имя мое, и отечество, и воспитаніе, всѣ цѣпи души, не дающія сдѣлать ей и шагу туда, куда влечетъ ее натура?...

Теперь уже поздно. Мнѣ осталось только вѣчное сожалѣніе о томъ, что я покинулъ тебя. Я могу теперь подарить тебя только слезою, неизбѣжно выступающею на глаза при воспоминаніи о тебѣ, — слезою, причину которой я скрываю отъ людей, чтобы они не сказали: онъ плачетъ о дочери рыбака, которая даже не всякой день ходила въ башмакахъ, и зарабатывала себѣ пропитаніе обдѣлывая кораллъ, — хороша любовница для человѣка, который перевелъ Тибулла и читалъ Дората и Парни!

Тщеславіе, тщеславіе! ты губишь сердца! ты извращаешь природу! Я не выдумаю довольно сильной на тебя хулы.

О, если бы вздохъ печальнѣе шума воды въ этой безднѣ могъ воскресить тебя! я бросился бы омыть твои ноги моими слезами! ты простила бы меня, я гордился бы моимъ униженіемъ въ глазахъ свѣта, ради тебя!

Вижу тебя вновь, какъ-будто насъ не раздѣляли четыре года разлуки и мракъ могилы. Сѣрое платье охватываетъ твою дѣтскую талью и ниспадаетъ до босыхъ ногъ. Простой черный шнурокъ сдерживаетъ его на груди. Въ волосы вплетены два красныхъ цвѣтка. Ты сидишь на террасѣ у моря, гдѣ сушится бѣлье, гдѣ рѣзвится ящерица, между двумя-тремя горшками резеды и розмарина. Порогъ твоей комнаты осыпанъ пылью коралла. Передъ тобой стоитъ хромой столикъ. Я за тобою, я вожу твоею рукою и учу тебя писать. Ты пишешь прилежно, почти прилегши щекою къ столу, и вдругъ начинаешь плакать отъ стыда и досады, замѣтивши, что копія далеко хуже подлинника. Я браню тебя, ободряю, и ты снова берешься за перо. Дѣло идетъ удачнѣе. Краснѣя отъ радости, ты оборачиваешься ко мнѣ и ищешь награды во взглядѣ учителя. Я разсѣянно нама-

тываю себѣ на палецъ локонъ твоихъ волосъ, живое кольцо! — Ты говоришь мнѣ: «Ты доволенъ? Могу я написать твое имя?» Урокъ конченъ, ты принимаешься за свою работу, я сажусь читать у ногъ твоихъ.

А зимніе вечера, когда жаръ горящихъ оливокъ, отражаясь на шеѣ и лицѣ твоемъ, уподоблялъ тебя Форнаринѣ! а прекрасные дни въ Прочидѣ, а задумчивая поза твоя, когда ты, бывало, мечтаешь, глядя на меня! а ночь, когда я тебя оставилъ мертвую и блѣдную, какъ мраморная статуя, и когда я понялъ наконецъ, что тебя убила мысль и что эта мысль — былъ я! — О, не надо мнѣ другаго образа! Въ моемъ минувшемъ есть могила, въсердцѣ моемъ есть крестъ. Съ нимъ сплетены чистѣйшія воспоминанія!...

Здѣсь прекращается замѣтка. За ней слѣдуютъ отрывки стиховъ и счеты гостинницъ на Шамберійской дорогѣ.

НЕУТѢШНАЯ ВДОВА.

РОМАНЪ МЕРИ.

ВВЕДЕНІЕ.

Всѣ наблюдатели признали, что человѣчество вообще чрезвычайно порочно, и что города — скопища смертныхъ грѣховъ. Мы всѣ повѣрили этому на-слово и смотримъ на сосѣда такъ недовѣрчиво, что повѣсили на окна жалюзи, чтобъ скрыть отъ него жену, а въ двери вдѣлали замки, чтобы спрятать отъ него свои деньги.

Эта сатира на человѣчество исчезаетъ у воротъ кладбища. Всѣ эпитафіи опровергаютъ наблютательную философію. Ювеналъ, Петроній, Монтань, Ларошфуко, Мольеръ уничтожаются на мраморахъ грабницъ. Каждое «здѣсь покоится» составляетъ предисловіе похвальнаго слова. Каждый порядочно погребенный былъ добрымъ отцомъ, добрымъ мужемъ, добрымъ сыномъ, другомъ, гражданиномъ, наставникомъ, воиномъ. Каждая покойница была доброю супругою, матерью и вѣрною всѣмъ семейнымъ обязанностямъ. Прочтите эти тысячи эпитафій, и вамъ станетъ досадно на этихъ наблюдателей, которые ввели васъ въ такое заблужденіе; возвратясь домой, вы готовы воздать справедливость сосѣду и ввѣрить ему вашу жену и денежный сундукъ.

Особенно вдовы расположены писать прекрасныя эпитафіи своимъ покойнымъ половинамъ, и это понятно. Вдова говоритъ мраморщику :

— Сдѣлайте мнѣ надгробный памятникъ.

— Для васъ, сударыня? спрашиваетъ серьёзный мастеръ.

— Нѣтъ, для моего мужа.

— Который умеръ?

— Ахъ, да!

И вдова плачетъ, и ея слезы исполнены гидравлической искренности.

Мастеръ принимается за работу : высѣкаетъ слезную урну, плачущую иву и кипарисъ и, изобразивши всѣ добродѣтели покойника, прибавляетъ неизбѣжный припѣвъ :

«Его неутѣшная вдова поставила ему этотъ надгробный памятникъ.»

Такимъ образомъ, если вдова въ одинъ прекрасный день разсудитъ утѣшиться, надгробная ложь падаетъ на мраморщика.

Впрочемъ есть старинныя формулы, которыя, ничего не доказывая, нисколько и не обязательны. Пишутъ также точно «неутѣшная вдова», какъ пишутъ «покорнѣйшій и преданнѣйшій слуга» въ письмѣ къ своему корреспонденту. Попробуй же онъ попросить васъ вычистить его шляпу, вы пошлете ему вызовъ на дуэль.

Всякое вдовство бываетъ утѣшено ; это очень извинительно и очень естественно. Исключить надо только индѣйскихъ вдовъ, которымъ законъ не даетъ времени утѣшиться. Но и въ этой странѣ, благодаря цивилизаціи, желѣзной дорогѣ изъ Бомбея въ Мадрасъ и губернатору Индіи, вдовы скоро примутъ европейскіе нравы ; и теперь, со времени сэра Вилльяма Бентинка, англійскіе сержанты женятся на бенгальскихъ вдовахъ, у самого смертнаго костра, грозя бонзамъ и факирамъ мщеніемъ Morning-Chronicle и шпаги полковника Фенерана.

Сама Артемиза, эта царица и образецъ неутѣшныхъ вдовъ, ужь черезчуръ возвеличена холостяками-историками. Если бы она серьёзно была намѣрена никогда не утѣшиться, ей стоило бы только послѣдовать индѣйскому обычаю, очень хорошо извѣстному въ ея странѣ : стоило бы только сложить костеръ для себя, а не строить мавзолей мужу. Конечно, много славы — гло-

тать ежедневно, какъ Артемиза, по ложкѣ пепла отъ праха супруга. Но сколько бы ни осталось этого пепла отъ тѣла сожженнаго мужа, все же когда-нибудь запасъ истощится, и тогда всходитъ заря семейнаго утѣшенія. Тоже случилось и съ Артемизой. Проглотивши понемногу супруга, она тайно обвѣнчалась съ молодымъ Назобомъ, котораго ей при жизни еще представилъ почтенный мужъ. Однакожь все это нисколько не мѣшаетъ имени Артемизы красоваться на вывѣскѣ магазина траурныхъ матерій, на бульварѣ Bonne-Nouvelle.

Чѣмъ сильнѣе печаль, тѣмъ ощутительнѣе потребность утѣшенія. Не станемъ вѣрить на-слово эпитафіямъ.

Романисты всегда выѣзжали на вымыслахъ о вдовахъ и всегда будутъ выѣзжать. — Вдова есть жена по преимуществу; за нею покойно нравственному писателю: вдова не обязываетъ повѣствователя рисовать картину соблазна или обольщенія, чтобы преступно возбудить вниманіе читателя; авторъ пользуется всѣми литературными выгодами страсти и не рискуетъ попасть въ опасныя несообразности.

Мы хотимъ здѣсь разсказать еще одну исторію вдовы, Лавиніи, которая будетъ героинею. Она ирландка; но всѣ вдовы землячки: онѣ изъ страны вдовъ. Артемиза, Лавинія, послѣдняя малабарская вдова—всѣ онѣ соотечественницы.—Это замѣчаніе не относится ко вдовцамъ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

ЛАВИНІЯ.

Въ 1835 году Альбинъ де Сервіанъ былъ однихъ лѣтъ съ своимъ вѣкомъ, но не однихъ нравовъ. Это былъ человѣкъ первобытный: его ставили въ образецъ скромности, чистоты нравовъ, прямоты и особенно патріархальной вѣрности.

Отецъ его, графъ Годефруа де Сервіанъ, французскій эмигрантъ, путешествовалъ въ Ирландіи въ 1793. Онъ давно забылъ о несчастіяхъ своего отечества и о собственныхъ, изучая,

съ точки зрѣнія французскаго искусства, хорошенькихъ ирландокъ Дублина. Послѣ извѣстія о побѣдѣ при Маренго, графъ Сервіанъ потерялъ надежду на возвращеніе Бурбоновъ и, размышляя о всѣхъ возможныхъ способахъ самоубійства, женился.

Жена его имѣла одно только благородство души; она была дочь земледѣльца изъ графства Керри. Въ глазахъ французскаго жантильома неровность брака скрылась за сорока тысячами фунтовъ стерлинговъ приданаго, которое пріобрѣлъ тесть, доведя килларнейскій картофель до такой степени питательности, какой и не знавали въ Пармантье.

Графъ Сервіанъ, навсегда распростясь съ Франціею и ея революціями, 28 лѣтъ жилъ въ Дублинѣ, уважаемый чернью и знатью, несмотря на свои многочисленные недостатки. Все ему прощали, потому-что онъ все любилъ. Жена не пережила его нѣсколькими годами — жена обожаемая, ангелъ кротости, скромности и доброты, какъ выражается эпитафія на дублинскомъ кладбищѣ, и — странная вещь! — эпитафія не обманываетъ.

Возвратимся къ 1835 году, эпохѣ этой простой исторіи, которая яснѣе дня, какъ всѣ ночныя исторіи, и представляетъ великіе уроки.

Въ тоже время цвѣлъ въ Дублинѣ молодой шотландецъ тридцати лѣтъ, по имени Макдугаль. Герой нашъ происходилъ отъ бѣдныхъ, но благородныхъ предковъ, и томимый жаждой золота, котораго не могъ извлечь изъ разрушеннаго своего замка, богатаго только старымъ желѣзомъ, спустился съ своихъ горъ, чтобъ возвыситься до своего вѣка. Макдугаль, хищный и лукавый, какъ всѣ горцы, хотѣлъ увеличить свою природную прозорливость и сталъ изучать человѣческое сердце въ Адиссонѣ и Вальтеръ-Скоттѣ. Съ этимъ двойнымъ сокровищемъ опыта, вооруженный для нападенія, и въ бронѣ для защиты, онъ не боялся ни вѣроломства мужчины, ни очарованія женщины и летѣлъ къ богатству по желѣзной дорогѣ.

Еще одна поѣздка изъ Кингстона въ Новый-Орлеанъ, и Макдугаль — первый домъ въ Дублинѣ. Съ горы на гору, нашъ шотландецъ происходилъ отъ Робъ-Роя. Но есть еще, говорилъ онъ про себя, два-три владѣтеля раззоренныхъ клановъ, которые, продавъ свое послѣднее знамя, чтобы купить себѣ исподнее платье, сожалѣютъ о моемъ безславіи; зато, когда я стану

милліонеромъ, придутъ они ко мнѣ же кланяться; имъ стыдно станетъ, что предкомъ моимъ они считали только Робъ-Роя, и колыбель моего рода они поставятъ въ десять разъ выше въ туманы, въ родъ Оссіана».

Понятно, что нѣкоторое сходство въ происхожденіи и богатствѣ съ первой встрѣчи тѣсно сблизило потомка Робъ-Роя и сына парижскаго жантильома, женатаго на неро́внѣ. Послѣ очень продолжительной пріязни и изученія сердца человѣческаго, Макдугаль зналъ вполнѣ всѣ добродѣтели Альбина де Сервіанъ и, при случаѣ, также пользовался ими, какъ пользуются пороками. Всѣ свои тайны, кромѣ одной, юный шотландецъ повѣрялъ Сервіану. Сервіанъ не зналъ только, что Макдугаль, для развлеченія отъ своихъ торговыхъ занятій, тайно отправлялся каждый вечеръ въ Королевскій театръ, чтобъ поклониться Корѣ, молоденькой артисткѣ, которою восхищался весь Дублинъ, и которая очень хорошо говорила, а пѣла фальшиво. Театръ дрожалъ отъ рукоплесканій, когда любимица публики готовилась пѣть романсъ изъ Фра-Діаволо:

Look on this hill.

Оберъ, отецъ этой очаровательной музыки, не узналъ бы своего созданія въ голосѣ Коры; но Макдугаль, которому удавалось слышать охриплые голоса оссіяновскихъ бардовъ, приходилъ въ упоеніе отъ мелодической фальши въ пѣніи первой дублинской пѣвицы.

Кромѣ этой прихоти, Макдугаль имѣлъ привычку, которая, со дня на день усиливаясь, доходила до страсти. Тогда много говорили о молодой вдовѣ, извѣстной подъ именемъ мистриссъ Лавиніи. Въ Дублинѣ считали ее образцомъ вдовъ, и многія дѣвицы, слушая эти вѣчныя хвалы, лелѣяли въ своемъ наивномъ сердцѣ мысль когда-нибудь заслужить такіе же отзывы. Мистриссъ Лавинія считала себѣ 26 лѣтъ, двумя годами менѣе, чѣмъ показывало ея метрическое свидѣтельство,—вычетъ очень благоразумный для вдовы. Она была сложена нѣжно и очаровательно; ножки испанскія, волосы черные и длинные, глаза цвѣта Дублинскаго залива, когда онъ покоенъ; и всѣ эти прелести возвышались тою безъискуственною граціею, которою природа, сама себѣ невѣдомо, надѣляетъ всѣхъ хорошенькихъ женщинъ въ мірѣ.

Лавинія ежедневно посѣщала могилу своего мужа; тамъ она предавалась своему благочестивому чувству, и, исполнивъ эту обязанность, возвращалась къ живымъ, у порога своего дома снова принимая мірскую улыбку.

Древность очень виновата въ томъ, что положеніе вдовства затруднительно. Мы извиняемъ ей только потому, что въ свое время она была молода и неопытна. Она имѣла прекрасный случай поставить состояніе вдовства въ отношенія гуманныя и нестѣснительныя; и что́жь она сдѣлала? изобрѣла вдову, Артемизу, которая, мало того, что воздвигнула своему мужу, царю Мавзолу, мавзолей въ пятдесятъ милліоновъ на наши деньги и дала ужь этимъ однимъ примѣръ неподражаемый, — еще вздумала каждое утро принимать по ложкѣ пепла отъ тѣла своего супруга. Такимъ образомъ поставленный вопросъ о вдовствѣ отнялъ заранѣе всю бодрость у будущихъ вдовъ: какая же изъ нихъ рѣшится состязаться съ Артемизой? Даже тѣ, которыя были бы расположены издержать пятдесятъ милліоновъ на памятникъ, по-неволѣ отступятъ отъ ежедневной ложки; сверхъ того, чтобы проглотить пепелъ мужа, надо сжечь его, а это запрещено при погребеніяхъ. Что̀ же дѣлаютъ вдовы? Бросаются въ объятія втораго брака, какъ только выйдетъ срокъ траурнаго платья. Виновата Артемиза; надо было изобрѣсть другую Артемизу, которая построила бы памятникъ глиняный дешевый, прахъ супруга оставила бы спокойно въ урнѣ, и носила бы траурное платье всю жизнь, до смерти сохраняя имя мужа. Простота этой скорби никого не озадачила бы, и всѣ вдовы, по легкости подражанія, оставались бы вѣрными памяти покойниковъ. Исполняя горестную обязанность, каждая женщина, конечно, въ этомъ находитъ лучшее для себя вознагражденіе и все же не безъ пріятности слышитъ за собою говоръ удивленія. Поэтому вдова нашего времени, чтобы соединить исполненіе своего долга съ правомъ на мірскую хвалу, должна бы воздвигнуть два мавзолея и принимать за утреннимъ завтракомъ по двѣ ложки супружескаго пепла. Гораздо̀ проще, въ узаконенное время снова выйти за-мужъ. Будемъ же, господа, снисходительнѣе, мы, мужчины, слишкомъ строгіе къ женщинамъ. Увѣряю что если бы мужчины могли быть вдовами, они всѣ переженились бы прежде окончанія траура.

Послѣ этихъ разсужденій, мнѣ гораздо легче объявить читателю о бракѣ Макдугаля и мистриссъ Лавиніи.

Однажды, возвращаясь съ кладбища, прекрасная ирландка встрѣтила у Phenix-Park блистательный экипажъ съ двумя неграми и съ кучеромъ въ пудрѣ. Въ народѣ было слышно:

— Вотъ новый экипажъ богача Макдугаля.

Эти простыя слова живо поразили неутѣшную вдову. Мѣсяца два она принимала почтительныя посѣщенія Макдугаля и съ большимъ искусствомъ переходила къ постороннему разгогору, когда молодой шотландецъ старался завести рѣчь о деликатномъ вопросѣ супружества.

Встрѣча у Phenix-Park перемѣнила Лавинію и сдѣлала печаль ея человѣческою. — «Для молодой женщины, думала она про себя: — должно быть очень-очень пріятно выйти изъ экипажа передъ дворцомъ Sockeville-Street, и имѣть за собою двухъ негровъ!»

Извиняемъ всѣ слабости мистриссъ Лавиніи.

Въ этотъ же день, когда Макдугаль медленно произносилъ соблазнительные слоги слова *женитьба*, Лавинія подумала о двухъ грумахъ изъ Сенегаліи, опустила блестящіе глаза на свою взволнованную косынку и не отвѣчала.

Въ извѣстныхъ случаяхъ, молчанье есть самый желанный отвѣтъ.

Ненавижу я посредствующія подробности и холодные розсказни, и прямо перехожу къ началу исторіи: и безъ того мое вступленіе непростительно длинно.

Итакъ, сватьба была назначена.

II.

ПРОЩАНЬЕ.

Макдугалю оставалось одинъ разъ еще съѣздить въ Новый Орлеанъ для превосходной операціи контрабандою дублинскихъ паплиновъ. Между американцами и англичанами контрабанда есть добродѣтель. Всякія правила измѣняются по мѣсту и времени. Александръ Великій изобрѣлъ контрабанду: онъ привезъ изъ Индіи въ Вавилонъ, безъ пошлины, страшное множество

кашемирскихъ и индѣйскихъ тканей, и Александра величали наравнѣ съ богами въ риторикѣ. Макдугаль слушалъ Квинта-Курція въ эдинбургскомъ университетѣ; онъ всегда вспоминалъ слова своего профессора: o young men, follow the Steps of Alexander! (о молодые люди! идите по стопамъ Александра!), и послушный Макдугаль пошелъ по стопамъ героя. Профессоры должны хорошенько взвѣшивать свои слова на каѳедрѣ въ университетѣ.

Передъ отправленіемъ въ Кингстонъ, Макдугаль робко предложилъ мистриссъ Лавиніи исполнить, по обряду шотландскому, церемонію обрученія.

Тогда нѣжный голосокъ изъ бархатныхъ губокъ произнесъ:

— Г. Макдугаль, обрученіе приноситъ несчастье; послѣ Лучіи Ламермуръ никто не обручается: кто обручится, тѣмъ не быть супругами.

— Обожаемая! воскликнулъ счастливый Макдугаль: — вы правы, совершенно правы; когда два сердца сочувствуютъ и понимаютъ другъ друга, они обручены.... Когда конецъ вашему трауру?

— Нынѣшній мѣсяцъ 24 числа въ шесть съ половиною часовъ утра.

— Поэтому, когда я возвращусь изъ Новаго Орлеана, то застану васъ уже въ праздничномъ и радостномъ нарядѣ.

— Я жду изъ Лондона два кисейныя бѣлыя платья; они заказаны у Эверингтонъ.

Послѣ почтительныхъ и вмѣстѣ нѣжныхъ прощаній, Макдугаль отправился на пристань, гдѣ ожидалъ его другъ Альбинъ де Сервіанъ.

— Это, милый другъ, веселая прогулка на какіе-нибудь два мѣсяца; пріѣду, продамъ, куплю и опять отправляюсь. Лавинія восхитительна! Какая скромность! какая кротость и невинность! Если бы я не зналъ ея мужа, никогда бы не повѣрилъ, что она вдова. Она говоритъ и держится какъ пансіонерка, со всѣми предразсудками молоденькой дѣвушки. Любезный Альбинъ, я тебя рекомендовалъ ей, и ты какъ братъ будешь у ней принятъ во всякое время дня и вечера. Она серьёзна, и въ основаніи умъ ея суровъ. Да вѣдь ты ищешь такихъ обществъ: вы будете говорить съ нею о серьёзныхъ вещахъ, ты станешь занимать ее солиднымъ чтеніемъ: тебѣ предстоитъ прекрасная обязанность:

два мѣсяца — небольшое время.... Альбинъ, ты понимаешь меня?

— И очень хорошо понимаю, отвѣчалъ Альбинъ, съ обычною строгою миною. — Принимаю эту пріятную для сердца моего обязанность; дружбѣ часто приходится дѣлать услуги любви. Къ счастію, мнѣ удалось избѣжать бури страстей, и во мнѣ нѣтъ нетерпимости и суровости. Съ дорогими мнѣ людьми я хочу раздѣлять только страданія, а не радости. Это единственное мое наслажденіе въ жизни. Благословляю за это небо и мать мою. Да, въ этотъ развращенный и чувственный вѣкъ пріятно думать со всѣмъ смиреніемъ: «если я и не лучше другихъ, по-крайней-мѣрѣ непохожъ на нихъ.» Прощай, Макдугаль, лети за моря; моя душа и дружба сопровождаютъ тебя. Избранная тобою женщина молода и невинна. Въ этихъ качествахъ есть нѣсколько опасностей; зато, если ты не можешь оставить съ нею другого ангела-хранителя, то оставляешь друга. Надѣюсь, ты не раскаешься. Прощай, Макдугаль.

Искреннее волненіе выражалось во взорѣ, на лицѣ, въ голосѣ Альбина, исполненныхъ откровенности и убѣжденія. Макдугаль былъ сердечно радъ повѣрить обожаемую женщину такому другу; это смягчало ему горесть разлуки. Онъ оставлялъ ее молодому, уже созрѣвшему человѣку, строгихъ, до суровости, нравовъ, беззаботному въ манерахъ и одеждѣ, какъ философъ, ищущій въ мірѣ только добродѣтели.

— Помни же, сказалъ Макдугаль Альбину, прощаясь: — о томъ, что́ я говорилъ тебѣ про могилу.

Альбинъ сдѣлалъ подтвердительный знакъ головою и закрылъ рукою глаза, чтобы скрыть слезы.

Что́ же говорилъ Макдугаль про могилу, которая занимала его мысли передъ отъѣздомъ въ другой міръ?

Хроническое безразсудство дублинскаго мраморщика прибавило къ обычному списку добродѣтелей покойнаго мужа Лавиніи извѣстную фразу: его неутѣшная вдова поставила ему этотъ памятникъ.

Нѣсколько разъ, въ послѣднія свиданія, Лавинія говорила Макдугалю, съ улыбкой, сквозь слезы, что это окончаніе эпитафіи смущаетъ ее, и что впередъ оно послужитъ ей урокомъ.

Но Макдугаль былъ такъ влюбленъ, что не обратилъ вниманія на эти слова, и возмутительныя и въ тоже время наивныя,

и заботился только о томъ, чтобы уничтожить слово, ставшее обманомъ и тревожившее его будущую жену, утѣшенную вдову.

Альбинъ де Серваіанъ, всегда серьёзный въ словахъ и въ дѣлѣ, исполнявшій всякое дѣло со всею строгою точностью и рвеніемъ, не теряя времени, отправился на кладбище, гдѣ былъ похороненъ мужъ Лавиніи, и составилъ новый планъ

— И вотъ, воскликнулъ Альбинъ, сложа руки и задумчиво опустивъ голову: — вотъ во всей своей безотрадной наготѣ человѣческая мудрость! Да, да! клянитесь, вѣтренныя женщины, обѣщайте вѣчно плакать! Придетъ день, когда этотъ мраморъ, холодный какъ ваше сердце, обличитъ васъ! Въ глазахъ у насъ мало слезъ, и никто не ссудитъ ими, когда высохнетъ источникъ. Тогда станемъ смѣяться, и пусть за насъ плачетъ эпитафія!

Памятникъ мужа Лавиніи былъ впрочемъ очень простъ: длинная мраморная плита лежала на могилѣ, выложенной дерномъ, и эпитафія краснорѣчиво высчитывала на ней добродѣтели, о которыхъ покойнику нужно бы всю жизнь просить небо.

Альбинъ пошелъ къ мраморщику и выбралъ красивый саркофагъ, за который заплатилъ безъ торгу. На широкой его сторонѣ онъ заказалъ высѣчь имя и всѣ добродѣтели покойника, между статуями двухъ плачущихъ женщинъ съ распущенными волосами, и вокругъ арабескъ, вмѣсто рамы.

На другое утро, до восхода солнца, мужъ Лавиніи покоился подъ самымъ красивымъ памятникомъ въ Дублинѣ. Сервіанъ присутствовалъ при постановкѣ памятника, и лицо его омрачилось горестью, когда онъ услышалъ разговоръ каменьщиковъ.

— Вотъ женщина! вотъ благословенная вдова! Мы знаемъ ее, мистриссъ Лавинію; она также хороша, какъ много въ ней кротости! Когда мужъ ея умеръ, она была такъ бѣдна, что не могла дать намъ больше, какъ по три шиллинга на брата, за установку перваго памятника; а теперь скопила деньжонокъ: продала все, даже обручальное кольцо, чтобы дать намъ работу съ этимъ чуднымъ мраморомъ, и платитъ по десяти шиллинговъ. Благословенъ Богъ и св. Патрикъ! Счастливы мужья, если оставляютъ, умирая, такихъ вдовъ, какъ эта.

Окончивъ всѣ распоряженія, Альбинъ ушолъ погулять въ Stephen-Bridge, размышляя о суетности міра сего и сердца человѣческаго. Онъ былъ членомъ секты лакистовъ, или озерщи-

ковъ, секты покойной, не тревожившей правительства и смотрѣвшей съ сожалѣніемъ на всѣ гражданскія, военныя и политическія конституціонныя устройства. Въ эту эпоху, лакисты трехъ государствъ были собраны на чрезвычайное засѣданіе на берегахъ озера Киллерней. По большимъ дорогамъ тянулись пѣшеходы, которыхъ чело было покрыто морщинами отъ размышленій, какъ поверхность озера. Это были почетные лакисты, сбиравшіеся на пятилѣтній митингъ, или соборъ, въ графство Керри, отечество главнѣйшихъ озеръ. Лакистъ пять лѣтъ размышляетъ про себя; но послѣ этого срока онъ отправляется въ походъ и идетъ размышлять съ своими собратьями надъ гранитными пропастями озера Киллерней.

На мосту въ Stephen-Bridge встрѣтилъ Альбинъ одного изъ своихъ друзей лакиста Луку о'Фарелля, который шелъ на митингъ въ Киллерней. Они пожали другъ другу руки и вступили въ самый короткій разговоръ, потому-что Лука далъ обѣтъ никогда и нигдѣ не останавливаться, кромѣ берега озера, и терпѣть не могъ мостовъ, потому-что они бываютъ только на рѣкахъ и никогда на озерахъ.

— Готовы ли вы въ дорогу? спросилъ Лука.

— Я надѣюсь, отвѣчалъ Альбинъ: — притти черезъ нѣсколько дней.

— Нынѣшній разъ насъ будетъ много, сказалъ Лука: — мы будемъ вопрошать великое озеро, и можетъ быть намъ удастся вырвать у природы тайную истину. Озеро заговоритъ.

— Если истина когда-нибудь сойдетъ на землю, сказалъ Альбинъ: — она изберетъ нашу Ирландію, этотъ первый цвѣтокъ земли, этотъ первый перлъ моря, какъ говорится въ священномъ гимнѣ.

— Пойдемъ туда, гдѣ есть истина, сказалъ Лука: — она въ безднѣ размышленія.

И Лука О'Фаррель, боясь опоздать на митингъ, холодно поклонился своему другу и продолжалъ свой путь къ верховнымъ озерамъ, въ послѣдній разъ презрительно взглянувши на мостъ.

Альбинъ долго провожалъ его глазами съ почтительнымъ удивленіемъ и, приказавши слугѣ приготовить все для поѣздки къ Киллерней на почтовыхъ, отправился къ скромному жилищу мистриссъ Лавиніи, потому-что онъ былъ обязанъ исполнить священный долгъ въ отношеніи къ будущей женѣ своего друга.

III.

СНОВИДѢНІЕ.

Убранство гостиной мистриссъ Лавиніи дѣлало честь добродѣтели молодой вдовы. Всѣ стѣны ожидали чего-нибудь необходимаго; но когда въ эту скромную комнату входила хозяйка, можно было забыть все забытое обойщикомъ; приходилось смотрѣть только на нее. Все блистало золотомъ и лазурью, какъ въ будуарѣ дворца Серра.

Притомъ же нашъ Альбинъ былъ вовсе не изъ тѣхъ, которые любятъ глазѣть на сосновыя мебели. Мысли его были такъ возвышенны, что онъ не обращалъ вниманія на эти бездѣлицы. Онъ разговаривалъ съ Лавиніей, и глаза его, устремленные неподвижно на поясъ молодой вдовушки, изрѣдка поднимались на ея лицо. Во Франціи назвали бы его трапистомъ, въ Ирландіи — квакеромъ.

— Такъ они очень забавляютъ васъ, эти поѣздки къ Киллерней? сказала вдова, скрестивъ руки и отбросивъ назадъ дѣтскимъ движеніемъ головы свои длинные локоны.

— Я обязанъ сдѣлать эту поѣздку: развѣ ничего не должно дѣлать для души въ этомъ чувственномъ мірѣ, гдѣ все живое думаетъ только о своемъ тѣлѣ?

— Въ ваши лѣта вы говорите уже какъ старикъ. Это грустно!

— Старость начинается въ нашей колыбели. Часто колыбель бываетъ могилой.

— И вы всегда говорите на этотъ ладъ, г. де Сервіанъ?

— Я говорю, какъ думаетъ душа моя. Языкъ всегда долженъ быть органомъ сердца.

— Послѣ своего путешествія придете ли вы ко мнѣ, г. де Сервіанъ?

— Каждый день я стану приходить къ вамъ. Я далъ слово тому, который будетъ вашимъ мужемъ. Мы живемъ въ мірѣ, исполненномъ заблужденіями, обольщеніями и суетами. Всѣ эти пороки имѣютъ лицо и имя, иногда и титулъ. Могу поздравить васъ съ выборомъ, который не палъ на голову недостойную.

Макдугаль — благородный человѣкъ, и если счастье не химера несчастливцевъ, то вы будете счастливы съ Макдугалемъ.

— Да, я и сама на это надѣюсь, иначе осталась бы вдовою.

— Извините моей нескромности: были ли вы счастливы съ первымъ мужемъ?

— О! мы жили вмѣстѣ такъ недолго, что я не имѣла времени быть ни счастливой, ни несчастной. Мой мужъ въ шесть лѣтъ три раза ѣздилъ въ Индію. Я часто бывала вдовою до его смерти.

— Какая прелестная наивность!

— Впрочемъ, я клялась никогда не выходить за-мужъ.

— Клялись торжественно?

— О, нѣтъ.... знаете.... женщины говорятъ это про-себя въ минуту печали.... Разъ утромъ, тамъ... передъ зеркаломъ, я расчесывала косу.... дождь лилъ рѣкою.... это было въ октябрѣ; раза три я звонила, чтобы пришла моя горничная.... на меня нашла тоска, и я, какъ сумасшедшая, стала кричать: «нѣтъ, никогда больше не выйду за-мужъ!..» Это безразсудно, вы сами видите.

— Да, это никакъ не обязываетъ васъ. Не больше какъ минута досады на жизнь.... Я думалъ, что вы дали какое-нибудь обѣщаніе мужу....

— О, кто вамъ это сказалъ, тотъ страшно солгалъ, г. де Серьвіанъ, сказала Лавинія съ странною живостью, которая была очень противоположна ея природой безпечности.

— Мнѣ никто не говорилъ объ этомъ.

— Я ничего не обѣщала моему мужу.... Послушайте, Серьвіанъ, если ужь зашла объ этомъ рѣчь.... вы человѣкъ степенный, вы.... судите сами. Я должна сказать все, это въ моемъ характерѣ; я ничего не могу скрыть.... Ахъ, какое воспоминаніе!... мужъ умиралъ; я стояла подлѣ его кровати.... онъ сказалъ: «милая Лавинія, обѣщай мнѣ никогда не выходить замужъ»... Ужь я не знаю, что̀ бы я отвѣчала ему, знаю только, что я ничего не сказала. Въ эту минуту, противъ воли, меня отвели родные въ сосѣднюю комнату, — и я была въ-силахъ говорить только на другое утро. Ночью мужъ мой умеръ.

— Но можетъ быть вы обѣщали бы?

— Можетъ быть, только ничего не обѣщала.

— И вы хорошо въ этомъ увѣрены?

— Развѣ женщина забываетъ эти вещи?

— Извините, что я навелъ разговоръ на такой печальный предметъ.... Я знаю, что вы любите чтеніе серьёзное и полезное, и принесъ именно для васъ Revue de Belfast, въ которомъ теперь помѣщена чрезвычайно интересная статья.... позвольте мнѣ прочесть ее вамъ.

— Почему же не позволить. Если это вамъ пріятно, читайте, читайте.

— Это статья знаменитаго Фюллертона.... Вы знаете сочиненія Фюллертона?

— Читайте, читайте, г. де Сервіанъ!... о чемъ говоритъ знаменитый Фюллертонъ въ этой статьѣ?

— Фюллертонъ, какъ вамъ извѣстно, занимается разрѣшеніемъ высшихъ вопросовъ метафизики. Послѣднее его сочиненіе называется: «Дѣятельность души въ сновидѣніяхъ».

— Кстати, нынѣшнюю ночь видѣла я сонъ, сказала моложенькая вдова, отводя отъ лица волосы тонкими и бѣлыми какъ слоновая кость пальцами, будто стараясь припомнить сонъ.

— Мы дойдемъ до истины, сударыня, посредствомъ сновидѣнія; это мнѣніе Фюллертона.... Итакъ, я начинаю.... Дѣятельность души....

— Вы не хотите выслушать мой сонъ?

— Конечно, сударыня.... мы можетъ быть найдемъ что-нибудь болѣе удовлетворительное въ теоріяхъ Фюллертона.... Я слушаю.

— Мнѣ снилось, что я выхожу за-мужъ за г. Макдугаля.... онъ былъ старъ и очень малъ ростомъ и нисколько не былъ похожъ на моего будущаго мужа.... Вы знаете, что́ въ сновидѣніяхъ измѣняются лица людей и остаются только ихъ имена.

— Тайна души! невѣдомый механизмъ! Фюллертонъ очень хорошо....

— Хотите ли вы меня слушать, г. де Сервіанъ?—Да смотрите же мнѣ въ лицо; развѣ вы меня боитесь? вы постоянно глядите на носки вашихъ сапоговъ.

— Все наружное развлекаетъ; человѣкъ долженъ всегда прислушиваться и смотрѣть, что̀ происходитъ въ немъ самомъ; онъ безпрерывно долженъ быть въ бесѣдѣ съ своимъ сердцемъ. Каждую минуту дня великія тайны уносятся вихремъ нашихъ задушевныхъ мыслей; поэтому каждую минуту должно

быть готовымъ схватывать на-лету эти глубокія тайны, усыпленныя въ самыхъ темныхъ изгибахъ нашей души.

— Ахъ! какъ я вамъ обязана, Боже мой, что вы окончили эту фразу, г. де Сервіанъ. Скажите, пожалуйста, мой будущій супругъ, г. Магдугаль, не такъ ли тоже говоритъ? тогда черезъ двѣ недѣли былъ бы предлогъ для развода.

— Вашъ супругъ, сударыня, не послѣдователь метафизики Фюллертона.

— О, тѣмъ лучше!

— Онъ принадлежитъ къ сектѣ спиритуалистовъ Макрабе.

— Мнѣ кажется, мужъ прежде женитьбы долженъ бы открыть женѣ всѣ свои недостатки. Отчѐго г. Макгдугаль не сказалъ мнѣ, что онъ принадлежитъ къ этой сектѣ?

— Развѣ вамъ было бы пріятнѣе, если бы онъ принадлежалъ къ нетерпящей сектѣ о'Бріеня?

— Я хотѣла бы, чтобы онъ принадлежалъ къ сектѣ жены своей.

— Знаете ли вы, что о'Бріень отвергаетъ участіе души въ механизмѣ сновидѣній?

— Для меня это совершенно все равно.

— И что онъ основывается на сновидѣніяхъ охотничьихъ собакъ, которыя во снѣ лаютъ на оленя.

— Правда; я слышала это....

— О'Бріень провозглашаетъ возвеличеніе матеріи....

— Однакожъ я не расказала вамъ моего сна, г. де Сервіанъ.

— Виноватъ. Теперь я стану слушать вашъ сонъ со всѣмъ вниманіемъ.

— Такъ, видѣлось мнѣ, что я выхожу за-мужъ за г. Макдугаля, который совершенно не походилъ на самого себя, точно какъ на портретахъ шотландскихъ живописцевъ. Я присутствовала на своемъ свадебномъ балѣ, въ прекрасномъ уединенномъ домѣ передъ Phenix-Park, который, какъ вы знаете, приготовилъ для меня мой будущій мужъ.

— Это превосходный домъ; я вчера былъ въ немъ.

— Вы никогда не видѣли во снѣ баловъ, г. де Сервіанъ?

— Ни во снѣ, ни на яву: серьёзные люди не любятъ этихъ увеселеній.

— Тѣмъ хуже для васъ! Ну, вы знайте, что мой балъ былъ удивительный! Вице-король не даетъ лучшихъ. Въ концѣ галле-

реи была лѣстница съ хрустальными перилами, подъ арками изъ цвѣтовъ; и вдругъ вижу я, всходятъ по лѣстницѣ и бѣгутъ по галлереѣ всѣ наши хорошенькія ирландки, босыя, съ брильянтами въ волосахъ. Всѣ онѣ бѣжали передъ мною, улыбались, и на бѣгу цаловали меня въ лобъ. Не было ни люстръ, ни свѣчей; а бальный блескъ былъ ярче солнечнаго дня. Казалось, будто этотъ свѣтъ выходилъ изъ широкихъ зеркалъ, которыми были покрыты стѣны; и въ этихъ зеркалахъ видѣлись мнѣ цѣлыя тучи чьихъ-то головокъ, блескъ дорогихъ камней, райскія улыбки, облака кудрей. Меня ангажируетъ кавалеръ, который такъ согнулся передо мною, что я видѣла только лобъ его, блѣдный какъ матовая кость, покрытый пучками какой-то вязкой травы. Когда онъ поднялъ голову, я узнала его, и дрожь пробѣжала по всѣмъ моимъ жиламъ.... Это былъ мужъ мой!... Смерть!.... Я хотѣла встать, чтобы итти за нимъ... нѣтъ силъ! Я вся была какъ камень и не могла шевельнуться. Глухой голосъ, смѣшанный со скрипомъ костей скелета, сказалъ: «сударыня, идите за мною...» Я сдѣлала отчаянное усиліе и встала среди взрывовъ бальнаго смѣха. Я была въ платьѣ изъ лохмотьевъ и рубищъ, испачканныхъ грязью, какъ бѣдная Анна, когда она просила милостыни у церкви св. Патрика. Я вскрикнула отъ стыда, отъ отчаянія, и этотъ крикъ разбудилъ меня, будто кто-нибудь ударилъ меня по головѣ кускомъ желѣза, и, открывъ глаза, я увидѣла первые лучи зари на занавѣсахъ моей кровати, испугавшіе меня еще больше нежели сонъ. Все представлялось мнѣ, что бѣлые призраки, собравшись въ кружокъ и смѣясь, присутствовали при моемъ пробужденіи.

Въ продолженіи этого разсказа Альбинъ ни разу не отвелъ глазъ отъ носковъ своихъ сапоговъ и машинально перевертывалъ листы Revue.

Черезъ нѣсколько минутъ, вдова сказала ему:

— Что̀ же скажете вы объ этомъ снѣ?

— Этотъ сонъ, отвѣчалъ Сервіанъ, глядя на свои сапоги: — этотъ сонъ должно отнести къ разряду видѣній, которыя Фюллертонъ называетъ *видѣніями сильнаго умственнаго напряженія*.

— Хорошо; да что̀ же выдетъ, если его отнести къ этому разряду?

— Не выдетъ ничего. Обязанность психологическаго знанія есть классификація. Когда обязанность эта исполнена, че-

ловѣку остается молчать и благоговѣть передъ таинствомъ природы.

— Только я, г. Сервіанъ, никакъ не хочу молчать, и думаю, что этотъ сонъ долженъ что-нибудь значить.

— Какъ вамъ угодно, но наука непреклонна; она ни къ кому не бываетъ снисходительна, даже къ вамъ.

— Наконецъ, г. де Сервіанъ, вы сказали мнѣ что-то похожее на комплиментъ. Кажется, вы не охотникъ баловать женщинъ любезностями.

— Я безконечно уважаю женщинъ; я ихъ почитаю, защищаю, совѣтую имъ и никогда не льщу.

— Вы никогда не имѣли охоты жениться, г. де Сервіанъ?

— Никогда; я долго разсуждалъ о женитьбѣ и положительно увѣрился, что продолжительное спокойствіе двухъ соединеныхъ существъ невозможно. Мужчина вноситъ свою силу, владычество, суровость, угловатый свой нравъ, женщина — свою слабость, легкость, покорность, свои дѣтскія прихоти, свой округленный характеръ. Эти противоположные элементы не могутъ составить живучаго цѣлаго; на первомъ шагу — толчокъ, потрясеніе, противодѣйствіе, смущеніе. Это признано всѣми серьёзными умами.

— Итакъ, г. де Сервіанъ, серьёзные люди не женятся?

— Женятся, но съ благородной цѣлью, въ видахъ совершенно философскихъ. Они посвящаютъ себя личному изученію супружества, чтобы ихъ личный опытъ служилъ общему дѣлу брачнаго человѣчества; это избранныя души, не устрашившіяся опасностей предпріятія и побѣждающія бури супружества, чтобы открыть ихъ для вселенной. Такъ отважные плаватели пускаются въ неизвѣстное море, подвергаясь всѣмъ опасностямъ, чтобы открыть его подводные камни и указать ихъ другимъ пловцамъ тѣхъ же водъ. Сердца возвышенныя предаются супружеству какъ плаванію.

— А вы, г. де Сервіенъ, вы не расположены пожертвовать собою, какъ эти возвышенныя сердца?

— Призванія нѣтъ во мнѣ; я предоставляю это благородное поприще другимъ, лучшимъ нежели я.

Альбинъ де Сервіанъ произносилъ всѣ эти слова съ торжественностію жреца, и глаза его, почти всегда закрытые или уст-

ремленные на ноги, медленно раскрывались по временамъ, чтобы взглянуть на потолокъ, за недостаткомъ неба.

IV.

СТАТЬЯ ФЮЛЛЕРТОНА.

Ирландскія дамы вообще мало кокетничаютъ. Впрочемъ, иногда противъ воли пробуждается въ нихъ женскій инстинктъ, и тогда съ перваго урока наименѣе кокетливая дѣлаетъ огромные успѣхи въ этомъ природномъ искусствѣ. Конечно, наша молодая вдовушка, почти обрученная со вторымъ мужемъ, и не думала сдѣлать ему соперникомъ Альбина; но ей тяжело какъ-то и непріятно было сидѣть глазъ-на-глазъ съ молодымъ человѣкомъ, который толковалъ ей о скучныхъ вещахъ, какъ старухѣ, или вовсе непривлекательной женщинѣ. Съ послѣдними словами своего собесѣдника, она живо встала и взглянула мелькомъ въ зеркало, будто желая увѣриться, что красота ея ничего не потеряла. Довольная улыбка въ зеркалѣ убѣдила ее, что волосы ея по прежнему прекрасны, цвѣтъ лица также свѣжъ, глаза обворожительны, зубы перловой бѣлизны и блеску, и губы свѣжи и розовы. Зато Альбинъ, конечно, былъ самымъ холоднымъ существомъ своего пола, потому-что не удостоилъ не только взглядомъ, даже словомъ это очаровательное созданье, улыбавшееся въ зеркальной рамѣ.

Какъ всѣ эти господа, которые воображаютъ, что заняты важнымъ дѣломъ, а дѣйствительно заняты только собою, Альбинъ не обращалъ никакого вниманія на невинное кокетство женщинъ. Когда Лавинія встала, онъ развернулъ свою книгу и сталъ отыскивать статью Фюллертона.

— Мистриссъ, сказалъ онъ: — теперь очень кстати прочесть статью; послѣ нашего разговора вы гораздо лучше постигнете геніяльную теорію великаго англійскаго метафизика.

— Нечего дѣлать, смиренно сказала про-себя вдова: — послушаемъ, что̀ за теорія; я слушаю васъ, г. де Сервіанъ. Дайте мнѣ хорошенько усѣсться.

— Я начинаю.

— Начинайте.

Альбіанъ принялся распѣвать туманную прозу Фюллертона голосомъ молящагося методиста. Чтеніе тянулось медленно и монотонно и угрожало безконечностью.

Мистриссъ Лавинія задремала.

Чтецъ часто прибавлялъ замѣчанія на теорію Фюллертона и, дойдя до самаго темнаго мѣста, обратился къ ней съ вопросомъ.

— Мы приближаемся къ концу этого превосходнаго труда и дошли до мѣста, которое можно назвать по истинѣ эссенціей мысли автора: здѣсь онъ представляетъ видѣнія ночи въ совершенно новомъ свѣтѣ. Замѣтьте хорошенько и откровенно отвѣчайте мнѣ.

Альбинъ прочелъ знаменитое мѣсто и прибавилъ:

— Хорошо ли вы поняли мысль Фюллертона?

Никакого отвѣта. Альбинъ повторилъ вопросъ и фразу. Тоже молчаніе.

Тогда онъ одолѣлъ свою застѣнчивость и обычную важность, и осмѣлился устремить долгій взглядъ на фигуру Лавиніи.

Этотъ человѣкъ, который удивлялся и изумлялся только предъ таинствами природы, и считалъ обыкновенныя явленія жизни недостойными этихъ ощущеній, — этотъ человѣкъ вспрыгнулъ на стулѣ и съ ужасомъ произнесъ едва внятнымъ голосомъ:

— Великій Боже! она спитъ!

Книга выпала изъ рукъ его.

Серніану казалось неприличнымъ помѣшать сну женщины у нея въ домѣ; онъ рѣшился не безпокоить ея, и даже ему показалось, что изъ этого обстоятельства можно извлечь пользу для науки, наблюдая по лицу уснувшей красавицы, видится ли ей какой-нибудь сонъ.

На цыпочкахъ, съ осторожностью молодой матери, которая боится прервать первый сонъ своего первенца, поднялся Альбинъ де Серіанъ и сталъ наблюдать, съ цѣлью психологической, прекрасное лицо Лавиніи.

Это была домашняя картина, которую видѣть восхитительно было даже суровому наблюдателю, съ дѣтства привыкшему изучать только серьёзную сторону вопросовъ. Лавинія никогда не упражнялась въ искусствѣ граціозно спать при свидѣтеляхъ, и въ первый опытъ она спала, какъ воплощенная невинность.

Голова ея покоилась на роскошныхъ локонахъ, какъ на изголовьи блестящаго чорнаго дерева, и вся свѣжесть обильнаго ирландскаго румянца очаровательно сіяла въ этой случайной и благопріятной рамкѣ. Волнистые, на двое раздѣленные, волосы окаймляли овалъ лба и не скрывали хорошенькихъ бѣлыхъ, какъ изъ слоновой кости, ушей; дѣтское дыханіе слегка колебало влажный бархатъ губъ и застегнутое на груди платье.

Сперва Альбинъ принялъ положеніе, удобное для наблюдателя-психолога. Морщины работающей мысли пробѣгали по его лбу; полузакрытые глаза выражали углубленіе души; казалось, скрещенные на груди руки хотѣли согрѣть и воспламенить сердце и сдѣлать его способнымъ къ этому терпѣливому размышленію. Но, увы! недолго оставался онъ въ этой учоной позѣ. Что-то раздражающее и неодолимое скользило по усыпленному лицу; мало-по-малу распустились руки наблюдателя; онъ вытянулъ ихъ во всю длину, заложивъ пальцы между пальцами; на лбу исчезли морщины, и совершенно раскрывшіеся глаза сіяли цѣломудренными слезами страстнаго волненія. Въ первый разъ человѣческая улыбка мелькнула на размягченномъ мраморѣ лица метафизика. Въ первый разъ наука отказалась отвѣчать на вопросъ Альбина де Сервіанъ: онъ заглянулъ къ себѣ въ сердце — и замѣтилъ въ немъ молнію психологическаго откровенія, о которомъ никогда не говорили ни Фюллертонъ, ни о'Бріень, ни Макрабъ.

V.

Лакистъ пробуждается.

Цѣлый часъ пролетѣлъ въ этомъ упоительномъ созерцаніи. До тридцати лѣтъ Альбинъ спалъ во мракѣ науки; въ эту минуту онъ проснулся отъ нѣжныхъ лучей мистриссъ Лавиніи.

Отъ стука колесъ и копытъ задрожала сосѣдняя мостовая. Лавинія проснулась, раскрыла глаза, быстро вскочила и съ веселымъ смѣхомъ сказала:

— Ахъ, Боже мой! кажется, я спала! Простите мнѣ, г. де Сервіанъ. Кончили ли вы ваше чтеніе? Продолжайте, продолжайте.... я почти ничего не пропустила.

Альбинъ старался пріискать отвѣтъ, какъ дверь растворилась, и горничная вошла доложить, что г. де Сервіанъ на улицѣ ждутъ его слуги и почтовый экипажъ.

— Пусть ждутъ, сказалъ Альбинъ.

— Не церемоньтесь, пожалуйста, сказала Лавинія, подбѣжавъ къ окну посмотрѣть на почтовый экипажъ: — я не хочу, чтобы для меня вы оставили лакистовъ; возвратитесь, тогда снова мы примемся за чтенье. Добрый путь, г. де Сервіанъ; не пишите ко мнѣ; предайтесь совершенно вашему дѣлу; васъ ждетъ Киллерней.

— О, да озеро не уйдетъ съ своего мѣста, сказалъ Альбинъ, улыбаясь во второй разъ: — я не боюсь опоздать на свиданіе.

— Мнѣ кажется, что вы шутили, сказала Лавинія съ удивленнымъ взоромъ: — въ-самомъ-дѣлѣ, скажите, шутили вы? Вы насмѣхаетесь надъ озеромъ теперь?

— Мнѣ такъ трудно, смущеннымъ голосомъ сказалъ Альбинъ: — отвѣчать теперь на малѣйшій вашъ вопросъ, что вы, надѣюсь, по-крайней-мѣрѣ позволите мнѣ удалиться.

— Да я и не думала, г. де Сервіанъ, васъ задерживать плѣнникомъ.

— Прощайте же, до завтрашняго дня.

— Такъ вы не уѣзжаете нынче?

— Ужь слишкомъ поздно; мнѣ никакъ нельзя выѣхать теперь.

— Вы поссоритесь съ лакистами.

— Что̀ нужды! если вы сохраните для меня нѣсколько дружбы....

— Предупреждаю васъ, г. де Сервіанъ, что ненынче — завтра вы станете умны.

— Счастливы тѣ, у которыхъ ума нѣтъ: они не потеряютъ его.

Сервіанъ почтительно поклонился и вышелъ.

На улицѣ онъ отпустилъ своихъ слугъ и почтовый экипажъ и скорымъ шагомъ пошолъ къ парку, чтобы въ его уединенныхъ аллеяхъ поразсудить о своемъ положеніи.

Очевидно, въ немъ совершался органическій переворотъ: онъ чувствовалъ таинственное наитіе новой природы; мозгъ его сталъ очищаться отъ густого тумана, и мысли свѣтлыя, живыя, чувствующія, казалось, улетали какъ птицы отъ дыханія

лѣта изъ страны тумановъ, на бархатные луга, между зеленые древесные листья.

Занятый своими мыслями, онъ былъ вдругъ остановленъ молодою блестящею дамою, которая весело спросила его:

— Если я не ошибаюсь, вы искренній другъ г. Макдугаля?

— Точно такъ, отвѣчалъ Альбинъ и улыбнулся въ третій разъ, съ тѣмъ движеніемъ, какое дѣлаютъ мужчины охорашиваясь.

— Угодно вамъ дать мнѣ вашу руку, и мы поговоримъ.

Сервіанъ ловко подалъ руку и офиціяльно принялъ изъ рукъ неизвѣстной дамы шолковой снурокъ, на которомъ бѣгала и лаяла самая крошечная собачка.

Въ первый разъ въ жизни Серіанъ подалъ руку дамѣ и, за недостаткомъ свидѣтелей, какъ новичокъ, гордился этимъ передъ деревьями парка.

— Скажите мнѣ что-нибудь о Макдугалѣ, продолжала дама: — возвратился ли онъ изъ Шотландіи? здѣсь ли онъ теперь?

— Онъ только вчера уѣхалъ въ Новый-Орлеанъ.

— Превосходно!... Прелесть этотъ г. Макдугаль.... А! онъ уѣхалъ?

— Я провожалъ его до Кингстона.

— Конечно, вы меня знаете, и потому нѣчего говорить вамъ мое имя.

— Извините, я не имѣю чести знать васъ.

— Вы хотите пошутить!...

— Въ первый разъ я имѣю честь видѣть васъ.

— И слышать?

— И слышать тоже.

— Это значитъ, что вы никогда не бываете въ Королевскомъ театрѣ.

— Никогда.

— Вотъ оригиналъ! вскрикнула дама со смѣхомъ, отъ котораго покраснѣлъ Сервіанъ. — Какъ! вы не знаете прекрасныхъ англійскихъ переводовъ Нормы, Фиделіо, Фра-Діаволо, Медвѣдь и Паша, Пуританъ?

— Нѣтъ, отвѣчалъ Альбинъ голосомъ сознающагося преступника.

— Такъ вы никогда не слышали, какъ поетъ Кора знаменитую арію Беллини:

Come, dearest, the moon shines?

— Никогда.

— Да откуда же вы? Вамъ, кажется, лѣтъ тридцать, вы молодецъ на взглядъ — и ничего не знаете! Такое невѣдѣніе непостижимо! Не пріѣхали ли вы съ послѣднимъ пакетботомъ съ оксфордскихъ школьныхъ скамеекъ? Признайтесь, въ этомъ нѣтъ ничего дурного.

— Да, я ничего не знаю, совершенно ничего, отвѣчалъ ученый, добитый до конца.

— Боже мой! какое странное образованіе даютъ молодымъ людямъ въ этой землѣ! Въ Италіи всѣ молодые люди лѣтъ пятнадцати ужь теноры или баритоны.... Какъ же это Макдугаль васъ не цивилизовалъ до сихъ поръ? Я тысячу разъ встрѣчала васъ съ нимъ въ *Sackeville-Street* передъ почтою.... Такъ онъ уѣхалъ въ Новый-Орлеанъ и не сказалъ мнѣ объ этомъ ни слова, и не простился! это очень любезно со стороны г. Макдугаля! А я осыпала его вниманіемъ! за кулисы приходилъ онъ, какъ домашній. Часто даже онъ забывалъ платить за креслы... Скажите, онъ въ-самомъ-дѣлѣ потомокъ Робъ-Роя?

— Да.

— Говорятъ, что г. Макдугаль богатъ и уменъ. Передо мною онъ скрываетъ свой умъ и особенно богатство. Впрочемъ, мнѣ мало нужды до его денегъ; Королевскій театръ платитъ мнѣ двѣнадцать тысячь фунтовъ въ годъ, даетъ одинъ бенефисъ и ежегодно мѣсячный отпускъ, которымъ я пользуюсь въ трехъ большихъ городахъ Ланкастерскаго графства.... Для насъ, артистовъ, деньги совершенная бездѣлица, и я ни во что́ ставлю богатство. У боговъ мы просимъ только извѣстности. Мы хотимъ удержать за собою званіе, какъ жоны перовъ и баронетовъ. На Итальянскомъ театрѣ въ Парижѣ есть пѣвица, которая выходитъ за нѣмецкаго князя.... Вы можетъ быть знаете это?

— Нѣтъ, не знаю.

— Макдугаль не князь англійскій, но онъ происходитъ отъ Робъ-Роя: это славнѣйшее дворянство въ мірѣ. Я часто говорила ему: послушайте, г. Макдугаль, сдѣлаемте дѣло, женитесь на мнѣ. — Э, отвѣчалъ онъ мнѣ всегда, поговоримъ объ этомъ послѣ. — Поговоримъ же, когда ужь начали. Тутъ Макдугаль начиналъ мнѣ представлять о своихъ дѣлахъ, путешествіяхъ, компаніяхъ и разныхъ разностяхъ, — словомъ, о всякихъ вздорахъ, чтобы только не жениться на мнѣ. Да, сто разъ за кули-

сами я приглашала его жениться, и каждый разъ свои резоны онъ заключалъ старой шуткой, которую не онъ выдумалъ: «мы женимся, какъ женятся въ театрѣ, если хотите, миссъ Кора».

— Это ужасно! сказалъ Альбинъ съ оскорбленнымъ видомъ.

— Макдугаль, прибавила актриса, разыгрывая Лукрецію: — Макдугаль на цѣлое столѣтіе отсталъ отъ закулисныхъ нравовъ. Онъ и понятія не имѣетъ о томъ, что теперь, въ нашемъ быту, скромность и добродѣтель — промыслъ; хорошее поведеніе ведетъ насъ къ счастію и даетъ намъ по-крайней-мѣрѣ княжескую корону. Кто такъ несчастенъ, что имѣетъ милліоны и глупость, какъ Макдугаль, за того насильно выдетъ любая дублинская актриса, которая только захочетъ сойти съ своей торжественной колесницы, чтобы соединиться съ кровью Робъ-Роя.... Какъ вы объ этомъ думаете?...

— Если Макдугаль на это согласится, я не буду препятствіемъ.

— Можете ли вы дать мнѣ его адресъ въ Новомъ Орлеанѣ?

— Письмо ваше вѣрно не дойдетъ къ нему: онъ пріѣзжаетъ туда, продаетъ свои товары и возвращается.

— Поѣздка однакожь мѣсяца на два или на три;—не такъ ли?

— Три, — самое бо́льшее.

— Прекрасно! мы теперь у ограды и коляска моя подана. Благодарю васъ, господинъ де....

— Де Сервіанъ.

— Г. де Сервіанъ; я очень рада, что знаю ваше имя. Еще просьба: когда Макдугаль возвратится, оставьте вашу визитную карточку у дверей миссъ Коры, первой пѣвицы Королевскаго театра. Прощайте, г. де Сервіанъ.... Ахъ, какъ вы разсѣяны! вы уводите съ собою мою собачку; отдайте ее моему лакею. До свиданья.

Сервіанъ низко поклонился актрисѣ и направилъ путь домой съ мыслью, отъ которой легко было ему и весело итти.

Эту мысль мы узнаемъ въ слѣдующей главѣ.

VI.

КАБИНЕТЪ ГРАФА ГОДЕФРУА ДЕ СЕРВІАНЪ.

Наканунѣ смерти, графъ Годефруа де Сервіанъ такъ писалъ сыну, изъявляя свою послѣднюю волю: «любезный Альбинъ,

убѣгай людей и особенно женщинъ; я думаю однакожь, что ты, вѣрный крови своего рода, послушаешься только первой половины этого наставленія. Когда почувствуешь первое волненіе страсти, открой сѣрый шкафъ въ моемъ кабинетѣ и распечатай большой свертокъ пергамина съ моею печатью, повѣшенный на золотомъ гвоздѣ.»

Альбинъ де Сервіанъ никогда не отворялъ кабинета своего отца. Онъ зналъ, что виновникъ дней его слылъ художникомъ въ дѣлѣ соблазна, и изъ уваженія къ этому драгоцѣнному воспоминанію не хотѣлъ огорчать свои взоры и сердце зрѣлищемъ этого тайнаго убѣжища, гдѣ вѣрно многое напомнило бы ему отцовскіе грѣшки, на которые слѣдовало бы набросить покрывало.

Теперь эти трогательныя сыновнія чувства разлетѣлись. Пораженный внезапнымъ открытіемъ, Альбинъ понялъ, что все мягкое и солидное, перешедшее къ нему отъ матери, не имѣетъ больше надъ нимъ силы, и что случайный переломъ возвратилъ ему во всей чистотѣ кровь отца, лучшаго его друга и достойнѣйшаго наставника.

Возвратясь домой, онъ съ неизвѣстнымъ доселѣ волненіемъ растворилъ такъ давно забытый кабинетъ. Казалось, хозяинъ только-что вышелъ отсюда: всякая вещь была на своемъ мѣстѣ, какъ при жизни его. Четыре большія картины висѣли по стѣнамъ; онѣ представляли Купидона, спускающаго стрѣлу въ Марса, голубковъ Венеры, пойманныхъ въ силки Вулканомъ, плотнаго пастуха, накрахмаленнаго, съ голубыми лентами, привязывающаго къ посоху платочекъ, вышитый его пастушкою; а пастушка къ тому же посоху привязывала голубую ленту.

На каминѣ стояли широкіе бронзовые часы: они изображали лѣсъ, сквозь который пролетала вереница окрыленныхъ сердецъ. Купидонъ, переодѣтый охотникомъ, съ злобной улыбкой пронзалъ эти сердца стрѣлою. На мраморномъ пьедесталѣ этихъ часовъ вырѣзано было четверостишіе, которое принесло автору полторы тысячи ливровъ пенсіи и квартиру въ шесть комнатъ во дворцѣ Конти.

Вотъ оно:

O petit Dieu malin qu'on adore à Cythère,
Toi, redouté partout, et toi qui ne crains rien,

Si tu pouvais percer le coeur de ma bergère,
Je te pardonnerais d'avoir percé le mien.

(О, коварный божокъ Кипра, страшный всѣмъ и не боящійся никого! если бы ты могъ пронзить сердце моей пастушки, я простилъ бы тебѣ, что ты пронзилъ мое).

По сторонамъ камина висѣли два небольшіе портрета: одинъ дѣвицы Клеронъ, въ Заирѣ, представленной въ ту минуту, когда она говоритъ: De mes faibles appas; другой — госпожи Бризаръ, въ Энонѣ, когда она говоритъ Федрѣ:

Votre flamme devient une flamme ordinaire.

(Вашъ пламень дѣлается обыкновеннымъ огнемъ.)

За часами наклонно висѣло широкое зеркало, потерявшее привычку отражать предметы; на немъ сидѣли пастушокъ и пастушка, подносившіе овечку Купидону.

Дюжина креселъ съ камеями стояла въ кабинетѣ. Художникъ на ихъ спинкахъ нарисовалъ двѣнадцать изъ тѣхъ сказокъ, въ которыхъ добрый и простодушный Лафонтенъ даетъ уроки любовныхъ интригъ и учитъ проводить отцовъ, дядей, братьевъ, любовниковъ и мужей. Счастливый вѣкъ! Мы, въ 1845, мы должны краснѣть за нашу литературную безнравственность, должны исправиться!

Огромное бюро изъ цѣльнаго акажу, зубчатое какъ цитадель, занимало половину комнаты. По угламъ его широкаго карниза стояли двѣ гипсовыя группы: одна представляла Парнасъ съ девятью музами, и Аполлона, убивающаго змѣй зависти; другая — Пантеонъ Амура, съ статуэтками кардинала Берни, аббата Грекура, аббата Шолье, Дора, Жантиль-Бернара и другихъ невинныхъ поэтовъ, которые въ веселыхъ эпиграмахъ воспѣвали la Guerre de Dieux и Орлеанскую Дѣву. — Счастливый вѣкъ! тогда французы умѣли смѣяться! Увы!

А нашъ вѣкъ такой печальный! какъ слезливы наши поэты послѣ такихъ весельчаковъ!

Альбинъ де Сервіанъ улыбался на всѣ эти богатства прошедшаго вѣка, который для него былъ вѣкомъ настоящимъ. Духъ регентства и геральдическаго повѣсничества вѣялъ изъ этого музея Купидона. Никакой серьёзной черты не было видно во всемъ убранствѣ комнаты; все было странно, изуродовано, глупо, пошло и холодно развратно; самая непорочная душа раз-

вратилась бы здѣсь въ нѣсколько дней въ сообществѣ этихъ пастушекъ, фигурокъ, зеркалъ безъ стеколъ, и креселъ, изъ которыхъ каждое, кажется, что-то могло разсказать скандальное. Благодаря новому расположенію духа, Альбинъ съ особеннымъ удовольствіемъ смотрѣлъ на все и дотрогивался руками до пыльныхъ пустяковъ отцовскаго наслѣдія; ему казалось даже, что онъ отдаетъ въ-тайнѣ долгъ памяти графа Годефруа, разсматривая во всѣхъ подробностяхъ эти пышныя вещи, которыя отецъ его такъ любилъ и собиралъ такъ старательно.

Щедро заплативъ такой законный сыновній долгъ, Альбинъ обратился къ самому себѣ и взглянулъ на шкафъ, въ которомъ на золотомъ гвоздѣ висѣлъ драгоцѣнный пергаминъ. Онъ отворилъ шкафъ, и на него пахнуло запахомъ истлѣвающихъ бумагъ. Эту почтенную атмосферу фамильныхъ остатковъ Альбинъ вдыхалъ нѣсколько минутъ съ страстью археолога. Внутренняя сторона шкафной двери была украшена медальонами, поразившими цѣломудреннаго Сервіана. Подъ каждымъ рисункомъ было четверостишіе, и почти всякое подписано какимъ-нибудь славнымъ именемъ, напримѣръ:

Si je dis qu'elle est la plus belle
Des bergères de ce hameau,
Je n'aurai rien dit de nouveau;
Ce n'est un secret que pour elle.

De Florian.

(Сказать, что она прекраснѣе всѣхъ пастушекъ этой деревни, значитъ повторить старое, неизвѣстное только одной ей.)

Quand on sait aimer et plaire,
A-t-on besoin d'autre bien?
Rend-moi ton coeur, ma bergère,
Colin t'a rendu le sien.

J. J. Rousseau.

(Тому не надо никакихъ благъ, кто умѣетъ любить и нравиться. Подари мнѣ, моя пастушка, твое сердечко; Коленъ уже отдалъ тебѣ свое.)

Que ne suis-je la fougère
Où, sur le soir d'un beau jour,
Vient reposer ma bergère,
Sous les ailes de l'Amour!

Montesquieu.

(Зачѣмъ я не мурава, на которую, подъ вечеръ прекраснаго дня, приходитъ моя пастушка отдыхать подъ крылышками Амура!)

C'est l'aimable et jeune bergère
Par qui, sous les lois de Cythère,
Je servis, engagé par mes premiers serments.
Reviendront-ils, hélas! de semblables moments?
La Fontaine.

(Ради милой молоденькой пастушки, обязанный первыми клятвами, служилъ я законамъ Кипра. Ахъ! возвратятся ли когда-нибудь такія мгновенія!)

И проч., и проч., и проч., все съ пастушками.

— Ахъ, Боже мой! воскликнулъ Альбинъ: — всѣ эти великіе люди любили пастушекъ! Какой ужасный вкусъ! И вѣрно для нихъ они дурачались, потому-что писали имъ стихи! Что же стали бы они дѣлать, если бы знали мистриссъ Лавинію? — И батюшка, благородный мой батюшка, онъ тоже хаживалъ къ молочницамъ. О, какъ порадовалось бы его родительское сердце, если бы онъ видѣлъ, что любовь его сына возвысилась до знатныхъ дамъ, женщинъ въ бархатѣ и кружевахъ,—женщинъ, у которыхъ подъ перчатками пальчики тонкіе, гладкіе, благоухающіе!... Воображаю, сколько дуэлей долженъ былъ имѣть мой отецъ съ пастухами! Почтеніе его памяти! Если когда-нибудь я буду его достоинъ, никогда не стану я драться на дуэли въ овчарнѣ, между бѣдной дѣвочкой и баранами.

Говоря это, онъ снялъ пергаминъ, почтительно поцаловалъ его и сломалъ печать. Слезы полились по его щекамъ; онъ узналъ почеркъ отца, и казалось ему, что онъ распечаталъ письмо, писанное въ тотъ же день утромъ. Характеръ покойнаго графа вполнѣ выразился въ этой рукописи. Слогъ письма совершенно гармонировалъ съ кабинетомъ.

Медленно и съ наслажденіемъ читалъ Альбинъ рукопись. Душа его съ каждой строкой наполнялась отцовскою душою, и въ немъ ничего уже не оставалось отъ матери. Новый инстинктъ развился и взросъ въ немъ: еще нѣсколько случаевъ для практики, и онъ будетъ считать себя достойнымъ представителемъ графа Годефруа.

Вотъ рукопись:

«Мы условились, любезный сынъ, чтобы ты распечаталъ это письмо только тогда, когда почувствуешь въ себѣ влеченіе къ волокитству.

«О, если бы я былъ живъ, я далъ бы тебѣ превосходный урокъ ex professo, и твоя пастушка былабы у твоихъ ногъ смирнѣе овечки.

«Къ несчастію я мертвъ, и увы! въ моемъ положеніи довольно трудно руководить на первыхъ шагахъ молодымъ и неопытнымъ поклонникомъ Киприды.

«Первая любовь, какъ первое сраженіе: надо побѣдить, во что́ бы ни стало. Если въ первой схваткѣ ты будешь побѣжденъ, мужчины станутъ надъ тобою смѣяться, женщины не будутъ уважать тебя. Старайся заслужить уваженіе женщинъ, сынъ мой! Не будь никогда завистливъ; это гнусный недостатокъ. Лучше возбуждать къ себѣ зависть.

«Если ты соперничаешь съ другомъ, одному изъ васъ необходимо имѣть разсудокъ, только съ условіемъ, чтобы этотъ одинъ былъ не ты.

«Не спѣши обнаруживать характеръ свой передъ женщиной, которую хочешь любить: узнай прежде ея характеръ, и его-то сдѣлай своимъ. Если она живого нрава, ты будешь веселъ; если она кротка, будешь тихъ; если она задумчива — печаленъ. Есть одно только исключеніе; если она говоритъ много, молчи и слушай; говоритъ мало — ты говори безпрестанно.

«Съ твоей стороны будетъ большой промахъ, если при первомъ свиданіи ты поставишь себя слишкомъ высоко въ ея мнѣніи, потому-что на другой же разъ тебѣ придется спускаться. Дѣлай на-оборотъ. Въ 1786 году, я любилъ пастушку, которой имя теперь позабылъ; но я не забылъ, что мнѣ указалъ ее Луве де Кувра! Теперь, послѣ смерти, я могу открыто сказать, что имѣлъ столько же ума, какъ г. Луве; только плутъ былъ лукавѣе меня въ любви. Мы начали атаку въ одинъ день, онъ въ полдень, я въ пять часовъ вечера. При первомъ приступѣ я издержалъ сотню отборныхъ остротъ и множество мадригаловъ. Но нельзя же имѣть ежедневно такого запаса артиллеріи въ своемъ арсеналѣ! На другой день я уменьшилъ и остроты и мадригалы въ половину, и въ той же пропорціи терялъ съ каждымъ днемъ больше и больше. Луве поступалъ совершенно иначе. Въ первый разъ онъ былъ похожъ на простяка, и насталъ наконецъ день, когда мы сошлись у нашей красотки, онъ въ блескѣ, я въ тѣни. На другое утро, лакей пастушки попросилъ меня забыть нумеръ дома. Я имѣлъ невоздержность приказать моему слугѣ высѣчь посланнаго розгами и ждалъ г. Луве подъ фонаремъ въ Театенъ, гдѣ ранилъ его шпагою въ правую руку. Послѣ этого мы обнялись, и все было кончено.

«Пусть послужитъ это урокомъ тебѣ, любезный сынъ!

«Сынъ мой! не страшись женщинъ, но всегда показывай, будто ты ихъ боишься. Имъ пріятно видѣть, что мужчина дрожитъ передъ ними. Въ свободныя минуты пріучайся дрожать. Не бойся стрѣлъ Купидона: ихъ острія покрыты бархатомъ. Ты богатъ, слѣдовательно иди дорогою твоего отца, обожай красоту. Жалѣй о каждой минутѣ, потерянной для любви.

«Сынъ графа Голефруа де Сервіанъ, не перерождайся никогда и сохрани нашъ гербъ. Родъ нашъ имѣетъ на гербѣ девизъ: пламя для прекрасныхъ, пламенникъ для враговъ! Альбинъ, помни всегда о твоемъ отцѣ и уважай его память и геральдику.»

Послѣ этого чтенія перемѣна совершилась. Душа отца вся перешла въ тѣло сына.

Альбинъ подвергнулъ себя послѣднему испытанію и извлекъ изъ своего сердца убѣжденіе, что онъ почти влюбленъ въ мистриссъ Лавинію.

Страшная мысль, еще не приходившая въ голову Альбину, приковала ноги его къ ковру въ ту минуту, какъ онъ хотѣлъ посовѣтоваться съ зеркаломъ о своей наружности и нарядѣ, о чемъ онъ никогда не заботился будучи метафизикомъ.

Всякому другому мысль эта представилась бы очень естественно; но Альбинъ былъ существомъ исключительнымъ, въ исключительномъ положеніи. Если бы герой мой былъ изъ ряда обыкновенныхъ, я не сталъ бы теперь писать его исторію.

«Мистриссъ Лавинія — сказалъ онъ самъ себѣ — мѣсяца черезъ три должна вытти за-мужъ за Макдугаля, а Макдугаль мнѣ другъ. Кажется, батюшка, не предвидѣлъ этого случая.»

Онъ задумался, положивъ въ зубы указательный палецъ правой руки, что, какъ извѣстно, очень облегчаетъ затруднительныя размышленія.

«Нѣтъ, нѣтъ — прибавилъ онъ, глядя въ старое зеркало, въ которомъ ничего не видѣлъ — невозможно, чтобы Макдугаль любилъ прекрасную Лавинію. Если бы онъ любилъ ее, онъ не поѣхалъ бы въ Америку за смертью или раззореньемъ. Онъ женился бы нынче утромъ.... это ясно.... Онъ не сталъ бы ѣздить къ этой миссъ Корѣ, которая мнѣ кажется вѣдьмою въ

шолковомъ платьѣ, и которая должна платить за свои дорогіе наряды деньгами ближняго. Да! духъ графа Годефруа озаряетъ меня. Макдугаль не любитъ мистриссъ Лавиніи. Слѣдовательно, мнѣ позволительно любить ее.»

VII.

ПРЕВРАЩЕНІЕ.

Эти размышленія и туча другихъ вертѣлись въ головѣ Альбина и всѣ подавали ему одинъ и тотъ же совѣтъ. Онъ никогда въ жизни не занимался нравственными вопросами объ отношеніяхъ любви къ дружбѣ, а потому и не различалъ въ этомъ дѣлѣ, съ точки зрѣнія первобытнаго человѣка, всѣхъ тѣхъ деликатныхъ оттѣнковъ, которые введены въ наши нравы цивилизаціей.

Совершенно успокоенный, потому-что наконецъ, во что бы ни стало, онъ хотѣлъ быть успокоеннымъ, Альбинъ пошелъ въ лучшую комнату своего дома, чтобы поглядѣться въ зеркалахъ, не лишенныхъ еще преимущества отражать предметы. Тамъ познакомился онъ самъ съ собою, потому-что съ перваго взгляда не узналъ себя, и первымъ его движеніемъ было снять шляпу и поклониться своему изображенію. Это могутъ понять только люди постоянно занятые отвлеченными умозрѣніями. Первый взглядъ на себя въ зеркалѣ далъ Альбину не очень выгодное понятіе о его физическихъ преимуществахъ: обычное созерцаніе озеръ согнуло его туловище въ довольно непріятную кривую линію. Прическа довольно наивно представляла безпорядокъ дѣвственнаго лѣса. Одна борода, противъ воли его, сохранила дикую и мужественную красоту.

Также долго осматривалъ Альбинъ свой нарядъ. На немъ было платье, сшитое по той модѣ, которой эпоха терялась во мракѣ ирландскихъ временъ; цвѣтъ его измѣнялся, смотря по состоянію температуры и свѣта. Онъ носилъ жилетъ предковъ и потертые панталоны лакистовъ. Отъ сапоговъ его множество кусковъ кожи осталось на безплодныхъ горахъ въ Керри, и цѣлыя поколѣнія бобровъ исчезли на берегахъ Орегона послѣ смерти того, изъ котораго сдѣлана была шляпа молодого Альбина.

Увы! вотъ въ какомъ нарядѣ достигаютъ крутыхъ вершинъ метафизики! но зато ни одна женщина не останавливаетъ на этомъ пути.

Альбинъ энергически выпрямился и дернулъ снурокъ колокольчика.

— Кто лучшій портной въ Дублинѣ? спросилъ онъ вошедшаго слугу.

Лакей отступилъ на три шага и не разслышалъ вопроса.

— Слышалъ ли ты? опять спросилъ хозяинъ.

— Лучшій портной въ Дублинѣ г. Фюльстонъ, отвѣчалъ слуга, пораженный, какъ громомъ, этимъ чудомъ.

— Иди и тотчасъ привези ко мнѣ Фюльстона.

Слуга вышелъ. Альбинъ продолжалъ свой разговоръ съ зеркалами:

— Какое безобразіе! ворчалъ онъ, вырываясь, какъ изъ темницы, изъ своего платья и бросая его на полъ: — и я постыдно провелъ жизнь въ этихъ двухъ аршинахъ лондонскаго сукна, сшитаго проволокою! Лучшіе дни свои я все смотрѣлъ себѣ на ноги и не видѣлъ, что сапоги мои въ лоскуткахъ! И все это съ молодостью, силою и золотомъ, съ этими тремя вещами, съ которыми все возможно!... Право, мнѣ стыдно за самого себя; самъ у себя прошу извиненія въ глупости.... Мистриссъ Лавиніи стоило уснуть передо мною, чтобы сдѣлать диво. Этотъ блаженный сонъ разбудилъ меня. Я былъ мертвъ или хоть и жилъ, но какъ раковина на береговомъ пескѣ!... Съ такимъ отцомъ, какъ мой!... Женщина передѣлала меня въ мужчину. Вѣчная благодарность Лавиніи!

Портной Фюльстонъ принесъ съ собою цѣлый вьюкъ готоваго моднаго платья; обрадованный, какъ Ахиллесъ находкою меча, Альбинъ купилъ все.

Физическое превращеніе было также быстро, какъ нравственное. Зеркала не узнали Альбина, когда онъ сталъ рисоваться передъ ними одѣтый по послѣдней картинѣ Journal de modes. Онъ никогда не зналъ другого зеркала, кромѣ озера, и не могъ теперь оторваться отъ настоящихъ зеркалъ; онъ чувствовалъ такую упоительную радость, которая убила бы человѣка, если бы онъ вступилъ въ жизнь тридцати лѣтъ, съ сознаньемъ, здоровьемъ, богатствомъ страстей, не зная слезъ колыбели и школы свѣтскаго новичка. Герой нашъ углублялся, по временамъ, въ

самого себя, припоминая граціозныя и благородныя положенія, которыми такъ хорошо умѣлъ владѣть графъ Годефруа, когда подступалъ къ чужой женѣ. Какія очаровательныя позы принималъ онъ, когда, стоя и небрежно оперщись о мраморный консоль, одну ногу вытянувши, другую слегка согнувъ, закинувъ и наклонивъ къ плечу голову, онъ разсказывалъ о какомъ-нибудь версальскомъ похожденіи изумленнымъ ирландцамъ! Какъ сердце сына томилось сожалѣніемъ при воспоминаніи объ утратѣ такихъ уроковъ! Какая женщина устояла бы противъ этого сына, который собой повторилъ бы умъ и грацію отца, парижскаго жантильома!

Однакожь Альбинъ вовсе не отчаявался въ успѣхѣ подраженія отцу, хоть такъ, какъ луна подражаетъ солнцу. Остатокъ дня онъ хотѣлъ посвятить этимъ воспоминаніямъ, и сверхъ-того, прежде свиданія съ мистриссъ Лавиніей, ему нужно было короче познакомиться посредствомъ зеркалъ съ самимъ собою. Онъ сдѣлалъ генеральную репетицію сцены, которую предположилъ разъиграть завтра съ хорошенькой вдовою; съ новой шляпой въ рукѣ кланялся себѣ сто разъ; садился, стараясь всячески умягчить неловкія движенія колѣнъ; спрашивалъ себя о здоровьи и самъ себѣ отвѣчалъ, расказывалъ городской анекдотъ кресламъ, посматривая на каждое изъ нихъ, чтобы не возбудить ни чьей зависти; вставалъ съ непринужденностью и подходилъ къ группѣ стульевъ, будто затѣмъ, чтобы слушать съ улыбкою веселую болтовню пріятелей; послѣ упражнялся въ томъ, какъ выходить изъ гостиной не слишкомъ шумно, не слишкомъ тихо, избѣгая принужденности и желая быть замѣченнымъ. Весь этотъ пробный вечеръ кончился примѣрнымъ свиданіемъ съ мистриссъ Лавиніей, безъ свидѣтелей. Тогда онъ придалъ своему голосу особенный звукъ; пробовалъ гаммы; изучалъ различные тоны вздоха; то примѣривалъ печальную улыбку, то строилъ нѣжные глазки. Казалось, зеркала были имъ довольны, и онъ поблагодарилъ себя.

Чтобы довершить образованіе, слишкомъ можетъ быть поспѣшное, по неизбѣжной надобности, Альбинъ рѣшился посвятить послѣдніе свободные часы своего времени чтенію избранной библіотеки своего отца. Онъ проглотилъ всѣ нравственныя сочиненія послѣднихъ двухъ вѣковъ, прочитывая почти однѣ подписи на картинкахъ. Любовался баснями добраго Лафонтена,

стихами Ренье, комедіею Амфитріонъ, монахиней Дидерота, Опасными связями, Шутками Пирона, Поцалуями Дора, Записками Фоблаза и тысячью другихъ авторовъ въ этомъ родѣ. По временамъ, иныя фразы удерживали вниманіе и глаза Альбина: онъ старательно обдумывалъ ихъ. Эта, напримѣръ: «Виконтъ де Бланде одержалъ побѣду надъ одной дамой, нюхая табакъ.» Несчастный Сенваль вздыхалъ двѣ недѣли. Увы! минуло время пяти любовницъ.»

«Ты его знала, моя милая Элеонора!» — Отцы и мужья обратились къ Кольберу съ просьбою выслать маркиза де Флореаля за пятьдесятъ льё отъ Парижа, для ихъ домашняго спокойствія.

«Графъ де Воланжъ на двухъ окнахъ своего кабинета имѣлъ двѣ занавѣси, одну темную, другую свѣтлую, вытканныя каждая изъ волосъ его любовницъ, и онъ еще жаловался на одиночество!»

— Что за люди! за счастливыя страны! говорилъ про себя Альбинъ де Сервіанъ. Однакожь пора за дѣло, пора быть сыномъ!

Ночь пролетѣла мигомъ; на всѣхъ часахъ било девять часовъ утра. Солнце затмѣвало свѣчи.

— Тѣмъ лучше, сказалъ онъ: —по-крайней-мѣрѣ эта ночь не потеряна для наступающаго дня!

Слуга вошолъ и подалъ ему письмо. Альбинъ взглянулъ на подпись: оно было отъ Лавиніи, которая писала такъ:

«Мнѣ сказали, что будущій мой мужъ, уѣзжая, сдѣлалъ вамъ тайное порученіе, которое мнѣ оскорбительно. Г. Макдугаль не имѣлъ права оставлять за мною надзирателя; я отмѣняю назначенный срокъ, а вы не имѣли права принять на себя обязанность этого рода. Извините, что вступленіе не мягко: вы знаете, что откровенность мое достоинство.

«Я не вѣрю слухамъ; но вѣрю имъ, если они повторяютъ то, о чемъ я сама думала прежде. Вашъ языкъ, поведеніе, манеры, даже одежда, чтеніе,—все показываетъ въ васъ молодого человѣка, который дѣлаетъ мнѣ визиты вовсе не изъ одного удовольствія ихъ дѣлать мнѣ. Вы такъ ловко приняли свои мѣры, что чистота намѣреній вашихъ ясна, какъ день, и для меня, и для свѣта. Вы не хотите меня компрометировать, чтобы вѣрнѣе сохранить для себя. Ваша почтительность и ваша степенность

ужасаютъ меня. Я умираю отъ скуки при одной мысли, что цѣлые три мѣсяца подлѣ меня будетъ надзиратель, который свяжетъ меня по рукамъ и по ногамъ метафизическими статьями Фюллертона. Въ ваши лѣта вамъ должно любить женщину; идите же и надзирайте за нею и уважайте печаль послѣднихъ дней моего траура.»

«Лавинія.»

Прочитавъ два раза это письмо, Альбинъ ударилъ себя по лбу, будто желая выбить изъ него упрямую мысль: онъ пересмотрѣлъ всѣхъ пастуховъ на картинахъ отцовскаго кабинета, всѣ гипсовыя фигурки, всѣ свои новыя платья, и глубоко вздохнулъ отъ изнеможенія и унынія. Случайно взглянулъ онъ на отцовскій гербъ, вытѣсненный на красной печати знакомаго читателю пергамина, вскочилъ съ креселъ и, протянувъ въ воздухѣ руку, сказалъ съ спокойствіемъ героя:

— Отецъ мой, ты будешь доволенъ мною!

VIII.

ГАМЛЕТЪ НА ДУБЛИНСКОМЪ ТЕАТРѢ.

Это былъ вечеръ grande attraction, какъ говорятъ наши сосѣди, англичане. Избранникъ англійскихъ актеровъ игралъ Гамлета; пьеса безотрадная: полу-женщина божественная, полу-уродъ баснословный; колоссальный сфинксъ, высѣченный великимъ трагическимъ скульпторомъ Вильямомъ. Лучи газоваго солнца струились по фризамъ кулисъ, въ долинѣ оркестра, по сотнѣ жирандолей въ ложахъ и ярко освѣщали, на темномъ малиновомъ фонѣ, двѣнадцать полукруглыхъ рядовъ блестящихъ камнями дамъ въ ослѣпительной мозаикѣ всѣхъ дублинскихъ тканей.

Въ скромной ложѣ, не освѣщенной газомъ и брильянтами, г. Эдмондъ Гольдриджъ, веселый старикъ, шестидесяти четырехъ лѣтъ, и племянница его, мистриссъ Лавинія, разговаривали о дневныхъ новостяхъ и хорошенькихъ посѣтительницахъ театра, когда датскій принцъ не былъ на сценѣ.

Въ первыхъ открытыхъ ложахъ замѣтно было то движеніе взволнованнаго любопытства, которымъ въ театрѣ сопровож-

дается входъ замѣчательнаго лица. Довольно поздно пріѣхавшій молодой человѣкъ вошолъ въ первый рядъ креселъ и прежде, нежели сѣлъ на мѣсто, направо и налѣво подавалъ руки протянутымъ къ нему рукамъ, разсыпалъ поклоны и улыбки, какъ путешествующій принцъ. Его можно бы замѣтить вездѣ по благородству фигуры, манеры и наряда; но въ собраніи ирландскихъ зрителей, съ лицами невинными, смирными, странными и благодушными, онъ отличался какъ лилія въ связкѣ простыхъ и безъименныхъ травъ.

— А, вотъ онъ, нашъ модный кавалеръ, сказалъ дядя Элмондъ своей племянницѣ: — онъ производитъ впечатлѣніе; къ счастію, онъ вошелъ въ антрактѣ. Какъ онъ вамъ нравится, Лавинія?

— Онъ очень хорошъ, и особенно одѣтъ съ большимъ вкусомъ.

— Его прозвали дублинскимъ Орсаемъ. Онъ является въ обществѣ всего около мѣсяца.

— А какъ его зовутъ?

— Позволь.... имя очень извѣстное.... особенно по отцу.... Вы тысячу разъ слышали имя его отца.... помогите-ка мнѣ вспомнить, Лавинія....

— Да впрочемъ, въ этомъ нѣтъ никакой особенной важности; что́ за нужда въ имени!... этотъ молодой человѣкъ очень замѣчателенъ....

— Вотъ, вотъ, я вспомнилъ, сказалъ дядя, отводя руку отъ лба: — г. Альбинъ де Сервіанъ.

— Альбинъ де Сервіанъ! повторила Лавинія съ мелодическимъ хохотомъ: — кажется, любезный дядюшка, память услуживаетъ вамъ только по второму разу. Поищите другого имени; быть можетъ вамъ больше посчастливится.

Дядя, пораженный смѣхомъ, сдѣлалъ смиренную гримасу, снова приложилъ руку ко лбу, и сталъ смотрѣть на люстру.

— Альбинъ де Сервіанъ! повторила молодая вдова, продолжая смѣяться. — Боже мой! и какъ попасть на это имя въ такой толпѣ именъ! Ахъ, дядюшка, дайте мнѣ нахохотаться.... Да надъ этимъ придется хохотать всю жизнь, какъ только вспомнишь.... Если бы вы знали, сколько во всемъ этомъ для меня забавнаго.... видите ли, дѣло въ томъ, что я знаю г. Альбина де Сервіана....

— А, если вы знаете, Лавинія, это дѣло другое....

— Постойте, дядюшка.... я видѣла его нѣсколько разъ.... онъ дѣлалъ мнѣ визиты.... три-четыре недѣли уже какъ его не вижу.... къ счастію. Этотъ человѣкъ, пропитанный важностью, озерный философъ, одинъ изъ сумасшедшихъ, которыхъ не привязываютъ потому только, что они никому не дѣлаютъ зла. Г. де Сервіанъ, сверхъ того, такъ странно одѣвается, что трагедія не возможна была бы на сценѣ, если бы онъ показался въ театрѣ. Надо бы замѣнить Гамлета Виндзорскими Кумушками.... Ахъ, Боже мой! какое комическое имя произнесли вы, дядюшка! вы меня развеселили до безпамятства. Я думаю, мой хохотъ не приличенъ даже для вдовы послѣ полутора года!

— Эге! взгляните-ка, Лавинія, онъ навелъ на васъ свой лорнетъ.

— Кто?

— Молодой человѣкъ, который не Альбинъ де Сервіанъ, потому-что вы на это не согласны....

— Если это сколько-нибудь вамъ непріятно, дядюшка, вы можете такъ называть его; я не противлюсь.

— Хорошо! такъ теперь же я это утверждаю, сказалъ дядя, стукнувъ рукою по подлокотнику ложи. Я увидѣлъ его лицо при полномъ свѣтѣ; именно это онъ, Альбинъ де Сервіанъ.

— Дядюшка, я не богата, и послѣдняя шаль, подарокъ моего бѣднаго мужа, уже стара; есть ли у васъ шаль въ двадцать фунтовъ, чтобы поставить ее на пари?

— По-совѣсти, я не хочу выиграть у васъ двадцать фунтовъ, Лавинія.

— Я не отдамъ ихъ вамъ, если вы выиграете.

— Съ этимъ условіемъ, я согласенъ на пари.

— Дайте руку.

— Кстати, Лавинія, я хорошо знаю г. Кендаля, который говоритъ съ молодымъ человѣкомъ....

— Спросите г. Кендаля, дядюшка.

— Вы думаете, что это не будетъ не прилично?

— А, такъ вы ужь отступаете?... Мнѣ нужна шаль, дядюшка, и пари заключено.

— Да, да, заключено.... Но, повѣрите ли вы мнѣ на-слово, если я возвращусь и скажу: это точно г. Альбинъ де Сервіанъ; г. Кендаль еще подтвердилъ мнѣ это.

— Послушайте, дядюшка, я даю вамъ право сказать молодому денди, что мистриссъ Лавиніи было бы очень пріятно знать, гдѣ его квартира, чтобы отправить ему книжку Revue de Belfast. — Спросите его объ этомъ журналѣ, и вы увидите, что̀ онъ вамъ отвѣтитъ.

— Что̀жь, онъ ловушка, этотъ журналъ?

— Это моя предосторожность противъ васъ.

— Пожалуй; я васъ послушаюсь... иду въ креслы....

— Еще слово, дядюшка, сказала Лавинія, удерживая за руку Гольдриджа: — я хочу имѣть шаль Дингля; онъ работаетъ лучше Эллисона.

— Хорошо, хорошо; дождитесь моего возвращенія.

Черезъ нѣсколько минутъ дядя возвратился.

— Завтра вы будете имѣть шаль Дингля, Лавинія, сказалъ онъ, садясь.

— Ахъ, дядюшка! вы чудесный человѣкъ! невозможно быть исправнѣе васъ.

— Мнѣ кажется, Лавинія, очень позволительно дядѣ сдѣлать подарокъ племянницѣ. Не правда ли?

— Да, я вездѣ буду говорить, что это вашъ подарокъ, чтобы скрыть маленькій стыдъ вашего проиграннаго пари.

— Хорошо, Лавинія; но послушайте.... Я спросилъ у г. Кендаля имя молодого человѣка: Альбинъ де Сервіанъ, отвѣчалъ онъ мнѣ. — Я имѣю сказать ему два слова, прибавилъ я: — устройте намъ минутный разговоръ. — Г. Кендаль сдѣлалъ мнѣ эту услугу. Тогда я исполнилъ ваше порученіе о Revue de Belfast.» Милостивый государь, отвѣчалъ мнѣ Альбинъ де Сервіанъ: — прошу васъ засвидѣтельствовать мое уваженіе вашей прекрасной племянницѣ, мистриссъ Лавиніи, и сказать ей, что я поссорился съ статьями Фюллертона съ того времени, какъ онѣ, будто опіумъ, закрыли прекраснѣйшіе глаза въ Дублинѣ».

Съ каждымъ словомъ дяди, улыбка быстро исчезала съ лица Лавиніи.

Она смутилась слегка; губы ея раскрылись; она хотѣла проговорить и замолчала.

— Наконецъ, прибивилъ дядя: — онъ просилъ моего позволенія явиться къ вамъ въ ложу, въ будущій антрактъ, и мнѣ не показалось необходимымъ итти спрашивать вашего разрѣшенія на отвѣтъ, что намъ будетъ пріятно принять его.

— О! это невозможно! сказала вдова послѣ довольно долгаго молчанія. Это не онъ! безъ шутокъ, я долго глядѣла на него съ головы до ногъ. Есть два Альбина де Сервіанъ. Есть два брата.

— Дѣло возможное; дождемся слѣдующаго антракта.

Въ продолженіи втораго акта мистриссъ Лавинія молчала и не сводила глазъ со сцены; она не могла дать себѣ отчета въ странныхъ волновавшихъ ее чувствахъ. Иной разъ ей хотѣлось бы въ одну минуту проглотить безконечные разговоры Полонія и Рейнальдо; иной разъ она умоляла случай продлить этотъ второй актъ до завтра. Когда начался послѣдній монологъ Гамлета, она втайнѣ просила датскаго принца выразить загадку его задумчивости въ безконечныхъ стихахъ; наконецъ, дрожь пробѣжала по всему ея составу, когда опустился занавѣсъ.

Лавинію поразило при этомъ то странное сближеніе, что ей показалось, будто Гамлетъ, произнося послѣднія слова монолога, смотрѣлъ на нее; это было не болѣе, какъ оптическій обманъ, которыхъ такъ много въ театрѣ: Гамлетъ глядѣлъ только на суфлера. Какъ бы ни было, мистриссъ Лавинія ощущала волненіе тѣмъ болѣе странное, что ничѣмъ оно не оправдывалось. Мы утратили бы все очарованіе жизни, если бы могли объяснять сверхъестественное. Египетскіе мудрецы одни поняли, что путь нашего существованія обставленъ невидимыми сфинксами, и, чтобы вразумить невѣдущихъ, вездѣ высѣкали сфинксовъ изъ гранита.

Молодой человѣкъ, желанный или не желанный, не заставилъ ждать. Легкій стукъ пальца въ перчаткѣ у дверей ложи далъ знать о его приходѣ. Лавинія вооружилась тою увѣренностью, которую женщины такъ мастерски находятъ въ критическія минуты, и Альбинъ де Сервіанъ вошолъ. Онъ былъ въ двухъ шагахъ; не узнать его было невозможно: это онъ.

Съ какою почтительною ловкостью поклонился онъ молодой вдовѣ! какое сладкое воспоминаніе озаряло его благородное лицо и заставляло блистать умомъ его черные глаза! какое высокое достоинство сопровождало пріятныя его движенія! какая мелодическая мягкость лилась съ его устъ при первомъ словѣ! и во всей его фигурѣ сколько очарованія, безъ ребяческой бойкости, безъ надменности тщеславія!

Новичкомъ онъ былъ недолго; отцовское вліяніе довершило дѣло, или, лучше сказать, отецъ ожилъ въ сынѣ со всѣми

блестящими качествами и, можетъ быть, скрытыми недостатками.

Съ Альбиномъ обмѣнялись нѣсколькими незначащими словами, потому-что мистриссъ Лавинія поражена была изумленіемъ до глубины сердца и приняла его какъ человѣка, съ которымъ вчера только познакомилась.

X.

ТЕОРІЯ ПРИЗРАКОВЪ.

Замѣтивъ на лицѣ и въ словахъ племянницы затруднительное положеніе ея, Гольдриджъ завелъ обычный разговоръ въ подобныхъ случаяхъ. Театральныя встрѣчи тѣмъ хороши, что во всякую минуту даютъ поводъ къ разговору.

— Довольны ли вы Гамлетомъ, г. де Сервіанъ? спросилъ дядя.

— Актеромъ или пьесой? спросилъ Альбинъ.

— Я предполагаю, что пьесу вы знаете.

— Въ г. де Сервіанъ ничего не предполагайте, дядюшка, сказала Лавинія, приходя понемногу въ себя отъ смущенія.

— Это совершенная правда, сказалъ Альбинъ: — и я признаюсь, что не зналъ Гамлета.

— А! произнесъ дядя съ умѣреннымъ и неоскорбительнымъ смѣхомъ.

— Видите, дядюшка; сказала Лавинія: — г. де Сервіанъ французъ родомъ; а вѣдь мы знаемъ мнѣнія французовъ о нашемъ Шекспирѣ.

— Что́ касается до меня, то я не имѣю никакихъ предубѣжденій. Недавно видѣлъ я на этой сценѣ Макбета. Онъ показался мнѣ совершенствомъ. Это трагедія по преимуществу и изъ всѣхъ существующихъ одна истинная: мрачная, какъ смерть и ночь въ болотѣ человѣческой крови. Навѣрное, это посмертное сочиненіе Шекспира; онъ писалъ ее въ могилѣ окровавленною рукою и отдалъ ее вмѣсто платы могильщику, чтобы обогатить его.

— Г. Сервіанъ разсказываетъ это очень живописно, замѣтилъ дядя, стараясь принять позу Альбина.

— Въ-самомъ-дѣлѣ, Макбета страшно видѣть, сказала Лавинія. — Особенно этотъ призракъ... отъ него всегда пробѣгаетъ по мнѣ смертельная дрожь.

— И еще призракъ молчаливый, прибавилъ Альбинъ: — отъ этого онъ еще ужаснѣе.

— О, не шутите этимъ, г. де Сервіанъ, смѣясь сказала Лавинія: — вы заставите меня жалѣть о Фюллертонѣ.

— Чтожь, я готовъ говорить и серьёзно: такъ я началъ, когда вамъ было угодно позволить мнѣ явиться къ вамъ въ ложу.... Мнѣ кажется, что я говорилъ о Макбетѣ съ слишкомъ мрачною важностью....

— Я не очень люблю слишкомъ мрачную важность; притомъ, она ужь не кстати къ вамъ. Вы оставили нарядъ метафизика; говорятъ, вы около мѣсяца являетесь въ большомъ свѣтѣ; пожалуйста, примите же тонъ своего новаго костюма и своего общества.... Напримѣръ, какъ вы думаете о постановкѣ Гамлета?

— Я видѣлъ первый актъ изъ-за кулисъ и съ этой точки зрѣнія судилъ о немъ, кажется, довольно поверхностно.

— Скажите, однакожь.

— Боюсь, сужденіе мое не понравится вамъ или по формѣ, или по мысли.

— Не бойтесь ничего; напротивъ, слѣдуйте своимъ впечатлѣніямъ; мнѣ хочется знать, какіе успѣхи сдѣлали вы со времени чтенія статьи Фюллертона.

Съ пріятною небрежностью опершись на подлокотникъ, Альбинъ отвѣчалъ:

— Въ залѣ я не нашелъ мѣста и вошелъ за кулисы передъ самымъ поднятіемъ занавѣса; въ одномъ закоулкѣ встрѣтилъ я французскаго рыцаря въ полномъ вооруженіи, который прогуливался, напѣвая какую-то пѣсенку.

— Позвольте узнать, спросилъ я рыцаря: — можете ли вы указать мнѣ ложу директора?

— Г. Шартръ еще не пріѣхалъ, отвѣчалъ онъ.

— Я его дождусь.... Вы вѣрно играете въ пьесѣ?

— Я исполняю главную роль.

— Вы играете Гамлета?

— Нѣтъ, сударь, я играю призракъ.

— Очень вамъ благодаренъ.

Призракъ поклонился мнѣ, не снимая каски. На немъ была каска. Я прислонился къ стѣнѣ картонной цитадели, чтобы видѣть и слушать представленіе Гамлета. Вотъ, думалъ я: — вещь, которая измѣнитъ всѣ идеи, составленныя мною о призракахъ, когда былъ я метафизикомъ. Какъ! призракъ Гамлета носитъ полный нарядъ рыцаря крестовыхъ походовъ! До сихъ поръ казалось мнѣ, что призраки одѣваются самымъ скромнымъ образомъ, въ первый саванъ, какой попадется, какъ прилично душѣ, освободившейся отъ бремени тѣла; я думалъ, что для призраковъ есть вѣчная мода, установленная Самюэлемъ, въ Ендорѣ, и что каждый изъ нихъ долженъ ей слѣдовать до Іосафатовой долины, подъ опасеніемъ быть разжалованнымъ. Разсуждая о нравахъ привидѣній, я услышалъ за собою голосъ контрабаса:

— Не угодно ли вамъ, милостивый государь, немного отступить: вы мѣшаете мнѣ пройти.

— Оглянувшись, я узналъ, что говоритъ мнѣ призракъ; пройти дѣйствительно было тѣсно: призракъ былъ очень толстъ и латы его очень широки.... Вы видите, что при самомъ большомъ желаніи моемъ быть внимательнымъ, случай очень плохо услужилъ мнѣ на первомъ актѣ Гамлета.

— Продолжайте, продолжайте, г. де Сервіанъ, весело и дружескимъ тономъ сказала Лавинія: — теперь мнѣ нравится говорить съ вами о призракахъ; это меня немножко успокоиваетъ.

— И меня тоже; я боялся ихъ, какъ ребенокъ, подхватилъ Альбинъ съ ненарушимымъ спокойствіемъ. — Вотъ адское племя! думалъ я: — и какой Геркулесъ избавитъ отъ нихъ землю? Еще я думалъ, что призраки воздушны и говорятъ мало, и эти два свойства усиливали мой страхъ; ежели призракъ не говоритъ, онъ долженъ быть неумолимѣе обыкновеннаго; отъ этого волосы мои становились дыбомъ передъ призраками Апулея, призраками самой рѣдкой породы: одинъ глухо произноситъ слогъ безъ гласныхъ буквъ, другой еще воздержнѣе — и только дѣлаетъ знакъ костлявымъ пальцомъ. Тысячи разъ въ безпокойныя ночи я страшусь услышать этотъ слогъ или увидѣть этотъ ужасный палецъ въ фосфорической молніи; право, я умеръ бы отъ страха.

— Боже мой! вы меня заставляете дрожать, г. де Сервіанъ! сказала Лавинія, закрывая глаза своими маленькими ручками: — продолжайте.

— Но бываютъ вещи ужаснѣе одного пальца призрака, — это два пальца. Аміенъ Марселій видѣлъ ихъ. Представьте себѣ: два отдѣленные пальца носятся у васъ передъ глазами и будто хотятъ схватить ихъ. Каждую ночь Аміень былъ преслѣдуемъ этимъ видѣніемъ. Ужь я предпочелъ бы два дамокловы меча, потому-что съ доброй каской на головѣ можно смѣяться надъ висящей вверху шпагой. Удивляюсь, какъ Дамоклу не пришло этого въ голову.

— А въ-самомъ-дѣлѣ, замѣтила Лавинія.

— Другой этимъ воспользуется при случаѣ, продолжалъ Альбинъ. — Итакъ, съ этими идеями о призракахъ я не могъ объяснить себѣ первыхъ сценъ Гамлета. Призракъ въ нихъ безпрестанно приходитъ и грозитъ, такъ-что часовые привыкаютъ къ нему и приглашаютъ его завтракать. Клянусь, что если бы въ мою комнату сталъ являться безпрестанно толстый и хорошо по-рыцарски одѣтый призракъ, я самъ предложилъ бы ему кресла и сталъ бы съ нимъ разговаривать. Гамлетъ имѣлъ полное право сказать своему: Alas, poor ghost! (увы! бѣдный призракъ!) Совершенно вѣрно. — Наконецъ удивленіе мое выступило изъ границъ, когда въ пятой сценѣ услышалъ я тираду призрака. Апулей, Брутъ, Аміенъ Марселій, наконецъ всѣ герои, видѣвшіе дѣйствительныя привидѣнія, и освященные исторіею, расхохотались бы отъ этой тирады безъ конца, въ которой ghost Гамлета расказываетъ рецептъ отравы изъ бѣлены. Когда призракъ вошелъ между кулисы и проходилъ мимо меня.

— Милостивый государь, сказалъ я ему, сколько стиховъ произнесли вы въ свое послѣднее появленіе?

— Девяносто, милостивый государь, отвѣчалъ онъ.

И я сказалъ въ отчаянномъ *въ-сторону*: какіе успѣхи со времени пальца Апулея и двухъ пальцовъ Аміена!

— Г. де Сервіанъ! сказала Лавинія съ прелестной улыбкой: — серьёзно я прощаю вамъ чтеніе Фюллертона, которое было задушило меня.

— Теперь я долженъ вамъ сказать, что здѣсь гостепріимные молодые люди великодушно дали мнѣ половину одного мѣста

въ своей ложѣ; я обязанъ итти и съ отчаяніемъ оставляю васъ; послѣ антракта....

— Очень справедливо и очень прилично, отвѣчала Лавинія; но я надѣюсь, что въ этотъ разъ антрактъ не будетъ тянуться пять недѣль....

— И два дня еще....

— Ахъ, можно ошибиться въ двухъ дняхъ, когда не считаешь.

— Но я считалъ.

— Это и замѣтно; и тѣмъ больше меня удивляетъ, что вы, кажется, имѣли много занятій. Вамъ все свое время надо было употребить для повторенія того, что̀ вы знали, и для....

— Для того, чтобы узнать то, чего я не зналъ; я оканчиваю вашу фразу.

— Вамъ позволяется, потому-что вы это такъ хорошо дѣлаете. До свиданья; не забывайте вашихъ друзей.

— О какихъ друзьяхъ говорите вы?

— О тѣхъ, которые ждутъ васъ въ своей ложѣ. Третій актъ начинается.

Альбинъ де Сервіанъ почтительно поклонился и вышелъ.

Дядя Гольдриджъ, сидѣвшій въ сторонѣ во время всего этого разговора и разглядывавшій въ лорнетъ всѣхъ женщинъ въ театрѣ, придвинулъ стулъ къ племянницѣ въ минуту, когда поднялся занавѣсъ, и сказалъ:

— Надѣюсь, Лавинія, въ другой разъ вы будете больше вѣрить моимъ глазамъ. Ваши прекрасны, моя милая, но они ошибаются и проигрываютъ пари. Какъ же это случилось? Вы знаете г. Альбина де Сервіанъ и не узнали его въ этомъ разстояніи?

— Не понимаю, дядюшка; я думаю, что газовый свѣтъ слишкомъ ярокъ на красномъ; здѣсь точно два солнца свѣтятъ.

Третій актъ начался. Въ срединѣ четвертой сцены, дядя Гольдриджъ замѣтилъ:

— Я смотрю на фигуру Альбина де Сервіанъ. Онъ важенъ какъ старикъ и не отвѣчаетъ никому на вопросы. Кажется, трагедія поглотила все его вниманіе.

Лавинія ничего не отвѣчала.

Въ это время два зрителя смотрѣли на сцену и казалось слушали пьесу съ глубокимъ вниманіемъ. Весь театръ слышалъ

все, что дѣлалось и говорилось, кромѣ ихъ двоихъ; они ничего не видѣли, ничего не слышали.

Послѣ спектакля, г. Гольдриджъ проводилъ племянницу и простился съ ней у дверей ея дома.

Оставшись одна въ спальнѣ, молодая вдова почувствовала какое-то смутное безпокойство, отуманившее ей глаза и лицо, на которомъ улыбкѣ некого было теперь обманывать. Она долго разсуждала объ этомъ таинственномъ и непонятномъ молодомъ человѣкѣ, котораго видѣла подъ двумя различными масками въ такое короткое время. Послѣ; припоминая разговоръ въ ложѣ, она дрожала дѣтскимъ страхомъ при малѣйшемъ шорохѣ ночи и вглядывалась смущеннымъ взоромъ въ длинныя складки полога и въ туманную тѣнь зеркалъ. Въ лихорадочномъ ознобѣ, она не имѣла силъ раздѣться и бросилась на кровать въ платьѣ, не погасивъ огня. Сквозь первую дремоту она услышала или ей послышался подъ окнами голосъ: Увы! бѣдный призракъ! Вѣрно, думала она, это какой-нибудь запоздалый зритель повторяетъ эту фразу, какъ напѣваютъ аріи, выходя изъ оперы. Однакожь ей страшно было раскрыть глаза, чтобы не увидѣть передъ собою что-нибудь уродливое и ужасное. Мало-по-малу стала она засыпать; вздохъ о несчастіяхъ одинокой вдовы былъ послѣднимъ и не яснымъ выраженіемъ ея засыпающей мысли; закинувъ правую руку за голову, она заснула.

X.

ПИСЬМО.

На колокольнѣ Св. Патрика звонили къ заутрени, когда проснулась хорошенькая вдова. Она была еще въ вечернемъ нарядѣ и ужаснулась, взглянувъ на свое платье. Нужно нѣсколько минутъ, чтобы опомниться, когда раскрываются глаза, еще отягченные сномъ. Лавинія сдѣлала то движенье головой, которое значитъ: «А, помню!», и весело спрыгнула на коверъ. Лѣтнее солнце сверкало на верхушкахъ деревъ; колокола привѣтствовали небо; птицы привѣтствовали день, и призраки мрака удалялись съ своими саванами на западъ.

Лавинія, молодая, прекрасная и бѣдная, — три качества, которыхъ недостатокъ въ томъ, что съ первыми двумя соединено

третье, — Лавинія все еще была подъ вліяніемъ тяжелаго лихорадочнаго страха, производимаго на нервическій организмъ одиночествомъ.

Сверхъ того она имѣла еще тотъ недостатокъ подобныхъ организмовъ, что съ жаждою искала всего раздражающаго и волнующаго нервы и кровь. Наканунѣ она упивалась мрачною поэзіею Шекспира и теоріею призраковъ Альбина де Сервіана, очень хорошо зная, что ночью цѣлое море ужасовъ ожидало ее въ одинокомъ альковѣ спальни, гдѣ и безъ того все слышался ей въ складкахъ занавѣсей голосъ мужа. — Съ первыми лучами солнца она почувствовала какую-то радость; ночь казалась ей продолжительною и мрачною рѣшеткою, за которою нужно спать наготовѣ, и она радовалась, что минула ночь, будто дѣйствительная опасность.

Утромъ очень ясно различала она два различныя ощущенія: всегда новое удовольствіе отъ веселыхъ часовъ утра и глухую печаль, принесенную изъ театра отъ встрѣчи съ Альбиномъ де Сервіанъ. На прекрасномъ ея лицѣ смѣнялись улыбка и задумчивость, и глаза ея то глядѣли весело въ небо, то покрывались облаками, которыхъ не было на небѣ. Обыкновенно она имѣла въ запасѣ готовое утѣшеніе въ случаяхъ неопредѣленной грусти; мысль о второмъ бракѣ представляла ей такую близкую блестящую будущность, что временная печаль исчезала передъ брачнымъ торжествомъ, брильянтами и золотомъ. Она была женою богатого Макдугаля; горящими глазами видѣла блескъ своего пышнаго дома, толпу слугъ, сіянье праздниковъ и баловъ своихъ; слышался топотъ ея лошадей по мостовой въ Sackewille, восторженный шопотъ толпы, внимательныя привѣтствія молодыхъ кавалеровъ, которые бѣгутъ въ пыли по ристалищу Дублинскаго парка, чтобы видѣть г-жу Лавинію Макдугаль. — И чтожь! ныньче наша вдовушка углубилась въ это сладостное, будущее и не вынесла изъ него обычнаго утѣшенія; чтобы возвратить всегдашнюю свою утреннюю веселость, ей снова хотѣлось бы сидѣть въ ложѣ театра и слушать г. Альбина, какъ онъ развиваетъ новую теорію призрака Макбета. Этотъ молодой человѣкъ завладѣлъ мыслями Лавиніи довольно страннымъ образомъ, заслуживающимъ мѣста не въ ряду обыкновенныхъ; это много значитъ для женщины съ характеромъ Лавиніи.

Гуляя впередъ и назадъ по комнатѣ, Лавинія замѣтила нако-

нецъ на мраморномъ столикѣ письмо, будто упавшее въ эту минуту сквозь потолокъ. Дѣло простое, но ужасное въ подобныхъ обстоятельствахъ! Вдова отступила со страхомъ отъ письма какъ отъ змѣи,—послѣ обошла вокругъ столика, съ протянутыми руками, но не для того, чтобы взять это письмо, а скорѣе чтобы оттолкнуть, еслибы оно вздумало прыгнуть ей на грудь, какъ аспидъ Клеопатры. Все кажется вѣроятнымъ испуганному. Въ затруднительномъ положеніи, она подошла-было къ окну, чтобы звать на помощь противъ письма, въ минуту опасности. Между тѣмъ письмо лежало преспокойно на своемъ мѣстѣ, и на его конвертѣ страшнымъ рельефомъ крупнаго почерка выдавалось имя Лавиніи. Полъ дрожалъ въ домѣ отъ грохота тяжелыхъ экипажей на мостовой; занавѣси алькова дрожали; точно какой-нибудь таинственный чудодѣй спрятался за кровать, положивъ на столикъ посланіе.

Для такихъ минутъ пошлаго страха изобрѣтены горничныя. Колокольчикъ служитъ иногда домашнимъ набатомъ. Лавинія прибѣгнула къ этому спасительному средству и позвонила. На необходимый вопросъ данъ былъ отвѣтъ: «вчера вечеромъ, въ 9 часовъ, лакей принесъ это письмо. Оно было положено на столикъ.»

Лавинія успокоилась насчетъ сверхъестественной мысли; всего больше боялась она вступить въ переписку съ мертвецами посредствомъ невидимыхъ посланныхъ. Она такъ была рада отдѣлаться отъ своихъ страховъ, что стала милостива къ живымъ и ихъ письмамъ, хоть и присланнымъ довольно нагло съ лакеемъ. При томъ же въ двадцать мѣсяцовъ молодая вдова получила ужь такое множество писемъ изъ рукъ своей горничной; впередъ ей такъ хорошо было извѣстно ихъ содержаніе, что ей стало вовсе нетрудно сорвать печать. Молодежь и сорокалѣтніе богачи очень увеличили доходы городской дублинской почты, посылая письма на имя Лавиніи. Такъ-какъ она никогда не отвѣчала, то и не считала нужнымъ лишать себя по-крайней-мѣрѣ невиннаго удовольствія вдыхать этотъ исписанный и запечатанный ладонъ, который курился въ рукахъ всѣхъ фабрикантовъ Ирландіи.

Лавинія раскрыла письмо и прежде всего взглянула на подпись. Авторъ не скрылъ своего имени. Круглыми и чоткими буквами подписано было Альбинъ де Сервіанъ.

«Если я слушаю то̀, что̀ онъ мнѣ говоритъ, подумала молоденькая вдовушка: — то мнѣ можно читать, что̀ онъ пишетъ мнѣ», и стала читать:

«Недѣль пять тому, вы сдѣлали мнѣ честь вашимъ письмомъ, которое я понялъ. Я удалился. Нынче вечеромъ, выйдя изъ театра, гдѣ вы приняли меня съ благосклонностію, похожею на прощенье, я спѣшу просить вашего позволенія явиться къ вамъ завтра. Вы изгнали меня за преступленіе невинное; я раздавилъ-было вашу душу и тѣло подъ тяжестью скуки; но я не хотѣлъ подать поводъ догадываться и говорить въ свѣтѣ, что мнѣ отказали вы отъ дома за неуваженіе къ вамъ. Впрочемъ свѣтъ будетъ это говорить, и вы будете столько добры, что не повѣрите подобной клеветѣ. Надѣюсь, что дверь вашей гостиной не будетъ заперта, когда я явлюсь къ вамъ.

У ногъ вашихъ оставляю всю преданность и уваженіе, сколько ихъ есть въ моемъ сердцѣ.»

Альбинъ де Сервіанъ.

Лавинія три раза прочла это письмо; оно живо ее взволновало, но ей хотѣлось разувѣрить себя въ этомъ. Наконецъ она улыбнулась и подумала: «вотъ странный человѣкъ! право, невольно о немъ думаешь, точно какъ объ индѣйской шали или брильянтовой вещи. Каждый разъ онъ является въ новомъ видѣ. Сперва философъ-лакистъ, до смерти скучный. Прогоняю лакиста — и встрѣчаю превосходнаго денди, милаго и легкаго, который говоритъ о печальномъ съ увлекательной веселостью. Вотъ теперь — полонъ почтенія, деликатности, покорности, въ письмѣ, на которое нѣтъ возможности разсердиться.... Этотъ молодой человѣкъ одинъ замѣняетъ цѣлое общество. Онъ собою наполнилъ бы гостиную. Настоящее живое противоядіе отъ скуки вдовства и принужденнаго одиночества.... впрочемъ не должно принимать его.... О, Боже мой! я не его боюсь.... Этотъ злой свѣтъ.... Всѣ дублинскія вдовы, которыя взбѣшены тѣмъ, что не вышли за Макдугаля—будто Макдугаль можетъ жениться на всѣхъ вдовахъ — онѣ разорвутъ въ клочки мою добрую славу и раздѣлятъ между собою моего будущаго мужа.

Это рѣшеніе успокоило Лавинію. Было положительно признано, что всѣ преимущества Альбина де Сервіанъ обраяттся къ его невыгодѣ, и что онъ былъ въ-трое опаснѣе всякаго другого гостя.

XI.

СЕМЬ ПЯТНИЦЪ НА НЕДѢЛѢ.

За часъ предъ тѣмъ временемъ, въ которое Альбинъ просилъ позволенія явиться, молодая вдова приказала не принимать г. де Сервіана. Горничная заставила ее нѣсколько разъ повторить это распоряженіе, притворяясь, что не разслышала его. Можно обмануть отца, брата, мужа, но горничную никогда. Однакожь, несмотря на такое рѣшеніе, Лавинія хотѣла доставить себѣ злое удовольствіе — посмотрѣть сквозь незамѣтную щель сторы, какое дѣйствіе произведетъ на Альбина отказъ въ пріемѣ у порога двери. Стора тотчасъ была повѣшена, и Лавинія сѣла въ своей обсерваторіи. Волненіе ея было довольно сильно, но на этотъ разъ причина его не была тайной и нисколько не безпокоила вдовы. Дѣтское и насмѣшливое любопытство дѣйствовало на нервы этой женщины, которая была очень рада всякому малѣйшему обстоятельству въ скукѣ одиночества. Такъ по-крайней-мѣрѣ она сама объясняла себѣ собственное волненіе.

Волненіе это удвоилось, когда въ концѣ улицы показался мужчина, прогуливавшійся расчитанно медленнымъ шагомъ. Вообще въ прохожихъ нѣтъ ничего замѣчательнаго, и нельзя ихъ смѣшивать съ гуляющими: у прохожихъ походка бываетъ быстрая; они, кажется, идутъ на-удачу, для удовольствія улицы, которая безъ нихъ была бы пуста; иногда на ихъ лицахъ и въ размахахъ рукъ видны дѣловыя заботы; у нихъ нѣтъ страстей. Прохожій, какъ Діогенъ, ищетъ человѣка; гуляющій ищетъ женщину, какъ подданный Ромула. Счастливцы прохожіе!

Въ толпѣ прохожихъ отдѣлялся замѣченный мужчина, какъ статуя въ день своей выставки; каждый шагъ его отдавался въ комнатѣ Лавиніи, между тѣмъ какъ другіе, казалось ей, ступали по бархату. Альбинъ де Сервіанъ шелъ съ безпечною лѣнью дикаря, который подозрѣваетъ врага за каждымъ камнемъ, подъ каждымъ кустомъ. Казалось, глаза его на все смотрятъ; а онъ не видѣлъ ничего, кромѣ дома Лавиніи. Издали изучалъ онъ наружность его, стараясь отгадать по окнамъ, сторамъ и балконамъ съ цвѣтами, какой будетъ сдѣланъ ему пріемъ. Всѣ другіе

дома казались ему могилами; только въ этомъ была душа, языкъ, улыбка, жизнь. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ двери земля задрожала подъ ногами молодого человѣка, и рука одеревенѣла, коснувшись блестящей мѣдной скобки; она не въ-силахъ была поднять скобку, но дверь растворилась, какъ въ Тысячѣ и Одной Ночи дверь Сезама, у которой не было ни звонка, ни скобки.

— Принимаетъ ли ныньче госпожа?

— Принимаетъ, сударь, отвѣчала горничная и отворила дверь въ залу.

Альбинъ очутился на небѣ.

Лавинія не выдержала до конца своей энергической рѣшимости: когда Альбинъ взялся за скобку, она перемѣнила свое прежнее распоряженіе. Нужды нѣтъ! надо отдать честь и той твердости, которой стоило бы только продлиться на одну минуту, чтобы сдѣлаться героизмомъ.

Альбинъ ждалъ долго и наслаждался ожиданіемъ. Онъ готовъ бы вѣчно ждать, потому-что Лавинія въ эти счастливыя минуты конечно думала о немъ! Увы! минуты эти не могли длиться вѣчно! Молодая женщина вышла съ тѣмъ смѣющимся лицомъ, какое принимаютъ женщины, когда имъ хочется смѣяться, и начала приготовленной передъ зеркаломъ фразою:

— А! г. де Сервіанъ, сказала она, указывая ему на кресла: — вчера вы позабыли одну главу изъ вашей теоріи призраковъ.

— Этотъ пропускъ можно пополнить, отвѣчалъ Альбинъ.

— Какъ думаете вы о призракѣ Макбета?

— О, о немъ я самаго высокаго мнѣнія. Этотъ призракъ безъукоризненъ, онъ выкупаетъ въ моихъ глазахъ Вильяма Шекспира, который въ этомъ отношеніи совершенно сбился съ дороги въ Гамлетѣ. Празракъ Макбета мастеръ своего дѣла. Онъ не говоритъ. Молчаніе его ужасно. Безъ церемоній онъ садится за столъ, какъ могильный объѣдала; въ костлявыхъ впадинахъ глазъ у него двѣ адскія головни.... призракъ превосходный.

— Г. де Сервіанъ, я очень люблю говорить объ этомъ въ такое время какъ теперь, при солнцѣ; все же по мнѣ пробѣгаетъ маленькая дрожь. Благодарю васъ за прибавленіе; я имъ довольствуюсь и постараюсь забыть къ вечеру, чтобы вспомнить о немъ завтра.... Поговоримъ о другомъ.... Г. де Сервіанъ, хотите ли

вы сдѣлать мнѣ удовольствіе? Не пишите ко мнѣ.... Ваши письма, правда, очень почтительны; но почтеніе не пишется на адресѣ; надо ихъ распечатывать; сосѣднія сторы съ глазами и читаютъ мои письма, не распечатывая, въ рукахъ разносчика. Въ моемъ положеніи должно имѣть много осторожности, и я хочу приказать не принимать писемъ, адресованныхъ на мое имя. Мнѣ было бы очень непріятно думать, что ваши, такія почтительныя, будутъ оставаться тамъ же, за дверями.

— Ваше приказаніе не распространится на визиты?

— Э, Боже мой! всѣ принимаютъ визиты! Только одинъ и тотъ же не долженъ дѣлать ихъ слишкомъ часто. Злословіе извлекло бы изъ этого больше, чѣмъ изъ писемъ.

— Совершенно справедливо.

— Тѣ, которые пишутъ ко мнѣ отъ нечего-дѣлать, не знаютъ моего положенія; но вы знаете его, г. де Сервіанъ. Я почти обручена съ вашимъ другомъ, г. Макдугалемъ.

Молодой человѣкъ вздрогнулъ, будто услышалъ это въ первый разъ.

— Еще полтора мѣсяца, продолжала Лавинія: — и г. Макдугаль возвратится въ Дублинъ. Право, на мнѣ лежатъ серьёзныя обязанности. Я должна поступать съ величайшею осторожностью.... Какъ вы думаете объ этомъ, г. де Сервіанъ?

— Съ величайшею осторожностью, отвѣчалъ Альбинъ, какъ запоздавшее эхо.

Лавинія скрестила руки на груди и ноги на скамейкѣ, наклонила голову и задумалась, будто размышляя объ этихъ шести недѣляхъ со вторымъ мужемъ въ концѣ.

Альбинъ въ это время вглядывался въ нее: ея задумчивая поза очень благопріятствовала наряду и вдовьей ея красотѣ. Сквозь прозрачную тонкость кисеи рисовался нѣжный очеркъ ея рукъ; наклоненная головка обнажила полукруглую линію бѣлой шеи; простое бѣлое платье было вылито на ея станѣ. Чистосердечіе Лавиніи не допускало мысли, чтобы она задумалась въ этой позѣ для того, чтобы показать свою красоту. Впрочемъ за ирландскихъ вдовъ ни въ чемъ нельзя поручиться.

XII.

Шаль Дингля.

Дверь гостиной растворилась и прервала задумчивость Лавиніи и пламенное созерцаніе Альбина. Вошла горничная и принесла своей госпожѣ шаль, говоря:

— Сейчасъ принесли это, и лакей сказалъ, что вы знаете отъ кого; это подарокъ и желаютъ, чтобы вы приняли шаль, какъ подарокъ. Это слово особенно было повторено съ прибавленіемъ, что шаль съ фабрики Дингля.

— Ахъ, да, да, произнесла Лавинія, сіяя отъ радости. Помню, помню! Шаль Дингля! подарокъ.... человѣкъ здѣсь еще?

— Здѣсь, сударыня.

— Скажите, что я благодарю и принимаю подарокъ.

Альбина бросало то въ жаръ, то въ холодъ.

Лавинія развернула шаль и съ восхищеньемъ улыбалась ея арабескамъ и цвѣтамъ. Альбинъ былъ уничтоженъ. Она была глазъ-на-глазъ съ своею шалью.

— Какое несчастье, что теперь лѣто! три мѣсяца надо ждать, чтобы обновить подарокъ.... а въ три мѣсяца въ моей второй свадебной корзинкѣ будетъ цѣлый корабль шалей.... А! я могу очень хорошо носить эту шаль вечеромъ... въ полночь... при выходѣ изъ Королевскаго театра.... когда нѣтъ кареты, такъ надо имѣть на плечахъ шаль Дингля... Ночи такъ свѣжи!.. Г. де Сервіанъ, что̀ даютъ завтра въ театрѣ?

— Завтра даютъ Отелло, отвѣчалъ Альбинъ голосомъ Отелло.

— Тѣмъ хуже! я не люблю Отелло.... нѣтъ ни одного призрака....

— Вы ошибаетесь. Одинъ есть.

— Странно, я никогда его не видѣла.... Г. де Сервіанъ, вы, какъ человѣкъ со вкусомъ, — не находите ли вы, что цвѣты на моей шали слишкомъ крупны?...

— Мнѣ кажутся они черезчуръ большими, отвѣчалъ Альбинъ, не глядя на цвѣты.

— Это голубое поле мнѣ не нравится.... А какъ называется, г. де Сервіанъ, призракъ Отелло?

— Ревность.

— А! вы это называете призракомъ! Въ такомъ случаѣ вездѣ есть призраки.... Мнѣ нравилось бы больше, если бы шаль была съ краснымъ полемъ.... Нашлось ли бы въ васъ, г. де Сервіанъ, довольно силы сдѣлать то, что̀ сдѣлалъ Отелло?

— Я сдѣлалъ бы еще больше, чѣмъ Отелло.

— Вы убили бы два раза? сказала Лавинія смѣясь.

— Нѣтъ, я оставилъ бы свою жену жить въ обществѣ вѣчныхъ угрызеній совѣсти. Былъ бы ея тюремщикомъ. Никогда не слѣдуетъ убивать никого, даже женщину.

— Кажется, вы похожи на ревнивца.... Г. де Сервіанъ, скажите, носятъ ли теперь шали Дингля угломъ или по-поламъ? вы знаете моды.

— Носятъ какъ вамъ угодно.

— Угломъ гораздо выгоднѣе для шали; зато по-поламъ гораздо выгоднѣе для женщины.... Къ несчастію, камедіянтки носятъ ихъ угломъ.... Во сколько цѣните вы эту шаль, г. де Сервіанъ?

— Я вовсе не знатокъ въ шаляхъ.... мнѣ очень трудно.... Если особа, которая подарила вамъ шаль, богата, то шаль должна быть дорогая.

— А я цѣню ее въ тридцать ливровъ.... увѣрена, что не ошибаюсь и на десять шиллинговъ. Теперь я догадываюсь, г. де Сервіанъ, почему вы не женаты.... Вы боитесь сдѣлать женѣ своей общество угрызеній совѣсти.... Какой ревнивецъ!

— Но вѣдь если бы я былъ женатъ, я не сталъ бы ревновать жену и предоставилъ бы это тѣмъ, кто не женился на ней.

— А!... это похоже на что-то ясное, но очень темно.... по-крайней-мѣрѣ для меня.

— Можетъ быть; я говорю по внушенію минуты.... и иногда противорѣчу самому себѣ черезъ пять минутъ.

— Понимаю, вы влюблены.

— Да, влюбленъ.

— А! разскажите-ка намъ объ этомъ: я какъ старуха люблю быть повѣренною. Пять или шесть недѣль назадъ вы вовсе не казались влюбленнымъ.... когда вы говорили о Фюллертонѣ.... вы были одѣты какъ учитель латинскаго языка въ Бельфастской школѣ; на васъ были два аршина лондонскаго сукна, сшитые

какъ-то случайно, и башмаки какъ у пилигрима. Въ этомъ нарядѣ можно любить озеро, лѣсъ, холмъ, но любить женщину невозможно.... И вотъ, г. де Сервіанъ, повѣрьте мнѣ, что когда я внезапно увидѣла ваше превращеніе въ денди, я тотчасъ догадалась, что вы влюблены.... г. Макдугаль очень будетъ удивленъ, когда возвратится.

— О! онъ очень будетъ удивленъ, отвѣчаю вамъ въ этомъ.

— Онъ вамъ предложитъ сыграть свадьбу въ одинъ день съ его свадьбой.... увидите.

— Очень быть можетъ.

— Такъ вотъ тайна вашего шестинедѣльнаго отсутствія, г. де Сервіанъ.

— Да, я посѣщалъ свѣтъ, принаравливался къ нравамъ общества, искалъ страсти....

— И нашли ее?

— Увы! нашелъ.

— Вотъ увы! очень лестное для страсти, — признаюсь! къ счастію, любимая вами женщина не слышитъ его; иногда отсутствующіе очень счастливы.

— Напримѣръ, мой другъ Макдугаль.... онъ на другомъ полушаріи и не знаетъ того, что̀ дѣлается на этомъ....

— А когда онъ узнаетъ, г. де Сервіанъ, — тогда что́?

— О, я не говорю, чтобы онъ могъ жаловаться.... но....

— Но что́?

— Хорошо же... вы знаете... влюбленный бываетъ глупъ... несправедливъ.... Какъ знать!... вмѣсто того, чтобы быть въ отсутствіи... если бы онъ былъ здѣсь... ему не понравилось бы поле и цвѣты шали Дингля. Разумѣется, чтобы извинить недостатокъ шали, вы сказали бы, что это подарокъ; и онъ можетъ быть критиковалъ бы и подарокъ....

— Превосходно! прекрасно! г. де Сервіанъ, я хорошо̀ предсказывала, что современемъ вы будете умны! сказала Лавинія, заливаясь хохотомъ. Боже мой! какъ мы съ вами далеки теперь отъ Фюллертона! какъ вы были наивны тогда! какъ вы злы теперь! продолжайте же опять съ своей злой улыбкой. Вотъ вамъ шаль; срисуйте ее и отошлите портретъ подарка вашему другу, г. Макдугалю.

— Извините, я замѣчаю съ большимъ прискорбіемъ, что вы думаете обо мнѣ опять по прежнему. Я надолго удалился отъ

васъ, чтобы оправдать себя въ тягостномъ подозрѣніи, будто я надзиратель, приставленный вашимъ будущемъ мужемъ. Вспомните ваше письмо. Хотите ли, чтобы я опять удалился? Я это сдѣлаю.

— Нѣтъ, нѣтъ, я въ другой разъ не сдѣлаю этого оскорбленія вамъ, сказала Лавинія, въ минуту перемѣнивъ тонъ и съ очаровательной благосклонной улыбкой. Въ первый разъ я хотѣла отдалить не подозрителя, а скучнаго человѣка; теперь я могу откровенно сказать это, послѣ вашего физическаго и нравственнаго превращенія. Я не боюсь подозрителей въ моемъ домѣ. И отчего бы мнѣ ихъ бояться?... Но боюсь я, г. де Сервіанъ, несправедливаго подозрѣнія. А вы, кажется, стали подозрѣвать меня.... Пожалуйста, не прерывайте меня.... Въ вашихъ глазахъ и въ улыбкѣ была демонская злость.

— О!... началъ-было Альбинъ, сложивъ руки и поднявъ ихъ надъ головою.

— Выслушайте же меня до конца.... До сихъ поръ мы притворствовали въ словахъ другъ передъ другомъ; теперь на одну минуту желаю я взаимной откровенности, а послѣ, пожалуй, опять надѣнемъ маски, если это весело.... Г. де Сервіанъ, я не хочу, чтобы вы вынесли отсюда мысль ошибочную и оскорбительную; и чтобы мнѣ совершенно удовлетворить въ этомъ, вы прямо отсюда пойдете въ домъ, который я вамъ укажу.

— Скажите яснѣе; я не понимаю.

— Хотите ли вы сдѣлать мнѣ услугу, г. де Сервіанъ?

— Я готовъ пожертвовать для васъ жизнію.

— Молчите; ничего лишняго.... Идите отсюда въ Sea-Road, 39; спросите г. Гольдриджа. Это мой дядя, тотъ старикъ, котораго видѣли вы вчера въ моей ложѣ, превосходный человѣкъ, который небогатъ, котораго вижу я очень рѣдко, и который очень меня любитъ; и вы поблагодарите его, за меня, съ вашею вѣжливостью, за его хорошенькій подарокъ. Ему будетъ очень лестно, я знаю, ваше посѣщеніе.

— Какъ! сказалъ Альбинъ съ радостью, стараясь удержать ее, хотя она обнаруживалась у него въ движеньи, голосѣ, лицѣ: какъ! эта шаль?...

— Подарокъ моего дяди; почти при васъ онъ обѣщалъ ее мнѣ вчера въ Королевскомъ театрѣ.

— Ахъ, Боже мой! воскликнулъ неосторожный Альбинъ, съ краснымъ отъ волненія лицомъ.

— Что́ же съ вами, г. де Серві анъ? сказала молодая женщина, смутившись и стараясь улыбкою скрыть серьёзное выраженіе лица. Вамъ нехорошо, г. Серві анъ? Я васъ не понимаю... Не боитесь ли вы моего дяди?

XIII.

ЛЮБОВНИКЪ.

Сколько ни читалъ Альбинъ моральныхъ книгъ изъ кабинета своего отца, но не достигъ еще до той степени совершенства, которое смягчаетъ деликатность въ дѣлахъ любви и дружбы. Онъ понялъ все неблагоразуміе невольнаго восклицанія, раздавшагося въ гостиной, гдѣ его попеченію ввѣрена была будущая жена его друга. Оно, въ подобныхъ обстоятельствахъ, было обнаруженіемъ его страсти, признаньемъ неловкимъ и даже преступнымъ. Онъ долженъ былъ отвѣчать на вопросы женщины, которая все поняла, и это ставило ее въ страшное затрудненіе, еще болѣе позорное, нежели радостный крикъ его. Однакожь надобно было отвѣчать.

— Вы конечно поняли смыслъ моего волненія....

— Нисколько, г. де Серві анъ: если бы я поняла, я не стала бы васъ спрашивать.

Лавинія овладѣла всѣмъ присутствіемъ духа и всею бодростію, которыхъ не доставало ея собесѣднику; голосъ и лицо ея выражали непринужденную естественность. Затруднительное положеніе Альбина доставляло ей нѣкоторую радость торжества. Мало заботясь о послѣдствіяхъ разговора, она хотѣла довести Альбина до конца и вырвать у него признаніе, которое приняла бы смотря по внушенію минуты. Утомленной скукою вдовѣ позволительны эти очаровательныя жестокости въ гостинныхъ шуткахъ.

— Это радостное восклицаніе, если хотите понять его, вообразите, что оно вырвалось изъ устъ вашего будущаго мужа. Я думалъ, что вы получили подарокъ отъ.... отъ....

— Отъ молодого человѣка, отъ влюбленнаго.... говорите прямо, г. де Сервіанъ; я понимаю, вы ужаснулись за моего будущаго мужа, вашего друга?

— Вы докончили мою мысль.

— И послѣ вы успокоились, тоже за моего будущаго мужа, когда я сказала, что это подарокъ моего стараго дяди....

— Вы знаете.... дружба есть чувство, которое....

— Понимаю, понимаю, вы обрадовались по уполномочію.

— Вы говорите эти слова такимъ голосомъ и тономъ....

— О, г. де Сервіанъ, ваше выраженіе такъ естественно.... Нельзя не понять этихъ обязанностей дружбы.... Словомъ, перестанемъ говорить объ этомъ; все ясно.

Лавинія сказала послѣднія слова такъ двусмысленно, что они могли выражать — будто еще не все объяснено. Альбинъ де Сервіанъ всталъ и хотѣлъ раскланяться, потому-что продолжать разговоръ казалось ему невозможно и опасно.

— Надѣюсь, г. де Сервіанъ, что все это не заставитъ васъ забыть о маленькомъ моемъ порученіи въ Sea-Road, 39.

— Прямо отъ васъ я иду къ г. Гольдриджу, вашему дядѣ.

Онъ вышелъ.

Лавинія стала задумчива послѣ выхода Альбина и сѣла противъ зеркала, чтобы не остаться одной. Въ этомъ положеніи она взглянула на кресла, въ которыхъ сидѣлъ молодой человѣкъ, и подумала: «Сервіанъ любитъ меня.... А я.... мнѣ невозможно любить его.... Э! я слишкомъ поспѣшила съ Макдугалемъ!»

Исполнивъ порученіе, Альбинъ де Сервіанъ возвратился къ себѣ отъ г. Гольдриджа. Онъ дожилъ уже до тѣхъ лѣтъ, когда часто любовь бываетъ только воспоминаніемъ утраченнаго очарованія, но оставался еще ребенкомъ въ наукѣ любви, воспѣтой Овидіемъ и восхваленной Жантиль-Бернаромъ, который теперь ужь не gentile, а просто Бернаръ. Въ присутствіи любимой вдовы это былъ еще робкій и наивный мальчикъ съ большою неопытностью въ знаніи сердца женщины; но, оставшись наединѣ, онъ почувствовалъ въ сердцѣ энергію, смѣлость, силу характера. Эти природные недостатки или качества были быстро и вполнѣ развиты нравственнымъ образованіемъ послѣднихъ недѣль. Подлѣ Лавиніи ученикъ ошибался иногда въ словахъ и жестахъ; вдали отъ нея онъ исправлялъ ихъ и признавалъ въ себѣ опытность совершеннаго мастера. Внутреннее

столкновеніе всѣхъ инстинктовъ ребенка и человѣка было причиною, что Альбинъ ежедневно, казалось, измѣнялся въ характерѣ, наружности и языкѣ. Ощупью старался онъ отыскать физіономію, приличную новому его положенію, и, отыскивая ее, безпрестанно измѣнялся. Законодатели не предвидѣли этого лица, когда писали кодексы въ стихахъ о томъ, какъ изображать героевъ. Кромѣ разныхъ затрудненій, которыя своему историку дѣлаетъ Альбинъ де Сервіанъ, онъ странно противорѣчитъ правилу Горація, который въ своемъ кодексѣ требуетъ, подъ страхомъ большой пени и пятилѣтняго заключенія въ темницахъ Парнаса, чтобы каждый герой походилъ на него самого отъ начала до конца повѣствованія. Мимоходомъ замѣтимъ, что латинскій законодатель, который хочетъ, чтобы каждый человѣкъ родился, жилъ и умиралъ одинакимъ образомъ, воспѣвалъ фалернское вино и брундузскій ручей; прославлялъ сладкій сонъ на травѣ и на пурпурѣ Палатинскаго холма; проклиналъ междоусобную войну и самъ зажигалъ ее; любилъ женщинъ всѣхъ оттѣнковъ, всѣхъ разрядовъ, цвѣтовъ, половъ и странъ; въ минуту храбрости взялъ оружіе на Марсовомъ полѣ и въ минуту страха бросилъ его на большой дорогѣ. Право, эти законодатели 1-го года имперіи Августа смѣялись надъ 1845 годомъ! Заплатимъ же зломъ за зло и станемъ продолжать.

XIV.

ЕХ-ЛАКИСТЪ.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ своего дома Альбинъ де Сервіанъ замѣтилъ существо, сидѣвшее у его порога. Знакомство было скоро; это сидѣлъ лакистъ о'Фарель, ненавистникъ рѣкъ и мостовъ. Мудрая Англія изобрѣла серію глупцовъ, неизвѣстную нашему веселому и легкому народу; исторіи Лингарда и Юма не говорятъ объ этихъ людяхъ.

— Какъ! это вы, г. де Сервіанъ? воскликнулъ лакистъ о'Фарель: — я узналъ васъ по вашему дому. Вы одѣты, какъ гальскій князь, а я, видите ли,—вмѣсто башмаковъ мнѣ служатъ собственныя подошвы; на головѣ у меня, вмѣсто шляпы, послѣдніе волосы; и боюсь, что если сдѣлаю лишній шагъ, то на мостовую полетятъ клочки моего платья.

— Войдите, войдите ко мнѣ, г. о'Фарель, сказалъ Альбинъ, отворяя дверь и ласковымъ голосомъ, показывавшимъ, что эта встрѣча была для него кстати, потому-что могла развлечь отъ любовной скуки дня.

— Прежде всего, г. де Сервіанъ, прикажите подать мнѣ цѣлое озеро портеру Барклай-Перкинсъ; я умираю отъ жажды; послѣ я вамъ скажу о моемъ голодѣ.

— Бѣдный о'Фарель!... Погодите минуту, человѣкъ тотчасъ подастъ.... Я думалъ, что вы не пьете ничего, кромѣ воды....

— Съ тѣхъ поръ, какъ я имѣю честь быть президентомъ Общества воздержности въ Дублинѣ, я смотрю на воду, но никогда не пью ея.

— И очень хорошо дѣлаете, о'Фарель.

— Г. де Сервіанъ, вода роетъ долины и желудки.... Мы ждали васъ въ Киллерней, а вы не пріѣхали?

— Дѣла задержали меня въ Дублинѣ, мой бѣдный о'Фарель.... Ну, что́ же дѣлали вы въ Келлернеѣ? Каково поживаютъ озера?

— Г. де Сервіанъ, не говорите мнѣ объ этихъ вещахъ.... Я подалъ въ отставку; въ этомъ званіи нечего дѣлать, какъ только пить воду.

— Вы ужь не лакистъ, о'Фарель?

— Вотъ еще! хотите развѣ вы, чтобы я всю жизнь былъ лакистомъ, когда это не даетъ мнѣ ни одного пенни?

— И ваши собратья не помогаютъ вамъ?

— Мои собратья! Г. де Сервіанъ... о, если бы вы знали!...

— Скажите, я буду знать.

— Печальная исторія, г. де Сервіанъ... Вашъ портеръ очень хорошъ, очень хорошъ; если лакей вашъ не устанетъ, онъ можетъ подавать мнѣ его до захода солнца.... Я составилъ собраніе небольшихъ лакисткихъ поэмъ.... Одни заглавія покажутъ вамъ духъ этого труда: *Ненависть къ рѣкамъ!* — *Мосты, провалитесь.* — *Озеро, отвѣчай мнѣ.* — *Истина на днѣ озеръ.* — *Суетные города, завалите ваши колодези!* Это дастъ вамъ понятіе объ остальномъ. Прихожу въ Киллерней съ рукописью и съ подписнымъ листомъ. Насъ было четыреста шестьдесятъ три человѣка лакистовъ. Именно такое число подписчиковъ было мнѣ необходимо, чтобы заплатить издержки печати.... Знаете ли, что́ я нашелъ, г. де Сервіанъ?... Невѣроятно!... Я нашелъ

463 собратій, которые всѣ, подобно мнѣ, имѣли въ карманѣ по рукописи для напечатанія этимъ же средствомъ!

— Какой потопъ поэмъ, мой бѣдный о'Фарель! Если бы все это когда-нибудь появилось, озера были бы завалены.

— Но ни одна поэма не явится въ свѣтъ.

— Къ счастію.

— Однакожь, я-то хочу, чтобы моя книга была напечатана. Не хотите ли, для образца, выслушать начало *Ненависти къ рѣкамъ?* (Вольный переводъ).

«Куда бѣжите вы, безумныя рѣки? сдѣлайтесь озе-«рами, спокойно спите въ вашихъ лонахъ; ни одно меч-«тательное чело не наклоняется надъ вами, и море усып-«ляетъ васъ.»

— Вотъ превосходное начало, о'Фарель; но остановимся на немъ. Выпейте еще нѣсколько чашекъ портеру, и пусть текутъ рѣки. Скажите-ка, съ какою цѣлью вы шли ко мнѣ?

— Откровенно говорю, г. де Сервіанъ, я шелъ, чтобы просить васъ дать мнѣ жизнь.

— Чтóжь! если это отъ меня зависитъ, я вамъ даю.

— Такъ вы соглашаетесь напечатать мою книгу на свой счетъ?

— На мой счетъ?... Почемужь нѣтъ? За это буду ли я обязанъ читать ее?

— Нѣтъ, г. де Сервіанъ.

— Такъ это дѣло кончено.

О'Фарель упалъ къ ногамъ Альбина, который его поднялъ.

— Но, продолжалъ Альбинъ: — прежде нежели печатать вашу книгу, надо васъ одѣть. Тамъ, въ моей уборной есть разныя платья работы Фюльстона. Вы будете одѣты какъ баронетъ. Войдите, мы увидимся нынче вечеромъ за обѣдомъ. Я скажу моему слугѣ; онъ позаботится о васъ.

О'Фарель хотѣлъ-было снова броситься къ ногамъ своего благодѣтеля; но двѣ сильныя руки схватили его на половинѣ разстоянія до пола.

Освободясь отъ благодарностей о'Фареля, Альбинъ де Сервіанъ пошелъ въ отцовскій кабинетъ и прочелъ двѣ нравственныя сказки Мармонтеля, шесть гравюръ изъ сказокъ добраго ла-Фонтена и одинъ прелестный томикъ подъ заглавіемъ: Зеркало вдовъ. — Въ этой книжкѣ есть три прелестныя вдовы,

которыя въ отчаяніи, что онѣ не въ шестерыхъ, и которыя, послѣ многихъ препятствій, для развязки находятъ себѣ мужей.

— Счастливая эпоха! со вздохомъ говорилъ Альбинъ де Сервіанъ: — мужчины спокойно сидѣли у себя, а женщины забрасывали ихъ посланіями, любезностями и обольщеніями! Революція 89 года все перевернула.

Послѣ этихъ словъ, онъ вышелъ, чтобы развлечься прогулкою въ Phenix-Park. Былъ день моднаго свѣта; подъ деревьями гулялъ весь прекрасный полъ Дублина, который въ-самомъ-дѣлѣ очень хорошъ.

Есть что-то трогательное въ милости судьбы, соединившей въ одномъ городѣ столько хорошенькихъ женщинъ. Вокругъ Альбина волновались самыя миленькія личики, самые хорошенькіе глазки, самые роскошные волосы во всѣхъ трехъ соединенныхъ государствахъ, и это зрѣлище родило въ немъ какую-то безнадежность и ужасъ. Онъ пріобрѣлъ страшное убѣжденіе, присутствуя въ этомъ ослѣпительномъ сборищѣ. Въ его глазахъ, всѣ эти существа были простыя смертныя, которыхъ всѣхъ затмила бы богиня Лавинія, если бы появилась на гуляньи въ паркѣ. Это великолѣпное собраніе всѣхъ женщинъ города не заставляло биться сердце несчастнаго Альбина. Такъ-что внѣ круга платья Лавиніи ужь не было женщинъ! Счастье мужчины сосредоточилось на одной головѣ. Не признать Лавиніи, значило изгнать любовь изъ этого міра, на-вѣки предать себя безвыходной тоскѣ холостой жизни. Предстоялъ опытъ, опытъ рѣшительный. Лавинія или ничтожество! Дилемма ужасная!

Нечего колебаться: должно покориться неодолимому влеченію отцовской крови, и побѣдить единственную женщину во вселенной, прежде нежели вселенная узнаетъ ее, особенно, если Макдугаль, единственный опасный соперникъ, больше влюбленный въ торговлю, нежели во вдову, забылъ Лавинію, переплывши Миссисипи.

XV.

О'ФАРЕЛЬ.

Когда Альбинъ совершенно убѣдился, что жизнь его заключается въ одной душѣ, которую называютъ Лавиніей, — тогда

онъ углубился въ самыя глубокія размышленія, въ самые положительные расчеты, чтобы навѣрное достичь спасительной цѣли. Торжество своей любви подвергалъ онъ всѣмъ шансамъ, всѣмъ возможнымъ случайностямъ; представлялъ тысячи случаевъ, въ которыхъ могло бы встрѣтиться какое-нибудь неожиданное и скорбное столкновеніе, и которое ему должно бы разрѣшить точностью своихъ математическихъ расчетовъ; вообразилъ противъ себя всѣ непріязненныя положенія, адскія или людскія, и противъ всѣхъ ихъ находилъ у себя оружіе для побѣды.

— Во что́ бы ни стало, надо жить, говорилъ онъ, размахнувъ рукою по воздуху: — я въ положеніи необходимой защиты противъ каждаго, кто вздумалъ бы лишить меня жизни, лишая Лавиніи.

Впрочемъ онъ сознавалъ, что ему нужно много осторожности, и особенно въ отношеніи сосѣдей. Въ этихъ случаяхъ, сосѣди всегда прокляты и страшны. Увы! города населены сосѣдями! Я видѣлъ ихъ разсвѣтъ даже въ Букѣ, городѣ, изобрѣтенномъ въ сотрудничествѣ мною и Александромъ Бальзакомъ; городѣ такомъ счастливомъ, когда онъ не существовалъ и когда его населеніе состояло изъ одного отсутствующаго трактирщика. Теперь и въ Букѣ есть сосѣди, которые платятъ три милліона податей казнѣ, а казна отказываетъ имъ въ одномъ фонтанѣ подъ тѣмъ предлогомъ, что безполезно давать воду несуществующимъ людямъ. Извините это отступленіе.

Макдугаль уполномочилъ Альбина ежедневно посѣщать его будущую супругу; но сосѣди не знали этого позволенія Макдугаля; притомъ же, съ того времени, какъ Альбинъ влюбился въ Лавинію, ему казалось, что сосѣди читали эту тайну на его лицѣ и готовы были кричать ему объ этомъ съ кровель.

Вечеромъ, онъ нѣсколько развеселился за обѣдомъ съ Лукою о'Фарелемъ. Ех-лакистъ былъ причесанъ, одѣтъ, обутъ, какъ порядочный человѣкъ: новое платье молодило его; только на лицѣ оставались еще нѣкоторыя черты воздержности, этого бича поэтовъ въ дѣвственныхъ странахъ, куда не проникла еще проза.

Это былъ первый обѣдъ о'Фареля; онъ пользовался имъ въ полномъ смыслѣ и на вопросы Альбина отвѣчалъ только пантомимами, потому-что и *да* и *нѣтъ* лишили бы его куска. Надо

быть поэтомъ-лакистомъ, чтобы знать цѣну и значеніе слога, потеряннаго между двухъ кушаньевъ; о'Фарель только тогда рѣшился улыбнуться и произнесть нѣсколько словъ, когда на убранный столъ подали порто и хересъ.

— Надѣетесь ли вы, сказалъ Альбинъ: — никогда не жалѣть о стаканѣ эля и печеней въ золѣ пататѣ, которые ѣли вы въ избушкѣ на берегахъ озеръ?

О'Фарель залился продолжительнымъ смѣхомъ.

— А теперь, продолжалъ Альбинъ: — вы намѣрены ли избрать себѣ гдѣ-нибудь мѣсто для жизни? Есть ли у васъ гдѣ-нибудь камень, чтобы положить подъ голову на эту ночь?

— Нѣтъ, отвѣчалъ о'Фарель съ безпечностію философа, никогда не заботящагося о завтрашнемъ днѣ.

— Послушайте, о'Фарель, нынче я даю вамъ мѣсто у себя. Завтра помѣщу васъ въ хорошемъ домѣ; вы будете довольны, будете обѣдать у себя, какъ здѣсь, и даже лучше, потому-что нисъ кѣмъ не будете говорить: за столомъ вы будете одни; наконецъ, я не забываю моего обѣщанія: издержки изданія вашей книги я беру на себя.... О, да полно вамъ все кланяться мнѣ въ ноги.... вы признательны, я вижу, — это хорошо; но будьте спокойны, какъ неблагодарный.

О'Фарель принялъ спокойствіе неблагодарности.

— Хотите ли вы знать мои условія, теперь?

— Я согласенъ на всѣ условія; буду даже неблагодаренъ, если нужно.

— Это гораздо легче, чѣмъ быть благодарнымъ. Вотъ мое условіе: вы никому не скажете о томъ, что́ я для васъ сдѣлалъ и сдѣлаю; даже если вамъ будутъ говорить обо мнѣ, вы будете отвѣчать: «Я не знаю этого человѣка....» Вы удивляетесь, о'Фарель? А дѣло очень просто: я не въ бѣдности, но, увы! не имѣю счастья быть милліонеромъ. Если вы станете расказывать вездѣ, что вы мнѣ другъ и мнѣ обязаны, то дадите мнѣ на руки 463 лакистовъ, вашихъ прежнихъ собратій, которые ищутъ подписчиковъ на днѣ озеръ.

— Ахъ, Боже мой! это правда, г. де Сервіанъ.

— Слѣдовательно, ваша собственная выгода — молчать обо всемъ этомъ.

— Будьте покойны, г. де Сервіанъ.

— Если бы я былъ богатъ, какъ графъ Нортумберландъ, я назначилъ бы пенсію въ 50 фунтовъ каждому лакисту и далъ бы каждому комнату въ моемъ дворцѣ Charing-Cross; но я дѣлаю, что̀ могу. Я долженъ помнить, что самъ былъ лакистомъ, и долженъ обезпечить собрата, одного; вы первый явились, вы будете этимъ счастливцемъ.... Только, если когда-нибудь буду я имѣть въ васъ надобность.... для какой-нибудь услуги.... вы будете готовы, не правда ли?

О'Фарель поднялъ глаза къ потолку и энергически приложилъ руку къ сердцу.

— Ужь поздно, прибавилъ Сервіанъ вставая: — завтра утромъ вы получите мои послѣднія письменныя наставленія.

На другое утро, Альбинъ всталъ пожираемый желаньемъ сдѣлать визитъ хорошенькой вдовѣ, потому-что не видѣлъ ея уже пятнадцать часовъ; а это цѣлая вѣчность для истинно-влюбленнаго. Однакожь надо было ждать, чтобы минулъ полдень и настала пора визитовъ. Когда пробилъ желанный часъ, онъ отправился въ блаженную улицу и остановился между двумя углами, неподвижный, какъ публичный памятникъ. Сосѣдей было еще больше обыкновеннаго; у всѣхъ оконъ цѣлыя тучи волосъ вились и развѣвались; на всѣхъ балконахъ бѣленькая ручка поливала цвѣты, а глаза этой ручки не смотрѣли на цвѣточные горшки; у всѣхъ дверей слуги обоего пола чистили мѣдныя скобки, будто желая превратить ихъ въ золотыя. Надо было пройти подъ перекрестнымъ огнемъ, чтобы достичь обѣтованной земли, святилища Лавиніи, и если храбрость Альбина давала ему силы на этотъ опасный походъ, то можетъ быть у цѣли пришлось бы встрѣтить разсерженную женщину съ строгимъ лицомъ и съ справедливымъ выговоромъ за частые визиты, которые могутъ вредить дѣвственной репутаціи.

Эти размышленія остановили Альбина, и онъ даже съ мѐньшимъ трудомъ рѣшился на такое пожертвованіе, вспомнивъ, что навѣрное увидитъ Лавинію въ театрѣ вечеромъ: давали Отелло. Лавинія не любила этой трагедіи; слѣдовательно, если бы она пріѣхала въ театръ, то сдѣлала бы это въ воспоминаніе послѣдняго разговора съ Альбиномъ и нѣкоторымъ образомъ изъ вѣжливости, очень ловкой и въ отношеніи къ нему значительной.

Съ раскрытіемъ дверей Королевскаго театра, нашъ герой былъ тамъ, осматривалъ мѣстность и выбиралъ себѣ поло-

женія. По этому плану, вечеръ долженъ былъ быть рѣшительнымъ.

Альбинъ помѣстился такъ, что ему можно было видѣть всякую дверь, въ которую могло бы во второй разъ взойти солнце его ночей.

Въ коридорахъ и на лѣстницахъ раздавался веселый шумъ вечера à grande attraction; слышался смѣхъ молодыхъ женщинъ; амфитеатръ наполнялся дорогими тканями, блестящими каменьями, прелестными головками, индѣйскими цвѣтами, китайскими вѣерами; мелодическій говоръ веселія, какъ апрѣльскій вѣтерокъ, скользилъ по живымъ бархатамъ, составленнымъ изъ молодыхъ матерей и дочерей, сіяющихъ дѣтскимъ счастіемъ.

Въ глазахъ Альбина де Сервіана это созвѣздіе женщинъ было подобно млечному пути, теряющемуся за горизонтомъ въ туманной дали.

Наконецъ, растворилась дверь пожираемой ложи и взошло жданное свѣтило; дядя Гольдриджъ служилъ необходимымъ пятномъ этого солнца и удвоивалъ его блескъ съ обязательною отрицательностію.

XVI.

ВМѢШАТЕЛЬСТВО АМЕРИКИ.

Засѣвши въ самомъ удобномъ мѣстѣ, Альбинъ де Серві анъ во всѣ глаза любовался граціозностію Лавиніи, то раскрывалъ либретто, то пробовалъ лорнетъ, то переставлялъ экраны и перекладывалъ подушки. Упиваясь этимъ созерцаніемъ, онъ вдртъ задрожалъ и оглянулся, почувствовавъ неожиданное прикосновеніе легкой руки къ его локтю.

— Вы похожи на зайца въ кустахъ, г. де Серві анъ; пойдемте со мною на минуту; я имѣю сказать вамъ два слова. Ахъ, молодецъ вашъ г. Макдугаль.

Такъ говорила миссъ Кора; актриса была, какъ обыкновенно, очень хороша и щегольски одѣта, но Альбину показалась она страннымъ уродомъ въ лохмотьяхъ, и онъ подался съ ужасомъ.

— Чтó же вы, не дали ли обѣта молчанія, какъ молодой безумецъ Томасъ Герсонъ? Знаете ли, что я взбѣшена на г. Макдугаля? Пойдемъ въ мою ложу; я разскажу вамъ.

— Невозможно, сударыня, отвѣчалъ Альбинъ:—я съ семействомъ, меня ждутъ, я не знаю Отелло и не хочу проронить ни одного стиха.

— Смѣетесь вы надо мною, молодой человѣкъ? Слышите ли, онъ не знаетъ Отелло; много вы выиграете, если будете знать эту старую оперу моей няни объ одномъ злодѣѣ, который, чтобы избавиться отъ жены, задушилъ ее тюфякомъ. Старина, совсѣмъ вышедшая изъ нашихъ нравовъ.

— Впрочемъ, есть еще свободная минута, миссъ Кора, сказалъ Альбинъ серьёзнымъ тономъ, отдаляющимъ всякую фамильярность:—чтó вы скажете мнѣ о г. Макдугалѣ?

— Ахъ! чудовище! я просила у него двухъ попугаевъ; онъ прислалъ мнѣ четырехъ.

— Вдвое больше, чемъ вы хотѣли; въ чемъ же бѣда?

— Онъ присылаетъ четыре чучела попугаевъ!... Да, сударь! я тотчасъ ихъ получила и еще глупѣйшее письмо.

— Чтó же въ этомъ письмѣ?

— Ничего совершенно, ни одного доллара! Вотъ почему оно и глупо! Г. Макдугаль цѣлый годъ ухаживалъ за мною между кулисами Королевскаго театра; онъ сдѣлалъ мнѣ значительный вредъ, отбилъ двухъ лордовъ и одного робкаго князя, который непремѣнно женился бы на мнѣ.... Весь Дублинъ знаетъ эту исторію. Какова же скупость и неблагодарность мужчины! г. Макдугаль въ Америкѣ, гдѣ дѣлаютъ золото, какъ здѣсь поплинъ, и присылаетъ мнѣ четыре чучела попугаевъ и четыре страницы, къ несчастію пустыя.

— Вы получили это съ нынѣшней почтой? спросилъ Альбинъ съ заботливымъ видомъ.

— Сію минуту, по Кингстонской почтѣ. Завтра я отправлю ему этихъ попугаевъ съ чучелой испанской собачки.... Такъ вы не хотите, г. де Сервіанъ, на минуту притти ко мнѣ въ ложу.... Да это понятно, вы теперь въ ходу. Уваженіе. Завтра день оперы.... Можно ли забавляться трагедіей? Прощайте. Приходите ко мнѣ завтра. Мы играемъ Норму. Я пою каватину Chaste goddes. Прощайте, Сервіанъ.

Миссъ Кора полетѣла въ свою ложу, напѣвая. Chaste goddes, когда поднялся занавѣсъ.

Войти въ ложу Лавиніи, подъ наблюденіемъ вѣтренной актрисы, которая слѣдила за всѣми театральными интригами отъ нечего дѣлать, отъ любопытства, отъ ненависти къ трагедіи, значило предать репутацію молодой вдовы закулисному злословію. Эта мысль остановила де Сервіана. Въ этой крайности, онъ принялъ довольно новую рѣшимость, показывавшую природную смѣтливость его въ любовномъ дѣлѣ, и сталъ наблюдать, во весь спектакль, за малѣйшимъ движеніемъ Лавиніи, чтобы изъ всего извлечь заключеніе.

Лавинія и не подозрѣвала, что невидимые глаза слѣдятъ за нею: съ беззаботностію предавалась она своимъ впечатлѣніямъ; въ глазахъ ея не было того неопредѣленнаго любопытства, которое не ищетъ ничего и всего ищетъ въ театрѣ: они повиновались одной мысли. Дурно скрытое безпокойство показывало, что она съ пренебреженіемъ смотрѣла на густую толпу зрителей и только вглядывалась въ таинственный полу-свѣтъ ложъ; взоры ея неподвижно останавливались на толстыхъ головахъ, будто надѣясь на минуту, что подъ этими волосами знакомое лицо. Театръ только изрѣдка удостоивался ея мимолетнаго вниманія; сцена не казалась ей интересною. Лихорадочная разсѣянность волновала молодую женщину, и это состояніе обнаруживалось очень замѣтно, когда рука ея съ легкой досадой падала на подушку ложи, и утомленная голова, будто отдыхая на минуту, закидывалась на бархатную спинку креселъ. Едва проносилось по сценѣ слово человѣческой нѣжности, слово сердца, отголосокъ любви, глаза Лавиніи спускались съ вершинъ театра или поднимались изъ глубины на актера, повторявшаго любимые стихи великаго поэта, и когда опять разговоръ входилъ въ раму идей и чувствъ, чуждыхъ страсти, она отворачивала глаза отъ сцены, которой языкъ становился непонятнымъ. Когда Отелло, въ развязкѣ, задушиваетъ свою жену, Лавинія задрожала, опустила голову и закрыла лицо руками. Наконецъ, изъ груди ея вырвался тотъ лживый нервическій смѣхъ, который выходитъ изъ источника слезъ.

Альбинъ де Сервіанъ все замѣтилъ и все объяснилъ въ свою пользу. Несчастная любовь не бываетъ требовательна и легко довольствуется.

Передъ окончаніемъ спектакля, онъ поспѣшно спустился съ театральной лѣстницы, чтобы не замѣшаться въ толпу и не быть узнаннымъ. Лицо его сіяло радостью; сердце билось. Нѣтъ болѣе сомнѣнія: три часа трагедіи онъ занималъ собою мысли Лавиніи; въ этотъ вечеръ отсутствіе его заставило молодую вдову наполнить театръ своими взорами: она только его искала въ этомъ блестящемъ обществѣ, всѣхъ посѣтителей его отдала бы она за одного, недостававшаго ей зрителя. Надежда, эта могущественная шпилька любви, открывала новыя области нашему герою и придавала новыя прелести Лавиніи. Страсть росла быстро и довѣрчиво, потому-что ничего не боялась въ будущемъ.

«До завтра, до завтра!» говорилъ онъ самъ съ собою и торжественно застучалъ скобкой у дверей своего дома.

Слуга отворилъ дверь и подалъ ему письмо съ заграничнымъ клеймомъ. Альбинъ сѣлъ къ свѣту и раскрылъ письмо: оно было подписано Макдугалемъ и послано изъ Америки. Вотъ его содержаніе:

«Мы сдѣлали счастливый и скорый переѣздъ, любезный Альбинъ; пишу къ тебѣ только-что вступивъ на американскій берегъ. Первая мысль моя о тебѣ.

«Торгъ идетъ хорошо. Здѣсь я получилъ письма изъ Юкатана, въ которыхъ меня извѣщаютъ, что цѣны на кампешское дерево упали на одинъ фунтъ и восемь шиллинговъ, и это дѣлаетъ мою операцію блистательною. Я нанялъ мѣсто въ 200 тоннъ на суднѣ Shark для отправленія въ Ливерпуль. Оно зайдетъ въ Мерсей не позже какъ черезъ мѣсяцъ, именно въ ту пору, когда запасаются красильщики. Золотое дѣло.

«Мои пошлины были отняты при выгрузкѣ. Штрафъ былъ не значителенъ; къ несчастію, въ Америкѣ нашелъ я трехъ соперниковъ.

«Здѣсь жадны къ англійскому золоту; я продалъ свои слитки на одинадцать процентовъ выше дублинскаго тарифа.

«Скоро я буду готовъ. Черезъ двѣ недѣли идетъ отсюда въ Кингстокъ и Ливерпуль пакетботный пароходъ. Въ Америкѣ нужно оставаться только такое время, сколько необходимо для сбора денегъ.

«Не повѣрите, любезный Альбинъ, какое необыкновенное удовольствіе чувствую я при мысли, что переплыву океанъ для того, чтобы жениться....

До этого мѣста Альбинъ не переводя духу читалъ письмо Макдугаля; по временамъ, онъ даже улыбался при мысли, что торговля убила свадебный проэктъ. Но на этихъ строкахъ онъ отнялъ бумагу, и изъ груди его вылетѣлъ раздражающій вздохъ. Однакожь должно было прочесть до конца, и онъ прочелъ съ нервическимъ отвращеніемъ, которое одно могло побѣждать адское желанье узнать все.

«Сколько милаго узнаю я отъ тебя, когда возвращусь! какія упоительныя бесѣды имѣлъ ты съ мистриссъ Лавиніей! съ какою братскою заботливостію твоя внимательная дружба формировала ея умъ и сердце чтеніемъ и серьезными разговорами, какія она любитъ! потому-что, я знаю, она очень серьёзна, эта божественная Лавинія!

«Получивъ это письмо, ты пойдешь, какъ другой я, въ лавку Кильбурна и закажешь свадебную корзинку для дочери вицекороля. Принаровись хорошенько къ женскому вкусу моей будущей супруги и сдѣлай покупки по ея желанію.

«Счастливецъ Альбинъ! ты не знаешь этихъ безпокойствъ и страданій! несчастный Альбинъ! ты не знаешь этихъ радостей!

«Я пишу къ мистриссъ Лавиніи съ этимъ же пакетботомъ. Посылаю ей всю нѣжность моего сердца, а обоимъ вамъ признательность моей дружбы.

Макдугаль».

Любовь имѣетъ свои громы, которыми убиваетъ, не лишая жизни. Люди, которые съ молодости играли сильными страстями, какъ Митридатъ съ ядомъ, предохранили свою оболочку отъ ударовъ этого рода; но Альбинъ былъ новичкомъ въ тридцать четыре года; въ его дѣвственномъ минувшемъ не было ни одной подпоры для сравненія. Ноги его подогнулись отъ этого письма, свалившагося на него какъ гора; онъ чувствовалъ, что кровь задушаетъ его, и съ крикомъ отчаянія, какъ безнадежный утопающій, упалъ въ обморокъ.

Во всѣхъ легкихъ исторіяхъ, облеченныхъ важностію содержанія, встрѣчается случай, дающій разсказу болѣе строгій видъ. Это облако, проносящееся лѣтомъ по чистой лазури прекрасной страны. Извините старую метафору; ради справедливости, должно простить ея вѣчное появленіе.

На утро послѣ этого печальнаго вечера, такъ торжественно начатого въ Королевскомъ театрѣ, Альбинъ де Сервіанъ проснул-

ся въ лихорадкѣ, между четырьмя занавѣсками и двумя медиками.

Въ Ирландіи очень легко быть медикомъ, потому-что нѣтъ болѣзней. Эта счастливая страна одарена отъ природы всѣмъ, что́ нужно для здоровья: чистымъ воздухомъ, ароматными холмами, умѣреннымъ климатомъ, морскою атмосферою, человѣколюбивымъ небомъ. Жители богаты первобытными добродѣтелями; они особенно трезвы и умѣренны, потому-что ихъ никогда не развращала роскошь.

Въ Дублинѣ есть нѣсколько медиковъ, предпочтительныхъ для иностранцевъ; но какъ путешественники очень рѣдко заболѣваютъ, потому-что путешествуютъ, то докторскія знанія рѣдко приходится прилагать къ дѣлу; медики почти никогда не выходятъ изъ теоріи, этой безмятежной области, не стоющей преждевременныхъ слезъ никакому семейству, и не производящей ни дождя проклятій, ни комедій Мольера насчетъ почтенныхъ медицинскихъ способностей.

Въ Phenix-Park есть «аллея медиковъ». Тамъ, въ постоянной безпечности, прогуливаются дублинскіе доктора, какъ Гиппократъ и Галей въ Енисейскихъ поляхъ, говоря о природѣ вещей и болѣзняхъ души.

Это предисловіе должно выражать затруднительное положеніе двухъ медиковъ, призванныхъ къ Альбину де Сервіану. Цѣлый часъ совѣщались они взглядами и жестами; наконецъ набрели на мысль: приказали открыть окна и освѣжить воздухъ комнаты — гигіеническое средство, спасающее человѣка, когда Богу угодно, и никогда не компрометирующее медика.

Въ продолженіи цѣлой недѣли повторялись подобныя совѣщанія и такое же леченіе: на седьмой день Альбинъ де Сервіанъ выздоравливалъ уже и могъ принять визитъ дяди Гольдриджа, который каждый вечеръ приходилъ освѣдомиться о состояніи больного.

РАСТЕНІЕ И ЕГО ЖИЗНЬ.

ПОПУЛЯРНЫЯ ЧТЕНІЯ ПРОФЕССОРА ШЛЕЙДЕНА.

ДЕСЯТОЕ ЧТЕНІЕ. (*)

ГЕОГРАФІЯ РАСТЕНІЙ.

Если мы раздѣлимъ земной шаръ наибóльшимъ кругомъ на двѣ половины, такъ, чтобы одна половина обнимала возможно-бóльшее пространство материка, то замѣчательно, что Лондонъ будетъ какъ разъ въ центрѣ этого полушарія. И можно ли выбрать лучшую точку отправленія, если хотимъ съ какою-нибудь цѣлью обозрѣть земной шаръ? Мы вступаемъ сначала въ самую метрополію торговли; потомъ, отъ безпокойной ея толкотни поищемъ отдыха въ с. Джемскомъ паркѣ, а отсюда повернемъ черезъ Карлтонскую террасу въ улицу регента. Общество немножко странныхъ людей увлечетъ насъ потомъ въ Пэль Мэль, и съ ними мы войдемъ въ новое великолѣпное зданіе между Атенеумомъ и домомъ клуба реформы. Здѣсь собирается клубъ путешественниковъ (*travellers club*). Въ Англіи каждый слѣдуетъ своимъ капризамъ свободно. Лордъ Рюссель всю свою славу поставляетъ въ томъ, чтобъ быть главою парламента виговъ, — о'Конель — въ пробужденіи агитаціи въ Ирландіи — полковникъ Сибторнъ — въ своихъ усахъ, — графъ д'Орсе — въ своихъ бакенбардахъ, — лордъ Элленборугъ — въ своихъ локонахъ, — нако-

(*) Первыя девять чтеній напечатаны въ Современникѣ прошлаго года. См. №№ VIII, IX, X и XI отд. II.

нецъ члены Травеллерсъ-клуба выше всякаго честолюбія считають обширныя путешествія, и записные посѣтители этого клуба, шутя, безъ трудовъ нахватаются больше географическихъ свѣдѣній изъ разговоровъ его гостей, нежели еслибъ они были нѣсколько лѣтъ сряду прилежными учениками Риттера. Почемужь и намъ не воспользоваться этимъ случаемъ? Подойдемъ къ одному столу, за которымъ трое господъ ведутъ между собою жаркій разговоръ; по ихъ загорѣлымъ лицамъ, тотчасъ видно, что это страстные охотники, которые, гоняясь за какимъ-нибудь минутнымъ капризомъ, часто пріобрѣтаютъ такіе опыты, которымъ позавидовалъ бы не одинъ естествоиспытатель.

«Въ половинѣ октября прошедшаго года, разсказываетъ одинъ, бродилъ я по очаровательнымъ Моррейскимъ горамъ. Передо мной лежало одно изъ тѣхъ спокойныхъ, зеркальныхъ горныхъ озеръ, которыя такъ украшаютъ это графство; на одномъ берегу его тянется широкое, болотное, низменное пространство, поросшее мохомъ и осокой; другой же берегъ то поднимается въ живописныхъ обрывахъ сѣрыми дикими скалами, кой-гдѣ поросшими березою или орѣшникомъ, то образуетъ высокіе утесы, вокругъ вершинъ которыхъ вьются и каркаютъ вороны. Густой осенній туманъ начиналъ мало-по-малу разсѣяваться, слегка покрытые инеемъ кустарники и плетни засверкали подъ лучами солнца милліонами алмазовъ. Легкій слой испареній, тѣсно склубившись въ фантастическіе образы, вился надъ горными рытвинами и, выказывая сосѣднія вершины, покрытыя темнокрасными мхами, тѣснился въ горахъ все выше и выше сквозь свѣтлые, крѣпкіе гребни шотландскихъ сосенъ, выступавшихъ болѣе и болѣе въ опредѣленныхъ чертахъ. Долго слѣдилъ я за игрой причудливыхъ образовъ въ облакахъ, какъ вдругъ легкій утренній вѣтерокъ, свернувъ ихъ, отбросилъ въ сторону и открылъ передо мною всю горную вершину, среди которой въ спокойномъ величіи расположился великолѣпный олень. Первая моя мысль была— скрыться отъ его глазъ: я бросился на-земь и ползъ на спинѣ по откосу горы, до тѣхъ поръ, пока могъ видѣть еще только верхушки его роговъ. Онъ выбралъ самое невыгодное для меня мѣстоположеніе, какое-только можно себѣ представить, и вся моя надежда добраться до него основывалась на маленькомъ ручейкѣ, который извивался между мною и имъ и потомъ черезъ крутой обрывъ низвергался въ озеро. Давъ значительный крюкъ, тихонько прокрался я въ русло этого ручейка; крутые берега его такъ скрывали меня, что я, все не теряя изъ виду оконечностей роговъ, могъ приблизиться къ оленю шаговъ на 100. Тутъ-то я вполнѣ могъ разсмотрѣть это прекрасное животное. Онъ лежалъ неподвижно среди краснаго мха и из-

сѣра-зеленаго ситника и только изрѣдка почесывалъ себѣ бока своими рогами; наконецъ всталъ, потянулся и медленными шагами пошелъ къ тому сгибу ручья, отъ котораго я былъ отдѣленъ только плоскимъ и узкимъ холмомъ, вокругъ котораго вился этотъ ручей. Я схватился за ружье, перемѣнилъ изъ осторожности пистонъ, и приблизился къ берегу на такое разстояніе, что животное стояло отъ меня шагахъ въ 50, по колѣни въ водѣ, которую оно тянуло въ себя съ жадностію длинными глотками. Я выстрѣлилъ и попалъ ему въ шею какъ разъ возлѣ головы. Олень упалъ на колѣни, но тотчасъ поднялся и прыгнулъ на холмъ; но, слишкомъ ослабѣвъ отъ этого усилія, онъ покачнулся, возвратился къ ручью и упалъ за-мертво на землю, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня, головою въ ручей. Бросивъ ружье, я съ радостнымъ крикомъ обнажилъ охотничій ножъ и кинулся на свою, какъ я думалъ, вѣрную добычу. Но едва прикоснулся я къ животному, какъ оно вскочило на ноги и отбросило меня навзничъ къ утесамъ съ такою силою, что я только съ трудомъ и съ болью въ членахъ поднялся на ноги. Я былъ оглушенъ и находился въ непріятномъ положеніи. Позади меня стоялъ крутой обрывъ, черезъ который ручей падалъ въ озеро; передо мною раздраженное животное, въ поту и водѣ, казалось, готовилось нанести мнѣ новый ударъ. Въ такомъ напряженномъ оцѣпенѣніи стояли мы другъ передъ другомъ нѣсколько минутъ, какъ я наконецъ нѣсколько оправился, и, быстро сообразивъ свое положеніе, прежде нежели мой противникъ успѣлъ выполнить свое намѣреніе, я быстро выскочилъ на край берега, набросилъ на голову и на глаза истомленнаго звѣря мой пледъ (*) и снова кинулся на него; но только послѣ отчаяннаго сопротивленія съ его стороны удалось мнѣ наконецъ доканать его, и я въ совершенномъ изнеможеніи повалился въ влажный мохъ возлѣ своей добычи».

—«Ничего нѣтъ страннаго, началъ второй:—что такое благородное и сильное животное поставило охотника въ затруднительное положеніе; вотъ я видалъ въ прошломъ году презабавную сцену отчаянной борьбы — впрочемъ я тутъ не мѣшался — одного мужа съ однимъ изъ слабѣйшихъ и трусливѣйшихъ животныхъ. Въ одно прекрасное воскресенье, рано утромъ, бродилъ я по обширнымъ гипсландскимъ равнинамъ. Особенности окружавшей меня природы совершенно отвлекли мои мысли отъ главной моей цѣли— охоты. Сначала я шелъ по тропинкѣ чрезъ тѣ нетѣнистые лѣса Новоголландіи, которые состоятъ изъ безлиственныхъ казуарій и красносочниковъ, узкіе, немногочисленные листья которыхъ такъ странно исковерка-

(*) Большая шерстяная шаль, употребляемая въ Шотландіи вмѣсто плаща.

ны, что они обращены кверху и книзу не плоскостями, но краями. Съ удивленіемъ прислушивался я къ странному міру насѣкомыхъ, между которыми приковалъ мое вниманіе въ особенности одинъ родъ кузнечиковъ, совершенно похожихъ на перекачивающуюся соломину. Потомъ я вышелъ на обширную песчаную равнину, покрытую кой-гдѣ удивительнымъ *травнымъ деревомъ* (1). На вершинахъ его стволовъ, высотою въ нѣсколько футовъ, выростаютъ огромные пучки травы, изъ средины которыхъ выдается на 14—20 футовъ высоты стержень съ цвѣточною шишкою. Иногда попадалась влажная почва и почти непроницаемая растительность, хотя она и состояла только изъ низменныхъ кустарниковъ. Кой-гдѣ возвышались ароматическія акаціи (2), съ великолѣпными кистями золотистыхъ цвѣтовъ, иногда обвитыя дикимъ стопнякомъ (3), какъ-будто исполинскими канатами. На полянахъ, попадавшихся среди этой густой растительности, великолѣпный фазанъ-лира распускалъ свои разноцвѣтныя перья и забавлялся передразниваніемъ всего, что́ слышалось въ этой дивной странѣ: и чириканье птицъ, и лай дикихъ собакъ, и крикъ кузнечиковъ,— все передавалъ онъ съ удивительною вѣрностью. Не безъ труда пробрался я чрезъ эту чащу и очутился на болотистой полосѣ, которая впрочемъ такъ высохла подъ палящимъсолнцемъ, что на ней осталось только нѣсколько лужъ и ручейковъ; густые кустарники исполинской осоки, перемѣшанные съ широколиственными тростниками, составляли тутъ роскошное жилище для страннаго произведенія природы — новоголландскаго утконоса. Невдалекѣ, на нѣсколько лучшемъ дернѣ, глаза мои были привлечены пріятнымъ напоминаніемъ въ этой чуждой странѣ, и я наклонился, чтобъ сорвать скромную маргаритку, какъ вдругъ слухъ мой былъ пораженъ громкимъ зовомъ на помощь, съ крикомъ и проклятіями. Я побѣжалъ къ тому мѣсту, откуда повидимому неслись въ этой дико́й пустынѣ изумительные звуки, и—представьте мое удивленіе—среди болота стоитъ на заднихъ ногахъ тучный сильный кангуру-самецъ, футовъ въ 7 ростомъ, а на берегу передъ нимъ лежитъ истерзанная и окровавленная собака. Я схватился за ружье и прицѣлился, какъ мое вниманіе было привлечено видомъ человѣка: изцарапанный и окровавленный, онъ показался среди ситника, росшаго на берегу. Я тотчасъ поспѣшилъ на помощь, но въ то время, какъ я вытаскивалъ человѣка изъ илу, старикъ (4) искалъ спасенія въ бѣгствѣ и исчезъ изъ нашихъ глазъ. Раны несчастнаго охотника были, къ счастью, не такъ опасны,

(1) Xanthorrhoca australis.

(2) Acacia mollissima, affinis и м. д.

(3) Cissus autaretica.

(4) Old man: такъ называютъ поселенцы кангуру-самца.

какъ казалось, и вскорѣ онъ оправился такъ, что могъ разсказать мнѣ свое приключеніе. Рано утромъ отправился онъ, съ однѣми собаками, безъ ружья, на охоту за кангуру. Собаки вскорѣ открыли цѣлое стадо и преслѣдовали, но только одна изъ нихъ возвратилась къ своему господину. Несмотря на то, онъ все-таки продолжалъ свое странствованіе и вскорѣ вспугнулъ старика, на котораго и пустилъ свою послѣднюю собаку. Старое умное животное не бѣжало, а остановилось возлѣ болота и передними лапами отбивалось отъ собаки. Чтобъ не стоять праздно, охотникъ попытался напасть на него сзади черезъ воду, но раздраженное животное обратилось и противъ него, изцарапало ему лицо и повергло его на спину въ болото. Всякой разъ, какъ только онъ пытался подняться изъ болота, старикъ опять придавливаетъ его голову подъ воду, такъ-что, не вмѣшайся я, онъ навѣрно утопилъ бы человѣка. А между тѣмъ собаку, при новой схваткѣ онъ отбросилъ на берегъ въ совершенномъ изнеможеніи. Когда охотникъ освободился отъ грязи и крови, мы обратились съ помощію къ опасно раненой собакѣ, потомъ разстались и пошли каждый своей дорогой; охотникъ далъ себѣ клятву никогда не связываться съ старикомъ кангуру безъ ружья».

—«Какъ ни милы подобные разсказы для дамскаго кружка, началъ третій:—но мужчина не долженъ находить удовольствія въ такихъ мелочахъ. Только тамъ, гдѣ играютъ жизнью каждый день и каждый часъ, гдѣ являются опасности во всѣхъ формахъ, — тамъ можно сказать, что есть интересъ, достойный бесѣды мужчинъ; а гдѣ поискать его, какъ не въ ловлѣ китовъ на сѣверныхъ моряхъ? Я до сихъ поръ вспоминаю съ наслажденьемъ объ одной сценѣ, которая въ позапрошлую зиму чуть-чуть не положила конецъ моей жизни, и притомъ самымъ страннымъ образомъ. Уже 16 дней носила насъ страшная буря при входѣ въ Баффиновъ заливъ. Снасти совершенно оледенѣли, бока корабля покрылись огромными блестящими массами. Нашъ экипажъ весь полузамерзъ, и ни одного даже маленькаго каната нельзя было перетянуть черезъ блокъ, не обливъ его напередъ горячей водой. И днемъ было не слишкомъ свѣтло, по причинѣ густого тумана; но еще страшнѣе были длинныя, ужасныя ночи, когда корабль нашъ то поднимался на черныя волны, точно на горы, то низвергался съ нихъ въ глубину; каждую минуту мы опасались, что онъ разлетится въ-дребезги, ударившись о льдистыя массы, которыя, тускло сверкая и шумя, неслись по пѣнящимся волнамъ, при воѣ бури, подобно ночнымъ демонамъ, посланнымъ для нашего уничтоженія. Однажды утромъ, къ концу бури, только-что перестала итти снѣгъ, приблизилась къ намъ съ ужасною быстротою, въ 500 футовъ вышины, ледяная гора и уже находилась на

опасно-близкомъ разстояніи, какъ вдругъ раздался ужасный крикъ: она переворачивается ([1])! Двинувшись ближе, она начала медленно наклонять свою качавшуюся вершину на наши головы. Казалось, судьба наша была рѣшена: вся исполинская льдистая масса опускалась на нашъ корабль и готова была раздробить насъ на кусочки. Мы всѣ пали на колѣни и съ тихою молитвою ожидали роковой минуты; даже кормчій сталъ на колѣни, не выпуская однакожъ изъ рукъ своихъ руля. Ледяная гора уже на половину наклонилась надъ нами, какъ вдругъ, вслѣдствіе неравенства тяжести своихъ подводныхъ честей, она обернулась кругомъ и въ тужь минуту, въ нѣкоторомъ разстояніи позади нашей кормы, обрушилась въ море; пѣнистыя массы воды хлынули фонтанами, досягавшими даже повыше мачтъ, и ослѣпляли насъ такъ сильно, какъ только могутъ ослѣплять холодныя капли, брызгавшія намъ въ лицо. Съ минуту казалось, что волны пріостановились, море кипѣло, карабль дрожалъ и качался; даже буря какъ-будто была задержана, потому-что паруса хлопали по мачтамъ и обивали съ себя ледъ, которымъ такъ долго были покрыты. Вдругъ сквозь тучи прорвался солнечный лучъ, и предъ нами явился обширный берегъ, покрытый особеннымъ розовымъ цвѣтомъ краснаго снѣгу ([2]) и обѣщавшій усталому моряку кратковременный отдыхъ».

Какіе контрасты представляютъ намъ эти разсказы! какъ все это вызываетъ на размышленіе, когда припомнимъ, что въ каждомъ изъ представленныхъ нами очерковъ физическія отношенія, климатъ, растенія и животныя таковы, что въ каждомъ изъ остальныхъ они совершенно невозможны! Единственное сходство нашихъ странъ съ Новоголландіей, представляющей совершенно иной характеръ, съ особенностями, ей исключительно свойственными,—сходство, бросившееся въ глаза даже профану, — составлялъ маленькій цвѣтокъ нашихъ луговъ: не удивительное ли это явленіе? Пестръ, богатъ образами и цвѣтами коверъ природы, но, безъ сомнѣнія, онъ не составленъ изъ отдѣльныхъ лоскутковъ, а сотканъ по одному прекрасно-

(1) Оторванныя отъ полярныхъ льдовъ массы, уносимыя вѣтромъ въ низшія широты, часто возвышаются на 200 и больше футовъ надъ поверхностію моря, но часть ихъ, погруженная въ водѣ, часто бываетъ гораздо значительнѣе. Эта послѣдняя мало-по-малу таетъ, отъ вліянія болѣе нагрѣтыхъ водъ океана, и наконецъ наступаетъ моментъ, когда вся эта ледяная гора переворачивается такъ, что ея подводный конецъ является надъ поверхностью моря, а бывшій наверху нагружается подъ воду.

(2) На только-что упавшемъ снѣгу, въ полярныхъ странахъ и на высокихъ горахъ, нерѣдко является маленькое микроскопическое растеніе — Protococcus nivalis, которое, вмѣстѣ съ инфузоріями, часто сообщаетъ розовый цвѣтъ цѣлымъ снѣжнымъ равнинамъ.

му плану, подобно какому-нибудь вышиванью, сдѣланному мастерскими руками. Представимъ себѣ, что на какомъ-нибудь драгоцѣнномъ гобеленевскомъ коврѣ ползаетъ одаренный чувствомъ комаръ; что онъ не можетъ обозрѣть всего рисунка разомъ, по его обширности; что онъ видитъ только отдѣльно тѣ стежки, изъ которыхъ составлены разнообразныя части рисунка; представимъ себѣ наконецъ, что этотъ комаръ все-таки умѣлъ создать себѣ понятіе о цѣломъ, о расположеніи образовъ и цвѣтовъ и ихъ гармоніи: не должны ли мы послѣ этого назвать комара величайшимъ геніемъ, какого-только видѣлъ міръ? А во сколько разъ невыгоднѣе отношеніе человѣка къ цѣлой землѣ! сколько людей должны были соединить свои наблюденія для того только, чтобъ сколько-нибудь обозрѣть маленькія частицы и убѣдиться, что еще множество геніевъ должны будутъ посвятить этому занятію свою жизнь, пока цѣлое зданіе будетъ узнано вполнѣ! До сихъ поръ мы едва ли можемъ сдѣлать что-нибудь больше, какъ только увеличить количество образовъ, представленныхъ означенными охотниками, и нѣсколько точнѣе обозначить ихъ.

Сынъ пивовара изъ Гонтингдона — Оливеръ Кромвель — въ нѣсколько лѣтъ сдѣлался неограниченнымъ повелителемъ Великобританіи и силою своего духа предписывалъ законы половинѣ Европы. Преданіе говоритъ, что уже въ ранней юности онъ руководился въ стремленіяхъ своею собственною поговоркою: «тотъ уйдетъ дальше всѣхъ, кто не знаетъ, куда онъ хочетъ итти» Эту поговорку можно выразить другимъ образомъ, не столь парадоксальнымъ: «человѣкъ въ своей дѣятельности достигаетъ чего-нибудь порядочнаго только тогда, когда онъ напередъ опредѣлилъ себѣ самую высшую задачу, избралъ своею цѣлью недостижимый идеалъ». Въ этомъ смыслѣ, изреченіе Кромвеля мы можемъ считать путеводнымъ правиломъ даже въ каждой наукѣ и легко убѣдимся, что и здѣсь оно ничуть не измѣняетъ своей силы. Конечно, можно подумать съ перваго взгляду, что слѣдовать подобному правилу очень легко. Нетрудно, напримѣръ, выразить и опредѣлить эстетическій или, если угодно, болѣе возвышенный христіанскій идеалъ, однакожь всѣмъ извѣстно, какъ мало достигаетъ этого идеала въ своихъ дѣйствіяхъ каждый отдѣльный человѣкъ. Можно поэтому сдѣлать такой выводъ, что въ дѣлахъ не столько важно правильное знаніе идеала, цѣли, сколько дѣятельность, направленная къ достиженію его. Но тутъ смѣшиваютъ двѣ совершенно различныя точки зрѣнія, и эта запутанность, къ сожалѣнію, проявляется въ значительной части нашихъ ученыхъ стремленій и вноситъ въ наши сужденія много недоразумѣній, много неясныхъ и ложныхъ представленій. Дѣло вотъ въ чемъ. Живущій на землѣ человѣкъ подчиненъ двумъ требованіямъ относительно духовной

дѣятельности и развитія. Одно обнимаетъ нравстенно-религіозный элементъ, другое — научное образованіе. Оба проникаютъ и взаимно поддерживаютъ другъ друга; но, по своему происхожденію, по своей сущности, они совершенно отдѣльны; значеніе того и другого безконечно различны между собою и соотвѣтствуютъ безконечно различнымъ человѣческимъ достоинствамъ. Нравственно-религіозное развитіе касается вѣчной, непреходящей части человѣка — его безсмертной души,— другими словами, оно касается нашего *Я*, вѣчнаго, неисчезающаго. Это требованіе есть общее, необходимое для каждаго человѣка; въ этомъ отношеніи мы всѣ равны, всѣ имѣемъ равное право и равную обязанность, и именно потому, что достаточно самаго простого самопониманія, чтобы постигнуть и выразить эту задачу и этотъ идеалъ. Вотъ почему въ цѣлой исторіи человѣчества мы не находимъ въ этомъ отношеніи замѣчательныхъ ступеней. Отъ самыхъ древнихъ до новѣйшихъ временъ это требованіе остается неизмѣннымъ, только его выраженія болѣе или менѣе различны, болѣе или менѣе ясны и опредѣлительны (*). Удовлетворить этимъ требованіямъ чрезвычайно важно для отдѣльнаго человѣка; только слѣдуя этому требованію, онъ является *человѣкомъ въ благороднѣйшемъ смыслѣ слова*, какъ существо, назначенное для высшихъ цѣлей, способное къ высшему развитію. Въ противномъ случаѣ онъ самъ себя лишаетъ права на вниманіе и на какую бы то ни было признательность другихъ, какъ бы ни была высока его ступень относительно научнаго развитія.

Это второе требованіе относится, напротивъ того, къ развитію человѣка для его земного, ограниченнаго существованія. Задача этого требованія состоитъ въ томъ, чтобы развить до возможной полноты какъ тѣлесную, такъ и духовную сторону нашего существа, дабы такимъ образомъ облегчить и упрочить достиженіе главнѣйшей цѣли, о которой сказано выше. Сюда принадлежатъ всѣ науки, опредѣляющія и развивающія гражданскія и общественныя отношенія, изслѣдывающія природу и искусство и споспѣшествующія наслажденіямъ и удобству въ житейскомъ быту; пусть ихъ цѣнятъ высоко или низко, но всѣ онѣ вмѣстѣ стоятъ на одной и той же ничтожной ступени въ томъ отношеніи, что всѣ онѣ имѣютъ только ограниченное значеніе, только для той пылинки, которую мы называемъ земнымъ шаромъ, только для нашей жизни здѣсь. Положимъ кто-нибудь оказалъ на этомъ поприщѣ что-нибудь даже великое; но если онъ не слѣдуетъ высшему, истинно-нравственному требованію, онъ не имѣетъ ни малѣйшаго права на мое уваженіе, на мою признательность. Все, что онъ сдѣлалъ какъ

(*) Въ этомъ смыслѣ исторія человѣчества и представляетъ различныя ступени *нравственнаго* развитія. *Прим. Ред.*

художникъ, какъ ученый, я принимаю и употребляю въ свою пользу, но безъ всякаго чувства благодарности, точно такъ, какъ я кладу въ карманъ найденную монету и съ отвращеніемъ бросаю прочь грязную тряпку, въ которой она была завернута. Что́ сдѣлано на первомъ поприщѣ, то находится въ самой личности, и оно-то сообщаетъ ей, и именно только ей, истинное достоинство. А что́ пріобрѣтено на второмъ, то принадлежитъ не отдѣльному человѣку, а человѣчеству; работу на этомъ поприщѣ каждый вѣкъ начинаетъ тамъ, гдѣ кончилъ предшествовавшій, и подвиги этого рода дѣлаютъ честь человѣчеству, но не сообщаютъ никакого достоинства отдѣльному лицу.

Съ другой стороны я не могу отказать въ уваженіи, не могу не признать благороднымъ, духовнымъ существомъ того, кто доказалъ своею истинно-нравственною жизнію свое право на эту признательность, если бы даже онъ сдѣлалъ слишкомъ мало въ области какой-нибудь другой отрасли человѣческой дѣятельности. Это послѣднее требованіе никакъ нельзя считать необходимымъ и равнымъ для всѣхъ людей: оно видоизмѣняется до безконечности, по безчисленнымъ постепенностямъ внѣшнихъ условій, замедляющихъ или благопріятствующихъ. Слѣдовательно, его никакъ нельзя считать равнымъ и необходимымъ для всѣхъ, потому-что здѣсь, совсѣмъ наоборотъ, самое важное состоитъ въ познаніи задачъ, въ опредѣленіи вопросовъ, требующихъ рѣшенія, и очевидно, что правильнаго отвѣта на нихъ можно ожидать только отъ того, кто ясно и вѣрно постигъ сущность вопроса. Особенно это можно сказать насчетъ естественныхъ наукъ: мы не много преувеличимъ, если скажемъ, что стоитъ только сдѣлать правильно вопросъ, и естествознаніе непремѣнно найдетъ отвѣтъ. Бѣдность естествознанія, его сравнительно ограниченная точка зрѣнія, зависитъ отъ того, что сдѣлать правильно самые вопросы чрезвычайно трудно. Собираютъ цѣлые ряды фактовъ, очевидно близкихъ по своей натурѣ; если количество ихъ значительно, то приводятъ ихъ въ систематической порядокъ и образуютъ изъ нихъ такъ называемую *науку;* но изслѣдователи блуждаютъ въ ней безъ всякой опредѣленной цѣли; матеріялъ накопляется, а наука нейдетъ впередъ ни на одинъ шагъ. Но вотъ является человѣкъ, одаренный необыкновеннымъ умомъ, или часто даже только необыкновенный счастливецъ во внѣшнихъ, случайныхъ обстоятельствахъ, и ясно опредѣляетъ тотъ вопросъ, который рѣшить должно и надъ которымъ уже давно, но безъ яснаго сознанія, мучились многіе; тогда всѣмъ становится ясно, чего искать должно, всѣ умственныя силы дѣятельной науки обращаются теперь на эту точку; препятствія падаютъ одно за другимъ, наука идетъ исполинскими шагами впередъ, до тѣхъ поръ, пока не встрѣтитъ новой преграды, пока не увидитъ,

что дальнѣйшій ходъ для нея заперть со всѣхъ сторонъ, что передъ ней вездѣ стоитъ одна и таже непроницаемая стѣна, и что, достигнувъ этой высшей ступени, она должна будетъ опять совершить ту же исторію развитія, пока новый предводитель не нападетъ опять на такое мѣсто, гдѣ стѣна послабѣе, гдѣ слѣдовательно можно пробить ее и снова итти впередъ.

Такимъ образомъ въ истинно-нравственной области задачи для насъ опредѣлены, и мы ищемъ науку, которая бы сдѣлала вѣрными ихъ рѣшенія; напротивъ того, въ другой сферѣ у насъ множество наукъ, но онѣ вращаются постоянно въ одномъ и томъ же кругу, пока случай не укажетъ новой задачи то для той, то для другой, и такимъ образомъ сдѣлаетъ ее способною къ дальнѣйшему успѣху.

Превосходное доказательство для этихъ взглядовъ представляетъ намъ, напримѣръ, географія растеній. Уже въ древнѣйшія времена ботаники, при описаніи каждаго растенія, дѣлали замѣчанія, гдѣ его можно найти; но никто не предчувствовалъ, что въ этихъ замѣчаніяхъ таится зародышъ науки. Но вотъ геніяльный ботаникъ Турнефоръ совершаетъ путешествіе въ Левантъ; при всходѣ на Араратъ, онъ замѣчаетъ, что съ постепеннымъ возвышеніемъ надъ поверхностію моря растительность на этой горѣ получаетъ существенно различный характеръ, и что эти измѣненія представляютъ аналогію съ тѣмъ явленіемъ, какое замѣтно, когда переѣзжаешь отъ малой Азіи до Лапландіи. Загадка была открыта, и съ жаромъ бросились къ ея рѣшенію. Адансонъ, не менѣе знаменитый, какъ и Турнефоръ, первый высказалъ мысль, что между поворотными кругами вовсе нѣтъ зонтичныхъ растеній, а вмѣстѣ съ тѣмъ брошенъ былъ второй вопросъ, также ожидавшій своего рѣшенія. Въ 1807 году явилось сочиненіе Гумбольдта: *Essai sur la géographie des plantes*, въ которомъ онъ пытался привести въ связь замѣченныя особенности въ распредѣленіи растеній съ особенностями климатовъ. Но только черезъ 10 лѣтъ, когда масса фактовъ накопилась еще больше, а между тѣмъ никто не умѣлъ сообщить ей что-нибудь существенно новое, Гумбольдтъ опять сдѣлалъ новый и послѣдній шагъ: геніяльнымъ взоромъ обнимая всю землю, онъ соединилъ географію растеній съ ученіемъ объ образованіи земного шара и указалъ, какъ вообще, такъ и въ частностяхъ, зависимость распредѣленія растеній отъ физическихъ свойствъ земного шара. Наука этимъ ни мало не кончилась, а только началась; она получила теперь опредѣленную исходную точку, но въ чемъ состоитъ ея конечная цѣль, это рѣшить если не невозможно, то по-крайней мѣрѣ до сихъ поръ еще трудно. По-крайней-мѣрѣ въ нѣкоторыхъ примѣрахъ очень легко можно показать, что для цѣлой половины явленій еще до сихъ поръ нѣтъ ни-

какихъ слѣдовъ, чтобы мы могли указать, откуда, изъ какого круга законовъ природы будутъ заимствованы для нихъ объяснительныя идеи.

По сю сторону Альповъ не растутъ померанцы. Сѣвернѣе Берлина не зрѣетъ виноградъ. Сканія и самая южная оконечность Норвегіи составляютъ самые сѣверные предѣлы для бука. Къ сѣверу отъ Дронтгейма, начиная отъ Біёрнэ, тянется линія поперекъ Норвегіи, чрезъ Емтландъ и Гергедаленъ, перерѣзывающая въ сѣверной части Гевлеборга восточный берегъ Швеціи: она составляетъ предѣлъ для воздѣлыванія пшеницы на сѣверѣ. Выше этой линіи растутъ только хвойныя деревья; но тамъ, гдѣ уже не можетъ расти даже неприхотливая береза, еще разводится быстро зрѣющій ячмень, по-крайней-мѣрѣ во время короткаго, но теплаго лѣта. Весь этотъ рядъ фактовъ объяснить нетрудно: всѣ они въ полной зависимости отъ климатическихъ вліяній, и уже одного точнаго изслѣдованія температурныхъ отношеній достаточно для того, чтобы объяснить всѣ эти явленія.

Совсѣмъ другое дѣло съ слѣдующими явленіями. Отъ южной оконечности Африки до сѣвернаго мыса на Магерэ тянутся чрезъ весь старый свѣтъ растенія, принадлежащія къ семействамъ, характеризующимъ наши равнины (верески); только въ тропическихъ странахъ происходитъ разрывъ въ ихъ распространеніи. Но подъ тѣми же широтами, при сходномъ климатѣ, при одинаковыхъ свойствахъ почвы, въ цѣлой Америкѣ мы не видимъ ни одного рода настоящихъ душистыхъ вересковъ. Ихъ мѣсто заступаютъ родственныя имъ растенія, принадлежащія по-крайней-мѣрѣ къ той же фамиліи; въ Австраліи же, при аналогическихъ отношеніяхъ, мы не найдемъ даже ни одного растенія изъ цѣлаго семейства вересковыхъ; вмѣсто ихъ, тутъ является другое, хотя родственное, но совершенно особенное растительное семейство — эпакриды (островерховыя). Въ небольшомъ уголку Азіи растетъ чайный кустарникъ, и что онъ растетъ только въ Китаѣ, это, безъ сомнѣнія, происходитъ не отъ недостатка сходныхъ климатныхъ отношеній въ остальной части земного шара. На узкой полосѣ возлѣ Андовъ, въ сѣверной половинѣ южной Америки растетъ особеннаго рода дерево — хинное дерево; такъ неужели на цѣломъ земномъ шарѣ нѣтъ клочка земли съ такою же температурою и почвенными отношеніями? Однакожь тутъ достаточно и одного примѣра, чтобъ обратить вниманіе на то, что есть такой образъ распредѣленія растеній на землѣ, который не зависитъ отъ *извѣстныхъ* намъ условій растительности и не можетъ быть объясненъ ими. Въ отношеніи распредѣленія растеній, наши познанія раздѣляются на двѣ группы, различающіяся тѣмъ, что одна касается

тѣхъ случаевъ, гдѣ видны обстоятельства, обусловившія распредѣленіе растеній по извѣстнымъ мѣстамъ,—другая—тѣхъ, гдѣ причина извѣстнаго распредѣленія растеній намъ совершенно невидна и непонятна. Тутъ стоятъ рядомъ двѣ задачи: разрѣшимая и неразрѣшимая, первая разрѣшима потому, что смыслъ, содержаніе задачи ясно выражены, и этимъ мы обязаны Гумбольдту: задачу эту сосоставляютъ опредѣленія зависимости растеній отъ физическихъ отношеній земного шара. Вторая неразрѣшима потому, что мы вовсе не понимаемъ еще, въ чемъ состоитъ она; слѣдовательно, естествознаніе не можетъ обратиться къ рѣшенію ея. Оттого-то, въ первомъ отношеніи мы можемъ привести въ ясную связь всѣ факты; во второмъ же отношеніи мы получаемъ только сборъ безсвязныхъ, до сихъ поръ еще необъяснимыхъ, но можетъ быть именно поэтому еще болѣе интересныхъ фактовъ. Позвольте мнѣ представить въ бѣгломъ очеркѣ отношеніе растеній къ поверхности земного шара въ обоихъ отношеніяхъ и въ заключеніе, нѣсколько подробнѣе, въ видѣ болѣе развитаго примѣра, описать распредѣленіе на землѣ главнѣйшихъ питательныхъ и полезныхъ растеній.

Зависимость распредѣленія растеній отъ физическихъ отношеній.

Мы должны начать этотъ очеркъ съ самаго маленькаго, съ самаго ограниченнаго круга, чтобы потомъ распространить его на цѣлую землю. Первое начало обширной ботанической географіи составляетъ ежедневный вопросъ: гдѣ растетъ это растеніе? И въ каждой ботаникѣ можно найти статью, гдѣ болѣе или менѣе поверхностно трактуется о такъ называемомъ мѣстонахожденіи, о роднѣ, отечествѣ растеній. Уже и здѣсь, въ этихъ начаткахъ науки, свѣтъ и система явились въ понятіяхъ только постепенно, и даже до сихъ поръ многое все еще остается запутаннымъ и получитъ объясненіе только впослѣдствіи. Но здѣсь надо тщательно отличать одно отъ другого. Вересковыя растенія являются на сухихъ, солнечныхъ, песчаныхъ равнинахъ; они простираются отъ мыса Доброй Надежды, чрезъ Африку, всю Европу и сѣверную Азію, до самыхъ отдаленныхъ предѣловъ растительности въ Скандинавіи и Сибири; во всей этой обширной области они распредѣлены такъ, что въ южной Африкѣ растутъ безчисленные, различные ихъ виды, изъ которыхъ однакожь только немногія особи растутъ другъ возлѣ друга; потомъ къ сѣверу число этихъ видовъ вдругъ значительно уменьшается, но зато количество особей мало-по-малу увеличивается; наконецъ на сѣверѣ Европы одинъ видъ, обыкновенный верескъ, покрываетъ милліонами своихъ особей цѣлыя страны. Тутъ мы видимъ прежде всего, что только первое опредѣленіе, а именно мѣстонахожденіе, необхо-

димо относится къ каждой особи; напротивъ того, кругъ распространенія и образъ распредѣленія представляютъ такіе моменты, которые для отдѣльныхъ особей не имѣютъ никакого значенія, но зато они тѣмъ важнѣе для большихъ растительныхъ группъ — для такъ называемыхъ видовъ, родовъ, семействъ и т. д. Впрочемъ изъ всѣхъ этихъ моментовъ только первый, т. е. *мѣстонахожденіе* растеній, принадлежитъ вполнѣ, а остальные два только отчасти, къ такимъ явленіямъ, которыя мы можемъ объяснить физическими отношеніями; мы вообще должны болѣе придерживаться объясненій этого рода, потому-что они строго логичны и еще долго сохранятъ свое значеніе, между тѣмъ какъ тѣ объясненія, гдѣ мы не можемъ пріискать для явленій вполнѣ удовлетворительной ближайшей причины, имѣютъ вѣсъ только для извѣстнаго состоянія науки. Именно, если мы обозримъ разнородныя вліянія, отъ которыхъ, по современымъ физіологическимъ познаніямъ, зависитъ жизнь и здоровье растеній, то тотчасъ увидимъ, что намъ извѣстно только небольшое количество физическихъ силъ и ихъ дѣйствій на организмъ, что, напротивъ того не менѣе большое количество ихъ до сихъ поръ смѣется надъ нашими усиліями узнать поближе ихъ дѣйствія, хотя мы навѣрно можемъ утверждать, что растительная жизнь должа зависѣть и въ-самомъ-дѣлѣ зависитъ отъ нихъ также, какъ и отъ другихъ. Только для примѣра я называю здѣсь свѣтъ, электричество и плотность воздуха. Первые два, какъ постоянно дѣйствующіе на каждый химическій процессъ, а послѣднее по своей существенной важности для всѣхъ явленій и отношеній, касающихся газовъ и паровъ, должны оказывать могучее вліяніе и на растительную жизнь, въ которой постоянно совершаются химическія соединенія и разложенія, безпрерывныя принятія и отдѣленія паровъ и газовъ. Но въ чемъ состоятъ эти вліянія, какъ совершаются, — все это до сихъ поръ совершенно неизвѣстно, и многія теперь еще совершенно непонятыя для насъ явленія въ распространеніи и распредѣленіи растеній, рано или поздно, найдутъ можетъ быть въ этихъ вліяніяхъ достаточное объясненіе.

Если отъ снѣжныхъ льдистыхъ плоскостей глубокаго сѣвера, гдѣ только красная *снѣговая первозерница* (Protococcus nivalis) напоминаетъ намъ о растительномъ организмѣ, мы обратимся къ югу, то предъ нами является полоса, почву которой покрываютъ только *мхи* и *ягели*; а особенныя растенія съ низкими подземными многолѣтними стеблями, по большой части съ крупными и красивыми цвѣтами, — такъ называемыя *альпійскія* (горныя) *растенія*, — сообщаютъ этой полосѣ какой-то особенный характеръ. Почти всѣ эти растенія низки ростомъ и какъ бы составляютъ одежду почвы; между ними нѣтъ ни одного дерева, ни одного кустарника; пирола,

андромеда, ложечная трава, маки, лютики, — вотъ характеристическіе роды этой флоры. Если мы оставимъ эту полосу, названную у ботаниковъ *страной мховъ и камнеломокъ*, или, по имени одного изъ основателей ботанической географіи, *царствомъ Валенберга*, и перейдемъ далѣе на югъ, то сначала увидимъ маленькіе низенькіе кустарники *березъ*, потомъ уже рощи, въ которыхъ встрѣтимъ *сосны* и другія *хвойныя деревья*, и наконецъ мы очутимся во второй обширнѣйшей полосѣ растительности, характеристическая особенность которой состоитъ въ томъ, что всѣ лѣса, стоящіе на равнинахъ, состоятъ исключительно изъ хвойныхъ деревъ, сообщающихъ поэтому цѣлой флорѣ особенный характеръ;—изъ *сосенъ* и *елей*, *пихтъ* и *лиственницъ* состоятъ обширные лѣса; а при ручьяхъ и на влажной почвѣ растутъ *ивы* и *ольхи*. На сухихъ холмахъ растетъ *оленій* и *исландскій* мохъ. *Брусника*, *морошка*, *смородина* и другія подобныя растенія своими ягодами доставляютъ уже, хотя и скудное, но все-таки питательное вещество; луга съ пестрыми цвѣтами составляютъ украшеніе всему поясу, простирающемуся въ Скандинавіи до сѣвернаго предѣла воздѣлыванія пшеницы (о которомъ мы уже говорили), а въ Россіи и Азіи почти до самой Казани и Якутска. Мы назовемъ эту полосу *поясомъ хвойныхъ деревъ*. — Уже въ окрестностяхъ Дронтгейма начинается, хотя еще слабо, разведеніе *плодовыхъ деревьевъ*; немного южнѣе появляется могучій *дубъ*, по слишкомъ преувеличенной поэтической вольности названный нѣмецкимъ; Сканія, Зеландія, Шлезвигъ и Голштинія покрыты уже величественными *буковыми* лѣсами. Почти подъ широтою Франкфурта на Майнѣ ко всему этому присоединяется еще одно дерево, которое смѣлымъ, живописнымъ расположеніемъ вѣтвей своихъ не уступаетъ дубу, а великолѣпіемъ своей лиственной одежды, равно какъ и пользою своихъ фруктовъ далеко превосходитъ его, — это *каштановое дерево*. Пиренеи, Альпы и Кавказъ образуютъ южную границу этого пояса, въ которомъ, болѣе къ востоку, *липа* и *вязъ* въ такомъ значительномъ количествѣ наполняютъ лѣса, что первая, несмотря на гибельные для нея набѣги носящаго лапти народонаселенія, до сихъ поръ еще не истребилась. *Хмѣль*, *плющъ* и *ломоносъ* являются здѣсь какъ первые представители тропическихъ вьющихся растеній. Мрачные, тѣнистые лѣса здѣсь перемѣжаются смѣющеюся зеленью луговъ; человѣкъ, овладѣвъ землею, ограничиваетъ дикую растительность только самымъ необходимымъ для дерева и сѣна, между тѣмъ какъ его трудъ награждается уже богатою жатвою. — Изъ этого пояса *зеленѣющихъ лѣтомъ лиственныхъ деревъ* мы переходимъ на каменистыя альпійскія скалы, которыми мудрая природа ограничила нѣмца съ южной стороны, но которую онъ, по своему суемудрію,

перешагнулъ, чтобы изъ чувственнаго и испорченнаго юга принести своему народу безконечное бѣдствіе и уже нѣсколько столѣтій изнуряющіе его недуги. Здѣсь являются вдругъ совершенно новыя растительныя формы; мы встрѣчаемъ здѣсь обширные лѣса лиственныхъ деревъ съ кожистыми, блестящими листьями, которые переживаютъ легкую зиму, а кругомъ могучихъ стволовъ ихъ вьются *лозы* и огнецвѣтныя *биньоніи;* здѣсь являются уже кромѣ того рощи изъ *миртовъ*, *лавровыхъ* и *фисташковыхъ* деревъ. Мѣстами попадается низменная пальма; *губоцвѣтныя* и *крестоцвѣтныя* и красиво цвѣтущія цистрозы замѣняютъ въ лѣтнее время весеннюю флору ароматическихъ *гіацинтовъ* и *нарцизовъ*; но глазъ, утомленный блескомъ вѣчно-зеленыхъ листьевъ или яркою игрою цвѣтовъ на обнаженныхъ, зубчатыхъ горныхъ хребтахъ, рѣдко наслаждается здѣсь пріятными отливами зеленыхъ луговъ. Но зато человѣкъ владѣетъ въ этомъ поясѣ *вѣчно-зеленыхъ лиственныхъ деревъ* плодами гесперидъ. Это страна, гдѣ

«Лимонныя благоухаютъ рощи,
И апельсинъ подъ тѣнью листьевъ рдѣетъ».

«Das Land, wo die Citronen blüh'n,
Im dunkeln Laub die Goldorangen glüh'n».

Но далѣе, все далѣе стремится ненасытный родъ Іафета; никакіе разсказы объ африканскихъ песчаныхъ пустыняхъ, никакія извѣстія о гибели многихъ путешественниковъ, искавшихъ источниковъ Нигера, не устрашаютъ его. На западномъ берегу Африки, на Канарскихъ островахъ, онъ ненаходитъ исполинской собаки, по имени которой, какъ говоритъ Плиній, и острова назывались собачьими; но зато флора предлагаетъ ему богатѣйшія сокровища, какія только она могла извлечь съ помощію тропическаго солнца изъ почвы, увлаженной морскими испареніями. Вокругъ *сикоморы* вьются могучіе стволы *плющей; каперсы* и *баугиніи*, перемѣшанныя съ бальзамными растеніями, составляютъ кустарники, которыя стелются на большія пространства. — Гибко и стройно высится *финиковая пальма*, какъ великанъ стоитъ *баобабъ* (*). Чудныя, подобныя кактусамъ, формы безлиственныхъ *молочаевъ*, отличающихся или ядовитымъ, или вкуснымъ сладкимъ молокомъ, выказываютъ уже особенную образовательную силу природы, а *драконово дерево* въ садахъ Оротавы на Тенерифѣ — исполинское древовидное лилейное растеніе — разсказываетъ мыслящему наблюдателю повѣсть о нѣсколькихъ тысячелѣтіяхъ.

(*) Adamsonia digitata.

Мы прошли такимъ образомъ шесть растительныхъ полосъ; постепенно возвышающаяся температура ихъ климата вызывала въ нихъ все иную, болѣе роскошную растительность, и мы кончимъ наше странствованіе тѣмъ, что, отдохнувъ немножко подъ пятитысячелѣтними драконовыми деревьями, взойдемъ на *пикъ де Тейде*. У плоской подошвы его почвою овладѣлъ человѣкъ и вытѣснилъ изъ нея первоначальную растительность. Мы всходимъ на гору черезъ виноградники и поля маиса, пока не очутимся въ тѣни *вѣчно-зеленыхъ лавровъ*. Къ нимъ примыкаютъ разные роды лаврушъ и подобныхъ имъ растеній; долго мы проходимъ чрезъ полосу *вѣчно-зеленыхъ лиственныхъ деревъ*. Но на высотѣ 4,000 футовъ, растенія, сопутствовавшія намъ доселѣ, исчезаютъ. Только небольшое количество особенныхъ растеній напоминаетъ еще быстро пройденную нами полосу *зеленѣющихъ лѣтомъ лиственныхъ деревъ*, и мы окружены смолистыми стволами канарскихъ сосенъ. *Полоса хвойныхъ* защищаетъ насъ отъ солнечныхъ лучей до высоты въ 6,000 футовъ; потомъ растительность вдругъ дѣлается низменною; низенькими рощами переходитъ она въ флору совершенно сходную съ характеромъ альпійскихъ растеній; голый утесъ полагаетъ наконецъ предѣлы для всякой органической жизни, и вершина горы только потому не покрыта снѣгомъ и льдомъ, что ея высота, въ 11,430 футовъ, по близости ея къ поворотному кругу, не достигаетъ до области вѣчнаго снѣгу. Если мы станемъ измѣрять пройденное нами пространство ступенями растительности, то восходя на эту гору, мы прошли въ нѣсколько часовъ такое же пространство, какъ отъ Шпицбергена до Канарскихъ островов, болѣе 50° широты.

На всемъ этомъ протяженіи, внизъ къ югу и вверхъ къ вершинѣ Тейде, растительность перемѣняется сообразно съ климатическими отношеніями, и замѣченное на немъ распредѣленіе растеній мы можемъ объяснить бо́льшею или ме́ньшею теплотою каждой полосы. Расширивъ кругъ своихъ изслѣдованій, мы можемъ даже указать, какіе именно роды растеній свойственны той и другой сѣверной широтѣ, и на какой именно высотѣ они обыкновенно опять появляются на горахъ низкихъ широтъ. Впрочемъ сравнительно это случается рѣдко, и мы принуждены наконецъ указывать на другія менѣе или даже совершенно неизвѣстныя намъ вліянія. Встрѣчая въ тропическихъ горахъ пространства, относительно влажности и температуры, равно какъ и относительно состава почвы, совершенно подобныя извѣстнымъ странамъ сѣверныхъ широтъ, но однакожь производящія, только по общему характеру подобную, но по родамъ и видамъ совершенно различную растительность; замѣчая, что сходство сѣверной широты съ высотою надъ поверхностію моря въ южной широтѣ,

среднимъ числомъ, простирается только до высоты въ 6,000 футовъ, мы принуждены допустить существенное вліяніе свѣта, плотности воздуха и т. д., хотя и не можемъ развить всего процесса этого вліянія.

Будущій ходъ нашей науки мы лучше всего можемъ опредѣлить, если поближе разсмотримъ ея прошедшее и замѣтимъ, какимъ образомъ, вмѣстѣ съ развитіемъ точнаго познанія физическихъ отношеній, она получала возможность объяснить множество такихъ явленій, которыя прежде составляли для нея загадку. Это ощутительнѣе всего представляется намъ въ ученіи о распредѣленіи на земномъ шарѣ теплоты. Нѣкоторые ученые, какъ напримѣръ Галлей, Эйлеръ и другіе, первоначально пытались объяснить это распредѣленіе положеніемъ земли къ солнцу,— мысль повидимому весьма вѣроятная, такъ-какъ солнце составляетъ для земли главнѣйшій, если не единственный, источникъ тепла. Но какой вопіющій контрастъ составляютъ результаты этого предположенія съ дѣйствительностію. Если распредѣленіе теплоты на земной поверхности зависитъ только отъ положенія земного шара въ отношеніи къ солнцу, то температура должна бы была уменьшаться пропорціонально возвышенію широты, однакожь на самомъ дѣлѣ это не такъ: между тѣмъ какъ русская армія во время похода въ Хиву гибла отъ холоду подъ 40° широты, на Феррейскихъ островахъ, подъ 62°, овцы остаются на подножномъ корму въ продолженіи цѣлой зимы. Эти выводы были бы согласны съ дѣйствительностію, если бы весь земной шаръ, представляя по обѣимъ сторонамъ экватора совершенныя равнины, былъ совершенно равномѣрно покрытъ такими веществами, которыя имѣли бы тождественное отношеніе къ теплотѣ и оставались бы въ совершенномъ покоѣ. Но ни одно изъ всѣхъ этихъ условій на земномъ шарѣ не осуществлено. А потому и слѣдовало обратиться къ непосредственнымъ наблюденіямъ. Найдено, что хотя дневная и годичная теплота распредѣлены на земномъ шарѣ различно, однакожь одно и тоже мѣсто каждый годъ, среднимъ числомъ, имѣетъ одну и ту же температуру. Именно, если возьмемъ изъ нѣсколькихъ дневныхъ наблюденій среднее число градусовъ теплоты и всѣ такія среднія числа для всѣхъ дней года сложимъ вмѣстѣ и изъ этой суммы опять выведемъ среднее число, то замѣтимъ, что полученныя такимъ образомъ среднія числа для разныхъ годовъ разнятся другъ отъ друга только нѣсколькими градусами. Если возьмемъ бо́льшее число годовъ, напримѣръ 20, то получимъ такое среднее число, которое отъ прошедшихъ и будущихъ 20 годовъ будетъ разниться едва ли и одною десятою градуса. — Гумбольдтъ первый напалъ на счастливую мысль, всѣ мѣста на землѣ, имѣющія, по вышеописанному способу опредѣ-

ленія, равную среднюю температуру, соединять на картѣ одною линіею (*изотермическая* или *линія равной теплоты*), и вскорѣ было замѣчено, что, несмотря на значительное уклоненіе сгибовъ этихъ линій отъ паралельныхъ круговъ, предѣлы растительности гораздо болѣе придерживаются ихъ, нежели этихъ круговъ. Но все еще множество задачъ оставались нерѣшенными. Дронтгеймъ, напримѣръ, имѣетъ равную среднюю температуру съ южною оконечностію Исландіи, а средняя температура Гебридскихъ, Оркадскихъ и Шотландскихъ островокъ выше почти 3 градусами. Несмотря на то, въ Дронтгеймѣ еще воздѣлываются плодовыя деревья и пшеница, между тѣмъ какъ въ Шотландіи воздѣлываніе пшеницы начинается только въ Инвернессѣ, а плодовыхъ деревьевъ еще нѣсколько южнѣе. Такимъ образомъ пришли наконецъ и къ той мысли, что въ кругъ этихъ изслѣдованій надо внести и распредѣленіе теплоты въ продолженіи временъ года, такъ-какъ замѣчено было, что растительность часто зависитъ отъ этого распредѣленія гораздо существеннѣе, нежели отъ средней температуры или отъ теплоты, полученной ею. — Послѣ этого, означеннымъ образомъ, опредѣлили среднюю лѣтнюю и среднюю зимнюю температуры и также соединили равныя въ этомъ отношеніи мѣста линіями: изотерами (линіи равной лѣтней температуры) и изохименами (линіи равной зимней температуры). Такимъ образомъ, въ Дронтгеймѣ, напримѣръ, средняя температура зимы — 4°,8′, между тѣмъ какъ на Феррейскихъ островахъ средняя зимняя температура въ + 3°,9′, а на Шотландскихъ островахъ въ + 4°,0; но лѣтняя средня теплота въ Дронтгеймѣ + 16°,3, а на Феррейскихъ островахъ только + 10°,0, на Шотландскихъ островахъ + 11°,9, и притомъ здѣсь не зрѣютъ ни пшеница, ни фрукты, хотя фруктовыя деревья могутъ переносить зимнюю температуру несравненно холоднѣе, нежели въ — 4°,3′. Москва, владѣющая превосходною растительностію, представляетъ среднюю зимнюю температуру въ—10°,5′. Магероэ, лежащій 15 градусами сѣвернѣе, находится уже внѣ предѣловъ всякой культуры, а между тѣмъ средняя температура его зимы въ — 5°,0, — температура, равная температурѣ Астрахани, лежащей 10 градусами южнѣе Москвы и производящей уже вино и маисъ. Но средняя теплота лѣта въ Магероэ +6°,4′, въ Москвѣ +16°,9′, а въ Астрахани +22°,0; а теплота, господствующая во время выростанія растеній, особенно и способствуетъ-то ихъ созрѣванію. Относительно однолѣтнихъ, или, правильнѣе сказать, лѣтнихъ растеній, это разумѣется само собой; а многолѣтнія бо́льшею частію впадаютъ осенью въ состояніе растительной недѣятельности, въ настоящій зимній сонъ, въ которомъ они могутъ переносить даже значительный холодъ безъ всякаго вреда.

Но всѣ эти изслѣдованія еще далеко не довели насъ до цѣли; будущему времени предлежитъ подраздѣлить среднія температуры лѣта и зимы на среднія температуры отдѣльныхъ мѣсяцовъ, потому-что полугодичные отдѣлы еще слишкомъ велики, чтобъ можно было допустить ихъ точнѣйшее сравненіе съ періодами развитія растеній. Весьма вѣроятно, что здѣсь надобно опредѣлить не только то, какую температуру получаетъ растеніе вообще въ продолженіи своего вырастанія, но и въ особенности то, какъ эта температура распредѣлена въ періоды прорастанія, вырастанія, цвѣтенія и созрѣванія плода (*). Здѣсь, какъ и вездѣ, глубокій, проницательный естествоиспытатель видитъ передъ собою безконечную работу, и только невѣжественный болтунъ думаетъ, что онъ уже узналъ кое-что, потому-что его слабый глазъ ничего не видитъ далѣе книги, изъ которой онъ кое-какъ собралъ крупицы своей мудрости.

Уже въ предъидущихъ чтеніяхъ я коснулся по-крайней-мѣрѣ главныхъ сторонъ, отъ которыхъ зависитъ жизнь растеній, и отъ различія которыхъ на земномъ шарѣ происходитъ и различіе растительности. Объяснимая сторона жизни растеній состоитъ въ образованіи органическаго вещества изъ неорганическихъ соединеній. Итакъ, растеніе зависитъ отъ свойствъ почвы въ обширномъ смыслѣ слова, отъ его питательнаго запаса, и отъ всего, что̀ только условливаетъ химическій процессъ образованія, слѣдовательно преимущественно отъ опредѣленной температуры. Коснувшись температурныхъ отношеній, я намѣренъ теперь нѣсколько ближе разсмотрѣть вліяніе почвы. Хотя обыкновенно и различаютъ очень разнородныя такъ называемыя мѣстонахожденія растеній, но различіе ихъ никогда не опредѣляютъ въ физіологическомъ отношеніи, т. е. по ихъ вліянію на жизнь растенія. Вода необходима для растенія въ двоякомъ отношеніи: во-первыхъ какъ питательное вещество, какъ вещество, котораго элементы, по-крайней-мѣрѣ одинъ, служатъ матеріяломъ для образованія частей растенія, и во-вторыхъ, какъ вещество, проводящее въ него всѣ прочія. Безъ воды растительность невозможна. Этотъ элементъ древнихъ представляется растенію въ трехъ различныхъ видахъ, и по нимъ-то прежде всего мы должны различать мѣстонахожденія растеній. Орхидеи тропическихъ лѣсовъ свѣшиваютъ свой странный корень съ вѣтви, на которой они вьются, во влажную теплую атмосферу и такимъ образомъ всасываютъ воду, которая находится въ воздухѣ, въ видѣ паровъ. Наши водяныя лиліи и собственно болотныя растенія могутъ расти не иначе, какъ

(*) Пусть читатель потрудится обратить вниманіе на статью о распредѣленіи растеній, напечатанную въ октябрской книжкѣ нашего журнала прошлаго года въ IV отдѣлѣ, стр. 30. *Прим. редакціи.*

въ капельножидкой водѣ, или по-крайней-мѣрѣ такъ, чтобы въ нее погружены были ихъ коренья. Совсѣмъ другое видимъ на бо́льшей части растеній, извлекающихъ свою пищу изъ земли, которая содержитъ влагу въ особенномъ видѣ. Къ этимъ тремъ классамъ растеній —къ воздушнымъ, водянымъ и землянымъ—прибавимъ еще третій, настоящихъ паразитовъ, которые сосутъ уже готовую пищу изъ другихъ растеній, и мы получимъ тогда главные отдѣлы мѣстонахожденій. Къ нему примыкаютъ даже подраздѣленія, основанныя уже на веществахъ, содержащихся въ водѣ и доставляемыхъ ею растеніямъ. Что въ числѣ такихъ веществъ, угольная кислота и аммоніякальныя соли должны непремѣнно находиться, чтобы растительность была возможна, это я объяснилъ уже выше. Можетъ быть, что количество каждаго изъ этихъ веществъ и ихъ взаимное отношеніе составляютъ уже различіе для растительной жизни, различіе, котораго мы еще не въ состояніи оцѣнить. Понятнѣе для насъ, въ какихъ отношеніяхъ къ растенію находятся неорганическія составныя части, растворенныя въ водѣ соли; однакожь именно въ этомъ отношеніи ученые заблуждались въ самыхъ противоположныхъ направленіяхъ.

Еще въ началѣ текущаго столѣтія нѣкоторые изъ нихъ утверждали, что растенія могутъ сами образовывать свои органическія и неорганическія составныя части, питаясь только воздухомъ и перегнанною водою. Поверхностные опыты, увѣнчанные къ тому жь невѣжественными академиками, и фантастическая болтовня вмѣсто логической строгости мышленія, доставили на нѣкоторое время этому ложному взгляду вѣсъ въ глазахъ нѣкоторыхъ изслѣдователей. Позднѣе заблужденіе приняло противополождую крайность, а именно: каждой геогностической формаціи готовы были приписать особенную флору, и эта ошибка до сихъ поръ еще сохраняется въ тѣхъ теоріяхъ сельскаго хозяйства, которыя хотятъ доброту и составъ почвы опредѣлять по растущимъ на ней растеніямъ.

Истина находится здѣсь между двумя этими крайностями. Я уже имѣлъ случай изложить, что растенія требуютъ для своего развитія весьма различныхъ неорганическихъ веществъ, и въ различномъ количествѣ. Находя въ золѣ люцерны, табаку и трилистника болѣе 60 процентовъ солей, извести и магнезіи, мы не можемъ удивляться, если не встрѣтимъ ихъ на чистомъ песчаномъ грунтѣ, который едва содержитъ слѣды извести; но несправедливо было бы сдѣлать отсюда выводъ, что настоящую почву для этихъ растеній составляютъ только раковистый известнякъ, или кейперъ, или юрскій извѣстнякъ, или другая какая-нибудь известковая порода опредѣленной формаціи. Очень легко понять, почему такое растеніе, какъ Lamina-

ria saccharina, содержащее много натра, іода и брома, можетъ расти только въ морѣ, а не въ прѣсной водѣ, гдѣ натръ находится уже въ чрезвычайно скудномъ количествѣ, а іоду и брому вовсе нѣтъ. При всемъ томъ, если станемъ разсматривать по геогностическимъ свойствамъ почву въ обширныхъ размѣрахъ, то найдемъ только весьма не много растеній, свойственныхъ извѣстнымъ составнымъ частямъ почвы, и это отношеніе опять-таки очень натурально и необходимо. Почти можно принять, что всѣ растенія содержатъ въ своей золѣ однѣ и тѣже составныя части, только въ весьма различныхъ пропорціяхъ. Поэтому, на почвѣ, состоящей чисто изъ одного какого-нибудь вещества, напримѣръ изъ извести, кремнозема, гипса, не можетъ рости ни одно растеніе. Каждая почва, способная для жизни растеній, содержитъ въ себѣ всѣ вещества необходимыя для всѣхъ растеній, только въ различныхъ пропорціяхъ, и преобладаніе, напримѣръ, кремнозема, извести, поваренной соли благопріятствуетъ соотвѣтственно вырастанію злаковъ, стручковыхъ и прибрежныхъ растеній; но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, чтобы эти растенія исключительно находились на почвѣ песчаной, на известнякахъ или по берегамъ. Въ подтвержденіе этого я считаю лучше всего указать здѣсь на растенія, содержащія углекислую известь, гипсъ и поваренную соль.

Но къ этому химическому отношенію присоединяется другое, измѣняющее его такъ, что если оно производитъ тѣже дѣйствія, какъ первое, то зависимость растенія отъ *извѣстнаго* рода этимъ еще усиливается; въ противномъ же случаѣ оно закрываетъ и сглаживаетъ связь между растеніями и химическимъ составомъ почвы. Я говорю здѣсь о сцѣпленіи между частицами почвы и о другихъ физическихъ свойствахъ ея. Такимъ образомъ, есть растенія, которыя могутъ жить только на каменныхъ неразмельченныхъ массахъ, на утесахъ, и которыя, при стеченіи прочихъ необходимыхъ условій, развиваются удобно и на стѣнахъ; напримѣръ, *стѣнница* (Asplenium Ruta muraria) — маленькое растеніе изъ семейства ягелей, получившее и имя свое по мѣстонахожденію. Другія находятся только тамъ, гдѣ вывѣтриваніе раздробило твердыя скалы на мелкіе камешки и крупный песокъ; ихъ можно назвать *мусорными* растеніями. Распространяясь около жилищъ человѣка, они въ-самомъ-дѣлѣ поселяются на мусорныхъ кучахъ, представляющихъ для нихъ тѣже условія, какъ и природныя ихъ мѣстонахожденія; наша большая крапива и бѣлена могутъ служить примѣромъ такого рода растеній. Наконецъ нѣкоторыя изъ нихъ могутъ расти только на камнѣ, растертомъ въ мелкій порошокъ, въ пескѣ или въ глинѣ, гдѣ, вслѣдствіе химическихъ вліяній, измельченіе достигло наибольшей

степени. Такъ называемая нѣмецкая сассапариль, песчаная осока представляютъ примѣръ песчаныхъ растеній; вблизи жилищъ, вообще говоря, мы не находимъ этихъ растеній, потому-что тутъ нѣтъ и сыпучихъ песковъ. Съ глиною же весьма во многихъ отношеніяхъ сходенъ такъ называемый черноземъ, черное вещество, состоящее изъ разложившихся органическихъ веществъ, перемѣшанныхъ съ минеральными веществами. Сходство глины и чернозема, въ-самомъ-дѣлѣ, весьма замѣчательно: оба содержатъ весьма много растворенныхъ солей, важныхъ для растительности; оба, обладая особенною способностію всасывать изъ атмосферы газы и водяныя испаренія, и такимъ образомъ проводить ихъ къ корнямъ растеній, обусловливаютъ каждая порознь или въ смѣшеніи самую роскошную растительность. Такимъ образомъ относительно свойствъ почвы мы получаемъ собственно три отдѣла: 1) почвы, въ составѣ которыхъ находится одно какое-нибудь землистое вещество, совершенно неспособное для поддержанія растительности; 2) почвы, состоящія изъ смѣси различныхъ землистыхъ веществъ, но не содержащія глины и чернозема; онѣ отличаются особенною, для нихъ характеристическою, но скудною растительностію; 3) наконецъ почвы обильныя глиной и черноземомъ; на нихъ мы встрѣчаемъ самую разнообразную, самую роскошную растительность. Даже на сѣверѣ богатыя содержаніемъ глины почвы, происшедшія изъ базальтовыхъ и порфировыхъ породъ, изъ постепеннаго ихъ разрушенія, отличаются большимъ развитіемъ растительности, и это бросается въ глаза даже профану, — тогда-какъ даже подъ благотворными лучами тропическаго солнца чистый кварцовый песокъ представляетъ голую пустыню, если онъ не орошается водою, которая приноситъ съ собою другія вещества.

Распредѣленіе растеній повидимому не зависящее отъ физическихъ условій.

Въ разсказахъ, которыми я началъ настоящую статью, я уже сдѣлалъ замѣчаніе, что въ Австраліи есть одинъ очень обыкновенный цвѣтокъ — *маргаритка* — общій съ Европою. Тоже растеньице находится въ сѣверной Азіи, въ нѣкоторыхъ странахъ Африки и южной Америки; и вездѣ, гдѣ только является, оно встрѣчается начиная отъ морского уровня до самой снѣжной линіи. Маленькая *чаровница альпійская*, нѣжная *линнея*, *горькосладкій пасленъ*, *спо-*

рышъ, *голубая горечавка*, *береза пигмей*, *травовидная ива* (¹) и множество другихъ растутъ какъ въ Европѣ, такъ и въ сѣверной Америкѣ. *Лойникъ обыкновенный*, *ряска мелкая* и нашъ *камышъ* (²) растутъ и въ Новой Голландіи. *Торфяной мохъ* (³) также покрываетъ болота Перу и Новой Гренады, какъ Гарцскія въ Германіи и Доврефильдскія въ Норвегіи. *Темноцвѣтная пармелія* (⁴), которою покрыты всѣ наши кирпичныя стѣны, досчатые заборы и старыя деревья, находится также и на утесахъ еще только 90-лѣтняго вулкана *Іорулло* въ Мексико. Таже негодная трава (*Setaria glauca*), которая во множествѣ растетъ на песчаной почвѣ нашихъ садовъ и полей, растетъ на подобномъ грунтѣ и во внутренности Бразиліи. Характеристическое растеніе нашихъ приморскихъ береговъ и окрестностей соленыхъ источниковъ — *руппіа* (⁵), растетъ и на сѣверонѣмецкомъ взморьи, въ Бразиліи и Остъ-Индіи. Но зачѣмъ накоплять примѣры, если уже и эти достаточно показываютъ, что наблюденія доставляютъ нѣкоторую опору тому взгляду, который допускаетъ, что каждое растеніе можетъ расти на земномъ шарѣ вездѣ, гдѣ только соединятся извѣстныя намъ условія ихъ растительности. Но при самомъ вступленіи въ эту статью я нарочно и представилъ очерченныя три сцены именно съ тою цѣлью, чтобы напередъ обратить вниманіе читателя на то, что упомянутыя явленія, кажущіяся съ перваго взгляда естественнымъ и необходимымъ слѣдствіемъ растительной организаціи, составляютъ только рѣдкое исключеніе. Уже маленькая маргаритка показываетъ нѣкоторую особенность. Ея нѣтъ въ цѣлой сѣверной Америкѣ, и въ то время, какъ мы растаптываемъ ее на нашихъ лугахъ какъ негодное растеніе, въ Америкѣ съ самою нѣжною заботливостію воспитываютъ ее въ ботаническихъ садахъ. Разсмотрѣвъ растительность различныхъ странъ, мы найдемъ, что равныя, по нашимъ нынѣшнимъ понятіямъ, условія производятъ подобныя, но никакъ не равныя растительныя формы. Растеніямъ опредѣленной сѣверной широты соотвѣтствуютъ на аналогической высотѣ южныхъ Альповъ другіе виды того же рода или другіе роды того же растительнаго семейства; или, растенія Америки замѣняются подъ равной широтой стараго свѣта другими, впрочемъ очень близкими по своему устройству къ первымъ. Даже принадлежащія къ совершенно различнымъ семействамъ, по-край-

---

(¹) Circaea alpina, Linnaea borealis, Solanum dulcamara, Poligonum aviculare, Sentiana Pneumonanhe, Betula nana, Salix herbacea.

(²) Prunella vulgaris, Lemna minor, Phragmites communis.

(³) Sphagnum palustre.

(⁴) Parmelia Subfusa.

(⁵) Ruppia Maritima.

ней-мѣрѣ по внѣшнимъ проявленіямъ, представляютъ сходные образы. Такъ напримѣръ кактусамъ Новаго Свѣта соотвѣтствуютъ въ жаркой Африкѣ безлиственные мясистые молочаи.

Если мы и предчувствуемъ, что въ разнообразіи растительныхъ условій заключается причина того, почему разнообразіе растительности и количество видовъ растеній постепенно увеличивается отъ полюсовъ къ экватору, а число вмѣстѣ растущихъ видовъ, покрывающихъ своими безчисленными особями обширныя степи, въ такой же мѣрѣ уменьшается, то все-таки мы очень далеки отъ того, чтобы дать въ этомъ явленіи наукообразный отчетъ. Для насъ представляется еще совершенно капризнымъ произволомъ то, почему, напримѣръ, одни растенія распространены на землѣ обширно, а другія принуждены ограничиться небольшимъ уголкомъ, — почему, напримѣръ, *рульфенія* растетъ только на каринтійскихъ Альпахъ,—почему нѣкоторыя семейства, напримѣръ *сложноцвѣтныя*, распредѣлены по всему земному шару, другія, напримѣръ, *перцовыя*, или *пальмы*, растутъ только подъ опредѣленными широтами, по обѣимъ сторонамъ экватора,—*протейныя* находятся только на южномъ полушаріи, а *кактусы* только на западной половинѣ земли. Также мало объяснимо и распредѣленіе цѣлыхъ семействъ. Въ то время какъ пальмы отъ экватора къ высшимъ широтамъ уменьшаются, сложноцвѣтныя достигаютъ высочайшей степени своего развитія именно только въ поясѣ средней температуры, а отсюда число ихъ видовъ уменьшается по обѣ стороны, какъ къ экватору, такъ и къ полюсамъ, между тѣмъ какъ *злаки* наконецъ, наоборотъ, отъ экватора къ полюсамъ постепенно увеличиваются.

Но тутъ мы должны обозначить еще одинъ особенный взглядъ, по которому обыкновенно объясняютъ распредѣленіе семействъ.

Осоки, напримѣръ, являются во французской флорѣ въ 134 видахъ, а въ лапландской только въ 55. Слѣдовательно, Франція абсолютно богаче видами, нежели Лапландія. Совсѣмъ другое дѣло, если разсмотримъ эти растенія относительно цѣлой растительности обѣихъ земель, и если для насъ важно знаніе характеристической черты растительныхъ областей, то мы должны удержать только именно этотъ способъ разсмотрѣнія. Франція производитъ вообще около 4,500 явнобрачныхъ, и осоки составляютъ только $1/_{27}$ этого числа; Лапландія, напротивъ того, ограничивается только 500 видовъ этого отдѣла, и осоки составляютъ въ этомъ числѣ $1/_{9}$. Слѣдовательно, въ лапландской флорѣ осоки образуютъ гораздо существеннѣйшую часть, нежели во французской; въ первой сравнительно гораздо больше видовъ, нежели въ послѣдней. Только въ этомъ смыслѣ обыкновенно разумѣютъ увеличеніе видовъ, въ опредѣленномъ направленіи.

Вслѣдствіе этого необъяснимаго для насъ способа распредѣленія растеній, по ихъ видамъ, родамъ, семействамъ, порядкамъ и классамъ, извѣстныя особенныя области земного шара характеризуются преобладаніемъ извѣстныхъ растительныхъ формъ или исключительнымъ произращеніемъ особенныхъ семействъ. Эти части земной поверхности, которыхъ насчитываютъ до 25, названы ботанико-географическими царствами, съ прибавленіемъ къ каждой изъ нихъ именъ тѣхъ ученыхъ, которые особенно прославились изслѣдованіемъ этихъ областей.

Уже выше я упомянулъ о *царствѣ камнеломокъ и мховъ*, или о *царствѣ Валленберга*, которое простирается отъ вѣчныхъ снѣговъ полюсовъ, или отъ горныхъ вершинъ, до предѣловъ древесной растительности, и отличается поэтому совершеннымъ отсутствіемъ не только деревъ, но и высшаго рода кустарниковъ. Съ нимъ граничитъ обширное *царство Линнея*, обнимающее сѣверную Европу и сѣверную Азію, до огромныхъ горныхъ цѣпей, которыя тянутся отъ Пиренеевъ до Альповъ. Лѣса хвойныхъ и такъ называемыхъ *зеленѣющихъ лѣтомъ* деревьевъ, роскошные луга и обширныя степи, а въ Азіи соляныя степи, преимущественно составляютъ особенности этой области, которая впрочемъ вся, или по-крайней-мѣрѣ европейская часть ея, слишкомъ подчинена земледѣлію, чтобы могла еще выказывать свою природную физіономію. Обширный бассейнъ, простирающійся отъ Альповъ до Атласа, и глубочайшая часть котораго наполнена Средиземнымъ моремъ, образуетъ третье царство, которое отличается богатствомъ ароматическихъ губоцвѣтныхъ, прекрасными, но скоропреходящими лилейными растеніями и смолистыми цистрозами: это *царство Декандоля;* попадающіяся кой-гдѣ *малорослыя пальмы* и *бальзамныя деревья* напоминаютъ уже здѣсь о переходѣ въ тропическія области. Въ паралель послѣднимъ двумъ царствамъ, сѣверная Америка раздѣлена на сѣверное царство, названное въ честь *Мишо* по его имени и отличающееся отъ царства Линнея особенными хвойными деревьями, дубами, грецкими орѣшниками, безчисленнымъ множествомъ *астръ* и *золотарниковъ*, и на южное, названное по имени *Порша*, и характеръ котораго отличается въ особенности деревьями съ широкими и блестящими листьями и съ большими великолѣпными цвѣтами, какъ напримѣръ тюльпановое дерево, маньолія и другія. Между царствомъ *Кемпфера*, обнимающимъ Китай и Индію, царствомъ *Валлиха*, обнимающимъ возвышенную плоскость Индіи, и между *полинезскимъ* или *царствомъ* островов — *Рейнвардта*, отличающимся своими ядовитыми деревьями и исполинскими цвѣтами, лежитъ царство *Роксбурга*, распространяющееся въ обоихъ индѣйскихъ полуостровахъ: тамъ, подъ тѣнью исполинскихъ

смоковницъ, растутъ великолѣпныя лилейныя, доставляющія пряности, какъ напримѣръ инбирь, кардамонъ и жолтый корень; тамъ небольшія рощи доставляютъ корицу и кассію, а толстые, неграціозные стволы саговой пальмы представляютъ большой запасъ крахмалу. Быстро обозрѣвъ царство *Блюме* въ горахъ Явы, царство *Шамиссо*, или архипелагъ Южнаго моря, и царство *Форстера* въ Новой Зеландіи, мы обращаемся опять къ Африкѣ, гдѣ *царство Делиля* — песчаная пустыня — на оазисахъ производитъ финики и въ нѣжнолиственныхъ акаціяхъ образуетъ множество арабской и сенегальской камеди, которую торговля доставляетъ нашимъ мануфактурамъ. Къ востоку отъ него, лежитъ страна бальзамныхъ деревъ — *царство Форскэля*, къ югу *царство Адансона*, характеристическое растеніе — котораго также увѣковѣчиваетъ имя этого знаменитаго ботаника: это исполинскіе тысячелѣтніе стволы *Adansonia digitata* (или баобаба). Скудно изслѣдованная Африка представляетъ намъ на самой южной оконечности еще одно царство — *царство Тунберга*, покрытое станеліями, деянниками, пестрыми вересками и зловонными буковыми кустарниками, но бѣдное лѣсомъ. Новоголландія и Земля Вандименова носятъ названіе своего перваго и основательнѣйшаго ботаническаго изслѣдователя — *Роберта Броуна*, а растительное богатство средней и южной Америки раздѣлено на восемь царствъ, посвященныхъ именамъ *Жакена*, *Бонплана*, *Гумбольдта*, *Руица и Павона*, *Сверца*, *Марціуса*, *Сентъ-Илера и Дюрвиля*. Изъ нихъ первое отличается странными кактусами; высоты южно-американскихъ Андовъ — царство Гумбольдта — своими хинновыми лѣсами, а царство Марціуса, во внутренности Бразиліи — богатствомъ пальмъ, множествомъ вьющихся растеній и паразитовъ.

Эти немногія черты не представляютъ намъ цѣлаго образа земной флоры, — это потребовало бы знаній Роб. Броуна и пера Гумбольдта, — но достаточно показываютъ, каково богатство, до сихъ поръ сокрытое отъ нашего взора и только отчасти сдѣлавшееся доступнымъ для насъ посредствомъ трудовъ отличнѣйшихъ изслѣдователей. Теперь я обращаюсь къ послѣднему отдѣлу моей задачи, къ

Очерку распредѣленія на землѣ важнѣйшихъ питательныхъ растеній.

Изъ всѣхъ вышеозначенныхъ царствъ нѣтъ ни одного, которое не было бы обязано доставлять въ наши ботаническіе сады нѣсколько изъ своихъ гражданъ или для украшенія нашихъ увеселительныхъ мѣстъ или на пользу науки, и если растенія, заимствованныя нами

изъ собственно тропическихъ царствъ Марціуса, Жакена, Адансона, Рейнвардта и Роксбурга, мы должны сохранять въ продолженіи зимы искуственною теплотою или даже и во время лѣта защищать ихъ отъ неблагопріятныхъ вліяній нашего климата, то изъ всѣхъ частей земного шара огромное количество , а изъ тропиковъ по-крайней-мѣрѣ горныя растенія все-таки могутъ расти у насъ и подъ открытымъ небомъ и повидимому еще болѣе доказываютъ ту мысль , что человѣкъ и въ этомъ отношеніи есть повелитель всего творенія , и что онъ , какъ бы ни распредѣлила природа растительной покровъ земного шара , имѣетъ власть измѣнять этотъ ея порядокъ , по своему вкусу и въ особенности сообразно съ своею пользою. Но на самомъ дѣлѣ это не такъ , и если мы не станемъ ограничиваться незначительными полосками ботаническихъ садовъ , а будемъ смотрѣть на разведеніе растеній въ обширныхъ размѣрахъ — а это только и имѣетъ значительность — то фактъ, положенный въ основаніе означеннаго представленія, совершенно обманчивъ. Тогда человѣкъ является безсильнымъ существомъ ; его дѣятельность въ удобреніи и обработкѣ полей представляется только незначительнымъ пособіемъ для произращенія тѣхъ культурныхъ растеній , которымъ климатическія различія назначаютъ столь же опредѣленные округи для распространенія, какъ и для дикой флоры , и которымъ благопріятныя или неблагопріятныя вліянія годичной погоды или доставляютъ роскошное развитіе, или наносятъ гибельный ударъ.

На цѣломъ земномъ шарѣ человѣкъ избралъ для своей пищи только однолѣтнія растенія, т. е. такія, вся жизнь которыхъ или по-крайней-мѣрѣ развитіе находящихся въ нихъ питательныхъ веществъ совершаются въ нѣсколько мѣсяцовъ. Онъ свободилъ себя такимъ образомъ съ одной стороны, въ странахъ полутропическихъ, отъ неблагопріятнаго вліянія сухого времени года, а съ другой, въ высшихъ широтахъ, отъ преждевременнаго холода, и упрочилъ возможность воздѣлывать растенія, которыя тамъ не устояли бы противъ лѣтней засухи, а здѣсь противъ зимняго холода. Если отдѣлить служащія болѣе для удовольствія, нежели для необходимыхъ потребностей, плодовыя деревья, то въ числѣ собственно питательныхъ растеній останутся на цѣломъ земномъ шарѣ только три древовидныхъ растенія, а именно, хлѣбное дерево, какосовая пальма и финиковое дерево; они , въ-самомъ-дѣлѣ , доставляютъ главную пищу значительному числу людей и на весьма значительномъ пространствѣ, и сдѣлались поэтому предметомъ культуры. Къ нимъ можно еще, пожалуй, причислить саговыя пальмы, которыхъ сердцевина содержитъ много крахмалу, и которыя въ Остъ-Индіи доставляютъ пищу, впрочемъ на очень ограниченномъ пространствѣ. Всѣ прочія питательныя

растенія можно раздѣлить на два класса: одни отличаются массивнымъ, обыкновенно шишкообразнымъ стволомъ, разрастающимся подъ землею; только на нѣсколько мѣсяцовъ пускаетъ онъ на поверхность земли ростки, на которыхъ развиваются цвѣты и зрѣютъ плоды, между тѣмъ какъ въ остальное время онъ какъ-будто спитъ и подъ защитой земляного покрывала презираетъ неблагопріятное дѣйствіе климата; другія, послѣ кратковременнаго періода своего прозябанія, совершенно умираютъ, и только въ сѣмени сохраняется зародышъ новой жизни, обезпечивающій возрожденіе. Къ растеніямъ перваго рода принадлежитъ, напримѣръ, картофель, заимствованный у Кордильеровъ, Чили, Перу и Мексики; а ко второму относятся почти всѣ хлѣбныя растенія.

Между культурными растеніями только одно отличается особеннымъ образомъ прозябанія,—растеніе, бывшее можетъ быть первымъ подаркомъ природы человѣку, только-что явившемуся на землѣ, и составляющее поэтому предметъ древней культуры: это бананъ (¹). Это растеніе составляетъ не только первый, но и самый драгоцѣнный даръ природы: его слабоароматическіе, сладкіе и питательные плоды доставляютъ наибольшой части обитателей жаркихъ полосъ единственную или главнѣйшую пищу. Извивающійся подъ землею корень пускаетъ изъ боковыхъ глазковъ стебель длиною въ 15—20 футовъ, состоящій только изъ навитыхъ другъ на друга листныхъ стебельковъ, на которыхъ вырастаютъ, часто въ 10 футовъ длины и въ 2 фута ширины, блестящіе, бархатистые листья; только продольное ребро листа жостко и толсто, а вся плоскость листа по обѣимъ сторонамъ такъ нѣжна, что вѣтеръ легко разрываетъ ихъ, такъ что отъ этого листъ получаетъ особенную перообразную фигуру. Между листами выдается большая кисть цвѣтовъ, изъ которыхъ, чрезъ три мѣсяца послѣ того какъ стебель вышелъ изъ земли, образуется отъ 150 до 180 зрѣлыхъ фруктовъ, по величинѣ и формѣ похожихъ на огурецъ. Вѣсъ всѣхъ этихъ фруктовъ около 70—80 фунтовъ. Пространство, на которомъ можно получить 1,000 ф. картофелю, приноситъ, въ значительно кратчайшее время, 44,000 ф. банановъ; а если взять въ расчетъ количество собственнаго питательнаго вещества, то тоже пространство, которое, будучи засѣяно пшеницею, доставляетъ питательнаго вещества на прокормленіе одного человѣка, будучи усажено бананами, доставитъ пропитанія на двадцать пять человѣкъ. Ничто такъ не бросается въ глаза заѣхавшему въ жаркій поясъ европейцу, какъ то, что около хижины, обитаемой многочисленнымъ индѣйскимъ семействомъ, находится самый

(¹) Musa sapientum.

небольшой клочокъ воздѣланной земли, совершенно достаточной для ея пропитанія.

Только впослѣдствіи времени человѣкъ познакомился съ дарами Цереры и съ ихъ обработкой. Теперь, въ-самомъ-дѣлѣ, мы не можемъ не удивляться, что наибо́льшая часть людей получаютъ главное питательное вещество только отъ немногихъ видовъ единственнаго растительнаго семейства — отъ-такъ называемыхъ хлѣбныхъ, или цереальныхъ растеній, изъ семейства злаковъ. Это семейство обнимаетъ до 4,000 видовъ, и изъ этого числа едва 20 разводятся для пищи человѣка. Хотя всѣ эти культурные злаки принадлежатъ, по своей натурѣ, къ однолѣтнимъ растеніямъ, но человѣкъ съумѣлъ изъ нѣкоторыхъ важнѣйшихъ для него видовъ получить такія разности, которыя въ холодныхъ климатахъ могутъ быть посѣяны осенью, проводятъ зиму подъ снѣжнымъ покровомъ, защищающимъ ихъ отъ мороза, и весною они уже способны къ сильной растительности, тогда-какъ для прочихъ лѣтнихъ (яровыхъ) растеній еще только изготовляется почва. Относительно посѣва можно сказать, что развитіе хлѣбныхъ растеній вообще зависитъ отъ температуры лѣта или, правильнѣе, отъ температуры того времени, въ которое совершается растительность, и если мы качертимъ на земномъ шарѣ линіи, соотвѣтствующія одинаковымъ періодамъ развитія, то эти линіи будутъ менѣе уклоняться отъ направленія изотеровъ, нежели линіи, соотвѣтствующія другимъ растительнымъ явленіямъ.

Но температурныя отношенія, подъ вліяніемъ которыхъ совершается развитіе хлѣбныхъ растеній, можно, кажется, развить еще точнѣе, нежели однимъ показаніемъ изотерическихъ линій. Въ Египтѣ, на берегахъ Нила, сѣютъ ячмень въ концѣ ноября, а жнутъ въ концѣ февраля; слѣдовательно, тамъ время растительности обнимаетъ 90 дней, съ среднею температурою въ 21°,0. Въ Тукересѣ близъ Кумбаля, подъ Экваторомъ, время посѣва на горахъ для ячменя около 1 іюня, время жатвы средина ноября, а средняя температура этого растительнаго періода, состоящаго изъ 168 дней, равна 10°,7. Въ Санта Фе де Багота считаютъ отъ посѣва до жатвы 122 дня съ среднею температурою въ 14°,7. Если теперь число дней помножимъ на число средней температуры, то получимъ для Египта 1,890, для Тукереса 1,798, для Санта Фе 1,793, слѣдовательно очень близкія между собою числа, по-крайней-мѣрѣ сколько это возможно при невѣрности въ опредѣленіи числа дней, при неточности опредѣленія средней температуры и при неизвѣстности, вездѣ ли воздѣлывается одинъ и тотъ же родъ ячменю. Подобные же результаты получаются и относительно пшеницы, кукурузы (маиса), картофеля и другихъ культурныхъ растеній. Этотъ результатъ можно выразить такъ:

для развитія каждаго культурнаго растенія необходимо извѣстное количество теплоты; а распредѣлено ли это количество на бо́льшій или на ме́ньшій періодъ времени, все равно, только бы это распредѣленіе не переходило за извѣстныя границы, потому-что гдѣ напримѣръ средняя температура ниже 8° или выше 22°, тамъ уже не созрѣваетъ ячмень. Слѣдовательно, для точнѣйшаго опредѣленія температурныхъ отношеній, при которыхъ возможно созрѣваніе извѣстнаго растенія, мы должны очертить границы, между которыми можетъ колебаться время его полнаго прозябенія и необходимое для него количество теплоты. На это замѣчательное отношеніе прежде всѣхъ обратилъ вниманіе Буссенго; къ сожалѣнію, мы еще не имѣемъ удовлетворительныхъ данныхъ о температурныхъ отношеніяхъ различныхъ странъ земного шара и потому не можемъ преслѣдовать этого плодотворнаго взгляда во всѣхъ его подробностяхъ.

Сейчасъ я представлялъ для примѣра ячмень потому, что изъ всѣхъ хлѣбныхъ растеній онъ имѣетъ наибо́льшее распространеніе и отъ самыхъ крайнихъ предѣловъ культуры въ Лапландіи воздѣлывается даже на высотахъ подъ самимъ экваторомъ. Но его важность далеко не вездѣ такъ велика, какъ на глубокомъ сѣверѣ, гдѣ наконецъ онъ составляетъ единственное хлѣбное растеніе, которое еще разводить можно. Въ томъ-то отношеніи мы и должны разсмотрѣть распространеніе и другихъ важнѣйшихъ хлѣбныхъ растеній. Уже въ Лапландіи и въ сѣверной Азіи очень скоро къ нему присоединяется *рожь*, но неблагопріятный климатъ ограничиваетъ ее только счастливыми годами, и потому ее нельзя считать настоящимъ главнымъ питательнымъ продуктомъ. Только въ Норвегіи, Швеціи, Финляндіи и Россіи составляетъ она главный хлѣбъ. Въ сѣверной Англіи и Германіи присоединяется къ ней пшеница, какъ выше къ ячменю прибавилась рожь. Въ средней Германіи, въ южной Англіи, во Франціи и въ обширной области, къ востоку, обнимающей весь бассейнъ Каспійскаго моря, пшеница составляетъ главное хлѣбное растеніе, къ которому только около бассейна Средиземнаго моря, равно какъ и во всей сѣверной Америкѣ, присоединяется кукуруза. Въ Египтѣ и въ сѣверной Индіи мѣсто кукурузы заступаетъ (рисъ) сарачинское пшено, достигающее въ свою очередь, на обоихъ индѣйскихъ полуостровахъ, въ Китаѣ, въ Японіи и на Остъ-индскомъ архипелагѣ исключительнаго господства; на западномъ же берегу Африки и рисъ и кукуруза составляютъ продукты одинаковой важности; а въ наибо́льшей части тропической Америки, съ незначительными исключеніями, кукуруза есть исключительный хлѣбъ. Потомъ, по мѣрѣ пониженія температуры, въ южной Америкѣ, Африкѣ и Австраліи, опять вступаетъ въ свои права пшеница. Изъ второстепенныхъ куль-

турныхъ растеній замѣчательны *стефъ* (1) и *токуссо* (2) въ Абиссиніи, просо (3) въ западной Африкѣ и Аравіи, также элевзина (4) и пшено (5) въ Остъ-Индіи.

Но въ питаніи человѣка нѣкоторыя другія растенія принимаютъ гораздо существеннѣйшее участіе, нежели сейчасъ названные мною злаки. Уже въ самомъ сѣверномъ поясѣ ячменя и ржи, гречиха составляетъ предметъ довольно обширной культуры. На-ряду съ вышеозначенными бананами, ямсовыя коренья (6), маньйокъ (7) и бататы (8) принимаютъ вмѣстѣ съ прочими питательными веществами, существенное участіе въ питаніи обитателей тропическихъ странъ какъ Стараго, такъ и Новаго Свѣта, а на Андахъ къ нимъ присоединяется еще особенное растеніе марькиноа (9), приносящая въ одно и тоже время и годныя для ѣды шишки и значительное количество сѣмянъ, подобныхъ гречихѣ. Нельзя также пропустить и плодовъ хлѣбнаго дерева, въ собственномъ смыслѣ этого слова: они составляютъ главнѣйшее средство пропитанія для обитателей обширной цѣпи острововъ, простирающейся отъ Остъ-Индіи черезъ все тропическое море до западныхъ береговъ Америки, и есть плодъ прекраснаго большого дерева изъ семейства крапивныхъ растеній, — дерева, названнаго за его пользу хлѣбнымъ (10). Для разнообразія, вмѣстѣ съ нимъ воздѣлываются иногда одинъ видъ аронника (11), шишки такки (12), или нѣкоторые папоротники (13), которыхъ листьвые стебельки, богатые крахмаломъ, доставляютъ вкусную пищу. Нужно ли вспоминать еще о картофелѣ, который отъ горъ Новаго Свѣта распространился по всему земному шару съ такою быстротою, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ грозитъ, даже не къ пользѣ человѣка, вытѣснить всякую другую культуру. Только одна часть въ самомъ отечествѣ его, а именно Мексика, осталась отъ него свободною; только недавно въ приморскихъ мѣстахъ стали разводить для избалованнаго вкуса европейскихъ гостей кой-какой картофель, сдѣлав-

---

(1) Poa Abyssinica.
(2) Elevsine Tocusso.
(3) Sorghum vulgare и др.
(4) Elevsine coracana et stricta.
(5) Panicum frumentaceum.
(6) Dioscorea sativa.
(7) Manihot utilissima.
(8) Batatas edulis.
(9) Chenopodium Quinoa.
(10) Atrocarpus incisa.
(11) Arum esculentum.
(12) Tacca pinnatifida.
(13) Acrostichum furcatum, Pteris esculenta и друг.

щійся, по странному извороту понятій, можно сказать ихъ отечественнымъ кушаньемъ. Да и къ чему картофель въ такой странѣ, въ которой, несмотря на тысячелѣтнюю культуру, почва до сихъ поръ такъ мало истощена, что жатва кукурузы *самъ-двѣсти* считается плохою, и нужно немного труда, чтобы въ хорошіе годы получить *самъ-шестьсотъ*?

А мы, воображающіе себя великими знатоками въ сельскомъ хозяйствѣ,—мы, которые пашемъ, удобряемъ и сѣемъ замысловатыми машинами, считаемъ уже за великое дѣло, если намъ удалось пожать какое-нибудь самъ-двѣнадцатое зерно! Да и этимъ обязаны мы не своему искусству, которому такъ желали бы все приписать. Самымъ дурнымъ образомъ засѣянная почва приноситъ во время благопріятнаго года жатву гораздо богаче, нежели наилучшая почва, при всемъ культурномъ искуствѣ, можетъ доставить во время неблагопріятнаго года. Право, только тотъ можетъ еще съ гордостью говорить о могуществѣ человѣческой дѣятельности, чей взоръ ограниченъ и нейдетъ далѣе глыбы, поднятой его плугомъ. А тотъ, чей взоръ свободно проникаетъ за предѣлы земного шара и обозрѣваетъ игру дѣйствующихъ силъ въ громадныхъ размѣрахъ, тотъ улыбается, глядя, какъ роется, ползаетъ, суетится и надрывается этотъ муравейникъ, который мы называемъ человѣчествомъ, и который, со всею своею воображаемою мудростію, не можетъ перемѣнить ни малѣйшаго дѣйствія законовъ, предписанныхъ ему природою.

О ХАРАКТЕРѢ ФИЛОСОФІИ СРЕДНИХЪ ВѢКОВЪ.

Важность значенія двухъ періодовъ исторіи философіи — древняго и новаго, признаютъ всѣ историки; но не всѣ согласны въ своихъ мнѣніяхъ о философіи среднихъ вѣковъ. Иные рѣшительно не признаютъ ея философскаго значенія и въ обозрѣніи исторіи философіи упоминаютъ о ней лишь для хронологической непрерывности, и то затѣмъ, чтобы представить ее съ самой невыгодной и мрачной стороны.

Съ другой стороны, она весьма долго не теряла своей силы и своихъ послѣдователей въ школахъ, хотя, конечно, нѣсколько измѣнялась съ успѣхами филологіи и естествознанія. И у насъ не было недостатка въ схоластикѣ, въ то время, когда посредницею между нами и Европою въ дѣлѣ просвѣщенія была Польша; въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ и у насъ она поздно уступила новому характеру образованія. Даже въ настоящее время есть приверженцы схоластическаго взгляда на жизнь вообще, хотя онъ и очищенъ нѣсколько отъ прежнихъ грубыхъ недостатковъ и не всегда имѣетъ одни побужденія и цѣли. Такимъ образомъ и разность понятій о философіи среднихъ вѣковъ, и участіе схоластики въ исторіи нашего просвѣщенія, самое отличіе новой философіи и новаго образованія отъ философіи и образованія среднихъ вѣковъ, долговременная и взаимная борьба ихъ, кончившаяся совершеннымъ паденіемъ схоластики, придаютъ особенную, живую занимательность вопросу о характерѣ философіи среднихъ вѣковъ. Оставаясь въ предѣлахъ этого вопроса, мы не будемъ излагать ея ученія или описывать ея внѣшнія, случайныя качества; цѣль наша показать основныя черты и представить

внутренній, такъ сказать, складъ философіи среднихъ вѣковъ. А этотъ внутреній складъ самъ собою покажетъ ея значеніе и относительное достоинство.

Настоящее изслѣдованіе мы раздѣлимъ на два отдѣла: очертимъ, во-первыхъ, характеръ философіи среднихъ вѣковъ, безъотносительно, въ ней самой; во-вторыхъ, укажемъ, какъ онъ отразился въ другихъ сторонахъ средневѣковой жизни.

I.

Очертаніе характера философіи какой бы то ни было эпохи требуетъ, чтобы не только указаны были всѣ ея главныя отличительныя свойства, но и соединены съ общей, основной мыслію, которая опредѣляетъ ея историческое значеніе и организуетъ ее. Говоря о философіи среднихъ вѣковъ, покажемъ поэтому сперва независимо отъ связи ея съ практическою жизнію того времени, А) общій ея характеръ, а потомъ Б) ея частныя свойства.

А.

Начавшаяся въ VI и кончившаяся въ XVI столѣтіи послѣ Р. Х., философія среднихъ вѣковъ занимаетъ среднее мѣсто между древнею философіею (греческою и греко-римскою) и философіею новыхъ временъ. Чтобы показать ея связь съ предъидущею и послѣдующею, а вмѣстѣ съ тѣмъ и опредѣлить ея историческое значеніе, мы постараемся сперва очертить характеръ философіи древней и новой, какъ живыя нити, которыми философія среднихъ вѣковъ соединяется съ философіею древняго и новаго міра.

Общій характеръ каждой эпохи философіи опредѣляется, во-первыхъ, отношеніемъ, въ какое поставляетъ себя мыслящій духъ къ бытію. Чѣмъ *сознательнѣе* и истиннѣе понимается это отношеніе, тѣмъ выше эпоха философіи, имъ опредѣляемая, и тѣмъ позднѣе она появляется. Стремленіе къ изслѣдованію самой *возможности истиннаго пониманія* не могло быть *первою* ступенью философскаго мышленія. Стремленіе къ уразумѣнію уже необходимо предполагаетъ, какъ свою посылку, непосредственное довѣріе къ согласію между мыслящимъ началомъ и существомъ вещей. На которой же изъ этихъ степеней стоитъ философія греческая? Главная отличительная черта философіи древне-классическаго міра есть именно преобладаніе непосредственнаго, безотчетнаго признанія гармоніи между мышленіемъ и его предметами. Въ древне-классической философіи

мысль разсуждаетъ о предметахъ, ее окружающихъ, но во всѣхъ ея проявленіяхъ дѣйствительность мыслимаго не доказывается, а только предполагается втайнѣ. Есть ли какое либо ручательство въ достовѣрности нашего мышленія и познанія? точно ли таково существо вещей, какимъ представляетъ его мысль? Эти и подобные имъ вопросы почти не входятъ еще въ составъ господствовавшихъ, преобладавшихъ системъ древней философіи. Всѣ выспренности ея созерцаній, всѣ ея діалектическія тонкости еще не проникнуты тѣмъ обратнымъ самоуглубленнымъ движеніемъ мышленія, въ силу котораго все знаніе было бы связано съ самопознаніемъ и отчетливымъ убѣжденіемъ *въ самой возможности познанія*. Если нѣкоторые изъ древнихъ мыслителей выступаютъ повидимому за предѣлы этого направленія, то только какъ исключеніе; на самомъ же дѣлѣ всѣ они остаются въ кругу однихъ началъ. Софисты и скептики, подвергшіе сомнѣнію всѣ прежніе критеріи познанія, повидимому даютъ уже другое направленіе философіи, отличное отъ прежняго; но и отрицательный взглядъ скептиковъ, несмотря на то, что показываетъ уже близость упадка древней философіи, не вноситъ въ нее ничего положительно-новаго. Для достиженія истины они не находятъ высшаго начала ни въ разумѣ, ни внѣ его — въ чувствѣ, въ вѣрѣ, и, послѣ своей критики, нѣкоторые изъ нихъ все-таки предоставляютъ разуму руководствоваться въ философіи прежнимъ непосредственнымъ вѣрованіемъ въ соотвѣтствіе нашего познанія съ предметами (*). Однимъ словомъ, скептики хотя и открыли, что *прежняя безотчетная увѣренность въ дѣйствительности познанія не имѣетъ основанія*, но не замѣтили, что предметы знанія могутъ послѣ такого сомнѣнія получить для насъ снова свое истинное значеніе только посредствомъ мысли и отчетливаго вниканія въ ея отношеніе къ предметамъ вѣдѣнія.

Иное направленіе представляетъ философія въ новыя времена. Чтобы выразить его лучше, обратимся къ главному источнику, которому оно обязано своимъ происхожденіемъ и всѣмъ, что есть въ немъ лучшаго. Въ то время, какъ философія неоплатоническая, какъ бы въ утѣшеніе древности, потерявшей прежній живой и непосредственный взглядъ на міръ, создала міръ мысленный, чуждый дѣйствительности, и когда въ классической Европѣ, въ Греціи и Римѣ, вкоренилось презрѣніе къ человѣчеству, на востокѣ божественное ученіе Іисуса Христа распространяло новыя моральныя представленія и мысли. Оно возвѣстило, что человѣкъ, несмотря на всю глубину его паденія, предназначенъ для служенія Богу и вѣчнаго союза съ

(*) Такъ, напримѣръ, училъ Карнеадъ.

Нимъ; что въ человѣческомъ духѣ еще не совсѣмъ истреблено его первозданное благородство, что въ немъ таится еще возможность воспитать въ себѣ любовь къ божеству и готовность повиноваться ему безпрекословно. Но какъ достигнуть этого? подъ какимъ условіемъ? Подъ условіемъ уничтоженія прежняго уваженія и довѣрія къ требованіямъ природы; подъ условіемъ внутренняго переворота въ духѣ, жившемъ ея влеченіями, которыя возвеличены были классическимъ умомъ и искусствомъ, украшены всею роскошью пластики, и много — что должны быть умѣряемы, по ученію древней мудрости (*); ни философія, ни исторія не могутъ объяснить намъ вполнѣ, какимъ образомъ, послѣ греческой философіи, мало-по-малу, распространилось ученіе Христа во всемъ классическомъ мірѣ. Мы можемъ сказать только, что направленіе, данное христіянствомъ, вошло постепенно въ естественный бытъ человѣка — внутренній и внѣшній, общественный и частный, и сообщило всѣмъ его силамъ новое божественное начало. И мы отступили бы отъ своего предмета, если бы стали распространяться здѣсь о томъ, какъ именно совершился этотъ переворотъ. Намъ должно только показать, какъ новая философія подчинялась вліянію христіянства, и какъ она выразила его въ своемъ развитіи. Такъ-какъ прежнее непосредственное отношеніе человѣка къ природѣ было прервано, а на его мѣсто выступило новое, — то и въ области философскаго мышленія всѣ предметы, къ которымъ оно обращалось, уже не воспринимались непосредственно; связь между мышленіемъ и бытіемъ указана внѣ процесса познанія, внѣ опыта и наблюденія. Прежде человѣкъ какъ бы приспособлялся къ природѣ, — теперь, на-оборотъ, все направлено къ религіозному авторитету, съ тѣмъ, чтобы чрезъ него познать истинное назначеніе вещей, и въ міръ естественный внести порядокъ религіозный. Такимъ образомъ сознаніе противоположности между преобладающимъ міросозерцаніемъ и природой и стремленіе къ ихъ примиренію составляетъ главный внутренній характеръ всей новой философіи. Это направленіе начинается со временъ Бакона и Декарта и продолжается, можно сказать, до нынѣ, только съ различными видоизмѣненіями и въ различныхъ формахъ, подъ которыми скрывается главная тема.

(*) Такъ учили, напримѣръ, Платонъ. Аристотель и вообще вся классическая древность; даже стоическое самоотверженіе требовало жизни, сообразной съ природою. Но съ какою природою должна сообразоваться человѣческая жизнь? Понимая природу въ восточномъ, въ грубомъ смыслѣ, какъ чувственность, легко дойти до самаго грубаго и безстыднаго цинизма. Но классическая древность понимала ее какъ разумное согласіе духа съ требованіями природы. Потому-то нѣтъ ничего удивительнаго, что послѣдователи двухъ противоположныхъ школъ — эпикурейской и стоической, часто сходились между собою въ жизни.

Таковъ въ общемъ видѣ характеръ философіи древней и новой.

Какой же общій характеръ выразила въ себѣ философія среднихъ вѣковъ? чѣмъ она начала рѣшеніе задачи, поставленной христіянствомъ на развалинахъ древней философіи? Выше было сказано, что христіянство отвергло и прервало стремленіе человѣческаго духа къ гармоніи его съ естествомъ, выразившееся въ греческой философіи; а вмѣстѣ съ тѣмъ прекратилась и прежняя непосредственная увѣренность его въ своей способности познать истину естественнымъ путемъ; вслѣдствіе этой перемѣны и философскому мышленію представилась новая задача возстановить свою самостоятельность и такимъ образомъ установить истинное отношеніе мышленія къ религіозному авторитету чрезъ повѣрку своихъ силъ, чрезъ изслѣдованіе себя самого и всей доступной ему области бытія. Какъ же совершился этотъ переходъ отъ авторитета къ самостоятельности? Обратимся къ дѣйствительному ходу исторіи философіи. Эта исторія показываетъ, что прекращеніе прежняго стремленія человѣческаго духа къ гармоніи съ естествомъ, и прежней непосредственной самостоятельности въ отправленіяхъ мыслящей дѣятельности, не осталось безъ инстинктивной продолжительной борьбы и колебанія. Эта-то продолжительная инстинктивная и шаткая борьба, нѣчто «среднее» между древнею и новою философіею, и выразилась въ философіи среднихъ вѣковъ; она составляетъ первый, какъ бы вступительный, періодъ новой философіи и обнаружилась не только въ философіи, но и во всей жизни среднихъ вѣковъ — на западѣ. Въ самомъ началѣ этого періода мы видимъ, что разумъ, съ первымъ шагомъ на поприщѣ систематической дѣятельности въ среднихъ вѣкахъ, послѣ паденія древней философіи, уже уклонился отъ самостоятельности. Она остановилась на одностороннемъ отрицаніи самостоятельнаго отношенія познающаго духа къ своему предмету, прежняго непосредственнаго довѣрія духа человѣческаго къ естеству. Такимъ образомъ и она вносила въ существо человѣческое только раздвоеніе и вражду.

Но объяснимъ подробнѣе и опредѣленнѣе свойство внутренняго разобщенія въ философіи среднихъ вѣковъ. Такъ-какъ съ разрушеніемъ древняго язычества и непосредственнаго взгляда его философіи на всю область знанія, мышленіе философское остановилось въ продолженіи среднихъ вѣковъ на одностороннемъ отчужденіи духа отъ всѣхъ его отношеній къ естеству, отъ всѣхъ естественныхъ предметовъ его вѣдѣнія, то философія того времени не сознавала необходимости заниматься подробнымъ изслѣдованіемъ человѣка, съ тѣмъ, чтобы въ его же внутренней жизни, въ его познавательной способности открыть и показать единственную возмо-

жность истиннаго познанія. Стало быть въ философіи среднихъ вѣковъ недоставало главнаго и существеннаго, именно : развитія истины посредствомъ возведенія нашего мышленія къ высшему, сознательному, духовному бытію, которымъ (возведеніемъ) замѣнилось бы прежнее непосредственное довѣріе въ соотвѣтствіе самостоятельнаго мышленія бытію, прежняя непосредственная гармонія духа человѣческаго и природы. Далѣе, такъ-какъ развитіе истины не возможно безъ познающаго субъекта, то, продолживъ выводъ, можемъ сказать, что философія среднихъ вѣковъ становилась внѣ психологическаго основанія своихъ изслѣдованій, внѣ сознанія, и тѣмъ лишила себя строго-сознательной, истинной опоры, а вмѣстѣ съ тѣмъ и вся умственная дѣятельность среднихъ вѣковъ лишена внутренняго строго-разумнаго единства.

Такъ, въ самомъ началѣ среднихъ вѣковъ видимъ съ одной стороны только сборники (1) различныхъ отрывочныхъ свѣдѣній, въ томъ числѣ и діалектическихъ, заимствованныхъ изъ остатковъ древняго просвѣщенія, съ другой — истины богословскія, въ скудныхъ извлеченіяхъ изъ сочиненій нѣкоторыхъ отцовъ церкви — двѣ стороны, поставленныя другъ подлѣ друга, безъ всякой разумно-основательной связи. Отъ VI или даже V до XI вѣка (до Ансельма) жизнь среднихъ вѣковъ можно уподобить хаосу, въ которомъ разнородныя стихіи будущей схоластической философіи не подчиняются еще единству опредѣленнаго направленія и назначенія. Одинъ только Іоаннъ Скоттъ Эригена представляетъ въ своемъ сочиненіи «О раздѣленіи Природы» (*de divisione naturae*) какое-то фантастическое смѣшеніе неоплатоническаго взгляда на природу и діалектическихъ понятій Аристотеля съ ученіемъ христіанскимъ (2). Въ этомъ періодѣ философіи среднихъ вѣковъ даже не встрѣчаемъ мыслителей въ соб-

---

(1) Извѣстнѣйшіе сборники, которыми ограничивалась ученость въ началѣ среднихъ вѣковъ, были: de artibus ac disciplinis liberalium litterarum Кассіодора, originum libri viginti испалійскаго епископ. Исидора, и Satyricon, sive de nuptiis philologiae et Marcurii libri duo, et de septem artibus liberalibus libri Singulares Марціана Капеллы. Должно замѣтить еще, что составители этихъ сборникомъ, по всей вѣроятности, руководствовались не древними греческими писателями (напримѣръ, Платономъ, Аристотелемъ, Евклидомъ) и римскими (Цицерономъ, Квинтилліаномъ), но такими же извлеченіями и сокращеніями позднѣйшихъ временъ ; Доната, Присціана, Фортуната и другихъ, см. Meiners hist, Vergl. d. Sitt. und Verfassungen,... Hannov. 1793 Band 2, 6. 237. Единственныя пособія для изученія философіи въ началѣ среднихъ вѣковъ были слѣдующія : εἰσαγωγή Порфирія, боэціевъ комментарій на логическія сочиненія Аристотеля, извлеченія Апулея и Кассіодора изъ этихъ сочиненій, и сочиненія : de dialectica, de categoriis приписываемыя Августину. Въ VIII вѣкѣ сдѣлался извѣстнымъ, не вездѣ впрочемъ, и органонъ Аристотеля.

(2) См. Gesch. d. Phil. v. Heinr. Ritter. VIII Th. Einleit.

ственномъ смыслѣ, за исключеніемъ І. С. Эригены. Далѣе, со временъ Ансельма (съ XI столѣтія) обработываются нѣкоторыя истины богословскія; Абеларъ пытается дать имъ смыслъ философскій и доказательства раціональныя ([1]); Петръ Ломбардъ приводитъ ихъ въ порядокъ съ возраженіями и доказательствами, заимствованными изъ разума и твореній отцовъ церкви ([2]); Аланъ (*ab insulis* или *von Lille*) тоже начертываетъ подробное изложеніе истинъ богословскихъ въ математической формѣ ([3]); Александръ Галесъ (*von Hales*) ([4]), Ѳома Аквинатъ ([5]) и послѣдователи его пишутъ свои «*summae theologiae*»; Дунсъ Скоттъ пишетъ множество сочиненій философскаго и богословскаго содержанія; номиналисты и реалисты стараются объяснить значеніе общихъ понятій; но у всѣхъ ихъ отсутствіе самостоятельности мышленія остается во всей силѣ, несмотря на всѣ ихъ покушенія прикрыть этотъ недостатокъ силою діалектики. Съ одной стороны предполагается у нихъ полный, готовый составъ истинъ христіянскихъ, съ другой — данная, готовая способность не анализировать, но только объяснять и доказывать эти понятія готовымъ авторитетомъ; съ одной стороны почерпаются предметы философіи изъ христіянскаго вѣроученія, съ другой — изъ Платона и Аристотеля; съ одной стороны реалисты стараются доказать дѣйствительность идей и понятій, съ другой — номиналисты утверждаютъ, что идеи и понятія суть только слова, неимѣющія ничего существеннаго; между тѣмъ ни одинъ изъ нихъ не касается вопроса: *на чемъ основывается самая возможность* познать природу и человѣка и ихъ существенную, истинную связь? ка́къ самая природа нашего мышленія и познанія ручается за дѣйствительность соотвѣтствія между духомъ познающимъ и тѣми предметами, которые внесены въ область философіи? Ни одинъ изъ нихъ не обращаетъ вниманія на этотъ вопросъ. Реалисты и номиналисты уже предчувствовали его важность и однако же своими отвѣтами нимало не выступаютъ изъ предѣловъ тогдашняго авторитета.

Таковъ общій характеръ философіи среднихъ вѣковъ, отличающій ее отъ философіи древней и новой.

Каковы же частныя свойства ея и въ какой они связи съ общимъ? Частныя разности въ свойствахъ философіи какого бы то

([1]) Introductio in theologiam, Edit. An. Quercet. Par 1616. Ethica Christ. s. scito te ipsum, Pezii thes. anecd nov. T. III.

([2]) Theologia Christ. senten. libri IV, Col, 1576.

([3]) De arte s. articulis orthodoxae fidei in Pezii thes. an. nov. T. I. p. 11. Opp Alani ed. Visch, Antwer. 1653.

([4]) Tennem. B. VIII, s. 467.

([5]) Th. Aquin. opp. omn. Rom. 1570, также Compendium summae theol. Thomae Aq-tis 6. tom. Romae MDCCLXV in 8°.

ни было періода происходятъ отъ тѣхъ родовъ познанія, которымъ она довѣряетъ наиболѣе, отъ предметовъ философскаго сознанія, на которые она обращаетъ преимущественное вниманіе; кромѣ того, частныя свойства философіи болѣе или менѣе отражаютъ въ себѣ отношеніе, въ какомъ она поставляетъ мышленіе къ предмету или къ бытію. Философія среднихъ вѣковъ остановилась на разобщеніи мысли и природы.

Итакъ, для опредѣленія частныхъ свойствъ философіи, нужно обратиться къ той области, изъ которой она заимствуетъ для себя содержаніе и замѣняетъ имъ тѣ предметы, ту дѣйствительность, которую обыкновенно самостоятельное мышленіе почерпаетъ въ кругѣ самого сознанія. Какая же эта область? Это область католическаго христіянства. Внося его истины въ свой кругъ, она получаетъ свой частный характеръ, не отъ самостоятельной работы ума, но отъ внѣшняго отношенія своего къ предмету заимствованному также извнѣ. Поэтому различныя направленія (напримѣръ, матеріялизмъ, спиритуализмъ, сенсуализмъ, эмпиризмъ и проч.), происходящія отъ исключительнаго преобладанія однихъ, либо другихъ предметовъ познанія, или отъ самой точки зрѣнія на эти предметы, въ философіи среднихъ вѣковъ получаютъ второстепенное значеніе, блѣдный, мало замѣтный и какой-то зыбкій оттѣнокъ. Для объясненія частныхъ свойствъ ея нужно обратить вниманіе а) на характеръ ея отношенія къ католицизму, потомъ на слѣдствія этого отношенія, обнаружившіяся б) въ ея содержаніи и формѣ и в) въ самой исторіи ея, то есть въ способѣ преемственной послѣдовательности всѣхъ произведеній философскихъ, въ продолженіи среднихъ вѣковъ.

а.

Высокая задача философіи въ отношеніи къ христіянству состояла въ стремленіи возвести мыслящій духъ человѣка къ самостоятельному самопознанію и къ гармоніи съ природой вообще. Съ другой стороны, послѣ греческо-римской цивилизаціи она должна уже отрѣшиться отъ безсознательнаго, безотчетнаго довѣрія духа къ природѣ, преобладавшаго въ философіи древне-классической, и дать обратное направленіе познавательнымъ силамъ человѣка къ самопознанію, къ духу, чтобы сперва оправдать свое сознаніе предъ самимъ собой и потомъ уже въ этомъ свѣтѣ созерцать всѣ предметы, подлежащіе нашему вѣдѣнію, и пробудить въ усыпленномъ духѣ сочувствіе къ неопровержимымъ законамъ природы. Въ этомъ стремленіи къ разумному убѣжденію въ величіи законовъ природы и необходи-

мости ихъ для жизни нашего духа философія должна имѣть въ виду два требованія, отъ выполненія которыхъ зависитъ ея достоинство и законное развитіе. Какъ наука, утверждающаяся на извѣстныхъ началахъ, она должна удерживать свою неограниченную самостоятельность, т. е. *указывать въ самомъ духѣ человѣка способъ и средства къ познанію истины*; въ противномъ случаѣ, она не удовлетворяетъ своему назначенію и на мѣсто правильнаго, разумнаго усвоенія истины откроетъ доступъ или *произвольнымъ мечтаніямъ*, или *одному рабскому, механическому принятію буквы*. Но не всѣ истины доступны нашему познанію. Духъ нашъ, какъ ограниченный, не можетъ разомъ постигнуть всего бытія и его законовъ. Послѣднее обстоятельство особенно должна помнить всякая философія, потомучто въ стремленіи къ самостоятельному уразумѣнію верховной истины всякаго знанія и бытія всего легче забыть границы изслѣдованія.

Спрашивается теперь: выполнила ли философія среднихъ вѣковъ эти два условія, вступивъ въ такое близкое отношеніе къ западноримскому вѣроученію, заимствуя у него содержаніе? Отвѣчаемъ: нѣтъ; она страннымъ образомъ впала въ двѣ противоположныя крайности, равно нарушившія и ея значеніе и удалившія ее отъ познаній верховныхъ истинъ, т. е. основныхъ законовъ природы.

И *во-первыхъ*, она потеряла значеніе отдѣльной, независимой науки. Ограничивъ дѣятельность силы мыслящей только пріемлемостію, она тѣмъ самымъ извратила истинное отношеніе духа къ своему предмету и стала чѣмъ-то безпредметнымъ, страдательнымъ. Съ этимъ характеромъ страдательности она осталась во все продолженіе среднихъ вѣковъ *до самого возобновленія подлинныхъ ученій древнихъ греческихъ мыслителей на западѣ*. Разница въ этомъ отношеніи между состояніемъ философіи до XII вѣка и состояніемъ ея въ послѣдующіе три вѣка та, что хотя въ первомъ періодѣ она и не имѣетъ самостоятельности, а составляетъ нѣчто только вспомогательное вѣроученію, ее не употребляли однакожь еще исключительно, какъ служебное орудіе для предметовъ, заимствованныхъ изъ области вѣроученія; во второмъ въ умахъ и произведеніяхъ бо́льшей части мыслителей она рѣшительно склоняется къ занятію предметами вѣры. Въ первомъ періодѣ какъ бы вырабатывалось и приготовлялось въ умахъ то, что́ совершенно осуществилось впослѣдствіи, у теологовъ-формалистовъ (*). Такъ въ теченіи первой, бо́льшей половины среднихъ вѣковъ (т. е. до XI вѣка, или до времени Ансельма) мы почти не встрѣчаемъ мыслителей; умственная дѣятельность еще въ усыпленіи; весь кругъ философіи ограничивается только діалекти-

(*) Первый изъ такихъ теологовъ-формалистовъ былъ Петръ Ломбардъ. Ум. 1164 г.

кою въ энциклопедическихъ сборникахъ и потомъ чтеніемъ и изъясненіемъ органона аристотелева. Она не имѣетъ ни вида науки, ни научнаго приложенія къ предметамъ богословскимъ, но употребляется только какъ пособіе, наравнѣ съ другими вспомогательными, отрывочными свѣдѣніями. Одинъ Эригена представляетъ въ своемъ сочиненіи «о раздѣленіи природы» (1) опытъ философствованія, отличный отъ діалектики своихъ современниковъ; но у него свое особенное понятіе о слитномъ, безотчетномъ единствѣ философіи съ религіею, въ силу котораго первая хотя и не получила еще значенія формальнаго орудія для положительнаго вѣроученія, но зато не имѣетъ и характера самобытной науки, вступающей въ отчетливое отношеніе къ нему, теряется въ немъ, какъ дополнительная часть его (2). Во второй половинѣ уже ясно высказывается совершенное паденіе самостоятельности философіи. Ансельмъ, которымъ открывается непрерывный рядъ мыслителей среднихъ вѣковъ, говоритъ уже ясно, что назначеніе философіи состоитъ въ уясненіи предметовъ вѣры (3). Абеларъ въ своемъ введеніи въ богословіе и христіянскомъ нравоученіи тоже дѣлаетъ приложеніе философіи къ богословію. Правда, въ приложеніи философіи къ понятіямъ вѣроученія у Абелара гораздо болѣе смѣлости и философскаго духа, нежели у Ансельма, но этотъ духъ не могъ произвесть переворота въ общемъ направленіи философіи. Оставляя философію какъ науку въ прежнемъ неопредѣленномъ, подчиненномъ значеніи, Абеларъ наносилъ однакожь ущербъ католицизму неологическимъ изъясненіемъ его понятій. Что̀ касается до сочиненія «*pro*» и «*contra*» (4), то въ немъ Абеларъ тоже представляетъ опытъ діалектическаго приложенія философіи къ вѣроученію. Наконецъ то̀, къ чему философія среднихъ вѣковъ стремилась до Абелара, что̀ выполняемо было по частямъ, Петръ Ломбардъ осуществляетъ въ своихъ «книгахъ мнѣній» (5), или въ полномъ сборникѣ предметовъ западнаго вѣроученія, съ противополож-

---

(1) De divisione natuare lib. v. ed Thom, Gale. Oxf. 1681.

(2) Non aliam esse philosophiam, aliudve sapientiae studium, aliamve religionem; Quid est de philosophia tractare, nisi vero religionis, qua summa et principalis omnium rerum causa, Deus, et humiliter colitur et rationabiliter investigatur, regulas exponere? Conficitur inde veram esse philosophiam veram religonem, conversimque veram religionem esse veram philosophiam et cœt. De divina praedest. in Manguin. vett. auctt. opp. et frag. par. 1650. t. I.

(3) См. Anselmi epistola XLI, t. II. (Tennem. Band. VIII. abth. 1. 5. 159—160). Также въ сочиненіи Ансельма: cur Deus homo: 1. 2.

(4) Этимъ сочиненіемъ Абеларъ подалъ поводъ къ злоупотребленію діалектики впослѣдствіи времени.

(5) Theologiae christianae sententiarum libri IV Col. 1576.

ными о нихъ сужденіями, бывшими въ ходу въ его время (1). Въ немъ все значеніе философіи, подъ вліяніемъ органона аристотелева (2), ограниченной логическимъ развитіемъ, заключается въ формѣ, т. е. въ распорядкѣ понятій вѣроученія и въ примиреніи различныхъ его противорѣчій. Послѣ Петра Ломбарда, его «книги мнѣній» сдѣлались почти кодексомъ для мыслителей средневѣковаго періода. Каждый изъ нихъ начиналъ обыкновенно свое ученое поприще комментаріемъ «*in Magistrum sententiarum*». У извѣстнѣйшихъ схоластиковъ послѣдующихъ временъ, какъ-то: у Александра Галесскаго, Алберта, Ѳомы Аквината, Дунса Скотта, философія все еще поставляетъ для себя главную цѣль въ стройномъ изложеніи и доказываніи положительныхъ понятій вѣроученія, хотя она и обогатилась нѣкоторыми новыми частями отъ знакомства съ метафизическими и физическими книгами Аристотеля посредствомъ арабскихъ комментаторовъ (3). Если схоластическіе мыслители этого времени и занимаются изслѣдованіемъ чисто-философскихъ вопросовъ, напримѣръ, о познаніи, о значеніи общихъ понятій, о душѣ человѣка и тому подобныхъ, то это изслѣдованіе ихъ не отдѣлено отъ положительныхъ истинъ богословскихъ и не втекаетъ, какъ часть, въ цѣльную науку философіи независимо отъ богословія.

Этому ограниченному понятію объ отношеніи философіи къ богословію ни мало не противорѣчатъ рѣзкія мысли, встрѣчающіяся у нѣкоторыхъ мыслителей среднихъ вѣковъ, напримѣръ у Амальрика, Давида динанткскаго (4), Симона *de Tornaco* (5), даже у Абелара (6), Дунса Скотта (7) и вообще въ діалектическихъ спорахъ схоластиковъ, доходившихъ часто до совершеннаго вольнодумства. Они столь же мало доказываютъ само-

---

(1) Приводя эти противоположныя сужденія, Петръ Ломбардъ обыкновенно такъ начинаетъ: quæri solet.

(2) Метафизическія и физическія сочиненія Аристотеля почти вовсе не были еще извѣстны.

(3) Мы не касаемся философіи арабской, потому-что она не составляетъ самостоятельнаго звѣна въ исторіи философіи, но только дополнительную часть, эпизодъ философіи среднихъ вѣковъ.

(4) Амальрикъ и Давидъ Динант. извѣстны своимъ пантеистическимъ ученіемъ.

(5) Et post determinationem accesserunt quidam ipsius familiariores et ad dicendum avidiores, postulantes a magistro.... Quibus ipse elatus.... sibi ait, oculis sublevatiis: o Iesule, Iesule, quantum in hac quaestione confirmavi legem tuam et exaltavi. Profecto si malignando et adversando vellem, fortioribus argumentis scirem illam infirmare et deprimendo improbare. Bruc. T. III, p. 829. Tennem. VIII. 314.

(6) Напр. въ его ученіи о Пресвятой Троицѣ.

(7) Напр. въ ученіи о безсмертіи души. См. Ausz. aus des Joh. E. Sc. comment. in mag. sent. Rixn. Gesch. d. Ph. T. II, pag. 73–80.

бытность философіи въ качествахъ отдѣльной науки, съ собственными началами и цѣлію, съ собственнымъ кругомъ предметовъ, сколько частыя возмущенія и буйства въ деспотическихъ государствахъ востока доказываютъ правильное сознаніе нравственной личности человѣка. Даже наоборотъ, подобные произволы въ мысляхъ и поступкахъ иногда скорѣе могутъ вести къ заключенію противоположному. Какъ здѣсь они показываютъ именно, что общественныя формы востока противны нравственной личности человѣка, и, какъ дѣло произвола, вызываютъ насильственный антагонизмъ другого подобнаго же произвола, такъ и въ философіи они даютъ только поводъ думать, что мышленіе философствующее не получило еще въ общемъ сознаніи правильной, научной самостоятельности и обнаруживалось только какъ индивидуальный, исключительный порывъ самостоятельности, или судорожными явленіями вольнодумства, или другими, правильными, но отрывочными мыслями, высказываемыми помимо дѣйствительнаго состоянія науки, какъ зерно будущаго, какъ гаданіе о томъ, что́ и какъ должно быть.

Несмотря на это неопредѣленное, зыблющееся отношеніе философіи къ богословію, было бы большою несправедливостію ставить въ упрекъ цѣлой эпохѣ подобную незрѣлость философскаго сознанія. Какъ наука, философія среднихъ вѣковъ, конечно, не можетъ сравниться съ новою философіею; но когда возьмемъ во вниманіе ея время и мѣсто, то легко извинить ея страдальческое положеніе. Какъ въ каждомъ человѣкѣ, такъ и въ жизни цѣлыхъ народовъ, есть пора воспитанія и пора самостоятельной дѣятельности. Какъ въ каждомъ человѣкѣ въ тѣ минуты, когда онъ принимаетъ какія-нибудь впечатлѣнія, самостоятельная дѣятельность его духа умолкаетъ и только устремляется къ нимъ, такъ и въ періодѣ философіи среднихъ вѣковъ мыслящая дѣятельность человѣка какъ бы не довѣряетъ еще своимъ естественнымъ силамъ и направляется преимущественно къ принятію чужихъ увѣреній.

Но при этомъ неопредѣленномъ, подавленномъ состояніи философіи среднихъ вѣковъ, таилось и другое стремленіе, именно: стремленіе разума къ самостоятельной переоцѣнкѣ религіозныхъ преданій, — совершенно обратное въ сравненіи съ тою цѣлію, какую можно бы предполагать и какую точно многіе предполагали въ то время, отказывая философіи въ самостоятельности. Говоримъ: таилось; потому-что въ началѣ среднихъ вѣковъ разсудочная дѣятельность была слишкомъ слаба, да и послѣ не вдругъ могла дойти до той степени, на которой разсудокъ обнаруживаетъ уже свое противорѣчіе традиціоннымъ представленіемъ. Когда содержаніе философіи разъ ограничено было предметами данными изъ другой области,

какъ данными, то и отношеніе къ нимъ мыслящаго духа могло выразиться только формальною дѣятельностію разсудка. Между тѣмъ формальная, разсудочная дѣятельность, приспособленная, по своей природѣ, только къ міру явленій, ни въ распорядкѣ, ни въ доказываніи религіозныхъ представленій не беретъ во вниманіе внутренняго ихъ отношенія къ нашему духу, а разсматриваетъ ихъ постоянно какъ что-то внѣшнее. Вотъ почему всѣ даже истинныя представленія католицизма въ компендіяхъ многихъ схоластиковъ потеряли свою силу, потому-что внутренняя, полная истина пріобрѣтается сознаніемъ только тогда, когда обѣ стороны — и пріемлющая пріемлемая — входятъ не въ формальное, а внутреннее, живое соотношеніе. Читая безконечныя опредѣленія, раздѣленія и подраздѣленія схоластическія, безпрестанныя ограниченія понятій и агрументы «*pro* и *contra*» [1], въ заключеніи находимъ въ нихъ только бездушный, безжизненный скелетъ [2]. Здѣсь-то, можно сказать, заключается смѣшная и жалкая сторона схоластики: — смѣшная, когда обратимъ вниманіе на то, съ какимъ жаромъ схоластики проводили цѣлые дни безъ пищи въ спорахъ о какой-нибудь *quidditas* и *haecceitas;* жалкая, когда вспомнимъ, что въ этомъ рубищѣ діалектическихъ споровъ и хитросплетеній схоластики воображали истину. Не удивительно послѣ того, что для успокоенія духа, встревоженнаго формальнымъ, поверхностнымъ анализомъ разсудка, многіе переходили въ другую крайность — въ неумѣренную мистику, какъ единственное противорѣчіе ученому недугу времени.

Первымъ, прямымъ поводомъ къ этому одностороннему, исключительному употребленію діалектики можно признать сочиненіе Абелара: «*sic et non*»; даже въ его введеніи въ богословіе и въ самомъ спорѣ съ Вильгельмомъ Шампо замѣтна уже страсть къ тонкостямъ діалектическимъ. Но эта страсть во время Абелара по-крайней-мѣрѣ не имѣла еще простора, пока, по системѣ обученія, основательное изученіе латинскаго языка, чтеніе и изъясненіе священнаго писанія и нѣкоторыхъ отцовъ церкви было необходимымъ условіемъ, безъ

---

(1) У Дунса Скотта напр. изложеніе каждой почти истины сопровождалось длиннымъ рядомъ distinctionum, quaestionum, problematum, solutionum, argumentorum pro et contra.

(2) Подобное безжизненное изложеніе истинъ вѣры встрѣчается у многихъ, нерѣдко даже у самыхъ глубокомысленныхъ схоластиковъ. Boulay T. II, p 645. Sed rogo, quid stultius, quidve irrationabilius.... quam ea, quae secundum rationem excellunt omnem rationem et exuperant omnem sensum.... humanis velle sensibus et rationibus comprehendere, loqui, definire? . Gregorius Papa in moralibus: Et tu scholasticus audes, inquit, ipsum verbum Deum carnem factum ponere sub tuis ineptis argumentis, regulisque Aristotelis posse definiri sacramentum, quod volucres etiam cæli latet?

котораго никто не могъ быть допущенъ къ собственнымъ чтеніямъ. Абеларъ требовалъ знанія даже языковъ греческаго и еврейскаго (1). Послѣ Абелара система ученія и возведенія въ званіе «*doctoris emeriti*» значительно измѣнилась. На чтеніе и объясненіе св. писанія, ограниченное и прежде недостаткомъ манускриптовъ и особенными правилами, принятыми римскою іерархіею, теперь еще менѣе обращали вниманія. Предметы первоначальнаго преподаванія — граматику, реторику и діалектику, проходили поспѣшно и поверхностно. Потому общимъ желаніемъ было имѣть такой сборникъ, въ которомъ совмѣщались бы всѣ предметы философіи и богословія того времени, со всѣми тонкостями возраженій и опроверженій, бывшихъ въ ходу. Этому желанію удовлетворилъ Петръ Ломбардъ своими «*libri sententiarum*» (2). Съ того времени односторонняя дѣятельность разсудка постоянно возрастала у всѣхъ мыслителей среднихъ вѣковъ, пока наконецъ послѣ Дунса Скотта (3) превратилась въ совершенную болѣзнь, манію разсудка; но въ тоже время она довела многихъ съ одной стороны до самаго грубаго, чувственнаго представленія, а съ другой до отрицанія религіозныхъ предметовъ. Въ такомъ видѣ она является въ сочиненіяхъ Франца Майронскаго, Пасхазія Радберта, Петра испанскаго (Іоанна 21), Свиссета и друг. Только съ односторонней дѣятельности средневѣковаго разсудка, омраченнаго религіознымъ авторитетомъ католицизма, можно объяснить эти грубыя, чувственныя подробности въ понятіяхъ схоластиковъ о сверхчувственныхъ предметахъ вѣры. Такъ, напримѣръ, нѣкоторые изъ нихъ спрашивали: можетъ ли дитя, рожденное съ двумя головами, получать два имени въ крещеніи? (4). Не приводимъ здѣсь такихъ вопросовъ схоластической діалектики, которые могли бы оскорбить образованный вкусъ и религіозное чувство читателя, а ими были наполнены цѣлые трактаты у многихъ схоластиковъ, даже у тѣхъ, которые въ другихъ отношеніяхъ превосходили своихъ современниковъ силою ума или обширною ученостію (5).

---

(1) Mein. hist. Vergl.... 3, B. 9, Abschl. 4, Abs.

(2) Тамъ же. См. еще Franc. Buddei Isagoge Lips. MDCCXXX, pag 325.

(3) Д. Скоттъ р 1275 ум. 1308 г.

(4) См. Histoire litter. XVI, стр. 64. Такъ же Tennem. Band. VIII Abth. 1, S. 61. Cramer Fortsez. v Bossuet Th. V. 1, 3. S. 88. Meiners.... 2, B. 9, Abschn. 3, Absatz.

(5) Напр. Петръ Ломбардъ, Юліанъ, архіепископъ толедскій, Пасхазій Радбертъ, Петръ испанскій, Свиссетъ. Буле въ своей Ист. Париж. Унив. (T. II, p. 633) дѣлаетъ слѣдующее извлеченіе изъ письма Фульберта епископа шартрскаго... in his tribus (sacramentis) multi nimis *carnaliter* intuentes.... nec rerum veritatem, nec sacramentorum virtutem percipiunt.... dum fieri nolunt discipuli veritatis, magistri fiunt erroris.

Съ другой стороны эта крайность вела за собою другую. Стремленіе рѣшить и опредѣлить, во что бы то ни стало, всѣ истины духовныя по формамъ разсудка, могло наконецъ ввести, какъ и точно довело многихъ до сомнѣнія, а потомъ и до отрицанія. Примѣровъ тому встрѣчается весьма много, особенно съ того времени, когда усилилось знакомство съ сочиненіями Аристотеля и арабскихъ философовъ (1). Нѣкоторые изъ схоластиковъ уже говорили во всеуслышаніе, что они съ равною силою могутъ все доказывать и отрицать (2). Такъ-какъ схоластика процвѣтала особенно въ Парижѣ, то не безъ основанія можно думать, что въ ея исключительно-разсудочномъ направленіи была первая отдаленная причина, или, правильнѣе сказать, начало той системы познанія природы и человѣка, которая проявилась съ такою силою во Франціи, въ XVIII столѣтіи (3).

Б.

Философія среднихъ вѣковъ разсматриваемая независимо отъ богословія, только какъ система понятій или наука, тоже представляетъ особенный характеръ, отличающій ее отъ философіи другихъ эпохъ; именно: она не имѣетъ ни дѣйствительнаго содержанія, ни правильной, соотвѣтственной философскому изслѣдованію, формы или метода.

Объятый со всѣхъ сторонъ безконечною цѣпью явленій, духъ нашъ хочетъ познать въ цѣпи относительныхъ причинъ и дѣйствій безусловное начало вещей, въ безпредѣльной смѣнѣ явленій неизмѣнные, вѣчные ихъ законы. Стало быть, какъ выраженіе этого стремленія, философія и должна быть столько же самостоятельнымъ познаніемъ безусловной причины всего сущаго, сколько и развитіемъ самопознанія, разумности и чувства въ самомъ человѣкѣ. Одно необходимо предполагается другимъ. На внутренней зависимости этихъ двухъ сторонъ въ содержаніи философскаго познанія основывается его жизнь и непреодолимое дѣйствіе на нашу душу; потому-что разумная жизнь и есть собственно отраженіе познанной нами истины — отраженіе въ нашемъ недѣлимомъ состояніи — въ чувствѣ, въ волѣ и т. д.

---

(1) Bulaeus Tom. III, p 48.

(2) Наприм. Sinod de Tornaco, Petrus Pitaviensis, Gilbertus Porretanus. См. Brucker, Hift. crit. phiæ, Lips. MDCCXLIII, Tom. III, pag. 829 и 881.

(3) Nec aliter intelligi potest infandus atheorum numerus, quem in Gallia ad sexaginta millia, et in una Lutetia ad quinquaginta millia exsurgere scripsit Marinus Mersennus... Тамъ же, стр. 882.

Далѣе, какъ плодъ и выраженіе сознательнаго стремленія къ познанію наукообразному, философія должна соблюдать извѣстные законы и постепенность въ развитіи своего предмета, такъ-что между предметомъ и формою въ философіи должна быть внутренняя, существенная зависимость. Чѣмъ тѣснѣе форма или методъ изложенія соединяется съ свойствомъ излагаемаго предмета, тѣмъ болѣе она имѣетъ въ себѣ жизни, тѣмъ далѣе она отъ *праздной игры* понятіями, чуждыми предмету. Въ такомъ только видѣ философія, какъ наука, соотвѣтствуетъ своему значенію.

Разсматривая съ этой стороны философію среднихъ вѣковъ, легко можно видѣть, что она и въ своемъ внутреннемъ составѣ содержанія и формы представляетъ механическое смѣшеніе, господствующее въ общемъ духѣ средневѣковаго мышленія. Лишившись непосредственнаго безотчетнаго, но все-таки самостоятельнаго мышленія, свойственнаго древней философіи, она не только не устанавливаетъ своего содержанія сознательно, чрезъ наблюденіе самого духа и его отношенія къ природѣ, но даже заимствуетъ его, какъ мы видѣли, изъ другой области, какъ данное. Отсюда всѣ предметы ея не имѣютъ научной, отчетливой связи ни съ природою внѣшнею, ни съ жизнію нашего духа. Читая произведенія мыслителей среднихъ вѣковъ, совсѣмъ не видимъ, почему именно то, а не что-либо другое, и въ такомъ именно объемѣ и видѣ, вошло въ кругъ ихъ философскаго изслѣдованія? Самосознаніе, какъ живое средоточіе нашей внутренней и внѣшней жизни, какъ первый исходный пунктъ въ развитіи предметовъ философіи и вмѣстѣ первая порука ихъ права на мѣсто въ философіи, оставалось еще какъ бы въ тѣни; оно дѣйствовало только въ качествѣ машинальной силы, равнодушной къ самой себѣ, къ сознанію своихъ правъ; а при такомъ значеніи сознанія въ философіи, связь между нашимъ духомъ и предметами для науки прервана. Они могутъ имѣть все достоинство истины; только посредницею между этою истиною и нами служитъ не философія средневѣковая, не мышленіе, а какое-то слѣпое воспріятіе представленій извнѣ; а философія, какъ наука, не можетъ развивать истины, не оправдавъ ее напередъ въ самосознаніи и не связавъ ее съ правами мышленія вообще. Въ этой-то отдѣльности предмета философіи среднихъ вѣковъ отъ естественной полноты и жизни сознанія заключается безцвѣтность ея содержанія и причина того сомнѣнія, съ какимъ до сихъ поръ смотрятъ на ея философское значеніе. Съ такимъ характеромъ она оставалась во все время своего существованія. Такъ въ началѣ, до временъ Петра Ломбарда, она, какъ мы видѣли, состояла только въ повтореніи и толкованіи скудныхъ остатковъ древней діалектики, въ изъясненіи органона аристотелева и нѣкоторыхъ идей

Платона, также въ приложеніи ихъ къ нѣкоторымъ отдѣльнымъ предметамъ вѣроученія (¹), пока Петръ Ломбардъ не представилъ полной системы, или, лучше сказать, сборника предметовъ богословскихъ съ возраженіями и опроверженіями изъ священнаго писанія и нѣкоторыхъ отцовъ церкви. Можно указать на нѣкоторые глубокомысленные трактаты Ансельма, на нѣкоторыя сочиненія Абелара, какъ на исключеніе; но, несмотря на всю свою важность по времени, они не произвели никакой перемѣны въ философіи въ этомъ отношеніи и сами по себѣ, какъ трактаты, не составляютъ науки. Потомъ, когда ознакомились съ прочими твореніями Аристотеля, философія расширилась въ объемѣ, и къ діалектико-схоластической теологіи присоединилась еще такая же метафизика. Къ этой послѣдней относилось обыкновенно ученіе о Богѣ, мірѣ, человѣкѣ и прочія понятія онтологическія. Оно заимствовалось преимущественно изъ положительнаго богословія; потому-то схоластики и здѣсь говорили о тѣхъ предметахъ, которые относятся только къ откровенію, напримѣръ о воскресеніи, о послѣднемъ судѣ, о пресвятой Троицѣ и тому подобномъ. Кромѣ того была и другая сторона въ ихъ метафизикѣ: это метафизическія понятія, заимствованныя у Аристотеля, которыя хотѣли они примирить съ ученіемъ священнаго писанія и составить изъ того и другого одно цѣлое. *Средствомъ къ тому были аристотелевы же сочиненія* по предмету логики. Къ этой категоріи мыслителей, пытавшихся внести въ раму аристотелевой философіи христіянское вѣроученіе, относятся всѣ извѣстнѣйшіе представители схоластики послѣ Петра Ломбарда, какъ-то: Аланъ Риссель, Александръ Галесъ, Альбертъ, Ѳома Аквинатъ, Дунсъ-Скотъ и ихъ послѣдователи. Безспорно, что въ ихъ трактатахъ есть мысли глубокія, замѣтна рѣдкая сила анализа; но при всемъ томъ ихъ философія есть принужденное, насильственное, натянутое соединеніе представленій вѣры съ формами и понятіями аристотелевой философіи, пестрая смѣсь естественныхъ предметовъ съ сверхъестественными. Тѣ и другіе въ ней не разграничены, потому-что въ самой философіи сред-

(¹) Хотя есть слѣды, что и до второй половины XII вѣка были извѣстны на западѣ, кромѣ органона, если не полныя метафизическія и физическія сочиненія аристотелевы, то по-крайней-мѣрѣ нѣкоторые отрывки изъ нихъ, напр. I. Ск. Эригенѣ, Іоанну Салисбурійскому, Абелару; однако въ общую извѣстность эти сочиненія стали приходить уже во второй половинѣ XII столѣтія, именно со временъ Алана (ab insulis, von Ryssel). Употребленіе философіи въ отдѣльныхъ трактатахъ о разныхъ предметахъ западно-римскаго богословія находимъ у I. Ск. Эригены (de praedestinatione), у Ансельма (Monologium seu exemplum meditandi de ratione, proslogium seu fides quaerens intellectum, Cur Deus homo?), у Абелара (Introductio in theologiam Cristianam, Scito te ipsum. Tractatus de hearesibus и проч.) и у другихъ схоластиковъ, менѣе замѣчательныхъ.

нихъ вѣковъ, отъ начала до конца ея существованія, нѣтъ содержанія самостоятельнаго, устанавливаемаго чрезъ анализъ составныхъ элементовъ сознанія и жизни вообще. Къ такому же заключенію ведетъ и споръ номиналистовъ и реалистовъ объ универсаліяхъ, или о значеніи идей и общихъ понятій. Главный недостатокъ этого спора заключается въ томъ, что схоластики смотрятъ на универсаліи (общія понятія) только какъ на внѣшнія сущности, теряя изъ виду то, что вопросъ о такъ называемыхъ ими универсаліяхъ до тѣхъ поръ не можетъ быть рѣшенъ, пока не обращено будетъ вниманія на связь всего содержанія философіи съ сознаніемъ и на тотъ процессъ мышленія, которымъ устанавливается это содержаніе.

Отсюда вытекаетъ та особенность философіи среднихъ вѣковъ, что она ограничивается только діалектикою и метафизикою, по-крайней-мѣрѣ ими преимущественно занимается; между тѣмъ какъ на опытное изслѣдованіе души, на антропологію, на ученіе о правѣ, о нравственности, на исторію философіи, гдѣ выражается жизнь и ходъ мышленія, представители ея не обращаютъ почти никакого вниманія (1). Отсюда же — отъ недостатка самонаблюденія, самосознанія въ развитіи предметовъ философіи, происходитъ и недостатокъ систематическаго стройнаго развитія всей области философіи у средневѣковыхъ мыслителей, несмотря на исключительное ихъ пристрастіе къ діалектикѣ. Это ведетъ насъ къ разсмотрѣнію характера философіи среднихъ вѣковъ, въ отдѣльности отъ богословія, со стороны формы или метода.

Методъ, или способъ послѣдовательнаго изложенія извѣстнаго предмета не есть что-нибудь внѣшнее по отношенію къ матеріи или содержанію философіи, что́ можно измѣнять такъ или иначе по произволу. Въ наукѣ, подобно какъ и въ искусствѣ, форма должна опредѣляться содержаніемъ. Разность между формою и отношеніемъ ея къ содержанію въ искусствѣ и наукѣ та, что въ первомъ форма состоитъ изъ соразмѣрностей пространства и времени и непосредственно соединяется съ мыслію или матеріею, какъ въ головѣ художника, такъ и въ произведеніи художественномъ, а въ философіи или въ наукѣ вообще правильная форма изложенія должна какъ бы слѣдить за внутреннимъ развитіемъ самого предмета и основываться на отчетливомъ познаніи внутренней его природы. Но какъ это соотвѣтствіе между формою и предметомъ въ наукѣ изслѣдывается и устанавливается познающимъ духомъ, то оно возможно

(1) Если и встрѣчается у нѣкоторыхъ мыслителей среднихъ вѣковъ изложеніе понятій о нравственности, напр. у Гильдеберта, Абелара, Ѳомы Аквината, и о правѣ, напр. у послѣдняго, то это изложеніе слишкомъ скудно, отрывочно и притомъ смѣшено съ положительными правилами жизни христіянской.

только при живомъ наблюденіи внутренней и внѣшней дѣйствительности, съ одной стороны, а съ другой—силъ познающихъ, или, выражаясь общею формулою, для него необходимо вниканіе въ самую возможность истины или въ основаніе связи между мышленіемъ и бытіемъ. Вникая въ разнородные предметы философствованія, представляющіеся внѣ насъ или въ нашемъ собственномъ духѣ, и въ тѣ нормальные пріемы, которые наблюдаются нашими познавательными способностями (въ воспріятіи этихъ предметовъ), мы наконецъ сводимъ эти пріемы къ общимъ видамъ и законамъ, примѣнительно къ видамъ предметовъ познанія, и такимъ образомъ составляемъ наконецъ правильное понятіе о методѣ. На основаніи того, что̀ уже сказано нами о содержаніи философіи среднихъ вѣковъ, нетрудно угадать, могла ли она имѣть правильный методъ изслѣдованія и изложенія. То и другое предполагаетъ, во-первыхъ, живое сознаніе и наблюденіе предмета, во-вторыхъ — наблюденіе того, какъ относится къ нему, при изслѣдованіи его сущности, нашъ познающій духъ; но мыслители среднихъ вѣковъ разобщаютъ предметъ съ сознаніемъ и вносятъ въ философію готовое содержаніе изъ другой области. Очевидно, что при такихъ условіяхъ форма философіи должа имѣть только внѣшнее отношеніе къ предмету; правильное понятіе о методѣ еще невозможно, и это вполнѣ оправдывается тою формою, въ которой развивали свое ученіе мыслители среднихъ вѣковъ. Правда, не всѣ они слѣдовали однимъ пріемамъ въ изложеніи своего ученія; такъ напр. Анселмъ Кентербурійскій, Гуго (von Rouen) пользовались формою разговорною, Аланъ Риссель — математическою, Петръ Ломбардъ и преимущественно позднѣйшіе—діалектическою; но общая черта всѣхъ пріемовъ при внѣшнемъ отношеніи между формою и содержаніемъ та, что въ развитіи сущности предмета возможны для нихъ только два пути: или простое созерцаніе безъ всякой предметной науко-образной опоры, или разсудочное доказываніе. Первый способъ философствованія свойственъ преимущественно тѣмъ мыслителямъ, которые слѣдовали Платону [1], а второй — систематикамъ, приверженцамъ Аристотеля. Но въ обоихъ случаяхъ форма чужда содержанія и устанавливается внѣшнимъ образомъ, а не свойствомъ самого предмета

---

[1] Идеями Платона занимались особенно въ началѣ среднихъ вѣковъ, когда сочиненія Аристотеля, кромѣ органона, почти не были еще извѣстны. Изъ такихъ послѣдователей Платона, если можно назвать послѣдователями тѣхъ, которые знакомы были съ нѣкоторыми только его идеями, заимствованными не изъ подлинныхъ его сочиненій, но большею частію изъ латинскихъ переводовъ, извѣстны напр. Бернардъ Шартрскій, Аделардъ Батскій, Вильгельмъ-конхесъ, Вальтеръ-монтань, Гонорій (von Autun) и многіе послѣдователи мистической школы.

и отношеніемъ кь нему познающаго духа; потому-что въ первомъ изъ нихъ преобладаетъ произвольное мечтаніе о предметѣ, а во второмъ—пріискиваніе основаній, внѣшнихъ по отношенію къ предмету изслѣдованія, или чрезъ анализъ только этимологическаго значенія словъ, или чрезъ анализъ готовыхъ, безотчетно-заимствованныхъ понятій и истинъ, или наконецъ чрезъ ссылку на другія, только соприкосновенныя и такъ же заимствованныя понятія. Послѣдній методъ вмѣстѣ съ Бакономъ (1) можно назвать силлогистическимъ, потому-что въ немъ главное вниманіе обращено на *правильность выводовъ* изъ общаго понятія, положеннаго въ основаніе силлогизма (2), а не на *дѣйствительность, не на матеріяльное начало предмета* (3).

Впрочемъ первый способъ философствованія уступилъ мѣсто второму еще въ XII вѣкѣ, такъ-что въ послѣднія три столѣтія второй способъ сдѣлался почти всеобщимъ. Даже многіе мистики, несмотря на то, что руководствовались преимущественно внутреннимъ чувствомъ, нерѣдко платили дань своему времени. Далѣе, какъ формальное доказываніе безъ живого наблюденія предмета ищетъ основанія въ ряду другихъ представленій, также требующихъ основанія, а всѣ подобныя основанія, какъ заимствуемыя изъ міра воображаемаго, имѣютъ значеніе только случайное, воображаемое и противоположны какъ міру дѣйствительному, такъ и между собой, то отъ дальнѣйшаго развитія силлогистическаго метода произошелъ способъ изложенія философскихъ предметовъ діалектическій, или диспутный, состоящій въ соединеніи безконечныхъ возраженій и опроверженій. Такимъ образомъ, хотя въ средневѣковую эпоху философіи встрѣчаются мысли о методѣ, о познаніи, о способностяхъ познавательныхъ, какъ напр. у Эригены (4), у Алана Риссельскаго (5),

---

(1) De la dign. et de l'accrois. des scien. L. 1. Oeuvres de Bacon, éd. par Riaux, 1-re série. Paris 1843.

(2) Вотъ напр. какъ Ѳома Аквин. начинаетъ свой трактатъ de praedicamentis: omnes homines natura scire desiderant. Scire autem est effectus demonstrationis: est enim demonstratio syllogismus apodicon (?), id est faciens scire. Opuscula Thomae Aquin. Sine frontisp. Opusculum XLVIII p. 183.

(3) Недостатокъ подобнаго метода сознавали отчасти и нѣкоторые схоластики. См. Boul. T. II. p. 645.

(4) Эригена признаетъ необходимость четырехъ пріемовъ въ изслѣдованіи философскомъ: *раздѣленіе*, или разграниченіе, *опредѣленіе, доказательство* и *возведеніе* многаго къ единому, многочисленнаго къ простому. См. Arist. analyt. L. II. и Topic. L. I.

(5) Аланъ Риссель слѣдуетъ математическому методу и предписываетъ самому изложенію предмета *этимологическое изъясненіе словъ*, такъ называемыя *petitiones et communes animi compositiones*.

у Ѳомы Аквината (¹), у Дунса Скотта (²); но въ этихъ мысляхъ указываются только формальные пріемы, бо́льшею частію заимствованные у Аристотеля, къ которымъ разсудокъ можетъ прибѣгать при изслѣдованіи философскихъ вопросовъ. Что́ касается до особенныхъ, самостоятельныхъ изслѣдованій о методѣ, то ихъ вовсе не было въ продолженіи среднихъ вѣковъ; они появляются уже въ періодъ новой философіи — у Бакона, Декарта, Спинозы, Мальбранша, когда мыслители начали давать себѣ отчетъ о томъ, что́ и какъ должно войти въ составъ философіи. Зенитомъ подобныхъ безжизненныхъ пріемовъ схоластики можно признать таблицу Раймунда Лулла (³), въ которой представлено механическое средство находить общіе предикаты для каждаго предмета и обо всемъ судить и говорить. Въ связи съ этимъ характеромъ содержанія и формы философіи среднихъ вѣковъ было совершенное искаженіе латинскаго языка, который давно уже отжилъ время своей народности и до того былъ обезображенъ странными терминами и оборотами схоластиковъ, что ученіе нѣкоторыхъ изъ нихъ до сихъ поръ остается непонятнымъ (⁴). Мы сказали, что искаженіе латинскаго языка было въ связи съ упадкомъ философіи въ эпоху схоластики, потому-что оно произошло отъ другихъ причинъ, а не отъ философіи. Эти причины были слѣдующія: прекращеніе живого, народнаго употребленія языка латинскаго и недостатокъ средствъ къ книжному изученію его, чтеніе арабскихъ писателей въ варварскомъ латинскомъ переводѣ, но въ особенности поспѣшность, съ какою молодые люди старались пройти граматику и реторику, чтобы поскорѣе приступить къ медицинѣ и юриспруденціи, какъ наукамъ прибыльнымъ. Очень естественно, что съ умноженіемъ количества людей, не получившихъ достаточнаго первоначальнаго образованія, порча языка и безвкусіе сдѣлались почти всеобщими.

Впрочемъ и философія среднихъ вѣковъ, несмотря на всѣ свои недостатки, не осталась безъ нѣкоторыхъ благодѣтельныхъ послѣд-

---

(¹) Методъ Ѳомы Аквината — доказательный — argumentativa. См. comp. sum. theol. T. I. p. 4. Rom. MDCCLXV.

(²) О пріемахъ Дунса Скотта было упомянуто выше въ примѣчаніи. Что́ касается ученія схоластиковъ о познаніи, то хотя они говорятъ о разныхъ родахъ познанія, но, не касаясь процесса и опоры его въ нашемъ духѣ, они не могутъ подвинуться далѣе отрывочныхъ, предвзятыхъ понятій о немъ, но повторяютъ и видоизмѣняютъ только то, что́ сказано было Аристотелемъ и отчасти Платономъ. Впрочемъ и у нихъ можно встрѣчать иногда замѣчательныя отрывочныя мысли о познаніи, напримѣръ у Дунса Скотта. См. Rixn. Auszüge. Hdb. d. Gesch. d. Ph. T. II.

(³) Rixner's urkundl. Anh. zur Gesch. d. Phil. Th. 11, s. 88—92.

(⁴) Наприм. ученіе Оккама, Дунса Скотта.

ствій; такъ напримѣръ, ей обязано католическое вѣроученіе своею подробною опредѣленностію и стройною, научною формою; отъ нея мы получили остроумные условные знаки, облегчающіе затверживаніе и пониманіе многообразной разстановки понятій и сужденій въ умозаключеніяхъ, и тому подобн. Мы не касаемся этихъ послѣдствій, потому-что они не входятъ въ составъ нашего вопроса.

В.

Наконецъ, разсматривая философію среднихъ вѣковъ со стороны послѣдовательности всѣхъ ея видоизмѣненій, находимъ въ ней особенное свойство, какъ необходимое слѣдствіе предъидущаго, именно — отсутствіе внутренняго, самостоятельнаго движенія, подобнаго тому, какое видимъ въ философіи другихъ эпохъ. Какъ ни страннымъ можетъ показаться это положеніе на первый взглядъ, но оно окажется вполнѣ справедливымъ, когда вникнемъ сперва въ необходимыя условія, отъ которыхъ зависитъ постепенное внутреннее движеніе философіи въ преемственной послѣдовательности произведеній мыслящаго духа, а потомъ въ характеръ исторіи средневѣковой философіи.

Философія стремится къ познанію безусловнаго начала вещей, ихъ внутренней связи и отношенія ихъ къ этому началу. Движимая этою цѣлію, она постепенно принимаетъ за главное то одно, то другое начало, проводитъ его по всѣмъ доступнымъ для насъ сторонамъ міра, стараясь объяснить такимъ образомъ способъ ихъ бытія и взаимную связь. Но какъ опредѣленіе безусловнаго начала вещей и развитіе взаимнаго отношенія между ними, такъ и самая постепенность въ признаніи то одного, то другого начала за безусловное, зависятъ единственно отъ того, *что̀ и какъ* мы находимъ въ нашемъ здравомъ, разумномъ сознаніи, т. е. отъ предметовъ познанія и отъ *способа* ихъ познаванія. Между тѣмъ, вникая въ наше собственное сознаніе и отыскивая въ ряду его предметовъ главное начало, мы не можемъ вдругъ ни обнять всей совокупности явленій, ни уловить всѣхъ нитей нашего познаванія, но очевидно должны наблюдать постепенность, какъ въ переходѣ отъ одной стороны познанія къ другой, такъ и въ самомъ уясненіи разныхъ способовъ познанія. Какъ каждый односторонній способъ познанія, приложенный къ предметамъ, открываетъ свою недостаточность и требуетъ перехода къ другому, такъ и каждое изъ началъ, какъ одностороннее, будучи проведено по явленіямъ, само обнаруживаетъ свою односторонность и *необходимо* переходитъ въ другое высшее, полнѣй-

нее. Такимъ образомъ *главныя*, общія условія внутренняго движенія философіи, какова бы она ни была, всегда одни и тѣже: во-первыхъ, *сознаніе* того, что́ и какъ дается въ немъ самомъ, въ его естественной полнотѣ, для объясненія начала и закона явленій; во-вторыхъ, *неизбѣжный постепенный переходъ отъ низшаго къ высшему и полнѣйшему началу*. Возьмемъ для примѣра любой періодъ древней или новой философіи; въ каждомъ изъ нихъ мы найдемъ эти условія, характеризующія внутреннее движеніе и развитіе философіи. Такъ, напримѣръ, какая стройная постепенность въ возвышеніи философскаго взгляда на міръ, начиная отъ Ѳалеса до Аристотеля! Сперва философствующая мысль въ этомъ періодѣ ищетъ начала вещей въ матеріяльномъ разнообразіи ихъ; потомъ отъ вещества переходитъ къ его формѣ и численнымъ законамъ; за тѣмъ ищетъ отношенія между формою и внѣшнимъ, измѣняющимся множествомъ въ «единомъ» элеатовъ, въ самомъ видоизмѣненіи единаго — у Гераклита, и такъ далѣе, пока наконецъ Анаксагоръ указалъ начало міра въ силѣ, выступающей изъ его стихійныхъ предѣловъ — въ разумѣ. Когда пройдены были разныя степени познанія природы, нѣкоторые софисты возбудили вопросъ о возможности и способѣ истиннаго знанія вообще; рѣшивъ его отрицательно, они передали его изслѣдованіе Платону. Наконецъ Аристотель завершаетъ развитіе греческой философіи, соединяя отдаленныя идеи Платона съ дѣйствительными предметами. Такая же постепенность движенія очевидна и во всей исторіи новой философіи, отъ Бакона до Канта и, еще болѣе, отъ Канта до Гегеля. Ничего подобнаго не представляетъ философія среднихъ вѣковъ. Отъ начала до конца не находимъ въ ней ни самостоятельнаго содержанія, ни наблюденія надъ элементомъ сознающаго духа, ни извлеченія изъ его естественной полноты началъ для объясненія всего царства бытія; она не испытываетъ каждаго изъ нихъ постепенно, не изслѣдываетъ *самого способа и родовъ познанія, какъ условія для вѣрнаго уразумѣнія началъ и законовъ бытія;* однимъ словомъ, философія среднихъ вѣковъ не развиваетъ того, что́ заключается въ самомъ сознаніи, но всю цѣль свою поставляетъ въ томъ, чтобы объяснять, безконечно видоизмѣнять мысли Аристотеля и доказывать ими данное содержаніе христіянско-католическаго вѣроисповѣданія. Даже самые способы доказыванія заимствованы у Аристотеля. Какъ бы ни были богаты внутреннія силы ума и воли, но, при подобномъ способѣ мышленія, невозможно усовершенствованіе содержанія философіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ невозможно и нравственное развитіе вообще. Напротивъ, здѣсь возможно *только умноженіе* и перестановка представленій чрезъ внѣшнее приложеніе и формальное соединеніе одного съ другимъ съ

одной стороны, и различная разстановка и доказыванiе ихъ съ другой. Отсюда хотя въ перiодѣ средневѣковой философiи встрѣчаются мысли съ свойствами эмпиризма, идеализма, но онѣ не имѣютъ характера началъ и такъ косвенно относятся къ самой философiи, такъ мало проведены (или, лучше сказать, ни мало не проведены) въ ней, что совсѣмъ не составляютъ *внутреннихъ ступеней* во всемъ ея продолженiи. Такова эта философiя въ творенiяхъ всѣхъ ея представителей — Эригены, Ансельма, Абелара, Алана Рисселя, Альберта, Θомы Аквината, Дунса Скотта, Оккама. Несмотря на все величiе нѣкоторыхъ умовъ и характеровъ того времени, на рѣдкое самоотверженiе, съ какимъ многiе мыслители среднихъ вѣковъ посвящали себя трудамъ умственнымъ, въ ихъ философiи можно замѣтить только внѣшнее форменное движенiе ума и субъективное въ самыхъ лицахъ. Измѣняются *только виды прiема и манеры изложенiя* у такого или другого мыслителя, расширяется объемъ науки прибавленiемъ къ ней бóльшаго количества вопрóсовъ, усиливается страсть къ спорамъ; но все это вмѣстѣ не выходитъ изъ *общаго духа и направленiя времени*, изъ сферы представленiй, заимствованныхъ безотчетно. Формальная, страдательная дѣятельность мышленiя, отдаленность изслѣдованiй философскихъ отъ природы и человѣка, безжизненность умственнаго образованiя остаются господствующими. Изрѣдка появляются мысли, противорѣчащiя господствующему направленiю науки; но онѣ подобны усилiямъ парализованнаго тѣла двинуться съ одного мѣста на другое; они не проводятся въ цѣломъ зданiи науки, не входятъ въ нее въ качествѣ внутренняго образовательнаго начала, но высказываются только какъ взгляды, какъ отрывочныя сужденiя, оставляя въ сторонѣ дѣйствительное состоянiе науки. Чтобы убѣдиться въ дѣйствительности внутренняго коснѣнiя и умственнаго безсилiя философiи среднихъ вѣковъ, обратимъ вниманiе на одинъ вопросъ, которымъ она особенно занималась: объ отношенiи богословiя къ философiи.

Отношенiе философiи къ богословiю не всегда одинаково понимали мыслители среднихъ вѣковъ. Такъ въ началѣ среднихъ вѣковъ до Эригены, или даже до Ансельма, невидно еще яснаго сознанiя объ этомъ вопросѣ, ни отвѣта на него. Въ энциклопедической, скудной богословско-мiрской учености того времени замѣтна смѣшанность, слитность богословiя съ философiею, хотя нѣкоторые, какъ напримѣръ Григорiй великiй, всячески старались изгнать остатки классическаго греко-римскаго образованiя, въ томъ числѣ и уцѣлѣвшiе остатки древней философiи. Потомъ со временъ Ансельма высыказвается отношенiе философiи къ богословiю. Задача философiи, по понятiю того времени, состоитъ въ уясненiи и стройномъ изложенiи

понятій вѣры, въ томъ безотчетномъ предположеніи или вѣрованіи, что *истинное въ богословіи истинно и въ философіи, и наоборотъ, истинное въ философіи истинно и въ области богословія* (1).

Этимъ положеніемъ выводилось и оправдывалось занятіе философіи предметами, заимствованными изъ богословія. Но, далѣе, противорѣчія, до которыхъ доходилъ разсудокъ, въ своихъ упражненіяхъ сверхъ-естественными представленіями вѣры, привели его мало-по малу къ другому положенію объ этомъ отношеніи философіи къ богословію: *истинное въ философіи не всегда бываетъ истинно въ богословіи, и обратно, истина богословская не всегда можетъ занимать мѣсто въ ряду истинъ философскихъ* (2). Наконецъ сознаніемъ различія между богословіемъ и философіею вызвано было совершенное отдѣленіе философіи отъ богословія. Съ тѣхъ поръ философія стала заниматься только тѣми предметами, которые доступны человѣческому разуму. Послѣднее направленіе ума показываетъ уже разрушеніе схоластики и выступаетъ за ея предѣлы. Соотвѣтственно такому отношенію богословія къ философіи, и послѣдняя была сначала въ равносильномъ отношеніи къ богословію, потомъ была одолѣна могуществомъ восточнаго, т. е. христіанско-католическаго авторитета, давшаго ей предметъ и предѣлъ дѣятельности, въ изысканіи внѣшней формы и доказательствъ для истинъ западнаго вѣроученія, а наконецъ дошла до взглядовъ и мыслей, противоположныхъ этому авторитету. Впрочемъ эти явленія въ средневѣковой философіи непостепенны, потому-что философія то мирно подчинялась богословію, какъ въ началѣ, то обнаруживала направленіе независимое отъ его авторитета, напримѣръ, въ ученіи Амальрика и Давида Динанта, то снова подчинялась ему, какъ въ лицѣ Альберта, Ѳомы Аквината, Дунса Скотта, то опять объявляла права на независимость своихъ истинъ. — Если и можно указать въ этомъ отношеніи какую-нибудь общую постепенность въ видоизмѣненіи (но не въ развитіи) философіи среднихъ вѣковъ, то развѣ ту, что въ первой бо́льшей ихъ половинѣ философія была въ согласіи съ богословіемъ и больше была проникнута религіознымъ чувствомъ; въ ней незамѣтно еще по-крайнѣй-мѣрѣ излишнихъ утонченностей логическихъ и варварскаго языка; въ нѣкоторыхъ трактатахъ, больше впрочемъ

(1) На этомъ положеніи, заимствованномъ у бл. Августина, основывается, можно сказать, вся философія среднихъ вѣковъ. Оно высказано у І. Ск. Эригены, Ансельма и др.

(2) Эта мысль является послѣ раздѣленія Парижскаго Университета на четыре факультета въ 1270 г. Dicunt, говоритъ Стефанъ епископъ парижскій, ea vera esse secundum philosophiam, sed non secundum fidem catholicam; quasi sint duae contrariae veritates.. . см. Boulay T. III p. 420, 423.

относящихся къ богословію, нежели къ философіи, есть даже величіе, глубина и сила. Но потомъ, когда философія среднихъ вѣковъ, не имѣя еще самостоятельнаго, собственнаго содержанія и правильнаго метода изслѣдованія, стала уклоняться отъ авторитета римско-католическаго съ предметами его вѣроученія, она впала въ тѣ грубые недостатки, которые доставили такую печальную извѣстность схоластикѣ. — Это измѣненіе философіи среднихъ вѣковъ идетъ почти паралельно съ переходомъ романтической поэзіи минезингеровъ въ механическую, стихотворную поэзію мейстейзенгеровъ.

Общимъ явленіемъ и вмѣстѣ доказательствомъ нашего понятія объ исторіи философіи среднихъ вѣковъ служитъ то, что перемѣны, случавшіяся въ ней, происходятъ преимущественно отъ внѣшнихъ заимствованій, которыя или смѣшиваются только съ прежними, готовыми уже началами, или вступаютъ съ ними въ борьбу, но не перетворяются собственнымъ ея началомъ, не сглаживаются въ ея внутреннемъ образовательномъ процессѣ.

Таковъ характеръ философіи періода средневѣковаго, служащаго переходомъ отъ древней философіи къ новой.

По этой-то особенности ея, средневѣковая философія такъ мало принесла пользы другимъ наукамъ и даже мѣшала ихъ развитію и успѣхамъ. Мы относимъ *безполезность философіи среднихъ вѣковъ* къ особенному свойству всего ея состава; стало быть считаемъ тѣхъ неправыми, которые, по свойственной всякому предубѣжденію поспѣшности, тотчасъ готовы сдѣлать подобное невыгодное заключеніе о философіи вообще. Философія, кромѣ самостоятельной важности своего содержанія, всегда останется значительнымъ и *необходимымъ результатомъ и вмѣстѣ пособіемъ* для другихъ наукъ.

Впрочемъ характеръ философіи среднихъ вѣковъ не есть исключительная принадлежность ея одной. Сличая разныя стороны жизни средневѣковаго періода, легко замѣтить, что всѣ онѣ проникнуты тѣмъ же характеромъ, какъ и философія. Это взаимное соотвѣтствіе ихъ не только доказываетъ дѣйствительность свойствъ, найденныхъ нами въ философіи этого періода, но вмѣстѣ извиняетъ нѣкоторымъ образомъ ея недостатки, какъ общую дань ея своему времени.

II.

Каково же и на чемъ основывается это соотвѣтствіе между характеромъ философіи и другими сторонами жизни на западѣ въ періодъ среднихъ вѣковъ?

Будучи въ связи съ другими способностями души, мышленіе отражаетъ въ себѣ характеръ цѣлаго духовнаго организма; точно также и философія извѣстнаго времени и народа, какъ плодъ мышленія, носитъ въ своемъ характерѣ более или менѣе сходства съ характеромъ другихъ видовъ современной жизни человѣка. Разница въ этомъ отношеніи между философіею и другими родами дѣятельности человѣческой только въ томъ, что въ философіи самосознаніе и самовыраженіе нашего духа чище, яснѣе, сознательнѣе, послѣдовательнѣе, нежели въ послѣднихъ. Въ философіи и содержаніе, которое предполагается въ каждомъ родѣ нашей дѣятельности, есть мысль, и форма его тоже мысленная; стало быть, въ философіи обѣ стороны тѣсно совпадаютъ; содержаніе сбрасываетъ съ себя покровъ чувственный, очищается и возвышается къ требованіямъ мыслящаго духа, и мысль просвѣтляетъ собою содержаніе. Напротивъ, въ другихъ проявленіяхъ нашего духа мысль всегда заимствуетъ средства для своего выраженія более или менѣе внѣшнія и отдаленныя, более или менѣе дробится и скрывается въ нихъ, такъ-что нужно еще много времени и труда, чтобы уловить ихъ общее значеніе. Есть и другое различіе между философіею и прочими родами человѣческой дѣятельности — въ самомъ предметѣ ихъ. Первая занимается, можно сказать, безусловнымъ, стремится къ основному, общему и постоянному, вѣчному, а всѣ другіе роды нашей дѣятельности обращены къ предметамъ условнымъ, конечнымъ. Не входя въ подробный разборъ этого различія, который отвелъ бы насъ далеко за предѣлы нашего предмета, можно замѣтить, что и это различіе совсѣмъ не можетъ поставить ихъ внѣ всякаго общенія и соотвѣтствія. Во-первыхъ, нѣтъ ни одного проявленія нашего духа, въ которомъ не появлялось бы вѣчное; всѣ виды дѣятельности человѣческой, если только не изгладилась на нихъ печать человѣчности, одушевлены въ бо́льшей или ме́ньшей степени мыслью объ основномъ общемъ. А философія тоже стремится къ познанію основного, какъ въ немъ самомъ, такъ и въ отношеніи его къ міру и человѣку. Можно еще подумать, что самое вникаціе, по преимуществу свойственное философіи, высшая степень самосознанія, одушевляющаго ее, ставитъ философію выше и далѣе своего времени. Правда, вникая въ предметъ, съ которымъ мы уже были слиты, мы какъ бы отдѣляемъ себя отъ него; открывая безпристрастнымъ углубленіемъ мышленія односторонность и недостатки прошедшаго или настоящаго въ нашей жизни вообще, и сличая его съ чистыми требованіями человѣческаго духа и природы вообще, мы потому самому какъ бы отдѣляемся отъ современной жизни, стараемся внести въ нее большую полноту и разумность. Но и въ этомъ предупрежденіи жизни мышле-

ніемъ шагъ впередъ одной стопою утверждается на настоящемъ и остается въ тѣснѣйшей съ нимъ связи; даже мыслительное развитіе высшихъ началъ науки или жизни, сравнительно съ предшествовавшимъ или настоящимъ временемъ, *не можетъ быть чисто отвлеченнымъ*, но заранѣе выработывается въ полусвѣтлой храминѣ чувства, въ смутныхъ требованіяхъ нашей же нравственной жизни. Итакъ, соотвѣтствіе между философіею и другими сторонами нашей жизни можно поставить внѣ всякаго сомнѣнія; ихъ всегда проникаетъ одна струя, незамѣтная съ перваго взгляда. На этомъ основаніи философію извѣстной эпохи можно назвать мыслію своего времени, и понятіе о ея характерѣ и значеніи можно подтверждать и уяснять прочими, по-крайней-мѣрѣ главнѣйшими сторонами современной жизни человѣка. На этомъ же основаніи постараемся указать и въ главныхъ сторонахъ жизни средневѣковаго періода черты, сходныя съ характеромъ философіи того времени, какъ доказательство и объясненіе нашего взгляда на нее. Онѣ тѣмъ рѣзче и явственнѣе въ періодѣ среднихъ вѣковъ, что философія того времени не имѣла самостоятельности и, стало быть, болѣе подвергалась вліянію внѣшнему.

Главня черта философіи среднихъ вѣковъ заключается въ разобщеніи между мышленіемъ и бытіемъ, въ страдательномъ отношеніи мыслящей силы къ предмету, данному авторитетомъ, — однимъ словомъ: въ преобладаніи религіознаго авторитета. Въ философіи, мысль только принимаетъ содержаніе отъинуду, но живой связи между имъ и сознаніемъ не устанавливаетъ въ научной формѣ. Одна только мистика, въ лицѣ весьма немногихъ представителей, старалась сроднить данный вѣроученіемъ предметъ, съ духомъ, ито не посредствомъ мышленія, а помощію чувства и внутренняго созерцанія. Тоже самое находимъ и въ жизни среднихъ вѣковъ. Подобно слабому, несамостоятельному мышленію, и жизнь западныхъ народовъ, общественная и частная, еще слаба, не устроена и несамостоятельна; подобно дитяти, она еще слишкомъ нуждается во внѣшней силѣ и съ трепетомъ повинуется ей. Какъ въ философіи среднихъ вѣковъ не было существенной, разумно-живой, то есть сознательно-отчетливой связи между содержаніемъ ея и началомъ мыслящимъ, такъ и въ жизни западныхъ народовъ личность и законъ, сторона повелѣвающая и повинующаяся, не получили еще правильныхъ отношеній въ благоустроенномъ составѣ гражданскихъ обществъ: по вмѣшательству папы принимали такое или другое направленіе не только дѣла совѣсти, но и важнѣйшіе внутренніе вопросы народной жизни. Преобладаніе безотчетнаго авторитета въ философіи среднихъ вѣковъ отразилось и въ разрозненномъ, почти механическомъ отношеніи ея частей. Такое

же разобщеніе, борьбу, можемъ находить во всѣхъ составныхъ началахъ народной жизни среднихъ вѣковъ, разсматривая ее въ ней самой, независимо отъ ея отношенія къ авторитету папы. Такъ въ первой половинѣ среднихъ вѣковъ невидно еще государствъ, какъ органическаго цѣлаго, съ однохарактернымъ народнымъ направленіемъ, но соединяются только массы различныхъ народовъ, и то удерживаются въ этомъ единствѣ сильною рукою какого-либо героя и впослѣдствіи уже осуществляютъ формы государственной жизни, то распадаются и даютъ мѣсто новому процессу механическаго соединенія. Въ устройствѣ и законахъ обществъ того времени одна часть народа руководствуется остатками римскаго законодательства, другая сперва древними обычаями, а потомъ писанными законами германскими. Рядомъ съ этими противоположностями живетъ особенное сословіе — духовенство, и получаетъ особенную, чисто-восточную организацію, отдѣльные законы и постановленія. Въ сословіяхъ народныхъ такое же раздвоеніе: съ одной стороны могущество владѣтельныхъ лицъ, съ другой — беззащитность и рабство простого народа; одно живетъ отдѣльно въ неприступныхъ замкахъ, другое тревожно группируется около нихъ, незащищенное общими, опредѣленными законами отъ произвола. Между тѣмъ и другимъ сословіемъ долго нѣтъ ничего средняго, связующаго и примиряющаго ихъ. Въ духѣ народа такое же смѣшеніе идей теократическихъ, монархическихъ, аристократическихъ, республиканскихъ ([1]). Съ глубокимъ, набожнымъ чувствомъ идетъ объ-руку варварство и буйство, съ повиновеніемъ — энергическое стремленіе къ независимости, съ самымъ нѣжнымъ, рыцарскимъ уваженіемъ къ женскому полу — грубость и свирѣпость. Подобное раздвоеніе повторяется и въ состояніи наукъ. Съ одной стороны, нѣтъ яснаго сознанія о взаимной связи ихъ, нѣтъ взаимнаго примѣненія ихъ и самостоятельной разработки, но господствуетъ или повтореніе уцѣлѣвшихъ остатковъ древняго просвѣщенія ([2]), или заимствованіе нѣкоторыхъ новыхъ естественныхъ свѣдѣній у арабовъ, какъ ремесла, знахарства; съ другой — вся эта скудная масса свѣдѣній въ продолженіи среднихъ вѣковъ не приспособляется систематически къ жизни человѣка, къ многообразнымъ интересамъ его земного бытія, но или случайно только сходится съ ними, или преслѣдуетъ одни понятія логическія, сами по себѣ бездушныя и безполезныя. Наука о человѣческомъ словѣ въ продолженіи среднихъ вѣковъ почти не существовала, и даже долго потомъ она заключалась

([1]) Guizot, L'hist. de la civil. en Eur. pag. 34, Brux. 1838.

([2]) См. выше примѣч. о сборникахъ въ началѣ среднихъ вѣковъ.

въ перечисленіи и самомъ поверхностномъ описаніи родовъ красноречія, троповъ, фигуръ и т. п. Древняя филологія была въ жалкомъ положеніи. Даже въ XIV и въ XV вѣкахъ она была удѣломъ весьма немногихъ. Не лучше было состояніе и историческихъ наукъ (1). Юриспруденція ограничивалась чтеніемъ и объясненіемъ памятниковъ римскаго законодательства и каноническимъ правомъ. Въ естественныхъ наукахъ, состояніе которыхъ было такъ жалко въ продолженіи среднихъ вѣковъ, даже подъ конецъ этого періода наблюденіе часто уступало мѣсто суевѣрію и аргументамъ діалектическимъ (2). Даже въ языкѣ среднихъ вѣковъ, почти во все продолженіе ихъ, встрѣчается это двойство, потому-что на-ряду съ народными языками на западѣ употребляли въ то время и латинскій и долго еще считали его живымъ, хоть онъ давно уже отжилъ свое время. Наконецъ нельзя не замѣтить, что и жизнь представителей средневѣковой философіи выражаетъ въ себѣ, какъ нельзя лучше, общій характеръ ея. Древніе мыслители, по инстинктивной гармоніи съ непосредственнымъ характеромъ своей философіи, бо́льшею частію удалялись отъ однообразныхъ формъ жизни положительной и вели жизнь по своему вкусу, не принимая въ расчетъ требованій общества; новые, подобно главному стремленію новой философіи къ уразумѣнію гармоніи между мышленіемъ и бытіемъ, соединяютъ жизнь внутреннюю съ призваніемъ жизни общественной. Въ жизни мыслителей средневѣковаго періода нѣтъ ни того, ни другого, также какъ и философія ихъ непохожа на философію обоихъ періодовъ, древняго и новаго. Они удаляются отъ міра, отъ жизни общественной, отъ ея положительныхъ интересовъ, но уже не для того, чтобъ жить подобно древнимъ философамъ: вдали отъ свѣта, ихъ ожидаютъ внѣшнія положительныя формы иной жизни, требуемыя авторитетомъ среднихъ вѣковъ — папствомъ.

Далѣе, вслѣдствіе страдательнаго отношенія мыслящей силы къ своему предмету, въ философіи среднихъ вѣковъ преобладаетъ односторонняя, только пріемлющая и разработывающая дѣятельность разсудка; плодъ ея есть утонченный формализмъ. А мысли, основанныя на самопознаніи, обнаруживающія глубокій и правильный взглядъ на вещи, появляются только изрѣдка, напримѣръ у мистиковъ, ито въ видѣ исключенія, безъ проведенія въ цѣломъ составѣ философіи, какъ плодъ инстинкта или счастливаго случая. Въ другихъ видахъ средневѣковой жизни на западѣ замѣтно тоже самое. Въ умственной жизни у всѣхъ общая страсть опредѣлять всѣ предметы,

(1) Примѣромъ могутъ служить грубыя ошибки историческія Алберта, одного изъ знаменитѣйшихъ ученыхъ въ средніе вѣка.

(2) Вышеупомянутыя сочин. Мейнерса, 9-ter Abschnitt.

самые положительные, на основаніи однихъ умозаключеній и формъ логическихъ. Въ дѣятельности практической встрѣчаются или частные порывы доброй воли безъ благоустроенныхъ общественныхъ формъ, устраняющихъ всѣ произволы, или обрядность, форма безъ внутренней силы и духа. Первое можно видѣть, напримѣръ, въ героическихъ подвигахъ рыцарей, второе — въ различныхъ злоупотребленіяхъ западнаго духовенства и его клевретовъ. Въ поэзіи, въ лирическихъ и эпическихъ произведеніяхъ минезингеровъ, есть нѣжность и глубина чувства, есть сила и возвышенность фантазіи; но рядомъ съ этими достоинствами идетъ незрѣлость формы и страсть къ чудесному. Внутренняя сила не совпадаетъ еще съ совершенствомъ выраженія; идеальная возвышенность фантазіи является не въ одушевленіи насущной жизни человѣка, но въ несбыточныхъ картинахъ и вымыслахъ.

Въ философіи среднихъ вѣковъ не было самостоятельнаго содержанія, основаннаго на самосознаніи. Подобный недостатокъ слишкомъ рѣзко отпечатлѣвается и во всей умственной и нравственно-религіозной жизни среднихъ вѣковъ. Это доказывается, какъ нельзя болѣе, недостаткомъ наукъ, основанныхъ на внутреннемъ самонаблюденіи, недостаткомъ свѣдѣній естественныхъ и особенно гуманическихъ, которыми такъ богаты времена новыя. Въ нравственно-религіозной жизни запада, въ продолженіи среднихъ вѣковъ, мало еще замѣтно внутреннихъ, разумныхъ побужденій и убѣжденій; напротивъ, при гордомъ, рѣзкомъ раздѣленіи между духовенствомъ и свѣтскими людьми, первое устремилось, разумѣется, не къ возбужденію въ свѣтскихъ людяхъ внутренняго свѣта и любви къ вѣчнымъ, святымъ истинамъ христіянства и требованіямъ разсудка, но къ тому, чтобы всѣми приняты были временные его интересы; свѣтскіе же, при недостаткѣ разумѣнія, естественно дѣйствовали болѣе по внушеніямъ духа партій, а не по чисто-христіянской совѣсти.

Наконецъ эпоха философіи среднихъ вѣковъ отличается отъ другихъ эпохъ недостаткомъ внутренняго развитія и движенія, что́ и невозможно было въ ней безъ самостоятельности въ содержаніи и формѣ, безъ опоры въ самосознаніи. Можно ли находить что-нибудь подобное въ жизни среднихъ вѣковъ? *Можно, только съ нѣкоторыми ограниченіями*, а именно:

Настоящій внутренній процессъ нравственно-общественной жизни въ западной Европѣ можно начинать только со времени упадка феодализма, когда съ одной стороны упрочена была власть государей, установились взаимныя отношенія сословій, съ другой — поло-

жены были прочныя средства къ образованію (*). Мало нужды, что весь періодъ среднихъ вѣковъ есть непрерывная цѣпь борьбы и войнъ. Внѣшнее движеніе еще не ручается за внутреннее развитіе, хотя первое, какъ внѣшнее, многообразное, болѣе поражаетъ насъ движимостію, чѣмъ послѣднее.

(*) C'est donc du treizième au seizième siècle, qu'il en faut chercher le secret; c'est le caractére distinctif de cette époque, qu'elle a èté employée à faire de l'Europe primitive L'Europe moderne... Guizot l'hist. de la civil. en Europ. p. 210.

С. ГОГОТСКІЙ.

АМЕРИКАНСКІЙ ЯДЪ УРАРИ.

ПО НОВѢЙШИМЪ ИЗСЛѢДОВАНІЯМЪ ШОМБУРГКА И ДРУГИМЪ ИСТОЧНИКАМЪ.

Много было говорено и писано объ ужасныхъ ядахъ, которыми южно-американскіе индѣйцы напитываютъ свои стрѣлы. Всѣ путешественники единогласно утверждаютъ, что малѣйшей раны отравленнымъ оружіемъ достаточно для того, чтобы убить самое сильное животное, въ нѣсколько минутъ. Но если всѣ очевидцы согласны въ разсказахъ о страшныхъ послѣдствіяхъ отравленія, то каждый изъ нихъ описываетъ по своему наружный видъ и способъ приготовленія этого яда. Стоитъ сравнить описанія Овіеда (1) Джили (2), Гумбольдта (3), Банкрофта, Броди (4), Эммерта (5), Марціуса (6) Орфилы (7) и многихъ другихъ, и мы невольно придемъ къ заключенію, что эти путешественники и ученые видѣли и изслѣдовали различные, а не одинъ и тотъ же ядъ. Такое предположеніе еще болѣе подтверждается различіемъ названій этого яда. Одинъ называетъ его *урари*, другой *вурали*, *вурара*, *кураре*, *тикунасъ*; приготовленіе описывается весьма разнообразно, и даже растенія, изъ которыхъ извлекается ядъ, означены различными именами. Однакожь, если сличить обращики яда, вывезенные изъ Гвіаны разными путешественниками и подъ различными именами, то мы замѣтимъ между ними чрезвычайное сходство, какъ въ наружныхъ признакахъ, такъ

---

(1) Sommario dell' Inde occindentali. Cap. LXXVIII.

(2) Saggio di Storia Americana descritta dell'abbate Filippo Salvadore Gilij, Roma, 1781. T. II

(3) Voyage aux régions équinoxiales p. Alexandre de Humboldt. T. VIII p. 153.

(4) Philosophic. Transact. 1811. p. 194; и въ томъ же сборникѣ 1812 года.

(5) Experimenta de effectu venenorum vegetabilium americanorum in corpus animale, Tubingae 1817.

(6) Reise in Brasilien von Spix und Martius T. III, p. 1155.

(7) Orfila, Toxicologie 4-me édition, Paris 1843, T. II, p. 484—488.

и въ дѣйствіи на животныхъ. Пишущій эти строки имѣетъ въ своемъ токсикологическомъ собраніи три экземпляра южно-американскаго яда: первый изъ нихъ полученъ имъ отъ знаменитаго токсиколога Орфилы, подъ именемъ *кураре*; второй — отъ капитана Дюбуа, посѣтившаго Джордтоунъ (столицу англійской Гвіаны) въ 1833 году — носитъ надпись *вурара* (Woorara); третій, подъ названіемъ *тикунасъ*, подаренъ автору этой статьи докторомъ Кеневилемъ (Quesneville) извѣстнымъ торговцемъ аптекарскими матеріялами въ Парижѣ. Всѣ три обращика, хотя полученные изъ разныхъ рукъ и подъ различными названіями, очень похожи между собою, и, весьма вѣроятно, все ихъ различіе состоитъ только въ томъ, что одинъ старше другого, то есть одинъ ядъ приготовленъ нѣсколько лѣтъ раньше, а другой позже. *Урари*, *вурали*, *вураре*, *кураре* могутъ быть одно и тоже слово, только испорченное произношеніемъ, при чемъ индѣйцы виноваты не больше путешественниковъ, особливо англичанъ, коверкающихъ иностранныя названія самымъ варварскимъ образомъ. Что́ же касается до слова *тикунасъ*, то оно, будучи названіемъ туземнаго племени, весьма легко могло быть употреблено какъ прилагательное къ слову *ядъ*. Подобныя соображенія заставляли многихъ думать, что всѣ упомянутые яды суть одно и тоже тѣло; — вопросъ, остававшійся однакожъ нерѣшеннымъ до новѣйшаго времени.

Извѣстный естествоиспытатель Ричардъ Шомбургкъ, посѣщавшій англійскую Гвіану въ 1840—1844 году, рѣшился изслѣдовать вопросъ о ядѣ *урари*. Мы уже познакомили читателей Современника съ описаніемъ путешествія ученаго натуралиста: *Reisen in Britisch Guiana in den Jahren 1840—1844, ausgeführt von Richard Schomburgk* (¹), изъ котораго мы извлекли слѣдующія подробности, дополнивъ и пояснивъ ихъ трудами другихъ ученыхъ, занимавшихся изслѣдованіями южно-американскихъ ядовъ.

Бо́льшая часть путешественниковъ утверждаютъ, что страшный ядъ, служащій для отравленія стрѣлъ, добывается изъ растенія, принадлежащаго къ породѣ *стрихносовъ* или *чилибухи*. Шомбургкъ, находясь на берегахъ Наппи, услыхалъ отъ индѣйцевъ, что это растеніе попадается только на Иламикипангѣ (Ilamikipang), западномъ отрогѣ хребта Кануку, и уговорилъ своихъ проводниковъ вести его къ таинственнымъ горамъ, возвышающимся въ самой дикой части внутренней Гвіаны.

Достигнувъ деревни Курату-Кію, близь подошвы Кваривана, Шомбургкъ встрѣтилъ одного старика, который за четыре года предъ тѣмъ водилъ брата натуралиста, сера Роберта Шомбургка, къ по-

(¹) См. Современникъ 1848 года, №№ VIII и IX.

дошвѣ Иламикипанга, когда этотъ инженеръ, по порученію англійскаго правительства, посѣщалъ эту дикую страну для проведенія граничной черты англійской Гвіаны. Ричардъ Шомбургкъ обрадовался такой встрѣчѣ, тѣмъ болѣе, что старикъ принадлежалъ къ племени *Макузи*, извѣстному искусствомъ въ приготовленіи яда *урари*, и самъ лично былъ однимъ изъ адептовъ страшной науки. Онъ зналъ въ подробности всѣ мѣста, гдѣ растетъ *урари*. Недалеко отъ его жилища находилась особливая хижина, взглянувъ въ которую легко можно было узнать лабораторію *ядовара* (да простятъ намъ *пуристы* это новое выраженіе!). Здѣсь стояло нѣсколько большихъ муравленыхъ горшковъ, воронки изъ цвѣтовъ пальмы, огромныя выдолбленныя изъ дерева ступы и множество снадобьевъ.

Торгъ длился недолго: за одинъ топоръ и три ножа индѣецъ согласился проводить Шомбургка въ то мѣсто, гдѣ растетъ *урари*, содрать съ нимъ кору растенія и, по возвращеніи, приготовить ядъ предъ его глазами. Послушаемъ разсказъ самого путешественника.

«Рано утромъ отправились мы въ дорогу къ подошвѣ Иламикипанга, отъ которой деревня отдѣлялась густымъ лѣсомъ пальмъ, музъ, аронниковъ и инбирныхъ растеній. Проводникъ мой показывалъ по дорогѣ деревья, на которыхъ рѣзалъ сучья и мѣтки, когда четыре года назадъ велъ по этой же дорогѣ моего брата. Дорога пролегала по каменистому, до половины высохшему ложу горнаго ручья, и уклониться въ сторону не было почти никакой возможности: тамъ громоздились скала на скалѣ, и между ними возвышались гигантскія деревья, промежутки которыхъ перевились тысячами многообразнѣйшихъ ліанъ. Ручей, по окраинѣ котораго шли путники, падалъ въ другой, гораздо бо́льшій, стремившійся съ покатости горъ и клокотавшій по утесамъ и каменьямъ, которыми было усѣяно его ложе. Шумъ воды нарушалъ тишину дикой природы; но вскорѣ картина оживилась тысячами прелестныхъ *солнечныхъ птичекъ* (Eurypyga helias): красивыя пернатыя кружились цѣлыми стадами и ловили мошекъ и другихъ насѣкомыхъ, составлявшихъ ихъ пищу.

«Мы находились у подошвы хребта и принуждены были продолжать путь въ гору, опять-таки по окраинѣ горнаго потока, который съ дикимъ шумомъ стремился внизъ каскадами и водопадами. Намъ приходилось пробираться по склону довольно крутого берега между верхомъ его, поросшимъ гигантскими деревьями, и полотномъ воды, по скользкому обрыву, усѣянному въ иныхъ мѣстахъ каменьями, а въ другихъ могучею растительностію тропиковъ. Съ величайшими усиліями подвигался я впередъ, вооруженный остроконечною палкою и принужденъ былъ отдыхать почти на каждой сотнѣ шаговъ, тогда-какъ проводники мои индѣйцы съ непостижимою легкостію

перепрыгивали съ камня на камень, пробирались сквозь чащу, расчищали ее ножами и топорами и, повидимому, утомлялись весьма незамѣтно, хотя у каждаго изъ нихъ была за плечами порядочная ноша. Если бы не ихъ помощь, то никогда не удалось бы мнѣ взобраться по страшнымъ ущелинамъ, составлявшимъ нашу дорогу.

«Горнокаменная порода, по которой мы шли, была по большой части или гранитъ, или гнейсъ съ слюдою и вкрапленными гранатами; мѣстами попадались огромные куски вывѣтрившагося слюдистаго сланца. Почти вездѣ утесы были обтянуты какъ-бы сѣтью ліанъ и другихъ вьющихся растеній, которыхъ корни укрывались въ трещинахъ камня; тамъ же, гдѣ попалось хотя немного растительной земли, возвышались древообразные папоротники, мирты, клузіи и разновидныя орхидеи. Вдругъ главный проводникъ мой, старый индѣецъ, о которомъ говорено выше, схватилъ меня за руку и, указывая на груду камней, закричалъ: урари-ей! урари-ей! Мы, въ-самомъ-дѣлѣ, стояли предъ первымъ представителемъ страшнаго произведенія растительности тропическаго климата Южной Америки. Съ невольнымъ ужасомъ смотрѣлъ я на *древо смерти*, источающее неизцѣлимый ядъ, котораго дѣйствіе было мнѣ давно и слишкомъ хорошо знакомо; впервые однакожь я видѣлъ самый источникъ смертельной смолы. Видъ дерева имѣетъ въ себѣ что-то непріятное и отталкивающее, которое какъ бы указываетъ на присутствіе въ немъ смерти. Сучья и листья его покрыты какъ-будто бурою шерстью, а самый стволъ темною, непріятнаго цвѣта, корою съ наростами и трещинами. Индѣйцы племени Макузи зовутъ его *урари;* другія племена нѣсколько измѣняютъ это общее названіе при произношеніи. Такъ, напримѣръ, караибы зовутъ его *вурали.*

«Напрасно искалъ я цвѣтовъ или плодовъ на смертоносномъ деревѣ: ихъ даже не было и слѣдовъ. Я утѣшался надеждою, что встрѣтившееся намъ было молодое растеніе; но едва поднялись мы на сотню футовъ выше, какъ увидали множество старыхъ, толстыхъ деревъ, съ сучьями толщиною въ человѣческую руку, изогнутыми въ кривыя, непріятныя формы: и здѣсь не было ни цвѣтовъ, ни плодовъ. Весьма вѣроятно, цвѣты его очень малы и почти незамѣтны, потому-что индѣйцы, собирающіе урари во всякое время года, утверждаютъ, будто бы оно никогда не цвѣтетъ. Племя Макузи знаетъ три мѣстонахожденія *урари* въ горахъ Кануку: первое, на которомъ я теперь находился, въ отрогѣ Иламикипанга; второе—тамъ, гдѣ *Рупунини* пробивается сквозь горы, около двухъ дней пути отъ *Арипаи*, деревни индѣйцевъ-*в973писіановъ;* третьяго не умѣли мнѣ объяснить обстоятельно. Впослѣдствіи я былъ такъ счастливъ, что нашелъ урари въ двухъ еще неизвѣстныхъ мѣстонахожденіяхъ, тамъ,

гдѣ его вовсе нельзя было предполагать, именно: на берегахъ Померуна и Сурурy, въ землѣ караибовъ. Въ этихъ мѣстностяхъ попались мнѣ, къ счастію, экземпляры съ цвѣтками. Странно, что караибы вовсе не знаютъ объ ужасныхъ свойствахъ этого растенія, и потому не занимаются собираніемъ его коры и вывариваніемъ яда».

Какимъ образомъ нашли индѣйцы опасное растеніе въ дичи и глуши дѣвственныхъ лѣсовъ и едва приступныхъ горъ и какимъ образомъ узнали его ядовитость? Невольно представляются эти вопросы, если сообразить, что множество видовъ *Strychnos* растутъ въ лѣсистыхъ оазисахъ саванны, часто вблизи индѣйскихъ хижинъ, а туземцы не знаютъ ихъ ядовитости, и потому не интересуются ими. На такіе вопросы мы однакожь не въ состояніи отвѣчать.

Шомбургкъ и его спутники нарѣзали себѣ множество толстыхъ сучьевъ, обрубивъ ихъ полѣньями отъ 3 до 4 футовъ длины,—при чемъ выбирали особенно такіе экземпляры растенія, на которыхъ было много побѣговъ, свидѣтельствовавшихъ объ изобиліи сока. Набрали также коры со стволовъ, потому-что изъ нея преимущественно вываривается ядовитое зелье.

Обратный путь былъ еще затруднительнѣе, потому-что удобнѣе было лѣзть на утесы, чѣмъ соскакивать съ нихъ; однакожь наши искатели приключеній возвратились благополучно въ хижину ядовара, гдѣ было рѣшено на другой же день заняться химическими процессами приготовленія *урари*.

Но прежде чѣмъ мы, вмѣстѣ съ Шомбургкомъ, будемъ присутствовать при этой операціи, разскажемъ въ короткихъ словахъ то, что́ намъ прежде было извѣстно о добываніи *урари*.

Знаменитый, хотя и несчастный, Уальтеръ Ралей *(Walter Raleigh)* первый привезъ въ Европу свѣдѣніе о страшномъ быстродѣйствующемъ растительномъ экстрактѣ *урари*, которымъ туземцы береговъ Оринока и Ріо-Негра отравляютъ свои стрѣлы. Несмотря на то, что этотъ предметъ постоянно возбуждалъ съ тѣхъ поръ вниманіе врачей, путешественниковъ и натуралистовъ, приготовленіе и составныя части смертельнаго экстракта были покрыты таинственнымъ мракомъ. Существовали самыя разнорѣчащія извѣстія, въ которыхъ бо́льшая часть разсказа была такъ сплетена, что невозможно было отличить сказку отъ истины. Старинные путешественники — Харцинкъ, Гумилла, Джили, старались превзойти другъ друга въ странныхъ и таинственныхъ подробностяхъ. Первый изъ нихъ разсказываетъ, напримѣръ, что для испытанія дѣйствительности яда индѣйцы обыкновенно втыкаютъ отравленную стрѣлу въ молодое здоровое дерево, и если оно засохнетъ въ теченіи трехъ дней, то ядъ признается имѣющимъ надлежащую силу; говорили, будто бы жи-

вотное и даже человѣкъ, на котораго упадетъ тѣнь растенія, дающаго *урари*, умираетъ въ теченіи нѣсколькихъ минутъ, — что звѣри и птицы убѣгаютъ отъ страшнаго сосѣдства, и что вѣтеръ, промчавшійся надъ *древомъ* смерти, становится тлетворнымъ. Какъ не вспомнить при этомъ случаѣ поэтическихъ строкъ Пушкина, описывавшаго, по такимъ преданіямъ, *Анчаръ (upas anthiar)*, также одинъ изъ видовъ *стрихноса*.

Къ нему и птица не летитъ,
И звѣрь нейдетъ; лишь вихорь чорный
На древо смерти набѣжитъ —
И мчится прочь, уже тлетворный!

Но это одни вымыслы, правда поэтическіе, но тѣмъ не менѣе вымыслы. Ни звѣрь, ни птица не бѣгутъ отъ *анчара* и *урари*; потому-что имъ нечего тутъ опасаться, и вихорь, пролетѣвъ надъ ядовитыми стрихносами, нисколько не дѣлается тлетворнымъ. Мы далѣе увидимъ, что *ядъ урари можно даже принимать внутрь безъ вреда*, потому-что онъ дѣйствуетъ смертельно только тогда, когда попадаетъ прямо въ кровь. Въ этомъ случаѣ онъ похожъ на яды змѣй, которые можно принимать внутрь безбоязненно, если только не находится во рту никакихъ царапинъ.

Первымъ обстоятельнымъ свѣдѣніемъ о приготовленіи урари обязаны мы Александру Гумбольдту, который, путешествуя въ тропической Америкѣ въ началѣ настоящаго вѣка, присутствовалъ самъ въ Эсмеральдѣ при изготовленіи страшнаго экстракта. Позднѣйшіе путешественники были очень недовольны простотою гумбольдтова разсказа и старались вновь придать этой операціи таинственную, хитро-сплетенную форму. Стали увѣрять, будто бы сокъ растенія урари служитъ только, такъ сказать, вмѣстилищемъ яда, а смертельныя его свойства зависятъ отъ примѣси яда змѣй, каковы *Trigonocephalus*, *Crotalus*, ядовитыхъ муравьевъ *Ponera*, *Cryptocerus*, и нѣкоторыхъ другихъ животныхъ, которыхъ укушеніе смертельно. Но ни одинъ изъ путешественниковъ, сообщавшихъ эти диковинки, не видалъ самъ приготовленія яда, а разсказывалъ только то, что слышалъ отъ индѣйцевъ, между которыми дѣйствительно ходятъ подобные темные слухи объ ужасномъ составѣ, изготовленіемъ котораго занимаются только немногіе адепты изъ племени Макузи.

Робертъ Шомбургкъ, братъ натуралиста, въ первое путешествіе свое по англійской Гвіанѣ обратилъ особенное вниманіе на разъясненіе таинственныхъ извѣстій о знаменитомъ ядѣ. Если онъ не вполнѣ

(*) Voyage aux régions équinoxiales, exécuté par Alexandre de Humboldt et Bonpland, T. VIII, p. 153.

достигъ цѣли, къ которой стремился, то, по-крайней-мѣрѣ, имѣлъ случай ботанически изучить растеніе, составляющее главную основу яда. Въ ваписіанской деревнѣ *Арипаи* на *Рупинини* (подъ 3° сѣвер. шир.) онъ узналъ, что *урари* растетъ въ горахъ Кануку, не далѣе полуторы сутокъ ходьбы отъ Арипаи. Онъ пустился въ дорогу съ нѣсколькими индѣйцами, взявшимися проводить его, и въ однѣ сутки достигнулъ до деревни *Мамезна*, гдѣ познакомился съ туземцемъ, который хорошо зналъ мѣстонахожденіе ядовитаго дерева и даже самъ умѣлъ приготовлять ядъ, для отравы стрѣлъ. Онъ охотно брался доставить сэру Роберту ядовитую кору и сучья *урари*, но отказывался итти съ нимъ на самое мѣсто; только богатыми подарками склонился индѣецъ на просьбу путешественника и повелъ его по едва проходимому лѣсу и дикими ущелинами къ мѣсту, гдѣ росъ *урари*. Хотя на страшномъ деревѣ не было ни цвѣтовъ, ни листьевъ, но Шомбургкъ тотчасъ узналъ въ немъ одинъ изъ видовъ стрихноса, который назвалъ *strychnos toxifera* (*). Впрочемъ ни за какіе подарки не хотѣлъ согласиться индѣецъ приготовить ядъ въ присутствіи европейца, хотя и объявилъ ему, что для этого кипятятъ кору въ водѣ и прибавляютъ другія травы; о прибавкѣ же змѣинаго и муравьинаго ядовъ индѣецъ отзывался съ усмѣшкою, какъ о сказкѣ, которою пугаютъ женщинъ, дѣтей и европейцевъ. Шомбургкъ не берется рѣшить, что удержало дикаго отъ приготовленія яда въ его присутствіи, — неумѣнье или суевѣрный страхъ открыть бѣлому человѣку тайны тщательно скрываемаго обряда?

Въ 1837 году, Роберту Шомбургку опять удалось быть въ странѣ, гдѣ растетъ *урари*. Въ *Пирарѣ* сказали ему, что неподалеку живетъ индѣецъ изъ племени Макузи, извѣстный какъ самый искусный ядоваръ на Эссеквибо и Ориноко. Познакомившись съ нимъ, онъ отправился въ горы Иламикипанга, гдѣ и нашелъ *strychnos toxifera*, въ 18 англійскихъ миляхъ отъ перваго мѣстонахожденія; опять не было на ядовитомъ деревѣ ни цвѣтовъ, ни плодовъ; зато не оставалось болѣе сомнѣнія, что растеніе принадлежало къ породѣ *стрихносовъ*. По возвращеніи въ Пирару, индѣецъ потребовалъ нѣсколько дней времени, чтобы строгимъ постомъ приготовиться къ страшному дѣлу ядоваренія; а между тѣмъ явился въ Пирару одинъ изъ главныхъ старшинъ племени Макузи, по имени Капаима, и угрозами отвратилъ индѣйца отъ приготовленія яда въ присутствіи европейца. Тогда рѣшился сэръ Робертъ самъ попытаться сварить ядъ. Онъ налилъ на два фунта коры одинъ галлонъ воды и уварилъ ее до густоты сыропа, который получилъ бурый цвѣтъ и дѣйствовалъ почти также

(*) См. Robert Hermann Schomburgk's Reise in Guiana und am Orinoko, стр. 94.

какъ и ядъ индѣйцевъ, только съ меньшею силою. Весьма вѣроятно, что если бы Шомбургъ продолжалъ кипяченіе не семь часовъ, а 48, какъ то дѣлаютъ индѣйцы, то приготовленный имъ ядъ былъ бы дѣйствительнѣе и получилъ чернобурый цвѣтъ, отличающій *урари* индѣйскихъ мастеровъ.

По собраннымъ на мѣстѣ свѣдѣніямъ, многія индѣйскія племена, обитающія между Амазонскою рѣкою и Ориномомъ, занимаются приготовленіемъ *урари*; но каждое племя разнится въ способѣ приготовленія и примѣсяхъ, отчего ядъ разнится въ силѣ и быстротѣ дѣйствія. Племя Макузи, живущее въ томъ мѣстѣ, гдѣ растетъ *урари*, приготовляетъ самый сильный ядъ, которымъ производитъ немаловажную мѣновую торговлю даже съ далекими индѣйскими племенами, обитающими по Ориноку и Амазонкѣ. Ядъ, приготовляемый племенами Юрисъ, Пассе, Тикунасъ и другими, живущими по Амазонкѣ и Юпурѣ, несравненно слабѣе *яда макузи*. Гумбольдтъ, самый достовѣрный изъ путешественниковъ, видѣлъ ядовареніе въ Эсмеральдѣ на Ориноко; во времена Шомбургка эта деревня служила убѣжищемъ только одному семейству, глава котораго, согбенный лѣтами, помнилъ еще Гумбольдта. Онъ сообщилъ Шомбургку, что тамошній ядъ зовется *кумарави* и *манура*, но далеко уступаетъ въ силѣ *урари*, продаваемому племени Макузи. Ученый натуралистъ убѣдился, что здѣсь употребляютъ не *Strychnos toxifera*, а кору *Bouhamon Guianensis* (Aubl. Losiostoma cirrhosa Willd.), или *Strychnos cogens*. Растеніе *Strychnos toxifera* было вовсе неизвѣстно здѣшнимъ племенамъ.

Послѣ многихъ трудовъ удалось наконецъ сэру Роберту, вмѣстѣ съ миссіонеромъ Юдомъ (Joud), видѣть приготовленіе смертоноснаго экстракта; описаніе ихъ вполнѣ сходно съ разсказомъ Ричарда Шомбургка, къ которому мы теперь опять возвращаемся.

Старый ядоваръ всячески отговаривался отъ приготовленія яда при Ричардѣ, точно какъ прежде отказался варить смертную смолу при братѣ натуралиста. Однакожь подарокъ складного ножа рѣшилъ затрудненіе, и положено было заняться дѣломъ въ упомянутой выше лабораторіи.

Индѣецъ облупилъ сперва кору и счистилъ лубъ съ принесенныхъ изъ экспедиціи сучьевъ и досталъ три новыхъ глиняныхъ горшка: одинъ, глубокій, долженъ былъ служить для выварки экстракта, а два плоскихъ, для его сгущенія. Съ особенными, таинственными обрядами поставилъ онъ горшокъ на три камня и развелъ подъ нимъ огонь; тотчасъ потомъ влилъ въ горшокъ 4 кварты воды, почерпнутой въ ближнемъ ручью, также съ таинственными обрядами. Должно замѣтить, что, по мнѣнію индѣйцевъ, всѣ эти формы необходимы для дѣйствительности яда.

Какъ скоро вода въ горшкѣ начала закипать, старикъ положилъ въ нее два фунта измельченной коры и луба *strychnos toxifera;* потомъ началъ онъ толочь въ огромной деревянной ступѣ слѣдующую смѣсь:

Коры Яки (1)		$^1/_4$ фунта.
« Аримару (2)		$^1/_4$ «
« Тариренга		$^1/_4$ «
« Вокаримо		$^1/_4$ «
Корня Тариренга		$^1/_2$ унца.
« Тараремy		$^1/_2$ унца.

Первыя два растенія удалось Шомбургку опредѣлить ботанически; остальныя три показались ему принадлежащими также къ неизвѣстнымъ еще видамъ рода *стрихносовъ*.

Истолокши эту смѣсь, индѣецъ началъ класть ее мало-по-малу въ кипѣвшій горшокъ, причемъ шепталъ надъ смѣсью таинственныя слова и дулъ на жидкость, отчего, по мнѣнію его, ядъ долженъ былъ получить особенную силу. Послѣ всего положилъ онъ въ горшокъ четыре небольшихъ кусочка дерева *Манука* (3). Огонь подъ горшкомъ былъ очень слабый, такъ-что жидкость едва кипѣла; собиравшуюся на поверхности, въ большомъ количествѣ, пѣну индѣецъ тщательно счерпывалъ. Въ теченіи цѣлыхъ сутокъ старикъ отлучался отъ огня только на нѣсколько мгновеній; по минованіи же 24 часовъ онъ снялъ съ огня жидкость, укипѣвшую до одной четверти и получившую видъ сыропа, а цвѣтъ крѣпкаго, кофейнаго отвара. Онъ процѣдилъ ее сквозь воронки изъ пальмовыхъ листьевъ, наполненныя *шолковою* травою, при чемъ твердыя частицы остались въ воронкѣ, а жидкость медленно капала въ широкіе, плоскодонные горшки, въ которыхъ и выставлена была на солнечные лучи. Постоявъ на нихъ часа три, сиропъ видимо сдѣлался гуще; тогда старикъ прибавилъ въ него липкій сокъ, выжатый изъ полуунца корня Мураму (4), предварительно развареннаго въ кипящемъ ядѣ: отъ этой прибавки ядъ мгновенно превратился въ родъ студени, которая была оставлена на солнцѣ для дальнѣйшаго сгущенія. По прошествіи еще двухъ сутокъ, индѣецъ разложилъ ядъ въ ма-

(1) Strychnos Schomburgkii Kl Sp. nov.

(2) Strychnos Cogens Benth.

(3) *Манука* есть дерево изъ породы *Xanthoxyleae*. Оно имѣетъ чрезвычайно горькій вкусъ, и отваръ его употребляется жителями береговъ Амазонской рѣки,Ріо-Негро и Ріо-Бранко какъ самое дѣйствительное средство противъ сифилитическихъ болѣзней. Понынѣ оно еще не было испытано европейскими врачами.

Должно замѣтить, что всѣ вещества, изъ которыхъ приготовляется *урари* одарены чрезвычайно горькимъ вкусомъ и всѣ болѣе или менѣе ядовиты.

(4) Cissus speciosus?

ленькіе полу-круглые глиняные горшечки, нарочно изготовленные для этой цѣли; простоявъ трое сутокъ, смертоносный экстрактъ получилъ надлежащую густоту и былъ завязанъ, въ упомянутыхъ горшкахъ, пальмовыми листьями и кусочками звѣриной шкуры. Ядъ былъ готовъ.

Оставалось теперь еще испытать его дѣйствіе въ присутствіи Шомбургка. Индѣецъ наловилъ для этой цѣли множество большихъ ящерицъ: эти животныя были выбраны потому, что вообще ядъ дѣйствуетъ на нихъ гораздо слабѣе, чѣмъ на тепло-кровныя. Шомбургкъ взялъ обыкновенную булавку, окунулъ ее въ черную, густую, какъ бы смолистую массу яда, далъ обсохнуть и потомъ слегка укололъ пойманныхъ ящерицъ, однихъ въ хвостъ, а другихъ въ заднія ноги. Чрезъ девять минутъ животныя упали на землю подъ вліяніемъ яда и по прошествіи еще одной минуты издохли. Огромная крыса издохла на четвертой минутѣ, а пѣтухъ, назначенный для шомбургкова обѣда, уже на третьей минутѣ по уязвленіи. Рана вообще была такъ мала, что ее нельзя было различить глазомъ; изъ нея не вытекло ни одной капли крови.

По увѣренію индѣйцевъ, ядъ урари, хорошо приготовленный, сохраняетъ свою силу въ продолженіи многихъ лѣтъ. Если же сила его ослабѣетъ, стоитъ только примѣшать къ нему немного ядовитаго сока маніоковаго корня и зарыть на сутки въ землю. Сокъ маніока соединится съ урари[1] и ядовитыя свойства послѣдняго возраждаются съ первоначальною силою.

Что ядъ дѣйствительно теряетъ свою силу отъ времени, въ томъ увѣрился Шомбургкъ изъ собственнаго опыта. Ядъ, приготовленный въ его присутствіи индѣйскимъ химикомъ, потерялъ, по прибытіи въ Берлинъ, часть своей силы, и смерть отъ него наступала уже не по прошествіи трехъ или десяти минутъ, но чрезъ четверть и полчаса времени. Пишущій эти строки убѣдился изъ многократныхъ опытовъ, что обращики яда, полученные имъ отъ трехъ различныхъ лицъ и хранящіеся у него уже нѣсколько лѣтъ, дѣйствуютъ гораздо медленнѣе, чѣмъ свѣже-приготовленный ядъ, по описаніямъ путешественниковъ, посѣщавшихъ берега Ориноко и Эссеквибо. Мы приведемъ въ заключеніе нѣсколько опытовъ, которые произвели сами въ Парижѣ и здѣсь, въ Петербургѣ, въ присутствіи многихъ ученыхъ.

По собраннымъ Шомбургкомъ свѣдѣніямъ, ядовары никогда не примѣшиваютъ къ *урари* ни змѣинаго, ни муравьинаго, ни другого животнаго яда. Ядъ племени Макузи считается самымъ сильнымъ, а онъ въ точности приготовляется по описанному нами способу, безъ

---
(1) Manihot utilissima.

всякихъ посторонних примѣсей. Старикъ ядоваръ положительно увѣрялъ Шомбургка, что разсказы о примѣси змѣинаго и муравьинаго ядовъ выдумки только для обмана европейцевъ, въ надеждѣ получить съ нихъ большую плату.

Ядовареніе у племени Макузи (и вѣроятно также у другихъ дикихъ племенъ) сопряжено съ множествомъ суеверныхъ обрядовъ. Ядоваръ во все продолженіе своей операціи долженъ соблюдать безусловное воздержаніе отъ пищи и питья и не смѣетъ взглянуть на лицо женскаго пола; жена его не должна въ это время находиться въ состояніи беременности. Принимаются самыя строгія мѣры, чтобы во время приготовленія яда ни женщина, ни дѣвушка не подходили къ хижинѣ, гдѣ совершается таинственное дѣло. Никто изъ участниковъ и свидѣтелей процесса не долженъ ѣсть въ теченіи нѣсколькихъ дней сахарнаго тростника ([1]), а самъ мастеръ не смѣетъ говорить ни съ кѣмъ изъ постороннихъ дѣлу лицъ, пока совершенно кончитъ свой процессъ. Огонь, однажды зажженный подъ горшкомъ, съ таинственными обрядами, долженъ сохраняться неугасимо въ продолженіи всей варки. Въ противномъ случаѣ, при нарушеніи котораго-либо изъ этихъ завѣтовъ, приготовляемый ядъ не будетъ имѣть надлежащей силы. Слова, произносимыя при ядовареніи, составляютъ завѣтную тайну немногихъ адептовъ и передаются отъ отца сыну, какъ драгоцѣнное наслѣдіе.

Множество стѣснительныхъ и суевѣрныхъ обрядовъ не позволяютъ мастеру заниматься варкою яда болѣе двухъ разъ въ годъ. Впрочемъ это приготовленіе совершенно безопасно, и даже пары кипящаго яда безвредны; самое трудное состоитъ въ безпрерывномъ сниманіи пѣны съ кипящаго состава, что́ чрезвычайно утомительно.

Частыя наблюденія показали Шомбургку, что чѣмъ медленнѣе совершается кровообращеніе въ животномъ, тѣмъ медленнѣе и слабѣе дѣйствуетъ на него ядъ. Изъ всѣхъ теплокровныхъ животныхъ, *ай* или *лѣнивецъ* наиболѣе противостоитъ дѣйствію отравленія, но и тотъ околѣваетъ чрезъ четверть часа послѣ укола булавкою, напитанною ядомъ. Всего скорѣе умираютъ обезьяны и животныя кошачьей породы.

До сихъ поръ не знаютъ еще вѣрнаго противоядія отъ дѣйствія урари, хотя индѣйцы увѣряютъ, что сахаръ и соль дѣйствуютъ спасительно въ этомъ отношеніи. Шомбургкъ сомнѣвается въ этомъ, потому-что самъ видѣлъ, какъ индѣйцы, нечаянно поранившіе себя отравленною стрѣлою, стоически садятся на землю, прощаются съ

([1]) Такъ-какъ сахаръ считается (едва ли впрочемъ основательно) противоядіемъ *урари*, то индѣйцы думаютъ, что присутствіе его въ желудкѣ свидѣтелей ядоваренія способствуетъ къ уменьшенію силы смертельнаго экстракта.

своимъ оружіемъ и окружающими ихъ лицами и, не прибѣгая ни къ какимъ мѣрамъ, умираютъ тутъ же на мѣстѣ, по прошествіи нѣсколькихъ минутъ. Страданія отравленныхъ заключаются преимущественно въ неутолимой, палящей жаждѣ.

Урари, принятый внутрь, если только во рту нѣтъ язвинки или царапины, не дѣйствуетъ ядовито. Индѣйцы обыкновенно смачиваютъ во рту острія своихъ отравленныхъ стрѣлъ, прежде чѣмъ пускаютъ ихъ; при отравленіи оружія они облизываютъ ядъ, приставшій къ пальцамъ, и глотаютъ его. Робертъ Шомбургкъ неоднократно принималъ урари внутрь отъ лихорадки, за неимѣніемъ хинины; впрочемъ такіе опыты довольно опасны, потому-что малѣйшей царапины во рту или горлѣ достаточно для смертельнаго отравленія.

По увѣренію индѣйцевъ, ядъ ослабѣваетъ отъ долговременнаго вліянія сырого воздуха, почему отравленныя острія сохраняются постоянно въ колпачкахъ изъ тростника.

Мы не будемъ говорить о химическихъ и физіологическихъ изслѣдованіяхъ урари, сдѣланныхъ въ прошломъ и началѣ нынѣшняго столѣтія: изъ нихъ немного можно почерпнуть положительнаго. Въ наше время Эстерленъ (1) выводилъ изъ своихъ изслѣдованій, что американскіе яды, *безъ сомнѣнія*, *содержатъ стрихнинъ* и принадлежатъ къ разряду поражающихъ спинной мозгъ и производящихъ тетаническія корчи *(Spinantia, tetanica)*, почему и должны быть отнесены къ разряду, въ которомъ помѣщены челибуха (2), бобы св. Игнатія (3), рыболовныя ягоды (4), бруцинъ и стрихнинъ. Напротивъ того, изслѣдованія берлинскаго химика доктора Хейнца, который получилъ ядъ прямо отъ Шомбургка (5), показываютъ, что урари вовсе не содержитъ стрихнина, хотя и невозможно отдѣлить ядовитаго вещества въ чистомъ видѣ отъ примѣсей и сказать положительно, какія оно имѣетъ химическія и физическія свойства. Хейнцъ убѣдился однакожь, что, несмотря на пятилѣтнюю давность приготовленнаго въ присутствіи Шомбургка яда, три миллиграма (или $^1/_{20}$ часть грана) достаточны для смертельнаго отравленія кролика. Химическое разложеніе показало въ урари, кромѣ экстрактивнаго начала (которое невозможно было отдѣлить въ чистомъ видѣ), еще сахаръ, камедь, орѣшковую кислоту, дубильную кислоту, и слѣды солей орга-

---

(1) Handbuch der Heilmittellehre von Dr. Oesterlen. Tubingen, 1845, стр. 853.

(2) Nux vomica.

(3) Faba Sancti Ignatii.

(4) Cocculi Indici.

(5) Это былъ тотъ самый ядъ, который приготовлялъ старикъ макузи въ присутствіи Шомбургка, по описанному нами въ этой статьѣ способу. Ядъ былъ привезенъ въ Берлинъ, спустя пять лѣтъ послѣ приготовленія.

ническихъ кислотъ (вѣроятно, виннокаменной и яблочной). Вообще отравленіе урари разнилось отъ стрихниноваго отсутствіемъ страшныхъ судорогъ и гораздо спокойнѣйшею смертію животнаго.

По опытамъ докторовъ Фирхофа и Юліуса Мюнтера надъ ядомъ, вывезеннымъ Шомбургкомъ, оказывается, что хотя, по увѣренію индѣйцевъ макузи, урари чрезъ два года теряетъ бо́льшую часть своей силы, этотъ ядъ, даже по прошествіи пяти лѣтъ, дѣйствовалъ еще чрезвычайно энергически, такъ-что количество $^1/_{10}$ части грана было достаточно для смерти кролика, а отъ $^1/_4$ грана околѣвала большая собака. Упомянутые доктора, по тщательномъ изученіи врученнаго имъ яда, вывели слѣдующія заключенія:

1) Урари, по прошествіи многихъ лѣтъ послѣ приготовленія, дѣйствуетъ чрезвычайно ядовито, хотя и не такъ уже сильно, какъ въ свѣжемъ состояніи.

2) Онъ не содержитъ въ себѣ стрихнина, и припадки отъ него не представляютъ тождества съ явленіями отравленія стрихниномъ.

3) Урари не принадлежитъ къ тетаническимъ ядамъ, не производя ни *trismus* ни *tetanos*, а скорѣе дѣйствуетъ одуряющимъ образомъ, какъ весьма сильные пріемы опіума; при этомъ замѣчается прекращеніе произвольнаго движенія мускуловъ, тогда-какъ непроизвольныя движенія продолжаются.

4) Урари не умерщвляетъ чрезъ всасыванье съ-наружи, но только чрезъ непосредственное введеніе въ кровь.

5) Трупъ отравленнаго животнаго представляетъ явленія, сходныя съ трупомъ погибшаго отъ механическаго насилія. По мнѣнію упомянутыхъ врачей, смерть наступаетъ не такъ, какъ прямой результатъ отравленія, а какъ слѣдствіе прекращенія дыханія.

Чтобы показать читателямъ образецъ дѣйствія урари (хотя уже ослабленнаго временемъ), мы приведемъ здѣсь два опыта, сдѣланные нами лично, первый въ Парижѣ, а второй въ Петербургѣ.

1843 года, 14 января, въ $11^1/_4$ часовъ утра, мы укололи правую заднюю ногу кошки, немного повыше лапки, булавкою, покрытою до половины ядомъ, полученнымъ отъ доктора Кеневиля. Булавка, вонзившаяся на полдюйма, была оставлена въ ранѣ, изъ которой не вытекло ни капли крови, и животное, казалось, едва почувствовало сдѣланную ему рану, такъ-что, будучи выпущено на волю, весело бѣгало и прыгало по комнатѣ. Черезъ четыре съ половиною минуты кошка вскочила на табуретъ и сдѣлалась видимо безпокойною, а по прошествіи еще одной минуты погрузилась какъ бы въ сонъ; чрезъ шесть минутъ послѣ укола сердце билось 82 раза въ минуту; чрезъ семь съ четвертью минутъ дыханіе прекратилось, но сердце

билось еще. Смерть наступила безъ всякихъ конвульсій чрезъ семь и три четверти минутъ послѣ нанесенія раны.

1843 года, 21 мая, въ 2 часа 40 минутъ по-полудни, сильная дворовая собака была уколота булавкою, отравленною ядомъ, полученнымъ отъ капитана Дюбуа; булавка длиною въ полтора дюйма вонзена въ правую заднюю ляшку, до самой головки, и оставлена въ ранѣ. Крови опять не было, и животное едва замѣтило уколъ. Ему дали ѣсть, и оно жадно принялось лакать изъ подставленной тарелки, что́ продолжалось четыре минуты съ четвертью: облизавъ тарелку, собака легла близь нея на солнцѣ; принесли другую тарелку съ супомъ и поставили на прежнее мѣсто, но собака, весьма жадная въ обыкновенномъ состояніи, теперь довольно равнодушно смотрѣла на стоявшее близь нея кушанье, наконецъ однакожь привстала и, подойдя къ тарелкѣ, начала ѣсть, какъ бы нехотя. По прошествіи $14\frac{1}{2}$ минутъ послѣ отравленія, когда собака не съѣла еще второй порціи супу, она вдругъ перестала лакать, опустила сперва непроизвольно голову и чрезъ $\frac{1}{4}$ минуты легла на полъ, закрывъ глаза; по тѣлу пробѣгали легкія судороги, члены были удобоподвижны, дыханіе прерывисто, неправильно, и сердце билось 90 разъ въ минуту. Двадцать минутъ послѣ укола судороги усилились; чрезъ 23 минуты дыханіе и судороги прекратились, а чрезъ $24\frac{1}{2}$ минуты животное было мертво. Хотя здѣсь и проявлялись судороги, однакожь ихъ нельзя было сравнить съ тѣми, которыя бываютъ слѣдствіемъ стрихнина и азіятскихъ ядовъ.

Кромѣ урари и и видоизмѣненій, получаемыхъ изъ растеній породы *стрихносовъ*, южно-американскіе индѣйцы извлекаютъ и другіе, сильные яды изъ различныхъ ліанъ и семейства аронниковыхъ растеній *(arum)*. Такъ, напримѣръ, Сакъ, во время путешествія своего въ Суринамѣ, имѣлъ случай видѣть чрезвычайно ядовитый *Arum*, называемый туземцами *панкинъ* (¹), изъ котораго приготовляется ядъ, извѣстный подъ названіемъ *васси*. Къ Шомбургку неоднократно приходили больные индѣйцы и просили о помощи, увѣряя, что они отравлены ядомъ *васси*, тогда-какъ по большой части они страдали припадками обыкновенныхъ болѣзней. Взаимная ненависть дикихъ племенъ между собою и удобство мстить посредствомъ яда поселили такую боязнь, что каждый чувствующій себя больнымъ подозрѣваетъ въ себѣ дѣйствіе отравы.

Въ другой статьѣ мы поговоримъ объ азіятскихъ и африканскихъ ядахъ — упасѣ, анчарѣ, тангинѣ и другихъ.

(¹) Arum venenatum Surinamense, Woolfers.

М. Х.

ПОКОРЕНІЕ СИБИРИ. *Историческое изслѣдованіе* Павла Небольсина. *Спб. 1849.*

Имя г. Павла Небольсина появилось въ русской литературѣ недавно. Если не ошибаемся, въ первый разъ увидѣла его наша публика въ 1847 году, подъ весьма занимательными «Разсказами о Сибирскихъ Золотыхъ Промыслахъ», печатавшимися въ Отечественныхъ Запискахъ. Эти разсказы исполнены были дѣльныхъ замѣтокъ умнаго очевидца, умѣвшаго подмѣтить въ своемъ предметѣ все живое и характерное. Мы отдали имъ справедливость въ обозрѣніи русской литературы за 1847 годъ. Вторымъ трудомъ г. Небольсина было «Покореніе Сибири», помѣщенное сначала въ томъ же журналѣ, а потомъ недавно вышедшее отдѣльной книжкой. Но это уже не разсказы, а «историческое изслѣдованіе». Такое названіе, данное книгѣ самимъ авторомъ, пробуждаетъ въ читателѣ совсѣмъ иныя требованія; передъ нимъ уже не туристъ, у котораго собственно нѣтъ никакихъ обязанностей въ отношеніи къ читателю, кромѣ одной — не быть скучнымъ: передъ нимъ изслѣдователь и историкъ....

Признаемся откровенно, по нашему мнѣнію, туристъ далеко оставилъ за собою историка, такъ далеко, что одна глава Сибирскихъ Разсказовъ, взятая на-удачу, стоитъ всего Сибирскаго Изслѣдованія. Съ тою же искренностію, съ которою привѣтствовали мы первый литературный опытъ г. Небольсина, выскажемъ мы и теперь наше мнѣніе о второмъ его опытѣ, не стѣсняясь тѣмъ, что г. Небольсинъ принадлежитъ къ числу нашихъ сотрудниковъ. Мнѣніе наше выразится постепенно при обозрѣніи книги.

Желая познакомить нашихъ читателей, какъ ученыхъ *ex professo*, такъ и любителей чтенія вообще, съ этимъ, во многихъ отношеніяхъ замѣчательнымъ, историческимъ изслѣдованіемъ, мы поступимъ такимъ образомъ: представимъ главнѣйшіе результаты изслѣдованія, въ томъ порядкѣ, въ какомъ они изложены самимъ авторомъ, и сдѣ-

лаемъ мимоходомъ нѣкоторыя замѣчанія на тѣ изъ нихъ, которые въ какомъ-нибудь отношеніи показались намъ слабыми.

Все это изслѣдованіе состоитъ изъ десяти главъ, которымъ предшествуетъ, разумѣется, предисловіе. Здѣсь, въ этомъ предисловіи, авторъ объясняется насчетъ причинъ, цѣли и характера своего произведенія, а главное — указываетъ, на какіе вопросы должно обратить особенное вниманіе въ историческомъ изслѣдованіи о завоеваніи Сибири. Вотъ эти вопросы: 1) что̀ за страна была Сибирь въ то время, когда Ермакъ покорилъ ее; 2) стоитъ ли Ермакъ той памяти и славы, которыми окружаетъ его потомство; 3) точно ли покорилъ эту страну Ермакъ, и не принадлежитъ ли вся слава этого завоеванія Строгоновымъ; 4) что́ знало наше правительство объ этой странѣ до Ермака? и пр. Мы передаемъ эти вопросы въ нѣсколько сокращенномъ видѣ; другіе, незначительные, совсѣмъ пропускаемъ.

Тутъ слѣдуетъ у автора, весьма странная по нашему мнѣнію, оговорка: «безъ всякаго сомнѣнія — говоритъ онъ — полное и удовлетворительное рѣшеніе всѣхъ этихъ вопросовъ и соглашеніе разнорѣчивыхъ сказаній лежитъ на обязанности будущаго историка, историка по призванію и вмѣстѣ съ тѣмъ ученаго *ex professo*. Но такъ какъ мы *коснулись* этихъ вопросовъ, то намъ уже и неловко обойти ихъ» и проч. Да не только неловко, а уже и не должно: вы взяли на себя роль изслѣдователя, слѣдовательно должны обратить строгое вниманіе на рѣшеніе этихъ вопросовъ: они должны быть главными пунктами вашихъ изслѣдованій, рѣшились ли вы только поколебать господствующія о нихъ мнѣнія, или представить на мѣсто этихъ мнѣній что-нибудь положительное новое. Вы сами же говорите вслѣдъ за этимъ, что попытка въ разъясненіи этихъ вопросовъ будетъ составлять *содержаніе предлежащаго труда (стр. 3)*, которому вы сообщаете форму разсказовъ, такъ, чтобъ каждая отдѣльная глава составляла отдѣльный разсказъ, а *не сухое ученое изслѣдованіе*, потому-что здѣсь «мы не пускаемся — говорите вы — *ни въ какія учености, а тѣмъ паче въ отвлеченности. Ученыя тонкости не по насъ: мы просимъ позволенія бесѣдовать просто, безъ претензій*, безъ излишнихъ умствованій и съ *подобающимъ уваженіемъ къ истинѣ*». Признаемся, мы рѣшительно не понимаемъ этой замѣтки противъ учености, притомъ со стороны изслѣдователя такого вопроса, который не можетъ быть иначе изслѣдованъ, какъ только съ помощію учености. Къ сожалѣнію, это изслѣдованіе было напечатано также и въ жунарлѣ, который имѣетъ довольно поклонниковъ, особенно въ отдаленныхъ провинціяхъ. Въ этихъ провинціяхъ и безъ того попадаются юноши съ претензіями на неученость, на пренебреженіе наукой вообще и на страшныя затяжки жуковскимъ таба-

комъ, а тутъ еще и почтенные литераторыначинаютъ отказываться отъ учености, какъ-будто отъ чего-нибудь неприличнаго или смѣшного. Если вы хотите въ этомъ случаѣ поразить ученость *безполезную*, такъ объяснитесь, какого рода ученость вы отвергаете: тогда, можетъ быть, оказалось бы, что и такіе предметы, какъ напримѣръ, избранный вами, въ-самомъ-дѣлѣ не стоютъ глубокаго и строгаго умственнаго труда.... Но пойдемъ дальше.

Въ первой главѣ своихъ изслѣдованій авторъ слегка, поверхностно, разсматриваетъ сибирскихъ лѣтописцевъ и историковъ, и, «по его личнымъ соображеніямъ и убѣжденію, оказывается, что лѣтопись Саввы Есипова заслуживаетъ предпочтеніе предъ всѣми прочими лѣтописями». На чемъ же основано это мнѣніе? а вотъ на чемъ:

«Лѣтопись Есипова — говоритъ онъ, сравнивая ее съ строгоновскою — несмотря на *реторику* и *фразерство*, кратчайшая. Она излагаетъ происшествія *просто*, *внятно*, *безъ претензій на ученость* (бѣдная ученость!), безъ особенныхъ увлеченій въ чью-либо личную пользу; она заключаетъ въ себѣ обстоятельства, которыя служили поводомъ къ ея *осуществленію*, поименовываетъ автора, указываетъ время составленія и не скрываетъ, что лѣтописецъ «распространилъ тотъ подлинникъ, которымъ онъ самъ руководствовался, и гдѣ прежній авторъ *стѣснялся въ рѣчахъ*». Изъ этого слѣдуетъ — продолжаетъ нашъ авторъ — что Есиповъ, худо ли, хорошо ли, но дѣйствовалъ не безъ критики....» и проч.

Какъ же такъ? въ лѣтописи Есипова реторика и фразерство и въ тоже время простота! И слѣдуетъ ли изъ представленныхъ здѣсь доказательствъ, что Есиповъ дѣйствовалъ не безъ критики? Тутъ мы съ авторомъ разойдемся совершенно. По нашему мнѣнію, для Есипова не существовала ни какая критика, она была для него невозможна: онъ является въ своей лѣтописи самымъ пустымъ, самымъ абстрактнымъ и безжизненнымъ человѣкомъ; движенія его духа сжаты и подавлены педантизмомъ того времени — реторикой, и многими заблужденіями его жизни. Реторика до такой степени была главною задачею его жизни, что все распространеніе подлинника, о которомъ онъ говоритъ, состояло именно только въ реторической обдѣлкѣ фразъ, находящихся въ его первообразѣ. Даже о Ермакѣ онъ не умѣлъ придумать другой фразы для выраженія его достоинствъ, какъ назвавъ его «*велемудрымъ риторомъ*». Только въ одномъ мѣстѣ онъ распространилъ сказаніе подлинника, и именно въ томъ, гдѣ дѣло зашло о сибирскихъ рыбахъ: только этотъ предметъ зашевелилъ въ немъ, повидимому, одну изъ его живыхъ струнъ. А что онъ не внесъ въ свою лѣтопись ссылки, находящейся въ первообразѣ, о *сказаніи другихъ лѣтописцевъ*, «яко призваша ихъ (Ер-

мака съ товарищи) съ Волги Строгоновы и даша имъ имѣнія и одежды добрыя и оружія и проч.», такъ это произошло опять-таки отъ равнодушія его къ личностямъ вообще. Для него завоеваніе Сибири вовсе неинтересно какъ подвигъ личностей; онъ видитъ въ этомъ дѣлѣ только истребленіе «поганыхъ», а въ казакахъ *одну массу*, избранную Богомъ для наказанія Кучума»: мню же, яко сего ради посла на сихъ гнѣвъ свой Господь, на сего царя Кучума и иже подъ его властію бысть, яко закона божія не вѣдуще, и поклоняющеся идоломъ, и жруще бѣсомъ, а не Богу благому, ихъ же не вѣдуще, якоже древле при законодавцѣ Моисеѣ сотвориша израильстіи людіе тельца», и проч. Тутъ онъ довольно распространяется объ этомъ событіи еврейской исторіи, такъ-что здѣсь нельзя не замѣтить въ немъ и претензіи на ученость *своего рода:* цѣлая 6 глава его лѣтописи занята подобными размышленіями, съ ссылками на святыхъ апостолъ и на Моисея. Вотъ съ какой точки зрѣнія смотрѣлъ онъ на все событіе, и вотъ почему его не интересуетъ ни одна личность, а всѣ казаки для него равно отличные люди. Мы совѣтуемъ нашимъ читателямъ прочесть хоть 6 и 7 главы его лѣтописи, чтобъ вполнѣ убѣдиться, что представленная нами характеристика этого лѣтописца совершенно справедлива. Прочтите, напримѣръ,— и это, право, интересно, — прочтите, какъ онъ связываетъ предъидущія разсужденія съ явленіемъ казаковъ. «Посла Богъ — говоритъ онъ — очистити мѣсто святыни и побѣдити бесерменскаго царя Кучюма и разорити богомерскія ихъ и нечистивыя капища, гдѣ же быша вогнѣждение звѣремъ и водвореніе сириномъ». Далѣе: «Избра Богъ не отъ славныхъ мужъ, ни отъ царска повелѣнія — воеводъ, а вооружи славою и ратоборствомъ атамана Ермака, Тимофѣева сына и съ нимъ 540 человѣкъ. *Забыша бо сіи свѣта сего честь и славу, но смерть въ животъ приложиша* и восприимше щитъ истинныя вѣры и утвердившеся мужественно и показавше храбрость предъ нечестивыми; *не поскорбѣша бо о суетныхъ міра, сладкое и покоищное житіе отринуша*, жестокое же и бранное дѣло, оружіе и щиты возлюбиша», и проч. Вотъ вамъ образчикъ, въ которомъ вполнѣ выражаются свойства цѣлой лѣтописи. Вопросы о Ермакѣ, о Строгоновыхъ и тому подобное для Есипова не существуютъ; а кого не занимали эти вопросы во время покоренія и первоначальной колонизаціи Сибири! Понимая такимъ образомъ личность Есипова, мы рѣшительно убѣждены, что онъ, будучи лишенъ всякаго участія къ историческимъ вопросамъ, не только не способенъ ни къ хорошей, ни къ дурной критикѣ, но даже способенъ былъ изуродовать самую лучшую, самую вѣрную лѣтопись, написанную безъискуственною сжатою рѣчью, но съ живымъ участіемъ къ событіямъ.

Такимъ образомъ, намъ кажется, что авторъ совершенно не правъ, отдавая есиповской лѣтописи предпочтенiе предъ всѣми сибирскими лѣтописцами; мы считаемъ также несправедливыми и подозрѣнiя автора въ *пристрастiи* строгоновской лѣтописи къ славѣ фамилiи Строгоновыхъ въ дѣлѣ завоеванiя Сибири: лѣтописецъ могъ ошибаться въ этомъ отношенiи наравнѣ съ другими, но изъ этого еще не слѣдуетъ, что эта ошибка *умышленна*. Извѣстно, что впослѣдствiи времени само правительство приписывало имъ положительное участiе въ этомъ дѣлѣ; такъ мудрено ли было ошибиться строгоновской лѣтописи? да ошибается ли она? Въ частностяхъ — мы согласны; но ошибается ли она, приписывая Строгоновымъ положительное желанiе начать покоренiе сибирскихъ странъ (если и не всей Сибири),—это вопросъ, котораго нельзя рѣшить однимъ указанiемъ частныхъ ошибокъ и запутанныхъ преданiй нашихъ лѣтописцевъ. Намъ показалось также неосновательнымъ и мнѣнiе автора о ремезовской лѣтописи, будто «этотъ трудъ совершенно лишенъ критическаго взгляда и что будто бы въ исторiи покоренiя Сибири онъ ничего не объясняетъ». Къ сожалѣнiю, авторъ не представляетъ на это ни одного доказательства. Странно однакожь, что вслѣдъ за этимъ онъ самъ допускаетъ, что «у него есть мѣста, гдѣ онъ ставитъ зрителя въ *необходимость* смотрѣть на предметъ съ иной точки». Мы думаемъ даже, что онъ во многихъ отношенiяхъ заслуживаетъ предпочтенiе предъ всѣми лѣтописями, несмотря на многiя невѣрныя сказанiя. Недаромъ Миллеръ давалъ этой лѣтописи почти преимущество предъ всѣми лѣтописцами и готовъ согласиться съ нею относительно многихъ изъ такихъ фактовъ, о которыхъ въ другихъ лѣтописяхъ мы не находимъ даже и намека. — Но пойдемъ за авторомъ далѣе.

Во второй главѣ авторъ трактуетъ о древнѣйшихъ отношенiяхъ нашихъ къ Сибири. Мы пропускаемъ подробности этой замѣчательной, хотя во многихъ отношенiяхъ неудовлетворительной, историко-географической статьи и ограничиваемся представленiемъ нашимъ читателямъ главнаго вывода, а именно: по мнѣнiю г. Небольсина, «то, что́ мы звали Сибирью, съ ея рѣками Тоболомъ, Иртышомъ и Обью-Великою, до царя Iоанна Грознаго, никогда небыло ни покорено, ни покоряемо». Впрочемъ въ XV столѣтiи, жители Великой Перми нерѣдко подвергались набѣгамъ разныхъ *салтановъ* съ Тобола и въ свою очередь отплачивали невѣрнымъ за ихъ вражескiя нападенiя. Были у насъ и другого рода сношенiя съ дикими племенами Сибири. Торговыя связи Великаго Новгорода, по-крайней-мѣрѣ съ XI столѣтiя по нашему, а по мнѣнiю автора разсматриваемой книги съ X—XIV, съ за-уральскими странами не подлежатъ

ни какому сомнѣнію. По его словамъ (стр. 32), наши промышленники *давнымъ-давно, до открытія* Сибири, выслали сюда зырянъ. Но въ какомъ отношеніи находились эти колонисты къ правительству, авторъ не даетъ на это никакого отвѣта. По всему видно, что до Іоанна Грознаго онъ не признаетъ по ту сторону Урала никакихъ данниковъ русскому царству. Нельзя не замѣтить однакожь, что авторъ, и въ этомъ случаѣ слишкомъ смѣло, слишкомъ рѣшительно изъясняетъ лѣтописи и другіе акты.

Въ самомъ началѣ 3-й главы мы находимъ ближайшее разсмотрѣніе того, что́ мы разумѣли до Іоанна Грознаго подъ словомъ Сибирь. Сибирью — по словамъ автора — сколько можно догадываться, попросту называли у насъ все, что́ лежало за Камою и къ сѣверу и къ востоку. Знали *мы*, что въ странѣ этой есть горы, есть Югорскій камень и есть каменный поясъ, но не имѣли точнаго понятія ни о земляхъ, къ нимъ прилежащихъ, ни о направленіи этихъ возвышенностей. «Земли по сю сторону Урала за Камою составляли, по его мнѣнію, конецъ русскаго края — сибирскую украйну, которую впослѣдствіи тоже стали звать Сибирью. Эта русская Сибирь кончалась за Югорскимъ камнемъ, въ границахъ неопредѣленныхъ. За этой русской Сибирью, по ту сторону Урала, лежала Сибирь настоящая, Сибирь «Нѣмшоная». Это, по словамъ автора, второе значеніе слова Сибирь, т. е. въ смыслѣ всего Зауралья.

Въ-третьихъ, этимъ словомъ мы называли вогуло-татарское.... ханство.... «Сибирскій юртъ или сибирское царство». Это царство состояло изъ дикихъ, идолопоклонническихъ и полу-мугамеданскихъ, вогуло-татарскихъ племенъ, подчиненныхъ предводителю одного изъ сильнѣйшихъ племенъ, имѣвшему постоянное, укрѣпленное жилище, называвшееся юртомъ, а по-русски «куренемъ», или городищемъ, городкомъ и даже городомъ. Главный притонъ сибирскаго юрта называли *Сибирью*, и это есть «четвертое и послѣднее значеніе этого слова». Самыя обширныя границы сибирскаго юрта, по мнѣнію нашего автора, были: на сѣверъ устье Конды, впадающей въ Обь, на западъ верховья Конды, Тавды, Туры, Тагила, Ницы, Пышмы и Исети, на югъ лѣвый берегъ Ишима, а на востокъ Иртышъ». Покореніе этой-то до-иртышской Сибири и составляетъ предметъ *ученаго* и весьма замѣчательнаго изслѣдованія нашего автора.

Жители Сибири были и осѣдлые, и кочевые, и *бродячіе;* вторые кочевали по рѣкамъ; третьи вѣчно бродили по лѣсамъ.

Тутъ мы замѣтимъ, что опровергая, за нѣсколько страницъ прежде, походъ Курбскаго въ Сибирь при Іоаннѣ III, нашъ авторъ назвалъ всѣхъ сибиряковъ незнающими хлѣба. А между тѣмъ уже въ въ «чертежѣ» 1600 года мы находимъ очень много пахатныхъ юртъ

между Верхотурьемъ и Туринскомъ, потомъ между Туринскомъ и Тюменемъ и въ другихъ мѣстахъ. Даже въ половинѣ XVI столѣтія извѣстно было, что татары по Тоболу пашни пашутъ плугами и сохами, и это извѣстно самому автору (33).

Наконецъ, къ характеристикѣ быта сибиряковъ въ эпоху, о которой идетъ рѣчь, мы должны прибавить справедливое и очень важное замѣчаніе нашего ученаго, что имъ вовсе не были извѣстны ни плоты, ни лодки.

Отвергнувъ въ предъидущей главѣ завоеваніе Курбскаго во время Іоанна III по ту сторону Урала (признаваемое нѣкоторыми учеными), нашъ авторъ допускаетъ офиціяльное знакомство наше съ Сибирью только съ 1555, когда одинъ изъ владѣтелей Сибири (Етигеръ) прислалъ къ Грозному своихъ пословъ поздравить его съ покореніемъ царствъ Казанскаго и Астраханскаго и выразить желаніе, чтобъ русскій царь утвердилъ спокойствіе и безопасность его земли. Съ этихъ поръ Грозный «неупускалъ изъ виду Сибири и положилъ твердое намѣреніе крѣпко держать ее въ своей могучей рукѣ» (стр. 35). Не будемъ спорить, что Іоанну можетъ быть сильно хотѣлось держать въ своей рукѣ добровольныхъ данниковъ Сибири; но чтобъ онъ имѣлъ виды утвердить прочными мѣрами и мало-по-малу расширять въ ней свою власть, съ этимъ нельзя согласиться. Онъ едва-ли допускалъ *легкость* обширнаго завоеванія въ этой неизвѣстной сторонѣ. Это мы ясно видимъ во всей исторіи Строгоновыхъ и Ермака. Хотя (на стр. 58) нашъ авторъ и утверждаетъ, что Грозный зналъ, по-крайней-мѣрѣ приблизительно, раздѣленіе племенъ въ Сибири въ *извѣстныхъ мѣстахъ*, направленіе главныхъ ея рѣкъ и вообще *всѣ свѣдѣнія*, которыя нашему двору необходимо должно было у себя имѣть, однакожь мы думаемъ совершенно иначе и основываемъ это на слѣдующихъ фактахъ.

Въ 1558 году «купецкаго чина человѣкъ», то есть промышленникъ, въ Восточной Руси, Григорій Аникіевъ Строгоновъ, заявилъ правительству, что за *Чердынью*, по обѣимъ сторонамъ Камы, до самой Чусовой, лежатъ мѣста пустыя, лѣса чорные, рѣчки и озера дикія, острова и наволоки пустые, всего на 146 верстъ, и просилъ Грознаго позволить ему поселиться на этихъ мѣстахъ. Станемъ говорить словами грамоты: «и прежде де сего (т. е. до сихъ поръ) на томъ мѣстѣ пашни не пахиваны и дворы не стаивали и въ мою де царева, великаго князя, казну съ того мѣста пошлина ни какая не бывала и оные не отданы никому» и проч. Чтожь? Казначеи Іоанна Грознаго, чтобъ убѣдиться въ справедливости этого показанія, принуждены были обратиться къ какому-то Пермитину Кодаулу — «а пріѣзжалъ изъ Перми ото всѣхъ пермичъ съ данью». Тотъ подтвер-

дилъ слова Строгонова. Вотъ каковы источники географическихъ свѣдѣній у Іоанна Грознаго и его казначеевъ!

Вы скажете, что это было «*незначительное* пространство земли, особенно при тогдашнемъ понятіи о финансахъ, о колонизаціи, о завоеваніяхъ и т. д.». Допустимъ и это; но развѣ это не будетъ еще одно доказательство нашей мысли? Именно подъ вліяніемъ этихъ понятій Іовннъ и дѣйствовалъ относительно Сибири: «дастся—хорошо, а заботиться не стоитъ». Да кромѣ того, и мѣста этого нельзя назвать незначительнымъ уже потому, что здѣсь можно было устроить не только выгодныя колоніи, но и *необходамыя* крѣпости. Какъ же Іоанну упустить это изъ виду, если онъ рѣшился «*крѣпко держать Сибирь въ своей могучей рукѣ?*»

Что́ упустилъ изъ виду Грозный, то сдѣлалъ «купецкаго чина человѣкъ», т. е. простой промышленникъ, Григорій Строгоновъ (еще небывшій *именитымъ*, что́ совершенно справедливо). Онъ билъ Грозному челомъ, «а хочетъ въ томъ мѣстѣ городокъ поставити и на городѣ *пушки* и *пищали* учинити и пушкарей и пищальниковъ устроити для *береженья отъ ногайскихъ людей и отъ иныхъ ордъ* и около того мѣста лѣсъ по рѣчкамъ и до вершинъ и по озерамъ *сѣчи*, и *пашни*, расчистя, *пахати* и дворы ставити», однимъ словомъ основать *промышленную*, *торговую* и *военную* колонію.

Если бы Грозный дѣйствительно имѣлъ серьезные планы на Сибирь, то и при этомъ случаѣ онъ, безъ сомнѣнія, не ограничился бы только позволеніемъ Строгонову заселить просимое имъ пространство. Правда, Строгоновъ получилъ при этомъ значительныя льготы на 20 лѣтъ бевъ всякой пошлины, равно какъ и прочіе колонисты; но весь этотъ фактъ достаточно обнаруживаетъ съ одной стороны каковы были виды Іоанна относительно успѣховъ нашихъ въ Сибири, а съ другой смѣлость, умъ и множество достоинствъ въ купцѣ Григоріѣ Строгоновѣ.

Разсказавъ исторію происхожденія этой колоніи, сообразно съ своимъ взглядомъ на Іоанна IV, авторъ дѣлаетъ справедливое замѣчаніе, что полученныя Строгоновымъ привилегіи не составляютъ ничего особеннаго, что это было очень обыкновенное явленіе. Здѣсь, представляя ученыя доказательства, онъ не пропустилъ однакожь случая и уколоть ученость: «мы — говоритъ — люди простые, и потому беремся (для доказательствъ) за такую-то книгу». Зачѣмъ же браться за другую? — Затѣмъ достается и Строгоновымъ.... виноватъ, ученымъ: и зачѣмъ они назвали Строгоновыхъ вотчинниками закамской стороны; и зачѣмъ они сказали безъ всякихъ объясненій, будто у нихъ были свои города, будто они имѣли своихъ людей, даже разноплеменныхъ ратниковъ, ко-

торыми они будто бы усилили ермакову дружину; и зачѣмъ наконецъ они сказали, будто Строгоновы подарили русскаго царя Сибирью! Авторъ совершенно правъ, дѣлая эти упреки небрежной учености, и тутъ-то онъ самъ сознается, что «*для разъясненія фактовъ* ему необходимо было попотчивать своихъ читателей *полновѣсными тяжелыми* главами, не смотря на обѣщаніе представить легкіе разсказы» (51 стр.). А мы позволимъ себѣ сказать откровенно, что всѣ предъидущія страницы намъ показались неполновѣсными: мы желали бы болѣе строгаго и болѣе обширнаго изслѣдованія; мы желали бы, чтобъ вы и сами болѣе вдались въ процессъ изслѣдованія этого интереснаго дѣла и въ тоже время ввели въ этотъ процессъ и вашего читателя; тогда и читатель былъ бы дѣйствующимъ лицомъ, а теперь онъ остается въ страдательномъ положеніи: онъ *только выслушиваетъ* ваши мнѣнія и ваши результаты, а это-то и тяжело. — Но идемъ дальше.

Лѣтъ черезъ десять (1568) послѣ обращенія Григорія Строгонова къ Грозному, другой Строгоновъ, Яковъ, нашелъ новый разсолъ, *опять-таки по сю сторону* Урала, на пустошахъ, неподвластныхъ «ни теперь Руси, ни прежде Казани», и обратился къ Грозному съ такою же просьбою, съ какою обращался его братъ. Земля, о которой онъ просилъ, простиралась отъ устья Чусовой внизъ на 20 верстъ и по всѣмъ притокамъ Чусовской системы.

«Царь Іоаннъ IV былъ очень доволенъ, видя *новый случай* еще ближе придвинуться къ Сибири, которая его давно интересовала. Онъ разрѣшилъ просьбу Строгонова и далъ ему дополнительную къ первой грамату» (стр. 51).

Странное дѣло! интересовался, а *десять* лѣтъ ждалъ *новаго случая* еще *ближе придвинуться* къ Сибири! Какая медленная политика!

Но вотъ (въ 1572 г.) доносятъ Іоанну IV о набѣгѣ черемисы, остяковъ, башкирцевъ и буинцевъ на «Пермичь на Камѣ», изъ которыхъ будто бы убито 57 человѣкъ. Грозный, извѣщая Строгоновыхъ о полученномъ свѣдѣніи, дѣлаетъ имъ такого рода порученіе, которое ясно доказываетъ, что на Строгоновыхъ онъ смотрѣлъ не какъ на промышленниковъ, а какъ на начальниковъ, комендантовъ русскихъ крѣпостей на рѣкѣ Камѣ. Съ другой стороны и здѣсь нельзя не замѣтить и равнодушія Іоанна относительно мѣръ къ утвержденію своей власти въ Сибири. Вотъ отрывокъ изъ этой граматы: «И какъ къ вамъ ся наша граммата придетъ и *вы бъ жили съ великимъ береженьемъ*; и выбравъ у себя голову добра, да съ нимъ охочихъ казаковъ, сколько приберется, *со всякимъ оружьемъ*, съ ручницами и съ сайдаки, да и Остяковъ и Вогуличь, которые намъ прямятъ, съ

охочими казаками, которые отъ насъ неотложились, велѣли прибрать, а жонамъ ихъ и дѣтямъ велѣли быть въ острогѣ». И далѣе, предписавъ имъ доставить ему списокъ способнымъ и охочимъ людямъ, остякамъ и вогуличамъ, даетъ имъ позволеніе» посылать войной ходить и воевать нашихъ измѣнниковъ, на Черемису и Остяковъ и на Вотяковъ и на Нагай, которые намъ измѣнили, отъ насъ отложились». Воля ваша, а дѣлать такого рода наставленія и предписанія людямъ, живущимъ среди дикарей, въ глуши, вдали отъ образованнаго міра, и не доставить имъ по-крайней-мѣрѣ порядочнаго оружія, — это такая политика, которой нельзя допустить въ государѣ, имѣющемъ *крѣпкое намѣреніе* завоевать слабую и богатую страну. Равнодушіе Іоанна касательно Сибири здѣсь очевидно.

Проходитъ еще нѣсколько времени, въ Сибири совершаются перевороты, является въ ней новый глава, изъ другого племени, Кучумъ, пренебрегаетъ угрозами Іоанна IV; Маметкулъ, — какъ говорили Строгоновы исовременники — «братъ Сибирсково», дѣлаетъ набѣги, убиваетъ нашего посланника къ Кучуму; Строгоновы, донося о новыхъ набѣгахъ, просятъ позволенія «на *Тахчеѣ и на Тоболѣ* рѣкѣ и кои въ Тоболъ рѣку озера падутъ, и до вершинъ на усторожливомъ мѣстѣ *крѣпости* дѣлати и сторожей *наймовати* и *вогняной нарядъ* держати собою и желѣзо дѣлати и пашни пахати». Должно быть, Строгоновы знали очень хорошо, что́ за царство Сибирь, когда, несмотря на грозное поведеніе Кучума, несмотря на военные успѣхи Маметкула, они задумали распространять колоніи до Тобола. «Иванъ «Васильевичъ, никогда неупуская изъ виду плановъ своихъ на Сибирь, (опять) *радъ былъ*, особенно теперь, *неожиданному случаю* «примкнуть наконецъ къ Тоболу, который *давно былъ уже извѣстенъ* «московскому двору, и *основать русское населеніе* вблизи владѣній «сибирскаго царя Кучума. Полагаясь на Строгоновыхъ, что *они пой-«мутъ его планы* (какое извращеніе ролей! Пощадите же очевидную правду! Вѣдь они сами предлагаютъ ему планъ, а не онъ имъ), «и, для собственной своей выгоды, непреминутъ при первой же воз-«можности воспользоваться удобными мѣстностями за Аральтовой «горой, царь далъ имъ *все*, и чего просили, и *чего даже вовсе не про-«сили*, т. е., онъ дозволилъ имъ *селиться* и крѣпости поставить гдѣ «имъ угодно и на Такчеѣ и на Тоболѣ и на Иртышѣ и на Великой Оби «и на иныхъ рѣкахъ».

Но вотъ наконецъ, по словамъ автора, теперь царь *особенно* обрадовался (58 стр.) *случаю* основать колонію въ Сибири и написалъ грамату, чрезвычайно *расчитано и тонко*, въ которой изложены очень *мудрыя мѣры* (!!) Строгоновымъ для утвержденія нашего могущества въ Сибири. Но проходитъ *семь лѣтъ*, а Строгоновы не

основали *ни одной колоніи*, *не переходили даже за Уралъ*, безъ сомнѣнія, оттого — прибавляетъ совершенно справедливо авторъ — что не имѣли къ *тому средствъ и возможности*.

«Изъ всего сказаннаго—такъ заключаетъ эту главу авторъ — слѣдуетъ, что ни одна изъ приведенныхъ нами граматъ неможетъ навести на слѣдующія *ученыя* мысли, признаваемыя за неоспоримыя: 1) что Строгоновы, гораздо прежде пришествія Ермака, задумали внести свое оружіе въ предѣлы Сибири; 2) что Ермакъ былъ призванъ ими именно для войнъ съ Кучумомъ».

Но изъ граматы 1574 года очевидно, что Строгоновы *первые задумали* основать военныя и торговыя колоніи по-крайней-мѣрѣ *до рѣки Тобола* (см. выше), и нѣтъ никакой причины предполагать, что они намѣревались ограничиться именно только этимъ пространствомъ. Но имѣли ли они рѣшительное намѣреніе начать войну именно съ Кучумомъ, этого нельзя *ни доказать*, *ни опровергнуть* посредствомъ граматъ. Кажется, что этотъ вопросъ никогда и небудетъ рѣшенъ, по-крайней-мѣрѣ при тѣхъ источникахъ, которые намъ извѣстны до сихъ поръ. Неподлежитъ однакожь никакому сомнѣнію, что фамилія Строгоновыхъ, до самаго появленія Ермака, фигурируетъ въ отношеніяхъ нашихъ къ за-уральскимъ сосѣдямъ на первомъ планѣ и самымъ блистательнымъ образомъ: они первые подали мысль основывать военныя и промышленныя колоніи по сосѣдству съ дикарями Сибири и готовы были распространить эту колонизацію за *Ураломъ* до Тобола; но никто не понималъ всей важности ихъ проэкта, никто имъ не помогъ, пока не явился Ермакъ. Если позволить себѣ гипотезы на основаніи предъидущихъ фактовъ, то мы готовы думать, что, прося *позволенія* дѣлать крѣпости даже до Тобола, Строгоновы давали этимъ *намекъ*, что нападенія сибирскихъ ордъ на наши владѣнія могутъ быть прекращены только военной колонизаціей по ту сторону Урала, въ надеждѣ, что, вникнувъ «въ эту мысль, Грозный пришлетъ наконецъ дѣйствительную помощь. Но Грозный ограничился *добрымъ позволеніемъ* распространять колоніи хоть даже *на Оби*. Послѣ этого понятно, почему Строгоновы въ продолженіи семи лѣтъ послѣ этого позволенія *не переходили даже за Уралъ*. И почемъ знать, что появленіе Ермака не только не ужаснуло ихъ, но даже обрадовало: это въ совершенной гармоніи съ ихъ основною, задушевною мыслію — распространять русскія колоніи все дальше и дальше; замѣтно, что эта мысль превратилась въ нихъ въ страсть; она ихъ стремила за Уралъ, но пробраться туда долго не было никакой возможности, и вдругъ является Ермакъ съ 500 человѣкъ по наименьшему счету. — Но послушаемъ автора объ этой темной связи энергической, смѣлой и умной фамиліи Строгоновыхъ

съ атаманомъ волжскихъ разбойниковъ — Ермакомъ по народному прозванью, а по имени Василіемъ Тимоѳеичемъ.

Кто не знаетъ, что Василій Тимоѳеичъ до похода въ Сибирь составилъ себѣ репутацію по всей Руси, какъ атаманъ отчаянныхъ наѣздниковъ по Волгѣ, грабившихъ всякаго, кто только попадался въ ихъ руки? Посланные наконецъ противъ нихъ особые отряды мало-по-малу принудили ихъ къ бѣгству. Нѣсколько шаекъ, подъ предводительствомъ Ермака, оставляютъ Волгу и скрываются.

Не успѣлъ нашъ авторъ (въ началѣ 5 главы) сказать нѣсколько словъ о происхожденіи Ермака и о положеніи казаковъ вслѣдствіе предпринятыхъ противъ нихъ мѣръ, какъ уже торопливо хватается за *интересный* (для него особенно) вопросъ, могли ли «*умные, честные*, *усердные слуги* царя посылать ласковую грамоту къ ворамъ, «приговореннымъ къ смерти самимъ государемъ? Могло ли *умнымъ* «*промышленникамъ* Строгоновымъ прійти въ голову приглашать къ «себѣ цѣлую ватагу, цѣлую армію грабителей, которые ихъ же са«михъ, *въ дальней глуши*, легко могли ограбить? Да и *къ какой стати* «Строгоновымъ дѣйствовать вопреки воли *благодѣтельствовавшаго* «*имъ государя*, предлагать имъ *подвигъ чести*, — имъ, осужденнымъ «преступникамъ, *особенно*, когда имъ (Строгоновымъ) каждый разъ «подтверждалось воровъ и боярскихъ людей бѣглыхъ съ животомъ, «и татей и разбойниковъ къ себѣ непринимати?» Какъ много говорятъ противъ автора эти натянутыя, великолѣпно-реторическія фразы! А еще говорите, что вы отвыкли мѣрять все на петербургскую мѣрку и смотрѣть на всѣ происшествія глазами столичнаго жителя половины XIX стол. (стр. 5) И мѣры-то, предпринятыя вами для этой цѣли, показались вамъ и достаточными и чуть-чуть не героическими. «Видѣли мы Тоболъ, видѣли Иртышъ, гуляли по великой рѣкѣ Оби, плавали по Енисею и по Ангарѣ, *сами живали* въ лѣсахъ, *по недѣлямъ питались едва не одними сухарями*, *потерлись между простымъ народомъ*, *прислушались* къ его разсказамъ о Ермакѣ, ознакомились съ *его* (?) духомъ (!) и ощупью дошли, кажется, до *возможности понять*, наконецъ, ермаковы походы, *отвыкнувъ мѣрять все на петербургскую ногу* (стр. 5.)» и пр. Предоставляемъ самимъ читателямъ и здѣсь кое-что прочесть, чего не сказалъ авторъ, но что̀ выглядываетъ изъ-за его строкъ, а мы ограничимся только замѣчаніемъ, что изъ разсказовъ нынѣшняго сибирскаго народонаселенія о Ермакѣ ровно ничего нельзя извлечь для исторіи покоренія Сибири. Но возвратимся съ авторомъ къ вопросу о Ермакѣ. Послѣ вышеприведенныхъ великолѣпно-реторическихъ фразъ, онъ прибавляетъ, что Строгоновы «*немогли осмѣливаться* призывать Ермака и отнимать *у правосудія жертвы его справедливой кары*». И

вслѣдъ за этимъ восклицаетъ: ни *предъидущія* обстоятельства, ни обстоятельства послѣдующія, ни *послѣдовательность* событій, ни *уваженіе къ имени* Строгоновыхъ (какая натяжка! вѣдь дѣло идетъ за 260 лѣтъ), ни уваженіе къ нашему личному убѣжденію (какъ-будто *уваженіе къ своему убѣжденію* составляетъ особенное доказательство, независимо отъ совокупности всѣхъ основаній нашего убѣжденія!), непозволяютъ намъ соглашаться съ распространенною нашими учеными «*сочинителями*» мыслію, что Строгоновы вели *переписку* съ волжскими разбойниками. И вотъ для нашего автора наступаетъ наконецъ торжественная минута — пощипать нашихъ ученыхъ. Онъ начинаетъ битву съ Карамзинымъ, какъ съ представителемъ и виновникомъ господствующаго взгляда на отношенія Строгоновыхъ къ Ермаку; но, быстро оставивъ его въ покоѣ, онъ устремляетъ свое оружіе на Сибирскую лѣтопись.

Мы видѣли, что онъ не допускаетъ *переписки* и вообще *приглашенія* Ермака со стороны Строгоновыхъ, во-первыхъ, на основаніи своей теоріи *о морали, о чести:* для Строгоновыхъ было *неприлично*, неблагородно, приглашать воровъ; во-вторыхъ, *невыгодно:* они могли ограбить ихъ. Теперь онъ подтверждаетъ свой взглядъ разными частными несообразностями, находящимися въ лѣтописяхъ, которыя говорятъ о приглашеніи Ермака Строгоновыми. Надо замѣтить, что, отвергая это преданіе почти *всѣхъ лѣтописцевъ*, нашъ авторъ сосредоточиваетъ все свое вниманіе на одной Строгоновской лѣтописи. Доказавъ, что въ *такое короткое время*, какъ представляетъ Строгоновская лѣтопись, Ермакъ не могъ прійти съ Волги на Чусовую, онъ прибавляетъ, что «сказаніе объ этомъ Строгоновской лѣтописи есть ложь и *ложь капитальная*».

Мы считаемъ эту фразу вообще для безпристрастнаго историка жосткою въ такомъ дѣлѣ, какъ давно совершившееся завоеваніе Сибири, и не хотимъ даже вдаваться въ объясненіе, почему эта фраза жостка: это говоритъ каждому личный тактъ, личный вкусъ. Въ добавокъ, она выражаетъ ложную мысль, потому-что *хронологическая* ошибка такого рода, какую мы видимъ въ строгоновскомъ лѣтописцѣ, никакъ не можетъ быть названа капитальною ошибкою, а *ложью* ужь ни въ какомъ отношеніи назвать ее нельзя.

Потомъ, «два года кормить 500 человѣкъ не земледѣльцевъ, а людей безполезныхъ и вредныхъ, было для Строгоновыхъ и невозможно и несообразно съ здравымъ разсудкомъ; два года держать такую ватагу людей *незаявивъ по крайней мѣрѣ* пермскимъ властямъ (вѣдь Строгоновы давали отчетъ только государю) или скрывать ее такимъ образомъ, чтобъ правительство *само непровѣдало* объ этомъ, тоже было невозможно. Слѣдовательно, и это сказаніе Строгоновской

лѣтописи есть *капитальная ложь*» (69 стр.). По нашему, во-первыхъ и это не капитальная *ошибка*. Время пребыванія Ермака у Строгоновыхъ могло быть преувеличено, но изъ этого еще не слѣдуетъ, что Ермакъ вовсе не жилъ въ строгоновскихъ колоніяхъ, и притомъ именно на правахъ колониста, какъ это и разсказываетъ Ибрандъ Идесъ въ описаніи своего путешествія въ Китай, и какъ это можно заключить изъ повѣствованія Ремезовой лѣтописи. Во-вторыхъ, правительство объ этомъ провѣдало, какъ это увидимъ дальше.

Далѣе, «при описаніи волжскихъ набѣговъ *1580 года*, въ оффиціальныхъ документахъ встрѣчается имя Ивана Кольца; слѣдовательно *казаки* и съ ними *Кольцо* (69 стр.) не могли прійти къ Строгоновымъ въ 1579 году: и въ этомъ отношеніи Строгоновская лѣтопись сказала третью *капитальную* ложь». Хорошо! а Ермакъ могъ прійти безъ Кольца, съ своими казаками? На это у нашего автора нѣтъ отвѣта, но страннобъ было допустить въ этомъ случаѣ отрицательный выводъ и насчетъ Ермака.

«Но перейдемъ — продолжаетъ нашъ ученый — къ историческому событію, которое еще болѣе и *положительнѣе* убѣдитъ насъ какъ въ *совершенной чистотѣ поступковъ* Строгоновыхъ въ этомъ отношеніи, такъ и въ томъ, что въ дѣлѣ завоеванія Сибири — они рѣшительно *ни въ чемъ неповинны*».

Событіе, о которомъ здѣсь говорится, случилось въ 1581 году: это набѣгъ вогуло-остяцкихъ племенъ, подъ предводительствомъ пелымскаго князька, на Чердынь и потомъ на колоніи Строгоновыхъ. Строгоновы могли ожидать подобнаго нападенія; слѣдовательно, имъ не для чего было посылать Ермака Богъ знаетъ куда въ такое время, когда бѣда висѣла надъ головой. Значитъ, будь Ермакъ у Строгоновыхъ въ это время колонистомъ, то имъ въ началѣ этого года (1581) *не для чего* было бы просить у царя *ратныхъ людей въ защиту своихъ слободокъ;* въ противномъ случаѣ они поступили дерзко: «*дерзнули* скрыть отъ государя, что у нихъ есть много людей ермаковой шайки и такимъ образомъ, посредствомъ *лжи*, *довели* царя къ понужденію и Никиты Григорьева Строгонова (на котораго братья жаловались, что недаетъ подмоги) и пермскихъ властей граматою отъ 6 ноября 1581 года». Будь правда, что Ермакъ въ это время жилъ у нихъ, то такой царь, каковъ былъ Іоаннъ Грозный, «который *зналъ все*, *что́ въ его государствѣ дѣлается*, не простилъ бы подобнаго поступка Строгоновымъ никогда».

Что́ касается до просьбы и обмана Строгоновыхъ, то въ-самомъ-дѣлѣ странно, что они, обходившіеся до сихъ поръ безъ царскихъ ратныхъ людей, начали теперь просить ихъ у царя для *защиты своихъ слободокъ*, тогда, какъ число ихъ колоній и

колонистовъ было, безъ сомнѣнія, несравненно значительнѣе, нежели въ предъидущіе годы. Этотъ фактъ, въ связи съ другими свѣдѣніями, въ самомъ дѣлѣ доказываетъ, съ одной стороны, сильный и опасный напоръ сибиряковъ на строгоновскія колоніи (до 700 по Сибир. лѣтописи), — съ другой, что Ермака и казаковъ во время набѣга «пелымскаго князька» можетъ быть и не было въ колоніяхъ Строгоновыхъ. Но отсюда еще не слѣдуетъ, что и прежде этого набѣга въ имѣніяхъ Строгоновыхъ Ермака вовсе не было, какъ это заключаетъ нашъ авторъ. А для доказательства этого вывода, онъ *предполагаетъ* набѣгъ пелымскаго князя въ началѣ *весны* 1581 года, а день отправленія Ермака въ сибирскій походъ принимаетъ *1 сентября того же года*. Очевидно, что, при такой хронологіи, сообразивъ всѣ обстоятельства, мы должны будемъ предположить, что волжскихъ казаковъ во время набѣга пелымскаго царя у Строгоновыхъ вовсе не было. Но лѣтопись Строгонова и грамота Іоанна Васильевича отъ 1582 года представляютъ пелымскій набѣгъ и походъ Ермака въ Сибирь *совершенно наоборотъ*, т. е. Ермакъ предпринялъ походъ *нѣсколько прежде*, чѣмъ произошелъ набѣгъ пелымскаго князя на *владѣнія Строгонова*. Именно, по словамъ грамоты, этотъ набѣгъ въ «*пермскія мѣста*» (а потомъ уже впослѣдствіи и на Строгоновыхъ) произошелъ въ тотъ самый день, когда Строгоновы послали Ермака воевать вотяки и вогуличей и пелымскія и сибирскія мѣста, а именно 1 сентября 1581 года. Кромѣ того, допуская походъ въ сентябрѣ, нашъ авторъ находитъ въ неудобствѣ этого времени для похода доказательство, что Ермакъ пошелъ въ Сибирь не съ цѣлью завоеванія, а просто бѣжалъ, какъ разбойникъ, съ цѣлію грабить татаръ и скрыться отъ преслѣдованія законныхъ властей. «Если только *химерическая* мысль завоевать Сибирь могла быть у *умныхъ* людей Строгоновыхъ, то они послали бы Ермака не осенью, *а въ началѣ лѣта*». А на стр. 132 (въ посл. главѣ), гдѣ автору нужно доказывать въ Ермакѣ *необыкновенный умъ*, онъ самъ утверждаетъ, что Ермакъ избралъ *самое удобное время* потому, что въ Сибири въ это время только-что собранъ хлѣбъ — предметъ, о которомъ Ермакъ долженъ былъ позаботиться прежде всего. Кромѣ того, Ремезовъ, въ-самомъ-дѣлѣ, говоритъ, что въ колоніяхъ Строгонова казаки совершенно приготовились къ (2-му) походу 12 или (въ другомъ мѣстѣ) 13 *іюня*. Васъ пугаютъ многіе хронологическіе промахи этой лѣтописи, но нельзя же за это отвергать цѣлую лѣтопись, особенно если она подводитъ насъ во многихъ случаяхъ къ истинѣ гораздо ближе, чѣмъ другіе лѣтописцы. По всему видно, что Ремезовъ пользовался такими источниками, которые утрачены для насъ можетъ быть навсегда.

Изъ всѣхъ этихъ изслѣдованій авторъ дѣлаетъ такой выводъ: 1) Ермака Строгоновы не приглашали ни *для какихъ цѣлей*, ни для какого завоеванія; 2) Ермакъ явился на Камѣ неожиданно въ 1581 году и отсюда, все-таки съ *разбойническими цѣлями*, пустился далѣе; 3) доѣхавъ до Чусовой, онъ, *испугавшись Строгоновыхъ* и сосѣдства Чердыни, не пошелъ далѣе по Камѣ, а свернулъ въ Чусовую и пришелъ въ нее среди или въ концѣ лѣта; 4) тутъ, собравъ койкакія свѣдѣнія отъ строгоновскихъ людей о *нашествіи* пелымскаго князя, о Строгоновыхъ и о Кучумѣ, Ермакъ и казаки рѣшились бѣжать на чужую сторону съ *цѣлію грабить* (вопреки всѣмъ историческимъ источникамъ!) татаръ и кучума, богатаго всякимъ добромъ и неслыхавшаго никакихъ выстрѣловъ; 5) присмотрѣвшись къ строгоновскимъ колоніямъ, Ермакъ уже не робѣлъ, а принудилъ Строгоновыхъ (Максима и Никиту; Григорія и Якова ужс не было въ живыхъ) снабдить его провіянтомъ; 6) можетъ быть даже и то — говоритъ нашъ авторъ — что Строгоновы, имѣя въ виду общія выраженія царской граматы 1574 года о посылкѣ ратныхъ людей воевать, *рады были случаю прикрыть этимъ дозволеніемъ* свои *вынужденныя Ермакомъ распоряженія* и, чтобъ скорѣй освободиться отъ казаковъ, поджигали ихъ замыслы надеждою на вѣрный успѣхъ». Предоставляемъ самому читателю вникнуть хорошенько, что́ за хитросплетеніе въ этихъ фразахъ! Строгоновъ *радъ* подъ законнымъ предлогомъ *вступить въ союзъ* съ разбойниками, чтобъ начать *военныя дѣйствія* по ту сторону Урала, и въ тоже время Строгонова *только принуждаютъ* помочь радостному предпріятію, да въ добавокъ тутъ же и предпріятія никакого нѣтъ, потому-что разбойники хотятъ только уйти и заниматься грабежомъ, да и сами Строгоновы поджигаютъ ихъ, чтобъ только скорѣе отдѣлаться отъ нихъ. Можно ли придумать хитросплетеніе лучше этого? Такія фразы не опровергаются, и для того, кто видитъ въ нихъ смыслъ, онѣ неопровержимы. 6) А можетъ — продолжаетъ нашъ ученый — дѣло обошлось и еще проще (непремѣнно было проще, прибавимъ мимоходомъ), а именно: Ермакъ просто *обобралъ* чусовскихъ крестьянъ и 1 сентября 1581 года скрылся такъ, что и слѣдъ его простылъ (стр. 73—77). Опять замѣчательно, что на 132 стр. (въ посл. главѣ) тамъ, гдѣ авторъ рѣшился доказать въ Ермакѣ необыкновенный умъ, онъ говоритъ совсѣмъ наоборотъ, а именно: «Нуженъ былъ Ермаку умъ необыкновенный и для того, чтобъ уладить искусно свои дѣла на *Чусовой* и вести себя такъ, чтобъ тамошнее народонаселеніе невооружалось противъ его дѣйствій, чтобъ его не связали и не представили мѣстнымъ властямъ, какъ преступника, вмѣстѣ съ Кольцомъ и другими атаманами». Да г. авторъ, не было ли это наконецъ такимъ об-

разомъ, что казаки напримѣръ привезли съ собою множество денегъ и водки, да сначала покутили съ чусовскими крестьянами, да подружившись съ ними, не только получили провіянтъ, а даже подговорили къ себѣ нѣсколько сотъ колонистовъ, а потомъ и убрались за Уралъ такъ, что Строгоновы рѣшительно ничего не знали до тѣхъ поръ, пока не получили упрека отъ Пелепелицына. Право, давайте лучше играть въ гипотезы; вѣдь все равно, не узнаемъ неопровержимымъ образомъ, въ какихъ отношеніяхъ былъ Ермакъ къ Строгоновымъ. Хоть *всѣ* древнѣйшія лѣтописи и всѣ современники (кромѣ есиповской лѣтописи и *позднѣйшей* латинской рук.) и говорятъ о дружественныхъ связяхъ Строгоновыхъ къ Ермаку; да вѣдь Богъ знаетъ, не солгали ли онѣ! не правда ли? Хоть и нѣтъ *никакихъ преданій*, чтобъ Ермакъ явился *грабителемъ* на Камѣ или Чусовой (кромѣ *мнѣнія* того же позднѣйшаго латинскаго лѣтописца), да вѣдь это такъ ужь случилось! должно быть ни одному современному лѣтописцу не пришлось къ слову или не вспомнилось объ этомъ, — не правда ли? Хоть Грозный, «*понявъ*, что Ермаку невоз«можно было скрыться безъ содѣйствія Строгоновыхъ, увлекся «черными мыслями, обвинялъ ихъ въ измѣнѣ; но вѣдь все это надѣлалъ чердынскій воевода Пелепелицынъ: неизвѣстно съ чего вообразилъ себѣ, что въ колоніяхъ Строгоновыхъ существуетъ Ермакъ съ казаками, и ну ихъ требовать на помощь противъ пелымскаго князя; а потомъ еще и донесъ, что Строгоновы не только не прислали казаковъ, да еще и послали ихъ воевать сибирскія мѣста; очевидно, что все это извѣтъ, — не правда ли? Получивъ послѣ этого грамату, съ *царственнымъ гнѣвомъ*, (стр. 75), Строгоновы ни мало не оправдываются, не говорятъ, что они Ермака и въ глаза не видали, а молчатъ *послѣ опальной граматы*, ждутъ результата; но вѣдь имъ нельзя было представлять никакихъ оправданій, — это вѣдь тоже правда.

Но скажемъ наконецъ нѣсколько словъ серьёзнѣе. Тутъ интересно прослѣдить сколько-нибудь дѣйствія Грознаго или его приближенныхъ. Какъ скоро въ Москвѣ получено было извѣстіе отъ Пелепелицына, что при содѣйствіи Строгоновыхъ и даже по ихъ волѣ Ермакъ съ казаками отправился за Уралъ, то Грозный *опять обрадовался* случаю укрѣпиться въ Чердынѣ и на Камѣ, но не за Ураломъ. Въ граматѣ своей онъ гнѣвается на Строгоновыхъ не столько за то, что они пригласили къ себѣ *волжскихъ разбойниковъ*, «воровъ», сколько за то, что послали ихъ за Уралъ и такимъ образомъ подвергали опасности наши худо укрѣпленныя пермскія границы. Ему и въ голову не приходило, чтобъ все пространство до Иртыша можно покорить въ нѣсколько мѣсяцовъ горстью казаковъ. Онъ

радъ былъ, еслибъ они только воротились назадъ да защищали хоть Чердынь. Но уже было поздно: пока онъ узналъ о походѣ да послалъ грамату (1582 г. ноября 16), прошелъ цѣлый годъ, а Ермакъ уже 26 октября того же 1581 года, послѣ нѣсколькихъ сраженій, «сбилъ съ куреня» Кучума и овладѣлъ этою столицею Сибирскаго царства: въ два мѣсяца покорилъ Сибирь. Эти подвиги составляютъ шестую главу разсматриваемыхъ нами изслѣдованій.

Овладѣвъ (7 гл. у автора) центромъ сибирскаго юрта, казаки извѣщаютъ царя о своемъ успѣхѣ; этого требовало и ихъ положеніе: удержать собственными силами такое огромное и дикое пространство, населенное хотя и дикими и раздробленными, тѣмъ не менѣе многочисленными племенами, они не могли; да и чувство подданства, безъ сомнѣнія, играло въ этомъ случаѣ сильную роль. Однимъ словомъ, казаки должны были извѣстить государя о счастливомъ завоеваніи и «ударить челомъ — Сибирью», какъ обыкновенно выражаются наши историки. Опускаемъ подробности извѣстнаго посольства, главою котораго былъ Иванъ Кольцо. Посмотрите же теперь, какъ измѣняется политика Грознаго: прежде онъ ждалъ случая, проходило по десяти да по семи лѣтъ *отъ одного случая придвинуться* къ Сибири до другого; а теперь совсѣмъ не то. «Немедленно по полученіи этого радостнаго извѣстія — говоритъ нашъ авторъ — царь назначилъ въ новую провинцію воеводъ — Семена Болховскаго и Ивана Глухова съ тремя стами ратниковъ, да у Строгоновыхъ приказано взять пятьдесятъ человѣкъ конныхъ.» Воеводы отправились, но чрезъ нѣсколько времени Иванъ Васильевичъ послалъ повелѣніе, чтобъ Болховской до весны остался въ Перми, потому-де, что «*нынѣ намъ слухъ дошелъ, что въ Сибирь, зимнимъ путемъ, на коняхъ пройти немочно*»; а какъ наступитъ весна, такъ Строгоновы должны какъ можно скорѣе изготовить «*суды со всѣмъ судовымъ запасомъ*», чтобъ за тѣми струги въ вашихъ острогахъ и *часу не мѣшкати.*» Но Болховскій, понадѣявшись вѣроятно на богатство новой провинціи, явился туда, еще прежде граматы, безъ жизненныхъ припасовъ. Къ несчастію, въ это время въ Сибири свирѣпствовалъ голодъ, и Болховскій и вся его рать погибли отъ голода и болѣзней прежде, чѣмъ Иванъ Васильевичъ прослышалъ объ опасностяхъ пути чрезъ Уралъ. Чрезъ нѣсколько времени и Ермакъ, обманутый Кучумомъ, съ отборными казаками былъ убитъ (5 августа 1584 года); оставшіеся въ Сибири казаки и стрѣльцы, узнавъ объ участи, постигшей Ермака, всѣ до одного бѣжали.

Мы потеряли Сибирь — заключаетъ авторъ, разсказавъ о трагической смерти Ермака. — Мы пріобрѣли Сибирь, говоримъ мы въ отвѣтъ на это, несмотря ни на смерть Ермака, ни на бѣгство всѣхъ

оставшихся казаковъ. *Ермакъ доказалъ*, что взять Сибирь ничего не стоитъ, а это значило покорить ее. Наши воеводы *послѣ него* въ-самомъ-дѣлѣ убѣдились, что *въ Сибири не съ кѣмъ даже вести войны*, что тамъ слѣдуетъ только распространять колоніи (мысль Строгоновыхъ), и всѣ племена мало-по-малу сдѣлаются нашими данниками. Въ главномъ городѣ сибирскаго юрта — въ Сибири — все еще сидѣли татарскіе «салтаны»; но это ни мало не мѣшало намъ укрѣпляться, распространять свои владѣнія, заводить колоніи, пріобрѣтать данниковъ до самого Иртыша. Чулкову ничего не стоило овладѣть наконецъ Сибирью 1587. Всю эту колонизацію со времени Ермака до окончательнаго овладѣнія центромъ сибирскаго юрта нашъ авторъ изложилъ въ осьмой главѣ. Считаемъ излишнимъ представлять нашимъ читателямъ результаты изслѣдованій его о судьбѣ Кучума (9 глава); изслѣдованія эти интересны, но не представляютъ никакой особенности, на которую мы желали бы обратить вниманіе другихъ изслѣдователей. Одно только мы можемъ здѣсь замѣтить, что нашъ авторъ разсматриваетъ дѣйствія Кучума относительно русскихъ какъ-будто дѣйствія какого-нибудь измѣнника. Вотъ, напримѣръ, Кучумъ обращается, послѣ продолжительной борьбы съ русскими, обращается къ Грозному съ предложеніемъ мира. Представивъ эту грамату, нашъ авторъ говоритъ, что Иванъ Васильевичъ снизшелъ на его желанія и въ граматѣ своей доказывалъ сибирскому царю всю его виновность и дерзость неповиновенія. И эта мысль замѣтна въ тонѣ изложенія всей борьбы Кучума съ русскими.

Въ десятой и послѣдней главѣ читатели найдутъ нѣсколько мыслей о личности Ермака: это, по нашему, отвлеченности, и потому мы не станемъ ни передавать ихъ читателямъ нашей статьи, ни дѣлать на нихъ какія-нибудь замѣчанія, кромѣ одного, а именно, что всѣ планы, всѣ отношенія, всѣ условія подвига Ермака остаются, какъ это мы видѣли выше, въ такой неизвѣстности, что составлять себѣ понятіе о его личности, т. е. о его умѣ и чувствахъ, значитъ строить теорію безъ фактовъ. Тутъ авторъ уже рѣшительно не стѣсняется ничѣмъ въ своихъ гипотезахъ, забываетъ даже тѣ мнѣнія, которыя повидимому принялъ онъ въ предъидущихъ главахъ, какъ это мы и доказали въ двухъ мѣстахъ выше.

Наконецъ, что́ касается до свода лѣтописей, приложеннаго къ разсмотрѣнной нами книгѣ, то онъ не составляетъ замѣчательнаго пріобрѣтенія для ученой разработки сибирской исторіи; онъ былъ бы важенъ для нея только тогда, если бы авторъ сдѣлалъ сводъ всѣхъ лѣтописей съ критическимъ взглядомъ на нихъ, съ указаніемъ спеціяльныхъ источниковъ ихъ критической оцѣнки: а соединеніе *нѣсколькихъ изъ нихъ*, безъ всякой критики, мало облегчитъ трудъ

изслѣдованія. Но довольно; задача нашей статьи кончена: мы познакомили нашихъ читателей съ главнѣйшими результатами, съ характеромъ изложенія и съ силой доказательствъ нашего историка самымъ добросовѣстнымъ образомъ, т. е. старались представить все это съ самою строгою точностію, ни мало неизмѣняя ни колорита нѣкоторыхъ изъ его мнѣній, ни силы доказательствъ.

Исторія Лейбъ-Гвардіи Коннаго полка. (1731 — 1848); *составлена* **И. В. Анненковымъ.**

Появленіе такого рода книгъ, какъ сочиненіе г. Анненкова, всегда бываетъ и пріятно и полезно. Наше отечество, болѣе чѣмъ всякое другое государство, должно было съ самаго начала развитія своей политической жизни стараться укрѣплять возрастающее свое могущество силою оружія. Безпрерывныя сношенія Россіи съ системою европейскихъ государствъ, въ которой она была младшею, но уже грозною державой, не могли не вовлекать ее въ общія войны Европы, и вмѣстѣ съ тѣмъ должно было охранять наши границы отъ непріязненной Турціи и разныхъ азіятскихъ сосѣдей, готовыхъ при всякомъ случаѣ нарушать предписанныя русскимъ оружіемъ условія. Во все продолженіе XVIII вѣка войны не прекращались, и лѣтописи ихъ, при огромныхъ дарованіяхъ нашихъ полководцевъ и мужественномъ, великодушномъ характерѣ русскаго солдата, составляютъ, конечно, блистательнѣйшую сторону славы Россіи. Поэтому всякому нечужда исторія отборнаго войска, бывшаго всегда ближайшею тѣлохранительницей царскою и участвовавшаго со славой въ безсмертныхъ бранях, подъятыхъ на защиту отечества.

Кромѣ этого интереса, подобныя книги представляютъ еще другой, особенно важный у насъ при скудости мемуаровъ, записокъ очевидцевъ и т. п., при которой близкое отъ насъ прошедшее покрывается непроницаемою завѣсою и мы почти не знаемъ, какъ жили русскіе за три поколѣнія тому назадъ. Мы лишены возможности составить истиннаго понятія обо всемъ этомъ изъ анекдотовъ, извѣстій о нравахъ, занятіяхъ, удовольствіяхъ предковъ, придворномъ этикетѣ тогдашняго времени, костюмахъ и другихъ повидимому неуловимыхъ оттѣнкахъ, изъ которыхъ наблюдатель могъ бы извлечь характеристику цѣлой эпохи, если бы трудолюбивый современникъ ея сохранилъ для потомковъ характеристическія черты своего времени. Эти-то подробности встрѣчаются во множествѣ въ токого рода сочиненіяхъ.

Полковникъ Анненковъ, флигель-адъютантъ Его Императорскаго Величества, служилъ постоянно въ Л.-Г. Конномъ полку и въ теченіи многихъ лѣтъ былъ полковымъ его адъютантомъ. Въ этой должности, имѣя въ распоряженіи своемъ полковой архивъ, онъ рѣшился

посвятить много времени и трудовъ для составленія полной исторіи перваго въ Россіи гвардейскаго кавалерійскаго полка. Плодомъ его занятій была книга, о которой мы говоримъ, и которая, можно сказать положительно, не только лучшая въ своемъ родѣ, но даже не допускаетъ никакого сравненія съ другими попытками полковыхъ исторій. Полнота изложенія, обиліе и искусное расположеніе матеріяловъ, живость разсказа дѣлаютъ ее занимательною не для однихъ военныхъ. Огромный и успѣшный трудъ г. Анненкова получилъ самую лестную награду: Его Императорское Величество, Августѣйшій шефъ полка, удостоилъ принять всеподданнѣйшее посвященіе этой книги.

Г. Анненковъ раздѣлилъ свою исторію на четыре части. Въ первой находимъ мы, такъ сказать, внутреннюю исторію полка. Всѣ измѣненія и улучшенія, послѣдовавшія съ основанія его по 1848 годъ, по части строевой и хозяйственной, помѣщены здѣсь со всею подробностію. Основаніе лейбъ-регимента, бывшаго зерномъ Конной Гвардіи, относится къ послѣднимъ годамъ Петра I. Но окончательное его образованіе и наименованіе его Конной Гвардіей постановлено указомъ императрицы Анны Іоанновны 31 декабря 1730.

Лейбъ-региментъ находился въ это время въ Дмитровѣ, изъ котораго повелѣно ему было перейти въ Москву. Первымъ его командиромъ былъ оберъ-шталмейстеръ П. И. Ягужинскій, а помощникомъ его Г. М. Траутфеттеръ, заготовлявшій въ Ригѣ и заказывавшій отличнымъ мастерамъ за-границей амуничныя вещи по новымъ образцамъ. Полкъ перешелъ въ Ригу и по обмундированіи своемъ вступилъ зимою 1732 г. въ Петербургъ, гдѣ съ того времени были постоянныя квартиры. Первоначальное помѣщеніе его была солдатская слобода, устроенная по указу Кабинета 12-го декабря 1739 года, а до окончательнаго о томъ рѣшенія полкъ занималъ казармы Миниxова полка. Выборъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ при принятіи на службу или переводѣ изъ арміи былъ весьма строгъ. Лошади были куплены графомъ Левенвальдомъ въ сѣверной Германіи чистой вороной шерсти съ малымъ числомъ гнѣдыхъ и карихъ и стóили казнѣ до 90,000 руб. на наши деньги. Затрудненія отъ такихъ покупокъ были причиною, побудившею императрицу издать 19-го ноября 1739 г. слѣдующій манифестъ, который былъ первымъ основаніемъ у насъ конскихъ заводовъ:

«Понеже до сихъ поръ Конная Гвардія и Кирасирскіе полки комплектовались Нѣмецкими, Драгунскими, Русскими и Калмыцкими лошадьми съ невозвратнымъ для казны убыткомъ; Драгунскіе качествомъ дурны: а Нѣмецкихъ трудно достать; да и тѣ къ большимъ трудамъ неспособны; а потому повелѣваю завести свои собственные

конскіе заводы, какъ таковые уже имѣются въ Дворцовыхъ Нашихъ волостяхъ, въ Малороссійскихъ и Слободскихъ полкахъ, и учредить вновь въ Синодальной области и въ Архирейскихъ и Монастырскихъ вотчинахъ Государственные конскіе заводы, а гдѣ были тамъ возобновить: а потому собрать съ Синодальной области со 100 душъ по одной Русской кобылѣ (не съ крестьянъ, а съ домашнихъ Архирейскихъ и Монастырскихъ заводовъ) въ 2 аршина съ вершкомъ и выше; а лѣтами отъ 3 до 7 лѣтъ, цѣною не ниже 20 рублевъ, здоровыхъ, статныхъ, широкихъ, крѣпкихъ, чтобы косоногіе и слабоухіе не были, шерстью вороные, каріе, бурые, рыжіе, кромѣ лысыхъ и по нуждѣ вороно-пѣгихъ, каре-пѣгихъ, темнобуро-пѣгихъ и голубо-пѣгихъ. А какъ мѣста ихъ сбору еще неназначены, то держать ихъ до Декабря 1740 года въ своихъ мѣстахъ, но къ отправленію быть въ готовности и ожидать Указа; а у которыхъ Монастырей нѣту кобылъ годныхъ, тѣмъ купить на деньги оставшіе отъ Монастырскихъ доходовъ, неполнаго комплекта на жалованье монахамъ и служителямъ.» (Ч. I., стр. 33).

При этомъ Л.-Г. Конному полку отданы для устройства завода города Батуринъ и Ямполь. Внутренняя организація полка, раздѣлявшагося на 10 ротъ, составлявшихъ 5 шквадроновъ, была ввѣрена полковому штабу, имѣвшему свои совѣщанія по образцу коллегіяльныхъ управленій, установленныхъ у насъ вездѣ Петромъ Великимъ. Права полковыхъ чиновъ были весьма обширны, такъ-что вахмистръ Конной Гвардіи при выходѣ въ армію получалъ чинъ капитана. Съ самаго основанія своего Л.-Г. Конный полкъ имѣлъ счастіе занимать безотлучно караулы въ императорскомъ Дворцѣ, и офицеры его удостоивались высокой чести быть участниками во всѣхъ придворныхъ торжествахъ и празднествахъ. Издержки на содержаніе полка простирались до 69,282 р. 59 к.

Царствованіе императрицы Елисаветы Петровны ознаменовалось въ особенности слѣдующими перемѣнами: 1) Увеличеніемъ окладовъ жалованья нижнимъ чинамъ, 2) окончательною постройкою полковой слободы, на берегу Невы, противъ Охты, 3) расформированіемъ прежняго конскаго завода и основаніемъ новаго въ с. Починкахъ (нынѣ уѣздн. городѣ Нижегор. губ.), 4) учрежденіемъ полковой школы. Мысль о полковыхъ школахъ принадлежитъ великому преобразователю Россіи и изложена въ слѣдующемъ достопамятномъ указѣ его 1721 года:

«Зело нужно, дабы Офицеры знали Инженерство, буде не все, то хотя часть онаго; ибо случается кто куда откомандированъ бываетъ въ даль или въ какой либо постъ, гдѣ надлежитъ оборону себѣ сдѣлать; а Инженеровъ всюду въ такія малыя дѣла посылать невозможно; также когда нужда позоветъ вдругъ около всего войска сдѣлать траншаментъ, то гдѣ Инженерамъ возможно около всего войска сію работу

въ нѣсколько часовъ исправить; а когда Офицеры знаютъ, то по данной диспозиціи, или гдѣ въ отлучкѣ, тотчасъ оное исправить могутъ; того для объявить всѣмъ Оберъ и Унтеръ-Офицерамъ Нашего полку, чтобы Инженерству учились; а особливо, которые въ 25 лѣтъ и моложе, съ такимъ объявленіемъ, что сихъ лѣтъ, ежели кто не будетъ знать, а особливо нижеписанной нужной части, тотъ не будетъ произведенъ выше того чина, въ которомъ онъ нынѣ обрѣтается; а для сего ученія всегда, гдѣ полкъ станетъ на квартиры, занимать особливой дворъ, и чтобы изъ Нашихъ Офицеровъ, которые Инженерство знаютъ, по одному или по два, непрестанно въ оной перемѣняясь жили и Офицеровъ обучали, въ чѣмъ Маіорамъ смотрѣть накрѣпко, который у полку присутствуетъ.

Нужнѣйшая часть Инженерства:

1) Пять частей Ариѳметики, а по самой крайней нуждѣ, хотя одна нумерація.

2) Планъ-Геометрію со всѣми циркульными пріемами.

3) Маштабъ, по которому бы могъ чертить на бумагѣ и послѣ оное перевесть на землю къ дѣлу.

4) Шанцы полевые въ грунтъ, рисованіе фасовъ, фланковъ, куртинъ съ ихъ дефензіею и профилемъ.

5) Циркомъ-валаціонъ и контро-валаціонъ линіи съ ихъ дефензіею и профилемъ и фельдъ батареи.» (Ч. I. стр. 81 и 82).

Въ основанной въ 1747 году при Конной Гвардіи школѣ обучались нижніе чины, которые отъ всякой службы и работы освобождались. Издержки на содержаніе полка простирались до 86,395 р. 79 к.

Императоръ Петръ III многими постановленіями положилъ основаніе образованію новаго внутренняго устройства всей арміи, которое воспріяло всю свою силу въ царствованіе Императора Павла I.

Въ царствованіе Императрицы Екатерины Великой было обращено особое вниманіе на производство въ чины, для чего требовались аттестаціи ближайшихъ начальниковъ. Особенно примѣчательны слѣдующая воля Государыни, объявленная 3 января, 1783 года: «Всѣ находящіеся въ полку Иностранцы, чтобы наиприлѣжнѣйше «старались обучаться говорить по Русски, а наипаче Гг. Лифляндцы, «какъ Россіяне, и ежели которыхъ усмотрѣно будетъ къ тому не-«прилѣжность, таковые въ чины производимы не будутъ.» (Ч. I. Стр. 119 и 120); она свидѣтельствуетъ о мудрой заботливости Монархини положить въ основаніе общественнаго образованія необходимое знаніе русскаго слова и устраненіе постыднаго невниманія къ нему, которое, къ сожалѣнію, питали къ нему не одни иноземцы. Великая мысль эта осуществилась вполнѣ на всемъ пространствѣ имперіи и по всѣмъ отраслямъ народнаго просвѣщенія во время нынѣшняго благополучнаго царствованія.

Въ 1764 г. назначено устроить въ Муромѣ колонію для раненыхъ и увѣчныхъ воиновъ, служившихъ въ гвардіи. Въ 1767 г. Высочайше повелѣно строить каменныя дома въ полковой слободѣ.

Въ 1788 г. постановлено: вмѣсто поставки фуража натурой изъ приписанныхъ къ полку деревень выдавать на покупку его фуражныя деньги 71,988 р. Вообще же полкъ стóилъ казнѣ 218,819 р. 9 к. въ годъ. Въ 1765 г. 14 іюня, гвардія въ первый резъ выступила въ лагерь къ Дудергофу, гдѣ въ присутствіи Государыни произведены были первые маневры.

При самомъ восшествіи на престолъ Императора Павла I полковая слобода была куплена въ артиллерійское вѣдомство, а для помѣщенія Конной Гвардіи передѣланъ Таврическій дворецъ. Въ 1800 г. подъ казармы ему отведенъ былъ домъ Гарновскаго, у Измайловскаго моста. Въ 1796 г. конный заводъ въ Починкахъ отданъ въ вѣдѣніе нижегородской Казенной Палаты, и учреждено при полку званіе ремонтеровъ. Въ 1800 г. Императоръ соизволилъ повелѣть Е. И. В. Цесаревичу Константину Павловичу состоять полковникомъ Конной Гвардіи, шефомъ котораго Е. В. былъ до самой кончины. Особенное вниманіе было обращено на обученіе людей по одиночкѣ верховой ѣздѣ и пріемамъ, какъ необходимому для основательнаго знанія фронтовой службы. Расходы на содержаніе полка были: 207,134 руб. $2^1/_2$ коп.

Въ царствованіе Государя Императора Александра Павловича (въ 1803) полкъ раздѣленъ былъ на 6 эскадроновъ. Въ 1820 г. основано Училище Кантонистовъ. Пожалованы были за примѣрное мужество въ сраженіяхъ штандарты и серебряныя трубы съ георгіевскими крестами, увеличены оклады жалованья всѣмъ чинамъ, увеличены права ихъ и издано множество полезныхъ постановленій касательно способа комплектованія полка людьми и лошадьми, производства въ чины, фуражнаго продовольствія и произошли многія улучшенія въ обмундированіи и вооруженіи полка и въ правилахъ службы гарнизонной и полевой. Въ 1807 г. Высочайше повелѣна постройка новыхъ казармъ на томъ мѣстѣ и въ томъ видѣ, какъ онѣ находились до нынѣшней ея перестройки. Работы эти были произведены подъ надзоромъ архитектора Ермолаева. Расходы на полкъ простирались до 165,023 р. $95^1/_2$ к. (Въ эту сумму не входятъ издержки на фуражъ).

Конная Гвардія до самого 1831 года имѣла счастіе пользоваться особыми милостями Цесаревича Константина Павловича, бывшаго ея шефомъ. Съ 1815 г. Цесаревичъ изволилъ имѣть пребываніе свое въ Варшавѣ, но и тогда никакое распоряженіе не дѣлалось безъ дѣятельнаго его участія. Свидѣтельствомъ тому служатъ приказы Е. В.,

которыми онъ неоднократно удостоивалъ доказывать полку милостивое свое вниманіе. Въ примѣръ тому приведемъ здѣсь слѣдующій лестный для полка приказъ Цесаревича:

3) Приказъ Его Высочества, 1815 года 15 Марта.

«Отъ Его Императорскаго Высочества Цесаревича Генералъ-Инспектора всей Кавалеріи.

Приказъ.

Въ полки: Кавалергардскій, Л. Гв. Конный, Кирасирскій, Драгунскій, Уланскій и Л. Гв. Конную Артиллерію. Марта 2 дня 1815 г. г. Варшава. — «Его Императорское Величество въ Собственноручномъ письмѣ, которое Я удостоился получить, изволилъ поздравить Меня съ 13 числомъ Марта, день сраженія прошлаго года при Феръ-Шампенуазѣ. Принимая съ вѣрноподданнѣйшимъ благоговѣніемъ таковое Монаршее благоволеніе, Я не могу на Себя принять славу того дня, а отношу ее единственно храбрости и мужеству сихъ полковъ и Артиллеріи, которые покрыли себя безсмертными въ тотъ день лаврами, и съ живѣйшимъ чувствомъ поздравляю ихъ съ Высочайшимъ Его Императорскаго Величества благоволеніемъ, увѣренъ, что отборное сіе войско потщится при первомъ случаѣ болѣе еще прославить носимое имъ званіе и тѣмъ вяще быть достойну Монаршей милости.»

1831 г. іюня 25 Государь Императоръ Николай Павловичъ удостоилъ принять на себя званіе шефа полка и тѣмъ изволилъ показать ему новый знакъ своей Монаршей милости. Кому не извѣстны мудрыя постановленія, по военной части, какъ и по всѣмъ отраслямъ государственнаго управленія, которыми ознаменовано нынѣшнее благополучное царствованіе? Говорить о нихъ не значитъ ли повторять то́, что́ извѣстно всѣмъ, что́ совершалось передъ нашими глазами и хвалу чему говорятъ самые факты? Благодѣтельное вліяніе неисчислимаго множества разнородныхъ постановленій отражается на всемъ. Можетъ ли гвардія безъ душевной признательности къ великимъ милостямъ Монарха вспомнить о внушенныхъ ему сердечною благостію предначертаніяхъ, которыми постановлены: права и преимущества всѣхъ чиновъ, сокращеніе срока ихъ службы, окончательное образованіе школъ кантонистовъ, годовые и безсрочные отпуски, увеличеніе окладовъ жалованья, назначеніе пособій, выдача приданаго дочерямъ нижнихъ чиновъ? Таковы главныя постановленія нынѣ благополучно царствующаго Императора, внушенныя ему непрерывною заботливостію о судьбѣ вѣрныхъ воиновъ и ихъ семействъ, исполненныхъ глубокаго чувства благодарности къ отеческимъ попеченіямъ Монарха.

Представляемъ Высочайше утвержденный въ 1840 г. штатъ полка и смѣту расходамъ по содержанію его.

Старшихъ Вахмистровъ . .	7	всего 112 Унтеръ-Офицеровъ.
Младшихъ Вахмистровъ . .	28	
Квартирмистровъ	7	
Унтеръ-Офицеровъ	70	
Штабъ-трубачъ	1	
Литаврщикъ	1	
Музыкантовъ	25	
Ихъ учениковъ	18	
Трубачей	20	
Рядовыхъ	850	
(Съ прибавкою на военное время 30 человѣкъ).		

	Ассигнаціями.	
	Рубли.	Коп.
На жалованье всѣмъ чинамъ.	122,104	50
Провіантъ	73,771	54
Порціонныя	11,145	62
На покупку строевыхъ лошадей . . .	48,000	—
Фуражъ	309,492	—
Аммуниція	98,628	33
Освѣщеніе казармъ и конюшенъ . . .	5,512	—
Дрова	34,415	—
Разные расходы	11,261	37¼
Итого .	714,311	36¼

Упомянувши здѣсь о нѣкоторыхъ главныхъ чертахъ исторіи Конной Гвардіи, мы не могли привести любопытныхъ подробностей о службѣ придворной, лагерной, гарнизонной полка, о походахъ во время сопровожденія царственныхъ особъ въ путешествіяхъ, замѣчательныхъ парадахъ и празднествахъ, многихъ случаяхъ, коими наши государи удостоивали доказывать личное довѣріе свое къ ея офицерамъ и т. п. Все это въ высшей степени занимательно, изложено талантливо, систематически и дѣлаетъ честь дарованію г. Анненкова.

Во 2-й части своего сочиненія г. Анненковъ описываетъ кампаніи, совершонныя Л. Г. Коннымъ полкомъ. Онъ участвовалъ въ слѣдующихъ войнахъ: 1) Въ 1737, 1738 и 1739 (*) противъ турокъ, подъ начальствомъ фельдмаршала Миниха; 2) въ 1742 г. противъ шведовъ, въ Финляндіи, подъ начальствомъ фельдмаршала Ласси; 3) въ 1788 г., противъ шведовъ; 4) въ 1805 г., гдѣ полкъ покрылъ себя славою при Аустерлицѣ; 5) въ 1807 г., полкъ совершилъ подъ Фридландомъ блистательную атаку; 6) въ 1812 г. въ отечественную войну онъ особенно отличился при Бородинѣ, а часть его, бывшая въ арміи гр. Витгенштейна, при Полоцкѣ; 7) въ 1813 г. Конная

(*) Въ Крыму и на берегахъ Буга и Днѣстра.

гвардія, вмѣстѣ со всѣмъ гв. корпусомъ, изумила непріятелей своимъ мужествомъ при Кульмѣ (16, 17 и 18 августа) и Лейпцигѣ (4 октября); 8) въ 1814 г., гдѣ со славою участвовала въ битвѣ при Феръ Шампенуазѣ. (13 марта), и 9) въ 1831 г. противъ польскихъ мятежниковъ.

Приводимъ здѣсь нѣкоторые замѣчательные приказы, отданные во время войны:

«Его Императорское Высочество объявляетъ нижнимъ чинамъ «Л. Гв. Коннаго полка примѣръ вѣрности и усердія къ службѣ, умер«шаго онаго полка писаря, Рычигина, который, бывъ взятъ непріяте«лями въ полонъ, имѣя при себѣ полковую приказную книгу, при «кончинѣ своей, отдалъ оную Священнику, поручивъ ее отдать Рос«сійскому послу въ Вѣнѣ; о таковомъ похвальномъ и свойственномъ «Россійскому воину поступкѣ, дается знать въ полкъ».

ПРИКАЗЪ РОССІЙСКОЙ ИМПЕРАТОРСКОЙ ГВАРДІИ.

Въ достопамятный день 17 ч. сего мѣс., храбрые Гвардейскіе воины! покрыли вы себя новыми неувядаемыми лаврами и оказали важную отечеству услугу. Вы въ маломъ числѣ удержали, и съ неслыханнымъ мужествомъ, поразили превосходнаго въ силахъ врага, порывавшагося съ лютостію при Теплицахъ простирать далѣе шаги свои въ Богемію. Вы грудью своею остановили его, нанесли ему страшный ударъ и тѣмъ открыли путь къ воспослѣдовавшей потомъ на другой день совершенной побѣдѣ. Знатный непріятельскій корпусъ весь безъ остатка побитъ, истребленъ и разсѣченъ. Главнокомандующій онымъ, со всѣми прочими Генералами, Штабъ и Оберъ-Офицерами и двѣнадцатью тысячами рядовыхъ взятъ въ плѣнъ, восемьдесятъ одна пушка, со множествомъ зарядныхъ ящиковъ и обозовъ, досталися въ наши руки. Воины, тѣлохранители и защитники государства! Вы доказали, что достойно и праведно честь имени сего на себѣ носите. Изъявляю вамъ всего Отечества и Мою благодарность: вы вмѣстѣ съ безсмертною славою купили ее кровію своею и дѣлами. Въ знакъ должной признательности, дарую вамъ Преображенскому и Семеновскому полкамъ и Гвардейскому морскому экипажу, Георгіевскія знамена, Измайловскому же и Егерскому, Георгіевскія трубы. Рука Господня да сохранитъ васъ, поборяющихъ по вѣрѣ и правдѣ.

На подлинномъ подписано собственною Его Императорскаго Величества рукою:

«АЛЕКСАНДРЪ».

ПРИКАЗЪ ПО АРМІЯМЪ.

Главн. кварт. г. Донауешингенъ. Декабря 16 дня 1813 г. № 269.

При вступленіи въ Швейцарію или во Францію, поставляется особенною обязанностію всѣхъ Гг. начальниковъ, объявить и внушить нижнимъ чинамъ: что первое изъ сихъ государствъ есть намъ союзное; въ послѣднее же вступаемъ мы не для мщенія врагамъ Россіи,

или завоеваній, но единственно для пріобрѣтенія общаго спокойствія, самими Французами столь желаннаго и чрезъ такъ долгое время Императоромъ Франціи нарушеннаго. Я надѣюсь, что Гг. командующіе войсками почувствуютъ сами, сколь много успѣхъ сего спасительнаго преднамѣренія Всемилостивѣйшаго Государя нашего зависѣть будетъ отъ поведенія войскъ и дружелюбнаго обращенія ихъ съ жителями; а потому совершенно увѣренъ, что всякой изъ нихъ употребитъ всѣ зависящія отъ него мѣры и способы къ прекращенію всякихъ насильствъ и притѣсненій жителямъ тѣхъ земель, столь вредныхъ для общей благонамѣренной цѣли, и постыдныхъ для воиновъ, храбрости коихъ и геройскому терпѣнію міръ обязанъ будетъ миромъ. Въ благоустроенныхъ войскахъ, никакіе случаи не могутъ оправдать грабежа, насилія и неповиновенія, а потому и я непремѣннымъ правиломъ себѣ поставляю, малѣйшее послабленіе начальника, или самовольный поступокъ нижняго чина, наказывать не упустительно по всей строгости законовъ, на предметъ сей существующихъ.

Подлинный подписалъ: Главнокомандующій всѣми Арміями,
Генералъ отъ Инфантеріи *Графъ Барклай де-Толи.*

Чтобы познакомить читателей съ талантомъ автора, сообщаемъ здѣсь образецъ его разсказа о славномъ подвигѣ, который, безъ сомнѣнія, дорогъ всѣмъ имѣвшимъ и имѣющимъ честь носить конногвардейскій мундиръ. Это одинъ изъ эпизодовъ аустерлицкаго сраженія.

«Когда Сультъ бросился на Пратценскія высоты, то изъ опасенія быть отрѣзаннымъ отъ своего корпуса, отдѣлилъ изъ дивизіи Вандама одну бригаду, подъ командою Генерала Шиннера, назначивъ ее прикрывать все пространство отъ подошвы Пратцена до центра своихъ войскъ. Бригадѣ этой предназначено было дать случай свершить славный подвигъ Кон. Гвар., подвигъ, засвидѣтельствованный самимъ Наполеономъ и многими другими военными писателями. Въ самомъ разгарѣ боя между войсками Бернадота и Русской Гвардіей, Его Высочество Цесаревичъ отряжаетъ Конную Гвардію противъ бригады Шиннера, только что занявшей свою позицію. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нея, 1-й дивизіонъ Конной Гвардіи развертываетъ фронтъ, и два эскадрона его (Его Высочества, подъ командою Полковника Ожаровскаго, и 2-й, подъ командою Полковника Оленина), производятъ столь сильную атаку, что баталіонъ 4 линейнаго полка (4 de ligne) дрогнулъ и смѣшался, а 3 взводъ эскадрона Оленина сшибъ съ ногъ Подпрапорщика, державшаго знамя. Конной Гвардіи первый фланговый карабинеръ 3 взвода, рядовой Гавриловъ, едва увидѣлъ на землѣ Французское знамя, какъ соскочилъ съ лошади, поднялъ его и только что успѣлъ передать, ѣхавшему сзади его рядовому Омельченкѣ, какъ упалъ пораженный штыками въ оба бока. Съ яростію кинулись Французы, для спасенія орла своего, но рядовые Ушаковъ и Глазуновъ, выскакиваютъ изъ фронта и заслоняютъ драгоцѣнную добычу. Завя-

зывается отчаянный бой, но знамя остается въ нашихъ рукахъ, а послѣдующія атаки другихъ эскадроновъ Конной Гвардіи разсѣеваютъ совершенно всю бригаду, которая въ одномъ бѣгствѣ ищетъ своего спасенія. Рядовые Ушаковъ, Глазуновъ и Омельченко, привезли сами отбитое ими знамя къ Цесаревичу, и нынѣ хранится оно въ полковой Коннаго полка Церкви».

Кромѣ этого, гг. офицеры Конной Гвардіи были часто командируемы по собственному желанію въ дѣйствующія войска еще со времени царствованія Императрицы Елисаветы Петровны. Съ 1835 по по 1846 г. каждый годъ одинъ изъ офицеровъ полка участвовалъ въ экспедиціяхъ противъ горцевъ. Приказы начальниковъ отдѣльнаго Кавказскаго корпуса сохранили память о пребываніи ихъ на Кавказѣ, ознаменованномъ постоянными примѣрами мужества и распорядительности.

Г. Анненковъ почтилъ память служившихъ въ полку храбрыхъ офицеровъ, павшихъ на полѣ битвы, въ приложенномъ къ его сочиненію особомъ спискѣ, гдѣ показаны годъ, число и мѣсто ихъ славной смерти. Онъ оканчивается именемъ М. П. Глѣбова, ротмистра Конной Гвардіи и адъютанта намѣстника кавказскаго кн. М. С. Воронцова, оставившаго на Кавказѣ память отличнаго офицера и убитаго 28-го іюля 1847 при аулѣ Салты, уже по окончаніи дѣла съ горцами, въ которомъ ему суждено было отличиться въ послѣдній разъ.

Въ 3-й части Исторіи помѣщены примѣчанія къ первымъ двумъ, которыя также могутъ быть прочтены не безъ любопытства.

Четвертый томъ Исторіи Лейбъ-Гв. Коннаго полка заключаетъ въ себѣ списокъ всѣхъ чиновъ его, строевыхъ и нестроевыхъ, съ 1731 по 1848 г, Сообщаемъ читателямъ извѣстіе о примѣчательныхъ командирахъ полка и достопамятныхъ впослѣдствіи лицахъ, бывшихъ при началѣ службы своей въ рядахъ этого блестящаго полка. Изъ полковыхъ командировъ достойны примѣчанія: П. И. Ягужинскій, оберъ-шталмейстеръ Императрицы Анны Іоанновны (1730—1731). Гр. А. К. Разумовскій, впослѣдствіи генералъ-фельдмаршалъ (1748—1751). Графъ Г. Г. Орловъ, генералъ-фельдцейхмейстеръ, извѣстный возстановленіемъ порядка въ Москвѣ во время чумы 1771 года (1764—1784). И. И. Михельсонъ, усмиритель пугачевскихъ шаекъ (1781—1788). Гр. И. П. Салтыковъ, впослѣдствіи генералъ-фельдмаршалъ (1790—1796). А. П. Тормасовъ, одинъ изъ героевъ отечественной войны (1800—1803). М. А. Арсеньевъ, начальствовавшій полкомъ во время долголѣтней борьбы нашей съ Наполеономъ (1811—1819). Также командовали Конной Гвардіей генералъ-адъютанты: гр. А. Ф. Орловъ, нынѣ шефъ жандармовъ и начальникъ главной квартиры Его Императорскаго Величества (1819

до 1828), и баронъ Е. Ѳ. Мейендорфъ, извѣстный славною атакою съ кирасирскимъ принца Алберта прусскаго полкомъ, подъ Гроховымъ въ 1831 году (1833—1837).

Изъ достопамятныхъ лицъ, служившихъ въ молодости своей въ Конной Гв., упомянемъ о слѣд.: кн. Н. Б. Юсуповъ, извѣстный любитель наукъ и художествъ, просвѣщенный вельможа екатерининскихъ временъ. Кн. А. Б. Куракинъ, бывшій впослѣдствіи посломъ въ Парижѣ. Свѣтл. кн. Г. А. Потемкинъ-Таврическій и гр. В. А. Зубовъ, знаменитые сподвижники Екатерины Великой. Св. кн. Д. В. Голицынъ, прозванный рыцаремъ Баярдомъ, бывшій потомъ генералъ-губернаторомъ въ Москвѣ, гдѣ понынѣ съ благодарностію помнятъ объ его управленіи. Кн. И. В. Васильчиковъ, скончавшійся недавно въ званіи предсѣдателя Государственнаго Совѣта, извѣстный и военными подвигами и гражданскими доблестями. Гр. П. В. Голенищевъ-Кутузовъ, бывшій с. п. бургскій генералъ-губернаторъ. Ѳ. Ѳ. Кокошкинъ, извѣстный драматическій писатель и директоръ Императорскихъ московскихъ театровъ. Ѳ. П. Уваровъ, командовавшій войсками гв. корпуса. И. П. Мятлевъ, извѣстный писатель.

Слѣдующія лица, занимающія теперь важныя государственныя и придворныя должности, также начали блистательное служебное поприще въ Л.-Г. Конномъ полку: д. т. с. А. И. Рибопьеръ, оберъ-камергеръ Высочайшаго двора. Д. т. с. А. З. Хитрово, государственный контролеръ. Д. т. с. Д. В. Васильчиковъ, оберъ-егермейстеръ Высочайшаго двора Д. Т. с. гр. К. В. Нессельроде, государственный канцлеръ. Генералъ отъ кавалеріи гр. П. П. Фонъ-Деръ-Паленъ, генералъ-адъютантъ, посолъ въ Парижѣ. Д. т. с. Ѳ. П. Опочинъ, оберъ-гофмейстеръ Высочайшаго двора. Генералъ отъ инфантеріи гр. П. А. Клейнмихель, главноуправляющій путями сообщенія. Г. л. П. И. Кошкуль, инспекторъ гвардейскихъ запасныхъ эскадроновъ. Г. л. К. Ѳ. Пилларъ фонъ Пильхау, начальникъ 1-й уланской дивизіи. Г. л. Ѳ. Я. Мирковичъ, виленскій, гродненскій, ковенскій и минскій генералъ-губернаторъ. Г. л. бар. О. О. Веліо, царскосельскій комендантъ. Г.-м. А. П. Галаховъ, с. п. б. оберъ- полиціймейстеръ. Г.-м. И. Д. Лужинъ, московскій оберъ-полиціймейстеръ. Г.-м. кн. В. А. Долгорукій, генералъ-адъютантъ, товарищъ военнаго министра. Г.-м. князь А. А. Италійскій графъ Суворовъ-Рымникскій, генералъ-адъютантъ, лифляндскій, курляндскій и эстляндскій генералъ-губернаторъ. Г.-м. кн. В. А. Долгорукій, генералъ-провіантмейстеръ Военнаго Министерства. Г.-м. кн. И. И. Васильчиковъ, волынскій губернаторъ. Г.-м. Н. И. Крузенштернъ, тульскій губернаторъ. Г.-м. Н. К. Александровъ и Ѳ. В. Анненковъ состоятъ въ свитѣ Его Императорскаго Величества.

Изъ особъ, состоящихъ нынѣ въ спискѣ полка, командиръ его г.-м. П. П. Ланской имѣетъ званіе генералъ-адъютанта Его Императорскаго Величества, а полковники: гр. К. К. Бенкендорфъ, И. В. Анненковъ (авторъ разбираемаго сочиненія), бар. Э. И. Мирбахъ и свѣтл. кн. В. Д. Голицынъ, ротмистры: гр. Г. К. Крейцъ (командиръ эскадрона Ея Величества), кн. В. И. Васильчиковъ и штабъ-ротмистръ гр. Н. А. Орловъ, имѣютъ также счастіе находиться при особѣ Государя Императора въ званіи флигель-адъютантовъ.

Къ книгѣ г. Анненкова приложена тетрадь изъ 24 прекрасно литографированныхъ рисунковъ, представляющихъ любопытную галлерею мундировъ полка, съ самого его основанія, до 1848 года, во всѣхъ ихъ видоизмѣненіяхъ.

Вообще нельзя не благодарить г. Анненкова за его прекрасный и изящно изданный трудъ, который, конечно, обрадуетъ всѣхъ имѣвшихъ честь служить въ Л.-Г. Конномъ полку, и который, по своему достоинству, займетъ мѣсто въ каждой русской библіотекѣ.

Исторія военнаго искусства и замѣчательнѣйшихъ походовъ, отъ начала войнъ до настоящаго времени. М. Н. Богдановича, *генеральнаго штаба полковника, Императорской Военной Академіи профессора. Часть первая, заключающая въ себѣ военную исторію, отъ начала войнъ до паденія западной римской имперіи. Съ четырьмя картами и 11-ю планами сраженій. Спб. 1849.*

Надо замѣтить, что это заглавіе нѣсколько преувеличено: сочиненіе г. Богдановича представляетъ краткій очеркъ исторіи военнаго искусства и замѣчательнѣйшихъ походовъ, начиная отъ персидско-греческой войны, а не отъ *начала войнъ*, какъ сказано въ заглавіи. Да не сочтутъ впрочемъ этого замѣчанія за упрекъ съ нашей стороны автору: мы не любители мелочныхъ придирокъ къ недостаткамъ или промахамъ, вкравшимся, очевидно, вслѣдствіе маловажной неосмотрительности и тому подобныхъ причинъ. Неудовлетворительность этого очерка мы укажемъ нѣсколько на своемъ мѣстѣ, а теперь намѣреваемся сказать нѣсколько словъ въ его пользу, а именно: по нашему, онъ составляетъ прекрасное явленіе въ русской литературѣ, не столько самъ по себѣ, сколько въ особенности по тѣмъ результатамъ, которыхъ можно надѣяться, частію подъ его вліяніемъ, частію и независимо отъ него. Объяснимся. Избравъ въ общей исторіи такой элементъ, на который всеобщіе историки до сихъ поръ обращали и обращаютъ повидимому исключительное вниманіе (войны) и въ тоже время какъ-будто не обращали и не обращаютъ рѣшительно никакого вниманія, г. Богдановичъ живостію своего очерка можетъ возбудить не въ одномъ молодомъ

человѣкѣ желаніе (которое замираетъ подъ вліяніемъ другихъ историковъ) заняться подробнымъ самостоятельнымъ разсмотрѣніемъ историческихъ событій вообще и, можетъ быть, военныхъ въ особенности: послѣдняго мы можемъ ожидать, безъ сомнѣнія, особенно отъ ученыхъ военнаго сословія. Прослѣдивъ очеркъ со вниманіемъ тѣмъ болѣе полнымъ, что оно было поддерживаемо интересомъ предмета, мы замѣтили въ его авторѣ столько достоинствъ, необходимыхъ для подобнаго труда, что желали бы получить обширнѣйшую исторію военнаго искусства и вообще войнъ именно отъ него; мы жалали бы, чтобы слѣдующія части его сочиненія, особенно исторія трехъ послѣднихъ столѣтій, были обработаны гораздо строже, наукообразнѣе и обширнѣе, нежели какъ онъ очертилъ древнія событія. Но чтобъ не оставить своихъ мнѣній безъ доказательствъ и вмѣстѣ съ тѣмъ дать читателю возможность самому опредѣлить то удовольствіе, какого можно ожидать отъ дальнѣйшаго обширнаго прагматико-историческаго труда, посвященнаго исторіи военнаго искусства и войнъ вообще, мы извлечемъ изъ очерка г. Богдановича нѣсколько замѣчательныхъ мѣстъ, на которыя онъ обратилъ болѣе вниманія. Для нашей цѣли достаточно будетъ, если мы представимъ здѣсь читателю двѣ битвы Эпаминонда и двѣ битвы Александра Македонскаго, какъ изображены онѣ въ очеркѣ г. Богдановича; вмѣстѣ съ тѣмъ мы познакомимся нѣсколько съ однимъ изъ главнѣйшихъ моментовъ военнаго искусства въ древности. А для этого мы должны бросить взглядъ прежде всего на персидскія и греческія войска, какъ они явились во время персидско-греческихъ войнъ.

Постоянное войско у персовъ состояло въ эту эпоху изъ наемныхъ воинственныхъ племенъ Гирканіи, парѳянъ, грековъ и другихъ и было весьма незначительно; въ случаѣ же если требовалось обширное войско, то оно набиралось изъ всѣхъ народовъ и племенъ, подвластныхъ персидскому монарху и управляемыхъ его намѣстниками-сатрапами, и составляло огромное ополченіе, болѣе грозное числомъ, нежели силою. Эти разноплеменныя войска были вооружены различно: одни копьями, другія дротиками, стрѣлами, третьи огромными палицами; одни сражались пѣшкомъ, другія на коняхъ, или на верблюдахъ; нѣкоторыя дѣйствовали съ колесницъ, или съ небольшихъ башенъ, поставленныхъ на слонахъ. Предохранительнаго оружія они бо́льшею частію не имѣли; египтяне носили щиты, а наемные греки вооружались такъ же, какъ и тяжелая греческая пѣхота, т. е. имѣли копья, щиты и латы. Какъ пѣхота, такъ и кавалерія, располагались въ глубокомъ боевомъ порядкѣ (въ тридцать шеренгъ; египтяне же строились иногда во сто шеренгъ); эти массы

неспособны ни къ быстрымъ смѣнамъ разстроенныхъ частей, ни къ быстрымъ эволюціямъ вообще.

У грековъ каждый гражданинъ опредѣленнаго возраста долженъ былъ явиться на службу, по требованію правительства, и потому, хотя греческія республики не содержали постоянныхъ войскъ, однакожь граждане собирались постоянно для упражненія въ эволюціяхъ и въ дѣйствіи оружіемъ. Греческая пѣхота раздѣлялась на три рода: 1) тяжелая (гоплиты) покрывалась латами и была вооружена длинными копьями и большими щитами; 2) средняя отличалась отъ тяжелой болѣе легкимъ оружіемъ, а 3) легкая вовсе не имѣла щитовъ и дѣйствовала пращами, стрѣлами и дротиками. Кавалеріи у грековъ сначала не было, но послѣ вторженія Ксеркса они постепенно увеличивали ея число такъ, что при Александрѣ она составляла $^1/_6$ арміи. Она также раздѣлялась на тяжелую и легкую, а въ арміи Александра была еще средняя, которая, подобно нашимъ драгунамъ, пріучена была къ дѣйствію въ конномъ и пѣшемъ строю.

Въ боевомъ порядкѣ тяжелая пѣхота обыкновенно занимала средину; средняя стояла по флангамъ или за срединою первой линіи; легкая, въ началѣ боя, стояла впереди; а потомъ строилась позади первой линіи; кавалерія располагалась на оконечностяхъ или впереди пѣхоты. Тяжелая пѣхота (фаланга) составляла, по числу и по количеству, главную силу греческихъ армій. Она строилась въ восемь, двѣнадцать и шестнадцать шеренгъ и представляла грозное зрѣлище сплошной массы, прикрытой щитами и уставленной шестью рядами копій; прочія шеренги держали копья перпендикулярно и служили для подкрѣпленія и смѣны первыхъ. Фаланга имѣла большую силу въ оборонительномъ отношеніи и даже была удобна для наступательныхъ дѣйствій на небольшихъ пространствахъ, на ровной мѣстности и противъ азіятскихъ армій, которыя также были неповоротливы, но хуже вооружены и ниже фаланги въ тактическомъ отношеніи. А на мѣстности неровной и пересѣченной фаланга не могла оставаться въ правильномъ сомкнутомъ строю, составлявшемъ непремѣнное ея условіе. — Замѣтимъ наконецъ, что греческіе воины обладали необыкновенною физическою силою, которая была пріобрѣтаема и развиваема въ нихъ съ самаго дѣтства безпрестанными гимнастическими упражненіями; отличаясь притомъ умѣренностію въ пищѣ, они носили на себѣ десяти, даже двѣнадцати-дневный запасъ продовольствія и при всемъ томъ совершали значительные переходы.

Сдѣлавъ такого рода очеркъ военныхъ силъ у персовъ и грековъ (немножно обширнѣе, нежели мы представили), нашъ авторъ переходитъ къ персидско-греческой войнѣ и излагаетъ ее, по нашему,

слишкомъ ужь коротко; даже мараѳонскаая битва очерчена имъ какъ-будто на-скоро; онъ готовъ и ее оставить, только упомянуть о ней, какъ упоминаетъ и о другихъ весьма знаменитыхъ сухопутныхъ и морскихъ сраженіяхъ; тутъ авторъ все какъ-будто куда-то торопится: мы догадываемся, что это къ Эпаминонду, в тамъ опять скорѣе къ Александру, чтобъ опять потомъ какъ можно скорѣе къ Аннибаллу, а тамъ и къ Цезарю. Ну, такъ и мы пойдемъ прямо на сраженіе при *Левктрахъ*. Вы знаете, что одну сторону сражающихся составляютъ здѣсь лакедемоняне, подъ начальствомъ Клеомброта, а другую ѳивяне, подъ предводительствомъ Эпаминонда.

Клеомбротъ, имѣвшій болѣе нежели полуторное число войскъ, расположилъ ихъ такимъ образомъ: въ 1-й линіи поставилъ всю конницу, а во 2-й пѣхоту, построивъ ее въ 12 шеренгъ. И со стороны Эпаминонда, въ 1-й линіи стояла превосходная ѳессалійская конница, а во 2-й пѣхота. Желая произвести усиленную атаку лѣвымъ крыломъ, уклоняя правое, Эпаминондъ отступилъ отъ обычнаго боевого порядка греческихъ войскъ и расположилъ свою 2-ю линію такъ, что на лѣвомъ флангѣ ея стояла значительная часть тяжелой пѣхоты (обыкновенно занимавшей средину), построенная въ 48 шеренгъ и усиленная отборною дружиною Пелопида изъ 300 человѣкъ (свящ. дружина). Остальная тяжелая пѣхота построена была въ 8 шеренгъ; а правое крыло, долженствовавшее дѣйствовать только издали, состояло изъ легкой пѣхоты.

Въ самомъ началѣ сраженія, ѳессалійская конница, стоявшая, какъ сказано, въ 1-й линіи эпаминондовой арміи, опрокинула спартанскую кавалерію на вторую линію непріятельской арміи и такимъ образомъ отчасти привела ее въ безпорядокъ. Пользуясь этимъ успѣхомъ, Эпаминондъ двинулся впередъ лѣвымъ крыломъ; прочія войска слѣдовали въ видѣ уступовъ, въ косвенномъ боемъ порядкѣ; отрядъ Пелопида шолъ позади лѣваго крыла, въ резервѣ. Клеомбротъ пытался выдавшуюся впередъ колонну Эпаминонда охватить съ фланга, но Пелопидъ ударилъ во флангъ обходившимъ, а Эпаминондъ опрокинулъ съ фронта правое крыло спартанской арміи и такимъ образомъ обратилъ ее въ бѣгство. Потеря спартанцевъ простиралась до 4,000. Клеомбротъ былъ въ числѣ убитыхъ. Ѳиванцы потеряли до 400 человѣкъ. Не будемъ говорить о дальнѣйшихъ слѣдствіяхъ битвы и посмотримъ лучше на сраженіе при Мантинеѣ.

Здѣсь, при Мантинеѣ, спартанское войско (съ союзниками) состояло изъ 22 тысячъ. Предводитель этого войска, Агезилай, поставилъ свою пѣхоту въ центрѣ, конницу — по флангамъ и въ резервѣ. Эпаминондъ, намѣреваясь повести усиленную атаку на лѣвое крыло непріятельской арміи, построилъ ѳивскую пѣхоту въ видѣ клина на

правомъ флангѣ своего боевого порядка; еще правѣе стояла превосходная ѳессалійская конница, въ интервалахъ частей которой расположены небольшіе отряды общихъ стрѣлковъ и пращниковъ. Центръ и лѣвое крыло, составленныя изъ союзной тяжелой пѣхоты, должны были слѣдовать уступами *справа;* остальная же кавалерія и легкая пѣхота выдвинуты впереди лѣваго крыла, для прикрытія его и для угроженія правому крылу противника.

Въ такомъ боевомъ порядкѣ Эпаминондъ двинулся впередъ и одержалъ побѣду, но былъ смертельно раненъ. Пелопидъ былъ убитъ еще прежде: могущество ѳивской республики кончилось. Наступали для Греціи времена зависимости, а потомъ и рабства. Возникли новыя междоусобія, и Филиппъ, послѣ сраженія при Херонеѣ (338), на общемъ собраніи представителей всѣхъ греческихъ городовъ, въ Коринѳѣ (въ 337), провозглашонъ преводителемъ арміи, назначенной (по его плану) для дѣйствій противъ Персіи; но въ слѣдующемъ году онъ былъ убитъ.

Вступивъ на престолъ и усмиривъ государства и племена, покоренныя его отцомъ, а теперь взбунтовавшіяся противъ Македоніи, *двадцатилѣтній* Александръ переправился чрезъ Геллеспонтъ (Дарданеллы) съ 30,000 пѣхоты и 5,000 кавалеріи въ малую Азію, съ намѣреніемъ исполнить мысль своего отца — разрушить Персидское государство и распространить греческую цивилизацію по всему земному шару.

Персидскіе полководцы, собравъ армію, составленную изъ персидской конницы и *наемной греческой* пѣхоты, долго не могли согласиться между собою, какъ должно дѣйствовать противъ Александра. Главный изъ персидскихъ вождей, Мемнонъ Родосскій, совѣтовалъ не вступать въ бой съ македонскими войсками, имѣвшими въ это время на своей сторонѣ численное превосходство въ пѣхотѣ и дѣйствовавшими подъ личнымъ начальствомъ своего государя,—обстоятельство, которое, возвышая ихъ нравственную силу, могло доставить имъ несомнѣнный перевѣсъ. Онъ совѣтовалъ отступать во внутрь страны, опустошая все пространство, предоставляемое непріятелю, и раззоряя приморскіе города, съ тою цѣлью, дабы, лишивъ Александра всѣхъ средствъ къ продовольствію арміи, принудить его тѣмъ къ отступленію. Но всѣ прочіе военачальники согласились съ мнѣніемъ сатрапа Арента — не уклоняться отъ боя. Слѣдствіемъ того было расположеніе персидской арміи на выгодной позиціи за рѣчкою Граникомъ (нынѣ Уствола).

Приблизившись къ Гранику, Александръ немедленно сталъ готовиться къ переправѣ черезъ рѣку открытою силою. Опытный полководецъ его, Парменіонъ, совѣтовалъ отложить это дѣйствіе до

слѣдующаго дня, полагая, что непріятель, слабѣйшій въ пѣхотѣ, непремѣнно отступитъ въ теченіи ночи. Но Александръ былъ другого мнѣнія: «неужели насъ остановитъ ручей — сказалъ онъ — «насъ, которые переправились чрезъ Геллеспонтъ! Начавъ войну «славнымъ подвигомъ, заставимъ непріятеля страшиться насъ»!

Персидская армія, въ числѣ 40 т., подъ начальствомъ Мемнона, расположена была въ двѣ линіи: первая, состоящая изъ всей конницы, числомъ въ 20,000, стояла на высотахъ праваго берега Граника; другая, изъ 10,000 наемной греческой пѣхоты, находилась на вершинѣ горъ, господствующихъ надъ теченіемъ рѣки, въ нѣкоторомъ разстояніи позади конницы. Въ это время рѣка была удобопереходима въ бродъ на нѣкоторыхъ пунктахъ, но по крутости береговъ своихъ представляла для переправы значительныя затрудненія.

Александръ расположилъ свою армію въ нѣкоторомъ разстояніи отъ берега, такимъ образомъ, что въ центрѣ стояла фаланга (тяжелая пѣхота), построенная въ 16 шеренгъ, въ шести колоннахъ, головы которыхъ стояли на одной линіи; по правую сторону фаланги находился отрядъ средней пѣхоты; еще правѣе македонская кавалерія (тяжелая и легкая); за нею, во 2 линіи, легкая пѣхота; а на лѣвомъ флангѣ общаго расположенія ѳракійская (легкая), союзная и ѳессалійская кавалеріи (тяжелая). Намѣреваясь устремить главныя усилія на оконечности непріятельской арміи, Александръ принялъ начальство непосредственно надъ правымъ крыломъ, а лѣвое поручилъ Парменіону. Въ главѣ праваго крыла пошла отборная кавалерія гетеровъ, поддерживаемая легкою пѣхотою; нѣсколько лѣвѣе, другой колонной, слѣдовала легкая македонская конница и три отдѣленія фаланги. Лѣвое крыло двинулось также въ двухъ коллонахъ, изъ которыхъ въ правой находились три отдѣленія фаланги, а въ лѣвой — вся союзная кавалерія. Въ такомъ порядкѣ войска александровы, при звукѣ трубъ и громкихъ восклицаніяхъ, переправились черезъ рѣку, въ косвенномъ направленіи съ тою цѣлью, чтобы не позволить непріятелю атаковать головы колоннъ. Александръ находился впереди своихъ гетеровъ; замѣтивъ его присутствіе на правомъ крылѣ, персы тотчасъ усилили свое лѣвое крыло. Дебушированіе войскъ Александра первоначально было замедлено дѣйствіемъ метательнаго оружія непріятельской пѣхоты и персидской конницы; но когда Александръ и Парменіонъ успѣли построить кавалерію и легкую пѣхоту противъ оконечностей расположенія непріятельской линіи, то фаланга также переправилась черезъ рѣку и выстроилась въ центрѣ. Тогда персидская конница, изумленная грознымъ зрѣлищемъ александровой арміи, обратилась

въ бѣгство. Между тѣмъ пѣхота Мемнона, вмѣсто того, чтобы принять дѣятельное участіе въ бою, осталась на занятой ею высотѣ и ограничивалась метаніемъ стрѣлъ съ большого разстоянія. Не увлекаясь преслѣдованіемъ персидской конницы, Александръ атаковалъ теперь непріятельскую пѣхоту съ фронта и съ фланговъ и истребилъ ее совершенно, за исключеніемъ 2,000, взятыхъ въ плѣнъ. — Таковъ первый блистательный подвигъ Александра въ персидской войнѣ.

Но гораздо интереснѣе этотъ юный государь, — этотъ всемірный юноша, какъ выразилъ его Гегель, — во второмъ, знаменитѣйшемъ бою съ персами, гдѣ участвовалъ самъ Дарій. Мѣстность, на которой произошло это сраженіе (при городѣ Иссѣ), есть долина рѣки Пинара, ограниченная съ одной стороны моремъ, а съ другой горами въ видѣ дуги. Александръ выстроилъ свои войска такимъ образомъ, что въ центрѣ находилась фаланга, по правую сторону ея пѣхота; правое крыло арміи составлено было изъ гетеровъ, ѳессалійской и македонской кавалеріи; а лѣвое изъ союзной кавалеріи. Самъ Александръ опять командовалъ правымъ крыломъ. Парменіону, командовавшему лѣвымъ крыломъ, онъ приказалъ не удаляться отъ берега, чтобы не быть обойдену съ фланга; напротивъ того, Никаноръ, стоявшій съ среднею пѣхотою правѣе фаланги, долженъ былъ находиться въ такомъ разстояніи отъ высотъ, чтобы непріятель, занимавшій ихъ, не могъ вредить ему стрѣлами. Впослѣдствіи, замѣтивъ, что персидскія войска, стоявшія на высотахъ, оставались въ бездѣйствіи, Александръ приказалъ своимъ стрѣлкамъ оттѣснить ихъ на самую вершину горъ, оставилъ для наблюденія за ними часть кавалеріи и расположилъ поставленныя прежде противъ нихъ легкія войска фронтомъ къ непріятельской арміи. Входящій изгибъ высотъ позволилъ ему протянуть свое правое крыло нѣсколько болѣе лѣваго крыла непріятелей. Планъ Александра состоялъ въ томъ, чтобъ, оставляя на мѣстѣ лѣвое крыло, атаковать непріятеля войсками праваго фланга и центра и отбросить персовъ къ морю.

Дарій построилъ свою армію такъ: 30,000 тяжелой пѣхоты изъ наемныхъ грековъ поставилъ въ центрѣ; 60,000 тяжело-вооруженныхъ курдуковъ по флангамъ; 20,000 стрѣлковъ заняли высоты, какъ сказано выше; остальныя войска не могли развернуться, и потому поставлены были глубокими массами позади тяжелой пѣхоты. Бóльшую часть кавалеріи онъ поставилъ возлѣ моря.

Несмотря на значительный перевѣсъ въ числѣ войскъ (по сказ. греческ. истор. до 600,000), Дарій оставался неподвиженъ въ своей позиціи. Александръ двинулся противъ него медленно, чтобы не нарушить равненія фаланги; но какъ только войска его приблизи-

лись къ персидскимъ на полетъ стрѣлы, то онъ самъ, въ главѣ праваго крыла своей арміи, быстро бросился въ атаку, чтобы изумить персовъ стремительнымъ нападеніемъ и, кромѣ того, пройти съ наименьшимъ урономъ пространство, на которомъ войска его подвержены были дѣйствію непріятельскаго метательнаго оружія. Ударивъ на лѣвое крыло непріятелей, онъ тотчасъ привелъ его въ безпорядокъ; часть фаланги слѣдовала между тѣмъ за движеніемъ кавалеріи, но центръ ея, сойдясь съ наемными греческими войсками Дарія, встрѣтилъ упорное сопротивленіе; множество македонянъ погибло въ схваткѣ, и перевѣсъ перешелъ на ихъ сторону только тогда, когда Александръ, опрокинувъ лѣвое крыло непріятеля, ударилъ наемнымъ грекамъ во флангъ. Дарій былъ однимъ изъ первыхъ обратившихся въ бѣгство. Между тѣмъ персидская конница перешла черезъ Пинаръ и опрокинула часть ѳессалійскихъ всадниковъ; но, замѣтивъ бѣгство Дарія, вся персидская армія пришла въ совершенный безпорядокъ. Потеря ея превышала 100,000. Уронъ македонянъ, по сомнительному свидѣтельству греческихъ историковъ, не превышалъ 450 человѣкъ. Самъ Александръ былъ раненъ въ ногу.

Мы пропускаемъ слѣдовавшіе за этой битвой подвиги Александра, даже сраженіе при Арбеллахъ, гдѣ онъ выказалъ достоинства военачальника гораздо блистательнѣе, нежели въ разсмотрѣнныхъ нами предъидущихъ сраженіяхъ. Представленныя нами изображенія могутъ дать читателю довольно вѣрное понятіе какъ о степени интереса очерка г. Богдановича, такъ и о томъ, что и этотъ, военный, элементъ могъ-бы доставить нашимъ всеобщимъ исторіямъ немаловажный интересъ, живость и увлекательность, тѣмъ болѣе, что исторіи эти больше занимаются повидимому войнами, такъ-что мирныя времена извѣстны у нихъ почти подъ общимъ именемъ *«ничѣмъ не замѣчательныхъ»*. — Наконецъ замѣтимъ, что при всѣхъ своихъ достоинствахъ, очеркъ г. Богдановича не имѣетъ характера строго-сціентифическаго, уже по одному тому, что въ цѣломъ сочиненіи мы не встрѣчаемъ ни одной ссылки на тѣхъ писателей, изъ которыхъ именно онъ черпалъ свои факты и откуда могъ бы позаимствоваться читатель, незнакомый съ этимъ предметомъ, но желающій повѣрить изложеніе автора въ самихъ источникахъ; однимъ словомъ, это одно изъ условій, безъ которыхъ историческое произведеніе не можетъ назваться строго-сціентифичискимъ. Очеркъ г. Богдановича принадлежитъ болѣе къ числу популярныхъ сочиненій. На этомъ основаніи и мы рѣшились ограничиться здѣсь самыми общими замѣчаніями и только старались показать читателямъ, такъ сказать, популярную сторону сочиненія, сколько позволилъ объемъ нашей статьи.

Само собою разумѣется, что и преподаватели всеобщей исторіи найдутъ въ этой книгѣ много полезнаго, между прочимъ, напримѣръ, планы сраженій при Граникѣ, Иссѣ, Арбеллахъ, Гидаспѣ, планъ города Тира; затѣмъ слѣдуетъ карта монархіи Александра Великаго съ показаніемъ путей дѣйствій его; далѣе, карта Галліи; потомъ планъ сраженія при Фарсалѣ и карта для объясненія дѣйствій Юлія Цезаря въ Эпирѣ и Өессаліи; далѣе слѣдуетъ карта Италіи для объясненія походовъ второй Пунической войны; наконецъ планъ сраженій при р. Требіи, при Тразименскомъ озерѣ, при Метаурѣ, при Каннахъ и при Замѣ.

Наконецъ, принимая во вниманіе быстроту разсматриваемаго очерка военнаго искусства въ древности, обнаружившійся въ немъ отличный талантъ историка и наконецъ бѣдность древняго военнаго искусства сравнительно съ новымъ, мы рѣшительно думаемъ, что авторъ торопится къ Новѣйшей исторіи, съ тѣмъ, чтобы подарить русскую литературу обширнѣйшимъ и *обработаннѣйшимъ* изображеніемъ европейскихъ войнъ послѣднихъ столѣтій. И сколько бы читателей нашлось на Руси для подобнаго произведенія!

Звѣздное небо. *Очеркъ знаній о распредѣленіи звѣздъ въ пространствѣ и ихъ взаимныхъ разстояніяхъ. Извлечено изъ сочиненій:* Струве, Гершеля, Аргеландера, Петерса *и другихъ*, М. Хотинскимъ. *Съ литографированными картами. Спб. 1849.*

Карты звѣзднаго неба, *съ объясненіемъ созвѣздій и примѣчательнѣйшихъ звѣздъ. Составлены* М. Хотинскимъ. *Спб. 1849.*

Въ «Звѣздномъ небѣ» г. Хотинскій представляетъ не сухимъ (ложно названнымъ *науковымъ*), но общепонятнымъ языкомъ современное развитіе нашихъ знаній объ устройствѣ звѣзднаго міра,— предметъ чрезвычайно занимательный и на который, къ сожалѣнію, до послѣдняго времени астрономы, занятые другими трудами, мало обращали вниманія. Взгляните въ любую изъ такъ называемыхъ *популярныхъ астрономій*, и вы найдете, что девять десятыхъ книги посвящены описанію тѣлъ и явленій нашей солнечной системы, а только одна десятая звѣздному міру. Да и въ этой десятой много ли удѣлено на объясненіе общаго устройства мірозданія? по нѣскольку строкъ, и только въ самыхъ подробныхъ по нѣскольку страничекъ, выписанныхъ болѣе или менѣе сокращенно изъ трудовъ Уильяма Гершеля.

Насъ спросятъ, можетъ быть, отчего такъ мало вниманія обращаютъ авторы астрономическихъ руководствъ на объясненіе общаго устройства вселенной? Отвѣчать нетрудно. Изысканія и выводы рпедшественниковъ Гершеля изложены по большой части въ запу-

танной формѣ и затемнены множествомъ несообразностей, не говоря уже о томъ, что почти всѣ писаны на латинскомъ языкѣ и составляютъ нынѣ библіографическія рѣдкости; къ тому же изслѣдованія слоускаго астронома показали неосновательность бо́льшей части упомянутыхъ выводовъ. Изысканія Уильяма Гершеля составляютъ основу нашихъ знаній объ истинномъ устройствѣ звѣзднаго міра; но не только понынѣ не сдѣлано *свода* этихъ изысканій, а даже не существуетъ полнаго изданія сочиненій Гершеля. Труды этого великаго ученаго разсѣяны въ 38 различныхъ томахъ извѣстнаго Сборника *Philosophical Transactions* и въ журналѣ лондонскаго астрономическа́го общества. Астрономы по профессіи не знали даже, гдѣ навести для нихъ справки, пока Араго́ не оказалъ важной услуги составленіемъ хронологическаго реестра всѣхъ трудовъ Гершеля [1]. Естественно, трудно было черпать изъ такого источника, и потому авторы астрономическихъ курсовъ, излагая идеи Гершеля объ устройствѣ мірозданія, списывали другъ у друга съ небольшими измѣненіями. Самая дѣятельность астрономовъ нынѣшняго столѣтія была преимущественно направлена на изслѣдованіе солнечной системы, и звѣздная астрономія дремала, пока въ послѣднее двадцатилѣтіе ее воскресили труды Джона Гершеля и нашего знаменитаго В. Я. Струве. Получивъ въ свои руки прекрасный дерптскій рефракторъ, русскій астрономъ обратился почти исключительно къ міру двойныхъ звѣздъ, и плодомъ его дѣятельности на дерптской обсерваторіи было сочиненіе: *Stellarum duplicium et multiplicium mensurae micrometricae etc.*, извѣстное, безъ сомнѣнія, всякому любителю астрономіи. Важныя изысканія свои г. Струве пополнилъ наблюденіями на пулковской обсерваторіи, этомъ величественномъ памятникѣ любви монарха къ наукѣ, обладающемъ совершеннѣйшими въ свѣтѣ астрономическими инструментами. Опредѣленіе параллакса 61 звѣзды Лебедя Бесселемъ, Альфы Лиры господиномъ Струве и средняго параллакса звѣздъ второй величины пулковскимъ астрономомъ Петерсомъ далеко двинули впередъ наши знанія о разстояніяхъ звѣздъ, предметѣ еще совершенно новомъ для науки; они повели уже къ блистательнымъ открытіямъ угасанія свѣта при прохожденіи его чрезъ пространство и къ опредѣленію абсолютной скорости, съ которою движется наше солнце и вся его система вокругъ другого, еще неизвѣстнаго намъ, центра. Съ другой стороны, южное небо такъ мало еще извѣстное, изслѣдовано въ прошедшемъ десятилѣтіи мо-

---

[1] Струве въ 37 примѣчаніи къ своимъ *Etudes d'Astronomie Stellaire* отзывается съ величайшею похвалою объ этомъ трудѣ, котораго теперь нѣтъ въ продажѣ ни одного экземпляра. Г. Хотинскій хорошо сдѣлалъ, напечатавъ этотъ реестръ въ своемъ *Звѣздномъ небѣ*.

гущественнымъ телескопомъ искуснаго сэра Джона Гершеля ([1]) и дало намъ новые факты, новыя данныя для изученія вселенной.

Но всѣ эти изслѣдованія и выведенные изъ нихъ результаты такъ новы, что ихъ понынѣ можно было найти только въ оригинальныхъ сочиненіяхъ и мемуарахъ авторовъ. Струве первый взялся соединить ихъ въ *одно цѣлое*, которое изложилъ въ рапортѣ своемъ г. министру народнаго просвѣщенія отъ 7 мая 1847 года. Къ сожалѣнію, этотъ замѣчательный трудъ находится въ очень немногихъ рукахъ ([2]). И нельзя не благодарить г. Хотинскаго, извлекшаго изъ него то, что́ можетъ интересовать большинство публики.

Трудъ г. Хотинскаго начинается общимъ взглядомъ на звѣздное небо и на ту свѣтлую полосу, которую обыкновенно называютъ *млечнымъ путемъ*. За тѣмъ излагаются успѣхи человѣческихъ знаній объ устройствѣ вселенной, начиная съ Галилея. Здѣсь, въ короткихъ, но выразительныхъ положеніяхъ очеркнуты умозрительныя изысканія Кеплера и Гюйгенса, система Канта, труды Мечеля и наконецъ гершелева система 1785 года; далѣе мы находимъ постепенное развитіе идей Гершеля о звѣздномъ небѣ съ 1785 по 1818 годъ, и наконецъ успѣхи звѣздной астрономіи отъ Гершеля до нашихъ временъ: тутъ помѣщены результаты глубокихъ изслѣдованій В. Я. Струве. Въ заключеніе находимъ двѣ любопытныя главы: *объ угасаніи свѣта при движеніи его въ пространствѣ* и *изысканія Петерса надъ разстояніями неподвижныхъ звѣздъ*. Сколько здѣсь на каждой страницѣ новыхъ, любопытныхъ свѣдѣній!

Чтобы дать нашимъ читателямъ понятіе о способѣ изложенія и о степени общепонятности, съ которою написана разбираемая нами книга, выписываемъ здѣсь нѣсколько строкъ о числѣ звѣздъ, видимыхъ на небѣ простыми глазами:

«Если мы въ ясную, безлунную ночь взглянемъ на небо, то число звѣздъ покажется намъ, съ перваго взгляда, чрезвычайнымъ: мы готовы думать и утверждать, что видимъ десятки, сотни тысячь, даже милліоны звѣздъ. Но это несправедливое заключеніе о числѣ звѣздъ рождается въ нашемъ умѣ, только по причинѣ неправильнаго ихъ расположенія и отсутствія всякаго рода естественныхъ разграниченій на сводѣ небесномъ. Не мало помогаетъ здѣсь и воображеніе: такъ какъ число звѣздъ постоянно и значительно увеличивается въ уменьшеніяхъ ихъ блеска, то мы невольно угадываемъ воображеніемъ свѣтила, которыхъ не видимъ глазомъ. Чтобы узнать въ точности число

([1]) Современникъ въ прошломъ 1848 году далъ отчетъ объ упоминаемомъ здѣсь гершелевомъ сочиненіи. См. № V отдѣленіе иностранной литературы.

([2]) Онъ былъ разосланъ въ подарокъ подписчикамъ извѣстнаго шумахерова журнала: *Astronomische Nachrichten*.

звѣздъ, видимыхъ простымъ глазомъ, нужно было распредѣлить ихъ сперва по отдѣленіямъ, впрочемъ произвольнымъ, то есть по созвѣздіямъ, и потомъ сосчитать ихъ. Еще древніе Астрономы принялись за этотъ трудъ и начали составлять каталоги звѣздъ. Иппархъ помѣстилъ въ своемъ наблюденныя имъ 1022 звѣзды, разумѣется, видимыя простымъ глазомъ, потому что тогда еще не знали трубъ. Послѣдній изъ Астрономовъ, наблюдавшій безъ помощи этихъ оптическихъ инструментовъ, былъ Гевелій: онъ насчитываетъ въ своемъ каталогѣ только 1533 звѣзды, наблюденныя имъ въ Данцигѣ. Нынѣ число звѣздъ, видимыхъ простымъ глазомъ, съ точностію извѣстно: всѣ онѣ занесены въ каталогъ, означены на картахъ, опредѣлены по ихъ блеску, который называютъ обыкновенно величиною, и даже каждая звѣзда имѣетъ свое собственное имя. Для убѣжденія въ справедливости этого стоитъ взять Уранометрію Аргеландера и сличить ее съ небомъ.

«Число звѣздъ, видимыхъ безъ помощи трубъ, очень не велико. Знаменитый Боннскій Профессоръ, упомянутый нами Аргеландеръ, насчитываетъ всего 3256 звѣздъ, видимыхъ простымъ глазомъ на сводѣ небесномъ отъ сѣвернаго полюса до 36 градусовъ Южнаго склоненія, то есть на $^4/_5$ всего неба; остальная $^1/_5$ часть заключается между Южнымъ полюсомъ и — 36° склоненія и содержитъ 844 звѣзды, доступныя для невооруженнаго глаза. Слѣдовательно, на всемъ небесномъ сводѣ, глазъ средней силы можетъ видѣть безъ помощи трубъ только 4100 звѣздъ. Это число должно увеличиться для людей, одаренныхъ особенною зоркостію, и можетъ достигнуть до 6000. Въ ясную ночь, безъ луннаго свѣта и сумерекъ, можно разомъ обозрѣть только 2000 и, при самомъ остромъ зрѣніи, никакъ не болѣе трехъ тысячь звѣздъ.

Еще въ древности подозрѣвали существованіе множества звѣздъ, отдѣльно невидимыхъ глазу, но соединенный блескъ которыхъ является намъ въ бѣловатомъ свѣтѣ небесной полосы, названной Млечнымъ Путемъ; подтвержденіе и развитіе этой идеи были однакожь невозможны до изобрѣтенія телескоповъ. Самъ Коперникъ не смѣлъ выразить какого-либо опредѣленнаго мнѣнія о неподвижныхъ звѣздахъ. Наконецъ Галилей, въ своемъ *Nuncius Sidereus*, сообщилъ первыя открытія, сдѣланныя зрительными трубами, касательно неподвижныхъ звѣздъ, солнечныхъ пятенъ, поверхности Луны, спутниковъ Юпитера, неправильнаго вида Сатурна и измѣнчивости освѣщенія Венеры. Трудно вообразить себѣ восторгъ, возбужденный тогда этими открытіями: и въ самомъ дѣлѣ, они указывали какъ бы новый міръ, дотолѣ невѣдомый и недоступный человѣческому глазу. Весьма несовершенные инструменты Галилея показывали однакожь число звѣздъ, по крайней мѣрѣ вдесятеро большее, чѣмъ прежде извѣстное, и окончательно рѣшили вопросъ о составѣ и причинѣ свѣта Млечнаго Пути.

Вотъ первый важный шагъ къ познанію устройства Вселенной. Но отъ Галилея до Уйльяма Гершеля, то есть, въ теченіи полутора вѣка,

устройство неба и распредѣленіе звѣздъ въ пространствѣ были предметомъ однихъ только умозрительныхъ изслѣдованій: ибо всѣ тогдашнія наблюденія имѣли исключительною цѣлію тѣла, принадлежащія къ нашей солнечной системѣ. Замѣчательнѣйшія изъ этихъ изысканій принадлежатъ Кеплеру, Гюйгенсу, Канту, Ламберту и Мичелю...»

Къ звѣздному небу приложены двѣ литографированныя карты сѣвернаго и южнаго полушарій неба, оттиснутыя двумя красками. При составленіи ихъ, авторъ руководствовался превосходною уранометріею Аргеландера и выполнилъ трудъ свой весьма счастливо; мы замѣтили на этихъ картахъ очень мало недосмотровъ, изъ которыхъ указываемъ, какъ на важнѣйшій, что на картѣ сѣвернаго неба, въ созвѣздіи *Близнецовъ*, звѣзда *Альфа* названа *Бетою*, а *Бета* — *Альфою*. Эти же самыя карты изданы и отдѣльно съ описаніемъ созвѣздій и примѣчательнѣйшихъ звѣздъ, что̀ весьма удобно для желающихъ скоро и легко познакомиться съ звѣзнымъ небомъ. Мы сами были свидѣтелями, что лица, незнавшія ни одной звѣзды, безъ всякаго посторонняго пособія, кромѣ картъ г. Хотинскаго, въ три или четыре ночи изучали не только почти всѣ созвѣздія, но еще болѣе половины примѣчательнѣйшихъ звѣздъ, видимыхъ надъ петербургскимъ горизонтомъ.

Надобно еще замѣтить, что г. Хотинскій весьма благоразумно исключилъ изъ своихъ картъ всѣ странныя изображенія героевъ и звѣрей, красовавшіяся на старинныхъ картахъ, и отдѣлилъ созвѣздія одно отъ другого рядами красныхъ точекъ. Отъ этого карты много выиграли въ ясности и полнотѣ, такъ-что на каждомъ полушаріи (въ 10 дюймовъ діаметромъ) означены всѣ звѣзды первыхъ четырехъ величинъ и даже бо̀льшая часть звѣздъ 5 величины

Изданіе звѣзднаго неба роскошно и цѣна доступна всякому. Совѣтуемъ пріобрѣсти эту книгу тѣмъ, кому интересно познакомиться съ видомъ и устройствомъ видимой нами вселенной.

Сколько лѣтъ, сколько зимъ! или Петербургскія времена. *Спб. 1849.*

Появляются иногда книги, неизвѣстно для чего написанныя и напечатанныя. Возьмешь читать — и придешь въ недоумѣніе надъ вопросомъ, зачѣмъ эти книги выпущены на свѣтъ Божій?

Тоже самое спросили мы себя, прочитавъ книгу съ остроумнымъ заглавіемъ: «Сколько лѣтъ, сколько зимъ.» И въ-самомъ-дѣлѣ, трудно рѣшить, что̀ бы могло значить это сочиненіе, состоящее изъ семнадцати страницъ въ четвертую долю листа, съ четырьмя литографированными картинками. Если цѣль его метеорологическая, то это первый опытъ юмористической метеорологіи, и намъ оставалось

бы поздравить автора съ счастливою мыслію. Но это предположеніе неправдоподобно. Можетъ быть авторъ хотѣлъ показать образецъ мастерски набросаннаго очерка петербургской жизни? Нѣтъ, и мастерства въ этой книгѣ не оказывается.

Остроуміе автора возбуждаетъ улыбку: такъ вялы, такъ не новы колкости, которыми авторъ думаетъ задѣть холодный Петербургъ.

Но что́ бы ни было это сочиненіе, претендующее на остроуміе, на насмѣшливость, оно во всякомъ случаѣ принадлежитъ къ разряду такъ называемыхъ иллюстрированныхъ изданій.

Къ сожалѣнію, оно не удовлетворительно даже и въ этомъ отношеніи. Давно уже существуетъ обычай считать текстъ въ иллюстрированныхъ изданіяхъ дѣломъ второстепеннымъ. Все вниманіе издателей обыкновенно обращается на наружный видъ, а главное на картинки. Такъ поступаютъ бо́льшею частію въ Англіи, Франціи и Германіи, откуда еще такъ недавно привозилось къ намъ множество изящныхъ кипсековъ, альманаховъ, сборниковъ и т. п. Безъ сомнѣнія не всѣ издатели ограничивали свою заботливость одною внѣшностію: они въ тоже время хотѣли иногда доставить публикѣ и пріятное чтеніе. Лучшіе белльлетристы помѣщали свои статьи въ красивыхъ иллюстрированныхъ сборникахъ: довольно указать на Мери, Бальзака, леди Блесингтонъ, Больвера, Сафира, не говоря о многихъ болѣе или менѣе даровитыхъ, даже любимыхъ читателями авторовъ. Но даже если и текстъ бывалъ не совсѣмъ удаченъ, то картинки вознаграждали за его недостатки: всѣмъ извѣстно, что Гранвиль увѣковѣчилъ многія книги своимъ бойкимъ, граціознымъ, остроумнымъ карандашемъ.

Да и какже можетъ быть иначе? Иллюстрированныя изданія особенно предназначаются для людей большого свѣта, привыкшихъ видѣть вокругъ себя роскошь, обладающихъ вкусомъ, если не всегда изящнымъ, зато всегда требовательнымъ, изысканнымъ. Иллюстрированныя изданія составляютъ родъ мебели, украшающей гостиную или будуаръ модныхъ женщинъ, кабинетъ барича или франта. Они валяются въ живописномъ безпорядкѣ на столахъ жилищъ, одѣтыхъ золотомъ, бархатомъ, мраморомъ. Объ этомъ безпорядкѣ заботятся часто красивыя ручки, за нимъ смотрятъ хорошенькіе глазки. Кипсеки и сборники составляютъ что-то въ родѣ арабесковъ, которыми украшаются за́мки, куда вставляются портреты красавицъ. Какже не думать издателямъ о красотѣ, изяществѣ, роскоши своихъ иллюстрированныхъ изданій? какъ не подумать иногда и объ ихъ занимательности, когда они часто составляютъ якорь спасенія для хозяина и хозяйки, незнающихъ чѣмъ занять гостей своихъ? Все это такъ давно извѣстно; все это пошлыя истины, о кото-

рыхъ не слѣдуетъ и вспоминать: такъ стары онѣ. Но что прикажете дѣлать? не всѣ понимаютъ значеніе иллюстрированныхъ изданій. Безъ сомнѣнія, никто не требуетъ отъ нихъ достоинствъ, которыя даютъ долговѣчность книгѣ. Это игрушки, которыя пріятно взять въ руки, взглянуть и сказать: «какъ это мило!» Много, если при этомъ захочется прочесть страницу-двѣ; тѣмъ лучше, если, перелистывая картинки и текстъ, вы незамѣтно дойдете до конца книги; но это уже верхъ совершенства, крайній предѣлъ успѣха иллюстрированныхъ изданій. Знаемъ, что въ иныхъ сочиненіяхъ картинки стоятъ на второмъ планѣ и уступаютъ первенство тексту: но тогда онѣ служатъ приманкою для лѣнивыхъ читателей, какъ раскрашенныя картинки въ азбукѣ — ловушкой для непокорнаго вниманія дѣтей.

Все это авторъ «Сколько лѣтъ, сколько зимъ!» долженъ былъ принять въ соображеніе; но книга его вышла крайне неудачною, какъ по внутреннему содержанію, такъ и въ отношеніи къ ея литографированнымъ картинкамъ.

Можетъ быть иные будутъ менѣе насъ взыскательны и останутся, пожалуй, довольны этимъ новымъ иллюстрированнымъ изданіемъ, точно также, какъ находятся любители до аллебастровыхъ статуй, извѣстныхъ подъ названіемъ «карошъ-фигуръ.» Можетъ быть; но мы не остались довольны.

Однако всѣ наружные недостатки могли бы не возбудить съ нашей стороны справедливаго порицанія, потому-что мы знаемъ трудность достать хорошіе рисунки; но зато автору слѣдовало бы вознаградить ихъ некрасивость занимательностію текста. Къ несчастію, онъ и тутъ погрѣшилъ столько же, если не больше. Если картинки исполнены крайне-дурно, то разсказъ насквозь пропитанъ безсильнымъ желаніемъ остроумія. Извольте посудить сами:

Стр. 4. «Разработавъ и удобривъ свою почву (,) Петербургъ начинаетъ щедрою рукою сѣять деньги, на-право, на-лѣво, вверхъ и внизъ. У кого нѣтъ своихъ собственныхъ денегъ, тотъ занимаетъ да сѣетъ, благо почва такого добраго свойства, что все принимаетъ. Посѣянное въ мигъ расклевывается, по зернышку, стаею разныхъ птицъ — промышленниковъ (,) и результатомъ этого посѣва бываютъ цвѣты скороспѣлки — весеннія моды, изобильно произростающія подъ скудными лучами сѣвернаго весенняго солнца. Въ этихъ цвѣткахъ замѣчается однако много пустоцвѣта. Извѣстно, что за исключеніемъ большинства дамъ, для которыхъ моды одно и тоже что самая жизнь, — да не большаго количества мужчинъ, все остальное, — пустоцвѣтъ, неумѣющій, не хотящій или немогущій одѣваться.»

Стр. 5. «Совершенно другое замѣчается у нашихъ сѣверныхъ цвѣтовъ — мужчинъ, *которымъ*, для собственнаго удовольствія, обманывать безнаказанно нельзя никого, кромѣ развѣ производителей своихъ

модъ — портныхъ, и для *которыхъ*, сѣверныхъ цвѣтовъ, орошеніе заключается въ доходахъ, *которые* вообще высылаются довольно неакуратно, или въ жалованьи, *которое* получается рѣдко, всего какихъ-нибудь двѣнадцать разъ въ годъ, а иногда и еще рѣже, между тѣмъ, какъ насущныя потребности животнаго организма требуютъ учащательнаго, каждодневнаго удовлетворенія.

Квасъ, одержимый водяною болѣзнію.

Стр. 6. «Мерзлые рябчики, чреватые близкимъ органическимъ разложеніемъ.»

Вообще мы замѣтили, что авторъ чрезвычайно любитъ слово «чреватый» у него и атмосфера чревата, и климатъ, и судьба, и рябчики, и вода, и весна чреваты.

Стр. 10. «Нѣкоторые изъ нихъ (столичныхъ жителей) преимущественно бѣгаютъ за природою, другіе предпочитаютъ ухаживать за прекраснымъ поломъ: тѣ гоняются за дичью по болотамъ, а эти ждутъ не дождутся случая пополоскаться въ прохладныхъ струяхъ Невы и множества ея рукавовъ, поворотовъ, изворотовъ и отворотовъ, широкихъ и узкихъ.»

Мы бы никогда не кончили, если бы стали продолжать выписки всѣхъ остротъ автора. Вся книга его, говоря его же любимымъ словомъ, чревата подобными напыщенными выраженіями, которыя кажутся ему блестками остроумія.

Записки Русскаго Географическаго Общества. *Книжка III. Спб. 1849.*

Третья книжка «Записокъ Русскаго Географическаго Общества» гораздо занимательнѣе двухъ предшествовавшихъ, разсмотрѣнныхъ нами два мѣсяца тому назадъ. Изъ помѣщенныхъ въ ней изслѣдованій, одни заслуживаютъ вниманіе по своему ученому достоинству, другіе — по общедоступности ихъ содержанія, третьи, наконецъ, по той и другой причинѣ вмѣстѣ. Мы представимъ здѣсь въ краткомъ обзорѣ содержаніе вошедшихъ въ эту книжку статей, за исключеніемъ отчета о дѣйствіяхъ общества въ 1846—47 году, такъ-какъ свѣдѣнія, находящіяся въ этомъ отчетѣ, были уже по большой части сообщены въ свое время читателямъ Современника.

— *О изслѣдованіи вершинъ Сыръ и Аму-Дарьи и нагорной площади Памиръ*, д. чл. Плат. Чихачева. Авторъ этой статьи, г. Платонъ Чихачевъ, давно уже извѣстенъ европейскому ученому міру, какъ одинъ изъ самыхъ дѣятельныхъ и смѣлыхъ путешественниковъ нашего времени. Въ изслѣдованіи, которое онъ сообщилъ нынче Русскому Географическому Обществу, г. Чихачевъ представляетъ сначала нѣсколько мыслей о недостаточности нашихъ познаній по части восточ-

ной географіи, о необходимости изучить ближе и внимательнѣе среднюю Азію и наконецъ о пользѣ, которую можетъ и должна извлечь Россія изъ такого изученія. Въ этомъ заключается первая половина его статьи. Во второй половинѣ, авторъ пытался, какъ говоритъ самъ, «обозначить по возможности, до какой степени простирается «наше специальное знаніе или, лучше сказать, *наше незнаніе* нагорной площади Памиръ и вершинъ Сыръ и Аму-Дарьи, столь интересныхъ хоть въ ученомъ отношеніи». Въ этомъ специяльномъ изслѣдованіи г. Чихачевъ не успѣлъ, какъ сознается онъ и самъ, дойти до совершенно твердыхъ и опредѣленныхъ результатовъ; онъ только собралъ въ одно цѣлое всѣ извѣстія, сообщенныя намъ объ этомъ предметѣ древними и новыми путешественниками. Съ нѣкоторыми изъ мыслей, высказанныхъ имъ по этому поводу, не согласился извѣстный синологъ нашъ, отецъ Іакинфъ Бичуринъ, написавшій особыя замѣчанія на статью г. Чихачева и помѣстившій ихъ также въ третьей книжкѣ «Записокъ». Степень справедливости или несправедливости этихъ замѣчаній мы предоставляемъ опредѣлить людямъ болѣе насъ знакомымъ съ этимъ специяльнымъ предметомъ, но не можемъ не замѣтить, что, по словамъ самого же отца Іакинфа, неосновательность, замѣченная имъ въ историческихъ и топографическихъ мнѣніяхъ г. Чихачева, вовсе «не относится къ существенному содержанію самой статьи».

— *О рукописи астронома Делиля, принесенной въ даръ Русскому Географическому Обществу, членомъ онаго княземъ П. А. Долгоруковымъ.* Соч. В. Я. Струве. Князь И. А. Долгорукій пожертвовалъ въ пользу Русскаго Географическаго Общества весьма занимательную рукопись, содержащую въ себѣ разные документы относительно путешествія въ Березовъ, совершоннаго въ 1740 году астрономомъ Делилемъ. Г. Струве сличилъ эти документы съ полнымъ собраніемъ оставшихся послѣ Делиля рукописей, находящихся нынѣ въ центральной Пулковской Обсерваторіи, и составилъ изъ этихъ матеріяловъ любопытную статью о жизни Делиля и въ особенности объ ученой экспедиціи, совершонной имъ въ 1740 году. Вкратцѣ содержаніе этой статьи состоитъ въ слѣдующемъ. Іосифъ Николай Делиль родился въ Парижѣ, въ 1668 году. На 26 году отъ рожденія онъ вступилъ въ Академію Наукъ, гдѣ вскорѣ пріобрѣлъ блистательную извѣстность. Въ 1726 году онъ пріѣхалъ въ Петербургъ и, на основаніи заключеннаго съ нимъ формальнаго контракта, обязался пробыть въ Россіи четыре года, для устройства обсерваторіи и для образованія учениковъ-астрономовъ и географовъ. Вмѣсто четырехъ лѣтъ, Делиль пробылъ у насъ болѣе 21 года и только въ 1747 году возвратился въ Парижъ, гдѣ продолжалъ свои ученыя занятія въ качествѣ

астронома-географа королевскаго флота и члена Академіи, до самой смерти своей, послѣдовавшей въ 1768 году. Путешествіе въ Сибирь, совершонное имъ въ 1740 году, составляетъ любопытный эпизодъ въ жизни нашего перваго астронома. Въ этомъ году должно было происходить прохожденіе Меркурія черезъ кругъ солнца,— прохожденіе, которое было невидимо въ Европѣ, но могло быть наблюдаемо въ сѣверныхъ частяхъ Сибири. Желаніе сдѣлать наблюденія надъ этимъ явленіемъ было первымъ поводомъ къ поѣздкѣ Делиля. Но такъ-какъ, въ неблагопріятную погоду, покрытое облаками небо могло воспрепятствовать наблюденіямъ, то,чтобы обезпечить пользу экспедиціи, Делиль присоединилъ къ этому проэктъ астрономическаго опредѣленія главныхъ пунктовъ, черезъ которые пролегалъ его путь, преподаваніе науки нѣсколькимъ сопровождавшимъ его ученикамъ, упражненіе ихъ въ производствѣ наблюденій и наконецъ розысканіе разныхъ специяльныхъ картъ въ архивахъ главныхъ городовъ. Снабженный именнымъ указомъ императрицы, Делиль выѣхалъ изъ Петербурга въ мартѣ 1740 года, въ сопровожденіи 18 спутниковъ, и на 41 день по выѣздѣ достигъ Березова, гдѣ онъ провелъ около шести недѣль. Къ несчастію, наблюденіе надъ прохожденіемъ Меркурія не состоялось, потому-что небо въ этотъ день было облачно, такъ-что Делилю въ Березовѣ оставалось только заняться опредѣленіемъ широты и долготы мѣста и склоненія и отклоненія магнитной стрѣлки. Изъ Березова Делиль отправился въ Тобольскъ, гдѣ пробылъ цѣлый мѣсяцъ, разсматривая географическія карты, находившіяся въ мѣстныхъ архивахъ. На возвратномъ пути, именно во время плаванія по Камѣ, экспедиціи предстояла большая опасность отъ разбойниковъ, вслѣдствіе чего Делилемъ приняты были разныя мѣры предосторожности, обстоятельно имъ описанныя въ письмѣ его къ женѣ. Но опасность миновала благополучно, и въ концѣ декабря, послѣ 10-ти мѣсячнаго отсутствія, Делиль прибылъ снова въ Петербургъ. Главная цѣль его поѣздки осталась очевидно недостигнутою, но зато астрономическое опредѣленіе многихъ пунктовъ и практическое преподаваніе науки сопровождавшимъ его ученикамъ, не прекращавшееся даже во время плаванія по Оби и Камѣ, много содѣйствовали, по свидѣтельству г. Струве, успѣхамъ математической географіи въ Россіи.

— *Статистика недвижимыхъ имуществъ въ Санктпетербургѣ.* Соч. К. С. Веселовскаго. Статья г. Веселовскаго помѣщена была около года тому назадъ въ одномъ изъ нашихъ журналовъ. Поэтому мы считаемъ излишнимъ распространяться о ея содержаніи и о любопытныхъ результатахъ, къ которымъ привели автора его изслѣдованія, и которые, по всей вѣроятности, уже извѣстны бо́льшей

части читателей. Замѣтимъ только, что статья г. Веселовскаго, по занимательности своего предмета и по добросовѣстности, съ которою составлена, занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ третьей книжкѣ Записокъ и ничѣмъ не уступаетъ другимъ произведеніямъ того же автора, отличавшагося всегда рѣдкимъ у нашихъ статистиковъ уменьемъ осмыслять частные факты и выводить изъ нихъ полезные не только въ ученомъ, но и въ практическомъ отношеніи, результаты.

— *Первое присужденіе статистической преміи, учрежденной коммерціи совѣтникомъ Жуковымъ.* Въ 1847 году, Русскому Географическому Обществу предстояло въ первый разъ, на основаніи положенія о жуковской преміи, присудить ее лучшему статистическому сочиненію о Россіи, написанному въ теченіи трехъ послѣднихъ лѣтъ. Особая коммиссія, назначенная для этой цѣли, представила отдѣленію статистики обстоятельное донесеніе, въ которомъ бросила критическій взглядъ на всѣ сочиненія по части статистики, вышедшія въ Россіи съ 1844 по 1847 годъ. Донесеніе это, написанное весьма живымъ и бойкимъ слогомъ, отличается вѣрнымъ взглядомъ на статистическую нашу литературу и вполнѣ справедливою оцѣнкою достоинствъ и недостатковъ важнѣйшихъ статистическихъ трудовъ, вышедшихъ въ послѣднее время. Лучшимъ изъ нихъ и болѣе прочихъ достойнымъ награды коммиссія признала еще ненапечатанное сочиненіе г. Небольсина: Статистическое обозрѣніе внѣшней торговли Россіи.

— *Переводъ письма венгерскаго путешественника г. Регули къ члену Русскаго Географическаго Общества, академику П. И. Кеппену, отъ 21 января 1847 года.* Препровождая къ г. Кеппену составленную имъ карту сѣверной части Урала, г. Регули для надлежащаго объясненія ея написалъ тому же лицу довольно длинное письмо, въ которомъ изложилъ главныя начала, принятыя имъ за руководство при составленіи этой карты. Изъ письма этого видно, что карта г. Регули сочинена имъ для цѣли этнографической, и что географическое начертаніе страны опредѣлено имъ не съ тою точностію, какъ размноженіе живущихъ тамъ народовъ и границы, отдѣляющія ихъ другъ отъ друга. Въ томъ же письмѣ содержится нѣсколько любопытныхъ подробностей о происхожденіи, нравахъ и промыслахъ различныхъ племенъ, обитающихъ въ сѣверной части Урала.

— *Обозрѣніе Коканскаго ханства въ нынѣшнемъ его состояніи.* Оригинальная ли это статья, или переводная, мы не знаемъ, но во всякомъ случаѣ считаемъ вовсе не лишнимъ подробнѣе познакомить съ нею нашихъ читателей, такъ-какъ она содержитъ въ себѣ чрез-

вычайно интересныя свѣдѣнія о странѣ, весьма мало у насъ извѣстной. Коканское ханство занимаетъ самую восточную часть независимаго Туркестана и граничитъ къ сѣверу съ внѣшними сибирскими округами, отъ которыхъ отдѣляется полосою безплодной степи, къ западу съ Хивою и Бухаріею, къ югу съ Каратигеномъ, Дарвазомъ и Кулябомъ, къ востоку съ Кашгаріею, или Китайскимъ Туркестаномъ. Почти все заключенное въ этихъ предѣлахъ пространство исчерчено хребтами высокихъ горъ, между которыми первое мѣсто занимаетъ Белуръ-Тагъ, огромная отрасль Гималайскаго хребта. Знаменитая Сырь-Дарья, одна изъ двухъ великихъ рѣкъ Туркестана, совершаетъ въ предѣлахъ Коканіи бо́льшую часть своего теченія, и почти всѣ прочія рѣки, орошающія ханство, суть ея данники. Озеръ, которыя по величинѣ своей или по особеннымъ свойствамъ заслуживали бы быть упомянутыми, въ Коканіи нѣтъ. Климатъ ея, по самому свойству страны, чрезвычайно гористой, отличается необыкновеннымъ разнообразіемъ; въ восточной части, на вершинахъ Белуръ-Тага, царствуетъ вѣчная зима, недопускающая никакого развитія органической жизни; другія мѣста, напротивъ, отличаются чрезвычайнымъ зноемъ и почти совершеннымъ отсутствіемъ дождей. Но вообще климатъ Коканіи здоровъ, и эпидемическія болѣзни появляются въ ней рѣдко; чума же вовсе тамъ неизвѣстна. Коканское ханство чрезвычайно богато минералами, которыми впрочемъ еще мало пользуются жители, вслѣдствіе низкой степени ихъ образованія. Растительное царство также весьма богато, кромѣ лѣсовъ, въ которыхъ чувствуется большой недостатокъ. Изъ царства животнаго особеннаго вниманія заслуживаютъ, по своей многочисленности, двугорбые верблюды, бараны и козы, а изъ хищныхъ животныхъ— барсы и тигры. Соловьи наполняютъ коканскіе сады и водятся также въ горныхъ ущельяхъ; «путешественникъ», сказано въ описаніи: «проѣзжая чрезъ эти мѣста, невольно припоминаетъ цвѣтистыя «описанія восточныхъ поэтовъ и чувствуетъ себя перенесеннымъ «въ ихъ волшебный міръ».

Народонаселеніе Коканіи состоитъ изъ разныхъ турецкихъ народовъ, которые послѣдовательно вторгались въ ея предѣлы и водворялись въ ней. Опредѣлить число его не представляется никакой возможности; его не знаютъ самъ ханъ и первые его сановники. Такъ-какъ налоги взимаются съ произведеній и съ земли, а не съ лицъ, то переписи народа тамъ вовсе не производится; только приблизительно можно предположить, что все народонаселеніе Коканскаго ханства не ниже полутора милліона душъ обоего пола и ни въ какомъ случаѣ не превосходитъ двухъ милліоновъ.

Нынѣшніе ханы Коканіи происходятъ изъ узбекскаго поколѣнія

Манъ, водворившагося въ ней въ началѣ XVI столѣтія. Узбеки, занявъ эту страну, раздѣляли ее между собою на множество мелкихъ владѣній, независимыхъ другъ отъ друга. Между этими мелкими владѣтелями происходили безпрестанные раздоры и междоусобія, но, съ теченіемъ времени, поколѣніе, утвердившееся первоначально въ Исфарѣ, городѣ нѣкогда богатомъ и обширномъ, а теперь представляющемъ однѣ развалины, успѣло мало-по-малу усилиться насчетъ своихъ сосѣдей и подчинить ихъ своей власти. Нарбута-Бій былъ настоящимъ основателемъ Коканскаго ханства, которое при преемникахъ его постепенно увеличивалось. Нынѣшній владѣтель Коканіи — Мухаммедъ-Гали-ханъ, также присоединилъ къ полученному отъ предковъ своихъ ханству нѣсколько новыхъ областей и успѣшно окончилъ войну, объявленную ему въ началѣ его царствованія китайцами. Ему теперь 37 лѣтъ; онъ имѣетъ нѣсколько жонъ, двухъ сыновей и малолѣтнюю дочь. Старшій сынъ его, Мухаммедъ-Алимъ-ханъ имѣетъ уже болѣе 15 лѣтъ отъ роду и, по всей вѣроятности, вступитъ на престолъ по смерти своего отца, если только какія-нибудь случайныя интриги, столь обыкновенныя на востокѣ, не послужатъ поводомъ къ нарушенію этого естественнаго порядка въ наслѣдованіи престола.

Внутреннее устройство Коканіи представляетъ собою много любопытнаго. Совѣтъ ханскій составляютъ высшіе сановники разныхъ наименованій, свѣтскіе и духовные. Нѣкоторые изъ первыхъ, находясь безотлучно при ханѣ, считаются вмѣстѣ съ тѣмъ и правителями областей, гдѣ имѣютъ своихъ намѣстниковъ, или повѣренныхъ; другіе *хакимы*, или правители, живутъ сами въ областяхъ и только изрѣдка являются ко двору. Въ зависимости отъ хакимовъ состоятъ *беки*, управляющіе небольшими городами, и *аксакалы*, или старшины, находящіеся въ каждомъ городѣ и селеніи, составляющіе коканскій муниципатъ. Высшая судебная власть находится въ рукахъ *казіевъ*, назначаемыхъ самимъ ханомъ и имѣющихъ власть чрезвычайно обширную. Апелляція на ихъ приговоры можетъ быть приносима, но не иначе, какъ самому хану; подобныя жалобы встрѣчаются впрочемъ весьма рѣдко, ибо проситель такого рода вооружаетъ всегда противъ себя цѣлое сословіе казіевъ и если не можетъ доказать явнаго преступленія судьи по своему дѣлу, то осуждается, какъ поноситель священнаго закона, на самыя строгія наказанія, часто даже на смертную казнь.

Армія коканскаго хана состоитъ исключительно изъ конницы. Въ мирное время солдаты живутъ по городамъ, гдѣ имѣютъ свои дома и занимаются земледѣліемъ и ремеслами. Въ случаѣ войны правители областей содержатъ на своемъ иждивеніи цѣлые отряды

войскъ, набираемые изъ жителей, которые, по окончаніи войны, расходятся по домамъ и обращаются къ прежнимъ своимъ занятіямъ. Собственные тѣлохранители или гвардія хана, извѣстные подъ названіемъ *Гале-Батырь*, составляютъ двухъ-тысячный отрядъ, находящійся при немъ неотлучно. Кромѣ того, въ составленіи коканской арміи участвуютъ также и кочевые народы. Оружіе коканскаго солдата состоитъ въ ружьѣ съ фитилемъ и въ кривой саблѣ, иногда въ пикѣ; одежда — изъ бумажнаго или полушолковаго стаченаго халата, кожаныхъ сапоговъ и бѣлой чалмы. Въ походѣ войско тянется длинною массою, похожею на колонну, но не соблюдаетъ воинскаго порядка. Конница нападаетъ на непріятеля съ крикомъ, пуская лошадей во всю прыть; вообще въ своей странѣ коканцы пользуются славою отважныхъ воиновъ и легко опрокидываютъ толпы киргизовъ и китайцевъ, вдвое и втрое ихъ многочисленнѣйшія.

Почетнѣйшее духовенство коканское ведетъ родъ свой отъ первыхъ халифовъ и самого пророка. Нѣсколько высшихъ духовныхъ всегда имѣютъ мѣсто въ ханскомъ совѣтѣ. Муллою называется въ Коканіи великій, ученый мусульманинъ, свѣдующій въ обрядахъ и правилахъ своей вѣры; мулла, находящійся при мечети и отправляющій богослуженіе, именуется имамомъ. Кромѣ того есть классъ духовныхъ, извѣстныхъ подъ именемъ шейховъ, которые живутъ при храмахъ, воздвигнутыхъ надъ могилами святыхъ. Эти огромныя зданія, вмѣщающія прахъ людей, прославившихся подвигами вѣры, пользуются большимъ уваженіемъ и привлекаютъ къ себѣ изъ дальнихъ мѣстъ многочисленныя толпы поклонниковъ. Наконецъ въ Коканіи встрѣчаются еще такъ называемые *календеры*, фанатики, имѣющіе много общаго съ турецкими дервишами. Они носятъ высокія шапки, и плащи, достигающіе до пятъ. Самые изступленные изъ нихъ называются *дуванами*; они ведутъ жизнь отшельническую и часто до того изнуряютъ себя, что доходятъ до совершеннаго разстройства разсудка.

Господствующій языкъ, употребляемый въ Коканіи образованнѣйшею частію народа, есть *Тюрки*, называемый нами джагетайскимъ, или восточно-турецкимъ. Онъ сохранился въ Коканіи въ бо́льшей чистотѣ, чѣмъ въ другихъ окрестныхъ странахъ. Въ городѣ Коканѣ существуетъ главная ханская школа, или *Медресэ*, гдѣ находится до 1000 человѣкъ учащихся. Въ другихъ большихъ городахъ есть также медресы, но не столь значительныя. По окончаніи курса, ученики отправляются для дальнѣйшаго усовершенствованія въ наукахъ въ Бухару и Самеркандъ. Курсъ ученія состоитъ изъ языковъ турецкаго, арабскаго и персидскаго, толкованіи Корана и граматики съ присоединеніемъ къ ней нѣкоторыхъ правилъ слога. Свѣ-

дѣнія объ исторіи и географіи почерпаются изъ древнихъ персидскихъ писателей, а изъ философіи и астрономіи преподается, и то не всегда, только то, чтó находится въ старыхъ арабскихъ и персидскихъ книгахъ.

Ханскіе доходы состоятъ преимущественно изъ сбора продуктовъ въ натурѣ. Съ полей, засѣянныхъ сарачинскимъ пшеномъ, пшеницею, джугарою и другимъ зерновымъ хлѣбомъ, берется въ казну пятая часть урожая. Съ земель, занятыхъ садами, виноградниками, посѣвомъ искуственныхъ травъ, овощей, хлопчатой бумаги и другихъ растеній, гдѣ сборъ въ натурѣ представляетъ много неудобствъ, подать берется не съ произведенія, но съ самой земли. Сборъ съ городовъ основывается на числѣ домовъ, лавокъ и нѣкоторыхъ статей производимости. Кочевые народы платятъ съ сорока головъ скота по одной. Караваны, приходящіе изъ-за-границы, платятъ съ суммы, въ какую оцѣнены будутъ товары, сороковую часть, т. е. по $2\frac{1}{2}$ процента. Кромѣ этихъ опредѣленныхъ источниковъ дохода, ханъ получаетъ часто отъ хакимовъ значительныя суммы на разныя случайныя надобности. Часто, желая наградить какого-нибудь чиновника, ханъ приказываетъ ему получить извѣстную сумму денегъ отъ правителя той или другой области, который пополняетъ ее впослѣдствіи какъ и чѣмъ можетъ. Наконецъ въ числѣ ханскихъ доходовъ надо считать также богатые подарки, подносимые ему хакимами по разнымъ случаямъ, преимущественно во время путешествій хана по областямъ. Весь доходъ коханскаго хана, за исключеніе этихъ подарковъ и суммъ, получаемыхъ отъ областныхъ хакимовъ экстраординарнымъ образомъ, простирается до 30 милліоновъ рублей на наши ассигнаціи.

— *Заслуги Петра Великаго по части распространенія географическихъ познаній*, соч. К. М. Бера. Это — послѣдняя и едва ли не самая любопытная изъ всѣхъ статей, помѣщенныхъ въ третьей книжкѣ записокъ. Въ наше время, все то, чтó касается до Петра Великаго, прямо или косвенно, имѣетъ огромную цѣну и возбуждаетъ всеобщій интересъ; тѣмъ значительнѣе въ нашихъ глазахъ заслуга г. Бера, который привелъ въ извѣстность мало оцѣненные еще подвиги великаго преобразователя на такомъ поприщѣ, которое повидимому должно было остаться ему совершенно чуждымъ. Мы бы желали распространиться подробнѣе о статьѣ г. Бера, но такъ-какъ пока напечатана еще только первая ея часть, то мы рѣшаемся отложить подробный ея разборъ до появленія въ печати второй и послѣдней части. Съ нетерпѣніемъ будемъ ожидать выхода четвертой книжки Записокъ и надѣемся, что она ни занимательностію, ни достоинствомъ своихъ статей не уступитъ своей предшественницѣ.

Воспорское царство съ его палеографическими и надгробными памятниками, расписными вазами, планами, картами и видами, *соч.* Антона Ашика. *Три части. Одесса. 1849 г.*

Самое неблагодарное изъ ученыхъ занятій есть, безъ сомнѣнія, занятіе археологіей. Даже въ западной Европѣ, гдѣ по этой части трудились такъ много и такъ успѣшно, существуетъ еще во мнѣніи общественномъ несправедливый предразсудокъ противъ этой науки, которую привыкли считать скучною, сухою и безплодною. Этотъ же самый предразсудокъ существуетъ и въ Россіи, и нельзя не сознаться, что у насъ существованіе его можно понять и оправдать гораздо скорѣе, нежели въ другихъ странахъ. Своей національной археологіи мы еще не имѣемъ; древности же другихъ странъ, весьма естественно, не могутъ возбуждать въ насъ живого и сильнаго интереса; каждый народъ интересуется *своимъ* прошедшимъ,— до прошедшаго другихъ народовъ ему нѣтъ никакого дѣла; изучать его могутъ только люди специяльные, ученые, масса же читателей остается обыкновенно весьма равнодушною къ подобнымъ трудамъ, неимѣющимъ въ его глазахъ никакого практическаго, живого значенія. Единственная часть археологіи, которая могла бы возбуждать одинаковый интересъ какъ въ русскомъ, такъ и въ англичанинѣ, какъ въ французѣ, такъ и въ нѣмцѣ, есть изображеніе древняго, уже не существующаго міра, изображеніе общественной и частной жизни грековъ и римлянъ.

Къ сожалѣнію, мы отстали и въ этомъ отношеніи отъ нашихъ европейскихъ собратій; у нихъ изученіемъ греко-римскихъ древностей занимался цѣлый рядъ ученыхъ, успѣвшій уже довести эту часть науки до высшей степени совершенства; у насъ изученіемъ ихъ не занимался еще никто, и даже первокласныя сочиненія европейскихъ писателей объ этомъ предметѣ до сихъ поръ не переведены на русскій языкъ.

Но при такомъ положеніи литературы, понятно, что на каждый археологическій трудъ, совершонный въ Россіи, должно смотрѣть, какъ на ученый подвигъ, заслуживающій въ полной мѣрѣ благодарности и вниманія. Такъ и смотримъ мы на трудъ г. Ашика, посвятившаго нѣсколько лѣтъ своей жизни изученію керченскихъ древностей и издавшаго великолѣпное ихъ описаніе на свой собственный счетъ, безъ всякой надежды не только на барышъ, но и на возвращеніе издержекъ. Въ-самомъ-дѣлѣ, сочиненіе г. Ашика, третья и послѣдняя часть котораго вышла недавно и лежитъ теперь передъ нами, стоило автору не только времени и трудовъ, но и матеріяльныхъ расходовъ, въ значительности которыхъ легко убѣдиться, если только обратить вниманіе на типографскія достоинства этого изда-

нія, а въ особенности на многочисленность и необыкновенное изящество приложенныхъ къ нему рисунковъ. А между тѣмъ не нужно имѣть большой проницательности, чтобы предсказать г. Ашику судьбу его книги, которая, безъ всякаго сомнѣнія, найдетъ для себя весьма мало читателей и покупщиковъ, какъ потому, что она стóитъ весьма дорого (двѣнадцать рублей серебромъ), такъ и потому, что самое содержаніе ея, по всей вѣроятности, покажется большинству публики не только не интереснымъ, но и положительно-скучнымъ. Изъ этого видно, что въ матеріяльномъ отношеніи, усилія г. Ашика не принесутъ ему никакого плода и трудъ его останется только въ глазахъ немногихъ цѣнителей несомнѣннымъ достоинствомъ его ревностной любви къ наукѣ и безкорыстнаго служенія ея интересамъ и пользамъ.

Книгу г. Ашика, сказали мы, прочтутъ весьма немногіе, но тѣ, которые прочтутъ, останутся, безъ сомнѣнія, весьма благодарны почтенному автору за его добросовѣстный и прекрасный трудъ. Скажемъ болѣе: для людей, знакомыхъ хоть сколько-нибудь съ этимъ предметомъ и понимающихъ настоящее значеніе археологіи, какъ науки, изданіе г. Ашика послужитъ, безъ сомнѣнія, неисчерпаемымъ источникомъ наслажденій. Изучая по книгѣ нашего археолога различные памятники древности, находящіеся въ Керченскомъ музеумѣ, невольно переносишься мыслію въ ту баснословную страну и къ тому счастливому народу, въ которыхъ осуществляется до сихъ поръ самый высшій типъ граціи, красоты и художественности. Въ керченскихъ вазахъ, медальйонахъ, статуяхъ и мраморахъ мы видимъ древнюю греческую жизнь, древнее греческое искусство; а кто не знаетъ, что нигдѣ еще не выражалась съ такою силою, съ такою полнотою, съ такимъ блескомъ, идея пластической красоты, какъ въ древней Греціи. Всякой, кто чувствуетъ себя способнымъ симпатизировать этой идеѣ и проникаться ею, не можетъ равнодушно смотрѣть на остатки греческой жизни; изучая ихъ, онъ чувствуетъ себя перенесеннымъ на родную почву, въ сочувственный ему міръ, гдѣ все говоритъ его языкомъ и живетъ его понятіями. Греческая жизнь имѣетъ обще-человѣческое, міровое значеніе; Греція всегда, во всѣхъ проявленіяхъ своего быта, была полнымъ и блестящимъ выраженіемъ художественности, а потому всякой человѣкъ съ натурою истинно-художественною, къ какому бы народу онъ ни принадлежалъ, чувствуетъ себя сыномъ Греціи, грекомъ по душѣ и по чувствамъ. Никому еще не удавалось высказать такъ хорошо этотъ общечеловѣческій, характеръ древней греческой жизни, какъ Беранже въ его извѣстной пѣсни: *Le voyage imaginaire*.

Arrachez-moi des fanges de Lutèce;
Sous un beau ciel mes yeux devaient s'ouvrir.
Tout jeune aussi, je rêvais à la Grèce;
C'est là, c'est là, que je voudrais mourir.
En vain faut-il qu'on me traduise Homère;
Oui, je fus Grec, Pythagore a raison,
Sous Périclès j'eus Athènes pour mère:
Je visitai Socrate en sa prison.
De Phidias j'encensai les merveilles;
De l'Ilissus j'ai vu les bords fleurir;
J'ai sur l'Hymmète éveillé les abeilles;
C'est là, c'est là, que je voudrais mourir.

Ни разу еще не случалось намъ (мы говоримъ о нашихъ личныхъ впечатлѣніяхъ) читать сочиненія о греческихъ древностяхъ, и не вспомнить объ этихъ прекрасныхъ стихахъ, такъ вѣрно и живо выражающихъ всю глубину симпатіи, внушаемой греческимъ бытомъ всякому эстетически-развитому человѣку. Мы припомнили ихъ и при чтеніи книги г. Ашика, потому-что въ этой книгѣ нашли богатое собраніе произведеній греческаго искусства, такое собраніе, которое одно могло бы дать достаточное понятіе о величіи грековъ во всемъ, что́ имѣло хоть малѣйшее отношеніе къ красотѣ и художественности. Съ этой стороны сочиненіе г. Ашика имѣетъ въ глазахъ нашихъ огромную цѣну, и авторъ его, по нашему мнѣнію, пріобрѣлъ своимъ трудомъ право на вѣчную признательность не только русскихъ, но и всѣхъ европейскихъ археологовъ. Искренно желаемъ, чтобы недостатокъ сочувствія въ массѣ публики къ его замѣчательному произведенію не удалилъ его на будущее время съ того поприща, на которомъ онъ подвизался до сихъ поръ съ такимъ успѣхомъ и съ такою пользою для науки.

Жизнь и заблужденія человѣческія, *объясненныя въ моральномъ и религіозномъ отношеніяхъ. Совѣты чадолюбиваго отца, юношеству мужескаго пола. Съ нѣмецкаго*, Г. Б. *Спб. 1849.*

Что́ сдѣлали бы вы, читатель, если бы вамъ представили книжку съ заглавіемъ, которое мы здѣсь выписали? Принялись ли бы вы читать ее, или съ недовѣрчивостію отложили бы въ сторону? не пробудились ли бы въ васъ воспоминанія о собственной жизни вашей, гдѣ (что́ грѣхъ таить?) вѣроятно нашлось бы не одно заблужденіе, которое вамъ хотѣлось бы вырвать изъ вашего прошедшаго, какъ иногда вырываются цѣлыя неудачныя страницы изъ школьной тетради? не зашевелилось ли бы въ васъ раскаяніе въ поступкахъ, которые, можетъ быть, вы не разъ старались омыть горячею слезою въ тиши вашего уединенія, когда вы призывали на судъ собственное

поведеніе, собственную совѣсть вашу? не подумали ли бы вы о многихъ близкихъ или далекихъ вамъ людяхъ, въ жизни которыхъ вы то съ сожалѣніемъ, то съ насмѣшкою подмѣчали проступки, промахи молодости, ошибки часто гибельныя, всегда печальныя? И, съ другой стороны, не возникло ли бы въ умѣ вашемъ справедливое недоумѣніе, если бы вы замѣтили, что предложенная вамъ книжечка на какихъ-нибудь осьмидесяти страничкахъ берется объяснить вамъ жизнь и заблужденія человѣческія въ моральномъ и религіозномъ отношеніяхъ?

Не знаю, какъ вы, но вашъ покорнѣйшій слуга съ необъяснимымъ сердечнымъ трепетомъ схватилъ брошюрку подъ названіемъ «Жизнь и заблужденія человѣческія» и, даже забывая граматическія ошибки, бросающіяся въ глаза въ самомъ заглавіи, поспѣшилъ просмотрѣть оглавленіе и такимъ образомъ познакомиться заранѣе съ ея содержаніемъ. Вы можете представить себѣ, какъ сильно возбудилось наше любопытство, когда мы узнали, что въ этой брошюркѣ скрывается бездна премудрости человѣческой, и все это въ 31 письмѣ на 80 страницахъ. Прочесть такъ мало — и узнать жизнь и заблужденія, *объясненныя!* — объясненныя, ни больше, ни меньше, какъ въ моральномъ и религіозномъ отношеніяхъ! Еще болѣе возрасло наше любопытство, когда отъ оглавленія мы перешли къ предисловіямъ, изъ которыхъ одно называется: «Нѣсколько словъ отъ переводчика», а другое: «Предисловіе *отъ* автора». Двѣ слѣдующія выписки достаточно покажутъ вамъ, что любопытство наше разшевелилось не безъ причины.

Въ предисловіи переводчика намъ попались слѣдующія строки: «По зрѣломъ соображеніи и собственномъ сознаніи, убѣдившись, что незнаніе тѣхъ золъ, которыя возникаютъ вслѣдствіе распутства, служитъ немаловажною причиною и несомнѣннымъ поводомъ къ разгулу, въ которомъ 17-ти и 16-ти лѣтніе юноши, не видя, по неопытности, кромѣ удовольствій ничего дурнаго, мало-по-малу къ нему пристращаются и вовлекаютъ себя такимъ образомъ, незамѣтно, въ кругъ распутной жизни».

Итакъ, эта небольшая книжечка, написанная *чадолюбивымъ отцемъ*, предназначена для спасенія юношей отъ разврата. Юношей! При этомъ словѣ, мысль наша невольно пронеслась черезъ рядъ нѣсколькихъ, увы! уже прошедшихъ, лѣтъ, когда и мы носили это милое, граціозное имя юноши, когда мы сами и другіе видѣли въ насъ надежду будущаго времени. Пронеслась наша мысль черезъ рядъ этихъ лѣтъ, съ грустію останавливаясь на тѣхъ событіяхъ.... но зачѣмъ разсказывать вамъ, гдѣ гуляла и гдѣ, какъ усталый путникъ у поверстнаго столба, останавливалась мысль наша? Вопросите

собственную жизнь вашу, ваше собственное сердце, и вы поймете наше раздумье.

Посреди этихъ размышленій мы дошли до предисловія самого автора, гдѣ въ первыхъ же строкахъ поразили насъ слѣдующія слова: «Заблужденія въ человѣческой жизни, называемыя безнравственностью, очевидно распространяются. Начиная отъ низшихъ классовъ пролетаріевъ и доходя до высшихъ слоевъ общества, мы находимъ приверженцевъ этой безнравственности, которая, естественно, влечетъ за собою жертвы; такимъ образомъ грозитъ она пройти опустошительно среди гражданской жизни человѣчества, увлекая за собой здоровье и счастіе людей».

Какъ? мы, вышедшіе изъ юношества, измученнаго заблужденіями неопытности, можемъ хвалиться нашею нравственностію передъ поколѣніями, которыя слѣдуютъ за нами? мы, которые съ радостію готовы уступить имъ свое мѣсто, въ твердомъ убѣжденіи, что они лучше насъ, что они достойнѣе насъ поработаютъ для выполненія трудной задачи усовершенія человѣческаго,—мы ошибались? Ужели они внесутъ въ нее элементы безнравственности, которыхъ въ насъ, ихъ старшихъ братьяхъ, менѣе, чѣмъ въ нихъ, тогда какъ мы крѣпко вѣрили, что наши ошибки только послужатъ къ ихъ же добру? Ужели нашъ вѣкъ, мудрый, положительный, заблуждался, когда, гордо глядя на вѣка прошедшіе, съ хитрой насмѣшкой называлъ себя карликомъ на плечахъ великана и тѣмъ давалъ замѣтить своимъ противникамъ и порицателямъ, что, какъ онъ ни кажется имъ малымъ, но все же видитъ далѣе своихъ предшественниковъ? ужели невѣрны всѣ доводы, историческіе и статистическіе, всѣ факты, добытые просвѣщеннымъ стараніемъ правительствъ и частныхъ людей, свидѣтельствующіе объ улучшеніи нравственности, уменьшеніи смертности, развитіи благосостоянія во всѣхъ слояхъ общества? ужели всѣ мѣры, предпринимаемыя съ огромными пожертвованіями къ охраненію народнаго здоровья, призрѣнію бѣдныхъ и больныхъ, къ умноженію общественныхъ работъ, какъ для поддержанія людей и семействъ, добывающихъ насущный хлѣбъ трудами рукъ своихъ, такъ и для упроченія ихъ благосостоянія на будущее время, безсильны противъ распространенія безнравственности? ужели быстрые успѣхи просвѣщенія, увеличеніе числа школъ для простонародья и высшихъ учебныхъ заведеній ведутъ только къ безнравственности? Нѣтъ, тутъ что-нибудь да не такъ. Почтенный чадолюбивый отецъ вѣрно хотѣлъ только придать болѣе важности своимъ совѣтамъ; потому-что мы никакъ не хотимъ предположить, чтобы человѣкъ, предпринявшій такой важный трудъ, каково объясненіе жизни и заблужденій человѣческихъ, не довольно-внимательно прослѣдилъ раз-

витіе общества. Можетъ быть авторъ принадлежитъ къ числу тѣхъ людей, которые, съ любовію обращаясь къ счастливому старому времени, въ настоящемъ видятъ только одно зло. Какъ бы то ни было, но во всякомъ случаѣ такое зловѣщее увѣреніе въ распространеніи безнравственности, такой грозный приговоръ надъ вѣками послѣдующими въ пользу вѣковъ прошедшихъ, не могутъ быть серьёзными. Чтобъ не повѣрить имъ ненужно быть отчаяннымъ оптимистомъ: довольно быть спокойно разсудительнымъ и безпристрастнымъ. Слова автора—или реторическая фигура, или одинъ изъ тѣхъ предразсудковъ, которые, благодаря распространенію образованности, болѣе и болѣе уничтожаются. Къ чести автора, мы готовы скорѣе предположить, что, высказывая свое обвиненіе со всею искренностію, онъ былъ введенъ въ заблужденіе тѣмъ, что въ настоящее время безнравственность имѣетъ менѣе средствъ укрываться отъ испытующаго взгляда людей, посвящающихъ себя изслѣдованію практической жизни, и оттого тѣ факты, которые оставались прежде или неизвѣстными, или незамѣченными, теперь обращаютъ на себя вниманіе и подвергаются громкому осужденію? Если такъ, то мы спѣшимъ сказать, что это явленіе новѣйшей цивилизаціи принадлежитъ къ числу самыхъ утѣшительныхъ свидѣтельствъ въ пользу улучшенія нравственности. Если бы пошло дѣло на положительныя историческія доказательства, то, для опроверженія такого мрачнаго мнѣнія о нашемъ времени, мы не стали бы искать ихъ въ исторіи древнихъ и среднихъ вѣковъ: послѣднія столѣтія могли бы представить намъ цѣлые томы неопровержимыхъ доводовъ въ пользу постояннаго улучшенія нравственности. Страшенъ сонъ, да милостивъ Богъ, — вотъ все, чтó, храня серьезный видъ, можно отвѣчать автору.

Точно также напрасно увѣряетъ онъ, что безнравственность находитъ своихъ *приверженцевъ* во всѣхъ слояхъ общества. Теперь не только нѣтъ этихъ приверженцевъ, но всякое снисходительное оправданіе порока встрѣчаетъ строгое возраженіе и даже порицаніе. Всегда ли это заступничество за нравственность бываетъ искренно— вопросъ иной; но если теперь и можно быть Тартюфомъ, то едва ли у кого-нибудь достанетъ духу систематически отстаивать безнравственность. Опять-таки благодаря просвѣщенію, у нея остались только жертвы, и тѣ, съ бóльшимъ распространеніемъ его, должны уменьшаться постоянно. И потому напрасно авторъ такъ боится, что безнравственность опустошительно обойдетъ всѣ слои гражданскаго общества.

Мы вполнѣ увѣрены, что наши читатели не подозрѣваютъ въ насъ слѣпого поклоненія совершенству вѣка, въ которомъ живемъ мы, и потому намъ не предстоитъ надобности оправдываться въ

оптимизмѣ. Въ подкрѣпленіе нашего убѣжденія мы приведемъ слѣдующія слова, написанныя рукою молодого человѣка, и приведемъ для того, чтобы поддержать мысль, что вѣкъ, въ которомъ существуютъ подобныя убѣжденія, возбуждающія сочувствія, не есть вѣкъ пропадшій. Вотъ эти слова: «Христіянство представляетъ свою чудную притчу о блудномъ сынѣ, какъ урокъ снисходительности и прощенія. Христосъ былъ исполненъ любви къ этимъ бѣднымъ душамъ, истерзаннымъ человѣческими страстями, и изцѣлялъ ихъ раны. Зачѣмъ же будемъ мы болѣе строги, чѣмъ самъ Христосъ? Зачѣмъ упорно станемъ придерживаться мнѣній свѣта, который старается быть жестокимъ? Если міръ не сталъ совершеннымъ, то по-крайней-мѣрѣ улучшается. Будемъ добры, справедливы, истинны! Зло — суета; станемъ гордиться добромъ, а главное — не предадимся отчаянію!»

Изъ числа многихъ отраслей безнравственности, авторъ избралъ грѣхъ противъ седьмой заповѣди. Цѣль его состоитъ въ томъ, чтобы посредствомъ объясненія истинной законной любви, какъ источника произрожденія, и раскрытія вредныхъ послѣдствій разврата, отвратить юношей отъ безнравственности. Цѣль благородная, задача важная, на которую, несмотря на различіе точекъ зрѣнія, всѣ благомыслящіе люди обращаютъ свое полное вниманіе. Какъ достигнуть сохраненія нравственности въ юношествѣ — вопросъ, котораго рѣшеніе еще не признано единогласно. Одни, предоставляя юношамъ полную свободу, въ надеждѣ, что собственный опытъ, ошибки и горькіе результаты заблужденій могутъ научить осторожности, благоразумію и предусмотрительности, поступаютъ точно также, какъ тѣ нянюшки, которыя, желая отучить маленькихъ дѣтей тянуться къ горящей свѣчкѣ, позволяютъ имъ обжечься. Другіе, не выпуская молодого человѣка изъ виду, показываютъ ему все, что развратъ представляетъ самаго гнустнаго и пагубнаго, и думаютъ этимъ поселить въ юной впечатлительной душѣ отвращеніе отъ тѣхъ низкихъ наслажденій, которыя составляютъ радость людей безнравственныхъ. Иные (и въ этомъ случаѣ можно указать особенно на женщинъ) заботливо скрываютъ отъ юноши все, что можетъ возбудить въ немъ ощущенія, къ которымъ стремится его развивающаяся съ возрастомъ чувственность, для того, чтобы предоставить его самому себѣ въ то время, когда разсудокъ его болѣе окрѣпнетъ.

Можно было бы указать еще на нѣсколько способовъ нравственнаго воспитанія молодыхъ людей; но мы ограничиваемся только этими тремя категоріями, какъ наиболѣе рельефными. Ни одна изъ нихъ впрочемъ не подходитъ подъ точку зрѣнія разбираемаго нами

автора. И дѣйствительно, ни одинъ изъ этихъ способовъ не можетъ заслужить одобренія.

Предоставить юношу собственному произволу значитъ ввѣриться случаю: гибельные примѣры, представляющіеся во множествѣ всякому, кто сколько-нибудь привыкъ обращать вниманіе на развитіе молодыхъ людей и слѣдилъ за судьбою тѣхъ, которыхъ встрѣчалъ онъ на жизненномъ пути, достаточно показываютъ, что случай мало заботится о людяхъ. Благо тѣмъ, кто благополучно вышелъ изъ испытанія, и горе тѣмъ, кто безвозвратно погрязъ въ безднѣ безнравственной жизни; точно также какъ счастливы пловцы, достигшіе спокойной пристани, и горе тѣмъ, которые погибли въ волнахъ бурнаго моря.

Раскрыть предъ глазами юноши картину разврата, во всей наготѣ его, значитъ заранѣе, вдругъ, осквернить его воображеніе такими впечатлѣніями, отъ которыхъ, можетъ быть, онъ могъ бы избавиться въ теченіи своей жизни, отравить тѣ сладкія минуты любви, которыя, быть можетъ, готовитъ ему будущность, поселить въ умѣ его сомнѣніе въ благородствѣ человѣческой природы; показать отвратительную изнанку жизни, которая будетъ мерещиться ему и въ то время, когда онъ будетъ смотрѣть на ея лицевую сторону.

Наконецъ, таить отъ юноши то, что́ онъ рано или поздно непремѣнно долженъ узнать, значитъ слишкомъ много довѣрять своему надзору, потому-что обхожденіе молодого человѣка съ товарищами, разсказы невѣжественныхъ слугъ, двусмысленныя шутки пошлыхъ остряковъ раскроютъ ему эту тайну, быть можетъ, гораздо ранѣе, чѣмъ подскажетъ ее сама природа. И такое постиженіе ея будетъ гибельно: развращеніе вольется во все существо его, какъ медленный ядъ, тѣмъ болѣе сладкій, чѣмъ болѣе запрещаемый.

Вообще всѣ эти три рода воспитанія ненадежны, потому-что всѣ почти въ равной степени составляютъ крайности, которыя тѣмъ гибельнѣе, чѣмъ болѣе представляютъ возможности перейти отъ нихъ къ другимъ крайностямъ.

Изъ всѣхъ такъ называемыхъ чувственныхъ страстей едва ли не одно любострастіе въ самомъ себѣ заключаетъ источникъ, причину своего развитія, независимо отъ внѣшнихъ обстоятельствъ, которыя приходятъ къ нему на помощь и еще болѣе его усиливаютъ. Обжорство, пьянство и тому подобныя страсти, необходимо, для своего развитія, требуютъ содѣйствія извнѣ.

Здѣсь, на первомъ планѣ, представляется вопросъ, для разрѣшеніе котораго разбираемое нами сочиненіе не представило никакихъ данныхъ; но самое содержаніе его служитъ отвѣтомъ положительнымъ. — Вопросъ этотъ заключается въ томъ, слѣдуетъ ли откры-

вать юношѣ тайну произрожденія во всей подробности и во всей глубинѣ ея значенія какъ физическаго, такъ и нравственнаго? Если бы воспитаніе хотѣло искать рѣшенія этого вопроса въ самой природѣ, то оно нашло бы, что природа раскрываетъ свою тайну въ то время, когда данный индивидуумъ уже приготовленъ своимъ развитіемъ къ удовлетворенію способности произрожденія. Другими словами, въ природѣ знаніе тайны произрожденія и проявленіе этой способности современны. Но въ нашей ежедневной жизни знаніе, если не всегда, то бо́льшею частію, предшествуетъ полному органическому развитію юноши, такъ-что практическая жизнь рѣшаетъ заданный нами вопросъ сама собою, не ожидая раціональнаго отвѣта науки. Тысячи случаевъ обнаруживаютъ юношѣ тайну произрожденія, и, къ сожалѣнію, не какъ понятіе, разумно ему сообщенное, а какъ шалость, рановременное наслажденіе и т. п.

Безъ сомнѣнія, было бы разумно скрывать отъ юноши эту тайну до тѣхъ поръ, пока сама природа не указала бы времени, когда это раскрытіе стало бы необходимостію; если бы родители и воспитатели могли не только слѣдить за каждымъ шагомъ, за каждымъ движеніемъ воспитанника, и руководить его до тѣхъ поръ, пока онъ пріобрѣлъ бы достаточную опытность для собственнаго, независимаго руководства. Но возможно ли это? Опытъ показываетъ, что заботливая утайка отъ юношей яснаго понятія о порывахъ чувственности часто приводила къ горькому оплакиванію послѣдствій такой воспитательной системы. Всякому случалось видѣть, какъ въ такомъ случаѣ юноши ввергались въ бездну порока, лишались здоровья, безвозвратно теряли свое нравственное благородство, — какъ они, будучи воспитаны въ совершенномъ невѣдѣніи, достойномъ названія дѣвической скромности, часто тѣмъ съ бо́льшею невоздержностію устремлялись на-встрѣчу чувственнымъ наслажденіямъ и отъ нихъ переходили къ самому низкому и гнусному распутству, чѣмъ болѣе было употреблено стараній остановить порывы ихъ чувственности, — какъ развитіе организма ихъ искажалось, и порывы чувственности превращались въ неистовую страсть, которая иногда могла быть укрощена не совѣтами, не нравственными убѣжденіями, не препятствіями денежными, не временнымъ, физическимъ страданіемъ, а только совершеннымъ безсиліемъ или конечнымъ разрушеніемъ здоровья.

При видѣ такихъ горестныхъ послѣдствій, родители этихъ юношей оплакивали свою ошибку, винили ихъ самихъ, упрекали общество, въ которое дѣти ихъ попадали или бывали вовлечены; но чѣмъ помогали слезы, сѣтованія и укоры, когда уже былъ потерянъ цвѣтъ молодости, искажены наслажденія мужественнаго возраста и

приготовлена болѣзненная, страдальческая старость? Между тѣмъ и слезы, и обвиненія, и упреки могли бы быть отвращены, если бы въ самомъ воспитаніи не было допущено заблужденія насчетъ возможности охранить молодого человѣка отъ безнравственности *одною* строгостію надзора.

Потому благоразумнѣе придерживаться того убѣжденія, что, какъ вообще при невозможности избѣжать какого-нибудь зла, лучше итти ему на-встрѣчу со всею твердостію и стараться уменьшить его разрушительное дѣйствіе, такъ точно и въ воспитаніи юношей, по невозможности укрыться отъ ихъ любознательности, должно предпочитать, чтобы она нашла свое удовлетвореніе отъ лицъ, которымъ драгоцѣнно благо воспитанника, а не отъ людей постороннихъ, чуждыхъ, которые бо́льшею частію могутъ внушить только одни ложныя и вредныя понятія.

Обязанность раскрытія этой завѣтной тайны, по нашему мнѣнію, лежитъ на самомъ воспитателѣ юноши, потому-что никто лучше его не можетъ слѣдить за самымъ развитіемъ всѣхъ способностей воспитанника и стало быть судить, достигло ли оно той степени, на которой объясненіе тайны не только не принесетъ никакого вреда, но доставитъ несомнѣнную пользу. Что́ касается до способа, которымъ должна быть передана эта тайна, то мы предпочитаемъ, чтобы всѣ свѣдѣнія о ней были пріобрѣтены воспитанниками при изученіи естественныхъ наукъ. И при этомъ случаѣ нельзя не возобновить въ памяти читателей того, что́ много разъ было повторяемо о необходимости ранняго преподаванія дѣтямъ науки о природѣ, откуда можетъ быть такъ много почерпнуто для образованія самой ихъ нравственности. Юноша, учась этой наукѣ, необходимо увидитъ въ законѣ произрожденія одинъ изъ естественныхъ законовъ, равный всѣмъ прочимъ законамъ природы, увидитъ въ надлежащемъ свѣтѣ и на своемъ мѣстѣ, а отнюдь не въ видѣ интереснаго свѣдѣнія, на которое обращается его *особенное вниманіе*. Воображеніе юноши, при разсказахъ наставника о проявленіи этого закона въ царствахъ природы не будетъ разыгрываться такъ, какъ возбудили бы его разсказы товарищей, слугъ и т. п. Оно было бы возбуждено въ такой степени, какая нужна для поддержанія любознательности юноши при изученіи какого бы то ни было факта науки. Поэтому полезно избѣгать, въ этомъ изложеніи, пустого фразерства и хранить совершенное, ненарушимое спокойствіе, приличное строгости науки. Пріобрѣтя эти свѣдѣнія такимъ образомъ, юноша съ перваго раза станетъ въ своемъ знаніи выше тѣхъ услужливыхъ, *опытныхъ* людей, которые тайкомъ и шопотомъ могли бы посвятить его въ тайны произрожденія, распаляя его воображеніе и чувственность. Его знаніе бу-

детъ имѣть занимательность, въ благородномъ смыслѣ этого слова, предъ которою поблѣднѣетъ интересъ разсказа, услышаннаго имъ на черной половинѣ дома. И можно сказать съ увѣренностію, что не онъ будетъ любопытнымъ слушателемъ чужихъ разсказовъ, а его собственнымъ словамъ, исполненнымъ научной занимательности, будутъ внимать невѣжды. Въ этомъ случаѣ умственное, научное направленіе будетъ парализировать напряженіе юношескаго воображенія, которое такъ способно увлекаться всѣмъ, что̀ имѣетъ прелесть таинственности.

За объясненіемъ тайны произрожденія, какъ закона природы, должно послѣдовать объясненіе историческаго и религіознаго значенія брака. Картина человѣчества, происшедшаго изъ одной семьи, картина народовъ, у которыхъ семейственность и патріархальность играли такую важную ролю, увеличатъ серьёзность свѣдѣній юноши, и ко всему этому прибавится практическое примѣненіе историческихъ и религіозныхъ толкованій къ его собственной семейной жизни. Такимъ образомъ всѣ пріобрѣтенныя имъ свѣдѣнія будутъ имѣть достоинства правильности, строгости, своевременности, полноты и цѣломудренности, которыя, кажется, могутъ служить довольно крѣпкимъ оплотомъ противъ наплыва неблагопристойныхъ шутокъ и анекдотовъ.

Результатомъ подобнаго воспитанія можетъ быть только прочное въ умѣ воспитанника утвержденіе началъ науки, которыя должны послужить основаніемъ принциповъ нравственности, а слѣдовательно и самой практической жизни. Часто случается, что люди, не получая правильнаго воспитанія, бываютъ принуждены извлекать эти принципы изъ собственнаго опыта; но такое достиженіе ихъ также медленно и непрочно, какъ и всякое эмпирическое знаніе. Зыбкость ихъ очень часто обнаруживается при столкновеніи съ дѣйствіями страстей, которыя имѣютъ достаточно силы для того, чтобы восторжествовать надъ умомъ. Оттого часто приходится видѣть въ жизни людей весьма умныхъ, съ благороднымъ направленіемъ, жестокія, а иногда пагубныя ошибки, которыя могутъ быть объяснены только тѣмъ, что принципы ихъ не были предпосланы практической дѣятельности, а вытекли изъ этой послѣдней. И эти люди тѣмъ болѣе страдаютъ отъ своихъ ошибокъ, чѣмъ сильнѣе и безкорыстнѣе убѣжденіе ихъ въ правильность ихъ принциповъ, страдаютъ, ежели не вседневными, матеріяльными потерями, то по-крайней-мѣрѣ нравственными мученіями: слишкомъ горячимъ раскаяніемъ, упреками совѣсти, недовольствомъ противъ самихъ себя и т. п.

Извѣстна истина: для здоровой души необходимо и здоровое тѣло. Въ отношеніи къ сохраненію нравственности, точно также, какъ и къ

сохраненію здоровья, необходимо постоянно стремиться къ поддержанію въ юношѣ бодрости, дѣятельности и всѣми мѣрами бороться противъ лѣни, особенно противъ лѣни, соединенной съ уединеніемъ. Издавна не безъ основанія праздность получила имя матери пороковъ: это названіе съ такою же основательностію, въ воспитаніи физическомъ, можетъ быть дана праздности молчаливой, уединенной, задумчивой.

Съ другой стороны, нельзя не указать на необходимость развитія умственныхъ способностей предпочтительно передъ воображеніемъ. Это развитіе можетъ служить главнымъ рычагомъ для управленія самою чувственностію юноши. Возбуждать въ немъ расположеніе къ умственнымъ занятіямъ значитъ давать пищу его дѣятельности, а слѣдовательно отвращать отъ пагубной праздности; значитъ отымать свободу воображенія, которая такъ охотно въ юношескомъ возрастѣ разъигрывается на всякую тему, которую бы могла задать ему пробуждающаяся чувственность, пылкая, воспріимчивая, сильная своею непорочностію. Воображеніе, теряя часть своихъ средствъ отъ преимущественнаго развитія умственныхъ способностей, съ избыткомъ вознаградитъ этотъ недостатокъ охраненіемъ отъ безплоднаго истощенія посредствомъ мечтательности.

Таковъ въ общихъ очеркахъ взглядъ нашъ на занимающій насъ въ настоящую минуту предметъ, важный для родителей, заботящихся о дѣтяхъ своихъ, и для юношей, оставленныхъ собственному произволу. Конечно, воспитаніе не можетъ имѣть претензіи выпустить изъ рукъ своихъ образецъ совершенства ни въ какомъ отношеніи. Достаточною наградою должно послужить ему образованіе человѣка, который, ошибаясь, будетъ способенъ къ сознанію своихъ заблужденій. Такой цѣли воспитаніе можетъ достигнуть, если въ основу его будутъ положены незыблемые принципы науки. Увлеченія страсти не будутъ въ немъ постоянны, и тѣмъ менѣе гибельны, если въ немъ самомъ будутъ вкоренены принципы добра, которыхъ примѣненіе онъ въ добавокъ могъ видѣть въ собственномъ своемъ семействѣ. — Прочнаго же внушенія этихъ принциповъ, повторяемъ, можно достигнуть только систематическимъ познаніемъ природы и общественной жизни.

Все сказанное нами очевидно относится къ воспитанію домашнему. Что́ же сказать о тѣхъ юношахъ, которые, будучи лишены возможности получить правильное воспитаніе, подъ надзоромъ просвѣщеннаго руководителя, предоставляются на произволъ случая? Средства, представляющіяся имъ для сохраненія своей нравственности, зависятъ отъ бо́льшей или ме́ньшей выгодности ихъ общественнаго положенія, отъ болѣе или менѣе чистой нравственности того круга

людей, въ который бросила ихъ судьба, и, разумѣется, отъ ихъ личныхъ свойствъ. — Всѣ эти обстоятельства имѣютъ несомнѣнное вліяніе на ихъ образъ жизни, и потому общихъ основаній для ихъ нравственнаго развитія не можетъ быть предложено. Счастливы они, если на пути своей жизни встрѣтятъ хотя одного человѣка, который энергическимъ словомъ, возбуждающимъ сочувствіе совѣтомъ, краснорѣчивымъ примѣромъ, покажетъ имъ гибель разврата. Можно навѣрно сказать, что въ этомъ случаѣ ни слово, ни совѣтъ, ни примѣръ не изгладятся изъ благодарной памяти юношескаго сердца.

Родъ книгъ, къ которому принадлежитъ брошюра: «Жизнь и заблужденія человѣческія», назначенъ для того, чтобы служить подобнымъ совѣтомъ для молодыхъ людей.

Хотя благородное намѣреніе автора этой брошюры могло бы избавить насъ отъ обязанности распространяться о тѣхъ недостаткахъ, которые мы въ ней замѣтили; но мы не можемъ пройти молчаніемъ слѣдующаго обстоятельства. Сочинитель, въ своемъ предисловіи, говоритъ: «то, что родители и учители не могутъ, или не хотятъ объяснить своимъ юношамъ-дѣтямъ объ этой тайнѣ (произрожденія), и что, между тѣмъ, имъ такъ необходимо, — могутъ они сообщить чрезъ посредство этой книжки». Изъ сказаннаго нами выше понятно, что мы совершенно согласны съ авторомъ въ необходимости раскрытія юношамъ этой тайны жизни; но, къ сожалѣнію, его брошюра не можетъ служить достаточнымъ руководствомъ для родителей и учителей. Если они сами смотрятъ на эту тайну съ просвѣщенной точки зрѣнія, то книжка эта не откроетъ имъ ничего новаго; если же, напротивъ, они невѣжественны, то слишкомъ ограниченные предѣлы брошюры, мѣстами темное, отвлеченное, неподробное изложеніе окажется крайне недостаточнымъ. Такъ авторъ предполагаетъ въ своихъ читателяхъ знанія «дивныхъ таинствъ могущественной природы»; обращаясь къ сыну, которому посвящены его совѣты, онъ говоритъ съ нимъ, какъ съ ученымъ, дѣйствительно изъ познанія природы извлекшимъ вѣру въ мудрость ея устройства. Спрашивается, что́ подумаютъ объ этихъ «дивныхъ таинствахъ» родители, незнающіе естественныхъ наукъ, и какъ отвѣтятъ они на вопросы дѣтей своихъ, которыя захотѣли бы полюбопытствовать насчетъ этихъ «дивныхъ таинствъ?» Не станутъ ли они въ-тупикъ? И потому не лучше ли было бы, вмѣсто громкихъ разглагольствій, которыми наполнены семь первыхъ писемъ, посвятить ихъ хотя краткому, но ясному изложенію закона произрожденія, выведя его изъ наблюденій точныхъ, предложивъ несомнѣнные факты науки о природѣ?

Для сужденія о достоинствѣ книги приводимъ отрывокъ изъ

четырнадцатаго письма, которое носитъ названіе: «Любовь, путеводительница къ браку»:

Я говорилъ тебѣ, что въ бракѣ мужчина составляетъ дополненіе женщины, а женщина, наоборотъ, мужчины; ихъ обоюдное дополненіе и соединеніе произрождаетъ человѣка, который, слѣдовательно, есть плодъ слитія двухъ существъ во едино. Но гдѣ такой человѣкъ, который имѣлъ бы столько ума и прозорливости, чтобъ разсудить и найдти существо женскаго пола, которое бы ему соотвѣтствовало такъ именно, что слитіе ихъ во едино могло бы призвать въ бытіе достойныхъ согражданъ? Тутъ самый отважнѣйшій обязанъ сознать свое незнаніе и неспособность, и просить помощи и наставленій мудрости Всевышняго. Но, прежде чѣмъ мы на это рѣшаемся, Вездѣсущій внемлетъ нашимъ моленіямъ; Онъ вложилъ намъ въ душу проводникъ, который, составляя величайшее и дивное чувство человѣческаго сердца, называется — любовь! Лишь сластолюбцы изгнали изъ себя этотъ гласъ Божій; но неиспорченный юноша внемлетъ ему. Съ какою холодностію проходимъ и встрѣчаемъ мы иныхъ существъ женскаго пола, и какимъ непонятнымъ пламенемъ раскаляется наше сердце при видѣ другой женщины! Дивное, непонятное чувство!... Біеніе пульса увеличивается; воображеніе волнуется, и какое-то непреодолимое желаніе исторгаетъ изъ глазъ нашихъ слезы!

Послѣ душевно и тѣлесно прекраснаго, слѣдуетъ чистая и непорочная любовь; въ значеніи своемъ, она гораздо выше пламеннаго стремленія сластолюбца, отъ котораго она изгнана душевнымъ и тѣлеснымъ безобразіемъ. Природа стремится исключительно къ произведеніямъ вполнѣ прекраснымъ и совершеннымъ, почему только прекрасное и совершенное призываетъ она къ своимъ дѣяніямъ, не допуская къ нимъ тѣлесныя и душевныя безобразія, отказывая имъ въ любви. Молодыя дѣвицы, которыя привлекаютъ своею прелестью, или внѣшними очаровательными формами, цвѣтущихъ и возмужалыхъ юношей къ пламенной и сердечной любви, бываютъ обыкновенно матерями многочисленнаго, здороваго и сильнаго потомства. Не ясно-ли, что природа указываетъ на нихъ божественнымъ гласомъ любви? Напротивъ-того, дѣвицы, о которыхъ относятся безъ одобреній въ-отношеніи къ ихъ прелестямъ, оказываютъ несравненно менѣе склонностей къ расположенію человѣческаго рода. Не видишь ли ты въ этомъ вторичное подтвержденіе мною сказаннаго?

Не справедливъ-ли я, называя любовь гласомъ Божіимъ? Но ты не долженъ ее, однако, смѣшивать съ восторженностью чувствъ, производимою наружнымъ очарованіемъ, и еще менѣе съ пламеннымъ стремленіемъ сластолюбца, въ которое онъ впадаетъ при видѣ роскошной и восхитительной женщины. Истинная любовь есть *нѣчто*, что насъ волнуетъ; мы не знаемъ настоящаго значенія этого непонятнаго чувства, которое въ состояніи насъ перерождать. Если кто вступаетъ въ

бракъ *съ нерастерянною юношескою силою* и *пламенною любовью* къ избранному существу, тотъ можетъ быть вполнѣ увѣреннымъ, что согласіе и благословеніе Небесъ будутъ на него ниспосланы, потомучто его сопровождаютъ къ священному дѣлу прекраснѣйшій цвѣтъ тѣла и души: — истинная и неподдѣльная любовь и сила возмужалости. (стр. 35—37.)

Дачники или какъ должно проводить лѣто на дачѣ. *Наставленіе въ видѣ разсказа, необходимое для всѣхъ жителей и посѣтителей дачь. Спб. 1849.*

Подснѣжникъ. *Карманная книжка. Спб. 1849.*

Признаемся, мы развернули первую изъ этихъ книжекъ съ предубѣжденіемъ, полагая, что она принадлежитъ къ тѣмъ жалкимъ и безграмотнымъ порожденіямъ книжной промышленности, которыя, къ сожалѣнію, тысячами расходятся въ провинціи на ярмаркахъ и въ столицѣ на толкучихъ рынкахъ.... Но на этотъ разъ мы пріятно обманулись... Разсказъ о «Дачникахъ или о томъ, какъ должно проводить лѣто на дачѣ» написанъ живымъ, легкимъ разговорнымъ языкомъ, и въ немъ несравненно болѣе ума и веселости, нежели во многихъ журнальныхъ повѣстяхъ съ претензіями на умъ и на юморъ. Мы, нешутя, совѣтуемъ запастись всѣмъ дачникамъ этой маленькой книжечкой....

Вотъ напримѣръ сцена сборовъ на дачу (разговоръ супруга съ супругой), которая, право, годилась бы въ любую повѣсть.

«— Что за удивительное утро! Что за воздухъ! Не хочется даже закурить сигарки!

— Да, пора бы и на дачу, замѣтила жена его, Наталья Семеновна.

— Чтожъ, за чѣмъ дѣло стало, продолжалъ Петръ Ивановичъ. Хоть сегодня же.

— Въ самомъ дѣлѣ, папенька? Вы не шутите? спросила дочь его Софья, восьмнадцатилѣтняя дѣвушка.

Само собою разумѣется, что она была очень хороша собою; — иначе зачѣмъ бы ей являться въ разсказѣ? Но избавьте меня, любезный читатель, отъ описанія ея красоты. Предоставляю это совершенно на произволъ вашего воображенія; если вы любите брюнетокъ, представьте себѣ Софью съ черными, огненными глазами и роскошною агатовою косою; если любите блондинокъ, будьте увѣрены, что у нея небесно голубые глаза (или если угодно очи), алебастровая шея и пепельно русые кудри; если, наконецъ, вы питаете эксцентрическую любовь къ рыжимъ, то клянусь вамъ, что волоса у Софьи кирпичнаго цвѣта и кожа усѣяна милліонами веснушекъ. Тоже и насчетъ стана; если вы любитель роскошныхъ формъ, то скажу вамъ, что Парисъ, живи онъ въ наше время, отдалъ бы яблоко не Венерѣ,

а Софьѣ; а если вы любите миніатюрную грацію и гибкость пальмы, то спросите у кого угодно, всѣ скажутъ вамъ, что Софья типъ той лукавой породы женщинъ, въ которой огонь страсти сливается съ простодушіемъ ребенка. — Извините за отступленіе, и будемъ продолжать разсказъ.

Въ самомъ дѣлѣ? Вы не шутите? спросила Софья.

— Нисколько не шучу, отвѣчалъ Петръ Ивановичъ. Да и отчего же не переѣхать сегодня? Дача нанята, погода благопріятствуетъ. Остается нанять ломовыхъ, да и въ дорогу.

— Скоро сказка сказывается, да не скоро дѣло дѣлается, возразила Наталья Семеновна. Вѣдь мы не запаслись еще никакою провизіей.

— А долго развѣ купить! Поручи мнѣ, въ часъ все будетъ готово.

— И переплочено въ три дорога. Да и кромѣ того, одной мебели сколько придется перетащить. Въ день не успѣешь.

— Лишняго не надо.

— Однако....

— Однако посчитаемъ, что нужно.

Во первыхъ по твоей части: говори.

— Изволь. Кухонную посуду непремѣнно надо взять всю.

— Это зачѣмъ?

— Какъ зачѣмъ? надо же будетъ стряпать; ну положимъ, мы сами и обошлись бы какъ нибудь, — а пріѣдутъ гости, не подать же Богъ знаетъ чего; понадобится и то и другое изготовить, а тутъ нѣтъ или формы какой нибудь или чего другаго; не срамиться же передъ чужими. Нѣтъ, ужь это какъ ты себѣ хочешь, а кухню рѣшительно надо взять всю.

— Пожалуй, по мнѣ хоть двѣ. Еще что?

— Гардеробъ, два шкафа, шифоньерку, туалетъ, два коммода и два сундука съ бѣльемъ.

— Это все на что? Обозъ Аннибала, когда онъ шелъ на Италію, былъ меньше.

— Сейчасъ и видно мущину: разсуждаетъ не понимая дѣла. Какъ же мнѣ обойтись безъ гардероба? не въ одномъ же капотѣ ѣхать.

— Кто говоритъ? но на что тебѣ напримѣръ два шкафа? Вѣдь въ каждомъ изъ нихъ платьевъ по пятнадцати; куда рядиться за городомъ?

— Да и не въ степи же мы будемъ жить. Все равно и тамъ будетъ общество, будутъ чужія дамы. Неужели ты захочешь, чтобы жена твоя ходила хуже другихъ? Ты посмотри, какъ другіе щеголяютъ: не мнѣ чета. Вонъ прошлый годъ въ Павловскѣ на Павлинской никто не видалъ одного платья два раза. Даже зонтики она перемѣняла каждую недѣлю; Трещеткина нарочно считала: шестнадцать зонтиковъ въ одно лѣто. Такъ чтожъ ты удивляешься, что я хочу взять два шкафа! Надо же и Софьѣ гдѣ нибудь держать свои платья.

— Ну, а туалетъ-то развѣ нельзя оставить? Онъ только портится отъ перевозки.

— Досадно даже слушать, какъ онъ разсуждаетъ. Ты думаешь, что вамъ все равно какъ повязалъ галстукъ, такъ и намъ тоже? Впрочемъ, я собственно не для себя беру туалетъ. Я не щеголиха, это могу сказать; я безъ него и обошлась бы, — да что другіе станутъ говорить? Вотъ хоть бы и таже Трещеткина: нарочно обнюхаетъ всѣ уголки и протрезвонитъ по всѣмъ сосѣдямъ, что у Снѣжковой просто стоитъ зеркало на ломберномъ столѣ; а тамъ смотришь, какая нибудь дурища и пригласитъ тебя нарочно къ себѣ въ уборную, гдѣ у нея и туалетъ, и трюмо, и ковры, и всякія прихоти, — вотъ, дескать, посмотри, какъ люди живутъ А это каково выносить, а?

— Да, это ужасно.

— Ты все шутишь. Нѣтъ ты лучше научи какъ обойтись безъ этого.

— Гдѣ мнѣ васъ учить! Бери матушка, что хочешь: и туалеты, и ковры, и сундуки, и сундучки, и сундучечки.

— И возьму таки, — нехотя возьму. Иначе по моему лучше вовсе не переѣзжать. Прожаримся лѣто въ городѣ; покрайнѣй мѣрѣ не будутъ на насъ указывать пальцемъ.

— Ну хорошо. Что еще надо?

— Да кромѣ этого не много. Кровати, рабочій столикъ, кушетку для будуара....

— Да тамъ и *будуара* негдѣ устроить.

— Ужъ это не твоя забота, предоставь это мнѣ. Обѣденный столъ, буфетъ, двѣ дюжины стульевъ, два дивана, шесть креселъ, три этажерки, фортепьяно ...

— Матушка, пощади! Или ты собираешься поставить мебель въ два яруса? На что намъ кресла и этажерки? На что фортепьяно? на немъ и здѣсь никто не играетъ.

— Все какъ то лучше, когда есть инструментъ въ комнатѣ. Случится устроить танцы....»

Неправда ли все это очень легко и ловко схвачено съ натуры?

Вторая книжечка именующаяся «Подснѣжникомъ», заключаетъ въ себѣ одинадцать плохихъ разсказовъ, очень плохо переведенныхъ на русскій языкъ. Героемъ одного изъ этихъ разсказовъ знаменитый Лаблашъ, который *проводитъ счастливые дни*, *мирные часы въ бесѣдѣ съ лучшимъ другомъ своимъ* — кѣмъ бы вы думали? — *Везувіемъ!!* Да, съ Везувіемъ, столь же *знаменитымъ и не менѣе его толстымъ*, прибавляетъ остроумный авторъ.

«Пѣвецъ и волканъ совершенно *понимаютъ другъ друга*; волканъ выброситъ клубъ дыма, артистъ *отвѣтитъ ему улыбкой*. — Счастливый Лаблашъ! говоритъ Везувій, сколько рукоплесканій ожидаютъ его. — Счастливый Везувій, говоритъ Лаблашъ, онъ не принужденъ пѣть *Дона Паскуале*.»

Вотъ ужь этой книжечки мы никакъ не посовѣтуемъ покупать ни дачникамъ, ни городскимъ жителямъ.

Полезное изобрѣтеніе. *Силотворъ* Шенгелидзева. *Цѣна 50 коп. 2-е изданіе. Спб. 1849.*

Объ этой брошюрѣ мы говорили уже въ Современникѣ. Теперь она выходитъ вторымъ изданіемъ. Въ этомъ второмъ изданіи нѣтъ никакихъ перемѣнъ, кромѣ того, что остроумный творецъ *силотвора* г. И. Шенгелидзевъ перемѣнилъ квартиру и торжественно объявляетъ объ этомъ событіи всей русской образованной и читающей публикѣ.

«Я живу» — говоритъ г. Шенгелидзевъ — «въ 10 квартирѣ 3 этажа дома Артемьева, на углу Слоновой, 9-й Рождественской и большой Болотной улицъ на Пескахъ, во 2 кварталѣ Рождественской части....

«Меня можно застать дома отъ 2 до 5 часовъ по полудни: въ Понедѣльникъ, Середу, Пятницу и Субботу....»

Извѣстно, что творцу *силотвора* необходимо имѣть семь тысячь рублей серебр., для того, чтобы пустить въ ходъ свое изобрѣтеніе. Онъ проситъ въ-займы этой суммы, обѣщаяясь возвратить ее вдвое, втрое и даже вчетверо; но, увы! голосъ г. Шенгелидзева до сихъ поръ — *гласъ вопіющаго въ пустынѣ....*

History of the conquest of Perou, with a preliminary view of the civilization of the Incas, by *William H. Prescott*, etc., etc., etc. London, 1848, 2 vol. (история завоевания перу, съ предварительнымъ взглядомъ на образованность инковъ, сочин. *Вильяма Прескота*, члена корреспондента Французскаго института, Берлинской академіи наукъ, Исторической академіи въ Мадритѣ, Неапολитанской академіи и др. Лондонъ, 1848, 2 части, съ картою древняго Перу).

СТАТЬЯ СЕДЬМАЯ.

Покуда происходили описанныя въ концѣ предъидущей статьи происшествія, Власко Нуньецъ продолжалъ свое путешествіе по направленію къ Лимѣ. Вообще къ нему нерасположеніе, господствовавшее въ общественномъ мнѣніи, выражалось повсемѣстно холоднымъ пріемомъ со стороны жителей и небрежностію при доставленіи нужныхъ для совершенія пути пособій. Всѣми возможными средствами старались выказать ему общественное неудовольствіе, и не разъ удавалось ему читать даже угрозы на дверяхъ жилищъ, въ которыхъ онъ останавливался для роздыха во время пути. Но Власко не обращалъ никакого вниманія ни на холодность пріема, ни на безъименныя угрозы и, твердо упорствуя въ однажды принятомъ планѣ, смѣло подвигался къ столицѣ. Не доѣзжая Лимы, онъ былъ встрѣченъ самимъ Вакомъ де Кастро, шедшимъ впереди городского совѣта, и густыми толпами жителей, и, несмотря на всеобщее неудовольствіе, при этой встрѣчѣ оказаны были королевскому намѣстнику всѣ подобающія почести и должное повиновеніе. Торжественно всту-

пилъ онъ въ городъ съ блестящею свитою: самъ онъ ѣхалъ подъ алымъ балдахиномъ, серебряныя колонны котораго поддерживали члены городского совѣта, а впереди ѣхалъ всадникъ съ булавою, символомъ вице-королевской власти. Совершивъ въ залѣ совѣта обрядъ обычной присяги, Нуньецъ двинулся въ соборъ, гдѣ послѣ торжественнаго молебна вступилъ въ отправленіе должности намѣстника.

Первымъ дѣломъ новаго властителя было объявленіе, что онъ, по смыслу данныхъ ему постановленій, не можетъ самовольно остановить повсемѣстнаго введенія въ силу новыхъ постановленій, и потому будетъ дѣйствовать, не ожидая новыхъ приказаній изъ Испаніи. Однакожь онъ обѣщалъ присоединиться къ гражданамъ въ прошеніи ихъ къ императору и, съ своей стороны, ходатайствовать объ отмѣнѣ учрежденій, которыя, по собственному его убѣжденію, были одинаково несогласны съ выгодами короны и поселенцевъ. Этимъ не утишились всеобщія опасенія и произведенное имъ волненіе. Заговоры не замедлили появиться въ Лимѣ, жители которой вошли уже въ тайныя сношенія съ недовольными партіями въ другихъ городахъ. Гонзало не дремалъ.

Намѣстникъ или не зналъ о предстоящей ему опасности, или презиралъ ее: узнавъ о воинственныхъ приготовленіяхъ Гонзала, онъ не принялъ никакихъ рѣшительныхъ мѣръ, а только отправилъ къ Пизарру посланца съ объявленіемъ о вступленіи своемъ въ управленіе перуанскими областями и съ приказаніемъ немедленно распустить набранное войско и прекратить всѣ приготовленія къ походу. Нуньецъ воображалъ, что этого будетъ достаточно; но мы увидимъ, какъ онъ худо зналъ пизаррова брата.

Гонзало не обратилъ ни малѣйшаго вниманія на грозное приказаніе намѣстника и продолжалъ набирать и вооружать войско. Онъ поспѣшилъ добыть изъ Гваманги шестнадцать пушекъ, отправленныхъ туда предусмотрительнымъ лиценціатомъ Вакосо, опасавшимся оставить эти смертельныя орудія въ рукахъ жителей Куско, которыхъ умы находились въ сильномъ броженіи. Шесть тысячь индѣйцевъ были отправлены за артиллеріею, которую надобно было перевезти черезъ горы, и совершили этотъ затруднительный походъ довольно благополучно.

Безпримѣрною дѣятельностію и усердными пособіями многочисленныхъ друзей своихъ Гонзало успѣлъ собрать и отлично вооружить дружину изъ четырехъ сотъ воиновъ, съ которою думалъ выступить въ походъ. Сила эта была конечно не весьма значительна, но Гонзало надѣялся увеличить ее по дорогѣ чрезъ города и селенія, гдѣ было много недовольныхъ новымъ порядкомъ вещей. Снаряже-

ніе дружины и другія военныя приготовленія истощили гонзалову казну, такъ-что онъ, подъ предлогомъ необходимости для собственной пользы, взялъ въ свое распоряженіе королевскую казну, хранившуюся въ Куско. Большая сумма казенныхъ денегъ дала средства окончить нужныя приготовленія и въ особенности запастись лошадьми.

Кончивъ благополучно всѣ приготовленія, Гонзало собралъ свою дружину, сказалъ ей краткую, но сильную рѣчь, въ которой особенно выставилъ *законность* и *миролюбивую цѣль* экспедиціи, снаряженной для защиты прежде дарованныхъ перуанскимъ поселенцамъ испанскою короною правъ, простился съ городскимъ совѣтомъ Куско и, снабдивъ его совѣтами, двинулся въ путь.

Главнымъ своимъ помощникомъ и, такъ сказать, начальникомъ своего штаба избралъ Гонзало Франциска де Карвахаля, того самого, который такъ блистательно отличился въ битвѣ при Чупасѣ. Когда новое учрежденіе было обнародовано въ Перу, Карвахаль находился въ Чаркасѣ. Видя, что золотое время, когда Америка была для каждаго изъ испанскихъ выходцевъ обѣтованною землею, должно скоро миноваться, онъ разсудилъ, что ему не зачѣмъ болѣе оставаться въ Новомъ Свѣтѣ и всего лучше поскорѣе, по добру да по здорову, убраться въ Испанію. Продавъ съ этою цѣлію все свое имѣніе и превративъ громадную движимость въ серебро и золото, Карвахаль съ нетерпѣніемъ ждалъ перваго судна, отправлявшагося въ Панаму, для переправы оттуда въ Европу. Какъ на-зло, въ это время совсѣмъ не было судовъ, идущихъ въ Панаму, и Карвахаль потерялъ надежду ускользнуть отъ бдительности приближавшагося королевскаго намѣстника. Опасаясь попасть въ руки Нуньеца, онъ обратился къ Гонзалу и просилъ о доставленіи ему средствъ достигнуть Испаніи, но вмѣсто этихъ средствъ получилъ предложеніе участвовать въ предпринятомъ походѣ, въ званіи помощника главнокомандующаго. Напрасно отказывался старый заслуженный воинъ, ссылаясь на свои восемьдесятъ лѣтъ и многочисленныя раны, — напрасно вопіялъ онъ, что чуждается всякихъ честолюбивыхъ замысловъ и желаетъ только провести въ мирѣ и покоѣ немногіе остальные дни жизни: онъ долженъ былъ склониться на просьбы и убѣжденія Гонзала и принялъ начальство, за которое впослѣдствіи поплатился очень дорого.

Вскорѣ по выходѣ изъ Куско, Гонзало узналъ о смерти инки Манка. Инка былъ умерщвленъ испанцами, принадлежавшими къ партіи альмагрова сына и спасшимися къ индѣйцамъ, послѣ пораженія своего начальника. Причина ссоры осталась тайною, и современные писатели не оставили никакихъ данныхъ, по которымъ можно бы

судить объ обстоятельствахъ этого дѣла. Извѣстно только, что испанцы, неожиданно умертвившіе инку, всѣ до одного пали подъ ударами озлобленныхъ перуанцевъ и собственною жизнію заплатили за совершонное ими злодѣяніе.

Смерть инки лишила Гонзала одного изъ лучшихъ предлоговъ для оправданія своихъ воинственныхъ приготовленій; но, разумѣется, изъ-за этого обстоятельства нельзя было отмѣнять или откладывать похода. Еще гораздо чувствительнѣе была для Гонзала потеря нѣсколькихъ добрыхъ товарищей, которые рѣшились отложиться отъ него, недовольные самовольнымъ завладѣніемъ королевскою казною. Растрата казенныхъ суммъ и воинственный оборотъ, принятый дѣлами, испугалъ почетнѣйшихъ изъ членовъ городового совѣта Куско, которые явно видѣли теперь, что подали руку помощи мятежнику. Многіе изъ нихъ поспѣшили тайно оставить гонзаловъ лагерь и поѣхали въ Лиму, чтобы оправдаться предъ намѣстникомъ и предложить ему свои услуги.

Воины упали духомъ, видя, что почетнѣйшіе изъ ихъ начальниковъ не осмѣливаются продолжать начатого дѣла и считаютъ экспедицію мятежемъ противъ короля. Въ такихъ обстоятельствахъ даже самъ Гонзало поколебался и, не надѣясь на преданность войска, сталъ подговаривать пятьдесятъ человѣкъ, наиболѣе къ нему привязанныхъ, бѣжать съ нимъ въ Чаркасъ и оттуда начать съ вице-королемъ переговоры о примиреніи и покорности. Худо пришлось бы Гонзалу, если бы онъ привелъ въ исполненіе такое отчаянное намѣреніе; но стойкая рѣшимость и хладнокровіе Карвахаля удержали его на краю погибели. Склоняясь на убѣжденія и доводы своего помощника, Гонзало рѣшился до послѣдней возможности не отступать отъ начатого дѣла.

Такая рѣшимость спасла Гонзала, который не замедлилъ найти себѣ могущественную подпору въ общественномъ мнѣніи, весьма рѣзко высказавшемся въ томъ обстоятельствѣ, что военный начальникъ города Гуанако-Пуэлла, командовавшій значительнымъ отрядомъ войскъ, оставилъ знамена намѣстника и перешелъ на сторону Гонзала со всею своею дружиною. Такой примѣръ не замедлилъ найти многихъ подражателей, и войско Гонзала увеличивалось ежедневно новобранцами, оставлявшими службу намѣстника и искавшими у Пизарра защиты отъ безпощадной жестокости Нуньеца. Гваманга открыла торжественно свои ворота Гонзалу и встрѣтила его какъ защитника законныхъ правъ и привилегій, дарованныхъ королемъ и нынѣ попираемыхъ новымъ намѣстникомъ.

Успѣхи Гонзала заставили наконецъ одуматься Нуньеца, который уже поздно убѣдился въ опасности своего положенія. Заслы-

шавъ о преднамѣренной Пуэллою измѣнѣ, онъ долго не хотѣлъ этому вѣрить и только по настойчивымъ просьбамъ своихъ приближенныхъ рѣшился послать одного изъ своихъ офицеровъ, Діаца, для арестованія подозрѣваемаго начальника. Діацъ отправился съ сильнымъ отрядомъ, но вмѣсто того, чтобы задержать Пуэллу, самъ передался на сторону Гонзала; діацова дружина послѣдовала примѣру своего начальника.

Влacко очень любилъ Пуэллу и Діаца и едва могъ вѣрить ихъ измѣнѣ, которая была для него самымъ грустнымъ разочарованіемъ. Онъ сдѣлался недовѣрчивымъ ко всѣмъ безъ исключенія и этою недовѣрчивостью оскорбилъ лица, на вѣрность которыхъ дѣйствительно можно было расчитывать. Въ числѣ лицъ, обратившихъ на себя подозрѣніе намѣстника, находился и предшественникъ его Вако де Кастро. Этотъ сановникъ, находившійся въ то время въ самомъ щекотливомъ положеніи, старался осторожнымъ и неукоризненнымъ образомъ дѣйствій отвратить отъ себя даже тѣнь интриги. Въ откровенныхъ бесѣдахъ съ Віаскомъ, онъ высказалъ ему свои мнѣнія, основанныя на опытности и знаніи края, но вице-король не умѣлъ пользоваться такими мудрыми совѣтами. Онъ слишкомъ много довѣрялъ собственному разсудку и надѣялся на неограниченное королевское полномочіе, и потому рѣшился дѣйствовать по своему и не только не слушалъ совѣтовъ Лиценціата, но даже сталъ подозрѣвать его въ непозволительныхъ сношеніяхъ съ мятежными гражданами Куско,—подозрѣніе ничѣмъ не оправданное. Нуньецъ однакожь вообразилъ себѣ, что онъ не можетъ ошибаться и вдругъ неожиданно приказалъ арестовать Васку и многихъ изъ значительнѣйшихъ лицъ въ столицѣ; арестантовъ заключили на кораблѣ, стоявшемъ въ гавани.

Такимъ арестомъ дѣла нисколько не поправились, и Нуньецъ, несмотря на явную неохоту Гонзала вступать съ вице-королемъ въ переговоры, отправилъ къ Пизарру епископа лимскаго съ обѣщаніемъ всепрощенія и другими весьма выгодными для бунтовщиковъ предложеніями, въ замѣну покорности и немедленнаго прекращенія неріязненныхъ дѣйствій. Послѣ прежней настойчивости вице-короля, такой его поступокъ былъ явнымъ сознаніемъ слабости, и упоенный успѣхомъ Гонзало не принялъ никакихъ предложеній.

Тогда увидалъ Нуньецъ, что дѣло зашло слишкомъ далеко и только силою оружія можно подавить мятежъ. Онъ дѣятельно сталъ готовиться къ войнѣ: исправилъ и умножилъ оборонительныя средства столицы, вооружилъ гражданъ и вытребовалъ въ Лиму всѣ гарнизоны изъ сосѣднихъ городовъ. Солдаты неохотно повиновались его зову и всячески старались протянуть время, чтобы явиться въ

Лиму какъ можно позже. Кромѣ сухопутнаго войска, Нуньецъ имѣлъ еще въ своемъ распоряженіи около десяти кораблей, стоявшихъ въ гавани. Распоряжаясь самовластно и безотчетно казенными деньгами, намѣстникъ имѣлъ средства дѣлать военныя приготовленія быстро и въ широкихъ размѣрахъ: онъ платилъ за военные снаряды двойную противъ настоящей цѣну и съ невѣроятною щедростію назначалъ ратникамъ огромное денежное жалованье. Нуньецъ не жалѣлъ денегъ, которыхъ тогда было въ королевской казнѣ достаточное количество. Можно судить о томъ, какія суммы были истрачены на военныя приготовленія, по одному свидѣтельству современнаго историка, что за тридцать пять муловъ, купленныхъ для свиты намѣстника, было заплачено двѣнадцать тысячь червонцевъ!

Неутомимою дѣятельностію и страшною тратою денегъ вице-королю удалось въ самое короткое время собрать войско, вдвое многочисленнѣйшее непріятельскаго.

Въ то время, какъ Власко занимался воинственными приготовленіями, судьи — члены королевской аудіенціи, прибыли въ Лиму. Съ самого пріѣзда въ Америку эти чиновники не только не обращали вниманія на инструкціи, данныя имъ при отъѣздѣ, но еще пособляли испанскимъ выходцамъ угнетать туземцевъ, ненаходя въ такомъ образѣ дѣйствія собственную выгоду. Еще въ Панамѣ возродились у нихъ распри съ вице-королемъ, и эти распри значительно усилились по прибытіи членовъ аудіенціи въ Лиму. Они охуждали всѣ мѣры, принятыя Нуньецомъ, особливо отказъ его касательно отсрочки приведенія въ исполненіе новыхъ учрежденій; военныя приготовленія считали они также неумѣстными и утверждали, что все дѣло могло быть гораздо лучше кончено помощію переговоровъ. Наконецъ въ торжественномъ засѣданіи аудіенціи было рѣшено, что арестъ знатныхъ обывателей и чиновниковъ столицы былъ противозаконнымъ дѣйствіемъ, далеко превышавшимъ данную вице-королю власть. Это единогласное рѣшеніе было обнародовано съ большою торжественностью, и судьи лично отправились для освобожденія узниковъ изъ заточенія.

Такія рѣзкія мѣры аудіенціи привлекли къ ней чрезвычайное расположеніе поселенцевъ и усилили вражу съ намѣстникомъ. Судьи не церемонились употребить во зло данную имъ власть. Одинъ изъ нихъ, адвокатъ Цепеда, человѣкъ пронырливый, но отличный юристъ, подъ личиною любви къ справедливости и желанія помирить аудіенцію съ намѣстникомъ, давалъ послѣднему самые коварные совѣты, а самъ, съ другой стороны, раздувалъ пламень народнаго неудовольствія. Немудрено было успѣть въ такой интригѣ, потому-

что намѣстникъ дѣйствовалъ постоянно съ величайшимъ неблагоразуміемъ и опрометчивостью.

Одинъ изъ знатнѣйшихъ жителей Лимы, Суарецъ де Карвахаль (*Suarez de Carbajal*) долгое время занимавшій значительный постъ въ государственной службѣ, навлекъ на себя неудовольствіе Нуньеца, по поводу родства съ нѣкоторыми изъ друзей Гонзала. Намѣстникъ, подозрѣвавшій Суареца въ измѣнѣ, однажды ночью потребовалъ его къ себѣ во дворецъ и самымъ грубымъ образомъ сталъ уличать его въ сношеніяхъ съ бунтовщиками. Обвиненный оправдывался съ заносчивостью и на дерзости намѣстника отвѣчалъ ругательствами. Выведенный изъ терпѣнія Нуньецъ предался самому необузданному гнѣву и, подстрекаемый дерзкими словами Карвахаля, ударилъ его кинжаломъ. Окружавшіе намѣстника приверженцы, раздражаемые бранью гордаго чиновника, сочли ударъ, нанесенный Нуньецомъ знакомъ къ наказанію бунтовщика, обнажили мечи, и въ одно мгновеніе Карвахаль былъ изрубленъ. Скоро однакожь обдумался Власко и, размышляя о послѣдствіяхъ убійства человѣка, весьма уважаемаго въ Лимѣ, рѣшился не пускать этого дѣла въ огласку. Тѣло убитаго, завернутое въ окровавленный плащь, было тайно вынесено изъ дворца и въ ту же ночь похоронено въ могилѣ, на-скоро вырытой въ соборной церкви.

Напрасно однакожь думалъ намѣстникъ, что убійство Карвахаля останется на долго тайною. Оно случилось при многочисленныхъ свидѣтеляхъ, и вскорѣ разнеслась по столицѣ молва, объяснявшая непонятное и внезапное исчезновеніе Суареца. Пошли розыски: нашли могилу, раскопали ее и вынули оттуда извѣстное тѣло. Народъ шумѣлъ и глухо волновался; всеобщая ненависть жителей къ намѣстнику выходила изъ предѣловъ.

Убійство Суареца въ глазахъ жителей столицы было не простымъ преступленіемъ, потому-что всѣмъ было извѣстно дружеское расположеніе и вѣрность убитаго сановника къ вице-королю, котораго Карвахаль поддерживалъ всѣмъ своимъ вліяніемъ. Неблагодарность Власка приняла въ глазахъ лимцевъ страшные размѣры братоубійства. Всѣ трепетали за собственную жизнь и опасались дальнѣйшихъ злодѣяній и насильствъ намѣстника; надобно было искать защиты у аудіенціи или Гонзала.

Пизарро между тѣмъ медленно подвигался къ Лимѣ и остановился въ недальнемъ отъ нея разстояніи. Нуньецъ, видя особенную ненависть и недоброжелательство, находился въ ужасномъ затрудненіи, чувствуя всю опасность своего положенія. Недовѣрчивый къ окружающимъ его приверженцамъ, обманутый войскомъ и, находясь въ явной враждѣ съ аудіенціею, онъ не зналъ, на что рѣшиться. Необ-

ходимо было дѣйствовать, то есть или выступить на-встрѣчу непріятелю, или, запершись въ Лимѣ, защищать ее отъ бунтовщиковъ; но для этого нужно было имѣть надежду на вѣрность войска, которому Нуньецъ не довѣрялъ, и потому намѣстникъ думалъ поступить иначе. Онъ вознамѣрился покинуть Лиму и укрыться въ Трухильо, лежавшій въ восьми миляхъ далѣе по морскому берегу. Намѣстникъ со свитою и всѣ женщины должны были совершить этотъ путь на корабляхъ, а мужчинамъ и всему войску приказано было итти въ Трухильо сухимъ путемъ, опустошая окрестности столицы. Это имѣло цѣлію, чтобы Гонзало, вступивъ въ опустѣвшую Лиму, не посмѣлъ слѣдовать, по опустошенной дорогѣ, за удалившимся въ Трухильо вице-королемъ. Главное же заключалось въ выигрышѣ времени.

Въ исполненіи этого плана Васко встрѣтилъ упорное сопротивленіе со стороны аудіенціи, утверждавшей, что намѣстникъ и аудіенція не имѣютъ права оставлять столицы, и что съ выходомъ изъ нея всякая законная власть вице-короля и судей прекращается. Нуньецъ стоялъ на своемъ и грозился употребить силу. Судьи протестовали противъ такого беззаконнаго самоуправства и прибѣгли подъ защиту гражданъ, прося ихъ вступиться за права аудіенціи, учрежденной королевскою властію. Такой призывъ послужилъ знакомъ ко всеобщему возстанію. Граждане немедленно вооружились и отдались въ распоряженіе аудіенціи, которая тотчасъ отдала повелѣніе арестовать Нуньеца.

Въ ту же ночь Нуньецъ узналъ о враждебныхъ и рѣшительныхъ мѣрахъ, замышленныхъ противъ него судьями. Не теряя времени, онъ приказалъ стражѣ своей, состоявшей изъ двухъ-сотъ человѣкъ, быть готовою итти съ нимъ на аудіенцію. Быстрая рѣшимость, безъ сомнѣнія, увѣнчалась бы успѣхомъ, и не слѣдовало мѣшкать ни минуты; однакожь братъ и еще нѣкоторые изъ приближенныхъ вздумали уговаривать Нуньеца обдумать сперва хорошенько планъ дѣйствія и не вдаваться опрометчиво въ опасность, — однимъ словомъ, совѣтовали разсуждать тогда, когда необходимо было дѣйствовать. Пока намѣстникъ совѣтовался съ друзьями, судьи не теряли по пустякамъ времени. Собравъ толпу вооруженныхъ гражданъ, они пошли ко дворцу, въ полной увѣренности, что по дорогѣ отрядъ ихъ увеличится массою недовольныхъ нуньецовымъ правленіемъ.

Когда толпа, предводимая аудіенціею, двинулась ко дворцу, въ то время наступило утро. Толпа шла впередъ, испуская неистовые крики и вопли, ужаснувшіе сонныхъ жителей, которые спѣшили къ окнамъ и балконамъ, дабы узнать о причинѣ тревоги. Мигомъ разлилась вѣсть о возстаніи противъ намѣстника, и бо́льшая часть жителей спѣшили вооружиться, чтобы итти противъ ненавистнаго пра-

вителя. Самыя женщины поощряли воиновъ и привѣтствовали ихъ поощрительными восклицаніями, стараясь распалить мужество нуньецовыхъ враговъ.

Достигнувъ дворца, мятежные граждане остановились, не зная, что̀ начать. Между тѣмъ намѣстникъ приказалъ выстрѣлить по нимъ изъ оконъ: залпъ раздался, но пули пронеслись надъ головами, не причинивъ нападающимъ никакого вреда. Нуньецъ остался бы побѣдителемъ, если бы стража осталась ему вѣрною и исполнила свое дѣло; но вице-короля не любили, и потому мало-по-малу солдаты и офицеры передавались на сторону осаждающихъ. Отворили ворота, и мятежники ворвались во дворецъ и начали грабить. Намѣстникъ, видя безполезность сопротивленія, сдался вмѣстѣ съ горстью приверженцевъ, оставшихся вѣрными своему начальнику. Плѣнники были немедленно представлены королевскимъ судьямъ и по ихъ приказу подвергнуты строгому заточенію.

Восторженные легкою побѣдою, граждане дружески обнимали солдатъ, не хотѣвшихъ защищать своего повелителя; и воины и обыватели равно ненавидѣли намѣстника. Возстаніе противъ его власти и заточеніе совершились безъ малѣйшаго кровопролитія. Аудіенція торжествовала.

Какія однакожь слѣдовало принять мѣры въ отношеніи къ узникамъ? Этотъ вопросъ требовалъ зрѣлыхъ соображеній и до рѣшенія его отправили арестантовъ подъ сильнымъ прикрытіемъ, на укрѣпленный островъ, находившійся недалеко отъ берега. А между тѣмъ учредилось временное правительство, подъ предсѣдательствомъ королевскаго судьи Цепеда, одного изъ членовъ аудіенціи. Первымъ дѣйствіемъ новой административной власти было объявленіе объ отрѣшеніи намѣстника отъ должности за нарушеніе данныхъ ему инструкцій и за дѣйствія, явно пагубныя для цѣлой страны. Вслѣдъ за тѣмъ издано повелѣніе объ отмѣнѣ силы новаго учрежденія впредь до полученія изъ Испаніи новыхъ приказаній. Послѣ этихъ не терпящихъ отлагательства мѣръ рѣшена была и участь Нуньеца. Опредѣлили отослать его въ Испанію въ сопровожденіи одного изъ членовъ аудіенціи, который былъ обязанъ изложить предъ императоромъ настоятельныя причины, заставившія судей прибѣгнуть къ насильственнымъ мѣрамъ противъ намѣстника. Лиценціатъ Альварецъ принялъ на себя это щекотливое порученіе; ему передали арестанта, и онъ отправился съ нимъ въ Испанію.

Аудіенція счастливо кончила распрю свою съ Нуньецомъ; но ей оставался еще другой, гораздо опаснѣйшій соперникъ. Гонзало Пизарро стоялъ въ это время въ Хаухѣ, въ 90 лигахъ отъ Лимы, и отвсюду стекались къ нему поселенцы, предпочитавшіе повиноваться

брату завоевателя, истинному рыцарю и человѣку вообще любимому, чѣмъ ждать приказаній отъ членовъ аудіенціи, которыхъ мало кто зналъ, и къ которымъ никто еще не имѣлъ довѣрія. Судьи чувствовали всю шаткость своего положенія и послѣ долгихъ соображеній рѣшились отправить посольство къ Гонзалу, принявшему на себя званіе *прокуратора Перу*. Увѣдомляя его о случившемся съ Нуньецомъ, объ отмѣнѣ новаго учрежденія и объ установленіи правительства изъ среды аудіенціи, судьи убѣждали Гонзала явить примѣръ покорности властямъ, распустить войско и мирно возвратиться въ свои помѣстья, такъ-какъ цѣль экспедиціи и назначенія его *прокураторомъ* была уже достигнута другими средствами. Трудно было Пизарру согласиться на такія предложенія, тѣмъ болѣе, что близь него находился человѣкъ съ желѣзною волею, твердо рѣшившійся довести Гонзала до высокой, давно желанной цѣли — сдѣлаться верховнымъ правителемъ Перу. Поэтому посланный аудіенціи былъ отпущенъ съ отвѣтомъ, что Гонзало избранъ въ правители общимъ голосомъ гражданъ, и что если судьи не захотятъ ему покориться, то онъ принудитъ ихъ къ тому огнемъ и мечемъ.

Судьи испугались, но, не желая уступить безъ настоятельной крайности, обратились за совѣтомъ къ прежнему правителю, Вако де Кастро. Лиценціатъ хорошо зналъ эгоистическія побужденія членовъ аудіенціи и ни мало не имѣлъ охоты вмѣшиваться въ ихъ распри съ Пизарромъ, а потому отвѣчалъ, что самъ не знаетъ, на какія мѣры должно рѣшиться въ такихъ обстоятельствахъ; аудіенція, находясь во главѣ правительства, сама гораздо скорѣе можетъ рѣшить, что́ теперь нужно дѣлать. Кромѣ этого уклончиваго отвѣта не могли добиться отъ осторожнаго Лиценціата никакихъ совѣтовъ.

Пока аудіенція находилась въ нерѣшимости, Карвахаль прибылъ въ Лиму съ небольшимъ отрядомъ для узнанія будущихъ намѣреній королевскихъ судей. Пизарровъ сподвижникъ вступилъ въ столицу съ величайшею наглостію и не только дерзко обращался съ судьями, но даже самовольно схватилъ ночью нѣкоторыхъ гражданъ, измѣнившихъ Гонзалу при самомъ началѣ экспедиціи. Аудіенція, чувствуя свое безсиліе, не противилась, но и не хотѣла покориться; тогда Карвахаль, дабы дать почувствовать свою силу, вывелъ трехъ изъ взятыхъ имъ въ плѣнъ измѣнниковъ, людей знатныхъ и богатыхъ, и, выведя ихъ съ безчестіемъ за городъ, повѣсилъ безъ всякихъ обиняковъ и не слушая никакихъ просьбъ, угрозъ и представленій. Карвахаль самъ присутствовалъ при совершеніи казни и, приказавъ осужденнымъ исповѣдаться, подошелъ къ нимъ и предложилъ самимъ выбрать деревья, на которыхъ они желаютъ быть повѣшены. Жестокій старикъ намѣревался повторить еще нѣсколько

разъ подобныя сцены, но былъ остановленъ приказаніемъ Гонзала не лишать никого болѣе жизни. Уже и перваго примѣра было достаточно, и члены аудіенціи, трепетавшіе за собственную жизнь, отправили къ Пизарру гонца съ объясненіемъ, что они признаютъ вступленіе его въ столицу необходимымъ для блага всей страны, и потому вручаютъ ему бразды правленія.

Гонзало торжественно вступилъ въ Лиму съ своими войсками 28 октября 1544 года; у него было тогда подъ ружьемъ тысяча двѣсти человѣкъ испанцевъ да нѣсколько тысячь индѣйцевъ, служившихъ вмѣсто лошадей для перевоза артиллеріи. Шествіе открывалось артиллерійскими орудіями; за ними шла пѣхота, состоявшая изъ копейщиковъ и стрѣлковъ; въ арріегардѣ была конница, предводимая самимъ Пизарромъ, который ѣхалъ въ богатой одеждѣ и алой шапкѣ, подъ кастильскимъ знаменемъ. Радостные привѣтственные клики и звонъ колоколовъ продолжались до конца шествія.

Судьи аудіенціи безпрекословно и законнымъ порядкомъ совершили обрядъ присяги и провозгласили Гонзала Пизарра генералъ-капитаномъ и губернаторомъ Перу, впредь до полученія дальнѣйшихъ королевскихъ повелѣній. Новый правитель поселился во дворцѣ своего покойнаго брата и приказалъ ознаменовать свое торжество блестящими праздниками. Пиршества, турниры, бои быковъ смѣняли другъ друга, и легкомысленные жители столицы предавались необузданному веселію, прославивъ новаго правителя, положившаго конецъ раздорамъ и безпокойствамъ. Радость однакожь была не надолго.

Не дождавшись еще окончанія празднествъ, Гонзало приказалъ арестовать всѣхъ, принимавшихъ дѣятельное участіе въ послѣднихъ безпорядкахъ; разумѣется, что эта мѣра относилась только къ тѣмъ, которые были не расположены къ Пизарру. Ихъ предали суду и приговорили къ смерти, но Гонзало ограничилъ наказаніе изгнаніемъ и конфискаціею имущества: такая мѣра строгости казалась достаточною для вселенія въ непокорныхъ спасительнаго страха. Стараясь какъ можно утвердиться на прочныхъ основаніяхъ, Пизарро составилъ новое городовое управленіе Лимы изъ своихъ приверженцевъ и разослалъ нѣкоторыхъ изъ офицеровъ, на которыхъ болѣе надѣялся, по важнѣйшимъ городамъ, въ званіи правителей областей и градоначальниковъ. Чтобы имѣть возможность дѣйствовать съ успѣхомъ и на морѣ, онъ приказалъ строить суда въ Арєквинѣ и распорядился такъ, чтобы въ короткое время имѣть подъ руками небольшой флотъ. Гонзало распоряжался дѣятельно и самовластно, слѣдуя во многомъ примѣру покойнаго своего брата — маркиза.

Королевская аудіенція, лишенная всякой власти, существовала только какъ призракъ законнаго верховнаго судилища. Впрочемъ она вскорѣ распалась сама собою. *Альварецъ* отправился въ Испанію съ отрѣшеннымъ отъ власти вице-королемъ; *Зарате* лежалъ на смертномъ одрѣ; *Ценеда*, самый честолюбивый изъ своихъ товарищей, видя совершенное паденіе своего значенія и не надѣясь на успѣхъ новыхъ замысловъ, пока будетъ продолжаться настоящій порядокъ вещей, удалился отъ дѣлъ и равнодушно смотрѣлъ на дѣйствія новаго губернатора, ни мало не вмѣшиваясь въ его распоряженія; наконецъ четвертый, *Тенеда*, поладилъ съ Гонзаломъ, сдѣлался его подручникомъ и собирался ѣхать въ Испанію для оправданія послѣднихъ дѣйствій Пизарра и исходатайствованія ему прощенія у императора.

Карвахаль не довѣрялъ однакожь Тенедѣ и старался доказать Гонзалу, что всякая попытка для примиренія съ короною должна была остаться неудачною, если она поведена будетъ путемъ переговоровъ. Изъ посольства Тенеды не выйдетъ ничего добраго, а скорѣе худое, говорилъ упрямый старикъ; не къ переговорамъ должно прибѣгать теперь, надо заставить корону утвердить новаго намѣстника въ тѣхъ правахъ и преимуществахъ, которыми пользовался покойный завоеватель Перу. Гонзало не хотѣлъ согласиться съ Карвахалемъ: послѣдствія показали однакожь, что старый воинъ судилъ здраво и хорошо понималъ настоящее положеніе своего начальника.

Корабль, назначенный для путешествія Тенеды, былъ тотъ самый, на который удалился Вако де Кастро, опасавшійся принимать малѣйшее участіе въ совершавшихся переворотахъ. Прежній намѣстникъ, видя, что ему ничего не остается ожидать въ странѣ, гдѣ онъ не только былъ лишенъ всякой законной власти, но даже могъ подвергнуться различнымъ непріятностямъ, уговорилъ капитана, командовавшаго кораблемъ, выйти тайкомъ изъ гавани и отвезти его въ Панаму. Капитанъ склонился на такія убѣжденія, и однажды ночью корабль исчезъ изъ гавани.

Вако благополучно прибылъ въ Панаму, перешагнулъ перешеекъ и поплылъ въ Испанію, куда еще прежде дошли слухи о его бѣгствѣ и возвращеніи на родину. Въ это время находились въ Испаніи многія изъ лицъ, недовольныхъ правленіемъ бывшаго намѣстника: всѣ они обратились на него съ различными жалобами. Вако былъ обвиняемъ въ противозаконныхъ дѣйствіяхъ, клонившихся ко вреду короны и поселенцевъ, въ злоупотребленіи власти и въ растратѣ казенныхъ суммъ, наполнившихъ собственные его карманы. Обвиненія эти были такъ многочисленны и важны, что едва лиценціатъ

ступилъ на родную землю, онъ былъ арестованъ и отведенъ въ крѣпость Аревало. Правда, что чрезъ нѣсколько мѣсяцовъ его перевели въ другое, удобнѣйшее и спокойнѣйшее, заключеніе и обѣщали въ скоромъ времени вовсе освободить; однакожь разсмотрѣніе дѣла продлилось цѣлыя двѣнадцать лѣтъ, и все это время Вако высидѣлъ подъ стражею. Строжайшее слѣдствіе показало, что главнѣйшій обвинительный пунктъ — присвоеніе себѣ казенныхъ суммъ — былъ совершенно неоснователенъ, и Вако возвратился изъ Перу бѣднѣе, чѣмъ поѣхалъ туда; почти всѣ другія обвиненія также найдены ложными. Несчастный узникъ былъ освобожденъ, ему возвращены прежніе титлы и отличія, и онъ занялъ вновь свое мѣсто въ королевскомъ совѣтѣ, пользуясь всеобщимъ уваженіемъ и заслуживъ состраданіе современниковъ къ безвиннымъ страданіямъ. Громко говорили, что если бы Вако остался намѣстникомъ, то Перу не потерпѣло бы волненій и безпорядковъ, послѣдовавшихъ за смѣною благоразумнаго лиценціата.

Едва успѣлъ Гонзало опомниться отъ непріятнаго впечатлѣнія, произведеннаго бѣгствомъ Вака, какъ вдругъ пораженъ былъ неожиданною вѣстію о возвращеніи Нуньеца. Разскажемъ, какъ случилось это дѣло.

Отплывъ вмѣстѣ съ арестованнымъ вице-королемъ, Альварецъ сталъ размышлять о послѣдствіяхъ, какихъ можно было ожидать послѣ прибытія въ Испанію. Онъ чувствовалъ, что аудіенція зашла слишкомъ далеко, и что ему нельзя надѣяться ласковаго пріема у императора. Такія мысли развивались все болѣе и болѣе, и наконецъ Альварецъ дошелъ до того, что сталъ опасаться смертной казни за арестованіе королевскаго намѣстника. Испуганный представлявшеюся ему въ самыхъ черныхъ краскахъ будущностью, онъ явился къ своему плѣннику, объявилъ ему, что онъ свободенъ, и потомъ, на колѣняхъ умоляя о прощеніи, предлагалъ ему свои услуги. Хотя Власко плохо вѣрилъ чистосердечію раскаянія Альвареца, но не замедлилъ воспользоваться его покорностію. Чувствуя всю невыгоду возвратиться на родину изгнанникомъ, онъ рѣшился попытаться возвратить снова потерянную власть и званіе, и потому приказалъ кораблю плыть обратно.

Прежде чѣмъ Власко отдалъ это приказаніе, онъ долго размышлялъ о томъ, гдѣ ему выйти на берегъ и назначить сборное мѣсто для своихъ приверженцевъ. Въ Панамѣ онъ могъ быть въ совершенной безопасности и призвать туда на помощь войска изъ Никарагуи и другихъ колоній; но это значило бы дѣйствовать внѣ предѣловъ, указанныхъ ему королевскимъ полномочіемъ. Сообразивъ всѣ невыгоды такого образа дѣйствій, Власко приказалъ плыть къ бере-

гамъ Квито, входившаго въ кругъ предоставленныхъ его управленію областей и довольно удаленнаго отъ Лимы для того, чтобы назначить тамъ безопасный пунктъ для сборища приверженцевъ.

Въ половинѣ октября 1544 года Власко вышелъ на берегъ въ Тумбецѣ и тотчасъ обнародовалъ прокламацію, объявлявшую Гонзала и его приверженцевъ измѣнниками королю и отечеству, и силою предоставленной ему королемъ власти призывалъ всѣхъ вѣрноподданныхъ кастильской короны для защиты законной власти. Такое воззваніе не осталось безотвѣтнымъ, и многочисленныя толпы поселенцевъ стеклись подъ знамена Нуньеца изъ всѣхъ окрестныхъ мѣстъ, преимущественно же изъ городовъ Санъ Мигуеля и Пуэрто Віехо.

Пока собирались эти войска, до Власки дошла вѣсть, что одинъ изъ офицеровъ Пизарра явился на берегу съ сильнымъ отрядомъ. Нуньецъ не принялъ на себя труда разузнать хорошенько о силѣ отряда и поспѣшилъ, оставивъ Тумбецъ, направиться въ Квито, по ужасной горной дорогѣ, заваленной снѣгомъ. Опасенія вице-короля были однакожь вовсе неосновательны, и ему нечего было бояться малочисленнаго отряда, не имѣвшаго средствъ представить серьёзное сопротивленіе королевскому войску. Скоро убѣдился Нуньецъ, что Квито, по слишкомъ сѣверному положенію своему, былъ неудобенъ для сбора войскъ, и потому надобно было избрать мѣсто, ближайшее къ центру монархіи. Удостовѣрившись въ помощи Бенальказара, вице-король направился къ Санъ Мигуелю, который былъ мѣстомъ весьма дѣятельныхъ торговыхъ операцій. Здѣсь онъ водрузилъ свое знамя, вокругъ котораго собралось до 500 воиновъ, плохо вооруженныхъ, но горѣвшихъ желаніемъ сразиться за священныя права королевской власти.

Первыя попытки Нуньеца были обращены противъ небольшихъ отрядовъ пизарровыхъ войскъ, занимавшихъ окрестные города. Малочисленные гарнизоны не могли представить сильнаго сопротивленія, и легкіе успѣхи придали вице-королю большую самонадѣянность. А между тѣмъ Гонзало не дремалъ и зорко слѣдилъ за всѣми движеніями Власки, выжидая только благопріятной минуты для истребленія нуньецова войска. Пизарро твердо рѣшился не давать пощады своему сопернику и при первой возможности уничтожить его; для этого онъ выступилъ въ Трухильо, оставивъ сильный гарнизонъ въ Лимѣ.

Соединивъ въ Трухильо отряды своего войска, Пизарро, не теряя времени, пошелъ въ Санъ Мигуель. А между тѣмъ Нуньецъ, желая также притти къ возможно-скорой развязкѣ драмы, выступилъ навстрѣчу Гонзала; но дружина его, состоявшая почти исключительно

изъ новобранцевъ, испугалась грознаго имени Пизарра и силою принудила своего вождя поворотить на сѣверъ, надѣясь тамъ соединиться съ Бенальказаромъ. Придя въ Санъ Мигуель, Пизарро не засталъ уже тамъ враговъ, а потому, не мѣшкая, пустился за ними въ погоню и настигъ ихъ въ одномъ ущеліи, куда только-что вступилъ Нуньецъ. Хотя это случилось уже по закатѣ солнца, но Пизарро, горя нетерпѣніемъ сразиться съ противниками, еще не знавшими о погонѣ, отрядилъ впередъ Карвахаля съ легко-вооруженною дружиною. Нуньецовы воины уже расположились на ночлегѣ, и Карвахалю легко было истребить ихъ сонныхъ, если бы онъ не имѣлъ неосторожности, предъ нападеніемъ, приказать играть на трубахъ маршъ. Пробужденные военною музыкою, нуньецовы солдаты бросились къ оружію и, выстроившись наскоро, дали по непріятелю такой залпъ, что карвахалевъ отрядъ смѣшался и гонзаловъ подручникъ счелъ за-лучшее ретироваться, потому-что боялся быть подавленнымъ многочисленностью враговъ. Нуньецъ сперва его преслѣдовалъ, какъ то и слѣдовало, но потомъ, побоявшись засады, остановился и далъ Карвахалю время спокойно соединиться съ Гонзаломъ.

Дѣйствія Карвахаля, при настоящемъ случаѣ, отзывались крайнимъ неблагоразуміемъ, и Гонзало очень разсердился на своего помощника. Всякой другой поплатился бы за это жизнію, но Пизарро, боясь ссоры съ Карвахалемъ, оставилъ дѣло безъ послѣдствій и какъ-будто забылъ о немъ.

Положено было преслѣдовать непріятеля съ возможною поспѣшностію, дабы не дать ему случая углубиться далеко на сѣверъ, гдѣ гористое мѣстоположеніе еще болѣе затруднило бы преслѣдователей. Авангардъ опять былъ порученъ Карвахалю, горѣвшему поправить недавнюю ошибку: ему было приказано тревожить отступающаго непріятеля всѣми возможными средствами.

Нуньецъ успѣлъ однакожь уйти довольно далеко. Дорога на каждомъ шагу представляла новыя препятствія, будучи пересѣкаема многочисленными оврагами и стремнинами и пролегая по странѣ, совершенно безплодной. Недостатокъ провіанта становился весьма чувствителенъ.

Карвахаль между тѣмъ неутомимо преслѣдовалъ Нуньеца и не давалъ ему ни минуты покоя. Въ безпрерывныхъ сшибкахъ достигли наконецъ до равнины *Пальтоса*, пролегающей къ сѣверу, вдоль берега Тихаго Океана; эта равнина представляла обширную топь, поросшую тростникомъ и ліанами, гдѣ половину дороги нужно было плыть по стоячей водѣ и каждый шагъ прорубать въ тростникѣ мечами. И солдаты и лошади падали отъ изнеможенія; мясо лошадей

употребляли въ пищу, а усталые воины не могли слѣдовать за отрядомъ, или погибали безпомощные среди болота, или, попадаясь въ руки карвахалеву отряду, были безжалостно умерщвляемы.

Препятствія пути были одинаковы для преслѣдуемыхъ и для преслѣдующихъ; но положеніе послѣднихъ было уже потому лучше, что туземные жители, понявъ, на чьей сторонѣ сила, всячески старались угождать гонзаловымъ солдатамъ и обильно снабжали ихъ провіантомъ и фуражемъ. Самому полководцу не разъ приходила на память его несчастная экспедиція къ Амазонской рѣкѣ.

Между тѣмъ Нуньецъ, сомнѣвавшійся въ успѣхѣ своего оружія и страдая нравственно, сталъ необыкновенно подозрителенъ. Онъ вездѣ видѣлъ заговоры и измѣну и сталъ казнить тѣхъ изъ своихъ офицеровъ, въ вѣрности которыхъ не былъ совершенно убѣжденъ. Нуньецъ не щадилъ никого, и даже главный его сподвижникъ, занимавшій въ войскѣ первое мѣсто послѣ самого Нуньеца, палъ отъ руки палача. Это возбудило чрезвычайное неудовольствіе и ропотъ въ отрядѣ. Несмотря на то, Нуньецъ благополучно выбрался изъ болотистой равнины и по сухой почвѣ Томебамбы достигъ до Квито, гдѣ впрочемъ былъ встрѣченъ не съ необыкновеннымъ торжествомъ и веселіемъ, а какъ злополучный бѣглецъ, ищущій пріюта и убѣжища отъ преслѣдованія враговъ.

Недолго пробылъ Нуньецъ въ Квито, гдѣ повсюду выказывалось нерасположеніе къ нему жителей; онъ выступилъ изъ этого города и пошелъ для соединенія съ Бенальказаромъ. Немедленно по уходѣ Нуньеца ворвался въ Квито и его преслѣдователь, но, даже не переночевавъ въ городѣ, поспѣшилъ за уходящимъ врагомъ и настигъ его при мѣстечкѣ Пастосѣ. Маленькая рѣчка раздѣляла вражескіе отряды. Утомленные походомъ и зноемъ, спутники Пизарра припали къ водѣ и въ совершенномъ изнеможеніи освѣжались прохладною струею; между тѣмъ дружина вице-короля, уже давно отдохнувшая, могла бы съ выгодою напасть на враговъ, еще не собравшихся съ силами. Побѣда не могла быть тутъ сомнительною; но воины Нуньеца, привыкшіе бѣгать передъ Гонзаломъ, не смѣли стать лицомъ къ лицу съ дружиною Пизарра. Вмѣсто того, чтобы, пользуясь выгоднымъ случаемъ, разбить противниковъ, они обратились опять въ бѣгство.

Гонзало еще нѣсколько дней продолжалъ преслѣдованіе; но, не желая углубляться слишкомъ далеко въ предѣлы владѣній Бенальказара, чтобы не сойтись съ этимъ сильнымъ врагомъ, онъ, противъ воли, приказалъ своему отряду поворотить назадъ и привелъ его въ Квито, гдѣ сталъ пещись о подкрѣпленіяхъ и приведеніи своей дружины въ грозное положеніе.

Находясь въ Квито, Гонзало получилъ неожиданное извѣстіе о возмущеніи, вспыхнувшемъ на югѣ, подъ предводительствомъ одного изъ оставленныхъ имъ офицеровъ, Діего Центено. Чувствуя необходимость подавить какъ можно скорѣе этотъ бунтъ, Пизарро долженъ былъ отрядить съ этою цѣлію значительную часть своей дружины, поручивъ отрядъ командѣ Карвахаля, самъ же съ остальнымъ расположился въ Квито, ожидая возвращенія Нуньеца.

Между тѣмъ Нуньецъ, все болѣе и болѣе углубляясь къ сѣверу, достигъ Попояна, гдѣ былъ очень радушно встрѣченъ народонаселеніемъ. Здѣсь онъ сдѣлалъ смотръ своей дружинѣ, которой осталась едва одна пятая часть: остальные, не выдержавъ страшнаго похода, погибли на пути.

Скоро явился въ Попоянъ одинъ изъ адъютантовъ Бенальказара, Кабрера, и привелъ Нуньецу сильное подкрѣпленіе. Спустя нѣсколько дней явился и вице-король и самъ Бенальказаръ. Теперь было у нихъ подъ командою до 400 человѣкъ хорошо вооруженныхъ и привыкшихъ къ трудностямъ солдатъ. Недостатокъ пикъ и мушкетоновъ пополнили тѣмъ, что устроили на-скоро кузницы, въ которыхъ сами воины ковали для себя оружіе. Вообще испанскіе солдаты того времени всѣ болѣе или менѣе отличались ловкостію и искусствомъ въ изготовленіи оружія.

Терпѣливо ждалъ Пизарро появленія вице-короля въ Квито, но наконецъ терпѣніе его лопнуло, и онъ рѣшился хитростію вызвать Нуньеца изъ его убѣжища. Гонзало, съ бо́льшею частію своего войска, вышелъ изъ Квито, говоря, что идетъ на помощь Карвахалю; въ Квито же оставилъ небольшой отрядъ подъ командой Пуэллеса, того самаго, который нѣкогда измѣнилъ вице-королю и передался на сторону Гонзала. Пизарро принялъ мѣры, чтобы вѣсть о его выступленіи какъ можно скорѣе достигла до Нуньеца, и эта хитрость удалась ему какъ нельзя лучше. Власко, зная о слабости силы Пуэллеса, тотчасъ по полученіи вѣсти объ уходѣ Гонзала, рѣшился воспользоваться благопріятнымъ случаемъ и, оставивъ Попоянъ, быстро пошелъ на Квито.

Пизарро между тѣмъ слѣдилъ за всѣми движеніями вице-короля. Узнавъ о выходѣ его изъ Попояна, онъ быстро возвратился въ Квито, соединился съ Пуэллесомъ и заняль твердую позицію къ сѣверу отъ города, на высотахъ, окаймлявшихъ рѣчку, чрезъ которую долженъ былъ переходить Нуньецъ. Вице-король, прибывъ на это мѣсто, узналъ о военной хитрости своего противника, но не хотѣлъ отступать, потому-что съ одной стороны чувствовалъ себя довольно сильнымъ, а съ другой уже наскучилъ выжидать развязки драмы.

Поэтому онъ смѣло расположился лагеремъ на берегу рѣки, выжидая слѣдующаго утра для рѣшительной битвы.

Бенальказаръ, бывшій вмѣстѣ съ вице-королемъ, видѣлъ все превосходство гонзаловой позиціи, и потому предложилъ Нуньецу обойти ночью непріятеля и ударить ему неожиданно въ тылъ. Совѣтъ былъ принятъ, и, при наступленіи ночного мрака, отрядъ вице-короля, оставивъ зажженные сторожевые огни (для обмана непріятеля), пустился въ обходъ. Но дорога, по которой они шли, оказалась непроходимою, и они должны были своротить на другую, гораздо длиннѣйшую, такъ-что солнце взошло уже высоко на небѣ, а бенальказарова дружина еще далеко была отъ пизаррова лагеря. Пораженные такою неудачею, Власко и его союзникъ быстро кинулись съ измученною дружиною въ Квито.

Столица до половины была пуста. Жители, недовольные притѣсненіями и жестокостями Нуньеца и признавая въ Гонзалѣ избранника всего народа, стали подъ его знамена. За отсутствіемъ мужчинъ, женщины и дѣти вышли на встрѣчу къ вице-королю и предлагали ему съѣстные припасы, столь неожиданные для истомленныхъ голодомъ и усталостію воиновъ. Положеніе было самое затруднительное, и Бенальказаръ, видя ненадежность успѣха въ битвѣ, предложилъ вице-королю попробовать уладить дѣло переговорами и самъ вызывался итти въ пизарровъ лагерь. Но въ Нуньецѣ возрасли прежняя неустрашимость и прежнее упрямство. Мы пришли драться, а не брататься съ измѣнниками, говорилъ онъ: — а потому сдѣлаемъ свое дѣло, какъ прилично храбрымъ и честнымъ рыцарямъ, не заботясь о послѣдствіяхъ. Онъ собралъ войско, сказалъ ему короткую, но сильную рѣчь, и одушевилъ мужество воиновъ, которые отвѣчали ему восторженными кликами и обѣщали умереть, защищая правое дѣло и исполняя королевскую волю.

Утромъ 18 января 1546 года Власко вывелъ свою рать изъ древней столицы Квито и сталъ лицемъ къ непріятелю, занявшему возвышенности, окружающія долину Аньяквиты. Войско Нуньеца вполовину было слабѣе пизаррова, однакожь оно мужественно построилось въ боевой порядокъ. Впереди стали стрѣлки, которые должны были первые ударить на непріятеля; центръ заняли копейщики и пищальники, а на флангахъ растянулась конница, простиравшаяся до 140 человѣкъ. Всего у Нуньеца было около 400 воиновъ. Власко, съ королевскимъ знаменемъ, самъ предводительствовалъ атакою.

Пизарро разставилъ своихъ солдатъ почти точно въ такомъ же порядкѣ; хотя кавалерія его была не многочисленнѣе непріятельской, но зато въ его отрядѣ считалось всего до 700 воиновъ,

предводимыхъ лучшими изъ испанскихъ рыцарей, бывшихъ въ Перу. Несмотря на численное превосходство силъ и прекрасное вооруженіе, Пизарро не хотѣлъ оставить своей выгодной позиціи, и потому одушевившійся Ваcко велѣлъ двинуться впередъ. Загрохотали выстрѣлы, и пороховой дымъ началъ разстилаться надъ равниною.

Битва началась уже вечеромъ, и дневное свѣтило быстро клонилось къ западу; времени терять было некогда, и потому послѣ короткой перестрѣлки копейщики ударили другъ на друга, а за ними тронулась и конница. Сперва нуньецовы всадники оттѣснили пизарровыхъ, но скоро послѣдніе взяли рѣшительный перевѣсъ. Рукопашная схватка была жестокая, но непродолжительная, потому-что солдаты вице-короля, истомленные походомъ прошлой ночи, не могли долго выдерживать натиска пизарровыхъ войскъ, свѣжихъ и превосходныхъ числомъ. Кабрера, храбрый сподвижникъ Бенальказара, былъ убитъ; судья Альварецъ получилъ смертельную рану, и самъ Бенальказаръ, покрытый ранами, упалъ съ лошади и былъ замертво вынесенъ изъ битвы.

Власко Нуньецъ мужественно держался на правомъ крылѣ; скоро однакожь сподвижники его были перебиты, и онъ самъ, смертельно раненный, упалъ съ лошади. Такъ-какъ на немъ былъ плащь, то сперва не догадались, кто онъ такой; но одинъ солдатъ, увидѣвшій изъ-подъ плаща орденъ Санъ-Яго, узналъ вице-короля и указалъ на него Карвахалю, брату вельможи, умерщвленнаго Нуньецомъ въ Лимѣ. Карвахаль, приставшій къ Пизарру съ цѣлію найти случай отомстить за смерть брата, подъѣхалъ къ полумертвому Нуньецу и, послѣ горькихъ упрековъ за убійство, хотѣлъ слѣзть съ лошади, чтобы доканать умиравшаго. Но Пуэлла остановилъ его, говоря, что смерть отъ рыцарской руки слишкомъ почетна для Нуньеца, и съ-тѣмъ-вмѣстѣ приказалъ стоявшему близь него африканскому невольнику отрубить голову Власки. Побѣдители вырывали клочьями бороду изъ отрубленной головы и украшали этимъ трофеемъ свои шляпы; голова же торжественно была вздѣта на копье.

Погибъ Власко, и рѣшилась участь сраженія. Пѣхота держалась долѣе прочихъ, но наконецъ, рѣдѣя подъ выстрѣлами враговъ, уступила натиску пизарровой кавалеріи и обратилась въ бѣгство. Преслѣдованіе было кровопролитно, но непродолжительно, потому-что наступившая ночь заставила Пизарра трубить отбой.

Несмотря на непродолжительность битвы, въ ней погибли двѣ трети нуньецова войска; потеря же со стороны Гонзала была не очень значительная. Многіе изъ бѣглецовъ искали убѣжища въ церквахъ Квито; но ихъ насильно выводили изъ святилища и тотчасъ же уби-

вали. Когда укротился первый пылъ, то бо́льшая часть плѣнныхъ была помилована или сослана въ Чили. Бенальказаръ, поправившійся отъ ранъ, получилъ позволеніе возвратиться въ свои владѣнія, давъ предварительно клятвенное обѣщаніе никогда не вооружаться противъ Гонзала.

Воинамъ разбитаго отряда Пизарро предложилъ вступить въ службу побѣдителя, но никогда не имѣлъ къ этимъ солдатамъ большого довѣрія.

Гонзало былъ чрезвычайно недоволенъ поруганіями, предметомъ которыхъ послужилъ трупъ вице-короля, и, велѣвъ собрать истерзанные остатки несчастнаго Нуньеца, похоронилъ ихъ въ Квитскомъ соборѣ, со всѣми почестями, подобавшими высокому сану погибшаго. Гонзало и всѣ его офицеры присутствовали при погребеніи въ траурныхъ одеждахъ. Такъ погибъ Власко Нуньецъ Вела, первый вице-король Перу. Менѣе двухъ лѣтъ тому назадъ онъ впервые ступилъ на перуанскую землю, гдѣ встрѣтилъ только неудачи, несчастія и наконецъ страшную смерть.

Вѣсть объ Альяквитской побѣдѣ возбудила всеобщую радость въ Квито. Да и не одинъ Квито, а весь Перу смотрѣлъ на эту побѣду какъ на залогъ упроченія прежняго порядка вещей и уничтоженія новыхъ, ненавистныхъ узаконеній, которыхъ представителемъ былъ Нуньецъ. Весь Перу провозглашалъ Гонзала своимъ избавителемъ. А онъ между тѣмъ проводилъ дождливое время въ Квито, занимаясь попеременно то правительственными дѣлами, то буйными развлеченіями, свойственными духу безпутныхъ испанскихъ авантюристовъ. Впрочемъ онъ не предавался насильствамъ и жестокостямъ, хотя не разъ представлялись къ тому поводы. Замѣчательно, что по отбытіи Карвахаля, — его совѣтника и наперстника, Гонзало не произнесъ ни одного смертнаго приговора самопроизвольно, безъ соблюденія всѣхъ законныхъ формъ.

Подвиги гонзаловыхъ соратниковъ были щедро награждены обширными помѣстьями. Нѣкоторые изъ безпокойнѣйшихъ испросили позволеніе отправиться въ новыя экспедиціи, но при этомъ Гонзало всегда назначалъ крайній предѣлъ похода, чтобы въ случаѣ нужды быть въ состояніи собрать всю свою дружину. Онъ старался развить благосостояніе туземцевъ и распространить между ними христіянское ученіе. Вообще правительственныя его мѣры были такъ основательно обдуманы, и выполнены съ такою твердостію, что противъ управленія его нельзя было ничего сказать предосудительнаго даже строгому критику.

Только въ іюлѣ 1546 года Гонзало рѣшился выѣхать изъ Квито, оставивъ тамъ значительный гарнизонъ подъ командою Пуэллы.

Путь новаго губернатора былъ истиннымъ тріумфальнымъ шествіемъ: повсюду встрѣчали его съ радостнымъ торжествомъ; жители привѣтствовали его побѣдными кликами, дѣти и женщины пѣли хвалебныя пѣсни, а духовенство служило заздравные молебны. Особенно торжественъ былъ пріемъ жителей Трухильо, но жители Лимы хотѣли превзойти при этомъ случаѣ все, что до нихъ было видано въ Перу. Городовой совѣтъ положилъ снести нѣсколько зданій, и, пробивъ новую улицу для прохода побѣдителя, назвать ее именемъ Гонзала. Послѣдній былъ однакожь слишкомъ уменъ и разсчетливъ, чтобы позволить такое безразсудство, и въѣхалъ въ Лиму обыкновенною дорогою. Пріемъ былъ самый блистательный, какъ со стороны войска, такъ и со стороны духовенства, въ главѣ котораго находились архіепископъ Лимы и епископы Куско, Квито и Боготы. Улицы были усыпаны цвѣтами и зелеными вѣтвями, а домы украшены коврами; на пути были устроены великолѣпно убранныя тріумфальныя арки. Колоссальный звонъ и привѣтственные клики не умолкали во все время шествія.

Мало-по-малу собирались въ Лиму депутаты разныхъ городовъ для поздравленія Гонзала съ побѣдою и для увѣренія въ вѣрности и преданности пославшаго ихъ населенія. Весь Перу поднялся для того, чтобы преклонить снова голову подъ властію одного изъ Пизарровъ.

Въ это же время Гонзало былъ порадованъ вѣстію объ успѣхѣ его оружія на югѣ. Діего Центено, возмутившись въ Лаплатѣ, поднялъ противъ Пизарра всю провинцію Чаркасъ, призывая всѣхъ и каждаго сразиться за королевскія права, нарушенныя Гонзаломъ. Посланный для усмиренія мятежа Карвахаль быстро миновалъ Лиму и Куско, забравъ въ этихъ городахъ сильныя подкрѣпленія, и внезапно явился среди возмутившейся области. Центено не посмѣлъ встрѣтить въ открытомъ полѣ своего страшнаго противника и укрылся съ войскомъ въ горы. Карвахаль пустился неутомимо преслѣдовать его, и самъ, несмотря на свои 80 лѣтъ, почти не сходилъ съ сѣдла ни днемъ, ни ночью, подавая примѣръ изнемогавшимъ отъ усталости воинамъ. Болѣе двухъ сотъ миль гнался онъ за Центеномъ, который во время этого отступленія лишился бо́льшей части своихъ воиновъ: многіе изъ нихъ бѣжали, другіе отставали отъ изнеможенія, и попадая въ руки преслѣдователей, были немедленно предаваемы смерти; Карвахаль не давалъ никому изъ нихъ пощады, говоря, что онъ считаетъ преступленіемъ помиловать хотя одного измѣнника. Съ горстью людей добрался Центено до береговъ океана и здѣсь долженъ былъ распустить свою дружину, предоставивъ каждому пещись о собственной участи и безопасности. Самъ же Діего скрылся въ

горной пещерѣ, гдѣ питался подаяніемъ сосѣдняго *кураки*, пока не представился ему случай къ новому возстанію. Карвахаль кончилъ свою экспедицію почти безъ выстрѣла.

Утвердивъ пизаррову власть надъ возмутившимся Чаркасомъ, Карвахаль съ торжествомъ возвратился въ Лаплату. Тутъ занялся онъ дѣятельною разработкою серебряныхъ рудниковъ Потози, гдѣ незадолго предъ тѣмъ была открыта богатѣйшая жила благороднаго металла, обѣщавшая превзойти обиліемъ серебра всѣ прочіе рудники Перу и Мексики. Добыча металла была такъ велика, что чрезъ нѣсколько недѣль Карвахаль отправилъ въ Лиму огромный транспортъ серебра. Новооткрытая жила была такъ богата, что всѣ прочія работы въ Потози были оставлены. Она-то наводнила, въ десять лѣтъ, серебромъ и Перу и Испанію такъ, что цѣна этого благороднаго металла быстро понизилась въ цѣломъ свѣтѣ (¹).

Снабжая серебромъ Гонзала, Карвахаль не забывалъ и о самомъ себѣ: престарѣлый воинъ былъ одинаково упрямъ, жестокъ и скупъ.

Наконецъ Гонзало сдѣлался единственнымъ и спокойнымъ обладателемъ цѣлаго Перу, отъ Квито до Чили; но ему этого было не довольно. Адмиралъ его Хиньохоза (Hinojosa), храбрый и искусный морякъ, имѣя подъ своею командою многочисленный и хорошо вооруженный флотъ, покорилъ Гонзалу Панаму и, перешагнувъ чрезъ перешеекъ, завладѣлъ гаванью Номбре де Діэсъ—главнымъ пунктомъ, чрезъ который совершалось сношеніе Европы съ Америкою. Эти успѣхи поставили Пизарра на высокую степень могущества, подкрѣпленнаго отличною дружиною, въ которой считалось много воиновъ, сражавшихся еще подъ знаменами покойнаго маркиза. Что же касалось до денежныхъ средствъ, то едва ли какой изъ тогдашнихъ европейскихъ государей могъ похвастать доходомъ, равнявшимся добычѣ благороднаго металла изъ рудниковъ Потози.

Гонзало не замедлилъ окружить себя блескомъ и пышностію, соотвѣтствовавшими его могуществу и богатству. Особу его охраняла гвардія изъ осьмидесяти тѣлохранителей, пользовавшихся огромнымъ жалованьемъ. При немъ состоялъ небольшой придворный штатъ, устроенный по образцу королевскаго и соблюдавшій самый строгій этикетъ. Всѣ придворные и высшіе сановники поочередно приглашались къ столу губернатора, и рѣдкій день у него было менѣе двухъ сотъ гостей. Все прочее соотвѣтствовало такому великолѣпію и роскоши.

(¹) По свидѣтельству современниковъ, обиліе серебра въ Потози было такъ велико и всѣ такъ исключительно обратились къ его добыванію, что было время, когда топоры и подковы продавались въ Лаплатѣ на вѣсъ серебра.

Естественнымъ образомъ, въ такихъ обстоятельствахъ должна была запасть въ голову Пизарра мысль о совершенномъ отложеніи отъ Испаніи и объявленіи себя самодержавнымъ властителемъ. Подобную мысль питали многіе изъ окружавшихъ Гонзала и болѣе прочихъ смѣлый Карвахаль, который открыто совѣтовалъ Пизарру объявить себя независимымъ отъ Испаніи. «Ты выгналъ, побѣдилъ и умертвилъ вице-короля, посланнаго императоромъ—говорилъ Карвахаль Гонзалу: — ты самопроизвольно завладѣлъ всѣмъ Перу, не спрашивая королевскаго позволенія; какихъ же тебѣ послѣ этого ждать милостей отъ Испаніи, которая не пощадитъ твоей головы при первомъ удобномъ случаѣ? Ты зашелъ слишкомъ далеко, чтобы остановиться, потому-что остановиться теперь значитъ итти назадъ: выбирай любое — плаху въ Испаніи или тронъ въ Перу. Войско и народъ тебя любятъ и охотно признаютъ королемъ! А если хочешь, чтобы дѣти твои были во всѣхъ глазахъ законными обладателями Перу и династія новая упрочилась на престолѣ инковъ, то женись на Койѣ, представительницѣ прямого поколѣнія великихъ инковъ, по женской линіи; ты будешь тогда одинаково дорогъ испанцамъ и индѣйцамъ.

Такъ совѣтовалъ Карвахаль, и Гонзалу стоило послушать этого совѣта, чтобы упрочить за собою престолъ инковъ. Но, зайдя далеко, онъ не смѣлъ ступить еще одинъ шагъ и открыто отложиться отъ Испаніи. Рѣшимость оставила его въ настоящемъ критическомъ обстоятельствѣ, и онъ, вмѣсто объявленія себя независимымъ государемъ, отправилъ въ Испанію посольство для испрошенія себѣ прощенія и утвержденія въ санѣ королевскаго намѣстника и наслѣдника маркиза Франциска Пизарра, завоевателя Перу. Онъ надѣялся мирнымъ путемъ достигнуть желаемой инвеституры и не слушать предвѣщаній Карвахаля. Послѣдствія показали, что послѣдній лучше Пизарра умѣлъ проникать въ будущее.

Между тѣмъ въ Испанію дошли слухи объ удивительныхъ переворотахъ, совершившихся въ Перу; но слухи эти, по отдаленію колоній, были такъ темны и неопредѣлительны, что трудно было составить по нимъ точное понятіе о случившемся. Сперва дошла вѣсть, что введеніе новаго уложенія и строгія мѣры вице-короля подали поводъ къ многимъ безпорядкамъ; потомъ узнали, что Васко свергнутъ, изгнанъ и повсюду вспыхнуло возмущеніе, подъ предводительствомъ Гонзала Пизарра. Эти вѣсти испугали испанское правительство и народъ, и всеобщій голосъ возсталъ противъ индѣйскаго совѣта, допустившаго мѣру, несовмѣстную съ характеромъ испанскихъ выходцевъ, поселившихся въ Америкѣ, и могущую имѣть послѣдствіемъ всеобщее отложеніе американскихъ колоній отъ Испаніи.

Мятежъ, по причинѣ отдаленности театра дѣйствій, казался еще колоссальнѣе, и всякой видѣлъ трудности подавить его въ такомъ огромномъ отдаленіи отъ центральной власти. Громко утверждали, что неблагоразумное введеніе новаго уложенія будетъ стоить Испаніи ея американскихъ колоній, лучшаго перла кастильской короны; всѣ жалѣли, что галіоны золота и серебра перестанутъ приходитъ изъ Америки.

Таково было положеніе дѣлъ въ началѣ лѣта 1546 года. Карлъ V находился въ это время въ Германіи, гдѣ задерживали его религіозныя смуты, колебавшія въ то время священную имперію; управленіе же наслѣдственными областями онъ ввѣрилъ сыну своему дону Филиппу (впослѣдствіи Филиппъ II), который съ дворомъ своимъ пребывалъ въ это время въ Вальядолидѣ. Здѣсь созвалъ Филиппъ совѣтъ изъ духовныхъ, военныхъ и юристовъ, извѣстныхъ умомъ и опытностію, и предложилъ имъ обсудить вопросъ объ американскихъ дѣлахъ. Члены совѣта смотрѣли на возстаніе Пизарра какъ на мятежъ противъ короны и потребовали было сначала, чтобы всѣми зависящими отъ Испаніи средствами подавить возмущеніе и наказать виновниковъ. Но скоро убѣдились въ трудности и почти невозможности дѣйствовать открыто силою оружія противъ непріятеля, владѣвшаго обширною и населенною страною и хорошимъ флотомъ, и притомъ удаленнаго на непомѣрное разстояніе. Если бы даже и удалось перевезти въ Америку испанское войско, то какъ было вести войну въ совершенно неизвѣстной мѣстности, далеко отъ всякихъ пособій и резервовъ и подъ вліяніемъ чуждаго, непріязненнаго климата? Къ тому же войско Гонзала состояло изъ людей испытанной храбрости и привычныхъ къ американской войнѣ; да и самое обиліе золота и серебра въ рукахъ Гонзала могло служить опасною приманкою, способною поколебать вѣрность и преданность экспедиціоннаго войска.

Видя невозможность дѣйствовать силою, рѣшились прибѣгнуть къ болѣе миролюбивымъ мѣрамъ. Какъ ни оскорбительно было для самолюбія испанскаго правительства уступить бунтовщикамъ, но необходимость заставляла купить ихъ покорность обѣщаньемъ полнаго прощенія и исторгнуть у нихъ добромъ то, чего нельзя было взять силою. Приведеніе въ исполненіе такого плана безъ урона достоинства испанской короны было весьма трудною и щекотливою задачею, успѣшное рѣшеніе которой зависѣло отъ ума и ловкости лица, которому будетъ поручено исполненіе предначертаннаго плана. Трудно было найти человѣка способнаго на это важное дѣло, и послѣ долгихъ переговоровъ и совѣщаній выборъ палъ на Педро де ла Гаска (Pedro de la Gaska), лицо духовнаго званія.

Гаска родился въ концѣ XV столѣтія, въ кастильскомъ селеніи Барко де Авила и принадлежалъ, какъ съ отцовской, такъ и съ материнской стороны, къ древнимъ, знаменитымъ фамиліямъ (1). Еще ребенкомъ лишился онъ отца и былъ отданъ дядею въ знаменитую семинарію Алкала де Экарсъ, основанную кардиналомъ Хименесомъ. Здѣсь Гаска, блистательно окончивъ курсъ наукъ, получилъ степень доктора богословія. Но въ молодомъ человѣкѣ въ тоже время проявились и другія способности, несовмѣстныя съ призваніемъ христіянскаго пастыря и наставника. Тогда была въ полномъ разгарѣ война *коммунидадовъ*, и Гаска, увлекшись волненіемъ, выказалъ многія качества военачальника.

Переведенный впослѣдствіи въ Саламанхскій университетъ, Гаска отличился въ схоластическихъ преніяхъ и удостоился высшихъ академическихъ почестей. Блистательно исполнивъ нѣкоторыя важныя порученія по духовной части, онъ былъ пожалованъ въ члены инквизиціоннаго судилища и въ 1540 году былъ отряженъ въ этомъ званіи въ Валенцію для изслѣдованія возникшаго тамъ раскола. Дѣло было чрезвычайно запутанное и стоило Гаскѣ двухлѣтнихъ трудовъ: онъ исполнилъ его съ такимъ безпристрастіемъ и благоразуміемъ, что въ награду за то былъ назначенъ *королевскимъ визидадоромъ* Валенціи. Эта должность требовала чрезвычайной осмотрительности и ума и была сопряжена съ большими правами и отвѣтственностію: онъ долженъ былъ имѣть надзоръ за правильнымъ ходомъ финансовыхъ и юридическихъ дѣлъ въ провинціи Валенціи и слѣдить за искорененіемъ злоупотребленій. Такое назначеніе свидѣтельствуетъ уже объ умѣ Гаски, тѣмъ болѣе, что въ его пользу нарушенъ былъ обычай опредѣлять на это мѣсто только подданныхъ аррагонской короны.

Гаска отличился и въ новой своей должности искусствомъ, добросовѣстностью и военною распорядительностью, особливо при возникшемъ въ то время опасеніи мавркаго возстанія и нападенія Турокъ. Преимущественно отличился онъ въ отраженіи нападеній славнаго Барбароссы. Такія способности обратили на себя вниманіе совѣта, созваннаго въ Ваяльдолидѣ для разсмотрѣнія американскихъ дѣлъ. И дѣйствительно, трудно было найти кого-либо способнѣе Гаски для исполненія важнаго плана — усмиренія Перу. Вся жизнь Гаски свидѣтельствовала о его преданности престолу. Дѣятельный, рѣшительный, непоколебимый и притомъ ловкій и уклончивый, онъ съ честію выходилъ изъ самыхъ затруднительныхъ обстоятельствъ;

(1) Одинъ изъ біографовъ Гаски утверждаетъ будто бы онъ происходитъ по прямой линіи отъ Каски, одного изъ убійцъ Юлія Цесаря!! Немало можно найти подобныхъ примѣровъ страннаго тщеславія.

проницательность ума и знаніе людей соединялись въ немъ съ любовію къ истинѣ и правосудію. Монахъ по воспитанію, онъ былъ ловкій дипломатъ, искусный гражданскій правитель, ученый законовѣдъ и знатокъ военнаго дѣла.

Совѣтъ, представивъ свои планы на утвержденіе императора, рекомендовалъ для приведенія ихъ въ исполненіе выбрать Гаску. Императоръ давно зналъ этого человѣка и цѣнилъ его по достоинству, а потому, тотчасъ по полученіи доклада, собственноручно написалъ къ Гаскѣ, что онъ желаетъ поручить ему чрезвычайно важное дѣло и съ тѣмъ вмѣстѣ, въ награду его заслугъ, пожаловать ему одно изъ важнѣйшихъ въ государствѣ епископство. Поспѣшивъ въ Мадритъ, Гаско принялъ сдѣланное ему предложеніе и выслушалъ инструкцію для будущихъ дѣйствій. Кротость предписанныхъ мѣръ вполнѣ согласовались съ скромностію и человѣколюбіемъ Гаски, но только полномочіе, которымъ его хотѣли снабдить, показалось ему недостаточнымъ, потому-что онъ не имѣлъ возможности испрашивать разрѣшеній изъ Испаніи и ждать, тогда какъ слѣдовало дѣйствовать немедленно. «Совѣтъ и дворъ—говорилъ Гаска — находясь вдали отъ театра событій, не могутъ судить объ умѣстности и необходимости мѣръ для водворенія законнаго порядка и тишины въ Перу, а потому слѣдуетъ послать туда человѣка, пользующагося неограниченною довѣренностью монарха и облеченнаго самымъ обширнымъ полномочіемъ. Не требую ни жалованья, ни солдатъ, говорилъ онъ—но требую права быть полезнымъ моему государю, и чѣмъ больше власти мнѣ будетъ присвоено, тѣмъ больше могу я принести тамъ пользы».

Члены совѣта хотя вполнѣ довѣряли чистотѣ намѣреній Гаски, но удивились смѣлости его требованій, такъ далеко превышавшихъ власть прочихъ намѣстниковъ колоній, а потому, не рѣшаясь сами представить объ этомъ императору, поручили Гаскѣ самому изложить предъ монархомъ свои требованія и побудительныя причины. Гаско сдѣлалъ Карлу V подробный докладъ о своихъ намѣреніяхъ и отправилъ его во Фландрію, гдѣ тогда находился императоръ. Геніяльный государь постигъ вполнѣ планъ дѣйствій Гаски и необходимость требуемаго полномочія въ настоящихъ чрезвычайныхъ обстоятельствахъ. Въ отвѣтѣ своемъ отъ 16 февраля 1546 года онъ собственноручно изъявилъ согласіе на планъ Гаски и облекъ его просимымъ неограниченнымъ полномочіемъ.

Гаско долженъ былъ принять титулъ президента королевской аудіенціи, но подъ этимъ названіемъ ему поручались въ полное распоряженіе всѣ части государственнаго управленія въ колоніяхъ. Онъ имѣлъ право награждать помѣстьями, опредѣлять и увольнять всѣхъ чиновниковъ безъ исключенія, набирать войско, вести войну, рас-

поряжаться доходами, утверждать уголовные и другіе приговоры и прощать осужденныхъ по своему усмотрѣнію, безъ всякаго ограниченія. Сверхъ того онъ могъ по произволу отмѣнять силу новаго уложенія, такъ ненавистнаго жителямъ колоній.

Касательно духовныхъ лицъ, неподлежавшихъ свѣтскому суду, Гаскѣ было предоставлено высылать ихъ, по усмотрѣнію надобности, изъ колоній въ Испанію. Самъ вице-король, по его требованію, долженъ былъ сложить власть и ѣхать въ Испанію. Жалованья Гаскѣ не полагалось, но всѣ казенныя суммы находились въ его распоряженіи. Въ заключеніе, его снабдили предписаніями къ намѣстникамъ Перу, Мексики и Панамы, которые обязывались повиноваться приказаніямъ Гаски, и императоръ доставилъ ему нѣсколько бланкетовъ съ собственноручною своею подписью.

Такое довѣріе возбудило въ Гаскѣ безпредѣльную благодарность къ императору. Не только ему не завидовали другіе царедворцы, но еще говорили, что необходимо возвести его въ епископскій санъ еще до отплытія въ Перу, находя, что такое обширное полномочіе приличнѣе для епископа, чѣмъ для простого монаха; но Гаска самъ просилъ прекратить подобныя домогательства.

Гаска началъ готовиться къ отъѣзду вмѣстѣ съ своею малочисленною свитою. Въ числѣ немногихъ спутниковъ, избранныхъ имъ самимъ, онъ взялъ съ собою Алонза де Альварада, храбраго офицера, сражавшагося нѣкогда подъ знаменами Франциска Пизарра и весьма полезнаго знаніемъ военнаго дѣла и мѣстныхъ обстоятельствъ Перу. Монахъ поплылъ въ Америку 26 мая 1546 года изъ гавани Санъ-Лукара.

Послѣ счастливаго и быстраго (для того времени) переѣзда, Гасска въ половинѣ іюля достигнулъ гавани Санта-Марта. Здѣсь узналъ онъ о битвѣ при Альяквитѣ, смерти Власки и утвержденіи владычества Гонзала. Сношенія съ Испаніею были въ то время такъ затруднительны и неисправны, что, несмотря на то, что эти событія совершились уже за нѣсколько мѣсяцовъ, о нихъ еще ничего не знали въ Испаніи. Гаска призадумался, получивъ такія неожиданныя извѣстія; но неограниченное полномочіе предоставляло ему полную свободу дѣйствія. Теперь только недоумѣвалъ онъ, съ какой стороны пробраться ему въ Перу: всѣ гавани находились въ рукахъ Пизарра, и командовавшіе тамъ офицеры имѣли строгое приказаніе не допускать никакихъ сношеній съ Испаніею и задерживать, впредь до дальнѣйшаго распоряженія, всѣхъ безъ исключенія, прибывающихъ съ порученіями отъ испанскаго правительства. По долгомъ соображеніи Гаска рѣшился пробраться въ Нобре де Діосъ, занятый

тогда сильнымъ отрядомъ, подъ командою Эрнанда Мехія, одного изъ любимѣйшихъ сподвижниковъ Пизарра.

Если бы Гаска явился съ оружіемъ или только окруженный многочисленною и блестящею свитою, то ему весьма было бы трудно получить позволеніе выйти на берегъ; но какія опасенія могъ возбудить бѣдный монахъ съ дюжиною провожатыхъ, являвшійся вѣстникомъ мира и прощенія! Подобное размышленіе убѣдило Мехію принять новаго губернатора со всѣми почестями, подобавшими высокому его сану. Все мѣстное духовенство вышло также на встрѣчу и изъявляло Гаскѣ желаніе быть ему полезнымъ; только солдаты смѣялись надъ президентомъ и говорили, что Пизарру нечего бояться подобнаго соперника.

Образъ дѣйствій Гаски былъ обдуманъ чрезвычайно благоразумно и въ соединеніи съ врожденною ему кротостію не могъ не подѣйствовать на испанцевъ. Онъ сообщилъ о пространствѣ даннаго ему полномочія, о миролюбивыхъ своихъ намѣреніяхъ, о безусловномъ прощеніи всѣмъ, кто захочетъ немедленно покориться королевской волѣ, и наконецъ объ отмѣнѣ уложенія ненавистнаго и вреднаго переселенцамъ. При этомъ онъ заклиналъ Мехію покориться законному порядку вещей и первому подать примѣръ раскаянія и преданности, дабы увлечь за собою прочихъ и мирнымъ путемъ успокоить волненія Перу.

Мехія скоро убѣдился, что съ нимъ говорилъ человѣкъ необыкновеннаго ума, котораго кротость и миролюбіе не были похожи на строгость Вака де Кастра и на строгость Власки Нуньеца. Мехія, подобно бо́льшей части своихъ товарищей, попалъ въ бунтъ случайно и хотя чувствовалъ участь свою связанною съ участью Пизарра, но вовсе былъ непрочь отъ выгоднаго случая помириться съ законною властію. Онъ льстился надеждою, что Пизарро не замедлитъ самъ воспользоваться прощеніемъ и не посмѣетъ итти прямо на-перекоръ королевской волѣ, потому-что преданность къ монарху была въ то время однимъ изъ отличительныхъ свойствъ испанскихъ рыцарей.

Основываясь на этихъ соображеніяхъ, Мехія изъявилъ Гаскѣ готовность повиноваться законной власти, способствовать въ усмиреніи Перу и съ радостію принялъ прощеніе за прежніе мятежническіе поступки.

Но всего важнѣе было для Гаски склонить на свою сторону Хиньохоза, правителя Панамы, имѣвшаго въ своемъ распоряженіи двадцать два корабля, составлявшіе флотъ Пизарра. Дѣло было весьма трудное, потому-что адмиралъ былъ человѣкъ характера чрезвычайно твердаго и отличался своею безграничною преданностью къ Гонзалу. Гаска отправилъ къ нему Мехію и Алонза де Альвара-

да съ извѣстіемъ о данномъ ему полномочіи, о его мирномъ образѣ мыслей и о всепрощеніи раскаявающимся; вскорѣ и самъ онъ явился въ Панамѣ, вслѣдъ за своими посланцами. Хиньохоза выслушалъ монаха со всѣми знаками наружнаго уваженія, но не изъявилъ той готовности, которую Гаска встрѣтилъ въ Мехіи. Адмиралъ требовалъ, чтобы ему показали полномочіе, и желалъ знать, имѣлъ ли Гаска право утвердить Пизарра намѣстникомъ Перу, чего послѣдній оказывался достойнымъ какъ избранникъ народа и мудрый правитель.

Такой вопросъ былъ весьма щекотливъ, потому-что Гаска не любилъ прибѣгать ко лжи; поэтому онъ отвѣчалъ, что еще не пришло время обнаружить все пространство даннаго ему полномочія, но что онъ имѣлъ право и власть наградить достойнымъ образомъ всякаго вѣрнаго слугу королевской воли. Хиньохоза не удовлетворился такимъ отвѣтомъ, но тотчасъ написалъ къ Гонзалу о прибытіи Гаски и его рѣчахъ, присовокупивъ откровенно, что онъ не полагаетъ новоприбывшаго уполномоченнымъ для утвержденія Пизарра въ званіи намѣстника.

На кораблѣ, везшемъ письмо Хиньохоза, находился доминиканскій монахъ, отправлявшійся для проповѣдыванія Евангелія въ Перу. Гаска умѣлъ склонить его на свою сторону и поручилъ ему письма къ духовнымъ властямъ городовъ, чрезъ которые намѣренъ былъ итти монахъ по высадкѣ на берегъ. Въ этихъ письмахъ Гаска увѣдомлялъ о мирныхъ своихъ намѣреніяхъ и о всепрощеніи возвращающимся къ законному долгу, при чемъ просилъ духовенство дѣйствовать зависящими средствами на общественное мнѣніе и тѣмъ показать преданность свою престолу. Посѣянное Гаскою сѣмя упало во многихъ мѣстахъ на плодородную почву, и онъ терпѣливо ожидалъ созрѣнія богатой жатвы.

Обдуманное поведеніе Гаски склонило на его сторону многихъ изъ рыцарей, бывшихъ подъ начальствомъ адмирала, и чрезъ ихъ посредство монахъ обратился къ вице-королямъ Мексики и Гватималы съ просьбою о помощи. Ему удалось также уговорить правителя Панамы отправить въ Лиму нарочный корабль для передачи Гонзалу собственноручнаго письма Карла V, съ припискою Гаски.

Письмо императора было чрезвычайно милостивое. Карлъ не только не обвинялъ Гонзала въ возмущеніи, но самъ извинялъ его поступокъ жестокими и своевольными мѣрами Нуньеца, грозившими гибелію испанскимъ переселенцамъ въ Перу. Объ утвержденіи Пизарра въ званіи намѣстника не было ничего сказано; только императоръ поручалъ Гонзалу вмѣстѣ съ Гаскою устроить спокойствіе

Перу, для чего послѣдній получилъ отъ императора нужныя наставленія.

Приписка Гаски была не менѣе умно написана. Онъ поставлялъ Гонзалу на видъ, что обстоятельства, заставившія его поднять оружіе, болѣе уже не существовали, и что теперь оставалось только покориться королевской волѣ и мирнымъ путемъ устроить благосостояніе страны. Всякое дальнѣйшее сопротивленіе со стороны Пизарра будетъ явнымъ бунтомъ и вовлечетъ его въ неизбѣжную погибель. Онъ заклиналъ его рыцарскою честію принять всепрощеніе и покориться законному государю, который будетъ умѣть наградить его отличныя способности и заслуги.

Это чрезвычайно вѣжливое письмо было весьма длинно и заключало въ себѣ множество комплиментовъ подвигамъ Гонзала. Къ нему приложена была записка къ члену аудіенціи Цепедѣ, одному изъ главныхъ совѣтниковъ Пизарра. Въ этой запискѣ Гаска, какъ президентъ аудіенціи, просилъ своего товарища способствовать мудрыми совѣтами къ мирному окончанію несогласій и изъявлялъ надежду, что Гонзало, пользуясь мудрыми совѣтами ученаго законовѣдца, постарается заслужить королевскую милость. Съ этими письмами отправился въ Лиму рыцарь Паньягуа (*Paniagua*), человѣкъ безусловно преданный Гаскѣ; онъ получилъ тайно для раздачи множество писемъ, написанныхъ въ томъ же духѣ, какъ посланія, порученныя доминиканцу; бо́льшая часть ихъ достигла своего назначенія и принесла впослѣдствіи ожиданную пользу.

Между тѣмъ проходили недѣли и мѣсяцы въ ожиданіи отвѣта на первое посланіе Хиньохозы къ Пизарру. Гаска, хотя окруженный внѣшними знаками уваженія, былъ не что иное, какъ плѣнникъ въ Панамѣ. Его положеніе было очень затруднительное, но и самъ адмиралъ чувствовалъ себя не лучше. Съ одной стороны предстояла измѣна Пизарру, которому онъ былъ искренно преданъ, а съ другой — явный бунтъ противъ короля и безумная война съ Испаніею, въ которой онъ могъ ожидать только безчестной гибели, какъ мятежникъ. Одна только покорность Гонзала могла поправить дѣло, и адмиралъ расчитывалъ на благоразуміе Пизарра, который мирными сношеніями съ Гаскою долженъ былъ вывести друзей своихъ изъ затруднительнаго, двусмысленнаго положенія.

Мы уже говорили, что многіе изъ сподвижниковъ адмирала раздѣляли образъ мыслей Гаски; недовольные упорствомъ Хиньохозы, они предложили королевскому посланцу захватить панамскаго правителя и передать флотъ въ распоряженіе Гаски. Однакожь монахъ отказался отъ такой насильственной мѣры, говоря, что уважаетъ

неколебимую преданность адмирала, и надѣется кончить дѣло миролюбивымъ образомъ.

Извѣстіе о прибытіи Гаски сильно встревожило Гонзала. Хотя монахъ и не имѣлъ съ собою войска, но изъ письма его Пизарро увидалъ, что это долженъ быть человѣкъ рѣдкаго ума, который можетъ имѣть сильное моральное вліяніе на дѣла. Не надѣясь ничего выиграть съ этой стороны путемъ переговоровъ, онъ спѣшилъ отправкою въ Испанію нарочнаго посольства, о которомъ было уже упомянуто выше, и которому поручалось испросить у императора утвержденіе Пизарра въ званіи намѣстника. Посланникомъ былъ назначенъ Лоренцо де Альдана, человѣкъ испытаннаго ума и храбрости, пользовавшійся искренною дружбою и уваженіемъ Пизарра. Товарищами Альданы назначались епископъ лимскій да еще два знатныхъ рыцаря, которые своимъ званіемъ и родственными связями могли быть полезны Гонзалу при кастильскомъ дворѣ. Вмѣстѣ съ инструкціями и письмами къ испанскому двору, посланники получили письмо, адресованное Гаскѣ значительнѣйшими изъ жителей Лимы. Въ немъ увѣдомляли Гаску, что онъ опоздалъ и что Перу приведенъ уже въ порядокъ рукою Пизарра, почему присутствіе Гаски въ Лимѣ могло дать поводъ только къ новымъ неустройствамъ, могущимъ подвергнуть опасности самую жизнь королевскаго уполномоченнаго. Отправленное же нынѣ въ Испанію посольство имѣло порученіемъ не испрошеніе прощенія, потому-что истребленіе Власки было дѣломъ законнымъ, но полученіе инвеституры на званіе намѣстника тому, кто привелъ Перу въ настоящій порядокъ и устройство. Письмо это вѣроятно было написано Цепедою; на немъ находились подписи семидесяти почтеннѣйшихъ обывателей Лимы.

Есть свидѣтельство, что Пизарро секретно поручилъ Альданѣ уговорить Гаску къ возврату въ Испанію, и, въ случаѣ согласія, монахъ долженъ былъ получить подарокъ въ 50,000 золотыхъ пезо; въ случаѣ же отказа, пизарровъ подручникъ долженъ былъ въ крайности прибѣгнуть къ другому, дѣйствительнѣйшему средству — *яду*.

Быстро переплылъ Альдана пространство, отдѣляющее Лиму отъ Панамы, и принесъ Хиньохозѣ нерадостную вѣсть о непокорности Гонзала. Немедленно отправился пизарровъ посланникъ къ Гаскѣ и имѣлъ съ нимъ долгую бесѣду. Узнавъ о полномочіи и правѣ всепрощенія дарованныхъ Гаскѣ, Альдана началъ измѣнять свой образъ мыслей; а когда монахъ изложилъ ему свой миролюбивый планъ успокоенія Перу и устройства въ немъ прочной, кроткой и законной власти, то пизарровъ посланецъ не могъ не согласиться, что всякое дальнѣйшее сопротивленіе королевской волѣ будетъ пагубно для

строптивыхъ, и что невозможно было найти выгоднѣйшаго случая получить всепрощеніе и помириться съ короною. Тутъ же изъявилъ онъ Гаскѣ свою покорность, получилъ отъ него именемъ короля прощеніе, и отказавшись отъ поѣздки въ Испанію, какъ безполезной въ настоящихъ обстоятельствахъ, писалъ къ Пизарру, что онъ считаетъ верхомъ безумія отвергать миролюбивыя предложенія королевскаго посланника, и потому заклинаетъ его всѣми святыми и рыцарскою честію немедленно покориться королевской волѣ и не губить напрасно себя и своихъ сообщниковъ.

Примѣръ Альданы сильно подѣйствовалъ на Хиньохозу; онъ видѣлъ, что Гонзало отнюдь не намѣренъ покориться, и поэтому война противъ испанской короны неизбѣжна; а отъ подобной войны можно было ожидать только бѣды да горя. Дня черезъ два послѣ поступка Альданы, Хиньохоза явился къ Гаскѣ и торжественно, преклонивъ колѣни, просилъ его о дарованіи ему прощенія именемъ короля. Немедленно по совершеніи этого торжественнаго обряда, Хиньохоза предалъ весь флотъ въ руки Гаски: всѣ офицеры и матросы были собраны на главной площади и присягнули на вѣрность королю, послѣ чего герольдъ въ офиціяльномъ костюмѣ взошелъ вмѣстѣ съ Гаскою на высокій помостъ и объявилъ королевскимъ именемъ всепрощеніе за прежнія преступленія. Такимъ образомъ палъ 19 ноября 1546 года главный оплотъ гонзалова владычества надъ Перу. Гаска, безъ хитростей и насилія, медленнымъ, но твердымъ шагомъ шелъ къ своей цѣли.

Теперь могъ онъ дѣйствовать открыто. Тотчасъ были приняты мѣры къ набору войска, его вооруженію и снабженію нужными припасами. Строгій и умѣренный въ собственныхъ издержкахъ, онъ былъ щедръ тамъ, гдѣ шло дѣло о выгодахъ и чести короны. Такъ-какъ вооруженіе требовало значительныхъ суммъ, а королевская казна въ Панамѣ была истощена Гонзаломъ при построеніи флота, то Гаска обратился къ богатѣйшимъ жителямъ Панамы съ просьбою о займѣ и немедленно получилъ отъ нихъ нужныя суммы; его извѣстная честность и правдивость открывали ему всѣ сундуки богачей.

Вмѣстѣ съ вооруженіемъ собственнаго войска королевскій уполномоченный послалъ письма въ Мексику и Гватималу, приглашая, именемъ короля, тамошнихъ правителей приготовить все нужное для поданія ему помощи противъ бунтовщиковъ, по первому требованію. Къ Бенальказару послано было нѣсколько гонцовъ съ приглашеніемъ спѣшить въ сѣверный Перу и соединиться тамъ съ Гаскою, тотчасъ по выходѣ послѣдняго тамъ на берегъ. Дѣло вооруженія флота и войска шло необыкновенно быстро, и всѣ жители Панамы, безъ исключенія, старались всѣми зависящими отъ нихъ средствами

способствовать исполненію приказаній Гаски, надѣясь показать чрезъ это свою преданность королевской волѣ.

Тотчасъ по полученіи въ свою власть флота, Гаска отправилъ Альдану съ небольшою эскадрою изъ четырехъ кораблей, приказавъ ему крейсировать предъ Лимою и подавать, въ случаѣ нужды, помощь тѣмъ изъ жителей, которые бы желали перейти къ исполненію ихъ законныхъ обязанностей. Альданѣ были вручены полномочія для объявлянія прощенія тѣмъ, кто захочетъ добровольно перейти на сторону королевскаго войска.

А между тѣмъ письма и прокламаціи Гаски, посланныя въ Перу съ доминиканскимъ монахомъ и другими путями, производили ожиданное дѣйствіе. Бо́льшая часть испанскихъ переселенцевъ была искренно предана законной власти и притомъ видѣла въ немъ непоколебимый оплотъ спокойствія и утвержденія правъ собственности. Несмотря на строгость принятыхъ Гонзаломъ мѣръ, онъ ясно видѣлъ, что въ случаѣ открытаго столкновенія съ королевскою арміею многіе изъ его нынѣшнихъ приверженцевъ оставятъ его и воспользуются предложеннымъ короною всепрощеніемъ. Карвахаль не утаилъ предъ Пизарромъ, что прокламаціи Гаски, обѣщавшія всепрощеніе въ случаѣ покорности, гораздо опаснѣе многочисленной арміи, которую бы онъ могъ привести изъ Кастиліи. Но Гонзало, еще не знавшій о переходѣ Хиньохозы и Альданы на сторону Гаски, считалъ панамскій флотъ несокрушимымъ оплотомъ владычества своего надъ Перу.

Въ это время прибылъ въ Лиму Паньягуа съ депешами Гаски и письмомъ императора къ Пизарру. Настала для послѣдняго рѣшительная минута, и онъ обратился за совѣтомъ къ наперстникамъ своимъ Карвахалю и Цепедѣ. Предусмотрительный умъ перваго ясно видѣлъ настоящее положеніе дѣлъ и потому совѣтовалъ Пизарру немедленно принять всепрощеніе и мирныя предложенія Гаски; «вѣстнику всепрощенія—говорилъ Карвахаль— вымостилъ бы я дорогу до Лимы золотомъ и серебромъ». Но Цепеда былъ другого мнѣнія: онъ зналъ, что въ случаѣ господства Гаски надъ Лимою, онъ недолго останется въ Перу, и что по возвращеніи въ Испанію ему трудно надѣяться помилованія за открытый бунтъ противъ вице-короля и за другіе оскорбительные противу короны поступки. Поэтому онъ совѣтовалъ Пизарру не покоряться Гаскѣ и не пускать королевскаго уполномоченнаго въ Лиму. Затѣялся страшный споръ, въ которомъ Пизарро, мучимый честолюбіемъ, принялъ сторону Цепеды. Карвахаль долженъ былъ уступить, заключивъ свою рѣчь тѣмъ, что у него для веревки и топора точно такая же толстая шея, какъ и у другихъ, но что ему, прожившему болѣе 80 лѣтъ на бѣ-

ломъ свѣтѣ, рѣшительно все равно умереть сегодня или завтра, отъ меча въ сраженіи, отъ топора на плахѣ или отъ старческихъ недуговъ въ мягкой постели; если Гонзало и Цепеда могутъ тоже сказать про себя, то онъ готовъ съ ними продолжать возстаніе противъ короля, покуда имъ вздумается и покуда обстоятельства позволятъ. Дѣло рѣшилось тѣмъ, что Гонзало отвергнулъ предложенія Гаски и открыто сталъ противъ короля.

Вскорѣ послѣ такого рѣшенія получены были въ Лимѣ извѣстія о переходѣ Альданы и Хиньохозы на сторону Гаски, о передачѣ ему флота и объ отпаденіи многихъ городовъ сѣвернаго Перу отъ владычества Гонзала. Пуэлла, командовавшій въ Квито, былъ убитъ собственными солдатами, которые, объявивъ Гонзала измѣнникомъ, рѣшились стать противъ него подъ королевскими знаменами.

Такія вѣсти дошли и до Діега Центена, скрывшагося отъ преслѣдованій Карвахаля въ Андской пещерѣ близь Арекваны. Онъ вышелъ изъ убѣжища, гдѣ скрывался около года, и, собравъ на-скоро небольшую толпу приверженцевъ, напалъ ночью на Куско и овладѣлъ имъ во имя короля. Потомъ двинулся онъ въ провинцію Чаркасъ, гдѣ поставленные Пизарромъ гарнизоны добровольно перешли на его сторону и составили отрядъ, заключавшій въ себѣ около тысячи человѣкъ. Осѣнивъ себя королевскимъ знаменемъ, Центено съ союзными офицерами повелъ эту небольшую армію на берега озера Титикаки, гдѣ и расположился лагеремъ, ожидая приказаній Гаски или удобнаго случая начать непріятельскія дѣйствія противъ Гонзала.

Обладатель Перу былъ пораженъ неожиданною вѣстію объ отпаденіи тѣхъ изъ своихъ сподвижниковъ, которыхъ считалъ искреннѣйшими своими друзьями. Онъ однакожь нетерялъ времени въ безполезныхъ жалобахъ и приступилъ къ немедленнымъ распоряженіямъ для сопротивленія грозящей бѣдѣ. Онъ писалъ къ предводителямъ отрядовъ, оставшихся ему вѣрными, чтобы они были готовы явиться на-помощь по первому призыву, предупреждая ихъ притомъ противъ козней королевскаго посланца, что, такъ-какъ полномочіе Гаски дано было ранѣе полученія въ Испаніи извѣстія объ аньяквитской битвѣ и умерщвленіи Нуньеца, то полномочіе это отнюдь не простиралось на дарованіе прощенія убійцамъ вице-короля; да и притомъ никогда испанскій дворъ не проститъ подобнаго преступленія. Приготовленія Пизарра были такъ быстро ведены, что чрезъ нѣсколько недѣль у него было въ Лимѣ около тысячи человѣкъ воиновъ прекрасно вооруженныхъ и опытныхъ въ военномъ дѣлѣ. Въ числѣ предводителей этой дружины былъ воинственный юристъ Цепеда, промѣнявшій мантію лиценціата на панцырь

рыцаря. Но главный начальникъ и образователь этого войска былъ Карвахаль, на искусство и опытность котораго Гонзало возлагалъ величайшія надежды.

Вооруженіе такого значительнаго отряда и въ такое короткое время необходимо должно было стоить Пизарру огромной суммы денегъ; если принять еще въ соображеніе необыкновенно великое жалованье, назначенное даже простымъ латникамъ, то никто не удивится, если мы скажемъ, что первыя приготовленія стоили болѣе полумилліона золотыхъ пезо. Такъ-какъ, несмотря на страшное количество серебра, добытое изъ потозскихъ рудниковъ, пизаррова казна была истощена быстрымъ сооруженіемъ значительнаго флота, то владѣтель Перу былъ принужденъ прибѣгнуть къ займамъ, не всегда добровольнымъ, у богатѣйшихъ жителей Лимы и наконецъ даже къ различнымъ новымъ налогамъ по поводу предстоящихъ военныхъ дѣйствій. Нѣтъ сомнѣнія, что такія мѣры породили множество неудовольствій между гражданами, всячески старавшимися избѣгнуть необыкновенныхъ поборовъ и такое, хотя и не явное, сопротивленіе его волѣ чрезвычайно раздражало Гонзала Недовѣрчивость его, при видѣ безпрерывныхъ измѣнъ, возрасла до высочайшей степени и совершенно измѣнила прежній ласковый и снисходительный характеръ: онъ сдѣлался золъ и жестокъ, и царство ужаса и казней водворилось въ Лимѣ. Строго запрещено было выходить даже за ворота города; торговля прекратилась, и всякой, кто только могъ, искалъ удобнаго случая бѣжать отъ тиранніи встревоженнаго владыки.

Въ этихъ обстоятельствахъ Цепеда вздумалъ разъиграть странный юридическій фарсъ: онъ составилъ уголовную коммиссію, которая за-очно приговорила Гаску, Хиньохозу и Альдана къ смерти. Впрочемъ этотъ шутовской приговоръ былъ подписанъ однимъ только Цепедою: всѣ прочіе заковковѣдцы Лимы отказались компрометировать себя подписью своихъ именъ подъ такимъ актомъ.

Наконецъ пришла въ Лиму вѣсть о томъ, что эскадра Альданы приближается къ гавани Каллао. Альдана вышелъ изъ Панамы въ половинѣ февраля 1547 года и по дорогѣ зашелъ въ Трухильо, гдѣ нашелъ жителей готовыхъ покориться королевской волѣ. Отвсюду приходили вѣсти, что начальники отрядовъ, расположенныхъ по внутреннимъ городамъ, желаютъ стать подъ знамена императорскаго уполномоченнаго; Альдана послалъ къ нимъ гонцовъ, назначая Кахамалку сборнымъ мѣстомъ, гдѣ вѣрные престолу воины должны ожидать прибытія Гаски. Затѣмъ онъ поплылъ далѣе къ Лимѣ.

Узнавъ о приближеніи Альданы, Пизарро изъ опасенія, что граждане Лимы и находящіяся при немъ войска также перейдутъ на

сторону его противниковъ, вывелъ свою небольшую армію изъ Лимы и расположился лагеремъ въ недалекомъ разстояніи отъ берега, разставивъ пикеты, которымъ было строжайше приказано не допускать никакихъ сношеній между городомъ и эскадрою. Цепеда при этомъ случаѣ собралъ гражданъ и объявилъ имъ, что они могутъ свободно выбирать между Пизарромъ и Гаскою: всякой видѣлъ, что тутъ свободный выборъ существовалъ только на словахъ и объявить себя на сторонѣ Гаски значило добровольно нести голову на плаху; поэтому всѣ возобновили присягу на вѣрность Пизарру. Карвахаль смѣялся надъ этими продѣлками, хорошо понимая, что вынужденная присяга будетъ нарушена тотчасъ же, какъ представится къ тому удобный случай, и предсказаніе его сбылось.

Альдана безпрепятственно сталъ на якорь предъ гаванью Лимы, въ которой не было ни одного корабля для защиты города; Цепеда, опасаясь, что стоявшіе въ гавани пять кораблей могутъ послужить гражданамъ Лимы пособіемъ для бѣгства, присовѣтовалъ Пизарру сжечь эти суда. Карвахаля не было въ Лимѣ, когда былъ исполненъ этотъ неблагоразумный совѣтъ, и онъ сильно негодовалъ на безразсудное истребленіе эскадры, такъ необходимой въ настоящихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ.

Альдана обнародовалъ копію съ полномочія, даннаго Гаскѣ, и нашелъ случай доставить въ Лиму прокламаціи о всепрощеніи тѣмъ, кто покорится королевской волѣ. Гонзало съ негодованіемъ отвергъ эти предложенія; зато большая часть жителей, всякими средствами, старалась воспользоваться предложеннымъ прощеніемъ: многимъ удалось бѣжать изъ города въ эскадру; нѣкоторые однакожь были пойманы и безжалостно казнены Карвахалемъ. Такъ-какъ путь къ берегу былъ строго оберегаемъ, на другіе же выходы изъ города едва обращалось вниманіе, то въ одну ночь нѣсколько сотъ жителей бѣжали изъ Лимы внутрь страны и, укрывшись въ горныхъ ущелинахъ и лѣсахъ, старались пробраться въ Трухильо и другіе города, признавшіе уже власть королевскаго уполномоченнаго. Въ числѣ послѣднихъ бѣглецовъ находился и лиценціатъ Карвахаль (котораго не должно смѣшивать съ его воинственнымъ соименникомъ): то былъ родной братъ рыцаря, умерщвленнаго Власкою Нуньецомъ, присутствовавшій, какъ мы выше сказали, при убіеніи вице-короля. Примѣръ человѣка, столь виновнаго предъ королемъ и получившаго прощеніе, былъ заразителенъ, и бѣгства изъ Лимы стали повторяться ежедневно, несмотря ни на какой надзоръ. Пизарро выходилъ изъ себя; но Карвахаль, предвидѣвшій все это, былъ очень доволенъ случаю показать Гонзалу, какъ дурно поступилъ послѣдній, пренебрегши совѣтомъ опытнаго вождя и ввѣрившись Цепедѣ. Старый

полководецъ, при каждой вѣсти о новыхъ побѣгахъ, такъ бѣсившихъ Пизарра, спокойно распѣвалъ старинную испанскую пѣсню:

«Estos mis cabellicos, madre:
«Das à dos me los lleva el aire.

что́ значитъ:

«Вѣтеръ уноситъ мои волосы, матушка:
«Пара за парой улетятъ они всѣ на воздухъ.

Что́ оставалось дѣлать Пизарру въ такихъ обстоятельствахъ? Сѣверъ былъ для него уже потерянъ; измѣна окружала его въ центрѣ Перу; а на югѣ стоялъ Центено съ войскомъ, вдвое многочисленнѣйшимъ гонзалова. По собраннымъ свѣдѣніямъ, оказывалось, что только одна Арексвина нераздѣльно и единодушно была предана Пизарру: туда рѣшился онъ вести свое войско.

Послѣ быстраго, труднаго перехода, Гонзало пришелъ въ Арексвину, гдѣ и соединился съ находившимся тутъ отрядомъ; но, несмотря на такое подкрѣпленіе, дружина Пизарра едва доходила до 500 человѣкъ, потому-что многіе воины бѣжали на пути, предпочитая получить всепрощеніе и служить подъ королевскимъ знаменемъ, чѣмъ биться за безнадежную будущность падающаго правителя. За нѣсколько недѣль предъ тѣмъ, Гонзало считалъ у себя въ лагерѣ подъ Лимою болѣе тысячи человѣкъ; а за полгода былъ онъ неограниченнымъ и полновластнымъ повелителемъ цѣлаго Перу, гдѣ никто не смѣлъ и помышлять о сопротивленіи его волѣ. Божіи судьбы неисповѣдимы!

Едва удалился Гонзало изъ Лимы, какъ исполнилось предсказаніе Карвахаля, и жители, забывъ комедіи Цепеды, отворили ворота Альдакѣ и безусловно покорились королевской волѣ. Альдана водрузилъ кастильское знамя на стѣнахъ Лимы и объявилъ жителямъ прощеніе короля за прежнія возмущенія, въ награду за настоящую покорность.

Между тѣмъ самъ Гаска съ цѣлымъ флотомъ вышелъ изъ Панамы 10 апрѣля 1547 года. На пути встрѣтили его такія страшныя бури, что спутники уговаривали его возвратиться назадъ; но Гаска, понимая, что этимъ онъ совершенно погубитъ свой планъ и потерястъ всѣ пріобрѣтенныя выгоды, рѣшительно объявилъ, что лучше потонетъ въ морѣ, чѣмъ воротится назадъ. Послѣ неимовѣрныхъ усилій удалось флоту достигнуть острова Горгоньи, гдѣ Гаска рѣшился подождать, пока успокоятся взбунтовавшіяся стихіи и позволятъ безпрепятственно продолжать путь далѣе. Какъ скоро погода поправилась, онъ опять пошелъ въ море и 13 іюня вышелъ на берегъ въ Тумбецѣ.

Гаска былъ повсюду встрѣчаемъ, какъ благодатный вѣстникъ мира и прощенія: безпрерывно получалъ онъ извѣстія о присоединеніи къ нему отрядовъ, стоявшихъ во внутреннихъ городахъ и спѣшившихъ на сборный пунктъ въ Кахамалку. Туда же послалъ онъ бо́льшую часть привезеннаго изъ Панамы войска, подъ предводительствомъ Хиньохозы, приказавъ послѣднему принять начальство надъ всѣми войсками, собравшимися въ Кахамалкѣ, и итти съ ними въ Хауху, гдѣ назначалась главная квартира и куда Гаска прибылъ другимъ путемъ чрезъ Трухильо.

Еще до прибытія въ Хауху, Гаска получилъ вѣсть о вооруженіи Центена и о бѣгствѣ Пизарра въ Ареквину. Центено писалъ, что предводитель бунтовщиковъ хочетъ пробиться на югъ въ Чили, но что онъ съумѣетъ охранить горные проходы и надѣется въ скоромъ времени овладѣть самимъ Пизарромъ, котораго клялся не выпустить изъ рукъ. Эта вѣсть привела королевское войско въ неописанный восторгъ. Многіе офицеры, зная превосходную силу и выгодное положеніе Центена, считали побѣду несомнѣнною и войну оконченною, такъ-что королевскому уполномоченному не пришлось даже обнажить меча; почему совѣтовали Гаскѣ распустить бо́льшую часть войска, собраннаго въ Хаухѣ. Но благоразумный Гаско не согласился съ такими совѣтами и рѣшился спокойно ожидать вѣстей отъ Центена. Послѣдствія оправдали такую осмотрительность, потому-что дѣла на югѣ приняли совершенно неожиданный оборотъ.

Въ слѣдующей, *послѣдней*, статьѣ мы разскажемъ минутное торжество и послѣдовавшее за тѣмъ паденіе Пизарра, казнь бунтовщиковъ и окончательное покореніе Перу испанской коронѣ.

ДРАМА СКРИБА И КРИТИКА ГУСТАВА ПЛАНША.

Въ половинѣ минувшаго апрѣля, на одномъ изъ парижскихъ театровъ, была въ первый разъ представлена новая драма-комедія, написанная Скрибомъ и Легувэ: «Адріенна Лёкуврёръ». Успѣхъ былъ блестящій, понятный безъ дальнѣйшихъ объясненій: довольно было бы сказать, что двѣ главныя женскія роли были заняты госпожами Рашель и Аллань; но когда дѣло идетъ о драматическомъ произведеніи неистощимаго и даровитаго Скриба, то отзывъ не можетъ ограничиться голословнымъ показаніемъ только одного факта театральнаго успѣха. Тутъ можетъ быть забота и для литературной критики. На этомъ основаніи мы и соединили съ именемъ новой драмы Скриба критическій отзывъ Густава Планша, помѣщенный въ первой майской книжкѣ *Revue des deux mondes*. Мы прочли драму и разборъ ея, написанный однимъ изъ корифеевъ французской критики, и постараемся, съ нашей точки зрѣнія, познакомить съ обѣими нашихъ читателей.

Адріенна Лёкуврёръ принадлежитъ къ числу тѣхъ немногихъ женщинъ, которыя въ особенности предназначены въ героини поэтическаго произведенія. Судьба, украсивъ ее вѣнкомъ славы, вплела въ него два цвѣтка, которые окружили ея имя благоуханіемъ поэзіи: цвѣтки искусства и любви. Преданіе, отбросивъ все, что̀ правдивая исторія съ образомъ Адріенны хотѣла соединить неграціознаго, заботливо оставило при ней только память о талантѣ и печальную повѣсть любви. Такимъ образомъ воображеніе получило полную свободу черпать изъ родника этого преданія, безъ боязни загрязнить себя прикосновеніемъ къ прозаической дѣйствительности. Поэту даже почти не представляется необходимости отступать отъ завѣщаннаго преданіемъ разсказа: оно само уже заранѣе такъ опоэтизировало личность этой женщины, что остается только происшествія ея жизни подвесть подъ ту форму, которой требуетъ родъ произведенія, замышленнаго поэтомъ.

«Жизнь Адріенны Лёкуврёръ — говоритъ Густавъ順Планшъ — приведенная къ своимъ положительнымъ фактамъ, какою передали ее

біографы, представляетъ все, что можетъ увлечь воображеніе. Въ пятнадцать лѣтъ, Адріенна сама не понимала себя и, даже смутнымъ образомъ, не предвидѣла готовившейся ей славной судьбы; одинъ случай рѣшилъ ея призваніе. Отецъ ея, бѣдный шляпочникъ, жилъ неподалеку отъ Французскаго театра, въ той улицѣ, которая теперь называется улицею Древней комедіи. Адріенна, слушая разсказы объ успѣхахъ современныхъ актрисъ, задумала вступить на драматическое поприще. Въ пятнадцать лѣтъ, ей рукоплескали на домашнихъ театрахъ. Родившись въ послѣднихъ годахъ XVII столѣтія, въ 1690, она, въ продолженіи двѣнадцати лѣтъ, то есть съ 1705 до 1717, испытала свой талантъ во всѣхъ, или по-крайней-мѣрѣ въ труднѣйшихъ роляхъ Корнеля, Расина и Мольера. На двадцать седьмомъ году, она подписала условія съ Стразбургскимъ театромъ, какъ въ тоже время получила приказаніе дебютировать во Французской комедіи. Ея первое появленіе было торжествомъ. По словамъ современниковъ, она была невысокаго роста; но въ ея походкѣ было столько благородства и величія; ея взглядъ и движенія такъ прекрасно выражали возвышенность, страсть и спокойствіе лицъ, которыя она представляла; голосъ ея, котораго звуки были необыкновенно мягки, находилъ столько разнообразныхъ выраженій для всѣхъ оттѣнковъ чувства и мысли; во всей ея наружности было столько моложавости и подвижности, столько неожиданной граціи и величественной смѣлости, что зрители, очарованные прелестью ея произношенія, выраженіемъ лица, совершенно забывали актрису и видѣли только героиню. Въ этомъ отношеніи, представляется множество свидѣтельствъ, самыхъ неопровержимыхъ; довольно привести одно: свидѣтельство Вольтера.

«Адріенна Лёкуврёръ произвела на театрѣ совершенный переворотъ. Въ эпоху ея появленія, трагическая декламація и часто даже и декламація комическая походили нѣкоторымъ образомъ на пѣніе. Хотя это пѣніе и не было положено на ноты, однако тѣмъ не менѣе подчинялось неумолимымъ законамъ; никому не позволялось, подъ опасеніемъ презрѣнія или гнѣва слушателей, нарушить музыкальныя преданія роли, созданной главнымъ ея представителемъ. Дѣвица Дюкло, родившаяся въ 1664 году, то есть двадцатью шестью годами прежде Адріенны Лёкуврёръ, владѣла въ то время расположеніемъ общества; декламировать иначе нежели она, говорить вмѣсто того, чтобы пѣть, замѣнить напыщенность непринужденностью, возгласы—простыми и естественными звуками голоса, сообразовать выраженіе съ самымъ движеніемъ страсти казалось дерзостью. Это значило объявить войну всѣмъ предразсудкамъ толпы; это значило сказать ей на-чисто, что она въ теченіи многихъ лѣтъ блуждала по

странной дорогѣ. Несмотря на то, Адріенна не колебалась ни минуты. Такъ-какъ она имѣла счастіе не брать уроковъ у учителя, привыкнувшаго къ рукоплесканіямъ, особенно питалась чтеніемъ и размышленіемъ, свободно сравнивала идеалъ трагическихъ героинь съ странными лицами, которымъ удивлялась толпа; такъ-какъ она допрашивала свое сознаніе, совѣтовалась съ своимъ сердцемъ, не принимая въ расчетъ освященныхъ временемъ правилъ, то истина, простая и строгая, была для нея гладкимъ полемъ. Когда Адріенна хотѣла быть естественною, вѣрно передать мысль поэта, ей стоило только прислушаться къ самой себѣ, и сердце ея наполнялось воспоминаніями.

«Вольтеръ, если вѣрить письму его, писанному къ Тиріо черезъ годъ послѣ смерти Адріенны, былъ ея поклонникомъ, другомъ и любимцемъ. Д'Аржанталь былъ менѣе счастливъ. Есть два трогательныхъ письма Адріенны, гдѣ во всей наготѣ выказывается ея прямодушіе: одно, писанное къ госпожѣ Феріоль, матери графа д'Аржанталя, и другое къ самому д'Аржанталю. Госпожа Феріоль хотѣла удалить отъ себя своего сына, для того, чтобы излечить страсть его къ Адріеннѣ; мадмуазель Лёкуврёръ умоляетъ госпожу Феріоль оставить его и проситъ совѣта, какъ ей держать себя въ отношеніи къ нему. Она предлагаетъ написать къ нему въ такихъ выраженіяхъ, какія покажутся госпожѣ Феріоль самыми благоразумными и рѣшительными. Адріенна была десятью годами старше д'Аржанталя, и, чтобъ излечить его, обращается къ нему тономъ матери. Невозможно безъ полнаго сочувствія читать эти два письма: такъ много въ каждой строкѣ краснорѣчія и убѣжденія истины. Въ этихъ простодушныхъ изліяніяхъ искусство не играетъ никакой роли; въ нихъ прямое сердце просто высказываетъ то, что́ чувствуетъ; даже это отсутствіе искуственности придаетъ этимъ письмамъ достоинство и прелесть, какія самое искусство представляетъ рѣдко.»

Успѣхи на сценѣ, преобразованіе искусства, строгое изученіе произведеній, наиболѣе ознаменовавшихъ такъ называемый золотой вѣкъ французской литературы, составляли впрочемъ только половину жизни Адріенны Лёкуврёръ. Здѣсь скрываются тѣ заслуги, которыя дали ей право записать свое имя на страницахъ исторіи искусства. Другая половина была отдана любви. И эта половина сдѣлала Адріенну добычею поэтическаго творчества.

Для многихъ жизнь актрисы и цѣпь *романическихъ* приключеній составляютъ два понятія, нераздѣльно между собою связанныя. Но такое мнѣніе имѣетъ мало общаго съ исторіею Адріенны. Ея пылкій характеръ, нѣжная, глубокая душа, воспитанная возвышенными

мыслями и чувствами, которыя она изучала въ творенiяхъ поэтовъ, не могли унизиться до легкомысленной страсти. Отъ природы склонная къ любви, окруженная всѣмъ блескомъ свѣта, всѣми искушенiями, встрѣчающимися поминутно на пути молодой, красивой и свободной женщины, Адрiенна Лёкуврёръ, безъ сомнѣнiя, не могла остаться ни глухою, ни равнодушною къ голосу любви, который раздавался возлѣ нея то громко, то шопотомъ, то съ дерзкою настойчивостiю самоувѣренности, то съ робкою таинственностiю истины. Но единогласныя показанiя современниковъ удостовѣряютъ, что любовь для Адрiенны не была праздною забавою; она любила со всѣмъ чистосердечiемъ искренности.

Исторiя особенно сохранила память о любви ея къ графу Морицу саксонскому. И этотъ-то эпизодъ избранъ Скрибомъ и Легувэ для ихъ новой драмы. Авторы искусно воспользовались всѣмъ, чтó историческая правда, на-половину смѣшанная съ вымысломъ преданiя, представила имъ наиболѣе поразительнаго и драматическаго.

Въ первомъ актѣ дѣйствiе происходитъ въ будуарѣ герцогини бульонской. Сидя за туалетомъ, она занята болтовнею съ придворнымъ аббатомъ. Новость и сплетня — первый подарокъ, приносимый этимъ собесѣдникомъ. Влюбленный въ героиню, онъ хочетъ разсказать ей проказы ея мужа съ актрисой Дюкло, но герцогиня не только знаетъ все, но даже признается безъ всякаго смущенiя, что сама же покровительствуетъ увлеченiямъ герцога для того, чтобы держать его въ своихъ рукахъ. Бѣдный аббатъ, опоздавшiй съ своимъ доносомъ, разсыпается въ извиненiяхъ и признается въ любви своей. Входитъ герцогъ съ ящичкомъ, гдѣ спрятанъ самый гибельный изъ всѣхъ ядовъ: герцогъ занимается химiей, и академiя поручила ему изслѣдовать эту страшную драгоцѣнность. «Прекрасно!» отвѣчаетъ жена въ отвѣтъ на объясненiя мужа: «но изъ вашихъ ученыхъ изслѣдованiй узнаю ли я, чтó сталось съ вами вчера?» — «Чтó сталось, герцогиня?» въ свою очередь спрашиваетъ довольный собою супругъ и для извиненiя своихъ любовныхъ продѣлокъ даритъ герцогинѣ великолѣпный браслетъ. Она въ восторгѣ отъ подарка и еще болѣе отъ влiянiя, которымъ пользуется надъ мужемъ, и обращается къ герцогинѣ д'Омонъ. Атенаиса, страстная поклонница таланта Адрiенны, узнавъ, что знаменитая актриса должна на слѣдующiй день декламировать у герцогини бульонской, проситъ позволенiя явиться на вечеръ, и тутъ начинаются между герцогинями, герцогомъ и аббатомъ разсказы о тѣхъ сплетняхъ, которыя ходятъ по городу о побѣдахъ мадмуазель Лёкуврёръ. Безъ сомнѣнiя, разговоръ касается главнаго героя любовныхъ похожденiй того времени, графа Морица

Саксонскаго; но вотъ и самъ графъ. Скоро герцогиня и Морицъ остаются съ глазу на глазъ.

Герцогиня. Наконецъ я васъ вижу. Два мѣсяца — и ни одной строчки; даже о возвращеніи вашемъ я узнала отъ герцогини д'Омонъ; я думала, что вы и не заглянете ко мнѣ.

Морицъ. Мой первый выѣздъ къ вамъ, герцогиня.... возвратившись въ эту ночь....

Герцогиня. Вы еще никого не видѣли утромъ?...

Морицъ. Только статсъ секретаря военнаго министерства.... *(припоминая)* кардиналъ-министра.... и старшаго чиновника, которые, впрочемъ, всѣ приняли меня довольно дурно и подали мнѣ мало надежды!

Герцогиня. Зато другіе вознаградили васъ!

Морицъ. Чтó вы хотите сказать?

Герцогиня *(съ самого начала сцены пристально смотрѣвшая на букетъ цвѣтовъ въ петлицѣ Морица)*. Мнѣ что-то не вѣрится: ужели статсъ-секретарь или кардиналъ-министръ подарили вамъ этотъ букетъ изъ розъ?

Морицъ *(съ замѣшательствомъ)*. Ахъ, да!... я и забылъ! а вы видите все!

Герцогиня. Кто далъ вамъ эти цвѣты?

Морицъ *(смѣясь)*. Кто?... молоденькая цвѣточница.... и прехорошенькая, право.... которую я повстрѣчалъ у самого подъѣзда вашего: она такъ упрашивала меня купить эти цвѣты....

Герцогиня. Что вы вспомнили обо мнѣ...

Морицъ *(съ живостію)*. Да, герцогиня!

Герцогиня. Какое милое воспоминаніе!... я беру ихъ, графъ, беру....

Морицъ *(съ замѣшательствомъ подавая ей букетъ)*. Вы слишкомъ добры!...

Герцогиня *(громко и какъ-будто любуясь букетомъ)*. Какая прелесть!... а главное: въ настоящую минуту.... хоть можетъ быть вы и не стоите моихъ заботъ о васъ.... надо подумать о дѣлахъ вашихъ.... вы говорите, что кардиналъ-министръ.... дурно принялъ васъ....

Морицъ. Очень дурно.

Герцогиня. Я постараюсь перемѣнить его расположеніе.... вы получите ваши два полка.

Морицъ. Ужели правда?

Герцогиня. Я поѣду въ Версаль.... и чтобы вы могли знать вовремя все, чтó я сдѣлаю, чтó я узнаю....

Морицъ. Я пріѣду сюда....

Герцогиня. Сюда.... нѣтъ! Толпа любопытныхъ и лишнихъ, не считая моего мужа, не даютъ мнѣ ни одной свободной минуты.... Послушайте: герцогъ бульонскій купилъ для Дюкло прехорошенькій, премиленькій домикъ возлѣ Гранжъ-Бательеръ.... почти за-городомъ... я могу располагать имъ.... только тамъ я приму васъ.

Морицъ. Въ домѣ, который принадлежитъ. ..

Герцогиня. Моему мужу!... тѣмъ лучше! у него тоже, чтó у меня....

Морицъ *(весело)* Право, герцогиня, только вы способны на такія соображенія!

Герцогиня. Да, это довольно замысловато.... Когда будетъ можно и нужно, вамъ будетъ писать сама мадмуазель Дюкло и иногда я!

Морицъ. И вы не боитесь?...

Герцогиня. Ничего!.. Дюкло мнѣ предана.... судьба ея въ моихъ рукахъ....

Морицъ. Понимаю.... а я.... *(всторону)* Согласиться, когда я люблю другую; нѣтъ, лучше все сказать ей.... *(громко)* я не знаю, какъ благодарить васъ, герцогиня, за ваше великодушіе, за вашу преданность....

Герцогиня. Согласіемъ!... Тише! кто-то идетъ!... Кто тамъ? *(нетерпѣливо оборачивается)* Ничего.... это аббатъ....

Морицъ *(почтительно кланяется герцогинѣ и уходитъ, говоря всторону)*. Послѣ, послѣ!

Графъ ушелъ, но герцогиня неспокойна: букетъ розъ пробудилъ въ ней ревнивыя подозрѣнія; какъ открыть, кѣмъ занятъ Морицъ, кого предпочитаетъ онъ ей, герцогинѣ, которая любитъ его? Герцогиня поручаетъ услужливому аббату узнать эту тайну. По уходѣ герцогини появляется мужъ. Аббатъ разсказываетъ ему, что по важнымъ причинамъ ему необходимо открыть предметъ страсти Морица. Самъ герцогъ обѣщаетъ помочь ему.

Во второмъ актѣ, сцена представляетъ фуайе Французской комедіи; являются актеры и разговариваютъ о закулисныхъ ссорахъ. Даютъ «Баязета». Адріенна играетъ въ роли Роксаны. Театральный режиссёръ Мишоннэ расхваливаетъ мадмуазель Лёкуврёръ, которая наконецъ выходитъ, держа въ рукахъ свою ролю. Утромъ она видѣла Морица, и его возвращеніе нарушило обычное спокойствіе ея духа. Это безпокоитъ добряка Мишоннэ, который любитъ Адріенну. «Ты учишь свою ролю?» спрашиваетъ онъ.

Адріенна Да.

Мишоннэ *(съ замѣшательствомъ)*. Кстати.... если я не обезпокою тебя.... я. который такъ долго.... играю довѣренныхъ наперсниковъ, я бы очень хотѣлъ въ свою очередь.... что нибудь ...

Адріенна *(съ участіемъ)*. Мнѣ повѣрить....

Мишоннэ. Такъ точно!... Ты помнишь моего дядю, лавочника въ улицѣ Феру?

Адріенна. Конечно.

Мишоннэ. Бѣдняжка-то умеръ.

Адріенна Ахъ, тѣмъ хуже!

Мишоннэ. Да, да, тѣмъ хуже! Впрочемъ онъ оставилъ мнѣ въ наслѣдство десять тысячь ливровъ.

Адріенна. Тѣмъ лучше.

Мишоннэ. Не совсѣмъ лучше!... потому-что у меня никогда не было такъ много денегъ, и я не знаю куда дѣвать ихъ; это мучитъ меня.

Адріенна *(улыбаясь)*. Такъ тѣмъ хуже.

Мишоннэ. Не совсѣмъ.... потому-что это подаетъ мнѣ мысль, которая прежде не приходила мнѣ въ голову.... мысль жениться....

Адріенна. Ты правъ.... *(Вздыхаетъ)* если бы и я такъ же могла.... я....

Мишоннэ *(съ радостію)*. Ты такъ же не прочь отъ этой мысли?

Адріенна. Развѣ ты не замѣтилъ, какъ всѣ говорятъ съ нѣкотораго времени, что талантъ Адріенны очень измѣнился.

Мишоннэ. Правда!... онъ растетъ!... Никогда не играла ты Федры, какъ третьяго дня.

Адріенна *(съ живостью и самодовольствомъ)*. Не правда ли?... Въ этотъ день я такъ страдала! я была такъ несчастна!... *(Улыбаясь)* Это счастье бываетъ не каждый вечеръ!

Мишоннэ. И отчего это?

Адріенна. Въ городѣ говорили о сраженіи!.. и никакого извѣстія!... раненъ.... убитъ, можетъ быть!... Ахъ, весь страхъ, горесть, отчаяніе сердца,—я все отгадала, все вытерпѣла!... Теперь я все могу выразить, особенно радость.... я опять увидѣла его!

Мишоннэ *(внѣ себя)*. Чтó слышу я!... ты любишь кого-то....

Адріенна. Могу ли я скрыть это отъ тебя, моего лучшаго друга?

Мишоннэ *(стараясь успокоиться)*. Но.... какъ это случилось?

Адріенна. При разъѣздѣ съ бала Оперы, нѣсколько молодыхъ офицеровъ, которыхъ разсудокъ былъ, безъ сомнѣнія, омраченъ веселымъ ужиномъ (а безъ того кто бы изъ нихъ осмѣлился оскорбить женщину?), хотѣли помѣшать мнѣ сѣсть въ карету, какъ вдругъ одинъ молодой человѣкъ, котораго я вовсе не знала, закричалъ: «господа, это мадмуазель Лёкуврёръ.... вы дадите ей дорогу». Четверо противниковъ разсмѣялись надъ этимъ приказаніемъ; но мой странный защитникъ, съ быстротою и необыкновенною силою, однимъ ударомъ повергнулъ двухъ изъ противниковъ; потомъ схватилъ меня на руки и перенесъ въ карету, между тѣмъ какъ офицеры бросились къ нему съ обнаженными шпагами. «Милостивый государь! вы мнѣ дадите удовлетвореніе!» — Очень охотно! — «Вы начнете съ меня — съ меня — съ меня — кого выбираете вы?» — Всѣхъ, отвѣчалъ онъ, нападая на всѣхъ въ одно время.... и на вырвавшійся у меня крикъ, сказалъ мнѣ: «не бойтесь ничего, оставайтесь; вы будете въ ложѣ перваго яруса, а мы, господа, на сцену!» Чтó сказать тебѣ? я была въ страхѣ и не могла оторвать глазъ отъ этого зрѣлища... и если бы ты видѣлъ, какъ онъ весело отражалъ лезвее этихъ четырехъ шпагъ, устремленныхъ въ грудь его, ты бы сказалъ, что то была

рука и взглядъ героя. Онъ не отступалъ, а вызывалъ ихъ. Но на крикъ толпы со всѣхъ сторонъ сбѣжался дозоръ.... Наши противники, пристыженные своимъ числомъ, и боясь, чтобъ ихъ не узнали при свѣтѣ факеловъ, исчезли одинъ за другимъ съ мѣста сраженія....

Мишоннэ *(съ живостію)*. И ты видѣла его опять?

Адріенна. На другой же день!... Могла ли я запретить ему быть у меня, узнать о моемъ здоровьи, особенно когда онъ признался, что онъ иностранецъ, простой офицеръ, что состоянія и почестей, и даже имени онъ можетъ ожидать только отъ своей храбрости.... И тутъ-то скрывалась для меня вся опасность!... Еслибъ онъ былъ богатъ и силенъ, что̀ мнѣ въ немъ; но какъ противиться ему, когда онъ былъ бѣденъ, несчастенъ, и также, какъ я, мечталъ только о любви и славѣ?

Мишоннэ. О небо!

Адріенна. Три мѣсяца тому назадъ, онъ уѣхалъ отсюда искать счастія съ своимъ соотечественникомъ, молодымъ графомъ саксонскимъ; сегодня утромъ онъ воротился, и первый выѣздъ его былъ ко мнѣ; но и немногія минуты, которыя онъ подарилъ мнѣ, были сокращены необходимостію видѣть генерала, министра, ожидавшихъ его въ Версали; зато вечеромъ онъ обѣщалъ мнѣ быть въ театрѣ!...

Мишоннэ. Онъ пріѣдетъ....

Адріенна. Увидѣть, какъ я играю Роксану!

Мишоннэ *(съ живостію)*. Ахъ, Боже мой! и въ какомъ ты состояніи! Твое замѣшательство.... волненіе.... Ты ничего не можешь сообразить!

Адріенна. Что̀ за дѣло!

Мишоннэ. По крайней мѣрѣ въ этотъ вечеръ, Адріенна, дитя мое, будь прекрасна! Умоляю тебя, будь прекрасна, если не для меня, хоть для этой безумной страсти! Любовь мужчинъ живетъ только самолюбіемъ!... и если Дюкло превзойдетъ тебя.... если ты не будешь лучше ея!...

Адріенна *(вскрикивая)*. Я буду!

И мадмуазель Лёкуврёръ принимается снова твердить свою ролю. Входитъ Морицъ; онъ видитъ Адріенну и прижимаетъ ее къ своему сердцу.

Между тѣмъ герцогъ бульонскій узнаетъ, что Дюкло назначила Морицу свиданіе въ извѣстномъ намъ домикѣ, и сзываетъ туда гостей, съ тѣмъ, чтобы отмстить невѣрной. Адріенна также приглашена и получаетъ отъ самого герцога ключъ отъ домика.

Въ третьемъ актѣ и мадмуазель Лёкуврёръ, и Морицъ, и герцогиня бульонская сходятся вмѣстѣ; но Морицъ ни разу не поставленъ между двухъ соперницъ. Герцогиня пріѣзжаетъ прежде него на мѣсто свиданія, что̀ возбуждаетъ въ ней отчаянный гнѣвъ; но въ минуту, когда онъ готовъ страшно разразиться, является Морицъ. Въ

свое оправданіе, онъ разсказываетъ, что опоздалъ оттого, что на дорогѣ его слѣдили; кто, онъ самъ не знаетъ. Герцогиня слушаетъ съ улыбкой и, дѣлать нечего, должна принять за правду всѣ его извиненія. Тогда Морицъ, понимая всю низость своего положенія въ отношеніи къ обѣимъ женщинамъ, рѣшается пожертвовать одною изъ нихъ. Онъ не хочетъ болѣе лгать и признается герцогинѣ, что не любитъ ея, что любитъ другую женщину. «Кто она?» спрашиваетъ герцогиня. — Кто? повторяетъ она со всѣмъ неистовствомъ ревности. Отвѣчайте, потому-что вы не знаете, на что я способна». — «Оттого-то я и не хочу назвать ее», отвѣчаетъ Морицъ. Но въ то время, какъ герцогиня клянется отмстить и ему и той, которая отняла у нея сердце графа саксонскаго, раздается шумъ кареты и голосовъ, среди которыхъ герцогиня узнаетъ голосъ своего мужа? Что́ дѣлать? Уже слышны приближающіеся шаги; герцогиня убѣгаетъ въ сосѣднюю комнату. Входитъ герцогъ и аббатъ. Обманутый мужъ все продолжаетъ считать себя обманутымъ любовникомъ: онъ все еще думаетъ, что Дюкло назначила свиданіе Морицу. Входитъ Адріенна. Ее удивляютъ и нечаянная встрѣча съ любовникомъ въ домѣ герцога бульонскаго, и насмѣшки надъ нимъ всѣхъ гостей, и названіе графа, которымъ величаютъ его. Но Морицъ успокоиваетъ ее немногими словами. Адріенна не можетъ не вѣрить, чтобъ онъ не любилъ ея; графъ умоляетъ ее спасти спрятанную здѣсь женщину, и она соглашается изъ любви къ нему. Всѣ удаляются, и вотъ обѣ соперницы стоятъ лицомъ къ лицу. Въ комнатѣ темно, такъ-что онѣ не видятъ другъ друга.

Адріенна *(стуча въ дверь)*. Нѣтъ отвѣта.... отворите.... именемъ Морица саксонскаго прошу васъ... *(дверь отворяется)*. Я знала, ничто не устоитъ противъ этого талисмана.

Герцогиня. Что́ вамъ нужно отъ меня?

Адріенна. Спасти васъ!... дать вамъ средство выйти отсюда....

Герцогиня. Всѣ двери заперты.

Адріенна. У меня есть ключъ.... отъ двери изъ сада на улицу.

Герцогиня. *(съ живостью)*. О счастье!... дайте, дайте!

Адріенна. Но... до саду надо дойти такъ, чтобы никто не замѣтилъ!.. а какъ, я не умѣю вамъ сказать, потому-что не знаю этого дома...

Герцогиня. Успокойтесь. Посредствомъ этой потайной двери.... но вы, кому я обязана этой услугой... кто вы?

Адріенна. Все равно.... идите.

Герцогиня. Я не могу узнать лица вашего....

Адріенна. Ни я вашего.

Герцогиня. Но этотъ голосъ знакомъ мнѣ; я не одинъ разъ его слышала.... да, да.... зачѣмъ скрываться вамъ отъ моей благодарности... герцогиня Мирпуа.... это вы?

Адріенна. Нѣтъ!... но бѣгите же скорѣе отъ опасности, которая угрожаетъ вамъ....

Герцогиня. Стало быть вы знаете эту опасность?

Адріенна. Чтó за дѣло, говорю я вамъ; вѣрьте моей скромности и не бойтесь ничего.

Герцогиня. Но эта опасность.... эта тайна.... кто сказалъ вамъ о нихъ.

Адріенна. Тотъ, кто все мнѣ говоритъ.

Герцогиня *(въ сторону)*. О небо! *(громко Адріеннѣ)*. Кто же далъ Морицу право говорить вамъ все?

Адріенна *(беретъ ее за руку)*. А вамъ кто далъ право называть его *Морицомъ*, право допрашивать меня... дрожать... трепетать... потому что рука ваша дрожитъ! вы любите его?

Герцогиня. Всѣми силами души моей!

Адріенна. И я также.

Герцогиня. А, вы та, которую ищу я!

Адріенна. Кто же вы?

Герцогиня *(съ гордостію)*. Больше, чѣмъ вы, конечно!

Адріенна. Кто мнѣ докажетъ это?

Герцогиня. Я погублю васъ.

Адріенна *(надменно)*. А я.... покровительствую вамъ!

Герцогиня. Ахъ, это слишкомъ!... Я увижу лицо ваше....

Адріенна. Я сорву съ васъ маску....

Герцогъ *(за сценой)*. Чортъ возьми! мы узнаемъ всю правду!...

Герцогиня *(въ сторону)*. Голосъ моего мужа.... и бѣжать, когда моя соперница въ моей власти, когда я могла бы узнать ее....

Адріенна. Итакъ, останьтесь...., останьтесь!... вотъ свѣчи!

Герцогиня. Хорошо! да.... я останусь.... нѣтъ, нѣтъ.... я не могу! *(Она скрывается въ потайную дверь)*.

Въ четвертомъ актѣ сцена переносится въ салонъ герцогини бульонской. Собираются гости и ждутъ Адріенну Лёкуврёръ, которая въ этотъ вечеръ приглашена декламировать стихи. Герцогиня встревожена; ей нужно открыть свою соперницу; но какъ, если она знаетъ одинъ голосъ ея? Герцогиня внимательно вслушивается въ слова каждой изъ женщинъ, наполняющихъ ея гостиную. Напрасно! входитъ Адріенна, и герцогиня съ первыхъ звуковъ ея голоса узнаетъ въ ней таинственную женщину, которой она обязана своимъ спасеніемъ, которую любитъ *ея* Морицъ! Чтобы еще болѣе удостовѣриться въ своихъ догадкахъ, герцогиня разсказываетъ выдуманную исторію поединка, въ которомъ будто бы графъ саксонскій тяжело раненъ. При этой вѣсти мадмуазель Лёкуврёръ измѣняетъ себѣ и падаетъ въ обморокъ, но скоро приходитъ въ себя, и тогда начинается одна изъ тѣхъ сценъ, которыхъ эффектъ поразителенъ на театрѣ. Мы передаемъ эту короткую сцену слово въ слово.

Герцогиня (*обращаясь къ дамамъ*). Представьте себѣ, нашъ бѣдненькій аббатъ со вчерашняго дня бѣгаетъ за открытіемъ тайны, и все напрасно! Прекрасная незнакомка, которую обожаетъ графъ саксонскій.... Да, вотъ прекрасно.... (*обращаясь къ Адріеннѣ*) Мадмуазель Лёкуврёръ можетъ быть объяснитъ эту загадку....

Адріенна. Я, герцогиня?

Герцогиня. Безъ сомнѣнія... въ свѣтѣ увѣряютъ, будто предметъ этой страсти принадлежитъ театру.

Аббатъ. Перестаньте же....

Адріенна. Странно! въ театрѣ увѣряли, что эта возлюбленная — знатная дама....

Аббатъ (*глядя на герцогиню д'Омонъ*). Я тоже думаю!

Герцогиня. Моя хроника говоритъ даже о какой-то ночной встрѣчѣ...

Адріенна. А моя о поѣздкѣ въ загородный домъ.

Герцогиня д'Омонъ. Да это презанимательно.

Герцогиня Говорятъ, будто актрису тамъ подстерегла ревнивая соперница.

Адріенна. Утверждаютъ, что знатная дама была выгнана оттуда нескромнымъ мужемъ.

Герцогиня д'Омонъ. Какъ вы обѣ все прекрасно знаете!...

Аббатъ. Лучше, нежели я, признаюсь!

Герцогиня д'Омонъ. Но чтобы поставить насъ въ возможность разсудить, кто дастъ намъ доказательства?

Герцогиня. Мое доказательство — букетъ, оставленный красавицей въ рукахъ своего побѣдителя, — букетъ изъ розъ, связанный золотой шелковой лентой!

Адріенна (*въ сторону*). Мой букетъ!

Герцогиня д'Омонъ (*Адріеннѣ*). А ваше доказательство?...

Адріенна. Мое?... мое — браслетъ, который потеряла дама во время бѣгства въ садъ....

Герцогиня д'Омонъ. Какъ Сандрильона свой стеклянный башмачекъ....

Адріенна. Нѣтъ, брильянтовый браслетъ.

Герцогиня (*въ сторону*). Мой браслетъ!

Аббатъ. Это сказка изъ *Тысячи и одной ночи!*

Адріенна. Нѣтъ, въ-самомъ-дѣлѣ, это правда! мнѣ принесли этотъ браслетъ.... мнѣ его оставили.... вотъ онъ!

Аббатъ (*показываетъ браслетъ дамамъ*), Прелесть! взгляните.

Герцогиня (*смотритъ на браслетъ и говоритъ равнодушно*). Превосходно.... Съ какимъ искусствомъ отдѣланъ!

Герцогъ (*подходя*). Что такое? чему удивляетесь вы?

Аббатъ. Этому браслету!

Герцогъ Браслетъ моей жены!

Всѣ (*съ различнымъ выраженіемъ*). Его жены!

Герцогъ (*показывая всѣмъ браслетъ*). Не правда ли, въ немъ много вкусу?...

Послѣ этой сцены, которая, понятно, произвела страшное дѣйствіе на Адріенну, герцогиня предлагаетъ ей прочесть какіе-нибудь стихи. Гости садятся, и Морицъ, безъ сомнѣнія, не бывшій свидѣтелемъ предъидущей сцены, помѣщается возлѣ герцогини бульонской. Адріенна, обращаясь къ герцогинѣ, читаетъ стихи изъ расиновой Федры. Она, какъ стрѣлами, напитанными ядомъ, поражаетъ свою соперницу словами поэта. Она не изъ числа тѣхъ женщинъ, которыя и среди преступленій, вкушая мирное спокойствіе, умѣютъ носить лицо, которое никогда не краснѣетъ.

Qui, goûtant dans le crime une tranquille paix,
Ont su se faire un front qui ne rougit jamais.

Герцогиня, выслушавъ стихи, вмѣстѣ съ другими спокойно говоритъ: «браво, браво! восхитительно!» Адріенна, уходя, проситъ Морица послѣдовать за нею; но герцогиня говоритъ ему: останьтесь, и онъ остается. Адріенна погибла совершенно.

Пятый актъ представляетъ комнату мадмуазель Лёкуврёръ. Мишоннэ, бывшій свидѣтелемъ униженія герцогини, понимаетъ, что жизнь Адріенны въ опасности. Вдругъ горничная приноситъ ящичекъ, присланный отъ имени Морица. Адріенна открываетъ его дрожащею рукою и узнаетъ букетъ, который подарила она неблагодарному любовнику; эти цвѣты служатъ теперь для нея доказательствомъ всегдашней разлуки съ тѣмъ, кого еще такъ недавно она любила, за кого еще нѣсколько часовъ назадъ она такъ горько страдала. Адріенна цалуетъ и плачетъ надъ этимъ букетомъ. Эти поцалуи — причина смерти бѣдной Адріенны. Букетъ былъ отравленъ герцогиней. Морицъ является, но уже поздно. Адріенна умираетъ на рукахъ его и добраго Мишоннэ.

Таково содержаніе новой драмы Скриба и Легувэ. Изъ этого изложенія, не говоря о сценическихъ эффектахъ, зависящихъ отъ таланта актеровъ, уже видно, съ какимъ интересомъ ведено все дѣйствіе. Самъ Гюставъ Планшъ, такой строгій въ своихъ критическихъ отзывахъ, не могъ не отдать справедливости искусству, съ какимъ составлено это новое произведеніе плодовикой фантазіи Скриба. «Конечно, — говоритъ онъ — много ловкости въ построеніи этой драмы; но эта ловкость такого рода, что обходится безъ поэзіи и даже дѣлаетъ поэзію совершенно безполезною. Пружинъ, употребленныхъ Скрибомъ и Легувэ, достало бы для развитія цѣлой дюжины драмъ; и эти пружины приведены въ движеніе съ такою ловкостію, происшествія выходятъ одно изъ другого съ такою быстротою, что толпа, задѣтая въ своемъ любопытствѣ, и не думаетъ допрашивать себя о дѣйствительномъ до-

стоинствѣ дѣйствующихъ лицъ. Нѣкоторыя же сцены написаны съ тщательностію, какую мы не привыкли встрѣчать въ произведеніяхъ Скриба. Но преобладающій характеръ этого сочиненія — внѣшняя ловкость, доведенная до послѣднихъ предѣловъ. Въ этой драмѣ, гдѣ поэзія играетъ такую ничтожную роль, гдѣ великія страсти и чувства показываются только въ видѣ воспоминаній и становятся подъ покровительство Корнеля и Расина (*), нѣтъ ни одной безполезной фразы, безполезнаго слова. Развязка приготовлена съ перваго акта, и такъ хорошо приготовлена, что умамъ опытнымъ ничего не остается болѣе отгадывать, когда занавѣсъ упадаетъ при появленіи таинственнаго ящичка. Ключъ, который герцогъ отдаетъ Адріеннѣ во второмъ актѣ, собственно говоря, составляетъ весь третій актъ, потому-что безъ этого ключа третій актъ былъ бы невозможенъ. Слова, переброшенныя въ-потьмахъ между Адріенной и герцогиней, носятъ въ себѣ зародышъ четвертаго акта, потому-что, если бы герцогиня не узнала въ голосѣ Андріенны голоса той, которая спасла ее на-канунѣ, то она не оскорбила бы ее взглядомъ и Андріенна не поразила бы ее своимъ презрѣніемъ. Наконецъ, букетъ, полученный Морицемъ отъ Адріенны, не менѣе полезенъ для развязки, какъ и таинственный ящичекъ. Въ этой драмѣ, такъ искусно построенной, никто не говоритъ, никто не ходитъ случайно: все расчитано, все предвидѣно, все предуготовлено. Но къ кому обратитъ свое сочувствіе? Какую ролю играетъ Морицъ между этими двумя женщинами? Онъ не довольно рѣшительно любитъ Адріенну, чтобы бороться съ ненавистью герцогини; онъ колеблется между женщиною, которая можетъ служить его честолюбію, и страстнымъ сердцемъ, совершенно ему предавшимся. Онъ не довольно честолюбивъ, чтобы отказаться отъ любви, и не довольно любитъ, чтобы отказаться отъ честолюбія. Въ немъ начинаетъ говорить голосъ истиннаго чувства только передъ лицомъ смерти. Когда блѣднѣютъ губы Адріенны, когда гаснетъ взглядъ ея, когда леденѣютъ ея жилы, тогда, только-тогда онъ начинаетъ понимать цѣну женщины, которая любила его, и которую онъ долженъ потерять безвозвратно. Адріенна, болѣе истинная, болѣе нѣжная, чѣмъ Морицъ, не столько истинна и нѣжна, какъ бы должна была быть. Кажется, для ощущенія къ Морицу любви безконечной ей нужно, чтобы порывы ея сердца были освящены геніемъ Корнеля. Вмѣсто того, чтобы свободно предаться вдохновенію любви своей, она проситъ совѣта у своихъ воспоминаній. Если иногда сердце ея находитъ болѣе пламенныя слова, то еще чаще память ея вызываетъ образы, освященные удивленіемъ

(*) Здѣсь Планшъ намекаетъ на множество цитатъ изъ трагедій этихъ двухъ поэтовъ.

толпы. Что касается до герцогини бульонской, то невозможно сочувствовать любви ея къ Морицу. Вся любовь ея — тщеславіе. Если бы Морицъ не былъ моднымъ героемъ, то будь онъ во сто разъ красивѣе, моложе, страстнѣе, она не любила бы его. Даже самая ревность ея не болѣе, какъ тщеславіе. Если бы Морицъ, вмѣсто того, чтобы предпочитать ей актрису, предпочелъ м-мъ де Ноаль, м-мъ д'Омонъ, она страдала бы менѣе и не такъ жадно желала бы мщенія. Герцогъ просто лицо смѣшное и совершенно ничего незначащее. Мишоннэ, несмотря на свою сосредоточенную нѣжность къ Адріеннѣ, слишкомъ ясно напоминаетъ отца дебютантки. Аббатъ не представляетъ ничего новаго. Такимъ образомъ вся эта пьеса, задуманная съ непогрѣшительною предусмотрительностію, веденная съ строгою внимательностію, оконченная съ мелочною тщательностію, не прибавляетъ ни одной страницы къ исторіи драматическаго искусства».

Безъ сомнѣнія, въ сущности нельзя не согласиться съ этимъ отзывомъ, пропитаннымъ духомъ академической строгости. Особенно справедливы послѣднія слова. Точно, драма «Адріенна Лёкуврёръ» не займетъ не только страницы, но даже ни одной строчки въ исторіи литературы; но если перебрать всѣ пьесы Скриба, то едва ли хоть одна изъ нихъ удостоится бо́льшей чести. Но отличительный признакъ беллетриста и состоитъ въ томъ, что ни одно изъ его произведеній, отдѣльно взятое, не можетъ дать ему права на безсмертіе. Задача его дѣятельности вовсе не заключается въ томъ, чтобы подвинуть искусство впередъ и представить образецъ какого-нибудь рода произведеній словесности. Это назначеніе геніяльныхъ писателей, поэтовъ первостепенныхъ. Задача беллетристовъ — содѣйствовать распространенію любви къ искусству, изощренію вкуса.

Геніи въ литературѣ, точно также, какъ и во всякой другой отрасли человѣческой дѣятельности, рѣдки; зато и шаги, которые человѣчество дѣлаетъ, какъ на поприщѣ цивилизаціи, такъ и въ области искусства, довольно медленны. Подвинуть его впередъ трудно, и когда является среди его какой-нибудь геній, который даритъ его новымъ твореніемъ, новою идеей, новымъ открытіемъ, то оно долго пробавляется этими новинками, въ ожиданіи, пока онѣ состарѣются и смѣнятся другими. Тоже самое и въ искусствѣ и въ литературѣ. Рафаэли, Моцарты и Шекспиры не имѣютъ себѣ подобныхъ въ исторіи живописи, музыки и поэзіи; но многіе ли люди способны провести всю жизнь свою надъ изученіемъ ихъ твореній? между тѣмъ тысячи-тысячь людей умныхъ, образованныхъ, ищущихъ наслажденія, готовы почти ежедневно любоваться красивыми англій-

скими гравюрами, напѣвать и слушать романсы и читать романы, повѣсти и драмы беллетристовъ. Отчего? оттого, что потребность наслажденія не останавливается на одномъ и томъ же мѣстѣ: ей необходима перемѣна; ей нужно переходить отъ стараго къ новому, но, за неимѣніемъ новыхъ геніевъ, она по-неволѣ должна довольствоваться людьми просто-даровитыми.

Даровитыми! Но здѣсь-то и затрудненіе: какой чертой опредѣлить степень этой даровитости? Обратимся къ Скрибу, и мы достаточно поймемъ, чего можно требовать отъ бельлетриста.

Строгій, академическій Планшъ думаетъ упрекнуть автора «Адріенны Лёкуврёръ» тѣмъ, что въ этой драмѣ нѣтъ поэзіи, а есть только литературная ловкость. Но, по нашему мнѣнію, этотъ упрекъ стоитъ самой лестной похвалы. Ужели такъ легко и часто встрѣчается эта литературная ловкость? Много ли сама французская литература, столько богатая талантливыми беллетристами, можетъ представить писателей, которые въ этомъ отношеніи могли бы помѣряться съ Скрибомъ? Эта ловкость есть своего рода талантъ, котораго основнымъ элементомъ служитъ умъ смѣтливый, начитанный, понимающій какъ потребности публики, которой даритъ онъ свои произведенья, такъ еще болѣе свои собственныя средства. Послѣднее составляетъ весьма важное условіе въ писателѣ. Знать мѣру силъ своихъ и не выйти изъ ихъ предѣловъ доказываетъ въ немъ несомнѣнное присутствіе ума и изящнаго вкуса. Съ такимъ условіемъ онъ не только можетъ смѣло расчитывать на успѣхъ своихъ произведеній, но, въ глазахъ толпы, даже поддѣлаться подъ чисто-художественныя произведенія.

Потому-то мы сказали, что хотя въ сущности Гюставъ Планшъ совершенно правъ въ своемъ отзывѣ о драмѣ Скриба и Легувэ: она не прибавитъ ни одной строчки въ исторіи драматическаго искусства,—однако всѣ произведенія Скриба, вся его многолѣтняя, неутомимая литературная дѣятельность, взятыя вмѣстѣ, въ своей цѣлости, займутъ почетную страницу въ исторіи литературы; и этимъ онъ обязанъ будетъ единственно той услугѣ, которую оказалъ искусству, дѣлая его народнымъ. Въ бо́льшемъ размѣрѣ, на болѣе обширномъ поприщѣ, такую же услугу оказалъ образованности и самъ Вольтеръ. Сказанныя о немъ какимъ-то критикомъ слова можно приложить и къ самому Скрибу: онъ умѣлъ наносить не столько вѣрные, сколько сильные, а главное — частые удары: *il ne s'agissait pas pour lui autant de frapper juste, que de frapper fort et surtout souvent.* Какъ въ Вольтерѣ, такъ и въ Скрибѣ почти вовсе нѣтъ поэтическаго элемента, но зато много ума, изо-

брѣтательнаго, блестящаго, мягкаго, того самого ума, который всегда способенъ нравиться толпѣ и увлекать ее.

Ни Вольтеръ, ни Скрибъ не подвинули драматическаго искусства впередъ; если можно такъ выразиться, они дѣйствовали больше въ ширину, не раздвигая самихъ предѣловъ искусства, а распространяя его въ большинствѣ. Оттого оба они заботились болѣе о сценическихъ эффектахъ, нежели о внутреннемъ достоинствѣ своихъ произведеній; оттого какъ трагедіи Вольтера, такъ драмы и комедіи Скриба выигрываютъ несравненно болѣе при представленіи, чѣмъ въ чтеніи. Онѣ болѣе годятся для толпы, нежели для людей серьёзно изучающихъ словесность, потому-что чисто сценическія впечатлѣнія, расчитанныя по таланту и свойствамъ извѣстнаго актера, по театральной обстановкѣ, по сценическимъ подробностямъ, предназначеннымъ для однихъ глазъ, совершенно исчезаютъ въ кабинетномъ чтеніи. Съ другой стороны, драматическія произведенія лорда Байрона, по свидѣтельству большинства англійскихъ критиковъ, несравненно выше какъ литературныя произведенія, чѣмъ какъ драмы, назначенныя для театральнаго репертуара. И дѣйствительно, въ пользу этого мнѣнія говорятъ необыкновенное обиліе мыслей, въ которыя необходимо вникать пристально, для уразумѣнія ихъ, и даже самая педантическая привязанность творца Сарданапала къ тремъ единствамъ, отъ которыхъ онъ непремѣнно бы отказался, если бы вздумалъ писать свои трагедіи для сцены. Собственное признаніе его, что онъ, сочиняя ихъ, никогда не думалъ ни объ одномъ актерѣ, доказываетъ, что мысли его не столько обращались къ толпѣ, сколько погружались въ самого себя. Актеры байроновыхъ произведеній не Кембль, не Кинъ, не мисстрисъ Сиддонсъ, которыхъ онъ такъ любилъ, а самъ Байронъ, а жена его, графиня Гвиччоли, и другія героини, которыхъ обезсмертилъ онъ своими твореніями. Сцена его не Друри-Ленъ, а его собственная душа, гдѣ зачинались и совершались драмы его собственной жизни, отмѣченныя всѣмъ лиризмомъ его пылкаго характера.

Напротивъ того, мы увѣрены, что Скрибъ, сочиняя свои драмы и комедіи, остается совершенно спокойнымъ: передъ нимъ не должны возставать событія собственной жизни его; его болѣе занимаютъ рукоплесканія публики, которая, отправляясь въ театръ смотрѣть его новое или старое произведеніе, заранѣе увѣрена, что увидитъ вещь безукоризненно умную. И онъ правъ, что не выходитъ изъ предѣловъ своего таланта: стань онъ на ходули, онъ не замедлилъ бы упасть, а теперь, стоя на собственныхъ ногахъ своихъ, онъ стоитъ твердо и наслаждается плодами своей искусной, ловкой работы.

Да простятъ намъ этотъ отзывъ наши классики, которые не могутъ понять драмы безъ великихъ страстей и громкихъ фразъ и съ однимъ образованнымъ человѣческимъ умомъ.

Драма Скриба и Легувэ написана исключительно для г-жа Рашель, которая, являясь въ роли Адріенны Лёкуврёръ, должна была перейти Рубиконъ: промѣнять александрійскій стихъ на простую прозу. Извѣстно, что знаменитая актриса до настоящаго времени играла только въ старинныхъ трагедіяхъ; даже небольшое число ролей въ произведеніяхъ новѣйшихъ, исключительно назначенныхъ для нея, были сколками съ образцевъ семнадцатаго столѣтія.

Странное дѣло — говоритъ Теофиль Готье — Г-жа Рашель, казалось, боявшаяся или питавшая отвращеніе отъ современной поэзіи, не замѣчала, что и въ самой трагедіи она производила впечатлѣніе чисто новѣйшимъ чувствомъ, которое въ нее вносила. Молодая кровь, которую она вливала въ жилы этихъ блѣдныхъ призраковъ, придавала имъ видъ жизни. Драматическій элементъ, внесенный молодою актрисою, невѣдомо для нея самой, въ величественныя формы прошедшаго, возвратилъ къ бытію произведенія, которыя забывались для пьесъ, конечно менѣе совершенныхъ, но болѣе сообразныхъ съ современными потребностями и вкусомъ. Такъ-какъ число этихъ образцовыхъ произведеній ограниченно въ репертуарѣ, то Рашель должна была рано или поздно поискать въ искусствѣ своего времени того, чего искусство старое не могло уже представить ей. Тѣмъ болѣе должно было ожидать этого обращенія, что ни Тальма, ни г-жа Марсъ не отказывались отъ участія въ представленіи произведеній писателей, имъ современныхъ, и конечно не были оттого менѣе велики. Немногіе опыты самой Рашели должны были внушить ей смѣлость перейти къ современности; но, несмотря на успѣхъ свой, она еще колебалась, и рѣшилась принять на себя ролю Адріенны Лёкуврёръ только по совѣщанію съ журналистами: такъ казалось ей страшнымъ промѣнять котурну на простой башмакъ и громкія слова шестистопныхъ стиховъ на низкую, бѣглую прозу. Журналисты, какъ умные люди, рѣшили, что попытка не шутка, а огромный успѣхъ былъ наградою перваго смѣлаго шага знаменитой актрисы. — Рашель, по увѣренію Готье, была мила съ старымъ Мишоннэ, нѣжна и страстна съ графомъ Морицомъ саксонскимъ, то исполнена достоинства, то насмѣшлива, то горда въ сценахъ съ герцогиней бульонской.

TAGEBUCH DES GENERALEN PATRICK GORDON, *zum ersten Male vollständig veröffentlicht durch Fürst* M. A. OBOLENSKI *und Dr.* PHIL. POSSELT. *Erster Band. Moskau 1849.* (Дневникъ генерала Гордона, въ первый разъ изданный вполнѣ княземъ М. А. Оболенскимъ и докторомъ Филипомъ Поссельтомъ. Томъ первый. Москва. 1849).

Въ числѣ разнообразныхъ, болѣе или менѣе важныхъ и любопытныхъ, историческихъ источниковъ встрѣчаемъ современныя записки частныхъ лицъ (мемуары). Имъ принадлежитъ одно изъ первыхъ мѣстъ между другими матеріялами, потому-что онѣ не только дополняютъ офиціяльные, публичные акты новыми данными, но часто служатъ для нихъ лучшимъ и единственнымъ объясненіемъ. Офиціяльные акты, опредѣляемые тѣми современными нуждами и условіями, которыя преслѣдуются правительствомъ, говорятъ только объ одной сторонѣ событій. Сторона ѳта болѣе внѣшняя, указывающая, какъ дѣйствовало правительство въ извѣстную эпоху, какъ смотрѣло оно на событія, и какъ хотѣло, чтобъ другіе на нихъ смотрѣли; но внутренніе мотивы различныхъ правительственныхъ мѣръ бóльшею частію умалчиваются. Оттого въ офиціяльныхъ памятникахъ нерѣдко налагается на событія особенный оттѣнокъ, который стираетъ истинный характеръ эпохи. Но, сверхъ того, бытъ частный, совершающійся внѣ юридическихъ и политическихъ формальностей, бытъ обиходный, домашній остался бы мало или почти неизвѣстнымъ по актамъ; а между тѣмъ великая важность свѣдѣній объ этомъ бытѣ не подлежитъ сомнѣнію. Элементъ законодательный слишкомъ уважаетъ семейныя отношенія и свободу человѣческой личности въ сферѣ частной дѣятельности и рѣдко вступаетъ сюда съ своими строго-опредѣляющими положеніями. Мемуары, напротивъ, могутъ совмѣстить въ себѣ всѣ необходимыя условія, чтобы представить

внутреннюю сторону народной жизни. Они болѣе пишутся на память будущихъ поколѣній, пишутся лицами, которыя на себѣ чувствуютъ всѣ выгоды и невыгоды современныхъ фактовъ, и которые видятъ, какъ правительственныя мѣры переводятся въ жизнь практическую. Мемуары могутъ слѣдить и за частнымъ бытомъ, съ его ежедневными, будничными явленіями, которыя бываютъ такъ важны при изученіи и возстановленіи картины прошедшаго.

Вотъ почему извѣстія иностранцевъ, при недостаткѣ и даже (можно сказать) отсутствіи у насъ собственныхъ мемуаровъ, такъ необходимы для объясненія внутренняго русскаго быта, особенно до-петровскаго. Отсутствіе мемуаровъ въ нашемъ отечествѣ понятно по отношенію къ тому времени, когда общество мало или почти не разнообразилось въ рѣзкихъ особенностяхъ отдѣльныхъ личностей. Совсѣмъ другое — послѣ-петровская эпоха, когда и сословія и отдѣльныя лица съ бо́льшими правами выступили на историческую сцену, когда народная жизнь во всѣхъ сторонахъ своихъ закипѣла преобразованіями: мысль и дѣятельность были возбуждены, и обѣ должны были искать выхода и проявленія во внѣ. Естественно, что въ эту эпоху странно было бы допустить рѣшительное отсутствіе мемуаровъ; но они самою бо́льшею частію не изданы и потому недоступны для историковъ.

Но во сколько могутъ записки иностранцевъ удовлетворить справедливымъ требованіямъ науки? законны ли постоянныя сомнѣнія, съ которыми привыкли къ нимъ обращаться? - И да и нѣтъ. Конечно, болѣе или менѣе случайное появленіе авторовъ этихъ памятниковъ въ нашемъ отечествѣ и малое знакомство ихъ съ нашимъ языкомъ и преданіями должны были повести къ нѣкоторымъ ошибочнымъ взглядамъ и къ вѣрѣ въ совершенно-невозможные факты; но, съ другой стороны, высшая степень образованности и любопытство ихъ къ самымъ мелочнымъ фактамъ, почти незамѣчаемымъ туземцами, — все это придаетъ ихъ извѣстіямъ много любопытнаго и чрезвычайно важнаго.

Обращаясь къ дневнику Гордона, мы должны замѣтить, что принимаемъ его извѣстія за вполнѣ достовѣрныя. Въ этомъ убѣждаетъ насъ значеніе Гордона въ русской исторіи, личный характеръ автора, такъ ярко выступающій въ его собственныхъ запискахъ, и наконецъ самый тонъ его разсказа. Чтобы ближе познакомиться съ замѣчательною личностью Гордона, представимъ краткій очеркъ его жизни.

Фамилія Гордоновъ принадлежитъ Шотландіи; она упоминается во время междоусобій, возникшихъ по случаю низверженія Карла I, владычества Кромвеля и восшествія на престолъ Карла II. Въ эти

смутные годы политическихъ и еще болѣе религіозныхъ споровъ Гордоны постоянно оставались вѣрными прежнимъ политическимъ убѣжденіямъ и католицизму. Притѣсненія католиковъ при Кромвелѣ принудили многія шотландскія семейства удалиться изъ своего отечества и посвятить свои труды и познанія другимъ государствамъ. Родъ Гордоновъ, пропитанный энергическою привязанностію къ гонимому вѣроисповѣданію, также принужденъ былъ искать счастія въ другихъ земляхъ.

Патрикъ Гордонъ, авторъ разбираемыхъ нами записокъ, оставался вполнѣ и всегда вѣренъ родовымъ преданіямъ своей фамиліи. Онъ родился 1635 г. въ герцогствѣ Абердинскомъ (въ Шотландіи), до шестнадцати лѣтъ жилъ дома и еще въ этой ранней молодости съ горячностію вмѣшивался въ религіозные споры. Для избѣжанія непріятностей, отецъ вынужденъ былъ отправить его въ Данцигъ. Городъ этотъ не понравился молодому Гордону; онъ переселился въ Браунсбергъ, гдѣ былъ принятъ въ іезуитскую коллегію. Но и здѣсь скоро все наскучило его живой натурѣ. Онъ уже думалъ возвратиться въ отечество, но потомъ перемѣнилъ намѣреніе и отправился въ Варшаву, гдѣ думалъ поступить въ шотландскую роту князя Радзивила. Неудачи заставили Гордона уѣхать въ Познань, а оттуда въ Гамбургъ. Здѣсь его приняли въ шведскую службу, и онъ участвовалъ въ войнѣ 1655 г. поляковъ съ шведами; въ слѣдующемъ году Гордонъ былъ захваченъ въ плѣнъ непріятелями и получилъ свободу, подъ условіемъ вступить въ польскую службу. Въ тотъ же годъ онъ былъ плѣненъ шведами, а въ 1659 г. въ другой разъ поляками, и вмѣстѣ съ плѣномъ долженъ былъ мѣнять и свою службу. Въ этихъ приключеніяхъ ясно обрисовывается значеніе тѣхъ наемныхъ дружинниковъ изъ шотландцевъ, которые вездѣ готовы были служить за деньги. Удаленные изъ отечества, они не думали о смыслѣ борьбы между государствами; всегда храбрые, всегда смѣлые въ опасностяхъ, они равнодушны были къ убѣжденіямъ воюющихъ сторонъ: война была ихъ ремесломъ. — Въ польскомъ войскѣ Гордонъ дослужился до капитанъ-поручика. Оливскій миръ прекратилъ военныя дѣйствія, и Гордонъ собирался уже на родину. Въ это время онъ встрѣтился съ русскимъ посломъ при польскомъ дворѣ, Замятнею Ѳеодоровичемъ Леонтьевымъ, который предложилъ ему вступить въ службу русскаго царя. Гордонъ согласился и въ 1661 г. пріѣхалъ въ Россію; въ ней прожилъ онъ остальныя 38 лѣтъ своей жизни и въ ней умеръ. Принятый въ русскую службу майоромъ, онъ своими неутомимыми трудами и заслугами достигъ чина полнаго генерала.

Даже изъ этихъ краткихъ и немногихъ указаній отчасти раскрывается характеръ Гордона. Это была натура, требовавшая постоян-

ной, безпрерывной дѣятельности и новыхъ впечатлѣній, вызывающихъ на мысль и дѣло; съ тѣмъ вмѣстѣ онъ соединялъ смѣлое и энергическое благородство духа: его сильно оскорбляло всякое неправое притязаніе и часто доводило до нетерпѣливости и горячности. Понятно, что человѣкъ съ такимъ открытымъ характеромъ менѣе всего способенъ выдумывать.

Но заподозрить записки Гордона было бы несправедливо уже по самому значенію его въ нашей исторіи. Это былъ человѣкъ, занимавшій видное мѣсто въ тогдашней служебной организаціи, близко-стоявшей къ источнику всѣхъ замѣчательныхъ событій, о которыхъ говоритъ, и пользовавшійся довѣріемъ нашего правительства, такъ-что оно въ 1666 г. посылало его съ порученіями къ лондонскому двору. Почти сорокъ лѣтъ жизни въ Россіи могли познакомить его и съ русскимъ языкомъ, и съ мѣстностью, и съ самымъ бытомъ. Все, о чемъ разсказываетъ Гордонъ, онъ самъ видѣлъ. Вотъ отчего дневникъ его такъ важенъ и занимателенъ; но интересъ его еще болѣе возвышается самою эпохою, въ которую является Гордонъ въ нашемъ отечествѣ. То была эпоха внесенія къ намъ новыхъ западно-европейскихъ элементовъ. Элементы эти проникали во всѣ стороны нашего быта и вызывали перемѣны и въ устройствѣ войскъ, и въ публичныхъ учрежденіяхъ, и въ обычаяхъ домашней жизни царскаго семейства и бояръ. Гордонъ жилъ въ Россіи въ продолженіи трехъ царствованій, такъ богатыхъ внутренними преобразованіями,—царствованій Алексѣя Михайловича, Θеодора Алексѣевича и Петра Великаго (до 1699 г.): всѣ приготовительные труды, все напряженіе силъ народныхъ для нравственно-политическаго преобразованія,—все это совершалось предъ его глазами. Онъ могъ слѣдить за ходомъ всѣхъ важныхъ событій, потому-что видѣлъ и старую Русь при Алексѣѣ Михаиловичѣ во всемъ блескѣ ея послѣднихъ дней, и новую, зараждавшуюся при томъ же царѣ, но будущее которой опредѣлилъ Петръ Великій; видѣлъ зачинающуюся борьбу старыхъ и новыхъ началъ. Какъ человѣкъ, призванный на помощь преобразованію и чуждый нашихъ предразсудковъ, онъ явился дѣятелемъ въ пользу новыхъ великихъ интересовъ. Онъ былъ другомъ и сотрудникомъ того геніяльнаго царя, который всю жизнь свою преслѣдовалъ одну «всенародную пользу» и цѣнилъ людей только по духовной связи ихъ съ своими задушевными идеями и по участію ихъ въ своихъ неутомимыхъ работахъ. Петръ собственными руками закрылъ глаза своего любимаго генерала и со слезами проводилъ его въ могилу.

Дневникъ Гордона состоитъ изъ отдѣльныхъ замѣтокъ и разсказовъ, веденныхъ по числамъ, когда что́ случилось. Начавъ краткимъ

описаніемъ первыхъ лѣтъ своей жизни, Гордонъ почти день за днемъ разсказываетъ о всемъ замѣчательномъ или по отношенію къ эпохѣ и народностямъ, или по отношенію къ нему самому, и такъ доводитъ свой дневникъ до 1699 г.: это былъ годъ его смерти. Изданный теперь первый томъ записокъ Гордона оканчивается 1678 г. Онъ раздѣленъ на двѣ части; въ первой записки доведены до отъѣзда Гордона въ Россію, т. е. до 1661 г. Здѣсь онъ говоритъ о своемъ дѣтствѣ, о первыхъ приключеніяхъ своеи молодости и наконецъ о своей военной службѣ у шведовъ и поляковъ. Онъ подробно описываетъ переговоры и военныя дѣйствія между тѣми и другими, событія при взятіи шведами Кракова и при осадѣ Варшавы. Факты эти уже довольно извѣстны изъ другихъ источниковъ; но тѣмъ не менѣе разсказъ Гордона не лишенъ интереса, какъ подробный разсказъ самовидца и участника во всѣхъ излагаемыхъ событіяхъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ онъ пополняетъ и объясняетъ прежнія данныя новыми свѣдѣніями и любопытными замѣтками. такъ, наприм., въ указаніяхъ на причины войны (стр. 10), въ объясненіи шведскаго короля съ польскимъ посломъ. Послѣдній старается убѣдить перваго, что нѣтъ никакой выгоды ему начинать войны съ Польшею, богатство которой состоитъ только въ военныхъ снарядахъ и земледѣліи; если же шведскій король хочетъ славы, то искалъ бы ея въ войнѣ съ Россіею, а не съ Польшею, ослабѣвшею въ войнахъ съ татарами и казаками (стр. 19—21). Не менѣе интересны и другія указанія на внутреннее состояніе Польши, когда всякой магнатъ думалъ о себѣ и нѣкоторые воеводы отдѣльно сносились съ Швеціею и передавались на ея сторону. О Россіи въ этой части говорится мало и притомъ мимоходомъ, когда рѣчь касается ея вмѣшательства въ военныя дѣиствія; но и эти немногія замѣтки не лишены занимательности.

Вторая часть дневника содержитъ въ себѣ вступленіе Гордона на службу русскаго царя и пребываніе его въ Россіи при Алексѣѣ Михайловичѣ до 1667 г. и въ 1677 и 1678 годахъ, при Θеодорѣ Алексѣевичѣ. Въ этой части Гордонъ описываетъ свой пріемъ и приключенія въ Москвѣ, замѣчательныя и любопытныя въ высшей степени; потомъ представляетъ краткое обозрѣніе главнѣйшихъ современныхъ событій въ сѣверныхъ государствахъ; далѣе продолжаетъ свой постепенный разсказъ о своей службѣ въ Украйнѣ между казаками, о пребываніи въ Смоленскѣ и Севскѣ, свое посольство въ Англію, первый и второй походы противъ турокъ, осаду этими послѣдними крѣпости Чигирина, ея защиту и другія происшествія, въ которыхъ онъ самъ участвовалъ. Подробности его разсказовъ очень замѣчательны.

Такимъ образомъ, первые годы своего пребыванія въ Россіи Гордонъ главнымъ образомъ провелъ въ Малороссіи, гдѣ татары и Турки и волновавшіеся казаки безпрестанно впадали въ русскія владѣнія и требовали постоянной твердости и дѣятельной, тревожной жизни. Производство Гордона въ высшіе чины говоритъ о его трудахъ и подвигахъ. Но характеръ этихъ войнъ довольно извѣстенъ, ибо изслѣдователи еще прежде воспользовались въ этомъ отношеніи записками Гордона. Насъ заинтересовала преимущественно другая сторона дневника, именно: указанія на тогдашній внутренній бытъ русскихъ, на ихъ нравственное и общественное состояніе.

Чтобы познакомить съ дневникомъ Гордона, съ этой любопытной стороны, мы заимствуемъ оттуда разсказъ о пріѣздѣ его въ Москву.

1661 г. 2 сентября Гордонъ, вмѣстѣ съ своими товарищами, пріѣхалъ въ Москву и нанялъ квартиру въ Нѣмецкой слободѣ. 5 числа они были представлены Государю въ коломенскомъ дворцѣ и допущены къ цалованію руки Его Величества. Царь благодарилъ при этомъ Гордона за дружелюбное его обращеніе съ русскими, находившимися въ плѣну у поляковъ, и объявилъ ему, что онъ можетъ положиться на милость Его Величества. Черезъ два дня бояринъ Илья Данилычъ Милославской, тесть царя и начальникъ иноземнаго приказа, велѣлъ Гордону и другимъ офицерамъ, вмѣстѣ съ нимъ пріѣхавшимъ, явиться послѣ обѣда за городъ, на поле Чертолье. Тамъ онъ приказалъ имъ взять нарочно приготовленные копья и мушкеты и показать, умѣютъ ли они обращаться съ этимъ оружіемъ. Гордонъ, удивленный такимъ требованіемъ, замѣтилъ, что главныя знанія офицера должны состоять въ умѣньи предводить войскомъ, а не въ подобныхъ экзерциціяхъ. Бояринъ коротко отвѣчалъ, что всякой, пріѣхавшій служить въ русскомъ войскѣ, даже лучшій полковникъ, обязанъ выдержать такое испытаніе. Гордонъ принужденъ былъ подчиниться требованію и къ большому удовольствію боярина сдѣлалъ всѣ ручные пріемы копьемъ и мушкетомъ, послѣ чего отправился домой. 9 числа Гордонъ былъ опредѣленъ майоромъ, а товарищи его другими чинами въ пѣхотный полкъ Крафорда. Мѣсячное жалованье имъ опредѣлено такое же, какое получали другіе въ томъ же рангѣ; а за вступленіе въ русскую службу имъ назначены были награды, именно Гордону 5 руб. деньгами, столько же соболями, четыре куска сукна и 8 кусковъ камки; прочимъ соразмѣрно съ чинами. Но дьякъ откладывалъ выдачу этихъ вещей со дня на день; онъ ожидалъ напередъ себѣ подарка, что̀ не только было въ обыкновеніи, но почиталось обязанностію. Такъ-какъ Гордону никто не объяснилъ этого, онъ раза два или три побранился съ дья-

комъ, но, не получая удовлетворительнаго отвѣта, пожаловался боярину, который сдѣлалъ дьяку небольшой выговоръ. Однако выговоръ мало подѣйствовалъ. Гордонъ ходилъ жаловаться къ боярину во второй разъ, и въ третій. Въ послѣдній разъ онъ сказалъ ему: я не знаю, кто изъ васъ, бояринъ или дьякъ имѣетъ бо́льшую силу, когда твои приказанія остаются безъ исполненія. Это раздражило боярина. Онъ велѣлъ подождать своей каретѣ (ибо собрался-было ѣхать), велѣлъ позвать дьяка, грозилъ строгимъ наказаніемъ, если Гордонъ еще станетъ жаловаться. Какъ только бояринъ уѣхалъ, дьякъ подошелъ къ Гордону и началъ его бранить. Послѣдній отвѣчалъ ему тою же монетою, прибавивши, что думаетъ теперь только объ одномъ, какъ бы выѣхать изъ Россіи. Съ этими словами Гордонъ пошелъ обратно въ слободу и рѣшился непремѣнно оставить страну, въ которой не надѣялся удовлетворить своихъ желаній. Онъ положилъ итти въ приказъ и просить отставки. Причиною своей просьбы онъ хотѣлъ выставить то, что русскій посланникъ Замятня Леонтьевъ, съ которымъ онъ заключилъ въ Польшѣ договоръ, обѣщалъ ему жалованье серебромъ или другими равноупотребительными монетами (а не мѣдными), и что климатъ Россіи для него нездоровъ. Услышавъ о намѣреніи Гордона и опасаясь гнѣва боярина, дьякъ обратился къ Крафорду и просилъ удержать Гордона. На-утро полковникъ, увидѣвши Гордони, уговаривалъ его остаться въ Россіи; но тотъ отказался. Когда они вмѣстѣ вышли на площадь, то явился подъячій съ приказными служителями и объявилъ, чтобы Гордонъ шелъ въ приказъ, а не пойдетъ добромъ, тогда велѣно привести его силою. Гордонъ отправился съ ними въ приказъ, гдѣ былъ вѣжливо принятъ главнымъ дьякомъ Тихономъ Ѳедорычемъ Мотякинымъ, который попросилъ его садиться. Послѣ дружескаго разговора, онъ предложилъ Гордону деньги, соболи, сукно и камку; но тотъ отказался, сказавши, что желаетъ получить отставку. Дьякъ былъ очень обходительный человѣкъ; онъ старался отклонить Гордона отъ его намѣренія различными представленіями, а между тѣмъ послалъ за полковникомъ, который былъ недалеко. Оба они отвели Гордона въ сторону и сказали ему, что просьбою объ отставкѣ онъ рѣшительно повредитъ себѣ. Русскіе могутъ подумать, что онъ, пришедши изъ той земли, съ которою они въ открытой войнѣ (изъ Польши), и будучи католикамъ, имѣлъ въ виду — собрать въ Россіи нужныя свѣдѣнія и потомъ возвратиться назадъ. Если его замѣтятъ въ какой-нибудь мелочи, способной возбудить подозрѣніе, то не только не дадутъ отставки, а сошлютъ въ Сибиоь или другую отдаленную область, откуда ему не воротиться. Это навело на Гордона ужасъ, и онъ принялъ назначенные подарки. (стр. 289—292).

Не можемъ не указать читателямъ на тѣ занимательныя и важныя для исторіи страницы гордонова дневника, на которыхъ говорится о преобразованіяхъ войска при Алексѣѣ Михайловичѣ, о смутахъ, возникшихъ по случаю введенія мѣдной монеты, налоговъ на соль и др.

Въ заключеніе необходимо сказать о самомъ изданіи. Подлинникъ Гордона писанъ на англійскомъ языкѣ и, вѣроятно, состоялъ изъ восьми или девяти книгъ; изъ нихъ сохранилось только шесть, но и здѣсь нѣкоторыхъ листовъ недостаетъ. Гр. А. С. Строгоновъ пріобрѣлъ четыре подлинныхъ книги отъ потомковъ Патрика Гордона и передалъ ихъ Миллеру, который присоединилъ къ нимъ еще двѣ книги, найденныя въ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ въ Москвѣ. Каждая изъ этихъ шести книгъ обнимаетъ извѣстное число лѣтъ гордонова дневника: первая отъ 1635 до 1658, вторая отъ 1658 до 1667, третья отъ 1677 до 1678; нѣкоторые листы въ ней потеряны; четвертая отъ 1684 до 1669, пятая отъ 1690 до 1695, шестая отъ 1696 до 1698 г. слѣдовательно не достаетъ записокъ отъ 1667 до 1677 г. и отъ 1678 до 1684 г. Сохранились ли эти открывки и будутъ ли они когда найдены, неизвѣство; а между тѣмъ важность записокъ Гордона для исторіи требовала изданія хотя сохранившихся частей. Уже Миллеръ думалъ объ этомъ дѣлѣ и поручилъ имъ заняться Штритеру. Этотъ послѣдній началъ переводить дневникъ Гордона на нѣмецкій языкъ (въ 1780 г.) и готовить къ печати; однако намѣреніе это не состоялось. Переводъ Штритера перешелъ въ собственность кн. М. А. Оболенскаго, который и приступилъ къ изданію его на свой собственной счетъ, чтобы дать возможность скорѣе пользоваться богатыми матеріялами, собранными Гордономъ. Подлинникъ же, принадлежащій главн. моск. Архиву Минист. Иностран. Дѣлъ, вытребованъ въ Петербургъ. Переводъ Штритера имѣетъ еще тотъ интересъ, что совершенъ человѣкомъ, столько извѣстнымъ въ нашей исторической литературѣ и отличнымъ знатокомъ англійскаго языка.

До сихъ поръ записки Гордона были напечатаны только въ небольшомъ отрывкѣ на русскомъ языкѣ; да нѣкоторые ученые знакомили публику съ ихъ содержаніемъ, пользуясь матеріалами дневника при составленіи своихъ изслѣдованій. Настоящее изданіе дневника есть первое полное, которое совмѣститъ въ себѣ сохранившіяся книги. Оно превосходно во всѣхъ отношеніяхъ. Къ нему присоединены дѣльное предисловіе, необходимыя примѣчанія и дополненія и приложены два портрета — Гордона и его жены. Оба портрета сняты съ современныхъ подлинниковъ, изъ которыхъ одинъ хранится въ зимнемъ дворцѣ, а другой въ эрмитажѣ. Вообще должно замѣтить,

что подобныхъ изданій въ нашей ученой литературѣ очень немного. Такимъ прекраснымъ изданіемъ Гордонова дневника всѣ любители русской исторіи обязаны просвѣщенному вниманію кн. М. А. Оболенскаго, нынѣшняго начальника глав. моск. Архива М. И. Д. Это вниманіе къ ученымъ трудамъ своихъ предшественниковъ по службѣ, сдѣлавшихъ такъ много и для архива и для исторіи русской (Миллера и Штритера), конечно заслуживаетъ уваженія и благодарности.

ДВОРЕЦЪ КРЫМСКИХЪ ХАНОВЪ ВЪ БАГЧЕСЕРАѢ.

СТАТЬЯ ВТОРАЯ И ПОСЛѢДНЯЯ.

Въ числѣ первыхъ достопримѣчательностей, послѣ ханскихъ теремовъ, которые мы уже обозрѣли, во второй половинѣ, заслуживающихъ особеннаго вниманія, это великолѣпная дворцовая *Джума Джами*, или соборная мечеть, *бани* и *ханское кладбище*. Многіе туристы описывали ханскую мечеть, этотъ замѣчательный, во многихъ отношеніяхъ, памятникъ владычества и могущества гераевъ, за всѣмъ тѣмъ въ немъ осталось еще много сторонъ, такъ сказать, незамѣченныхъ, а если замѣченныхъ, то не описанныхъ. Мы просимъ обратить вниманіе на эти-то стороны, во всякомъ случаѣ заслуживающія вниманія, особенно тѣхъ, которые, войдя въ мусульманскій храмъ, захотѣли бы имѣть понятіе о томъ, что́ представится глазамъ ихъ. Наружность мечети не имѣетъ въ себѣ ничего особеннаго, кромѣ двухъ превосходныхъ минаретовъ, господствующихъ надъ всѣми минаретами многочисленныхъ багчесерайскихъ мечетей. Она объ одномъ куполѣ, покрытомъ свинцовою крышей, и въ этомъ отношеніи уступаетъ мечети Эвпаторійской или Козловской, которая имѣетъ четырнадцать куполовъ и построена по образцу Константинопольской Софійской. Видъ Багчесерайской мечети довольно вѣрно изображенъ на картинѣ, приложенной къ сочиненію П. И. Свиньина «Картины Россіи и пр.».

Багчесерайская дворцовая мечеть имѣетъ три входа: первый (главный) идетъ отъ рѣчки Чурукъ-Су, черезъ которую въ этомъ мѣстѣ перекинутъ небольшой деревянный мостъ, въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ большого каменнаго моста, по которому въѣзжаютъ во дворецъ, а два послѣдніе хода идутъ изъ внутри обширнаго сарайскаго двора. Изъ надписи, находящейся надъ главнымъ входомъ,

видно, что строителемъ мечети, или виновникомъ возведенія этого зданія, былъ *Селяметъ Герай-ханъ*, возсѣдавшій на ханскомъ престолѣ между 1737 и 1743 годами нашего лѣтосчисленія. Вотъ, по возможности, буквальный переводъ этой надписи:

«Хаджи-Селимъ (Герай) ханъ первоизбранный (?), орошенный Божіею милостію. Разцвѣлъ родъ его, подобно розѣ (разцвѣтшей) изъ ея бутончиковъ *(рестэ)*. Предки его (Селимъ-хана) царствовали въ этомъ сераѣ (дворцѣ). Царственный розовый кустъ его рода пустилъ отъ себя новыя отрасли, одна изъ которыхъ есть новый владыка Крыма — *Селяметъ-Герай*. По милости Божіей, помню я (это говоритъ сочинитель надписи) годъ построенія этой джами, которую создалъ Селяметъ-Герай въ 1153 году геджры, въ 1737 году нашего лѣтосчисленія.

Мы замѣтили въ первой статьѣ, что, если вѣрить преданію, началомъ построенія нынѣ существующаго дворца было построеніе мечети, между тѣмъ годъ надписи находится въ прямомъ противорѣчіи съ преданіемъ, тогда-какъ древнѣйшій памятникъ, тутъ же подлѣ мечети, на дворцовомъ кладбищѣ, памятникъ надъ прахомъ *Мухмудъ-Герая-хана* относится къ 1100 геджеры, т. е. къ 1671 по Р. Х., а памятникъ надъ прахомъ Девлетъ Герая султана, находящійся тутъ же подлѣ мавзолея Махмудъ-хана, еще древнѣе: на немъ выставленъ 1041 геджры, т. е. 1614 годъ по Р. Х. Слѣдовательно, истина относительно возведенія мечети болѣе на сторонѣ преданія; а чтобы совершенно устранить противорѣчіе, необходимо допустить только, что Селяметъ-Герай-ханъ окончилъ построеніе мечети, начатой его предшественниками, или, еще вѣроятнѣе, перестроилъ и расширилъ это зданіе.

Надъ тѣмъ же главнымъ входомъ помѣщена еще одна надпись, принадлежащая новѣйшему времени. Она свидѣтельствуетъ о недавней починкѣ мечети, произведенной черезъ 27 лѣтъ послѣ присоединенія Крыма къ Россіи. Вотъ что гласитъ эта кудрявая яфта:

«Вознамѣрился, по обѣту, съ помощію Божіею, починить эту джами *Абды-Ша-Ага*. «Нѣтъ другого (лучшаго) стяжанія, кромѣ пріобрѣтаемаго самимъ человѣкомъ (говорятъ мудрые) слѣдуя этому правилу, потрудился онъ, не для стяжанія похвалы народной, но отъ чистаго сердца, во славу Божію. Богъ внушилъ ему это святое намѣреніе и произвелъ онъ починку по обѣту, данному Богу..Привѣтствую починщика (это говоритъ сочинитель надписи)! Этимъ (подвигомъ) благодарилъ онъ Бога, подобно богачу (дѣлающему значительные вклады). Если бы у него было столько грѣховъ, сколько водъ въ морѣ, то всѣ отпустятся ему, по милосердію Твоему, о Боже! Годъ починки

заключается въ слѣдующей анаграмѣ: *я есмь Божій человѣкъ!* т. е. 1226 годъ геджры (1810 г. нашей эры)».

Здѣсь считаемъ умѣстнымъ объяснить значеніе обѣтовъ у мусульманъ, въ томъ числѣ у нашихъ крымскихъ татаръ. Кромѣ хожденія въ Мекку, для поклоненія гробу Мухаммеда и другимъ святынямъ мусульманскимъ, существуетъ еще одинъ благочестивый и заслуживающій вниманія обычай. Такъ нѣкоторые, въ благодарность за избавленіе отъ опасной болѣзни или другого бѣдствія, даютъ обѣтъ устроить общественный фонтанъ, колодезь, починять ветхую джамй и т. п., что̀ и исполняютъ, не принимая ни отъ кого за свои труды вознагражденія, и единственно съ цѣлью сдѣлать что-либо общеполезное, и въ такомъ случаѣ фонтанъ, колодезь и т. п., что̀ служитъ къ пользѣ общей, входитъ въ сферу такъ называемыхъ *вакуфовъ* общественныхъ, т. е. достоянія всѣхъ, а не чьего-либо исключительно, и всѣ обязаны поддерживать это достояніе. Обычай, заслуживающій подражанія.

Рядомъ съ мечетью, влѣво, вдоль рѣчки Чурукъ-Су, подъ навѣсомъ, соединяющимся съ крышей мечети, устроенъ огромный водоемъ, изъ котораго, посредствомъ 12-ти свинцовыхъ трубочекъ, безпрестанно струится вода. У этого водоема, бо̀льшая часть правовѣрныхъ, отправляясь творить одинъ изъ пяти дневныхъ *намазовъ* (молитвъ), совершаютъ *уду* или омовеніе семи членовъ. Вода въ этомъ водоемѣ, наполняемомъ струями горнаго ключа, никогда не изсякаетъ. Онъ принадлежитъ къ числу вакуфныхъ и поддерживается на общественный счетъ или мастерами по обѣту (*ex voto*). Повыше водоема, въ небольшомъ узкомъ переулкѣ находятся знаменитыя «Ханскія бани», состоящія изъ двухъ отдѣленій: одного для мужчинъ, другого для женщинъ. Надъ входомъ въ мужское отдѣленіе уцѣлѣла слѣдующая надпись:

«Эта баня построена по повелѣнію султана *Адиль-Сахибъ-Герая*, сына Менгли-Герая-хана, въ 939 году (геджры)», т. е. около 1513—15 г. по Р. Х. Надпись эта, между прочимъ, служитъ такъ же доказательствомъ тому, что дворецъ хановъ существуетъ болѣе 250-ти лѣтъ.

Возвратимся однакожь къ мечети и войдемъ внутрь ея, черезъ главный входъ, идущій отъ рѣчки Чурукъ-Су.

Войдя въ дверь, видите небольшую комнату, родъ «притвора», въ которой хранятся обыкновенно похоронныя носилки и родъ небольшихъ (въ ростъ человѣка) продолговатыхъ, плоскодонныхъ ящиковъ. Въ этихъ ящикахъ обмываютъ и снаряжаютъ къ погребенію умершихъ. Изъ притвора ведетъ другая дверь въ самую мечеть. Войдя въ эту послѣднюю, прямо передъ собой, на югъ, по направле-

нію къ *Кербене́*, или Мекскому храму, увидите углубленіе, родъ ниши: это—алтарь, сѣдалище, или мѣсто очередного муллы во время богослуженія. Оно называется «миграбъ». Вверху миграба, по обыкновенію, начертанъ основной догматъ мусульманской вѣры: «Ля Илляги илля Лаги, ве Мухаммеду Рессулю-ль-Ллаги, т. е. «нѣтъ Бога, кромѣ Бога, Мухамедъ посолъ (пророкъ) Божій». Въ описываемой нами джамѝ слова эти вышиты золотомъ на шолковой голубой ткани, привезенной изъ Мекки благочестивыми хаджѝ. Сверху миграба, по самой срединѣ, ниспускаются три, элиптической формы, небольшіе шара. Это страусовы яйца. Они имѣютъ религіозное значеніе. У послѣдователей Мухаммеда, въ томъ числѣ у нашихъ крымскихъ татаръ, есть повѣрье, довольно оригинальное и заслуживающее вниманіе. Они говорятъ, если страусъ, снеся яйцо, не обернется и не посмотритъ на него прямо, тотчасъ послѣ снесенія, а посмотритъ въ сторону, на другой какой-либо предметъ, то яйцо непремѣнно испортится: выйдетъ «болтунъ». На этомъ основаніи мусульмане, совершая намазъ», должны, взирая, такъ сказать, на эти яйца, сосредоточить все свое вниманіе въ одной идеѣ — Богѣ, не развлекаться ничѣмъ постороннимъ, иначе молитва ихъ не будетъ угодна Богу. По правую сторону миграба помѣщается «мюнберъ» (каѳедра), съ котораго по пятницамъ читаются такъ называемыя «хутбе́» (поученія, проповѣди), а по лѣвую сторону стоитъ небольшой, деревянный квадратный придѣлъ, родъ нашего клироса, называемый «курсе́», или «курсѝ», что́ значитъ «тронъ», «престолъ», въ смыслѣ престола Божія. Это мѣсто назначено для особаго эфенди, который, въ неопредѣленное время, иногда по желанію правовѣрныхъ, говоритъ съ этого мѣста поученія. Сколько намъ извѣстно, курсе́ имѣетъ еще то особенное назначеніе, что съ этого мѣста, по окончаніи богослуженія, по пятницамъ читаются 265, 266, 267 и 268 стихи 2-й сурры (главы) Корана. Послѣднему стиху (268) мусульмане приписываютъ чудесное свойство и носятъ его при себѣ какъ *тельсимъ*, или, по нашему, талисманъ.

Дворцовая джамѝ раздѣляется какъ бы на два этажа. Этотъ второй этажъ образуютъ идущіе со всѣхъ сторонъ, кромѣ южной, хоры, нѣчто въ родѣ «полатей», бывшихъ принадлежностью древнихъ русскихъ церквей. По-татарски хоры эти, или полати, называются «маафиль»; на маафилѣ, кромѣ приходящихъ молиться, обыкновенно во время богослуженія, помѣщается очередной муэззынъ (мазинъ), который исправляетъ должность клира. Отъ маафиля, по правую сторону отъ главнаго входа, находится небольшая комната, отдѣленная деревянной стѣной. Это—ханская молельня. Въ ней, кромѣ стариннаго Корана, писаннаго лѣтъ за 300 до нашего времени, нѣтъ ничего осо-

беннаго. По словамъ стариковъ, этотъ Коранъ принадлежалъ нѣкогда Хаджи-Селимъ-Гераю-хану и привезенъ имъ изъ Мекки.

Изъ средины купола спускается родъ большого, деревяннаго паникадила съ разноцвѣтными шкаликами и подсвѣчниками. Это паникадило называется «Магари-Сулейманъ», что̀ значитъ свѣтила Соломоновы (отъ слова *магръ*—свѣтило, солнце), вѣроятно, по преданію, существующему у Мухаммеданъ, о величіи и блескѣ храма, построеннаго царемъ Соломономъ въ Іерусалимѣ. Храмъ Соломоновъ называется въ Коранѣ и у мухаммеданскихъ теологовъ не иначе, какъ «Бейтъ-эль-Мукадасъ» (домъ хвалы, славы, молитвы). Окна джамѝ идутъ въ два яруса, и верхній ярусъ составленъ изъ разноцвѣтныхъ стеколъ, которыя, разливая въ яркіе дни пріятный, томный свѣтъ внутри обширнаго зданія, въ пасмурные дни наводятъ на посѣтителя какую-то странную грусть. Полъ всей джамѝ устланъ египетскими рогожками и разноцвѣтными коврами. Это—«намазлыки», на которыхъ садятся правовѣрные творить «намазъ» (молитву). На полу, вдоль южной стѣны, влѣво отъ миграба, идетъ рядъ свѣчь изъ жолтаго воску и небольшія скамейки, на которыхъ лежатъ экземпляры Корана, по бо̀льшей части рукописные. Есть впрочемъ почти въ каждой мечети печатные экземпляры Корана, казанскаго изданія, но они не въ такомъ уваженіи, какъ рукописные. Списывать Коранъ со всею калиграфическою роскошью считается дѣломъ богоугоднымъ, и этимъ занимаются преимущественно лица духовнаго званія. Наружныя стѣны мечети не имѣютъ никакихъ украшеній, кромѣ стѣны, выходящей на дворъ ханъ Сарая. Эта стѣна сверху испещрена изрѣченіями изъ Корана и именами нѣкоторыхъ хановъ, въ настоящее время полуистертыми.

Обозрѣвъ дворцовую мечеть, всякой любознательный посѣтитель едва ли не удостоитъ вниманіемъ дворцоваго кладбища, на которомъ, среди многочисленныхъ могилъ, скрывающихъ въ себѣ прахъ знаменитаго дома Гераевъ, покоится, между прочимъ, прахъ шестнадцати хановъ. Вотъ имена этихъ хановъ, помѣщенныя также въ сочиненіи знаменитаго Палласа, къ сожалѣнію, доселѣ не переведенномъ на русскій языкъ (*). Исламъ-Герай, Батырь-Герай, Мехмедъ-Герай, Адиль-Герай, Мурадъ-Герай, Сафа-Герай, Хаджи-Селимъ-Герай, Девлетъ-Герай, Сеадетъ-Герай, Капланъ-Герай, Менгли-Герай, Селяметъ-Герай, Селимъ-Герай, Арсланъ-Герай, Крымъ-Герай. Кромѣ царствовавшихъ хановъ и вообще членовъ семейства Гераевъ, на дворцовомъ кладбищѣ удостоились быть погребенными многіе знаменитые свѣтскіе и духовные ха̀нскіе сановники. Памятники надъ

(*) Second voyage de Palas. etc. T. IV. p. 298—300.

прахомъ этихъ послѣднихъ, частію изъ твердаго жолтаго камня, но больше изъ крымскаго мрамора, иногда богаче и великолѣпнѣе, чѣмъ памятники надъ прахомъ лицъ царственнаго дома. При входѣ на кладбище, тотчасъ на правой рукѣ, ваше вниманіе остановятъ на себѣ два мавзолея или ротонды, въ родѣ небольшихъ мечетей, покрытыхъ свинцовою крышей. Въ этихъ ротондахъ, подъ спудомъ, погребено двадцать три покойника, въ томъ числѣ нѣсколько лицъ женскаго пола, изъ семейства Гераевъ. Ханское дворцовое кладбище поражаетъ многочисленностію памятниковъ, помѣщенныхъ на небольшомъ пространствѣ. Часть ихъ изъ крымскаго не совсѣмъ чистаго бѣлаго мрамора, а часть изъ жолтаго крѣпкаго камня. Первые отличаются въ своемъ родѣ изяществомъ отдѣлки и сохранились превосходно, а бóльшая часть, болѣе или менѣе, пострадала отъ времени, но не отъ недостатка въ надзорѣ. Если бы наше правительство и не приложило съ самаго начала присоединенія Крыма къ Россіи особенной заботливости къ сбереженію дворца Гераевъ вообще, то ханское кладбище и безъ этого было бы тщательно оберегаемо. При немъ находится особенный эфенди, принадлежащій къ числу духовныхъ дворцовой мечети, главнѣйшая обязанность котораго состоитъ въ постоянномъ надзорѣ за кладбищемъ, въ охраненіи надгробныхъ памятниковъ, поддержаніи разведеннаго сада среди могилъ, съ котораго доходы принадлежатъ ему въ вознагражденіе за труды по охраненію кладбища. На кладбищѣ, кромѣ погребенныхъ внутри двухъ ротондъ, погребено болѣе трехъ сотъ покойниковъ; надъ всѣми ими были поставлены мраморные или каменные памятники; но уцѣлѣло отъ времени не болѣе двухъ сотъ, и изъ нихъ только на сто двадцати съ небольшимъ хорошо сохранились надгробія, которыми, смотря по важности лицъ, были покрыты всѣ памятники безъ исключенія. Имѣя у себя тщательно скопированные тексты этихъ надписей, мы считаемъ излишнимъ помѣщать ихъ въ статьѣ нашей всѣ, потому-что не всѣ изъ нихъ заслуживаютъ вниманія, кромѣ тѣхъ, которыя красуются надъ прахомъ нѣкоторыхъ Гераевъ, и, несмотря на ихъ лаконизмъ, простое упоминаніе, въ родѣ: «покойный такой-то, сынъ такого-то, скончался тогда-то», заслуживаютъ вниманія въ историческомъ отношеніи, именно тѣмъ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ могутъ служить для повѣрки времени, когда какое лицо, чѣмъ либо замѣчательное въ исторіи Гераевъ, сошло со сцены, на которой подвизалось въ этой жизни. Надписи, красующіяся на памятникахъ ханскаго кладбища, замѣчательны въ трояком отношеніи: историческомъ, поэтическомъ и моральномъ. Чтобы не утомить вниманія читателя однообразіемъ, мы ограничимся помѣщеніемъ въ переводѣ только тѣхъ надписей, которыя особенно за-

мѣчательны, въ одномъ изъ показанныхъ нами отношеній съ одной стороны, или могутъ остановить на себѣ вниманіе посѣтителя, особенно пріѣзжающаго изъ отдаленнаго мѣста посмотрѣть дворецъ хановъ, изяществомъ памятника съ другой, по большой части скрытаго въ густой зелени деревьевъ. Кстати о разведенномъ на кладбищѣ садѣ. Многіе туристы, увлекаясь пылкимъ воображеніемъ, говоря о дворцѣ хановъ, наговорили и написали доселѣ много пріятныхъ, изящныхъ статей и статеекъ, въ которыхъ очень часто самая незначительная доля истины. Не съ цѣлію порицать, но ради истины, не можемъ не замѣтить, говоря о дворцовомъ кладбищѣ, что даже въ статью покойнаго П. И. Свиньина: «Дворецъ Крымскихъ хановъ», вкралось нѣсколько не маловажныхъ погрѣшностей, которыхъ виною быть можетъ простое желаніе сдѣлать статью болѣе занимательною. Такъ въ этой статьѣ, между прочимъ, сказано: «мраморные памятники (кладбища) въ восточномъ вкусѣ, осѣненные пирамидальными тополями и раскинувшимися шелковицами, выказываютъ верхи свои изъ-подъ плюща терновника и пр.» (стр. 327). Далѣе (стр. 328) «гробницы, находящіяся подъ открытымъ небомъ, *всѣ безъ изъятія*, мраморныя, съ длинными узорчатыми надписями». Во-первыхъ, плющъ, шелковицъ и терновника вовсе нѣтъ и не было на кладбищѣ, а памятники эти осѣнены исключительно фруктовыми деревьями, по большой части сливами (*prunus communis* и *prunus domesticus*), персиками и т. п., а изъ кустарниковъ—сиренью. Пирамидальныя тополи растутъ за оградою кладбища и ничуть не осѣняютъ могилъ. Далѣе, почти на половину могилъ, украшенныхъ мраморными надгробными памятниками, приходится половина памятниковъ каменныхъ, простой, даже грубой отдѣлки, на которыхъ *узорчатыя* надписи изгладились совершенно. Наконецъ замѣчаетъ Свиньинъ, что «мулла утверждалъ, что сіи послѣднія (надписи) заимствованы вообще изъ Алкорана» (тамъ же, стр. 328). Мулла сказалъ неправду. Только на одномъ памятникѣ, надъ прахомъ *Селимъ-Герая-хана* подъ № 10 (умер. 1161 г. геджры), мы нашли изрѣченіе, взятое цѣликомъ изъ священной для мусульманъ книги, относительно преходимости міра сего и неизбѣжности смерти. Языкъ, на которомъ писаны надписи, кромѣ немногихъ изреченій и надписи надъ желѣзною дверью, какъ замѣчено въ первой статьѣ, есть такъ называемый *фарси*, или, лучше, книжный турецкій языкъ; а почеркъ не какой-нибудь *узорчатый*, а просто *дивани*, для чтенія самый легкій изъ всѣхъ восточныхъ почерковъ.

№ 1. Садетъ-Герай, Калга Крыма.

«Родственная отрасль Джингызъ-хана, подобный драгоцѣнному камню, преданъ землѣ. Сеадетъ-Герай былъ подобенъ

драгоцѣнному камню, но и онъ преданъ землѣ. Онъ былъ сынъ Бахты-Герая калги Крыма. Отличавшійся прекраснымъ умомъ, нынѣ покоится въ землѣ. Всѣ его родственники (предки) суть потомки Джингыза, да будетъ надъ нимъ милосердіе Господне! Онъ былъ умнѣйшій между своими родственниками. Всѣ его родственники, начиная съ прадѣда, погребены на этомъ кладбищѣ. Что касается до года кончины Сеадетъ-Герая — да усладится душа его райскими благами — то въ лѣтописи (?) пишутъ, что онъ умеръ въ 1176 году (геджры) (1745 годъ по Р. Х.).

Примѣчаніе. Титулъ калги былъ наслѣдственнымъ въ фамиліи Гераевъ и принадлежалъ обыкновенно, какъ важнѣйшій, брату царствующаго хана. *De jure* калга былъ намѣстникъ и прямой наслѣдникъ хана, но *de facto* этого никогда не было, особенно съ 1478 года, когда назначеніе хана зависѣло отъ стамбульскаго дивана, лишь бы ханъ былъ изъ дому гераевъ. Столицею калги былъ Ахмечеть, нынѣшній Симферополь.

№ 2. Арсланъ-Герай-ханъ.

«Онъ, Творецъ міра, безсмертенъ! Свѣтлоумный, царственный, возвеличенный въ племени Джингыза, льву подобный! Мечь его былъ обагренъ кровію (невѣрныхъ), которой онъ, по своей храбрости, не могъ не жаждать всѣмъ сердцемъ. Когда появлялся онъ, то приводилъ всѣхъ въ трепетъ своею львоподобною осанкой; но былъ добродушенъ и спѣшилъ на зовъ помощи. Разорвите на себѣ одежду веселія и облекитесь въ одежду скорби. Этотъ сердце поражающій стихъ написанъ Гафизомъ (?), который говоритъ, что переходъ Арсланъ-Герая-хана въ рай случился 1181 г. (геджры).»

Примѣчаніе. У знаменитаго Палласа находимъ, что этотъ ханъ скончался въ 1165 году геджры (*t. VI p. 299*); но мы болѣе вѣримъ году, выставленному въ концѣ эпитафіи на памятникѣ надъ прахомъ Арсланъ-Герая, чѣмъ годамъ, выставленнымъ въ нашихъ исторіяхъ.

№ 3. Крымъ-Герай-ханъ.

«Онъ Творецъ, безсмертенъ и въ памяти неизгладимый! Воинственно-трудолюбивый Крымъ-Герай-ханъ, ханъ великій, которому подобнаго не было! Соизволеніемъ Божіимъ оставилъ онъ престолъ свой и переселился въ вѣчное жилище. Годъ смерти его въ слѣдующей анаграмѣ: «да пребудетъ Крымъ-Герай съ Предвѣчнымъ въ раю!» 1183 годъ геджры (1751 по Р. Х.)».

Эта надгробная надпись, между прочимъ, служитъ доказательствомъ, какою любовью пользовался знаменитый Крымъ-Герай ме-

жду татарами. Дѣйствительно, послѣ Менгли-Герая, только имена двухъ хановъ пріобрѣли народность: Мухамедъ и Крымъ-Герай, особенно имя послѣдняго изъ нихъ, столь коварно, какъ мы замѣтили въ первой статьѣ, лишеннаго жизни.

Замѣчательна надпись подъ № 4, надъ прахомъ сына Багадыръ-Герая-хана, *ханъ-Керима*:

«Царевичъ *ханъ-Керимъ*, сынъ Багадыръ-Герая-хана. Душа его обрѣла мѣсто у Предвѣчнаго. Прошедъ временный міръ, поднялся онъ въ райскій виноградный садъ, и душа его наслаждается созерцаніемъ райскихъ розъ и птицъ. Подобно птицѣ *Гемай*, онъ скрылся отъ взоровъ людскихъ. Господь на-всегда усыновилъ его въ раю. Годъ смерти его заключается въ буквахъ слѣдующихъ словъ: «вступили ноги его въ рай, въ которомъ онъ вѣчно пребудетъ», т. е. 1177 г. геджры.

Примѣчаніе. Гемай — птица, принадлежащая собственно востоку. Мусульмане думаютъ, что она постоянно летаетъ въ воздухѣ и никогда не касается земли. Ее считаютъ предвѣстникомъ счастія; если тѣнь ея осѣнитъ чью-либо голову, тотъ современемъ будетъ царемъ. Этимъ именемъ называютъ еще райскую птицу и орла. См. Словарь Персидско-Русскій *Болдырева*.

Надгробная надпись надъ прахомъ *Мурадъ-Герая-султана*, подъ № 7.

«Съ надеждой на благость Всемогущаго, душа его переселилась изъ этого (временнаго) міра въ другой (вѣчный) міръ. Прославился онъ въ битвахъ съ невѣрными. По храбрости не было ему подобнаго, такъ-что онъ былъ вторымъ послѣ доблестнаго «Каграмана». Всегда онъ стремился по пути Божіи (т. е. воевалъ съ невѣрными для распространенія исламизма). По своимъ заслугамъ, онъ удостоился степени «кербельскаго шегида». Между крымскими султанами, Мурадъ-Герай особенно прославился храбростью и всѣми добродѣтелями. Грѣхи его будутъ стерты (рукою ангела), и обрѣтетъ радость въ раю, въ которомъ да наградитъ его Господь красивыми мальчиками (!). Сочинилъ эту надпись *Мири*, послѣ того, когда Мурадъ-Герай сдѣлался шегидомъ (умеръ). Да удостоится онъ перваго мѣста въ раю. «Скончъ. въ 1141 г. гиджры».

Примѣчаніе. Каграманъ значитъ собственно: силачъ, храбрецъ, богатырь (отъ *кагръ*, сила, храбрость), и также извѣстный полубаснословный персидскій витязь, съ которымъ сочинитель эпитафіи сравнилъ Мурадъ-Герая. О подвигахъ Каграмана, его молодечествѣ, разбояхъ и т. п. въ Персіи существуетъ множество разсказовъ. Тамъ и за Кавказомъ Каграманъ извѣстенъ болѣе подъ именемъ *Ку-*

руглу, или *Кёръ-Оглу*. Чтобы имѣть понятіе объ этихъ разсказахъ, любопытнымъ совѣтуемъ прочитать ихъ въ *La Revue indépendante etc., tome IV. Paris 1843*, въ которомъ помѣщено сочиненіе извѣстнаго поэта Ходзько: «*Les Aventures et les improvisations de Kouroúglou.*»

Шегидами (мучениками) называются у мусульманъ всѣ павшіе на войнѣ за вѣру (исламизмъ), и вообще павшіе отъ рукъ чуждыхъ (не мусульманскихъ). Они пользуются первенствомъ въ раю и всѣми удовольствіями по преимуществу, обѣщанными Мухаммедомъ, своимъ послѣдователямъ. *Кербельскій* происходитъ отъ *Кербелè*, мекскаго храма, въ которомъ находится гробъ Пророка, и *шегиды* представляются какъ бы первенствующими стражами мусульманской святыни. Уваженіе мусульманъ къ шегидамъ столь велико, что даже обрядъ погребенія ихъ отличается отъ погребенія умершихъ вообще. Тѣло шегида не требуетъ ни омовенія, ни савана, потому-что они омылись уже собственною кровію, и лучшимъ облаченіемъ служитъ для нихъ та одежда, въ которой они удостоились мученической смерти. Подробности о шегидахъ любопытные могутъ прочитать въ сочиненіи Мураджи д'Оссона, *Tableau de l'Empire Ottoman etc.* (*).

Замѣчательна надпись надъ гробомъ Калги *Селимъ Герай-султана* подъ № 9:

> «Калга Селимъ Герай-Султанъ (умирая) сказалъ: никто не былъ любимцемъ свѣта, потому-что не достигалъ (истиннаго) свѣта. Этотъ міръ преходящъ: не увлекайся имъ. Подобно мнѣ, всякій, въ назначенный день, отойдетъ къ истинному свѣту — Богу.» Сконч. 1173 года геджры.»

Надпись подъ № 12. Айвазъ-Герай-султанъ.

> «Если посѣтитель входитъ на кладбище съ намѣреніемъ помолиться (объ усопшихъ), а молитва эта послужитъ пищею душѣ покойника, то (да узнаетъ посѣтитель) здѣсь покоится Айвазъ-Герай-султанъ. Сконч. въ 1137 г. геджры.»

Примѣчаніе. Эта прекрасная эпитафія, между прочимъ, только одна на всемъ ханскомъ кладбищѣ, въ которой не упомянуто, чей сынъ былъ Айвазъ-Герай, что не въ мусульманскомъ духѣ.

Не менѣе прекраснымъ смысломъ замѣчательна надгробная надпись надъ прахомъ *Хаджи-Дервишъ-аги*, подъ № 13.

> «Тотъ мнѣ истинный другъ, кто всѣмъ сердцемъ вѣритъ Аль Корану, — того Господь удостоитъ перваго мѣста въ раю

(*) Первая часть этого замѣчательнаго труда переведена на русскій языкъ подъ названіемъ: «Полная Картина Оттоманскія Имперіи въ двухъ частяхъ: первая замыкаетъ въ себѣ законоположеніе магометанства; другая Исторію Оттоманскія Имперіи. Труды г. Д'Оссона и пр.» Спб. 1795 года.

и окажетъ къ нему безчисленныя благодѣянія. Да обдумаетъ поэтому каждый безпристрастно свое состояніе (свои поступки и совѣсть). Посѣтители кладбища да прочитаютъ (по усопшимъ) *Сурре́ Фатихе́.* (погребенъ здѣсь) Хаджи-дервишъ-ага, да усладится духъ его!» Сконч. 1145 г. геджры».

Примѣчаніе. Хаджи-дервишъ-ага не принадлежалъ къ фамиліи Гераевъ, но удостоился быть погребеннымъ на ханскомъ дворцовомъ кладбищѣ, вѣроятно, по особенному къ нему уваженію или важному сану, подобно многимъ другимъ, удостоившимся такой же чести.

№ 15. *Хаджи-Али-Ай-Тимуръ-ага.*

«Творецъ безсмертенъ и всевидящъ. Безсмертный такимъ создалъ міръ, что все въ немъ прахъ и мечта; и потому-то изъ приходящихъ къ моей могилѣ (занятыхъ суетностью) никто не спроситъ о моемъ состояніи. Богъ повелѣлъ, и я покорился его велѣнію, написанному прежде бытія міра. (Здѣсь погребенъ) нищій въ Бозѣ Хаджи-Али-ага, сынъ Ай-Тимуръ-аги. Сконч. 1184 г.

№ 21 *Девлетъ-Герай-султанъ.*

«Творецъ безсмертенъ и всевидящъ. На этомъ мѣстѣ Божіей нивы (кладбища) покоится юноша (отрокъ), котораго прекрасное тѣло будетъ превращено временемъ въ землю. Юноша этотъ есть покойный Девлетъ-Герай-султанъ, сынъ Гаджи-Герая-хана; усладите духъ его чтеніемъ Сурре́-Фатихе́!» Ск. 1146 г. геджры.

Примѣчаніе. Сурре́-Фатихе́ есть первая глава Корана; *Сурратунъ-Фатихатунъ эль Китаби* — глава, открывающая книгу «*(Коранъ)*»; сокращенно «Эль-Фатихе́». Она состоитъ изъ семи стиховъ и называется еще *себгъ-уль-месали*, «семистишіе», или семь разъ повторяемая, потому-что мусульмане чаще читаютъ эту сурру, нежели прочія, и приписываютъ ей особенную, чудесную силу. Еще называютъ эту главу *умуль-китаби*, т. е. мать книги *(Корана).*

№ 25. *Азаматъ-Герай-султанъ.*

1147 года, мѣсяца сефера (декабря) оставилъ этотъ міръ и переселился въ лучшее мѣсто рая. Азаматъ-Герай-султанъ, сынъ Девлетъ-Герая-хана, бывшій перекопскимъ беемъ (оръ-беемъ). Да достигнетъ онъ того мѣста, въ которомъ найдетъ прелестныхъ хури. Кто прочитаетъ надъ усопшимъ «Сурре́-Фатихе́», тотъ низведетъ на него милосердіе Божіе.

Примѣчаніе. Должность и санъ оръ-бея, начальника перекопской крѣпости (Оръ-Капы), принадлежали одному изъ ближайшихъ родственниковъ царствовавшаго хана, до тѣхъ поръ, пока Турція, присвоивъ себѣ важнѣйшіе пункты на всемъ полуостровѣ, не раз-

мѣстила въ нихъ свои гарнизоны, подъ начальствомъ своихъ пашей, такъ-что и должность перекопскаго коменданта, или оръ-бея, принадлежавшая *de jure* одному изъ братьевъ царствовавшаго хана, *de facto* была занимаема начальникомъ турецкаго гарнизона.

№ 39. Султанъ-ханымъ дочь Али-аги. Женскіе памятники отъ мужскихъ отличаются тѣмъ, что вмѣсто чалмы, на возвышающемся у изголовья столбѣ или мраморной доскѣ, выдѣланъ родъ клобука. Надписей, уцѣлѣвшихъ на женскихъ памятникахъ очень немного; бо́льшая часть стерты рукою времени.

«Творецъ всевидящъ и безсмертенъ. Розой была я въ мірскомъ саду розъ; теперь (для міра) увяла; но райскій розовый садъ сдѣлался моимъ мѣстопребываніемъ. О, Господи, упокой (душу) усопшей, возлюбленной Султанъ-Ханымъ, дочери Али-аги. Ск. 1202 г. геджры.

№ 47. Махмудъ-Герай-султанъ.

«Съ чистою совѣстію Махмудъ-Герай-султанъ оставилъ этотъ міръ. Умъ его всегда стремился въ рай, онъ достигъ его и бесѣдуетъ съ прелестными хуріями, хотя нынѣ глухъ къ словамъ *Дери* (сочинителя эпитафіи), который говоритъ, что годъ смерти Мухаметъ-Герая заключается въ слѣдующей анаграмѣ: переселился Мухамедъ-Герай, свѣтъ вѣры, въ Фирдевсъ!» Да усладится духъ его!» Ск. 1119 г. геджры.

№ 49. Менгли Герай-ханъ.

«Ханъ чистаго рода и поколѣнія — Менгли-Герай-ханъ. Переселился онъ изъ этого тлѣннаго дворца, презирая ту жизнь, которую велъ въ немъ. Онъ скончался во время разлитія водъ, по которымъ и переплылъ (перешелъ) въ рай. 1152 г. геджры.

Примѣчаніе. Надъ этимъ памятникомъ, находящимся влѣво отъ второй ротонды, нѣкогда была устроена прелестная круглая бесѣдка, отъ которой въ настоящее время остаются полуразрушенныя каменныя колонны, обвитыя плющемъ. Слова: «скончался во время разлитія водъ», заставляютъ предполагать, что Менгли скончался или осенью, или весною—времена, когда крымскія рѣчки, похожія въ лѣтнее время на ничтожніе ручьи, а иногда совсѣмъ высыхающія, (какъ это случилось нынѣшняго лѣта (1848), до того наполняются водою съ горъ, что переѣздъ по нимъ дѣлается или опаснымъ, или невозможнымъ.

Менгли-Герай II, сынъ Хаджи-Селимъ-Герая принадлежалъ къ тому времени, когда Крымъ уже былъ близокъ къ своему паденію, когда ханы, быстро восходя на шаткій престолъ Гераевъ, еще быстрѣе были съ него низвергаемы или непостоянною политикою Пор-

ты, или вслѣдствіе внутреннихъ раздоровъ. Въ первый разъ онъ былъ возведенъ на ханскій престолъ въ 1725 году. Наказаніе бунтовщиковъ, предводимыхъ Ширинъ-беемъ, возбудило къ нему ненависть татаръ, и онъ долженъ былъ уступить престолъ Капланъ-Гераю, послѣ пятилѣтняго управленія. Какъ несчастно было царствованіе Капланъ-Герая, на этотъ разъ, достаточно напомнить, что въ его время произошло взятіе русскими войсками, подъ предводительствомъ Миниха, Перекопа, Карасубазара, Евпаторіи (Козлова) и сожженіе Багчисерая. Вину этого всего Порта приписала неспособности и ошибкамъ хана, и онъ былъ замѣненъ Менгли-Гераемъ, выступившимъ противъ предводимыхъ противъ Крыма генералъ-фельдмаршаломъ, графомъ Ласси. Менгли ожидалъ русскихъ у Перекопа, котораго укрѣпленія были имъ поправлены. Но русскія войска перешли Сивашъ у Арабатской стрѣлки, откуда ханъ не ожидалъ нападенія, по направленію къ Карасубазару, и заставили татаръ отступить. Дѣйствія Ласси, вслѣдствіе затруднительныхъ обстоятельствъ, ограничились только тѣмъ, что онъ велѣлъ подорвать возобновленныя укрѣпленія Перекопа. Этимъ, между прочимъ, кончилось царствованіе Менгли-Герая II, покушавшагося внести войну въ предѣлы Россіи.

Надпись подъ № 51.

«Покойный усопшій шагидъ на пути Божіи, *Исламъ-бей*, сынъ Хаджи-Али-паши. Вступилъ онъ въ Крымъ *путемъ войны*. (При жизни своей) сражался съ невѣрными. Тѣло его было подобно розѣ; изъ этого тѣла, какъ соловей изъ клѣтки, улетѣла душа. Да упокоится духъ его! Скончался 1150 года геджры.»

Примѣчаніе. Слова: *вошелъ въ Крымъ путемъ войны*, заставляютъ предполагать, что *Исламъ-бей* былъ одинъ изъ тѣхъ военачальниковъ, которые нерѣдко были посылаемы въ Крымъ изъ Турціи съ войсками, по просьбѣ о помощи одного изъ хановъ противъ своего соперника, во время междоусобій, окончившихся вмѣстѣ съ независимостью Крыма.

Столь же великолѣпною надписью украшенъ памятникъ надъ прахомъ другого сына Хаджи-Али-паши, *Селяметъ-бея*, подъ № 58.

«Онъ, Творецъ міра, безсмертенъ и всевидящъ. — Покойный, усопшій, шегидъ на пути (шегидъ фи себійли-лляги) *Селяметъ-бей* сынъ Хаджи-Али-паши. *Стихъ* (бейтъ): «Былъ онъ истинный шегидъ.» По милосердію Божію, духъ его наслаждается райскими пѣснями въ чертогѣ Господнемъ. Скончался 1151 г. (геджры).»

№ 61 *Муратъ-бей.*

«Сколько бы ни всматривался посѣтитель кладбища (прохожій) въ этотъ камень, не узнаетъ онъ моего положенія, до тѣхъ поръ, пока самъ не придетъ въ такое же положеніе (не умретъ). Погребенъ здѣсь извѣстный въ мірѣ (подъ именемъ) Мурадъ-бей, скончавшійся на 85 году жизни, бывшій пособникомъ въ ханскомъ управленіи. Скончался по волѣ Божіей въ 1158 году (геджры).»

Изъ памятниковъ, находящихся въ двухъ ротондахъ, только немногіе украшены надписями, на прочихъ привѣшены небольшіе ярлычки съ означеніемъ имени усопшаго и года кончины. Три памятника, превосходной, по времени, отдѣлки, украшены не менѣе замѣчательными надгробными надписями. Эти памятники воздвигнуты надъ прахомъ: *Девлетъ-Герай-султана*, *Мухамедъ-Герай-хана* и *Кая-ханымъ*, дочери Хаджи Селимъ Герая-хана.

Надпись на памятникѣ *Девлетъ-Герая-султана*, подъ № 80, гласитъ слѣдующее:

«Покойный, усопшій Девлетъ-Герай-султанъ, сынъ Девлетъ-Герай-хана. Прочитайте надъ нимъ Фатихе! Желая переселиться въ лучшій міръ, безъ сожалѣнія оставилъ онъ земной міръ, причинивъ этимъ потерю всѣмъ умнымъ людямъ. Годъ, въ который Девлетъ-Герай вручилъ милосердому Богу душу, есть 1041 г. (геджры).»

№ 81 *Мухамедъ-Герай-ханъ.*

«Изъ этого скучнаго, тѣснаго дворца душа его переселилась въ рай, красующійся вѣчной зеленью. Блистательный, всегда великолѣпно одѣтый, когда только ни появлялся онъ, всегда былъ подобенъ полной лунѣ, а теперь положенъ въ эту могилу. Плохо было ему въ этомъ мірѣ, и потому-то этотъ великій человѣкъ предпочелъ ему могилу.... Былъ онъ свѣтомъ жизни мудрыхъ людей, и жаль, что этотъ свѣтъ погашенъ вѣтромъ смерти. Всѣ по немъ надѣли трауръ. Подобно *Гардуну*, оплакивающему свои несчастія кровавыми слезами, оплакивали всѣ кровавыми слезами потерю Мухамедъ-Герая-хана. Когда я горевалъ, то восклицалъ *Ахъ!* а его друзья, говоря: «Ахъ, да удостоится Мухамедъ-Герай-ханъ вѣчнаго блаженства» — выразили въ этой анаграммѣ годъ его кончины», т. е. 1100 г. геджры.

Примѣчаніе. Мухамедъ-Герай, братъ Исламъ-Герая-хана, вступилъ на ханскій престолъ, послѣ брата своего, въ 1655 году. Другъ поляковъ, онъ былъ непримиримымъ врагомъ казаковъ и, какъ пишетъ Сестренцевичъ Богушъ, заставилъ этихъ послѣднихъ признать

надъ собою власть Польши ([1]). Дружба съ поляками дѣлала Мухамедъ-Герая естественнымъ врагомъ Россіи; но какъ всѣ ханы Крыма, исключая Менгли-Герая-хана, не отличались постоянствомъ ни во враждѣ, ни въ дружбѣ, то и Мухаммедъ-Герай въ скоромъ времени сдѣлался союзникомъ русскихъ, потому, какъ утверждаетъ тотъ же авторъ, что Швеція, которой Мухаммедъ-Герай предложилъ свой союзъ, отказала ему въ денежномъ пособіи, и еще потому, будто бы, что они (татары) получили отъ царя Алексѣя Михайловича предложеніе о ежегодномъ вспоможеніи деньгами, съ обѣщаніемъ выплатить недоимки за семь лѣтъ ([2]).

Мухамедъ-Герай-ханъ, какъ пишетъ Сестренцевичъ-Богушъ, скончался въ 1666 году; но годъ, выставленный въ концѣ нами переведенной эпитафіи, 1100 геджры, соотвѣтствуетъ съ небольшою разностью 1671 году христіянскаго лѣтосчисленія, и едвали не по надписямъ, уцѣлѣвшимъ на ханскомъ дворцовомъ кладбищѣ, можно съ бо́льшею вѣроятностію принимать годы смерти нѣкоторыхъ хановъ, чѣмъ полагаться безусловно на тѣ цыфры, которыя мы встрѣчаемъ и встрѣчали у авторовъ, писавшихъ о Крымѣ во времена татарскаго владычества.

Не можемъ не помѣстить еще перевода надписи, находящейся во второй ротондѣ, на надгробномъ памятникѣ дочери Хаджи-Селимъ-Герая-хана, *Кая-ханымъ*, подъ № 82.

> «Памятникъ прекрасной дочери Хаджи-Селимъ-хана. Я затрепеталъ (говоритъ сочинитель надписи), услышавъ о ея смерти. Но міръ этотъ не вѣченъ и подверженъ разрушенію (удоборазрушимъ). Живя въ немъ, умный человѣкъ не скажетъ: оставайся въ немъ вѣчно, хотя и въ этомъ мірѣ для всякаго есть мѣсто. Пороковъ этого міра никто не исправитъ и никто не можетъ продлить въ немъ свое бытіе хоть на одинъ годъ (мигъ?). Міръ этотъ похожъ на старый домъ, готовый, не сегодня—завтра разрушиться: онъ уже колеблется, шатается. — Имя усопшей — *Кая-ханымъ*. Скончалась 1130 года, геджры.»

Вотъ надписи, которыя, какъ мы замѣтили уже, какъ по изяществу отдѣлки памятниковъ, на которыхъ онѣ уцѣлѣли, такъ и по содержанію, могутъ обратить, по нашему предположенію, вниманіе читателя, и мы постарались помѣстить ихъ здѣсь въ возможно-близкомъ переводѣ.

Какое впечатлѣніе производитъ прогулка (просимъ принимать это слово въ обыкновенномъ его смыслѣ) по ханскому кладбищу?

([1]) См. Исторію о Тавріи и проч. Спб. 1808 г., т. 2, стр. 317.

([2]) Тамъ же, стр. 320.

Впечатлѣніе торжественной грусти, если можно такъ выразиться. На этомъ кладбищѣ, при самомъ поверхностномъ знакомствѣ съ исторіею Крыма, воображеніе, если хотите, невольно увлечетъ васъ въ даль и нарисуетъ вамъ самыя фантастическія картины прошедшаго. Только необходима предосторожность: если хотите предоставить свободу вашему воображенію «уноситься въ даль», то прежде побродите по кладбищу, подъ густою тѣнью сливъ и абрикосовъ (не раинъ и шелковицъ); а потомъ, насладившись этой прогулкой, насмотрѣвшись на кудрявыя или «узорчатыя» надписи, заходите въ одну изъ ротондъ. Тамъ поразитъ васъ другое зрѣлище. Подъ помостомъ, въ склепахъ, погребены нѣкоторые ханы и султаны гераева дома и нѣкоторыя лица женскаго пола, а сверху помоста сдѣланы деревянные гробы, обтянутые черною матеріею, истертымъ чернымъ бархатомъ и парчею. Нѣкогда все это было облечено черными тканями. Видъ гробовъ, кромѣ тяжелой грусти, едва ли можетъ произвести другое впечатлѣніе.

Строенія налѣво, по выходѣ изъ кладбища, заняты были во времена хановъ помѣщеніемъ отборной ханской стражи; они оканчиваются такой же бесѣдкой, какъ и надъ главными воротами. Изъ-подъ послѣдней бесѣдки выходъ на небольшой дворикъ, а изъ этого послѣдняго къ мавзолею надъ прахомъ «Диляра-Бикечь» (мнимой «Маріи Потоцкой»). Распространяться объ этомъ памятникѣ послѣ того, что́ было сказано нами въ первой статьѣ, считаемъ излишнимъ. Даже мнѣніе, что любимица Крымъ-Герая была христіянка, подлежитъ сомнѣнію. Истину этого мнѣнія подкрѣпляютъ обыкновенно тѣмъ, что если бы «Диляра Бикечь» была мусульманка, то отчего ей не быть погребенною на общемъ ханскомъ кладбищѣ, а внѣ дворцовой ограды? Дѣйствительно, прахъ ея покоится внѣ ограды; но отчего же подлѣ мавзолея «христіянки» погребено множество мусульманъ, въ томъ числѣ нѣсколько султановъ изъ фамиліи Гераевъ?... Впрочемъ все могло быть, но изъ этого всего немногое можно признать дѣйствительно бывшимъ такъ, а не иначе. Заключимъ этимъ нашъ бѣглый очеркъ дворца Гераевъ, надѣясь современемъ передать читателямъ «Современника» преданія о любимицѣ Крымъ-Герая въ томъ видѣ, въ какомъ разсказываютъ его багчесерайскіе татары, сложившіе еще во времена Крымъ-Герая пѣсню въ честь «Диляра Бикечь», которая носитъ заглавіе эльмасъ (алмазъ).

Ф. ДОМБРОВСКІЙ.

3 августа 1848 г.

Симферополь.

КАРТИНЫ МИСИССИПИ.

СВѢТЛЫЯ И ТЕМНЫЯ СТОРОНЫ АМЕРИКАНСКОЙ ЖИЗНИ.

VI.

МЕСТЬ.

На дальномъ западѣ Соединенныхъ Американскихъ Штатовъ, у скалистыхъ горъ, на берегахъ Арканзаса, молодой человѣкъ (*backwoodsman*, обитатель лѣсовъ), слѣдуя обычаю своего поколѣнія, построилъ одинокую свою хижину въ лѣсу, посреди кочующихъ индѣйцевъ. Онъ обработывалъ свое маленькое поле и трудился надъ нимъ такъ спокойно и безбоязненно, какъ-будто бы находился среди просвѣщеннаго народа, подъ покровительствомъ законовъ. Его звали Уильсонъ.

Жена его (одна изъ тѣхъ милыхъ и стройныхъ женщинъ, которыя, подобно лѣснымъ цвѣткамъ, красуются и увядаютъ въ глуши), старая мать и двое дѣтей составляли все семейство. Сыну его Уильяму было восемь лѣтъ, а дочь Клара была по третьему году. Маленькое поле молодого человѣка, засѣянное пшеницей, не требовало много времени на обработку, и потому въ свободные часы онъ ходилъ на охоту съ винтовкой на плечѣ. Много оленьихъ шкуръ, много медвѣжьяго жиру, разной дичи и меду возилъ онъ на своемъ маленькомъ челнокѣ въ Литль-Рокъ, состоявшій тогда изъ незначительнаго числа домовъ. Тамъ запасался онъ порохомъ и свинцомъ, солью, кофе, сахаромъ и необходимою одеждою для своихъ домашнихъ. Хотя нашъ поселенецъ чувствовалъ въ себѣ довольно силы и мужества, чтобы не бояться дикихъ своихъ сосѣдей, но онъ старался пріобрѣсти ихъ расположеніе. Нерѣдко, когда онъ оставлялъ свое семейство, на него находила боязнь за любимыхъ сердцу; въ особенности же, если, преслѣдуя звѣря, онъ былъ принужденъ ночевать въ лѣсу, далеко отъ дому, ему невольно приходили на мысль частыя убійства, еще не задолго передъ тѣмъ случившіяся въ странѣ.

Наконецъ онъ привыкъ къ такой жизни, и такъ-какъ жена съ матерью не обнаруживали боязни, то онъ всячески остерегался даже напоминать имъ о возможности опасности. Время проходило тихо и спокойно, опасности не встрѣчалось ни разу, и мало-по-малу тревожныя мысли совершенно оставили нашего Уильсона. Таковъ характеръ человѣка: онъ помнитъ объ опасности тогда только, когда она стоитъ прямо передъ нимъ. Нашъ молодой поселенецъ началъ

удалять отъ себя всякую заботу, считалъ свои прежнія мысли вздоромъ и уже чаще прежняго уходилъ на охоту, которая доставляла ему много выгоды.

Одинъ разъ, проходя съ собакой по лѣсу, онъ наткнулся на свѣжій медвѣжій слѣдъ; пройдя по немъ около трехъ англійскихъ миль, поселенецъ увидѣлъ медвѣдя, усердно разрывавшаго листья подъ дубомъ, чтобы добыть скрытые подъ ними жолуди. Услышавъ трескъ переломившагося подъ уильсоновыми ногами сука, медвѣдь вскочилъ на заднія ноги и, придерживаясь передними лапами за стволъ дерева, началъ внимательно оглядываться.

Хотя Уильсонъ былъ на довольно далекомъ разстояніи отъ звѣря, но, разсудивъ, что малѣйшее движеніе можетъ отогнать добычу, охотникъ тихо приподнялъ винтовку, прицѣлился и, выстрѣливъ, ранилъ медвѣдя. Но онъ дурно расчиталъ разстояніе, пуля попала не въ сердце, а склонившись на полетѣ, ударила ниже. Почувствовавъ рану, медвѣдь грянулся о земл и заревѣлъ, прежде по чѣмъ собака успѣла добѣжать до него, онъ вскочилъ и исчезъ посреди крутыхъ горъ, преслѣдуемый собакой.

Уильсонъ могъ только медленно слѣдовать по неровной почвѣ; примѣтивъ кровавый слѣдъ, онъ разсудилъ, что звѣрь тяжело раненъ и не можетъ долго протащиться. Каково же было его изумленіе и бѣшенство, когда, наконецъ увидѣвъ свою добычу, онъ тутъ же примѣтилъ индѣйца, спокойно укладывавшаго срѣзанный жиръ въ шкуру, которую уже успѣлъ снять съ медвѣдя. Мало того, около индѣйца лежала на травѣ собственная его собака, вѣрный Понто, съ раздробленнымъ черепомъ. Въ нѣсколько секундъ Уильсонъ былъ подлѣ краснокожаго и, задыхаясь отъ гнѣва, спрашивалъ его:

— Кто убилъ мою собаку?

— Сѣрый Соколъ развѣ овца? развѣ я позволю безнаказанно травить себя собакой? въ свою очередь угрюмо спросилъ темный охотникъ.

— Сѣрому Соколу слѣдуетъ сидѣть съ бабами, если онъ не умѣетъ самъ охотиться, а подбираетъ чужую добычу! сказалъ съ бѣшенствомъ Уильсонъ. — Ты не соколъ, а воронъ, что бросается на падаль! прибавилъ онъ, хватаясь за ножъ.

— А кто просилъ тебя въ наши края? проворчалъ Сѣрый Соколъ: — если бы ты охотился за Аллеганскими горами, твоя бѣлая собака не попалась бы подъ мою руку.

И говоря эти слова индѣецъ презрительно оттолкнулъ трупъ собаки носкомъ своего мокассина.

Охотникъ не вытерпѣлъ: прежде чѣмъ дикарь успѣлъ пошевельнуть рукой или увернуться отъ быстраго нападенія, онъ почувство-

валъ сильную руку бѣлаго. Приподнятый съ земли, индѣецъ полетѣлъ черезъ убитаго медвѣдя и грянулся на острые камни.

Однако быстрѣе молніи онъ снова вскочилъ на ноги. Схвативъ свой томагаукъ, онъ бросилъ его въ голову Уильсона. Острое оружіе сорвало съ него шапку. Въ ту же минуту ножъ сверкнулъ въ рукѣ Сѣраго Сокола; какъ тигръ кинулся онъ на Уильсона и прежде чѣмъ молодой охотникъ успѣлъ опомниться, ударилъ его два раза въ животъ.

Но Уильсонъ не потерялъ силы и смѣлости. Онъ снова схватилъ врага обѣими руками, снова приподнялъ его и, освободивши свою правую руку, три раза вонзилъ ему въ грудь широкій охотничій ножъ, бросилъ умирающаго на трупъ собаки и самъ, изнемогши отъ трудной борьбы, опустился на землю. Кровь выступила красной волной изъ-подъ охотничьей рубашки. Припавъ къ стволу сосны, поселенецъ лежалъ нѣсколько времени, почти безсознательно прикрывъ рану обѣими руками, между которыми кровь его медленно текла на землю.

Еще разъ очнулся несчастный, пытался приподняться, но силы ему измѣнили; онъ чувствовалъ, что конецъ его приближается; онъ хотѣлъ молиться, но мысли его путались. Въ послѣдній разъ призвалъ онъ имена жены, дѣтей, опрокинулся назадъ и испустилъ духъ.

Былъ вечеръ; жена Уильсона съ безпокойствомъ подходила къ дверямъ и смотрѣла въ поле, вглядываясь, не возвращается ли мужъ съ долгой охоты, потому-что онъ не взялъ съ собою плаща, а ночь была холодна и сурова.

Старая мать сидѣла у камина, сложивъ руки на колѣняхъ, и смотрѣла пристально на пламя, между тѣмъ, какъ маленькая Клара играла у ногъ ея и ласкаясь прислоняла свою русую головку къ ногамъ старухи, которая тогда, отворачивая глаза отъ огня, клала лѣвую руку на голову дитяти и любовалась его кудрями.

— Не знаю, отчего мнѣ сегодня вечеромъ грустно, сказала молодая женщина: — Уильсонъ часто не бывалъ по вечерамъ дома, никогда однако я такъ сильно не тосковала, какъ сегодня. Вѣтеръ дулъ сегодня очень сильно: не случилось ли съ нимъ несчастья отъ падающихъ деревъ? ахъ, если бы онъ былъ дома! и гдѣ же Уильямъ? какъ долго не несетъ онъ пшеницы.

*

— Придетъ, отвѣчала старуха: — можетъ быть онъ нашелъ слѣдъ и зашелъ далеко въ лѣсъ; вѣроятно, когда стемнѣетъ, онъ воротится домой; приготовь лучше ужинъ: онъ, вѣрно, проголадается.

Уильямъ воротился съ поля и принесъ пшеницу, накормилъ лошадь и вошелъ въ комнату, между тѣмъ его мать поставила жаровню съ пшеничнымъ хлѣбомъ на очагъ и посыпала горящихъ угольевъ на крышу.

— Пойди, Уильямъ, сказала она ему: принеси мнѣ немного дровъ, прежде чѣмъ стемнѣетъ, и положи два шеста въ плетень, чтобы коровы не вбѣжали еще разъ въ ограду, какъ въ прошедшую ночь, когда онѣ обгрызли лучшій нашъ соляной мѣшокъ.

Стало совершенно темно; молодая женщина поставила свою прялку въ сторону, и подойдя къ дверямъ, опять выжидала мужа.

Какъ она была счастлива, что не могла видѣть сосны, подъ которою лежалъ мужъ ея, блѣдный и истекшій кровью!

Ночь была мрачная, небо обложилось тучами, ихъ темныя массы приближались съ запада чернѣе и чернѣе и повисли надъ зеленымъ лѣсомъ.

— Пойдемъ, матушка, поужинаемъ. Уильсонъ сегодня не придетъ домой; вѣдь на дворѣ такъ темно, что руки передъ глазами не видно, и если бы онъ былъ въ полумили, то и тогда пришлось бы переночевать въ лѣсу, замѣтилъ Уильямъ.

— Потруби въ рогъ, сказала мать: — если онъ услышитъ, то вѣрно отыщетъ дорогу.

— Ахъ да, я и забыла о рогѣ, закричала Анна, взяла его изъ угла и, обратясь лицомъ въ ту сторону, откуда ожидала мужа, затрубила нѣсколько разъ: отрывистые звуки далеко отдались въ мертвой тишинѣ темной ночи. Когда они замерли, Анна долго прислушивалась и ждала отвѣтныхъ звуковъ своего мужа; потомъ, еще и еще звучалъ рогъ, но Уильсонъ не приходилъ; обѣ женщины, недовольныя и безпокойныя, сѣли съ Уильямомъ за столъ.

Въ тотъ самый день, когда Сѣрый Соколъ имѣлъ несчастно кончившуюся стычку съ Уильсономъ, три молодыхъ индѣйца шли по берегу Кадрона, чтобы сойтись въ условленномъ мѣстѣ, съ отцомъ своимъ, Сѣрымъ Соколомъ.

Прибывъ къ мѣсту, они зажгли костеръ и поставили палки съ большими кусками оленины, обѣщавшими голоднымъ пріятную трапезу.

— Посмотри, какъ орлы летятъ къ той долинѣ, сказалъ одинъ изъ охотниковъ: — я схожу и посмотрю, не растерзалъ ли тигръ оленя, не приготовила ли пищи орламъ винтовка Сѣраго Сокола.

Онъ поднялъ ружье свое, лежавшее на травѣ, и ушелъ въ чащу.

Мясо изжарилось; братья окончили завтракъ; старшій воротился: на поясѣ висѣла свѣжая кожа съ черепа; платье и моккасины были въ крови. Взоръ его былъ страшенъ. Оба брата вскочили съ травы и, схвативъ винтовки, послѣдовали за старшимъ, не произнося ни слова и не дѣлая никакихъ вопросовъ. Когда они обогнули утесъ, глазамъ ихъ представилось мѣсто описанной нами схватки Уильсона съ Сѣрымъ Соколомъ.

— А! закричали оба, отскочивъ въ одно время.

Страшное зрѣлище, представившееся ихъ глазамъ, казалось безобразнымъ пятномъ на красотѣ живописнаго пейзажа; самые солнечные лучи, отражаясь въ большой лужѣ застывшей крови, увеличивали отвращеніе къ этому мѣсту.

Прежде всѣхъ пришедшій братъ поднялъ трупъ отца съ трупа собаки и посадилъ его къ стволу дуба, а съ уильсонова черепа снялъ кожу; когда онъ подошелъ, птицы отлетѣли, но вскорѣ опять спустились, продолжая клевать трупы.

Всѣ три брата тотчасъ же начали плясать около труповъ свой смертный танецъ, дикими напѣвами выхваляя храбрость убитаго отца, хитрость на охотѣ и другія добродѣтели. Пѣсня окончилась клятвою мщенія всему дому убійцы. Томагауками вырыли они плоскую могилу, опустили въ нее трупъ отца со всѣми охотничьими принадлежностями и завалили ее тяжелымъ деревомъ, чтобы волки не могли вырыть тѣла.

Причину боя они скоро узнали; убитый медвѣдь, мертвая собака, томагаукъ, брошенный рукою дикаря и глубоко врѣзавшійся въ сосну, раны отъ ножей на обоихъ трупахъ, все это легко объяснило догадливымъ дѣтямъ природы весь ходъ дѣла; мщеніе, страшное мщеніе было обѣщано семейству несчастнаго, сильная рука котораго, теперь расклеванная птицами, не могла защитить слабыхъ.

Окончивъ это, они удалились: старшій братъ впереди, два другіе пошли по его слѣдамъ; одна цѣль наполняла сердца ихъ, одно чувство выражалось въ сверкающихъ темныхъ глазахъ — желаніе мщенія.

Черныя тучи поднимались на западѣ и росли выше и выше; солнце закатилось и мрачная ночь спустилась на чащу. Не рѣшаясь искать своихъ жертвъ въ этой темнотѣ среди непроходимыхъ колючихъ растеній и дикихъ виноградниковъ, темнокожіе воины рѣшились отложить на-время исполненіе своего намѣренія.

Они зажгли огонь и молча расположились вокругъ него. Такъ сидѣли они около часу, задумавшись и не говоря ни слова, какъ вдругъ раздался въ воздухѣ пронзительно ясный звукъ рога.

Всѣ поняли значеніе этого сигнала. Адская улыбка мелькнула на темныхъ лицахъ, и въ ту же минуту, схвативъ ружья, они бросились

въ ту сторону, откуда слышался звукъ, которымъ бѣдное семейство призывало единственнаго своего покровителя.

Милая Клара давно заснула, играя у камина. Она лежала, подложивъ подъ голову бѣленькую ручку и плотно прислонившись къ большой бѣлой кошкѣ, которая, самодовольно мурлыча, прижималась къ хорошенькому дитяти.

Хотя индѣйка была вкусно изжарена и оленина и медъ были любимыми блюдами всего семейства, но въ этотъ вечеръ обѣ женщины не могли ѣсть. Одинъ Уильямъ ѣлъ усердно, говоря, что отецъ привыкъ ночевать въ лѣсу, и что съ разсвѣтомъ онъ будетъ дома.

Женщины старались вѣрить словамъ мальчика; однако Анна нѣсколько разъ подходила къ дверямъ и трубила въ рогъ. Буря усиливалась. Ослѣпительная молнія освѣщала стонавшій отъ вѣтра лѣсъ, и громъ страшно перекатывался въ отдаленіи.

Старуха подняла съ полу спокойно уснувшую Кларочку и уложила ее на постельку; она подошла къ лампѣ, чтобы поправить ее. Въ это время послышался стукъ въ двери.

— Папа идетъ, закричалъ Уильямъ, подскочивъ къ дверямъ; отодвинувъ задвижку, онъ отворилъ дверь и съ раздвоеннымъ черепомъ упалъ на руки вскрикнувшей матери.

Какъ тѣни проскользнули въ домъ трое краснокожихъ убійцъ. Страшно описывать всѣ ужасы индѣйскаго мщенія. Одинъ изъ нихъ повлекъ жену Уильсона къ камину, и несчастная женщина была убита однимъ ударомъ тамагаука. Другой братъ схватилъ старуху, закрутилъ волосы ея на руку, и въ тоже время третій индѣецъ приподнялъ дитя, спавшее въ постели. Вырвавшись изъ рукъ своего мучителя, бѣдная женщина съ отчаяніемъ бросилась на изступленнаго дикаря, схватила дитя, и прижавъ его къ груди, молила изверга о пощадѣ. Но скорѣе пойманный олень могъ бы получить пощаду отъ схватившей его гіены.

Самый высокій изъ братьевъ оттолкнулъ несчастную въ другой уголъ комнаты и, приподнявъ маленькую Клару, ударилъ ее бѣлокурую кудрявую головку объ дверь.

Старуха видѣла смерть своего любимаго дитяти. Страшный огонь сверкнулъ въ ея потухшихъ глазахъ; она выпрямилась и устремила на мучителей взглядъ, отъ котораго и дикари не могли не содрогнуться. Поднявъ сухую руку, заговорила она на языкѣ шикесавовъ.

— Да накажетъ васъ великій духъ! произнесла она: — пусть растерзаютъ тѣла ваши хищные звѣри и разнесутъ кости ваши! Пусть орлы расклюютъ ваше мясо! Пусть волки насытятся вами!

Томагауки братьевъ размахнулись, но суевѣріе удерживало ихъ руки. Бѣдная старуха, потерявшая разумъ, при видѣ смерти всѣхъ любимыхъ ею существъ, показалась имъ сверхъестественнымъ созданіемъ, близкимъ къ ихъ великому духу. Ужасъ ихъ былъ неописанный; черезъ нѣсколько минутъ, услышавъ новое проклятіе, убійцы бросились бѣжать, забывъ даже взять съ собою черепъ убитой дѣвочки.

Старуха подняла дитя, поцаловала его и стала носить холодный трупъ на рукахъ по комнатѣ, называя свою Клару всѣми ласковыми именами.

— Пойдемъ, ангелъ мой, не смотри на меня такъ пристально, спи, моя милашка; сколько у тебя крови на лицѣ! пойдемъ, я разскажу тебѣ сказку и убаюкаю тебя, а когда ты проснешься, придетъ твой папа. Папа? ахъ, если бы папа былъ здѣсь, душенька! посмотри, и мама устала, она лежитъ тамъ на землѣ и спитъ, и братъ тоже. Баю, баюшки, баю.

И она качала на колѣняхъ трупъ дитяти, прося его не смотрѣть такъ пристально, быть добрымъ дитятей и не спать.

Одинъ изъ деревянныхъ стульевъ хижины, во время страшной сцены, упалъ въ огонь и загорѣлся; пламя ползло сначала по нижнимъ бревнамъ камина, высохшимъ отъ всегдашней близости огня, обхватило ихъ, пробиралось далѣе и далѣе и освѣтило краснымъ свѣтомъ печальную комнату.

Одна часть дома горѣла, а старуха, забывъ все и качая маленькій трупъ, ожидала, что внучка закроетъ глазки, открывшіеся въ предсмертныхъ судорогахъ.

Все ближе подходило пламя, захватило уже трупъ женщины; платья ея тлѣло. Жара въ комнатѣ сдѣлалась нестерпимою.

— Пойдемъ, душенька: здѣсь тепло, ты потѣешь; посмотри, какъ ты мокра... или это кровь? пойдемъ, и мама тотчасъ пойдетъ за нами.

Играя вышла она съ ребенкомъ на освѣщенный пламенемъ дворъ. Передъ ней провалились верхнія перекладины дома, загородили входъ, и взлетѣли милліоны искръ къ темному ночному небу.

Старуха ничего не замѣчала; она укачивала ребенка и пѣла старинныя пѣсни. Когда домъ сгорѣлъ, когда огонь потухъ, когда холодный ночной вѣтеръ пронзительно сталъ продувать ея легко прикрытое тѣло и трупъ дитяти въ рукахъ ея дѣлался все холоднѣе и

холоднѣе, она пришла съ своей ношей къ тлѣющимъ бревнамъ развалинъ и, дрожа отъ холода, начала свое однообразное пѣніе.

Въ такомъ же положеніи нашло ее на другое утро солнце, поднявшись надъ зеленымъ моремъ листьевъ и освѣтивъ мѣсто страшнаго злодѣянія.

Въ это самое время скользилъ по рѣкѣ маленькій каноэ, въ которомъ сидѣлъ одинъ гребецъ. То былъ другъ Уильсона, который, проплывъ наканунѣ нѣсколько миль и возвращаясь теперь домой, увидѣлъ догаравшій домъ.

Онъ тотчасъ переплылъ рѣку, чтобы посмотрѣть, нѣтъ ли возможности спасти кого-нибудь и среди полусгорѣвшихъ труповъ увидѣлъ страшную картину безумія и смерти. Легко было ему угадать убійцъ: уже не первый домъ, не первое семейство подвергались разрушенію отъ рукъ индѣйцевъ, которые въ свою очередь испытывали много жестокостей отъ бѣлыхъ.

Онъ безъ сопротивленія взялъ безумную старуху и трупъ ребенка, уложилъ ихъ въ каноэ и, отплывъ около четырехъ миль внизъ по рѣкѣ, остановился у жилища родственниковъ погибшихъ жертвъ.

Въ тридцати англійскихъ миляхъ отъ Арканзасъ-поста вливается въ рѣку Арканзасъ небольшая рѣчка, которая, несмотря на малость свою при устьѣ, течетъ сотни миль по прекрасной, плодоносной долинѣ; ее окружаютъ крутыя горы, покрытыя лѣсомъ, гдѣ въ прежнее время водилось множество дичи. И теперь иногда выступаетъ тамъ стройный олень и дикая индѣйка качается ночью на величественныхъ дубахъ долины; даже хитрый шакалъ разбойничаетъ тамъ и, выждавъ въ засадѣ беззаботную добычу, гоняется за ней и безпощадно поражаетъ.

Весной, послѣ разсказаннаго нами происшествія, на одномъ изъ рукавовъ этой рѣчки поселилась шайка индѣйцевъ изъ семейства шоктавсовъ. Группы пестро разукрашенныхъ индѣйцевъ представляли необыкновенную картину среди красиваго мѣстоположенія.

Мужчины ходили на охоту, иные съ ружьями и собаками, другіе же просто съ луками и стрѣлами. Женщины принимали добычу, потрошили убитыхъ звѣрей, вывѣшивали кожи для сушки, коптили мясо, выпускали медвѣжье сало и наполняли имъ мѣха изъ оленьей кожи.

Иногда мужчины съ томагауками, женщины съ корытами отправлялись срубать найденное вблизи дерево съ сотами, наполнить медомъ корыта и по возвращеніи домой спустить его въ мѣшки, подобные тѣмъ, которые употребляются у нихъ для медвѣжьяго сала....

Весело было видѣть, какъ маленькіе полунагіе мальчики и дѣвочки торопливо подносили къ срубленному дереву горящія гнилушки и хворостъ, чтобы отогнать пчелъ, и какъ прыгали они, когда какая-нибудь сердитая пчела, несмотря на дымъ, глубоко впускала острое жало въ ихъ смуглое тѣло. Если же, при первомъ паденіи дерева, пчелы слишкомъ бѣсились, что́ обыкновенно бываетъ при богатыхъ ульяхъ, они съ радостными криками и хохотомъ бросались, преслѣдуемые мстительными врагами, въ самые густые кусты или бѣжали къ ближнему ручью и, ныряя въ водѣ, спасались отъ своихъ крылатыхъ преслѣдователей.

Не всѣ индѣйцы этой страны принадлежали къ семейству шоктавсовъ: между ними гостили трй чужестранца съ другого берега Арканзаса. То были три сына Сѣраго Сокола, которые, боясь мщенія бѣлыхъ сосѣдей за убитое семейство, скрывались въ дикихъ горахъ. Несмотря на согласіе свое съ этимъ поколѣніемъ индѣйцевъ, братья ходили бо́льшею частью вмѣстѣ и охотились втроемъ.

Разъ утромъ они пробирались съ ружьями по южной сторонѣ холмовъ, когда двѣ ихъ собаки подняли въ чащѣ тигра огромной величины. Но прежде чѣмъ кто-либо изъ нихъ успѣлъ выстрѣлить, звѣрь скрылся, преслѣдуемый собаками. Охотники не могли довольно скоро приготовиться къ погонѣ, и потому продолжали только держаться одного направленія, не обращая вниманія на мелкую дичь и прислушиваясь къ лаю борзыхъ, который раздавался то далѣе, то ближе, смотря по ходу охоты. Наконецъ вечеромъ, когда солнце озолотило верхи деревъ, скворцы полетѣли къ своимъ гнѣздамъ, тамъ и сямъ послышалось на соснахъ хлопанье крыльевъ дикихъ индѣекъ, собаки настигли тигра, остановились, завыли и залаяли передъ деревомъ, на которомъ скрылся врагъ ихъ.

Почти совершенно обезсилѣвъ, прибыли къ мѣсту двое изъ охотниковъ. Старшій прицѣлился, но отъ усталости рука его дрожала; онъ попытался еще разъ — и долженъ былъ отказаться. Другой, видя, что тигръ намѣревается спрыгнуть на землю, и боясь продлить охоту, а быть можетъ и совсѣмъ выпустить изъ рукъ трудно-настигнутаго звѣря, быстро поднялъ винтовку и выстрѣлилъ.

Тигръ, тяжело раненный, падая съ сука, на которомъ стоялъ, повисъ на немъ передней лапой, послѣ тщетныхъ попытокъ снова подняться; пуля старшаго индѣйца сразила его; звѣрь выпустилъ

сукъ изъ лапъ и грянулся на землю; въ-мигъ бросились на него собаки; но едва онѣ коснулись до него, какъ тигръ схватилъ одну изъ нихъ и разорвалъ; другая же съ остервенѣніемъ впилась въ него. Охотники, опасаясь потерять послѣднюю и лучшую собаку, подскочили въ ту же минуту съ поднятыми ножами, чтобы нанести звѣрю послѣдній ударъ.

Тигръ, при видѣ новыхъ враговъ, сдѣлалъ страшное усиліе. Онъ освободился отъ утомленной и раненой собаки и съ яростью бросился на охотниковъ, которые, ожидая нападенія, твердо стояли другъ возлѣ друга, уставивъ свои ножи на свирѣпое животное.

Короткіе клинки пронзили тѣло тигра, но индѣйцы не могли избѣгнуть бѣшенства звѣря и злого рока. Бѣшеный тигръ поднялся на заднія ноги и, падая впередъ, однимъ взмахомъ страшной лапы раскроилъ грудь одному изъ братьевъ, такъ-что тотъ съ громкимъ воплемъ отшатнулся; тогда звѣрь, бросившись на другого индѣйца, схватилъ его и хотѣлъ разорвать, но силы ему измѣнили; въ предсмертной борьбѣ схватилъ онъ несчастнаго за горло, и оба испустили духъ, истекая кровью.

Младшій подоспѣлъ только, чтобы увидѣть одного изъ своихъ братьевъ мертвымъ, другого умирающимъ, и въ тоже время его сердце было поражено воспоминаніемъ о проклятіи старухи.

— Маниту! кричалъ онъ, выпустивъ изъ руки винтовку: — Маниту, заклятіе бѣспующихся! горе намъ: Маниту сердитая, и мы преданы царству Нанабоца!

Смертная блѣдность покрыла лицо умирающаго, услышавшаго слова эти; онъ протяжно застоналъ, вытянулся и испустилъ духъ.

Солнце зашло, и глубокіе сумерки покрыли спокойныя деревья; наступила ночь, потому-что въ лѣсахъ на востокъ отъ скалистыхъ горъ солнце, едва спустившись, будто поглощаетъ въ себя лучи, и глубокій мракъ слѣдуетъ быстро за дневнымъ свѣтомъ.

Молодой воинъ сложилъ два трупа братьевъ на одно мѣсто, покрылъ ихъ шерстянымъ покрываломъ, навалилъ на нихъ столько дровъ, сколько могъ собрать, для прикрытія отъ хищныхъ звѣрей, и убѣжалъ. Онъ думалъ о помѣшавшейся старухѣ и не смѣлъ провести ночь подлѣ жертвъ ея проклятія.

Такъ бѣжалъ онъ нѣсколько времени, пока сумерки не спустились окончательно; но, утомленный бѣгомъ, а еще болѣе испуганный мыслью о страшной старухѣ, онъ скоро повалился на землю и не могъ двинуться съ мѣста.

Такъ лежалъ онъ нѣсколько часовъ, какъ вдругъ въ нѣсколькихъ шагахъ услышалъ онъ вой волковъ. Краснокожій тихо приподнялся на локтѣ и со страхомъ вслушивался въ эти сурово-дикіе голоса.

Казалось, старый волкъ предводительствовалъ цѣлымъ стадомъ; сначала раздался въ лѣсу глубокій, жалобный голосъ и затихъ на минуту; потомъ снова тотъ же звукъ, сильнѣе, жалобнѣе, и вдругъ огласила лѣсъ такая дикая, бѣшеная мелодія, что испуганныя ночныя птицы прекратили свое пѣніе; только филинъ скрылся въ болѣе уединенное мѣсто, чтобы оттуда спокойно испускать свой не менѣе страшный крикъ.

Сынъ лѣсовъ зналъ слишкомъ хорошо образъ жизни этихъ животныхъ и не боялся насчетъ своей участи; напротивъ того, близость живыхъ существъ служила ему въ эту минуту ободреніемъ. Долго лежалъ онъ и прислушивался къ вою волковъ, то густому и низкому, то возвышавшемуся до звуковъ, страшно пронзительныхъ.

Вѣрная собака его, ласкаясь, положила свою морду на плечо господина; индѣецъ обернулся къ смѣлому животному, такъ недавно въ борьбѣ съ тигромъ употребившему всѣ возможныя усилія къ побѣдѣ надъ врагомъ, и потрепалъ ему затылокъ. Но вдругъ, громко взвизгнувъ собака отскочила и поползла потомъ снова къ господину, махая хвостомъ, какъ бы въ извиненіе за то, что пренебрегла ласкавшую ее руку, между тѣмъ, какъ причиною ея движенія были раны, оставленныя на тѣлѣ ея когтями тигра.

Вой волковъ прекратился: они отыскали мѣсто, гдѣ лежали трупы.

Они сначала нашли трупъ собаки и съ бѣшенствомъ разорвали его. Индѣецъ задумчиво прислонился къ дереву, когда вой, все болѣе и болѣе громкій, снова раздался въ тиши; мысль о томъ, что они нашли трупы, быть можетъ вырыли теперь тѣла изъ-подъ дерева, начали свою трапезу, воспоминаніе о послѣднемъ проклятіи старухи — все, все наполняло сердце его непреодолимымъ страхомъ. Волосы стали у него дыбомъ; онъ вскочилъ и помчался дикими прыжками чрезъ чащу.... куда? ему было все равно — только дальше, дальше отъ страшныхъ завываній.

Наконецъ, утомленный до полусмерти, повалился онъ на землю. Кругомъ все было тихо, какъ въ могилѣ. Онъ завернулся въ плащь и скоро заснулъ; но и во снѣ старуха поднимала изсохшія руки, произносила слова проклятія и громко хохотала, разсказывая ему судьбу его братьевъ.

———

Былъ прелестный осенній день, одинъ изъ дней того времени года, которое въ сѣверной части Америки называется «индѣйскимъ

лѣтомъ». Наступленіе осени ясно обозначалось: зрѣлые жолуди падали съ трескомъ на сухіе листья, зелень сассафраса покрылась огненными и свѣтложолтыми пятнами, которыя служатъ признакомъ, что растеніе скоро увянетъ. Дикій виноградъ висѣлъ тяжелыми, синими кистями съ высокихъ и стройныхъ дубовъ, по которымъ ползли его вьющіеся стебли, и перезрѣвшія мускатныя ягоды валялись между жолудями и сухими листьями.

Солнце опустилось за зеленое лиственное море, когда четверо всадниковъ остановились подъ большимъ краснымъ дубомъ, на берегу маленькаго ручья.

Первый, высокій, стройный мужчина былъ одѣтъ, какъ и другіе, въ охотничьей рубашкѣ, леггинахъ и моккасинахъ; изъ-подъ синей шотландской шапки выглядывали отдѣльными кудрями бѣлоснѣжные волосы и придавали добродушному лицу его какую-то нѣжность. Передъ нимъ лежала на сѣдлѣ винтовка. Оборотясь къ товарищамъ, онъ сказалъ:

— Здѣсь, кажется, удобное мѣсто, вода хороша, вотъ это сухое дерево возьмемъ на дрова, а густой дубъ укроетъ насъ отъ росы; если бы ночью пошелъ дождь, то на кустахъ можно растянуть плащи и устроить покойный ночлегъ.

— Хорошо, Стевенсъ! у тебя вѣрный глазъ въ подобныхъ случаяхъ, отвѣчалъ маленькій, толстый пожилой человѣкъ, соскакивая на землю и принимаясь разсѣдлывать лошадь; жаль только, что на проклятой охотѣ разбилъ я свою фляжку съ водкой. Что́ бы мы теперь сдѣлали, если бы не взяли съ собой завтрака? пришлось бы жевать сассафрасовые листья и жолуди да закусывать кислымъ виноградомъ, а это хоть и здорово, какъ говоритъ нашъ аптекарь въ Поддокѣ, да невкусно. Нѣтъ, мое медвѣжье сало и хлѣбъ пріятнѣе! И, говоря это, онъ вынулъ изъ-подъ сѣдла длинный, туго набитый мѣшокъ и, пригнувъ низенькое деревцо, повѣсилъ на него свои припасы для предохраненія отъ собакъ. — Вотъ, въ прошлый разъ, продолжалъ онъ, обращаясь къ Стевенсу: — твой Плутонъ, негодная тварь, утащилъ все мое сало, а когда я хотѣлъ отнять, то онъ еще накрылъ добычу обѣими лапами и принялся скалить зубы.

Всю провизію удалили отъ собакъ; сѣдла и плащи разложены были подъ деревомъ въ видѣ постелей и подушекъ; лошадямъ связали переднія ноги и, чтобы на слѣдующее утро скорѣе найти ихъ, на шею надѣли колокольчики.

Путники усердно принялись разводить огонь, жарить сырое мясо, а главное — грѣться отъ ночной сырости. Скоро веселое пламя начало подыматься выше и выше.

Одинъ изъ младшихъ охотниковъ, загорѣлый, черноглазый и черноволосый юноша, подошелъ также къ огню и бросился на свой плащь.

— Слѣдовало бы позвать собакъ, а то онѣ переполошатъ весь лѣсъ, сказалъ онъ съ досадою:—вотъ и теперь я слышу, какъ возятся онѣ въ камышѣ, около рѣки. И отчего, въ-самомъ-дѣлѣ, онѣ все вертятся тамъ? Вдругъ молодой человѣкъ вскочилъ съ своего мѣста и, при-приложивъ руку къ уху, началъ прислушиваться къ отрывистому визгу и громкому лаю собакъ.—Генри, пойдемъ туда? сказалъ онъ, обращаясь съ живостью къ четвертому охотнику, молодому человѣку, съ русыми волосами и голубыми глазами, который, прислонившись къ дереву, также прислушивался къ лаю.

— Да полноте, прервалъ ихъ старый Стевенсъ:—вы избалуете собакъ, если покажете, что вамъ весело стрѣлять по всякой дряни; тогда намъ придется отказаться отъ медвѣдей и гоняться за бѣлками да дикими кошками. Бросьте ихъ: пусть себѣ лаютъ подъ деревомъ.

— Стевенсъ правъ! сказалъ старый Гарнеръ:—скотамъ только и нужно пошумѣть; слышите, какъ онѣ воютъ; чортъ меня побери, если мы завтра цѣлый день не проѣздимъ, пока найдемъ порядочный слѣдъ.... Потруби въ рогъ, Генри: онъ лежитъ за тобою. Молодой человѣкъ, спокойно улегшійся-было близь огня, схватилъ огромный бычачій рогъ и затрубилъ нѣсколько разъ громко и протяжно. Собаки замолкли на короткое время, а потомъ между ними поднялся такой страшный и жалобный вой, что всѣ охотники громко расхохотались. Вслѣдъ за тѣмъ Генри бросилъ рогъ на траву и вмѣстѣ съ Гарнеромъ началъ развѣшивать тонко разрѣзанные куски мяса на деревянныя палки и, поставивши ихъ къ огню, подложилъ подъ нихъ ломти хлѣба, чтобы сберечь капающій съ мяса жиръ.

Стевенсъ и Джемсъ, или Нимъ, какъ его называли, не тратили времени напрасно, а заботливо поддерживали огонь.

Вскорѣ, мало-по-малу, начали собираться собаки; ихъ явилось семь; махая хвостами, подходили онѣ и привѣтливо щелкали зубами, въ ожиданіи корма. Самая большая изъ нихъ, красносѣраго цвѣта, по головѣ, тѣлу и сверкающимъ глазамъ совершенно похожая на волка, ласкаясь, прислонилась къ старому Стевенсу, который лежалъ, опрокинувъ голову на сѣдло.

— Ну, Плутонъ! чего тебѣ, старикашка? спросилъ охотникъ, добродушно смотря въ глаза прекрасному животному. Услышавъ голосъ господина, собака положила правую лапу на грудь его и, прежде чѣмъ тотъ успѣлъ отвернуться, облизала ему все лицо. Ну, пошелъ, ложись, говорилъ старый охотникъ. Экой ты необтесанный!

— Это пребезстыдный песъ, замѣтилъ Гарперъ:—спроси только мистриссъ Вилліамсъ. Недавно она хотѣла варить мыло, собрала все свое старое сало и поставила къ дверямъ, чтобы навалить въ котелъ — и чтожь? не успѣла она отлучиться на двѣ минуты, какъ Плутонъ уплелъ половину сала! Нимъ, дай собакамъ кусокъ хлѣба, авось завтра утромъ чего-нибудь еще добудемъ. Должны же въ этихъ мѣстахъ водиться медвѣди. Да, кстати, господа, разсказывалъ ли я вамъ мою исторію о медвѣдѣ, и о томъ, какъ я упалъ въ дупло? Нѣтъ еще? ну, хорошо, такъ послушайте и учитесь присутствію духа.

Всѣ усѣлись, ожидая обѣщаннаго разсказа; Гарперъ былъ извѣстенъ во всей странѣ своимъ балагурствомъ и шутками. Поправивъ свой плащь, старикъ приподнялся на локти и отогналъ одну изъ собакъ, которая разлеглась-было подъ самымъ его носомъ.

«Тому болѣе пятнадцати лѣтъ, началъ онъ, я былъ еще тогда молодымъ и красивымъ мужчиной; пятеро насъ изъ Винцеловъ переѣхали чрезъ Огіо и прибыли въ знаменитый охотничій край Кентуки; дичи было множество, и медвѣди бѣгали какъ у насъ свиньи. Поохотившись нѣсколько дней, я бродилъ въ одно утро по лѣсу и недалеко отъ себя увидѣлъ пустое дерево, съ большимъ отверстіемъ. Постой, думаю я, дерево это кажется мнѣ зимней квартирой одного изъ жирныхъ черныхъ молодцовъ; подхожу и, осматривая дерево со всѣхъ сторонъ, вижу ясные слѣды, по которымъ нетрудно было мнѣ догадаться, что медвѣди лазили вверхъ и внизъ по дереву; дай-ка, думаю я, полѣзу наверхъ и понюхаю, не пахнетъ ли медвѣдемъ, и коли отыщу что-нибудь, схожу за товарищами. Между тѣмъ я неосторожно наступилъ на край дупла; кусокъ гнилого дерева подломился, и я падаю и быстро спускаюсь въ дупло точь-въ-точь, какъ пуля въ ружейный стволъ.

Однако паденіе мое не сопровождалось никакимъ несчастіемъ. Одно только обстоятельство ужасало меня: что́, если медвѣдь лежитъ подъ моими ногами? Черезъ нѣсколько секундъ я успокоился: все было благополучно, и только ноги мои завязли до колѣнъ въ истлѣвшей сердцевинѣ гнилого дерева. Я убѣдился очень скоро, что дерево это не задолго предъ тѣмъ, а можетъ быть даже еще и въ настоящее время, служило жилищемъ медвѣдю; въ первыя минуты я едва могъ дышать отъ остраго запаха, и самая внутренность ствола была такъ гладка и оскоблена, какъ-будто его нарочно выстрогали.

Осмотрѣвшись вдоволь, я хотѣлъ выйти; но кто же опишетъ мой ужасъ, когда я открылъ, что для того, чтобы выйти изъ дупла, необходимо имѣть когти и силу медвѣдя. Своему заклятому врагу не желаю подобной минуты. Холодный потъ выступилъ на всемъ тѣлѣ; колѣни у меня подогнулись. Кричать и шумѣть было бы безумно:

на разстояніи по-крайней-мѣрѣ восьмидесяти миль не было жилья, исключая развѣ хижины на другомъ берегу Огіо. Къ тому же мы на-канунѣ сговорились съ товарищами итти внизъ по рѣкѣ, и они могли подумать, что я пошелъ впередъ, между тѣмъ какъ мнѣ приходилось прощаться съ жизнію. Мысль о голодной смерти промелькнула въ моей головѣ, я вскочилъ и попытался-было вскарабкаться по крутой стѣнѣ; но напрасно: хотя отчаяніе и придавало мнѣ силы, но я не нашелъ опоры, и хотя по временамъ поднимался немного, но каждый разъ падалъ внизъ еще глубже. Мысль о самоубійствѣ нѣсколько облегчила меня; при мнѣ былъ ножъ, и я зналъ по-крайней-мѣрѣ, что умру не голодной смертью, а разомъ, безъ мученья.

Долго сидѣлъ я въ раздумьи, судорожно сложивъ руки, какъ вдругъ услышалъ, что кто-то снаружи карабкается по стволу дерева. Я притаилъ дыханіе и сталъ прислушиваться; ободренный мыслью о помощи, я хотѣлъ-было закричать, но въ ту же минуту закрылось надо мною отверстіе, густой мракъ окружилъ меня; одна мысль пришла въ голову: навѣрно то былъ медвѣдь, который возвращается въ свое логовище.

Что̀ теперь дѣлать? бороться съ нимъ? хороша борьба! подумалъ я—и все-таки вынулъ ножъ и крѣпко сжалъ его рукоятку. Дупло было глубиною до тридцати футовъ; медвѣдь вѣроятно не ждалъ, кого найдетъ внизу. Когда онъ спустился довольно низко, мнѣ пришла другая идея: я вдвинулъ ножъ на свое мѣсто, и въ ту минуту, какъ звѣрь находился надъ самою моею головою (вы знаете, онъ входитъ всегда задомъ въ дупло), вцѣпился я обѣими руками въ толстую шкуру его ляшекъ, а для бо̀льшей вѣрности схватилъ зубами короткій хвостъ медвѣдя. — Я повисъ на немъ какъ піявка. Что̀ думалъ тогда медвѣдь, понравилось ли ему такое неожиданное приключеніе въ собственномъ его домѣ, мнѣ неизвѣстно; я знаю только то, что съ первой же минуты, онъ не лѣниво взобрался наверхъ, а вцѣпившись сильными когтями въ дерево, съ быстротою труса полѣзъ изъ дупла, по той же дорогѣ, гдѣ за минуту спускался такъ спокойно и самодовольно. Я боялся одного, чтобы въ дорогѣ силы его не ослабѣли; но въ одно мгновеніе я былъ уже наверху дерева, и едва высунулась голова моя наружу, какъ я выпустилъ медвѣдя изъ рукъ и зубовъ, уцѣпился за край отверстія, чтобы снова не упасть въ дупло, потому-что медвѣдь вѣроятно не явился бы во второй разъ ко мнѣ на-помощь. Какъ молнія слетѣлъ онъ съ дерева и, прежде чѣмъ я успѣлъ спокойно усѣсться и выплюнуть волосы, оставшуюся у меня во-рту медвѣжью шерсть, какъ владѣтель ея исчезъ въ чащѣ.

— И вы не успѣли даже поблагодарить его? сказалъ, смѣясь, Стевенсъ.

— Благодарить? нѣтъ! ворчалъ Гарперъ: — трусъ удралъ безъ оглядки.

Среди смѣха и разсказовъ подобнаго рода, прошелъ вечеръ и настало время лечь спать. Генрихъ и Нимъ подвалили дровъ въ огонь, сдвинули уголья, принесли нѣсколько кружекъ воды изъ ближняго ручья, сняли свои леггины и моккасины, покрыли ими винтовки, лежавшія подлѣ нихъ, завернулись въ плащи и вскорѣ всѣ заснули глубокимъ сномъ.

Съ разсвѣтомъ старый Стевенсъ разбудилъ спящихъ; они намѣревались въ тотъ день сильно поохотиться: страна изобиловала дичью.

Весело зашевелились охотники, раздули огонь, такъ-что искры взвились въ сѣромъ утреннемъ воздухѣ; умылись въ студеномъ ключѣ и изготовили незатѣйливый завтракъ: небольшой кусокъ мяса на брата и еще меньшую порцію для каждой собаки.

— Ну, сказалъ смѣясь Гарперъ: — если мы сегодня худо будемъ цѣлиться, то вечеромъ можно будетъ стянуть поясъ поплотнѣе; да и то правда, что собаки наши будутъ бѣжать какъ черти; лишняя пища, кажется, не обременила ихъ.

Между тѣмъ молодые люди отыскали лошадей, осѣдлали и, прежде чѣмъ сѣли на нихъ, посыпали пороху на полку. Рогъ созвалъ собакъ, которыя съ радостнымъ лаемъ подпрыгивали къ лошадямъ, въ нетерпѣливомъ ожиданіи начала охоты.

Мѣсто охоты было въ штатѣ Арканзасъ, на узкомъ пространствѣ земли, образуемомъ двумя маленькими рѣками, впадающими въ Мисиссипи. Густой, почти непроходимый камышъ покрывалъ часть этого мѣста; тамъ и сямъ попадался открытый лѣсъ, гдѣ множество опрокинутыхъ и полусгнившихъ деревъ дѣлали его тоже недоступнымъ для всадниковъ; но въ пылу охоты часто случается, что едва собаки найдутъ звѣриный слѣдъ и пустятся по немъ, какъ лошади летятъ чрезъ кустарникъ съ такою легкостью и быстротою, что всаднику остается только беречься дикаго винограднника и другихъ вьющихся растеній, которыя часто выбрасываютъ его изъ сѣдла.

Охотники должны были, какъ предсказалъ Гарперъ, проѣхать нѣсколько миль, прежде чѣмъ нашли слѣдъ. Вдругъ Плутонъ обнаружилъ безпокойство, пробѣжалъ нѣсколько разъ по маленькому открытому мѣсту, обнюхалъ деревья, началъ перескакивать чрезъ старые стволы, потомъ вдругъ остановился, поднялъ голову вверхъ и завылъ громко и протяжно.

Другія собаки окружили его и принялись искать съ такимъ же усердіемъ; вдругъ Плутонъ умолкъ, бросился къ опрокинутому де-

реву, вскочилъ на него, добѣжалъ по немъ до корня, завылъ громко и какъ стрѣла молча помчался по найденному слѣду; но тѣмъ громче залаяли остальныя собаки и огромными скачками послѣдовали за своимъ предводителемъ.

— Ахой-хо-ахой! молодцы, кричалъ старый Стевенсъ, подстрекая собакъ и приподымаясь на сѣдлѣ. — Слѣдъ славный, посмотримъ, каковы-то наши собаки.

Старикъ сжалъ подъ собою лошадь. Съ неимовѣрною скоростью летѣли охотники за собаками, изрѣдка подстрекая ихъ одобрительными возгласами. Казалось, самъ Стевенсъ помолодѣлъ двадцатью годами. Все быстрѣе и громче становилось преслѣдованіе, и наконецъ появился медвѣдь, бѣжавшій чрезъ открытый лѣсъ, чтобы укрыться въ непроходимомъ тростникѣ; старикъ, угадавъ намѣреніе звѣря, отрѣзалъ ему дорогу и поспѣлъ во-время, чтобы выгнать его снова на открытое мѣсто. Съ бѣшеною, дикою скоростью мчались охотники по колючимъ кустамъ, болотистымъ, мягкимъ мѣстамъ, чрезъ опрокинутыя деревья и старые пни и часто ложились на шею лошадей, чтобы не свалиться, когда задѣвали они за древесныя вѣтви.

Наконецъ медвѣдь добѣжалъ до чащи; собаки, особенно Плутонъ, преслѣдовали его по пятамъ, и онъ рѣшился отдохнуть на дубѣ.

Собаки съ бѣшенствомъ прыгали около дерева и отъ злости грызли корень; одинъ Плутонъ лежалъ въ нѣкоторомъ отдаленіи и разсматривалъ своими большими, умными глазами ослѣдоннаго непріятеля.

Стевенсъ достигъ въ эту минуту до окраины лѣса. По лаю собакъ, онъ догадался, что медвѣдь загнанъ на дерево, соскочилъ съ коня и пытался пройти пѣшкомъ чрезъ камышъ; вдругъ раздался выстрѣлъ, и острый слухъ его былъ пораженъ болѣзненнымъ визгомъ нѣсколькихъ собакъ.

— Тысяча чертей! закричалъ старый охотникъ: — неужели кто-нибудь изъ нихъ успѣлъ прибѣжать раньше меня? и снова раздался собачій визгъ. Употребляя всѣ усилія, онъ пробился чрезъ чащу и явился на мѣсто битвы, въ тоже время, какъ Нимъ подходилъ съ другой стороны.

Медвѣдь, раненый пулею, не могъ бѣжать, но защищался мужественно противъ собакъ, изъ которыхъ одна уже издохла, а другая была поражена до смерти страшною лапою; къ бою присоединилась чужая собака, которая сражалась такъ же храбро. Плутонъ, дразнившій до этой минуты медвѣдя, услышавъ голосъ господина, бросился съ бѣшенствомъ на звѣря и старался схватить его за горло. Осажденное и раненное животное стояло на заднихъ ногахъ, густая

шерсть его поднялась, уши прилегли назадъ; изъ открытой пасти высунулся языкъ, оскалились бѣлые, облитые кровью зубы, и темные глаза сверкали. Въ борьбѣ съ собаками онъ отбрасывалъ ихъ въ разныя стороны и наконецъ успѣлъ схватить вѣрнаго Плутона въ свои когти.

Старый Стевенсъ спокойно держалъ ружье свое на-готовѣ, чтобы при первомъ случаѣ убить звѣря; его удерживала только боязнь убить одну изъ собакъ; но, увидѣвъ своего Плутона въ опасности, онъ не утерпѣлъ: бросилъ винтовку, выдернулъ ножъ и поспѣшилъ на выручку собаки.

Медвѣдь страшно замахнулся на стараго охотника, такъ-что если бы попалъ, то конечно Стевенсъ никогда бы болѣе не охотился; но опытный старикъ былъ готовъ встрѣтить отраженіе и отскочилъ въ сторону; когти разъяреннаго звѣря успѣли только распороть ему рукавъ и легко ранить его. Отчаянное животное хотѣло броситься въ другой разъ, но ножъ Нима пронзилъ его сердце; съ ревомъ грянулось оно на землю и издохло, къ величайшей радости остервенѣвшихъ собакъ.

Тогда прибыли Гарперъ и Генри; они очень удивились, когда увидѣли незнакомаго имъ человѣка, незамѣченнаго прежде Стевенсомъ и Нимомъ.

То былъ индѣецъ, который, спокойно опираясь на винтовку, равнодушно присутствовалъ при битвѣ, какъ посторонній зритель. Когда издохъ медвѣдь, замѣченная на охотѣ собака его присоединилась къ красному сыну лѣсовъ; страшные шрамы, покрывавшіе красивое тѣло ея, придавали еще болѣе свирѣпости ея дикой наружности.

— Странно, сказалъ съ удивленіемъ Гарперъ: — этотъ молодецъ пришелъ словно полюбоваться на охоту. — Любезный другъ, развѣ у тебя не было кусочка точеной стали, чтобы помочь собакамъ и облегчить смерть медвѣдю?

Индѣецъ молчалъ и показалъ на лѣвую руку, обернутую кускомъ оленьей шкуры.

— Ты раненъ? сказалъ Стевенсъ съ сожалѣніемъ, подходя ближе.

Когти катамунта (*) длинны и зубы его остры; великій духъ скрываетъ его въ сучьяхъ и напускаетъ на тѣхъ, кого наказываетъ; но Те-неш-ма-ка мужчина и у него двѣ руки, сказалъ индѣецъ и дико оглянулся кругомъ.

— Не робѣй! отвѣчалъ ему старый Стевенсъ: — заживетъ; смотри, я также раненъ; пойдемъ къ моему дому, въ нѣсколькихъ

(*) Порода маленькихъ тигровъ.

миляхъ отсюда; тамъ мы отдохнемъ, пока вылечимся; вѣдь намъ съ тобой во всякомъ случаѣ нескоро прійдется итти на охоту.

Бѣлый братъ мой говоритъ правду; я посмотрю его вигвамъ, отвѣчалъ дикарь и присоединился къ охотникамъ съ своей собакой.

Во время дороги они говорили мало, съ трудомъ пробивали себѣ путь чрезъ чащу, обремененные ношею, и наконецъ пришли къ лошадямъ. Когда же тучи на западной части неба подернулись краснымъ отблескомъ, подошли они къ берегу Мисиссипи, и маленькая тропинка довела ихъ скоро вдоль рѣки до стевенсова жилища, изъ трубы котораго взвивался свѣтло-голубой дымокъ.

Въ нѣсколькихъ стахъ шагахъ отъ дома раздался привѣтливый лай и визгъ оставленныхъ дома собакъ; взятыя на охоту прыгали весело, лая около лошадей, изъявляя свою радость, и съ ворчаньемъ проходили мимо чужой собаки, униженно опустившей голову и хвостъ.

Прибывъ къ дому, Нимъ и Генри, при помощи нѣсколькихъ мальчиковъ, сняли съ лошадей добычу и отнесли въ кладовыя и накормили лошадей.

Молодая женщина, жена Генри, стояла у прялки, одной рукой вертя колесо, а въ другой держа бѣлоснѣжную хлопчатую бумагу. Прибытіе охотниковъ прервало ея работу; она отставила прялку, взяла на руки маленькаго краснощекаго мальчика, игравшаго у ногъ ея, и пошла съ привѣтливой улыбкой на-встрѣчу мужа.

Въ углу сидѣла на корточкахъ старуха, которая, казалось, не обращала вниманія на новоприбывшихъ; голова и руки ея дрожали, а тусклые глаза безсмысленно устремлялись въ землю.

Те-нош-ма-ка, бросившій проницательный, безпокойный взглядъ на старуху, подошелъ къ огню, противъ самой старухи, которая въ эту минуту подняла глаза, и взоры ихъ встрѣтились.

Какъ-будто ужаленный змѣей, отшатнулся индѣецъ, не сводя глазъ съ безумной; медленно выпрямляясь, старуха вытянулась во-весь ростъ. На одинъ мигъ, казалось, лицо ея выразило испугъ и изумленіе; но вдругъ черты ея приняли выраженіе страшнаго гнѣва и бѣшенства: синія губы и слабыя, вытянутыя впередъ руки задрожали какъ въ лихорадкѣ; почти потухшіе глаза бросали новый, сверхъестественный блескъ, изъ-подъ густыхъ сѣдыхъ бровей ея; индѣецъ съ ужасомъ вытянулъ впередъ лѣвую раненую руку, какъ-бы готовясь къ защитѣ.

Наконецъ почти беззвучнымъ, но внятнымъ голосомъ сказала она:

— Богъ, самъ Богъ отдалъ тебя въ руки мстителей, ты погибъ! умри! и сама мертвая упала она на руки Стевенса.

— А! это одинъ изъ убійцъ моего брата и твоей свояченицы, Генри! закричалъ Нимъ и, вытащивъ ножъ, съ бѣшенствомъ бросился на индѣйца, который однако не обращалъ на него вниманія и какъ прикованный къ мѣсту не спускалъ глазъ съ мертвой старухи. Скоро бы рѣшилась судьба его, но Стевенсъ бросился между ними и удержалъ руку молодого человѣка.

— Стой, Нимъ, закричалъ онъ: — индѣецъ гость мой! если онъ убилъ родственниковъ нашихъ, въ чемъ я нисколько не сомнѣваюсь, то преслѣдуй его и отомсти, когда онъ выйдетъ отсюда, но не въ моемъ домѣ, куда я пригласилъ его.

Стевенсъ обратился къ дикарю и, положивъ руку на плечо его, сказалъ: садись, ѣшь и отдохни до-завтра; рука твоя покрыта кровью лучшихъ моихъ родныхъ, эта старуха сошла съ-ума отъ твоего злодѣйства; одно появленіе твое теперь лишило ее жизни; ты знаешь и уважаешь законъ кровной мести; но законъ гостепріимства священнѣе: — ты въ безопасности.

Это великодушіе нисколько не удивило индѣйца, онъ спокойно присѣлъ къ огню и отложилъ въ сторону оружіе, чтобы удобнѣе отдохнуть. Одинъ разъ только взглянулъ онъ мимоходомъ на остальныхъ мужчинъ, и гордая улыбка мелькнула на губахъ его, когда замѣтилъ онъ, съ какимъ гнѣвомъ смотрѣли на него два молодыхъ человѣка; онъ презрительно поворотился къ нимъ спиною.

Женщина, напрасно пытавшаяся привести въ чувство старуху, принялась за приготовленіе пищи и поднесла ее индѣйцу. Она содрогнулась, когда глаза ея встрѣтились съ пытливымъ взоромъ краснокожаго гостя; онъ смотрѣлъ на нее пристально и жадно началъ пожирать поставленное ему кушанье. Послѣ того завернулся въ свое покрывало и скоро заснулъ.

Для объясненія замѣтимъ, что когда пріятель Уильсона нашелъ старуху въ развалинахъ сгорѣвшаго дома, онъ привезъ ее къ женѣ Генри, той самой молодой женщинѣ, которая подала индѣйцу пищу и питье; сходство ея съ убитой имъ женою Уильсона поразило его. Джемсъ Уильсонъ, братъ несчастнаго, убитаго «Сѣрымъ Соколомъ», переселился впослѣдствіи со старымъ Стевенсомъ къ своему родственнику, молодому Генри Вудсъуорту, владѣвшему на берегахъ Мисиссипи значительнымъ участкомъ земли.

На-утро первый проснулся старый Гарперъ, одѣлся и началъ раздувать угли, тлѣвшіе въ каминѣ. Было еще темно; онъ осторожно поднималъ ноги, боясь наступить на индѣйца, который, по предположенію его, еще долженъ былъ спать, какъ и всѣ домашніе. Онъ нагнулся къ огню, бросилъ на уголья нѣсколько мелко нарублен-

наго кипарису; свѣтлое пламя вскорѣ запылало. Тогда только замѣтилъ онъ, что индѣйца уже не было.

— Тысяча чертей! закричалъ онъ: — мошенникъ навострилъ лыжи; видно, ему здѣсь показалось опасно.

— Что́? убѣжалъ? закричали въ одно время проснувшіеся Джемсъ и Генри.

— Да, гнѣздо пусто, продолжалъ старый Гарперъ: —это не бѣда, здѣсь въ домѣ намъ нельзя было бы его тронуть; мы даже должны были бы дать ему нѣсколько времени, прежде чѣмъ пуститься въ погоню; теперь же, когда красный извергъ убѣжалъ такъ скрытно и трусливо, посмотримъ, кто изъ насъ хитрѣе, мы или онъ. Посмотри, Джемсъ, въ какую сторону бѣжалъ онъ въ лѣсъ, да зайди къ рѣкѣ, не нашелъ ли онъ каноэ? Мы оба, Генри, покормимъ лошадей, и клянусь, мы нагонимъ подлеца до солнечнаго заката.

Джемсъ воротился скоро и возвѣстилъ, что каноэ лежитъ на своемъ мѣстѣ, индѣецъ же бѣжалъ по той самой дорогѣ, гдѣ они шли на-канунѣ.

— Бьюсь объ-закладъ, сказалъ Гарперъ: —хитрый плутъ бѣжитъ къ тому мѣсту, гдѣ мы охотились; онъ знаетъ, что мы будемъ преслѣдовать его съ собаками, а тамъ онѣ потеряютъ слѣдъ его или даже не обратятъ на него вниманія; постой же, ты ошибешься въ своемъ расчетѣ!

Рогъ зазвучалъ посреди утренней тишины, и тотчасъ за нимъ поднялся вой всей псарни, вой четырнадцати собакъ.

Стевенсъ вышелъ изъ дому и сказалъ, схвативъ Джемса за руку:

— Друзья, не марайте рукъ кровью краснаго вора; приведите его живого, мы сладимъ его суду; вы имѣете право убить его, но помните, что это *человѣческая* кровь и оставляетъ послѣ себя скверныя красныя пятна; я не хотѣлъ бы, чтобъ у кого-нибудь изъ васъ они были на совѣсти!

— Ты правъ, старикъ, сказалъ Гарперъ: — мы приведемъ его живого; я самъ не желаю марать своихъ рукъ, но не буду раньше спокоенъ, пока не увижу, какъ его повѣсятъ.

— Ступайте съ Богомъ, сказалъ старикъ, пожимая всѣмъ руки: — ступайте съ Богомъ; я останусь дома и похороню старуху, а Луизѣ нельзя одной оставаться съ покойницей.

— Ура, молодцы! закричалъ старый Гарперъ собакамъ, затрубивъ еще въ рогъ: — ура, сегодня важная охота! Только, смотрите, чтобъ ни одна изъ васъ не зорилась на другую дичь; особенно ты, Гекторъ, не плошай у меня!

Впрочемъ подстрекать собакъ было ненужно; почуявъ слѣдъ чужой собаки, онѣ съ лаемъ бросились по слѣду. Охотники едва успѣвали бѣжать за ними чрезъ густой кустарникъ и камышъ.

Индѣецъ, преслѣдуемый видѣніемъ безумной старухи, не помня себя, бѣжалъ чрезъ чащу. Надѣясь запутать слѣдъ, онъ перебѣжалъ чрезъ то мѣсто, гдѣ убили медвѣдя; но погоня не прекратилась; по треску камыша и кустарника, краснокожій зналъ, что погоня близка.

Онъ остановился, прислушался еще разъ, и дрожь пробѣжала по всему его тѣлу; собаки лаяли и выли, бѣжа по его слѣду; спасеніе было невозможно. Быть можетъ онъ придумалъ бы для того еще какое-нибудь средство, потому-что человѣкъ любитъ жизнь и даромъ ея не бросаетъ; но суевѣрная боязнь, мысль, что судьба его рѣшена, что самъ Малиту привелъ его къ дому враговъ, чтобы исполнилось предсказаніе безумной старухи; эта страшная мысль сдѣлала его неспособнымъ къ самостоятельному дѣйствію. Несчастный могъ только взвести курокъ, осмотрѣть ножъ и молча ожидать нападенія.

Гекторъ прибѣжалъ прежде всѣхъ: съ дикимъ бѣшенствомъ летѣлъ онъ, но еще въ двадцати шагахъ поразила его пуля индѣйца. Вѣрная собака взвизгнула и упала. Ближе и ближе подбѣгали остальныя собаки; несчастный хотѣлъ снова зарядить ружье, но лѣвая рука у него такъ опухла, что онъ не могъ двигать ею. Онъ прислонился спиной къ дереву и взялъ ножъ въ правую руку.

Собаки подбѣгали все ближе и ближе. Индѣецъ чувствовалъ, что собственная собака его, готовившаяся защищать своего господина, ускоритъ его гибель, но то было послѣднее любившее его существо, и онъ не рѣшился оттолкнуть ее отъ себя. Съ дикимъ бѣшенствомъ бросились переднія собаки; онѣ, казалось, не хотѣли человѣка и напали на собаку, которая, видя неравенство боя, со всѣми признакаси ужаса и боязни въ глазахъ, старалась спрятаться за своимъ господиномъ. Нѣсколько собакъ упали подъ острой сталью индѣйца, уже онъ размахнулся для новаго удара, какъ вдругъ одна изъ собакъ вцѣпилась въ его собаку и билась съ нею на землѣ; индѣецъ хотѣлъ перепрыгнуть черезъ нихъ, но нога его запуталась въ кустарникѣ, и онъ упалъ на землю; въ одно мгновеніе собаки схватили, задушили и разорвали его въ куски.

Гарнеръ, Джемсъ и Генри подскакали въ эту минуту, разогнали собакъ отъ бѣдной жертвы, но поздно.

Съ содроганіемъ отвернулись они отъ страшнаго зрѣлища, вскочили на лошадей и медленно воротились домой. Проклятіе безумной старухи исполнилось; страшно были наказаны красныя дѣти лѣ-

совъ за ужасное преступленіе, и кости ихъ были разбросаны въ чащѣ.

Осенью 1840 года охотился я на берегу Тироши; провожатымъ моимъ былъ смуглый стройный американецъ. То былъ сынъ Генри Вудсъуорта. Онъ показывалъ мнѣ черепъ Те-неш-ма-ка, служившій дѣтямъ и молодымъ людямъ цѣлью, когда учились они стрѣльбѣ изъ ружья. По просьбѣ моей, мнѣ подарили этотъ послѣдній остатокъ страшно наказаннаго убійцы.

Я вырылъ томагаукомъ могилу и похоронилъ въ ней голову Те-неш-ма-ка.

ЗАМѢЧАНІЯ НА ОПЫТЪ ЛОМАНІЯ ОВСА,

произведенный на Хуторѣ Императорскаго Московскаго Общества Сельскаго Хозяйства.

Изъ отчета по хутору Императорскаго Московскаго Общества Сельскаго Хозяйства за 1848 годъ, помѣщеннаго во 2-мъ № Журнала Сельскаго Хозяйства, узналъ я, что тамъ производился опытъ *надъ (!) ломаніемъ* овса, который однакожь не представилъ тѣхъ результатовъ, какихъ бы дѣйствительно ожидать слѣдовало отъ ломанія овса, произведеннаго въ надлежащую пору и съ знаніемъ дѣла. Именно: перепаханый или ломанный овесъ растетъ сильнѣе не перепаханнаго, и въ немъ бываетъ гораздо менѣе сорныхъ травъ.

Въ статьѣ моей, помѣщенной въ 50 № Московскихъ Вѣдомостей 1848 года, я описалъ, какъ производится ломаніе овса, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ оно введено издавна, и съ тѣмъ вмѣстѣ предложилъ теорію, на основаніи которой объясняется и подтверждается раціональность этого производства. По моему мнѣнію, ломаніе овса есть нечто иное, какъ пересадка его, которая, какъ извѣстно, дабы получить отъ нея надлежащую пользу, производится тогда только, когда корень, органъ, на который она должна исключительно и непосредственно дѣйствовать, развитъ до надлежащей степени. Напротивъ, если приступлено будетъ къ ломанію овса еще до появленія этого органа или даже при самомъ началѣ его развитія, то въ такомъ случаѣ ломаніе это не будетъ имѣть ни малѣйшаго вліянія, собственно на овесъ, т. е. онъ останется въ томъ же видѣ, какъ и неломаный, что́ и случилось съ овсомъ, надъ которымъ, по мнѣнію г. Преображенскаго, былъ произведенъ имъ опытъ ломанія. Результатъ этого опыта былъ только тотъ, что въ овсѣ оказалось менѣе сорныхъ травъ, а ростомъ и силою онъ нисколько не отличался отъ нелома-

наго, какъ и слѣдовало быть, именно потому, что переломка произведена слишкомъ рано, т. е. когда корень не достигъ надлежащаго развитія. И потому г. Преображенскій опытомъ своимъ, по неумѣнію произвести его, не подтвердивъ пользы перепашки, подтвердилъ только, хотя съ отрицательной стороны, мою теорію, т. е. что ломаніе овса есть нечто иное, какъ его пересадка. Вотъ, по словамъ г. Преображенскаго, какъ производится, слѣдовательно и онъ производилъ, ломаніе овса. «*Едва только сѣмена овса начнутъ давать* «*ростокъ подъ землею*» (замѣчу мимоходомъ, что это нелегко провѣдать) «и прежде нежели онъ выдетъ наружу, овесъ вновь перепа«хиваютъ, это-то перепахиваніе полей, засѣянныхъ овсомъ послѣ «посѣва, и называется ломаніемъ овса». Далѣе г. Преображенскій говоритъ: «ускоренная работа при перепахиваніи овса играетъ очень «важную роль, потому что, если пропустить время и приступить къ «перепахиванію овса въ то время, когда его ростокъ выбьется на«ружу, то тогда можно сгубить его посѣвы». Напротивъ того, тамъ, гдѣ ломаніе овса введено издавна, приступаютъ къ нему не ранѣе, какъ когда верхній ростокъ его, «перышко», достигнетъ длины овсяного зерна, слѣдовательно и корень получитъ надлежащее развитіе. Это мѣстное правило соблюдается строго, ибо польза его подтвердилась многолѣтними опытами. Изъ вышеприведенныхъ словъ г. Преображенскаго, безъ всякаго сомнѣнія, заключить можно, что ему не доводилось ни видѣть, ни слышать, какъ дѣйствительно производится перепашка овса, и что г. Преображенскій не составилъ ни для себя, ни для своихъ учениковъ или читателей, теоріи этого производства, доказывается это еще и тѣмъ, что, сказавши «иногда бы«ваетъ, что ломанный овесъ противъ неломаннаго лучше кустится и «урожай зерна его бываетъ лучше», оставляетъ это явленіе безъ всякаго объясненія. Слѣдовательно, ломаніе овса было произведено на хуторѣ не только безъ теоріи, но даже безъ эмпирической наглядки. Послѣ этого, чтожь мудренаго, что опытъ, произведенный безсознательно, не представилъ надлежащихъ результатовъ! По моему мнѣнію, довольно странно людямъ, занимающимся сельскимъ хозяйствомъ, какъ наукою, предпринимать опыты, не опредѣливъ себѣ вполнѣ вопроса, который онъ долженъ рѣшить, не обозрѣвъ всѣхъ условій, объусловливающихъ успѣхъ этого опыта, и наконецъ не объяснивъ теоретически ожидаемыхъ отъ него результатовъ. Подобнаго рода небрежность въ сельскомъ хозяйствѣ, какъ въ наукѣ, едва ли можетъ быть извинительна, даже дилетантамъ ея, русскимъ хозяевамъ-писателямъ.

Г. Преображенскій вмѣсто перепашки или ломанія овса, какъ онъ предполагалъ, далъ только землѣ, засѣянной овсомъ, простую вспа-

шку, или, говоря технически, передвоилъ, или перетроилъ землю, что подтвердилъ вполнѣ и результатъ опыта, т. е. что вспашка эта, не произведя собственно на овесъ никакого дѣйствія, истребила только сорныя травы. Всякому извѣстно, что каждая вспашка не только служитъ къ разрыхленію почвы, но и къ очищенію ея отъ сорныхъ травъ.

Г. Преображенскій весьма оригинально рѣшаетъ вопросъ, отчего ломаный овесъ *проростаетъ* сорными травами меньше, нежели неломаный. «Я полагаю,—говоритъ г. Преображенскій,—что когда по-«сѣвъ овса *запахиваютъ въ землю сохою*, то при этомъ вспахивают-«ся на поверхность сѣмена сорныхъ травъ. Онѣ, находясь на по-«верхности земли при достаточномъ *количествѣ (?) весенней влаж-«ности и теплоты*, пускаютъ ростокъ прежде нежели успѣетъ вый-«ти овесъ, потому что овсяное зерно заключено въ оболочкѣ». Напрасно думаетъ г. Преображенскій, что сѣмена сорныхъ травъ находятся только внутри пахатнаго слоя: ихъ гораздо болѣе бываетъ на самой поверхности; стоитъ взглянуть весною на паровое поле, чтобы убѣдиться въ ихъ постоянно обильномъ урожаѣ. Предположеніе г. Преображенскаго, что сорныя травы пускаютъ ростокъ прежде нежели успѣетъ выйти овесъ, потому-что овсяное зерно заключено въ оболочкѣ, больше нежели несправедливо. Развѣ у сорныхъ травъ сѣмена безъ оболочекъ? напротивъ, многія изъ нихъ имѣютъ оболочки, которыя гораздо труднѣе овсяныхъ проникаются влажностію, наприм. жабрей *(galeobdolon versicolor)*, куколь *(Agrostema githago)* и пр. Далѣе г. Преображенскій, продолжая тоже объясненіе, говоритъ: «при переламываніи овса эти сѣмена сорныхъ «травъ, успѣвшія пустить ростокъ, запахиваются въ землю и тамъ, «отъ недостатка условій, необходимыхъ для ихъ развитія, погиба-«ютъ, а сѣмена овса, только что пустившія ростокъ подъ землею, «послѣ переламыванія, отъ разрыхленія земли, выбиваются наружу «и даютъ всходы скорѣе, нежели успѣютъ пустить ростокъ сѣмена «сорныхъ травъ, выпаханныя на поверхность земли при переламы-«ваніи. Тогда взошедшій овесъ заглушаетъ сорныя травы и бываетъ «отъ нихъ свободенъ». Несообразность этого объясненія такъ очевидна, что нѣтъ нужды въ опроверженіяхъ.

Я не знаю, отчего г. Преображенскому не понравилось мое объясненіе: почему при переламываніи овса сорныя травы истребляются, а овесъ всходитъ. На основаніи предложенной мною теоріи ломанія овса, сорныя травы истребляются отъ перепашки, потому-что бо́льшая часть ихъ принадлежитъ къ двусѣменодольнымъ, слѣдовательно всходы ихъ въ два листочка, — вотъ почему имъ трудно выбиться наружу, тогда-какъ овесъ шилообразнымъ своимъ всхо-

домъ, свойственнымъ всѣмъ злакамъ, легко и удобно проникаетъ тонкій слой земли, подъ которымъ онъ будетъ находиться послѣ перепашки. Если это объясненіе г. Преображенскій почему-либо нашелъ неудовлетворительнымъ, то какъ для меня, такъ и для другихъ было бы весьма назидательно узнать тѣ основанія, на которыхъ онъ отвергъ его. Если же г. Преображенскій не читалъ и не зналъ о существованіи моей статьи, то этому довольно трудно повѣрить. Московскія и Полицейскія вѣдомости, въ которыхъ помѣщена была статья моя, и на Бутыркахъ не составляютъ рѣдкости; вѣроятно и тамъ получается ихъ не одинъ десятокъ экземпляровъ. Въ заключеніе г. Преображенскій говоритъ. «Если это объясненіе, предлагаемое «мною, справедливо, то я думаю, что для уничтоженія сорныхъ «травъ, можно ломать всѣ яровые зерновые хлѣба, т. е. яровую «пшеницу, яровую рожь, яровой ячмень, можетъ быть даже горохъ, «гречу и чечевицу. Въ слѣдующемъ году предполагается ломаніе «всѣхъ яровыхъ зерновыхъ хлѣбовъ, разводимыхъ на хуторѣ, *и по-«лучить сравнительные результаты относительно количества и качества ихъ урожаевъ*». (Если слогъ не перваго качества, не моя вина: выписка сдѣлана съ дипломатическою точностію).

На всѣ эти предположенія г. Преображенскаго мнѣ остается только повторить то, что́ было мною сказано выше, т. е., что если г. Преображенскій будетъ производить двоеніе или троеніе, а не настоящее ломаніе, тогда всѣ вышесказанные хлѣба будутъ только чище отъ сорныхъ травъ, какъ это подтвердилъ ему уже и опытъ. Если же г. Преображенскій произведетъ настоящее ломаніе означенныхъ хлѣбовъ, то результаты ихъ также можно предсказать съ полною увѣренностію въ справедливости предположенія. 1) Всѣ яровые хлѣба — ячмень, рожь и овесъ, если будутъ перепаханы въ то время, когда уже покажутся на поверхности поля ихъ всходы, то не только въ нихъ будетъ менѣе сорныхъ травъ, но самый ростъ ихъ усилится, и они дадутъ бо́льшій и лучшій урожай сравнительно съ неперепаханными. 2) Если же, нешутя, точно также будетъ поступлено съ гречей, горохомъ и чечевицей, т. е., что они будутъ перепаханы во время всходовъ, то, безъ малѣйшаго сомнѣнія, бо́льшая часть ихъ будетъ истреблена отъ этого ломанія вмѣстѣ съ сорными травами.

Не въ защиту личнаго мелочного самолюбія написалъ я эти замѣчанія, но въ защиту дѣла любимой мною науки, которая, къ сожалѣнію, у насъ и до сихъ поръ остается по большой части несознанною.

И. РѢШЕТНИКОВЪ.

Дѣйствительный членъ Императорскихъ Обществъ Московскаго Сельскаго Хозяйства и С. Петербургскаго Вольнаго-Экономическаго.

СОВРЕМЕННЫЯ ЗАМѢТКИ.

I.

МОСКОВСКІЙ ТЕАТРЪ.

Въ Москвѣ съ окончаніемъ зимы не кончились еще бенефисы, и появленіе ихъ послѣ поста было тѣмъ болѣе кстати, что нынѣшняя весна подвигалась впередъ очень медленно, а потому о переѣздахъ на дачи, загородныхъ прогулкахъ, въ продолженіи всего апрѣля, невозможно было и думать. Постоянный холодъ и сумрачная погода располагали еще очень къ театральнымъ удовольствіямъ. А такъ-какъ всякой бенефиціянтъ считаетъ обязанностію доставить публикѣ подобное наслажденіе, то этимъ средствомъ любители театра избавились отъ необходимости досадовать на дурную погоду.

Итакъ, въ эту благопріятную для бенефисовъ весну первый бенефисъ былъ г. Садовскаго. Но прежде чѣмъ приступлю къ описанію самихъ бенефисныхъ пьесъ, мнѣ хочется сказать нѣсколько словъ о талантѣ и игрѣ бенефиціянта, этого замѣчательнаго артиста нашей сцены,—и особенно къ этому побуждаетъ меня то обстоятельство, что въ настоящемъ бенефисѣ г. Садовскаго не было ни одной пьесы, въ которой бы для него была сколько-нибудь значительная роль.

Садовскій по дарованію принадлежитъ къ тѣмъ лучшимъ комикамъ, которые умѣютъ выказать комическое въ искусной игрѣ, чуждой всѣхъ тѣхъ недостойныхъ уловокъ, къ какимъ прибѣгаютъ иногда за недостаткомъ дарованія или изъ ложнаго понятія о комическомъ. Игра Садовскаго чрезвычайно проста и натуральна, но вмѣстѣ съ тѣмъ до такой степени вѣрна характеру того лица, которое онъ представляетъ, что это лицо оживаетъ предъ зрителями со всѣми своими особенностями и комизмомъ, какой только можетъ изъ него извлечь искусный артистъ. Поэтому Садовскій наиболѣе хорошъ въ роляхъ характерныхъ и требующихъ вѣрнаго и отчетливаго ихъ пониманія. Какъ хорошій актеръ, онъ конечно не заслужитъ упрека и тамъ, гдѣ роль сама по себѣ пуста и для исполненія которой нужно можетъ быть больше ловкости, чѣмъ дарованія и искусства, но такія мелкія роли вообще не его родъ. Чѣмъ полнѣе и живѣе характеръ, тѣмъ болѣе доставляетъ онъ возможности хорошему артисту

выказать все достоинство своего дарованія, и поэтому можно считать всѣ тѣ роли лучшими ролями Садовскаго, которыя написаны искусною рукою и не для того только, чтобы заставить посмѣяться досужую толпу. Онъ неподражаемо играетъ въ комедіяхъ Гоголя: въ Ревизорѣ — роль Осипа, въ Женитьбѣ — Подколесина, и чиновника Замухрышкина — въ Игрокахъ. Нѣкоторыя мелкія роли въ водевиляхъ Садовскій исполняетъ также превосходно, и здѣсь часто одинъ его жестъ, одно выраженіе лица, какая-нибудь поза лучше всякихъ словъ говоритъ и объясняетъ все, что́ нужно для того, чтобы характеръ дѣйствующаго лица совершенно рельефно представился глазамъ. Надобно удивляться, въ какой высокой степени этотъ артистъ владѣетъ способностію придавать своему собственному лицу и всей своей фигурѣ то именно выраженіе, которое свойственно физіономіи и характеру, времени и обстоятельствамъ представляемаго имъ лица. Когда онъ играетъ, то всякая страсть, каждое внутреннее свойство и всѣ душевныя волненія отражаются на собственномъ лицѣ его съ поразительнымъ правдоподобіемъ. Кто видѣлъ Садовскаго въ ролѣ Подколесина, тотъ вѣрно не забудетъ той сцены, гдѣ этотъ застѣнчивый и робкій вообще, а еще больше съ женщинами, чиновникъ — волей-неволей остается глазъ на глазъ съ невѣстою. Надобно видѣть лицо Садовскаго въ этой нѣмой сценѣ, чтобы получить полное понятіе о томъ, что́ значитъ, какъ говорятъ, сидѣть какъ на иголкахъ. Лицо Подколесина тутъ представитъ тебѣ полный анализъ всѣхъ его мученій и страданій: онъ сидитъ, пыхтитъ, ломаетъ себѣ голову, какъ бы придумать что-нибудь такое, чѣмъ бы лучше и приличнѣе начать разговоръ, но всѣ его мысли смѣшались, и онъ совсѣмъ потерялся. Вдругъ лицо его прояснилось: онъ придумалъ наконецъ, что́ ему сказать, губы его немножко оживились улыбкой, и онъ ужь раскрылъ ихъ, чтобы говорить; но вотъ опять самъ онъ нашелъ и эту еще не родившуюся рѣчь почему-то неловкою, и слова снова замираютъ съ полуоткрытымъ уже ртомъ, и его смущенный взглядъ ясно доказываетъ, что голова его закружилась еще болѣе. Все это Садовскій умѣетъ передать такъ натурально, что подъ конецъ этой сцены становится даже жаль Подколесина, потому-что, кажется, видишь, какъ катится съ него градомъ потъ и чувствуешь, какъ его бросаетъ то въ жаръ, то въ ознобъ, отъ робости и усилій, которыя онъ надъ собой дѣлаетъ. Но довольно. Извѣстно, что описанія никогда не дадутъ яснаго понятія о томъ, что они описываютъ, а игру отличнаго артиста описать всего труднѣе, или, лучше сказать, всего невозможнѣе, и потому, сколько бы я еще ни распространялся объ игрѣ и дарованіи Садовскаго, все-таки это было бы вовсе не то, что́ видѣть его на сценѣ.

Бенефисъ Садовскаго состоялъ изъ четырехъ водевилей. Первый водевиль, подъ названіемъ: «Одинъ за двухъ», переведенъ съ французскаго. Этотъ водевиль быть можетъ живѣе и забавнѣе на французской сценѣ, гдѣ артисты знакомы лично съ характерами парижскихъ повѣсъ, гризетокъ, зажиточныхъ ремесленниковъ, и гдѣ остроты и каламбуры не теряютъ своего первороднаго смысла и значенія. Съ нѣкотораго времени французскіе водевили становятся на нашей сценѣ болѣе и болѣе неумѣстными. Хотя наша драматическая литература еще и очень бѣдна, но все-таки есть нѣсколько произведеній, которыя успѣли дать нашему вкусу рѣшительную наклонность ко всему тому, чтó намъ знакомѣе и ближе. Теперь посредственный русскій водевиль сдѣлался на нашей сценѣ гораздо занимательнѣе, чѣмъ французскій, который можетъ быть въ своемъ родѣ и лучше нашего. И это очень естественно. Драматическія произведенія въ легкомъ родѣ всѣ почти почерпаютъ содержаніе свое изъ современной жизни, а наша современная жизнь намъ и ближе и знакомѣе, чѣмъ жизнь французовъ и нѣмцевъ. Чтó касается до водевиля «Одинъ за двухъ», то этотъ водевиль не лучшій и по самому внутреннему достоинству. Адемаръ Буляръ (г. Живокини) любитъ гризетку Аделаиду (г-жа Лаврова) и обѣщался на ней жениться; но въ тоже время ему вздумалось зажить собственнымъ домкомъ, и онъ сватается за дочь г. Блоке — хозяина дома, въ которомъ живетъ его возлюбленная Аделаида, стѣна объ стѣну съ самимъ хозяиномъ, къ которому теперь началъ ходить часто Адемаръ. Вся веселость этого водевиля основана на замѣшательствахъ и промахахъ, въ какіе попадается Адемаръ, принужденный посѣщать въ одно и тоже время и подъ одною крышею и любовницу и невѣсту. Самыя эфектныя мѣста этого водевиля состоятъ въ отрѣзываніи и отрываніи фалдовъ у фрака, нагруженіи кармановъ блинами и тому подобномъ, а въ заключеніе Адемаръ пробиваетъ головою стѣну изъ комнаты Аделаиды въ комнаты Блоке. Разумѣется, что всѣ характеры на нашей сценѣ измѣнились: гризетки похожи были совсѣмъ на русскихъ швей, Блоке на степеннаго человѣка, а Адемаръ Буляръ трудно сказать на кого. Странно и требовать отъ нашихъ артистовъ, чтобъ они могли хорошо передавать характеры и сцены парижской вседневной жизни.

Лучшимъ доказательствомъ этого можетъ служить то, что тѣже самые артисты прекрасно играли русскій водевиль «Аллегри». Г. Живокини, который въ роли Адемара Буляра, для возбужденія смѣху, произносилъ нѣкоторыя слова на-распѣвъ и писклявымъ фальцетомъ, игралъ какъ нельзя лучше роль Харлакѣева. Онъ былъ совершенно такимъ, какимъ долженъ быть Сергѣй Егорычъ Харла-

кѣевъ, покорный мужъ своей грозной супруги Лизаветы Петровны, (г-жа Сабурова 1-я), добрый отецъ своей дочери Наташи (г-жа Лаврова), и наконецъ страхъ какъ желающій выиграть карету на лежачихъ рессорахъ, которая, по его мнѣнію, называется по-французски купе. Какъ мастерски изобразилъ онъ радость и изумленіе, увидавши въ рукахъ своей кухарки Матрены (г-жа Кашина), балетъ съ надписью: *Souper pour 4 personnes.* Онъ увѣренъ, что это желанное купе, для 4 персонъ, и, подзывая свою жену знаками, шопотомъ говоритъ ей, чтобы она давала скорѣе кухаркѣ три рубли серебромъ, обѣщанные ей въ томъ случаѣ, ежели ея билетъ будетъ выигрышный. Г. Садовскій занималъ въ этомъ водевилѣ роль Евклея Дементьевича Антонова и прекрасно передалъ забавную личность этого пустого хвастуна. Сцена, когда онъ возвращается изъ маскарада пѣшкомъ и безъ шубы и полуобмерзшій разсказываетъ свои приключенія, не попадая зубъ на зубъ, выполнена Садовскимъ превосходно. Въ этомъ водевилѣ есть свободная, ненатянутая веселость, и лица всѣ знакомы намъ какъ нельзя болѣе,—и зато водевиль этотъ былъ занимательнѣе другихъ въ бенефисномъ спектаклѣ и разыгранъ былъ нашими артистами какъ нельзя лучше. Здѣсь всѣ были на своихъ мѣстахъ и всѣ играли хорошо. Водевиль «Новый Саміель» занимателенъ былъ больше по превосходной игрѣ Щепкина. Онъ исполнялъ роль ростовщика Самуила Чертовича. Изъ другихъ дѣйствующихъ лицъ этого водевиля хорошо играли Самаринъ роль Бирбанскаго и Никифоровъ роль Грошевича. Водевиль «Сто тысячь» уже не въ первый разъ на нашей сценѣ. Здѣсь главное дѣйствующее лицо Андрей Иванычъ Чепыжниковъ (г. Садовскій) Женѣ его отказалъ какой-то безродный старикъ, выдававшій себя за бѣдняка, сто тысячь. Радость Чепыжникова смущается отъ разсказа товарища его по службѣ, Кулакова, будто бы ходятъ слухи, что наслѣдство это досталось по той причинѣ его женѣ, что она съ завѣщателемъ имѣла любовныя шашни. Радость Чепыжникова уступаетъ мѣсто ревности, и этотъ переходъ былъ какъ-то неестественъ, что впрочемъ надобно отнести не къ недостатку исполненія, но къ самому водевилю, который передѣланъ на русскіе нравы съ французскихъ, а при переложеніи нравовъ одного общества на нравы другого подобныя неловкости встрѣчаются иногда. Впрочемъ водевиль былъ разыгранъ хорошо, но самъ по себѣ онъ не изъ числа лучшихъ.

Между прочимъ въ одномъ изъ антрактовъ игранъ былъ оркестромъ большой маршъ, сочиненія Г. Ф. Лангера. Композиторъ назвалъ этотъ маршъ *Marche heroique,* но какъ самая тема марша, такъ и всѣ прочія части его вовсе не соотвѣтствуютъ названію, или, лучше сказать, вовсе не выражаютъ ничего героическаго. Во-первыхъ, глав-

ная тема марша идетъ въ мольномъ тонѣ, и потому характеръ ея больше печальный и возбуждаетъ скорѣе мысль о похоронной процессіи, чѣмъ о герояхъ и героизмѣ. Во-вторыхъ, композиторъ положилъ эту тему на віолончели и фаготы, которые, по самому своему свойству, имѣютъ слишкомъ жидкій тонъ и способны скорѣе выражать пасторальное и идилическое, чѣмъ героическое. Въ оркестрѣ много инструментовъ, которымъ свойственнѣе сила, мощь и рѣшительность, что́ составляетъ всегда главное условіе и достоинство марша, особливо героическаго. Вообще же недостатокъ этого марша состоитъ въ ужасномъ шумѣ, который тотчасъ наступаетъ за главною темою и продолжается безъ умолку и въ тріо и во всѣхъ частяхъ. Бенефисный спектакль, какъ слѣдуетъ, заключился дивертисментомъ изъ различныхъ танцевъ.

Въ бенефисъ г. Соколова шло три пьесы. Первая была драма въ 3-хъ дѣйствіяхъ «Бѣдная Марія», переводъ французской драмы «*Marie Rémond*». Эта драма вовсе не занимательна, однакожь такъ хорошо была разыграна, что за искуснымъ исполненіемъ невидно было всей пустоты ея. Главныя дѣйствующія лица: Эдуардъ Ремонъ (г. Самаринъ) и Марія, сестра его (г-жа Медвѣдева). Ремонъ молодой человѣкъ, только-что поступившій на поприще гражданской службы, сестра его только-что вышла изъ пансіона. Оба они приглашены на балъ къ банкиру Добервилю (г. Щепкинъ) потому-что дочь этого банкира воспитывалась съ Маріей въ одномъ пансіонѣ и подружилась съ нею. Габріель узнала отъ Маріи, что брату ея для занятія мѣста нужно представить обезпеченія 5,000 франковъ, отсылаетъ ей эти деньги, и такимъ образомъ Ремонъ освобождается отъ тяжелой необходимости продавать брильянты своей матери, единственный памятникъ и богатство, оставшееся послѣ нея. Тутъ слѣдуетъ сцена благодарности. Въ домѣ банкира Добервиля Марія увидала его племянника, молодого де Бомона, и полюбила его, также какъ и онъ ее. Тутъ же на балѣ былъ Валье, другъ хозяина дома, и, узнавши, что Ремонъ сынъ профессора, признаетъ въ немъ сына своего благодѣтеля, которому обязанъ онъ своимъ воспитаніемъ и положеніемъ въ свѣтѣ, и вслѣдствіе того предлагаетъ Ремону свою дружбу и всѣ услуги, на что молодой человѣкъ отвѣчаетъ ему: о сударь!... Кстати сказать, что всѣ лица этой драмы благороднѣйшіе и честнѣйшіе люди, съ тою только разницею, что Ремонъ братъ и сестра бѣдны, а остальныя богаты. Но тѣ и другія не хотятъ уступить другъ другу въ благородствѣ и великодушіи. Пропускаю всѣ побочныя сцены, которыя придуманы только для того, чтобы расплодить драму и вытянуть ее въ три дѣйствія, какъ напримѣръ нотаціи Валье молодымъ людямъ на балѣ, говорившимъ не слишкомъ осто-

рожно о нѣкоторыхъ женщинахъ, и т. под. Марія узнаетъ, что де Бомонъ ей невѣренъ, что онъ женится на другой, и со всѣмъ пыломъ оскорбленной любви высказываетъ свое несчастіе самому Добервилю. Нужно заплатить долгъ и прервать всякое сношеніе съ семействомъ Добервиля, и Валье, зная тяжелое положеніе Ремоновъ по этому случаю, великодушно предлагаетъ Маріи всю сумму. Но братъ ея не хочетъ этого: онъ рѣшается заплатить долгъ, продавши брильянты матери. Онъ беретъ у сестры ключъ отъ ларчика, въ которомъ хранятся эти брильянты, открываетъ его и находитъ кучу писемъ, писанныхъ къ Маріи де Бомонъ. Молодой Ремонъ такъ разсердился за это на сестру свою, что послѣ дуэли съ де Бомономъ, оставляетъ ее однажды на-всегда. Г-жа Медвѣдева въ той сценѣ, гдѣ Марія узнаетъ о предстоящей сватьбѣ де Бомона, была превосходна. Она умѣла высказать скорбь и негодованіе молодой любящей дѣвушки съ такимъ неподдѣльнымъ чувствомъ и голосомъ, проникнутымъ до такой степени истинною страстію и увлеченіемъ, что подобное исполненіе сдѣлало бы честь самой опытной и лучшей артисткѣ. Г-жа Медвѣдева еще воспитанница, но успѣла уже показать въ нѣкоторыхъ роляхъ прекрасный драматическій талантъ; при дальнѣйшемъ совершенствованіи этого таланта можно надѣяться, что г-жа Медвѣдева будетъ отличная актриса.

Вслѣдъ за этою драмою была исполнена оркестромъ увертюра Бетговена, изъ оперы Леонора, которая больше извѣстна всюду подъ другимъ названіемъ, а именно: Фиделіо, и предъ которою обыкновенно играется другая увертюра, написанная къ этой же самой оперѣ и тѣмъ же самымъ Бетговеномъ. За увертюрой г. Соловкинъ, молодой человѣкъ, который приготовляетъ себя для сцены, пѣлъ арію изъ оперы Лукреція Борджіа. У г. Соловкина превосходный басъ, замѣчательный по силамъ и объему. Онъ поетъ и теперь хорошо, но богатыя природныя его способности слишкомъ превышаютъ добытыя ученьемъ.

Остальныя пьесы этого бенефиса были два водевиля. Одинъ, въ трехъ дѣйствіяхъ, «Гуляка» переведенъ съ французскаго, другой — «Актриса», сочиненіе Г. Ив. Аничкова, въ одномъ дѣйствіи. Первый водевиль вовсе плохъ. Вся исторія заключается въ томъ, что отецъ избираетъ довольно оригинальное средство, чтобы остеречь сына отъ дурныхъ и разгульныхъ друзей. Хорошъ и сынокъ, а батюшка еще лучше. Чтобы войтти въ дружбу и довѣріе своего сына, онъ не только прикидывается забулдыгою изъ всѣхъ забулдыгъ, но начинаетъ въ самомъ дѣлѣ пить, буянить, выходитъ на дуэль и вообще ведетъ себя такъ, что сынъ, а съ нимъ и его друзья, безъ ума отъ прекрасныхъ качествъ Шарлемана. Всѣхъ продѣлокъ, которыя со-

вершаетъ въ этомъ водевилѣ родитель изъ любви къ своему дѣлищу, не стоитъ и разсказывать, потому-что онѣ нисколько не дѣлаютъ водевиль забавнѣе. Доказавши такимъ образомъ сыну свою дружбу этотъ отецъ, какихъ мало, при удобномъ случаѣ, который, къ несчастію случился только въ концѣ послѣдняго дѣйствія, раскрываетъ сыну всю гибельную бездну разгульной жизни и обнажаетъ передъ нимъ все коварство окружающихъ его друзей, а въ заключеніе всего, объявивши ему себя отцомъ, пользуется тотчасъ прекраснымъ правомъ всѣхъ отцовъ, для исправленія заблудшихся сыновей — женитъ его. Роль эту занималъ самъ бенефиціянтъ и игралъ такъ, какъ онъ всегда играетъ.

Что́ касается до водевиля г. Ив. Аничкова, то хроника Современника должна непремѣнно отмѣтить на страницахъ своихъ этотъ водевиль какъ можно подробнѣе, чтобъ передать его суду общественнаго мнѣнія. Водевиль этотъ называется «Актриса или небылица въ лицахъ», и исполненъ такихъ тонкихъ остротъ и такого блестящаго остроумія, что не знаемъ, за что больше хвалить автора, за нихъ ли, или за то, что этотъ водевиль способенъ еще и забавлять и поучать, слѣдовательно написанъ съ нравственною цѣлію. Нравственная цѣль его состоитъ, разумѣется, въ осмѣяніи недостатковъ и пороковъ. Извѣстно, что пороковъ безчисленное множество; какой же именно порокъ подвергъ осмѣянію г. Аничковъ въ своемъ водевилѣ? Каждый нравственный писатель избираетъ обыкновенно для осмѣянія только нѣкоторые пороки или одинъ какой-нибудь порокъ и въ этомъ случаѣ руководствуется собственнымъ чувствомъ, т. е. что́ наиболѣе оскорбляетъ его чувство, къ чему наиболѣе исполненъ онъ негодованія, то и выставляетъ онъ во всей наготѣ. Очень понятно, что, какъ писатель, г. Аничковъ болѣе всего раздраженъ и ожесточенъ такими пороками и недостатками въ людяхъ, которые для глазъ профана остались бы вовсе незамѣтными. Сколько есть такихъ людей, которые имѣютъ непреодолимую страсть писать, и писать не водевили, а разборы и критики, а сами между тѣмъ на право писать не имѣютъ надлежащихъ атестацій,—однимъ словомъ, начали гдѣ-нибудь учиться и не кончили курса наукъ. Этотъ недостатокъ осмѣиваетъ г. Аничковъ въ своемъ водевилѣ поразительно, такъ-что изъ всего водевиля можно вывести слѣдующую нравственную сентенцію: кто хочетъ писать, тотъ долженъ окончить курсъ наукъ, а кто пишетъ не окончивши курса наукъ, тотъ достоинъ всякаго осмѣянія и того называетъ г. Аничковъ пресмѣшнымъ названіемъ: «некончалый». Досталось же некончалымъ здѣсь отъ г. Аничкова. Чувство негодованія къ нимъ водило перомъ автора и создало лицо Виссаріона Григорьича Чернин-

скаго, некончалаго студента. Чтобы представить его въ самомъ сатирическомъ свѣтѣ, г. Аничковъ описываетъ не только его нравственныя дурныя свойства, но и физическое безобразіе, въ самыхъ яркихъ чертахъ. Въ одномъ мѣстѣ онъ говоритъ про Чернинскаго, что онъ пишетъ за двоихъ, а пьетъ и ѣстъ за пятерыхъ; а въ другомъ мѣстѣ,—что у него длинный носъ, большія губы, одинъ глазъ выше другого и вообще «дурацкая рожа». Изъ этого достаточно можно видѣть, что г. Аничковъ умѣетъ отлично осмѣять тѣ недостатки, которые его наиболѣе раздражаютъ въ людяхъ, и, какъ искусный сатирикъ, онъ олицетворяетъ ненавистный ему порокъ такъ, чтобы въ немъ, какъ въ фокусѣ, собрать отраженія всѣхъ прочихъ пороковъ, а для большей силы облекаетъ его еще и физическимъ безобразіемъ.

Теперь разскажу содержаніе этого водевиля. Дѣйствіе происходитъ въ гостинницѣ, которую содержитъ племянникъ Чернинскаго Алеша Медвѣдевъ, бывшій прежде хористомъ и женившійся безъ позволенія дяди, за что и находится подъ его гнѣвомъ. Чернинскій богатъ и скупъ, а Алеша бѣденъ и въ долгахъ; ему бы теперь миръ съ дядею былъ очень кстати; но какъ примириться съ нимъ? Въ эту гостинницу пріѣзжаютъ случайно актеръ Пронскій и актриса Краснопольская и, по старой пріязни къ Алешѣ, берутся проучить Чернинскаго (который тоже проѣздомъ остановился въ той же самой гостинницѣ) за его критическія статьи и за немилость къ племяннику. Пронскій разговариваетъ съ Чернинскимъ, а между тѣмъ мщеніе уже готово. Въ разговорѣ этомъ замѣчательна слѣдующая острота: Чернинскій говоритъ, что водевиль такое произведеніе, гдѣ нѣтъ пищи для сердца. — Зато, отвѣчаетъ ему Пронскій, въ статьяхъ вашихъ очень много пищи для сердца: когда ихъ прочтешь, то непремѣнно разсердишься.—Но вотъ начинается мщеніе, и Краснопольская является въ видѣ деревенскаго мальчика, съ ребенкомъ на рукахъ, и волей-неволей заставляетъ Чернинскаго взять на руки этого ребенка, а потомъ мгновенно сдергиваетъ съ него парикъ. Некончалый студентъ осмѣянъ жестоко: онъ, кромѣ безобразной рожи, еще и лысый. Потомъ мстящая актриса приходитъ въ видѣ пожилой московской барыни Настасьи Дмитріевны, о которой Пронскій предупреждаетъ Чернинскаго, что она почитательница талантовъ и ученыхъ. Чернинскій оправляется, надѣваетъ опять свой парикъ, задомъ напередъ, и снова попадаетъ въ просакъ. Московская барыня сперва поитъ его до-пьяна шампанскимъ, потомъ затѣваетъ съ нимъ ссору, приказываетъ его связать, а наконецъ за дерзость вызываетъ его даже на дуэль и приказываетъ принести пистолеты. За неимѣніемъ пистолетовъ, приносятъ рапиры; барыня

поставила Чернинскаго въ позитуру, однимъ ударомъ выбила у него изъ рукъ его рапиру, а другимъ такъ хватала его поперекъ спины, что бѣднякъ какъ снопъ повалился на полъ. Чернинскій, оправившись, хотѣлъ-было уже оставить эту негостепріимную гостинницу, но рано; раздраженное его критиками чувство еще не насытилось побоями и хочетъ, благо онъ попался въ руки, натѣшиться надъ нимъ до-сыта. Поэтому Пронскій уговариваетъ его остаться, потому, дескать, что ожидаютъ сюда знаменитую красавицу Чинку, которая ѣдетъ изъ Китая, на слонѣ. — Да слоновъ нѣтъ въ Китаѣ, говоритъ Чернинскій. — Хорошо же вы знаете естественную исторію, замѣчаетъ на это ему Пронскій: — да слоновъ тамъ лучшая порода. — А, наша ученая порода! подхватываетъ Чернинскій. Опять острота! Чернинскій остается, а Краснопольская выходитъ въ одеждѣ китайской красавицы, подъ звуки китайскаго марша.

Увидавши Чернинскаго, она начинаетъ изъявлять похвалы и удивленіе его красотѣ. Она спрашиваетъ его: кто ты, земледѣлецъ, воинъ, или мандаринъ? — Чернинскій отвѣчаетъ: некончалый студентъ. — Красавица сводитъ съ ума некончалаго студента, заставляетъ его одѣться китайцемъ, по-китайски сидѣть, по-китайски курить и даже по-китайски говорить. Дзинъ, говоритъ она, и онъ долженъ повторитъ дзинъ, и при этомъ заставляетъ его держать указательные пальцы обѣихъ рукъ кверху. Не правда ли, это удивительно какъ забавно и смѣшно? Въ этомъ костюмѣ застаютъ Чернинскаго Пронскій, Алеша, жена его и объясняютъ ему, чего ради онъ такъ одураченъ. Пристыженный Чернинскій вынужденъ простить своего племянника.

Авторъ былъ вызванъ и осыпанъ рукоплесканіями. Роль Чернинскаго игралъ бенефиціянтъ и тоже былъ вызванъ. Г-жа Лаврова особливо была ловка и натуральна въ одеждѣ деревенскаго мальчика. Талантъ этой молодой артистки чрезвычайно разнообразенъ, и потому г-жа Лаврова способна къ исполненію всякаго рода ролей.

Бенефисный спектакль г. Усачева открылся драматическимъ представленіемъ, въ двухъ дѣйствіяхъ, подъ названіемъ «Мининъ». Если одно достопамятное событіе, само по себѣ, недостаточно представляетъ матеріяловъ для драмы, то прилаживать къ этому событію вымыслъ надобно слишкомъ искусно и осторожно. По-крайнѣй-мѣрѣ вымыслъ долженъ подходить совершенно къ характерамъ, обычаямъ и нравамъ истиннаго событія, если ужь не во власти автора оживить и вымыслъ и истину поэтическимъ творчествомъ и какъ узломъ связать и то и другое въ одно художественное произведеніе. Вымыслъ въ драмѣ «Мининъ» плохо вяжется съ истиннымъ событіемъ. Кажется, этотъ вымыслъ только для того и нуженъ

былъ, что нельзя же обойтись между прочимъ безъ наказанія порока и торжества добродѣтели: порокъ тутъ является въ лицѣ двухъ подъячихъ, Бездушина и Прижимкина, которые оба упали въ яму, вырытую ими другому. Во всей драмѣ нѣтъ особенно замѣчательныхъ ролей, лучшая однакожь конечно Минина, которую игралъ г. Леонидовъ, и игралъ такъ хорошо, какъ только возможно играть эту роль.

Комедія «Два замѣчанія», которая слѣдовала за драмою, навѣла на всѣхъ страшную скуку и уныніе, несмотря на то, что разъигрывали эту комедію лучшіе артисты наши, г-жа Лаврова и г. Самаринъ. Во всей комедіи только два дѣйствующихъ лица: графъ и маркиза, молодая вдова. Графъ влюбленъ въ маркизу и говоритъ ей про любовь, а маркиза смѣется надъ любовью. Сколько это ни досадно для влюбленнаго, однакожь онъ рѣшается еще испытать послѣднее средство, т. е. броситься предъ непреклонною на колѣни и совершить такимъ образомъ торжественное признаніе. Но лишь только графъ успѣлъ принять это положеніе страстно влюбленныхъ, какъ маркиза ужь и вовсе разсердилась и говоритъ, что ни за что въ свѣтѣ не хочетъ сдѣлаться его любовницею. — Да я этого не смѣю ни желать, ни думать, отвѣчаетъ графъ: — я хочу на васъ жениться. — Это другое дѣло, говоритъ вдова. Вотъ и вся исторія, которая однакожь продолжалась цѣлый часъ.

Лучшее, что было въ бенефисный спектакль г. Усачева, это, безъ всякаго сомнѣнія, прологъ «Мѣстничество», соч. графа Соллогуба. Не говоря о содержаніи этого пролога, потому-что и вся драма давно уже въ рукахъ читателей Современника, скажу объ исполненіи его на нашей сценѣ. Эта пьеса обставлена была достойно внутреннему ея качеству: всѣ лучшіе артисты нашей сцены занимали здѣсь главнѣйшія роли. Роль князя Мстиславскаго занималъ г. Щепкинъ, и его имени довольно, чтобы дать понятіе, какъ совершенно и глубоко понялъ и передалъ этотъ артистъ характеръ хотя и гордаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ добродушнаго отъ природы и хлѣбосольнаго вельможи, осчастливленнаго царскою милостію. Г. Леонидовъ прекрасно вполнѣ исполнилъ роль князя Ромадановскаго и г. Садовскій, какъ нельзя лучше, роль дурака Тараски. Изъ женскихъ ролей лучше всѣхъ исполнены были г-жею Львовою-Синецкою роль княгини Мстиславской и г-жею Медвѣдевою роль Ольги, дочери стрѣльца.

Въ заключеніе спектакля данъ былъ водевиль «Я имянинникъ», въ которомъ г. П. Степановъ чрезвычайно какъ натурально передалъ именинника, департаменскаго сторожа Терентьева, который ходилъ, какъ самъ говоритъ, съ кренделемъ по начальству и угостивъ себя прежде всѣхъ гостей. Этотъ форсъ по игрѣ Степанова былъ довольно забавенъ.

Въ антрактѣ игрался маршъ, сочиненія г. Штуцмана. Маршъ этотъ не отличается нималѣйшею оригинальностію, какъ-будто весь этотъ маршъ слыхалъ я иногда гдѣ-то. Впрочемъ шумъ и трескъ составляютъ главный отличительный характеръ его. Игралась еще въ антрактѣ новая полька, сочиненія князя Салтыкова. Въ настоящее время уже столько играется и пишется полекъ, что трудно въ этомъ родѣ произвесть что-нибудь замѣчательное.

II.

ПИСЬМА ИНОГОРОДНАГО ПОДПИСЧИКА ВЪ РЕДАКЦІЮ СОВРЕМЕННИКА О РУССКОЙ ЖУРНАЛИСТИКѢ.

VI.

Во всякомъ образованномъ обществѣ можно сыскать довольно обширный классъ людей, заслуживающихъ глубокаго уваженія и сочувствія, несмотря на то, что эти люди не всегда способны къ практической дѣятельности. Это классъ дилетантовъ, не музыкальныхъ, а дилетантовъ области наукъ и искусствъ. У нихъ нѣтъ своей спеціяльности. Многіе изъ этихъ людей не берутъ пера въ руки, не играютъ ни на какомъ инструментѣ, нетвердо знаютъ исторію разныхъ школъ живописи, и, несмотря на то, одарены артистическимъ тактомъ, любовью къ наукѣ и искусствамъ. Ихъ любовь проста, безкорыстна и какъ-то боязлива. Они не требуютъ многаго ни отъ науки, ни отъ жизни, легко и безропотно мирятся съ дѣйствительностью; но ни одинъ изъ этихъ людей ни за какія блага практической жизни не отступится отъ своего права быть дилетантомъ. Они не склонны ни къ сатирѣ, ни къ мизантропіи; но всякой изъ нихъ глубоко убѣжденъ, что если бы на свѣтѣ не было наукъ и художествъ, литературы и театра, то не стоило бы и жить на этомъ свѣтѣ ни одной минуты. Этотъ класъ публики, при всей своей малочисленности, часто рѣшаетъ участь многихъ литературныхъ предпріятій, поддерживаетъ искусство, направляетъ вкусъ большинства въ сценическомъ и музыкальномъ отношеніяхъ. Потому вліяніе его такъ важно, что каждый литераторъ желаетъ и долженъ желать полнаго къ себѣ участія со стороны малоизвѣстныхъ дилетантовъ. Лордъ Байронъ, баловень литературной славы, холодно встрѣчалъ похвалы знаменитѣйшихъ современниковъ; Вальтеръ Скоттъ, г-жа Сталь и самъ Гёте не сразу получали отвѣты на изъявленіе своего удивленія передъ талантомъ человѣка, написавшаго Сарданапала и Дона Жуана. И этотъ самый Байронъ высоко цѣнилъ доказательства участія къ нему людей совер-

шенно неизвѣстныхъ. Онъ тщательно хранилъ письма, полученныя отъ разныхъ темныхъ любителей поэзіи, и говорилъ, что каждое изъ этихъ писемъ онъ цѣнитъ выше диплома геттингенскаго университета. Въ своемъ дневникѣ онъ нѣсколько разъ упоминаетъ съ пріятнымъ чувствомъ о такихъ письмахъ. Приведу на-удачу одно мѣсто байронова дневника, отличающееся игривостью изложенія и нѣжнымъ чувствомъ, въ немъ выраженнымъ:

«Что касается до славы, то въ мою жизнь я испыталъ ее, — и можетъ быть на мою долю выпало ея больше, нежели я заслуживаю... Вчера заходилъ ко мнѣ прекрасный молодой человѣкъ, пріятель Вашингтона Ирвинга, нѣкто Коулиджъ, изъ Бостона. Онъ мнѣ понравился бы еще болѣе, еслибъ въ немъ было поменьше поэзіи и *энтузимузія*, какъ выражается одинъ мой пріятель. Мы много болтали о сочиненіяхъ Ирвинга, о Соединенныхъ Штатахъ и разошлись пріятелями; но я подозрѣваю, что молодой любитель поэзіи не вполнѣ доволенъ мною. Онъ расчитывалъ видѣть мизантропическаго джентльмена въ какихъ-нибудь панталонахъ изъ звѣриной кожи, съ яростными взглядами, ждалъ услышать рѣчь, исполненную свирѣпыхъ односложныхъ выраженій — и неожиданно встрѣтилъ во мнѣ свѣтскаго человѣка. Поэзія есть выраженіе *возбужденной страсти* и въ *постоянномъ* видѣ также невозможна какъ вѣчная лихорадка или постоянное землетрясеніе. Во всякомъ случаѣ, посѣщеніе молодого за-атлантическаго энтузіаста меня очень порадовало.

«Въ тотъ же день получилъ я интересное письмо отъ совершенно незнакомой мнѣ дѣвушки, изъ Англіи, съ буквами *N. N. A.* вмѣсто подписи. Къ удивленію моему, въ этомъ письмѣ не было ни малѣйшаго ханжества, ни пошлыхъ наставленій. Бѣдная дѣвушка пишетъ, что, по состоянію ея здоровья, ей слѣдуетъ ожидать скорой смерти, но что она не желаетъ оставить свѣтъ не выразивши мнѣ своей душевной благодарности за тѣ сладкіе часы, которые были ей доставлены чтеніемъ моихъ сочиненій. Въ заключеніе она проситъ меня сжечь ея письмо, но я этого не сдѣлаю, потому-что такое письмо для меня дороже диплома отъ всевозможныхъ университетовъ; читая такія письма, самъ начинаешь считать себя поэтомъ. Я могу привести нѣсколько примѣровъ, изъ которыхъ можно удостовѣриться, что имя мое проникало подчасъ въ довольно отдаленные уголки свѣта.

«Два или три года назадъ, въ Равеннѣ получилъ я письмо въ стихахъ, на англійскомъ языкѣ, изъ Дронтгейма, отъ какого-то чрезвычайно вѣжливаго норвежца. Оно до сихъ поръ гдѣ-то въ моихъ бумагахъ. Въ томъ же августѣ 1819 года пришло ко мнѣ письмо отъ гамбургскаго гражданина Якобсена, въ которомъ этотъ почтенный любитель моихъ сочиненій приглашалъ меня провести лѣто у него,

въ Голштиніи. Къ письму приложены были: переводъ одной пѣсни Корсара, составленный какою-то вестфальскою баронессою. Я вспомнилъ о баронессѣ Тундеръ-тенъ-Тронкъ въ Кандидѣ. Въ письмѣ Якобсена говорится, что «розы растутъ и въ Голштиніи». Стало быть кимврамъ и тевтонамъ не зачѣмъ было эмигрировать въ Италію. Странная вещь — человѣкъ и его жизнь! Еслибъ въ настоящую минуту я подошелъ къ дому, гдѣ живетъ моя собственная дочь, дверь захлопнулась бы передъ моимъ носомъ, и, чтобы пройти, я долженъ былъ бы отколотить привратника,—что весьма могло бы случиться. Въ-замѣнъ того, еслибъ я явился въ Дронтгеймѣ или въ Голштиніи, меня встрѣтили бы съ распростертыми объятіями два семейства, которыхъ я въ глаза не знаю. Странная вещь — извѣстность!»

Несмотря на легкой тонъ этой замѣтки, всякой можетъ понять, до какой степени утѣшительны были эти выраженія сочувствія тому, кто былъ ихъ причиною. И утвердительно можно сказать, на постоянную, завидную извѣстность можетъ расчитывать только тотъ писатель, который желаетъ нравиться не всей массѣ читателей, а однимъ дилетантамъ. Рабское угожденіе вкусамъ большинства читателей ведетъ къ успѣху, но къ успѣху холодному, полуфальшивому, не возбуждающему живого сочувствія. Таковы успѣхи Дюма и Евгенія Сю,—успѣхи, выгодные для кармана, но не совсѣмъ лестные для самолюбія.

Обратимся однако къ нашимъ дилетантамъ. Послѣдніе полтора года были тяжелымъ временемъ для любителей изящнаго во всей Европѣ. Науки и искусства будто замерли подъ вліяніемъ политическаго урагана; посреди общей тревоги, перестали являться созданія, для которыхъ нужно спокойствіе, спокойствіе и опять спокойствіе. «Области изящнаго предстоитъ грустная будущность»: такъ думали и думаютъ всѣ, для кого нѣтъ жизни безъ спокойствія, безъ тихихъ радостей, обильно доставляемыхъ искусствами и науками. Объ этомъ-то предметѣ намѣренъ я сказать нѣсколько словъ, не безъ основанія предполагая, что между вашими читателями есть много дилетантовъ, для которыхъ въ высшей степени важенъ вопросъ о будущности европейскаго искусства и литературы. Я буду говорить только объ одной литературѣ, потому-что сказанное о ней можетъ относиться равно ко всѣмъ отраслямъ ученой и артистической дѣятельности. Съ перваго взгляда можно увидѣть, что развитіе и успѣхи словесности находятся въ тѣсной зависимости отъ того направленія, по которому идетъ самая общественная жизнь. Въ-самомъ-дѣлѣ, науки цвѣтутъ тамъ, гдѣ больше спокойствія; всякой гражданскій переворотъ вредно дѣйствуетъ на литературу, которая томится и замираетъ при всякомъ страданіи общества. Ос-

новываясь на этихъ всѣмъ извѣстныхъ истинахъ, многочисленные любители словесности пришли къ весьма основательному опасенію за будущность европейской словесности. Факты подтвердили ихъ предположенія: 1848 и начало 49 года были временемъ весьма невыгоднымъ для литературы бо́льшей части государствъ.

Но это только одна сторона вопроса. Основываясь на опытахъ всѣхъ вѣковъ и народовъ, можно сказать съ увѣренностью, что за будущность словесности не слѣдуетъ опасаться ни одному образованному человѣку. Можно съ грустнымъ чувствомъ слѣдить за временнымъ охлажденіемъ къ искусству, можно ужасаться горькаго заблужденія народовъ, добровольно отступающихъ отъ спокойствія съ его возвышенными наслажденіями, но трепетать за вѣчныя идеи добра, красоты и просвѣщенія — дѣло, показывающее недовѣріе къ провидѣнію. Напротивъ того, надо надѣяться, надо предвидѣть для словесности народовъ ту блистательную эпоху, въ которую наука и искусство сдѣлаются вѣрнымъ прибѣжищемъ людей, изнуренныхъ тяжелою опытностью. Чѣмъ болѣе горя и безпорядковъ на свѣтѣ, тѣмъ священнѣе должна быть тихая область словесности; прежніе примѣры доказываютъ намъ ту истину, что судьба, посылая скорбь роду человѣческому, посылаетъ и утѣшеніе въ этой скорби,—приготовляя бури, готовитъ и убѣжище. Вотъ высокая роль европейской словесности, зародышъ ея прошлаго, настоящаго и будущаго величія!

Подкрѣпимъ наши слова нѣсколькими примѣрами. Конецъ XVIII столѣтія и начало XIX были самымъ тяжелымъ періодомъ въ жизни государствъ Европы. Какъ и въ наше время, словесность много страдала отъ общественныхъ неустройствъ, отъ громадныхъ войнъ, которымъ и конца не предвидѣлось. Но, выдержавши первую бурю, словесность Англіи, Германіи и Франціи явилась въ новомъ блескѣ, и отрѣшившись отъ плачевной дѣйствительности, пріобрѣла новую силу. Припомните знаменитѣйшія литературныя имена того времени, ихъ сочиненія, и вы убѣдитесь, что это отрѣшеніе было полное, совершенное. Изъ лучшихъ произведеній Гёте, исполненныхъ невозмутимаго, неподражаемаго спокойствія, можно ли догадаться, что этотъ человѣкъ жилъ и писалъ въ такое тяжелое время? Найдете ли вы хотя въ одномъ изъ романовъ Вальтеръ-Скотта слѣды той ужасной и великой эпохи, когда Англія истощала всѣ свои силы въ борьбѣ съ Наполеономъ, съ часу на часъ ожидая нападенія и борьбы на собственной землѣ своей? Догадаетесь ли вы, что одна изъ лучшихъ сказокъ Гофмана писана имъ была въ то время, когда вся Европа сражалась подъ стѣнами Дрездена, въ одной полумили отъ мѣста сраженія, въ самомъ Дрезденѣ, занятомъ французскими колоннами?

И самъ Байронъ, человѣкъ весьма практическій и воспріимчивый, въ сочиненіяхъ своихъ съ какою-то отрадою отрѣшался отъ смутной и угрюмой дѣйствительности.

Возьмемъ примѣры болѣе рѣзкіе. Кто угадаетъ, что Шериданъ, пламенный ораторъ великобританскаго парламента, принимавшій дѣятельнѣйшее участіе во всѣхъ важнѣйшихъ вопросахъ своего времени, могъ написать цѣлый рядъ комедій, полныхъ самаго добродушнаго юмора, запутанныхъ и комическихъ положеній, — комедій, изъ которыхъ одна пріобрѣла себѣ огромную извѣстность, играется на всѣхъ европейскихъ театрахъ, давалась въ старое время и въ Петербургѣ, подъ названіемъ «Школы Злословія». Почти не вѣрится, что Ламартинъ могъ написать свои Признанія и Рафаэля: такъ несходно теперешнее направленіе поэта съ временемъ политической его дѣятельности. Примѣры эти могутъ казаться странными для людей близорукихъ, но наблюдатель сердца человѣческаго легко усмотритъ причину, по которой люди, извѣдавъ тягость практической дѣтельности, смирившись передъ уроками провидѣнія, жадно ищутъ утѣшенія въ отрадныхъ и нерушимыхъ истинахъ, въ наукѣ, въ невозмутимой области изящнаго.

Подумавши такимъ образомъ, нельзя не притти къ тому убѣжденію, что словесность народовъ имѣетъ собственную свою жизнь, которая не гаснетъ, несмотря ни на какія заблужденія человѣчества, свои собственныя силы, которыхъ достаточно для сохраненія во всей чистотѣ всего, что есть на свѣтѣ прекраснаго и благороднаго. Исторія доказываетъ намъ, что истина всегда оканчиваетъ торжествомъ надъ заблужденіемъ и ложью. Позволительно ли послѣ этихъ уроковъ опасаться за просвѣщеніе, за словесность, это высшее и изящнѣйшее выраженіе просвѣщенія? Нѣтъ, словесность не погибнетъ при потрясеніяхъ; она вѣчно будетъ походить на роскошную растительность тропическихъ странъ, подверженныхъ землетрясеніямъ, ураганамъ и волканическимъ изверженіямъ. Миновался подземный ударъ, пролетѣлъ сокрушающій вѣтеръ, и все-таки на землѣ стоятъ тѣже деревья, поля покрыты тою же зеленью, тѣми же ароматическими цвѣтами. Такова и область изящнаго.

Изгнавши изъ сердца своего тяжелое сомнѣніе за будущность какой бы то ни было словесности, намъ, русскимъ, съ сладкою увѣренностью остается предугадывать блестящую пору отечественной нашей литературы, которая ко всѣмъ прекраснымъ залогамъ своего развитія присоединяетъ еще ту огромную выгоду, что должна развиться посреди спокойствія, для народа, глубоко проникнутаго любовью ко всему родному. Путь, по которому будетъ итти наша словесность, рѣзко обозначился: публика требуетъ отъ писателей раз-

работки матеріяловъ руской жизни, и писатели знаютъ, что однимъ подражаніемъ чужимъ образцамъ уже они не пріобрѣтутъ сочувствія публики. Любимые наши писатели Пушкинъ, Крыловъ и Гоголь этимъ-то путемъ и достигли своей славы; итти по другой дорогѣ и безполезно и невозможно. Безъ всякихъ фразъ и преувеличенія, я могу сказать, что вполнѣ убѣжденъ въ великомъ назначеніи русской словесности и въ томъ, что она должна развиться въ громадныхъ размѣрахъ. Самые толки о *бѣдности* нашей словесности, показывая быстро развивающуюся потребность чтенія и сочувствіе къ отечественнымъ писателямъ, служатъ хорошимъ признакомъ. Та словесность небѣдна, которая въ теченіи сорока лѣтъ могла выставить имена Карамзина, Пушкина, Крылова, Грибоѣдова, Гоголя и Лермонтова. Обладая такими писателями, можно хладнокровно слушать толки о бѣдности словесности; скажу болѣе, можно радоваться этимъ отзывамъ. Словесность бѣдна тамъ, гдѣ безпрестанно кричатъ о ея богатствѣ и изобиліи геніевъ. Французская публика времени Людовика XIV была вполнѣ убѣждена, что при ней-то и наступилъ золотой вѣкъ словесности. Послѣдствія показали, много ли осталось изъ этого богатства, изъ этого золотого вѣка, который и донынѣ въ иныхъ учебникахъ ставится, съ литературной точки зрѣнія, въ уровень съ вѣкомъ Перикла, съ вѣкомъ Октавія Августа!

Признаюсь откровенно, въ этомъ мѣсяцѣ изъ меня совершенно исчезъ духъ снисходительности, столько необходимый всякому читателю періодическихъ изданій, близко знакомому съ тѣми трудами, которые неразлучны съ журнальными предпріятіями. Я давно замѣтилъ и прошу любителей чтенія на дѣлѣ провѣрить мое замѣчаніе, — я давно замѣтилъ, что въ лѣтнюю пору самый невзыскательный читатель способенъ превратиться въ прихотливѣйшаго изъ критиковъ. Ясное небо, поля и лѣса, тихій и свѣжій воздухъ отнимаютъ всякое прилежаніе и гонятъ человѣка прочь изъ душной комнаты, изъ кабинета, заваленнаго книгами. Въ ненастный осенній вечеръ мы бесѣдуемъ съ книгою какъ съ другомъ, настроиваемъ свои мысли подъ ладъ сочиненія, лежащаго передъ нами; если книга написана вычурнымъ слогомъ, мы принуждаемъ себя становиться на ходули, — если языкъ ея теменъ, мы ломаемъ себѣ голову до усталости; однимъ словомъ, мы возимся тогда съ какимъ-нибудь посредственнымъ авторомъ словно съ неразговорчивымъ провинціяломъ, отъ скуки пріѣхавшимъ забросить пару словъ въ нашу пустыню.... Но въ майскій день пропадаетъ наша снисходительность, исчезаетъ вниманіе; мы швыряемъ книгу съ неудовольствіемъ, смотримъ на нее какъ на посѣтителя, съ которымъ не стоитъ поддерживать разговоръ! Такова уже природа человѣка: какъ бы хорошъ ни былъ вымышленный міръ,

мы довольствуемся имъ только за неимѣніемъ лучшаго; при первой же улыбкѣ дѣйствительности, при первомъ свѣтломъ днѣ, мы бросаемъ этотъ міръ и всѣ фантазіи. Пріятно въ трескучій морозъ сидѣть у камина и читать путешествіе по южной Америкѣ, но лѣтомъ, при взглядѣ на самый нехитрый сѣверный пейзажъ, мы забываемъ и Анды, и цвѣтущія долины Мексики и Амазонскую рѣку,—предметы, казавшіеся намъ такъ соблазнительными въ описаніяхъ туристовъ.

Итакъ, въ одно свѣтлое майское утро получилъ я разомъ три нумера Москвитянина и три книжки Библіотеки для Чтенія. Деревья распускались въ моемъ саду, ласточки порхали, и такъ далѣе. День былъ прекрасный, мѣстоположеніе недурно, расположеніе моего духа превосходное. И, несмотря на то, я не порадовался приходу журналовъ: вмѣсто того, чтобъ пересмотрѣть оглавленіе статей, припомнить начало тѣхъ изъ нихъ, которыхъ помѣщено продолженіе, и исполнивши эту обязанность, начать чтеніе терпѣливо и съ полною охотою, я началъ читать послѣднія страницы этихъ книжекъ. На послѣднихъ страничкахъ журналовъ обыкновенно помѣщаются статьи о модахъ. Почему захотѣлось узнать мнѣ, во что наряжаются петербургскія дамы, въ этомъ я не могу дать себѣ отчета. Захотѣлось ли мнѣ полюбоваться на тонкую гравировку картинокъ, обуяло ли меня, какъ выражается авторъ Чудодѣя, «современное требованіе повапленнаго» (раскрашеннаго), или просто пожелалъ я, деревенскій домосѣдъ, увидѣть изображеніе стройныхъ хорошенькихъ дамъ въ вырѣзныхъ платьицахъ, только, соскучась чтеніемъ «Модъ» Библіотеки для Чтенія, я вынулъ изъ журнала гравюры и началъ ихъ разсматривать.

Но это продолжалось только одну минуту: я отбросилъ отъ себя эти три картинки. Откуда пріобрѣтаетъ Библіотека для Чтенія такіе милые образчики современныхъ костюмовъ? Такихъ картинокъ не видалъ я со временъ «Галатеи», давно забытой. Не говорю уже о самой незатѣйливой отдѣлкѣ и крайнемъ безвкусіи уборовъ, самыя физіономіи, изображенныя на трехъ картинкахъ, относятся къ разряду фигуръ, «во ужасъ сердце приводящихъ». Въ особенности хороша старуха въ зеленомъ платьѣ и съ вѣеромъ въ рукѣ. Все это рисовано въ Парижѣ, но доказываетъ одну только ту истину, что и въ Парижѣ есть плохіе граверы и модные журналы, отличающіеся безвкусіемъ.

Москвитянинъ гораздо проще обходится съ отдѣломъ модъ, весьма интереснымъ большинству иногородныхъ подписчиковъ: этого отдѣла не существуетъ въ Москвитянинѣ. Теперь я начинаю понимать практическое примѣненіе мысли о красотѣ и удобствѣ древняго

наряда. Москвитянинъ не желаетъ унизиться до жалкаго описанія «мизерабильныхъ фраковъ» или дамскихъ нарядовъ, которые бываютъ иногда милы, только, къ несчастію, заклеймены заморскими названіями. Въ этомъ случаѣ редакція Москвитянина могда бы прибѣгнуть къ помощи остроумнаго филолога, который слово *губернаторъ* производитъ отъ *шубы*, а слово *банкъ* отъ *горки*. Стоитъ доказать, что *пальто* необходимо происходитъ отъ *ферязи*, *жилетъ* отъ *охобня*, *мантилія* отъ *душегрѣйки* и великій раздоръ между любителями древнихъ и новыхъ нарядовъ будетъ погашенъ окончательно.

Можно обдѣлать другимъ образомъ отдѣлъ модъ въ Москвитянинѣ. За неимѣніемъ настоящихъ любителей древняго костюма, весьма легко создать себѣ воображаемыхъ денди, несуществующихъ львицъ и наряжать весь этотъ beau-monde согласно вкусу редакціи и любому списку какой-нибудь лѣтописи. Отчего не писать, напримѣръ: «Наши хваты (fashionables) уже не надѣваютъ жолтыхъ сапоговъ съ вышивкой; на гуляньяхъ видны длинные сапоги изъ темнобурой кожи. Бороды все еще носятъ клиномъ; волосы же, согласно съ лѣтнимъ временемъ, стригутъ довольно коротко». Если къ этимъ замѣткамъ прибавить еще нѣсколько описаній женскаго наряда, статьи будутъ интересны, по-крайней-мѣрѣ интереснѣе страницъ 32—40 9-го № Москвитянина, наполненныхъ именами лицъ, бывшихъ на русскомъ праздникѣ древней столицы. Къ чему этотъ списокъ, который тянется на десяти страницахъ?

Наконецъ, собравшись съ силами и выбравъ пасмурный день, я одолѣлъ всѣ три книжки Москвитянина. Книжки эти не лишены интереса, преимущественно отрицательнаго; лучшія статьи: 1) г. Маркова «Русскіе на Восточномъ Океанѣ и 2) «Путешествіе Гаусмана.»

Но полученныя мною три книжки Библіотеки для Чтенія обильнѣе интересными статьями; потому-то я не могу посвятить Москвитянину много мѣста въ моемъ письмѣ.

Чудодѣй г. Вельтмана не продолжается. Я очень радъ этому обстоятельству: можетъ быть, талантливый его авторъ посвящаетъ это время на исправленіе своего романа. Нельзя желать и надѣяться, чтобы передѣлка эта началась со второй части; не у всякаго хватитъ силъ и терпѣнія написать два раза одну и ту же часть сочиненія, какъ написалъ Байронъ третій актъ Манфреда. Какъ бы то ни было, я почти убѣжденъ, что слѣдующія части новаго романа г. Вельтмана будутъ достойны первой части его Чудодѣя. Недостатокъ бельлетристическихъ статей весьма ощутителенъ въ послѣднихъ трехъ книжкахъ Москвитянина.

Изъ раздѣленія періодическаго изданія, издававшагося ежемѣсячно, на 24 книжки, возникаетъ много трудностей, съ которыми бороться можно въ одномъ только случаѣ: если матеріалы журнала, заранѣе заготовленные въ большомъ количествѣ, отстраняютъ всякое помышленіе о необходимости спѣшной работы. Обязавши себя выдачею одной книжки въ каждыя двѣ недѣли, редакція незамѣтно приходитъ къ уничтоженію строгости въ выборѣ статей, и начинаетъ дарить подписчиковъ произведеніями слабыми, отрывками, неконченными повѣстями. Отъ этой невольной снисходительности спасти можетъ только большой запасъ готовыхъ статей; но тутъ раждается новое затрудненіе: не всякой сотрудникъ согласится на то, чтобы его работа поступала въ разрядъ запасныхъ матеріяловъ, сохраняемыхъ на случай непредвидѣнныхъ потребностей. Я имѣю причину думать, что подобнаго запаса не находится въ редакціи Москвитянина, и до крайности слабая повѣсть «Переписка», помѣщенная въ одной изъ послѣднихъ книжекъ этого журнала, вполнѣ подтверждаетъ мое заключеніе. Повѣсть эта принадлежитъ къ разряду такъ называемыхъ «мармонтелевскихъ повѣстей», которыя надоѣдали читателямъ цѣлые десятки лѣтъ, и на Руси являлись нерѣдко. Самъ Карамзинъ не разъ принимался за подобныя повѣсти.

Мармонтелевскія повѣсти отличались отъ всѣхъ прочихъ сухостью изложенія и происшествіями, происходящими «внѣ мѣста и времени» Герои этихъ сочиненій не принадлежатъ ни къ какой націи, не носятъ фамилій, личность ихъ не обозначается. На сценѣ дѣйствуетъ какой-нибудь Эрастъ, любезная его называется Лидіей или Лилой; но кто такіе Эрастъ и Лидія, въ какомъ городѣ живутъ эти примѣрные любовники,—однимъ словомъ, всѣ подробности, обрисовывающія личность ихъ, скрыты подъ завѣсою тайны. Любители прекраснаго пола, тающіе при чтеніи описанія хорошенькой героини, напрасно станутъ доискиваться, была ли Лидія брюнетка, или блондинка; даже о глазахъ ея авторъ не скажетъ ни слова; авторъ знаетъ одно только: онъ говоритъ про *чувства*, про жизнь сердца, и потому не спрашивайте у него, хороша ли ножка у Лидіи и длиненъ ли носъ у ея Эраста! Такіе запросы непозволительны. Если нужны второстепенныя лица, подражатель Мармонтеля и тутъ не затрудняется: онъ выводитъ на сцену герцога (опять безъ имени и безъ означенія, гдѣ находится его герцогство), его секретаря. Потомъ, въ довершеніе всего, въ повѣсти является какой-нибудь Клавдіо или Лотаріо, коварный злодѣй, или добродѣтельный старикъ, по усмотрѣнію; дѣло сдѣлано, и пускай навязчивый читатель уже самъ догадывается, испанецъ или итальянецъ этотъ необходимый Клавдіо и Лотаріо.

Къ подобнаго рода повѣстямъ относится и «Переписка». Содер-

жаніе ея и ничтожно и изыскано въ одно и тоже время, «жизни сердца» въ этой повѣсти сколько угодно, а настоящей жизни вовсе нѣтъ. Дѣло въ томъ, что нѣкій Иванъ Петровичъ (хорошо что не Эрастъ) влюбленъ въ дѣвушку, по имени Иду (это уже не совсѣмъ хорошо). Влюбленные молодые люди (впрочемъ я не знаю даже, молодые ли они: авторъ ничего не говоритъ ни о ихъ возрастѣ, ни о ихъ мѣстопребываніи) пишутъ другъ къ другу по нѣскольку разъ въ день коротенькія записочки, въ родѣ лаконическихъ замѣтокъ. Разсуждаютъ они и о любви, и о повѣсти графа Соллогуба «Медвѣдь», и о горестяхъ одинокой жизни, но о сватьбѣ и о возможности увѣнчать свою возвышенную любовь бракомъ не говорятъ ни одного слова. Потомъ они разстаются; но причины разлуки скрываются во мракѣ неизвѣстности. Иванъ Петровичъ женится на другой, встрѣчаетъ Иду чрезъ нѣсколько лѣтъ послѣ сватьбы и жалѣетъ о своемъ бракѣ. Наконецъ онъ овдовѣлъ, онъ снова встрѣтилъ Иду, уже собирается къ ней свататься, но—о ужасъ—Ида замужемъ. Итакъ исторія отношеній Ивана Петровича къ Идѣ можетъ тянуться безчисленное число лѣтъ, не принеся съ собою ни малѣйшаго удовольствія читателю. Впрочемъ надо отдать справедливость автору «Переписки»: ему предстояла возможность вести свою повѣсть до безконечности, но онъ не воспользовался этою возможностью. Стоило уморить супруга романической Иды и между тѣмъ снова заставить жениться туманнаго Ивана Петровича. Слѣдуя такой немногосложной системѣ, можно было растянуть повѣсть на тридцать пять печатныхъ листовъ. Авторъ этого не сдѣлалъ, и я благодарю его отъ всей души. Повѣсть принадлежитъ г-жѣ Жадовской; впрочемъ и безъ подписи можно догадаться, что она написана женщиною: мужчина не пропустилъ бы случая изъ разсказа сдѣлать повѣсть, изъ повѣсти романъ, изъ романа цѣлый рядъ романовъ, — мужчина не отказался бы отъ случая изложить любовь Иды и Ивана Петровича на тридцати пяти листахъ крупной печати. Авторъ «Переписки» не поддался подобнымъ разсчетамъ, и потому я спѣшу преклониться предъ его истинно женскою деликатностью. Кстати о г-жѣ Жадовской. Въ Москвитянинѣ время отъ времени помѣщаются стихотворенія автора «Переписки». Стихотворенія эти принадлежатъ къ разряду обыкновенныхъ журнальныхъ стиховъ; они очень гладки и кромѣ того коротки. Я не слышалъ, чтобъ они кому-нибудь особенно нравились; даже извѣстный вамъ мой сосѣдъ, снисходительный къ журнальнымъ стихотвореніямъ, говоритъ, что въ стихахъ этихъ нѣтъ «ни треску, ни задору». Вѣроятно и сама г-жа Жадовская пишетъ стихи безъ всякихъ притязаній на громкую славу и вовсе не заботится о поэтической извѣстности.

Но не такъ думаетъ редакція Москвитянина. Увлекаясь желаніемъ сказать доброе слово объ одномъ изъ участниковъ своего журнала, Москвитянинъ такъ услужилъ своей сотрудницѣ, что вѣрно г-жа Жадовская не совсѣмъ будетъ благодарна за подобную услугу. Вотъ въ чемъ дѣло: въ 9 книжкѣ этого журнала, на страницѣ 15 (Смѣсь), цѣликомъ перепечатано частное письмо г-жи Жадовской къ одному изъ ея близкихъ знакомыхъ. Въ письмѣ этомъ, кромѣ небольшихъ стиховъ о лунѣ, нѣтъ ровно ничего замѣчательнаго въ литературномъ отношеніи; да и развѣ кто-нибудь изъ литераторовъ обязанъ писать къ своимъ знакомымъ письма, годныя для Смѣси какого-бы то ни было журнала? Безъ всякаго сомнѣнія, и г-жа Жадовская не расчитывала видѣть своего письма въ печати. Вотъ письмо съ замѣткою отъ редакціи Москвитянина.

ПИСЬМО Ю. В. ЖАДОВСКОЙ КЪ Ю. Н. БАРТЕНЕВУ (*).

Вотъ я опять въ Ярославлѣ. Послѣ пятидневнаго томленія ужаснѣйшей дороги, я захворала, потомъ говѣла и пріобщалась, а теперь, не успѣла оглянуться, какъ ужъ и праздникъ на дворѣ, и поздравленье не будетъ не кстати. Пусть письмо скажетъ вамъ за меня отрадное: Христосъ воскресе! Хорошо, еслибъ оно съумѣло разсказать вамъ и всѣ теплыя и нѣжныя чувства, которыми полна душа моя, когда думаетъ о васъ и о вашей супругѣ. Да гдѣ!... Есть вещи и предметы, которые только профанируются словами... Прошло около двухъ часовъ, какъ я написала эти строки. Все это время я просидѣла безъ движенія, поддавшись какому-то невольному раздумью. Мысли одолѣли меня. А бѣда, какъ мысль овладѣетъ человѣкомъ! что̀ ни станетъ говорить, выходитъ путаница. Надо, чтобъ человѣкъ владѣлъ мыслью, — тогда что̀ ни сольется съ языка, или съ пера будетъ носить отпечатокъ ясности и силы душевной. Какъ не задуматься? и небо ясно, и солнце свѣтитъ, да и дни такъ велики, такъ святы. Въ ушахъ звучатъ слова страданья и искупленья. Скоро смѣнитъ ихъ торжественная пѣснь воскресенія; а человѣкъ живетъ по горло въ грязи и тинѣ страстей и заблужденій.... Какъ будто не для него звучитъ эта пѣснь, не за него умеръ Искупитель! — Подумала я, и не кончу сегодня письма! Прощайте до завтра.

На другой день.

Съ добрымъ утромъ, почтенный и дорогой другъ мой! Утро сегодня ясно и весело; маленькая комнатка моя облита лучами солнца; зелень на окнахъ будто улыбается; цвѣтки жасмина дышутъ ароматомъ. Мнѣ кажется, что эти цвѣты, блѣдные и благоуханные, гармонируютъ съ моею жизнью.... Отъ того я люблю ихъ болѣе другихъ

(*) Мы очень благодарны за сообщеніе этого письма, которое такъ хорошо знакомитъ съ личностію автора, слишкомъ извѣстнаго читателямъ Москвитянина, по его статьямъ. *Ред.*

цвѣтовъ. — Мнѣ что-то особенно хочется получить отъ васъ письмецо. На этотъ разъ мнѣ нечего послать вамъ изъ моихъ сочиненій. Нашъ сборникъ обобралъ меня: вотъ одно стихотвореніе оттуда:

Рѣшенный вопросъ.

Ну-ка, разскажи мнѣ, мама,
Отъ чего такъ блѣденъ мѣсяцъ,
Отъ чего, какъ бы робѣя,
Тихо, изъ-за темной рощи
Онъ украдкою выходитъ?
Разъ, ты помнишь ли? съ зарею,
Мы съ тобою, какъ-то, встали —
Боже мой! съ какимъ сіяньемъ,
И какъ пышно, величаво,
Надъ рѣкой всходило солнце.
Отъ чего же мѣсяцъ блѣденъ?
Ну-ка, разскажи мнѣ, мама.
Отъ того, мой другъ, и блѣденъ,
Что судьба ему велѣла
Быть свидѣтелемъ отъ вѣка
Дню невѣдомыхъ страданій,
И страстей и преступленій.
(Да хранитъ тебя Создатель!)
Столько горькихъ слезъ, печали,
Столько тайныхъ думъ, ужасныхъ,
Всякой день бѣдняжка видитъ,
Что блѣднѣетъ, по неволѣ,
Какъ ему приходитъ время,
Робко, будто-бы украдкой,
Выходить изъ темной рощи....

Повѣсть мою: «Непринятая жертва» я перепишу для васъ, если вы пожелаете, въ томъ видѣ, какъ она вышла изъ-подъ пера моего. Мнѣ отрадно знать, что вы читаете мои произведеньица. Я не сочиняю ихъ, а выбрасываю на бумагу, потому что эти образы, эти мысли не даютъ мнѣ покоя; преслѣдуютъ и мучатъ меня до тѣхъ поръ, пока я не отвяжусь отъ нихъ, перенеся ихъ на бумагу. Можетъ быть, отъ того и носятъ они печать той задушевной искренности, которая нравится многимъ.

Ярославль.
1849. Марта 30.

Послѣ смерти замѣчательныхъ писателей не разъ издавались въ свѣтъ ихъ письма, записочки и обрывки стиховъ. Бумаги, найденныя въ столѣ Гёте, были напечатаны; одинъ англичанинъ перепечаталъ Поповъ переводъ Иліады, обозначая всѣ вычеркнутыя слова и вставки; послѣ Лермонтова осталось много слабыхъ отрыв-

ковъ, которые тоже были пущены на свѣтъ Божій; вся переписка Вольтера издана была послѣ смерти; но, замѣтьте, всѣ эти лестныя вещи дѣлались по *смерти* прославляемыхъ авторовъ. Москвитянинъ пошелъ дальше.

Признаюсь откровенно, если дѣло идетъ и о дѣйствительно знаменитомъ писателѣ, меня невсегда радуетъ тщательность, съ которою друзья его и наслѣдники спѣшатъ подѣлиться съ публикою каждымъ клочкомъ его письма, какимъ-нибудь отрывкомъ неконченныхъ его стихотвореній. Русская литература ровно ничего бы не потеряла, еслибъ друзья Лермонтова не печатали его стихотвореній въ такомъ родѣ:

На буркѣ, подъ тѣнью чинары,
Лежалъ Ага Ибрагимъ,
И руки скрестивши, Татары,
Стояли молча передъ нимъ.
. . . .
Лилѣйной рукой поправляя
Едва пробившійся усъ,
Краснѣетъ, какъ дѣва младая
Кангаръ, молодой.... (и тутъ стихотвореніе оканчивается).

Кости лорда Байрона вѣрно пошевелились во гробѣ, когда услужливые почитатели его генія, давно острившіе зубы на извѣстность творца Донъ Жуана, дождавшись наконецъ смерти великаго поэта, выпустили въ печать цѣлую тучу писемъ, альбомныхъ стиховъ и отрывковъ, написанныхъ имъ не для печати. «Вотъ —говорилъ одинъ журналистъ—стихи, написанные лордомъ на листкѣ нашей газеты.» «Мы пріобрѣли — писалъ другой — записку Байрона къ какому-то итальянцу о покупкѣ экземпляра поэмъ Пульчи». Ревность къ отыскиванію и печатанію каждой строчки, написанной авторомъ Гьяура, не разъ приводила къ весьма смѣшнымъ результатамъ.

Одинъ разъ, издатели какой-то литературной газеты въ Англіи, года черезъ три послѣ смерти Байрона, узнали, что у книгопродавца Муррая, завѣдывавшаго изданіемъ всѣхъ его сочиненій, а въ отсутствіи лорда и нѣкоторыми домашними его дѣлами, хранится, безъ малѣйшаго употребленія, куча писемъ и записокъ великаго поэта. Запасшись деньгами и протекціею, спекуляторы явились къ Мурраю, который объявилъ, что все сколько-нибудь замѣчательное переслано Томасу Муру, составлявшему обширную біографію покойника. «Не осталось ли чего-нибудь?» спрашивали любители посмертныхъ рѣдкостей. Муррай объявилъ, что у него осталось нѣсколько писемъ, которыя онъ будетъ хранить втайнѣ и не отдастъ ни за какія деньги. Но издатели не уходили и почти со слезами требовали,

чтобъ книгопродавецъ далъ имъ хотя одинъ лоскутокъ, хотя записочку, хотя счетъ по дѣламъ изданія первыхъ поэмъ Байрона. Муррай отвязался отъ нихъ, продавъ имъ нѣсколько счетовъ, конвертовъ, надписанныхъ рукою Байрона, и много листовъ корректуры Корсара и Чайльдъ Гарольда. Издатели ушли съ восхищеніемъ; Муррай же думалъ, что они дорожили этими рукописями, какъ автографами. На другой день, въ одной изъ газетъ помѣщено было длинное письмо отъ какого-то Вилькенса, называвшаго себя другомъ лорда Байрона, съ препровожденіемъ «интереснѣйшихъ его писемъ и стихотвореній» и съ обѣщаніемъ сообщать таковыя въ редакцію. Никто изъ литераторовъ и въ глаза не зналъ никакого Вилькенса, но письмо и слѣдующія къ нимъ статьи Байрона прочтены были всѣми. Статьи эти были такого рода:

Письмо 1-е) Наборщики, *damn them*, врутъ безъ всякой совѣсти. Опять *block* вмѣсто *blow*. Я когда-нибудь прійду къ вамъ и приколочу ихъ всѣхъ. Вашъ Байронъ.

2-е) Что́ вы не были у Мурра? Шериданъ былъ очень пьянъ и упалъ съ лѣстницы. Вашъ Б.

За тѣмъ слѣдовали стихотворенія, изъ которыхъ самое оконченное называлось «Посланіе къ моему книгопродавцу». Вотъ оно:

I'm thankful for your books, my dear Murray
But why don't sent me Scott's Monastery? (*).

Изъ всѣхъ читавшихъ эти диковинные остатки твореній великаго поэта одинъ Муррей зналъ, изъ какого источника заимствованы эти письма и стихотворенія. Всѣ эти произведенія точно были писаны Байрономъ — на его счетахъ и корректурахъ.

Но довольно о Байронѣ, о которомъ говорить составляетъ одно изъ моихъ наслажденій. Обратимся къ наслажденію болѣе скромному — къ чтенію Смѣси 7, 8 и 9 нумеровъ Москвитянина.

Я постоянно думаю, что во всякомъ журналѣ отдѣлъ Смѣси долженъ быть едва ли не самымъ пріятнымъ отдѣломъ для читателей по своему разнообразію,—для издателей —по легкости его составленія. Въ-самомъ-дѣлѣ, для составленія Смѣси требуется только вкусъ, да охота слѣдить за всѣми русскими и нѣкоторыми изъ иностранныхъ изданій. Но Москвитянинъ, кажется, дѣйствуетъ на иныхъ основаніяхъ: мелкія статьи, помѣщаемыя въ Смѣси этого журнала, не увлекательны по своему интересу, а новости, сообщаемыя въ томъ же отдѣлѣ, такъ стары, что напоминаютъ собою многихъ свѣтскихъ разскащиковъ, являющихся въ гостиныя съ новостями, о которыхъ всѣ уже давно перестали говорить.

(*) Очень благодаренъ за книги, любезный Муррей; только почему не прислали вы мнѣ «Монастырь» Вальтеръ Скотта?

Вотъ одна изъ подобныхъ новостей.

«*Общественный Сватъ.* Сватовство было всегда дѣломъ женскимъ; но въ Парижѣ и это ремесло отбиваютъ мужчины у женщинъ. Г. *де Фой* завелъ у себя контору сватовства, куда дамы, желающія выйти за мужъ, могутъ являться, подъ строгимъ сохраненіемъ тайны, и по списку выбирать себѣ *блистательныя партіи*».

Обращаюсь ко всѣмъ читающимъ французскія газеты. Помнятъ ли они, что на четвертыхъ страницахъ листковъ *Presse*, *Siècle* и *Journal des Débats*, въ продолженіи пяти или шести лѣтъ (можетъ быть и гораздо болѣе) постоянно, по нѣскольку разъ въ мѣсяцъ, красуется объявленіе огромными буквами *M, de Foy, négociateur en mariage*, съ прибавленіемъ другихъ подробностей или съ девизомъ *Prudence*, *sincérité*, *secret*. Этотъ-то г. Фуа, неизвѣстно, по какой причинѣ, названъ въ Москвитянинѣ *Фоемъ*, а о его пособіяхъ желающимъ вступать въ бракъ тотъ же Москвитянинъ сообщаетъ въ видѣ небывалой новости.

Въ примѣръ неудачно выбранныхъ новостей я могъ бы привести еще нѣсколько строкъ 7 № Москвитянина, гдѣ объ искусствѣ красить волосы говорится тономъ глубокаго негодованія. Объявленіе объ этомъ способѣ тутъ же названо непростительнымъ шарлатанствомъ. Въ сущности дѣло это докрайности просто, и подобнаго рода объявленія встрѣчаются не въ одномъ Парижѣ и Лондонѣ. На-дняхъ въ одномъ № Полицейской газеты я прочиталъ объявленіе какого-то книгопродавца о новыхъ книгахъ, съ маленькими комментаріями о достоинствѣ каждой изъ этихъ книгъ. Одинъ комментарій былъ чрезвычайно хорошъ: объявляя о новой *руской драмѣ-былинѣ* г. Славина, услужливый книгопродавецъ замѣчаетъ отъ себя, что это произведеніе не отличается трескучими эффектами, какъ многія новыя сочиненія, но что въ новой русской драмѣ-былинѣ все такъ *просто, изящно и человѣчно*.... (Точки такъ и стоятъ въ концѣ объявленія).

Любопытно узнать, какъ назвалъ бы Москвитянинъ эту рекомендацію, очевидно направленную на кошельки нашей братьи, иногородныхъ читателей!

Вотъ еще одна изъ замѣтокъ Москвитянина.

— «29 Апрѣля (н. с.) назначенъ былъ въ Парижѣ концертъ *du jeune et brillant violoniste Léon Reynier, le digne émule de Teresa Milanollo*».

Вы не повѣрите, что Москвитянинъ помѣстилъ эти французскія слова, не удостоивъ ихъ переводомъ. Подобную странность трудно допустить въ какомъ бы то ни было изданіи: всякой писатель долженъ избѣгать употребленія иностранныхъ словъ безъ нужды и безъ ихъ объясненія. Или, по мнѣнію Москвитянина, музыкальная но-

вость такая ничтожная вещь, что ее нечего растолковывать читателю, незнакомому съ чужими языками? Въ такомъ случаѣ, зачѣмъ было ее печатать?

Заговоривши о музыкальныхъ новостяхъ, нельзя не упомянуть о музыкальныхъ замѣткахъ, которыми всякой мѣсяцъ даритъ насъ Библіотека для Чтенія. Этотъ журналъ также горячь ко всему, что́ относится до скрипачей и піанистовъ, какъ холоденъ Москвитянинъ ко всему, что́ касается до музыки и живописи (исключая старинной руской живописи). Москвитянинъ съ молчаніемъ обходитъ мейерберова Пророка. Библіотека для Чтенія начала толковать о Пророкѣ за нѣсколько лѣтъ до его постановки на сцену Большой оперы. Москвитянинъ не любитъ виртуозовъ, которыхъ готовъ назвать *скоморохами*; въ-замѣнъ того, когда въ Библіотекѣ для Чтенія начинаются ежемѣсячныя разглагольствованія о контрапунктѣ, арпеджіяхъ и полутонахъ, то простому дилетанту остается только сказать: Аллахъ великъ! и закрыть книгу съ чувствомъ глубокаго уваженія къ музыкальному критику журнала. Такой туманности выраженія не отыщешь и въ иномъ курсѣ метафизики. Вотъ, напримѣръ, опредѣленіе значенія слова «концертъ» (на 71 стр. Смѣси Библіотеки для Чтенія, мартъ 1846): «Концертъ, по словамъ одного «изъ новыхъ эстетиковъ, есть отраженіе изящной жизни въ глубо«кой страстной душѣ, обставленное участіемъ толпы, притомъ отра«женіе, выраженное или *цѣлымъ рядомъ ситуацій*, или только нѣ«сколькими событіями.

Вотъ опредѣленіе, поражающее своею ясностью. И, замѣтьте, въ немъ нѣтъ особенно хитрыхъ словъ; за исключеніемъ *цѣлаго ряда ситуацій*, отдѣльныя слова просты и понятны, а въ цѣломъ — понимай какъ знаешь. Опредѣливъ такимъ образомъ значеніе слова концертъ, музыкальный критикъ описываетъ намъ концертъ, игранный скрипачемъ Рубинштейномъ. Вотъ отрывокъ описанія, по истинѣ изумительный:

«Малая септима, начинающая соло, предшествуя малой секстѣ, «даетъ этому соло чрезвычайно пріятный оттѣнокъ. Скоро мольный «тонъ смѣняется ду́рнымъ, что немножко напоминаетъ итальянскую «манеру. Впрочемъ переходъ этотъ далекъ отъ тривіальности; онъ «постоянно развивается въ пріятной гармоніи, и пріобрѣтаетъ за«мѣчательное значеніе посредствомъ акомпанимента духовыхъ ин«струментовъ. Окончаніе этой части тоже чрезвычайно эффектно: «на среднихъ нотахъ слышится тема, а на верхнихъ пріятный аком«паниментъ арпеджіо, совершенно въ мендельсоновскомъ родѣ....» Довольно, довольно!

Меня спросятъ, да какимъ же образомъ слѣдуетъ писать статьи о музыкѣ? на это я могу отвѣчать только: пишите ихъ такъ, чтобъ книга не вываливалась изъ рукъ у зѣвающаго читателя. Избѣгайте толковъ объ арпеджіяхъ и мольныхъ тонахъ, а во всемъ остальномъ дѣлайте какъ знаете.

Съ мѣсяцъ тому назадъ, Готье, одинъ изъ фельетонистовъ газеты *Presse*, разбирая оперу Донъ Пасквале, высказалъ нѣсколько живыхъ и оригинальныхъ мыслей о музыкальной критикѣ. «Напрасно говорятъ—пишетъ Готье—что статья о музыкѣ непремѣнно должна быть суха, почти недоступна большинству публики. Писать подобныя статьи можно двумя способами: или удариться въ технику и надоѣсть публикѣ, или, для сообщенія читателю собственныхъ своихъ впечатлѣній, прибѣгнуть къ разсказу пестрому и блестящему, заимствовать сравненія изъ всѣхъ искусствъ, изъ природы, изъ живописи, изъ разныхъ поэтовъ, изъ воспоминаній любви, изъ впечатлѣній дѣтства. Если такая статья возбудитъ въ читателѣ впечатлѣніе, подобное тому, которое испытываетъ дилетантъ, слушая данное музыкальное произведеніе, цѣль достигнута и дальше итти невозможно».

«Помните ли вы—продолжаетъ Готье—очарованную серенаду, которою начинается 3 актъ Дона Пасквале? (*) Какими терминами, какими техническими выраженіями передать читателю то впечатлѣніе, которое мы чувствовали, когда занавѣсъ, поднявшись, открылъ передъ нами роскошную *campagna di Roma*, ряды виллъ, залитыхъ молочнымъ сіяніемъ мѣсяца, между аллеями высокихъ деревьевъ, длинная тѣнь которыхъ ложится по дорогѣ? какими ухищреніями передать роскошный мотивъ романса, раздающагося подъ окнами молодой красавицы, романса, — то замирающаго, скрывающагося и съ свѣжестью раздающагося посреди ночи такой же свѣжей, такой же роскошной, какъ эта музыка, какъ эти слова?»

«Тутъ не поможетъ техника; лучше попросимъ читателя вспомнить о любви въ южныхъ краяхъ, про серенады подъ балкономъ хорошенькой итальянки, которой черные глаза улыбаются вамъ изъ окна, вспомнить свѣжую весеннюю ночь, Римъ, ряды мраморныхъ виллъ, обнесенныхъ золочеными рѣшотками, бархатную зелень и первые весенніе цвѣты, пейзажи Клода Лоррена, про ревниваго мужа своей очаровательницы, про заснувшіе высокіе тополи, изъ которыхъ съ шумомъ вылетаютъ птички, встревоженныя приближе-

(*) Серенада эта извѣстна петербургской публикѣ. У насъ ее пѣли гг. Унануе, Боріони и послѣ нихъ Сальви. Она начинается такъ:

Com'e gentil, la notte al mezzo april.

ніемъ любовника, которому не спится въ эту ночь, призывающую къ любви....»

Если сказать правду, музыкальная шутка Готье нравится мнѣ въ тысячу разъ болѣе дурныхъ и мольныхъ тоновъ, о которыхъ съ такою любовью распространяется Библіотека для Чтенія. Я, вѣроятно, отчасти исказилъ мысли и выраженія французскаго фельетониста, — прошу въ этомъ извиненія, потому-что фельетона самого нѣтъ у меня подъ рукою.

Между мелкими статьями Б. для Чт. довольно замѣчателенъ анекдотъ о благодарной щукѣ. Вотъ въ чемъ дѣло: какой-то докторъ, гуляя подлѣ пруда, увидѣлъ, что щука, плававшая вдоль берега, наткнулась на доску съ гвоздями, расшибла себѣ голову и отъ боли выпрыгнула на берегъ. Сострадательный медикъ осмотрѣлъ рану, сдѣлалъ перевязку и пустилъ щуку въ воду. На другой день щука, увидѣвши гулявшаго доктора, подплыла къ самому берегу и положила свою голову на ногу сострадательнаго человѣка. Докторъ возобновилъ перевязку и поласкалъ щуку. И съ тѣхъ поръ до настоящаго дня, щука, идеалъ всѣхъ благородныхъ рыбъ, постоянно подплываетъ къ берегу и ласкается къ доктору, который не можетъ нахвалиться такимъ добродушіемъ. Въ газетахъ часто, за неимѣніемъ матеріяла, появляются подобнаго рода *утки (canards)*. Такимъ образомъ иногда «гамбургскій корреспондентъ нашъ сообщаетъ объ изо-«брѣтеніи воздушнаго шара, который ходитъ на парусахъ противъ «вѣтра», иногда намъ пишутъ изъ Мюнхена, что одинъ нѣмецкій ученый придумалъ машину, «которая сама сочиняетъ письма», иногда разсказывается анекдотъ о томъ, какъ «одна кошка въ Парижѣ, потерявъ свою госпожу, старую дѣву, съ отчаянія повѣсилась надъ ея могилой». Подобныя свѣдѣнія конечно не доставляются ни гамбургскими, ни другими корреспондентами; вѣрнѣе предположить, что они пишутся въ редакціи газетъ на листкахъ корректуры; но Библ. для Чтенія нельзя заподозрить въ подобной тактикѣ съ анекдотомъ о благородной щукѣ: мы читали его и въ Петербургскихъ вѣдомостяхъ и въ иностранныхъ журналахъ.

Однако я начинаю становиться нѣсколько ядовитымъ, какъ выражается мой пріятель, тотъ самый, который называетъ собственныя свои рѣчи остротами. Чтобъ прекратить это направленіе, спѣшу поговорить съ вами о трехъ хорошихъ статьяхъ, помѣщенныхъ въ Библ. для Чт. за послѣдніе три мѣсяца. Эти статьи принадлежатъ рускимъ путешественникамъ. «Очеркъ путешествія по Востоку», г. Диттеля, читается съ удовольствіемъ. Отъ души желаю, чтобы авторъ ея, видѣвшій столько интересныхъ подробностей изъ жизни народовъ мало извѣстныхъ, подѣлился съ публикою своими вос-

поминаніями. «Венеція» г. Яковлева еще интереснѣе, читается еще легче; наслажденіе, съ которымъ авторъ вспоминаетъ о Царицѣ Адріатики, о городѣ поэтовъ, придаетъ его замѣткамъ поэтическій оттѣнокъ, то грустный, то восторженный, но выраженный отчетливо и просто, безъ лишнихъ риторическихъ украшеній. Въ небольшой статьѣ своей г. Яковлевъ не пропустилъ ни одной достопримѣчательности Венеціи, отъ обломковъ Буцентавра до воспоминаній о Байронѣ, отъ базилики св. Марка, до византійскихъ мозаиковъ, отъ венеціянскихъ женщинъ до кроатовъ, отъ картинъ Тиціана до жидовскихъ лавокъ. Вся статья наполнена описаніями, но описанія эти не утомительны — вещь весьма рѣдкая въ запискахъ туристовъ. Несмотря на то, я не вполнѣ одобряю манеру путешественниковъ отдѣлываться одними описаніями того, что́ они видѣли. Вводные эпизоды, легенды, сцены, схваченныя на пути и характеризующія извѣстную часть общества, всегда на мѣстѣ въ трудахъ путешественника, какъ ни важны будутъ эти труды. Г. Ковалевскій очень хорошо знаетъ это обстоятельство, и оттого-то его статьи такъ нравятся публикѣ.

Въ мартовской книжкѣ Библ. для Чт. помѣщена четвертая часть сочиненія г. Ковалевскаго, извѣстнаго читателямъ подъ заглавіемъ: «Странствователь по сушѣ и морямъ». Эта часть носитъ названіе «Нижній Дунай и Балканы»; она начинается общимъ очеркомъ Европейской Турціи и оканчивается картиною Дарданельскаго пролива, заключая въ себѣ описаніе Булгаріи, Ниша, Адріанополя и Стамбула.

Путевыя замѣтки г. Ковалевскаго принадлежатъ къ небольшому числу сочиненій этого рода, которыя столько же относятся къ разряду произведеній изящной словесности, какъ къ разряду обыкновенныхъ путешествій. Такъ, напримѣръ, четвертая часть Странствователя по сушѣ и морямъ достойна полнаго вниманія читателей и по интересу содержанія и по искусству, съ которымъ веденъ разсказъ. Передавая свои путевыя впечатлѣнія, талантливый авторъ постоянно имѣетъ въ виду самого читателя, заботится о томъ, чтобы сдѣлать изложеніе разнообразнымъ и по возможности оригинальнымъ, и — надо отдать справедливость — вполнѣ достигаетъ своей цѣли. Разсказъ ведется такъ тщательно и искусно, какъ только можетъ вестись занимательная драма или романъ, обдѣланные съ охотою и знаніемъ дѣла. Замѣтивъ, что подробности статистическія начинаютъ занимать много мѣста, г. Ковалевскій спѣшитъ оживить ходъ разсказа какою-нибудь сценою, страшною исторіею, характеристическимъ анекдотомъ, и такимъ образомъ, давши читателю отдохнуть, снова увлекаетъ его къ подробностямъ серьёзнымъ, но переданнымъ съ рѣдкою легкостью.

У г. Ковалевскаго нѣтъ той живописности описаній, той концентрированной наблюдательности, которыя такъ блистательно выказываются въ путевыхъ письмахъ г. Боткина, произведеніяхъ въ своемъ родѣ образцовыхъ; въ замѣну того г. Ковалевскій въ совершенствѣ усвоилъ себѣ манеру лучшихъ французскихъ туристовъ, остановившись однако на томъ рубежѣ, который отдѣляетъ путешествіе отъ исторіи вымышленныхъ событій. Основываясь на этомъ отличительномъ достоинствѣ нашихъ туристовъ, именно на ихъ добросовѣстности, я и сказалъ когда-то въ одномъ изъ моихъ писемъ, что ни одинъ изъ русскихъ путешественниковъ не впадалъ въ тѣ недостатки, которые сотнями попадаются въ книгахъ Ферри, Уаррена и другихъ иностранныхъ путешественниковъ.

Чтобы дать вамъ понятіе о новой статьѣ г. Ковалевскаго, я приведу нѣсколько мѣстъ изъ четвертой части Странствователя.

Вотъ какъ разсказываетъ г. Ковалевскій приключенія одной болгарской дѣвушки:

«На обратномъ пути въ Нишъ, мы остановились въ Поджарацахъ, одной изъ деревенекъ, которыми усѣяна роскошная Нисауская долина. Проводникъ нашъ повелъ насъ прямо въ домъ своего тестя; самъ онъ жилъ тутъ-же и это былъ родъ визита доброму Булгару, оказавшему намъ столько услугъ на пути. Притомъ же наше любопытство подстрекалось желаніемъ увидѣть его жену, о красотѣ и романическомъ приключеніи которой мы уже слышали отъ погонщиковъ нашихъ лошадей. Старикъ Булгаръ, уже предувѣдомленный о посѣщеніи, принялъ насъ съ гостепріимствомъ истинно славянскимъ. Вскорѣ явилась и Елена, прекрасная Елена, въ полномъ значеніи этого слова, не смотря на ея нарядъ, который далеко не такъ красивъ какъ нарядъ балканскихъ Булгарокъ. Она была въ рубахѣ съ широкими рукавами, шитой по всѣмъ швамъ и особенно на плечахъ и у груди разноцвѣтными шерстями въ узоръ и въ опрегатѣ. Опрегатъ состоитъ изъ двухъ пестрыхъ шерстяныхъ передниковъ, одинъ сзади, другой спереди, замѣняющихъ юбку, вообще не красивъ и очень похожъ на малороссійскую запаску. Платочекъ повязанный почти на темѣ головы, такъ что изъ подъ него вполнѣ были видны прекрасные, черные, лоснящіеся волосы, ожерелье изъ разнородныхъ монетъ турецкихъ, австрійскихъ и древнихъ римскихъ, и наконецъ жесткіе неуклюжіе опанки на ногахъ, какъ у Черногорокъ, довершали ея нарядъ. Прибавьте къ этому загорѣлую кожу лица, довольно огрубѣлыя руки, и вы согласитесь, что все это не могло выставить красоту Елены: за всѣмъ-тѣмъ она все еще могла поразить изысканный вкусъ Европейца. Между горными Славянами я не рѣдко встрѣчалъ подобную типическую красоту: высокій гибкій ростъ, черные, большіе глаза, густыя правильныя брови, римскій носъ и какое-то особенное достоинство, благородство во всѣхъ чертахъ невольно поражаютъ путеше-

ственника въ этой странѣ рабства и уничиженія. Елена, или Еленка, служила разительнымъ образцомъ той красоты.

Горныя Булгарки зимою, и иногда въ большіе праздники лѣтомъ, носятъ еще зубунъ, родъ кафтана, безъ рукавовъ, изъ бѣлаго сукна, неуклюжій и некрасивый: онъ шьется изъ трехъ частей, такимъ образомъ, что всѣ выпуклости тѣла являются въ немъ какъ-то угловатыми, что очень безобразитъ станъ женщины, между тѣмъ какъ простыя рубахи если не возвышаютъ его прелестей, то и не скрываютъ.

Исторія Елены одна изъ тѣхъ, которыя здѣсь часто случаются, но не всякій такъ счастливо выпутывается изъ бѣдъ какъ наша героиня. Ее увидѣлъ Якубъ-паша: какъ это случилось, не знаю; христіанскія дѣвушки скрываются отъ взоровъ Турка, какъ голубь отъ налета ястреба, а что она не искала встрѣчи съ Якубомъ, не съ намѣреніемъ попалась ему на глаза, это ясно показываютъ послѣдствія. Какъ-бы то ни было, только вскорѣ послѣ того прибѣжалъ въ Поджарацы изъ Ниша Булгаръ, служившій на конюшнѣ у Якуба, и, запыхавшись, объявилъ, что паша приказалъ нишскому аяну взять съ собою нѣсколько человѣкъ солдатъ и отправиться въ Поджарацы по какому-то важному дѣлу, по какому? онъ не слышалъ; но зная склонность Якуба и судя по таинственности, съ какою онъ отдавалъ приказаніе, и спѣшности сборовъ въ путь, должно предполагать, что дѣло касалось какой нибудь красавицы. Вслѣдствіе такого показанія, всякій, у кого была дочь хороша, или казалась ему хорошенькою, тотчасъ-же приказалъ ей бѣжать куда глаза глядятъ и скрываться гдѣ можетъ. Жители совсѣмъ думали уйти въ горы съ имуществомъ, какое могли захватить, да поразмыслили, что вѣдь Якубъ же самъ говоритъ, что пришелъ успокоить ихъ, а не грабить, и вины за собой они никакой не знали, да наконецъ и не успѣютъ укрыться со всѣмъ добромъ и маленькими ребятишками. Лучше дождаться на мѣстѣ. Что будетъ, то будетъ! Можетъ быть это еще одна ложная тревога.

Поджарачане не долго ждали. Вскорѣ явился аянъ и съ нимъ человѣкъ двадцать кавасовъ и прямо — къ отцу Елены. «У тебя есть дѣвка?» — Есть. — «Гдѣ она?» — Уѣхала къ сестрѣ, что замужемъ, за сто верстъ отсюда! — «Врешь! Ее видѣли вчера въ деревнѣ.» — Вчера можетъ и видѣли, а сегодня до разсвѣта уѣхала.

Аянъ не затруднился бы отправиться за сто верстъ, но онъ могъ не найти и тамъ предмета своихъ поисковъ, а между тѣмъ Якубъ вскорѣ намѣревался оставить Нишъ. Конечно, для этого можно-бы было и повременить, но Якубъ не любилъ временить въ такихъ дѣлахъ, а вовсе откладывать ихъ и подавну. Аянъ принялся за отца Елены.

Между-тѣмъ старики собрались у субаши за совѣтомъ, какъ выручить, чѣмъ бы спасти отца Елены. Слѣдствіемъ ихъ совѣщаній было то, что къ ночи субаша явился къ аяну и предложилъ сумму, какую могъ собрать, только-бы аянъ выпустилъ изъ тисковъ бѣднаго старика. «Мнѣ голова дороже твоихъ денегъ, отвѣчалъ аянъ; а явлюсь

къ пашѣ, безъ дѣвки, такъ и прощай моя голова! Завтра я примусь не такъ пытать старика: выскажетъ все.» Деньги же онъ взялъ въ зачетъ будущихъ своихъ послугъ.

Субаша передалъ громадѣ все какъ было. Старики и головы опустили. Тяжела была для нихъ ночь, а для бѣднаго отца Елены и говорить нечего. Онъ готовился выдержать, на другой день, всѣ ужасы пытки и умереть, твердо рѣшившись не говорить, гдѣ скрывалась Елена, хоть онъ и догадывался о томъ. Никто не смыкалъ глазъ въ деревнѣ, кромѣ кавасовъ, которые послѣ шумнаго пированья на чужой счетъ спали мертвымъ сномъ. Вдругъ въ полночь раздались голоса: Албанцы, Албанцы! Деревня запылала со всѣхъ сторонъ, какъ это всегда случается при ихъ появленіи, и при блескѣ пожара замелькали здѣсь и тамъ длинныя ружья и ятаганы. Кавасы едва успѣли вскочить на лошадей и ускакать со своимъ аяномъ, оставивъ однако двухъ трехъ за мертво на пути. Албанцы неслись прямо къ дому отца Елены, какъ-бы къ сборному пункту, не трогая ни кого и ничего на пути своемъ, что впрочемъ не сей-часъ замѣтили жители. Впереди всѣхъ мчался лихой наѣздникъ, которому казалось не было и пятнадцати лѣтъ, потому что еще и легкій пухъ не пробивался на лицѣ. Онъ бойко соскочилъ съ лошади и вошелъ въ домъ. Ужасъ овладѣлъ имъ, когда онъ никого не нашелъ въ домѣ; онъ кидался во всѣ стороны и вскорѣ нашелъ въ чуланѣ, связаннаго по ногамъ и рукамъ, старика и кинулся къ нему: этотъ юноша была сама Елена. Тутъ все объяснилось. Елена скрылась въ лѣсъ; но спасаясь отъ одной бѣды, наткнулась на другую. Толпа гайдуковъ примѣтила ее и окружила. Къ счастію между ними было нѣсколько человѣкъ изъ Поджарацъ. Они узнали ее и не допустили въ обиду другимъ. Еленка разсказала гайдукамъ всю исторію и заклинала ихъ спасти отца; но что они могли сдѣлать? Освободить старика силой было не трудно, но они знали, что Якубъ не оставитъ такого поступка бзъ отмщенія; сами они не боялись его гнѣва, но многіе имѣли родныхъ и дѣтей въ деревнѣ, а месть Якуба неизбѣжно разразится не только на одной ихъ деревнѣ, но и надъ всѣмъ округомъ. Гайдуки придумали хитрость. Передъ тѣмъ, не задолго, они вырѣзали небольшую албанскую шайку, слѣдовательно запасъ албанскаго платья и оружія у нихъ былъ великъ; они рѣшились переодѣться и напасть на деревню подъ видомъ Албанцевъ. Успѣхъ, какъ мы видѣли, совершенно оправдалъ ихъ предпріятіе. Чтобы болѣе скрыть это происшествіе, нѣкоторыя изъ семей оставили свои домы и отправились въ горы и лѣса, вмѣстѣ съ гайдуками. Оставшіяся же разумѣется распустили слухъ, что ихъ увели Албанцы. Якубъ вскорѣ оставилъ Нишъ, а потому и Еленка съ отцомъ возвратилась домой; черезъ недѣлю она вышла замужъ за предводительствовавшаго гайдуками во время нападенія на деревню, который теперь былъ самымъ мирнымъ селяниномъ и въ теченіи всего времени, что былъ съ нами, не обидѣлъ ребенка, не произнесъ грубаго слова.»

Не опасаясь наскучить читателямъ, я попрошу позволенiе привести еще одинъ въ высшей степени интересный эпизодъ. Въ Мачинѣ г. Ковалевскiй встрѣтилъ столѣтняго запорожца, у котораго увидѣлъ онъ кинжалъ съ надписью «отъ Павла Джонса другу запорожцу Иваку 1688». Павелъ Джонсъ — это тотъ самый американскiй корсаръ Поль Джонсъ, котораго похожденiя служили канвою для знаменитаго куперова романа «Лоцманъ» и повѣсти Дюма *le capitaine Paul* (*). Извѣсно, что по окончанiи войны за независимость герой Соединенныхъ Штатовъ вступилъ въ русскую службу и отличился при сожженiи турецкаго флота герцогомъ нассау-зигенскимъ. Запорожецъ Ивакъ участвовалъ тоже въ этомъ славномъ дѣлѣ и вотъ часть его разсказа о Поль Джонсѣ:

— Въ нашу ладью, говорилъ мнѣ Ивакъ, приспѣло два человѣка, съ наказомъ отъ самаго Нассау, честить ихъ какъ старшихъ, особенно одного изъ нихъ.

— А какъ его называть? спросили мы проводника.

— Павломъ.

— А величать?

— Онъ неправославный, такъ и отчества нѣтъ.

— Такъ есть какой-нибудь чинъ, бригадирскiй, что ли?

— Чинъ не бригадирскiй, а высокiй.

— Что жъ по чину, или по просту, Павломъ звать?

— Такъ Павломъ и зовите.

Павелъ былъ одѣтъ попросту, какъ и всѣ мы; только оружiе было славное; собою бравый, маленько съ просѣдью, но еще совсѣмъ дюжiй; работать силенъ и дѣло наше крѣпко разумѣлъ. Только взошелъ на ладью, давай ворочать все по своему: осмотрѣлъ снасти, оружiе, боевые снаряды, пожурилъ кого слѣдовало, похвалилъ иного, все черезъ своего толмача, который только и гораздъ былъ на то, чтобъ передавать рѣчи отъ одного другому; потомъ втащилъ на бортъ лодчонку, приладилъ къ ней руль, прибралъ пару добрыхъ веселъ, обвернулъ ихъ тряпьемъ и, сдѣлавъ все какъ слѣдуетъ, присѣлъ отдохнуть.

— Тѣмъ временемъ, продолжалъ Ивакъ, стало смеркаться; подали ужинъ, Павелъ присѣлъ къ намъ въ кружокъ возлѣ миски; ѣлъ, и балагурилъ какъ свой. Послѣ ужина выдалъ намъ двойную порцiю; мы развеселились и затянули пѣсню, да пѣсня вышла заунывная; ужъ такъ видно созданъ человѣкъ, что подъ часъ хоть и весело ему, а сердце поетъ не нарокомъ, какъ будто чуетъ бѣду или вспоминаетъ о ней. Нашъ Павелъ слушалъ, слушалъ всею душею; словно ею хотѣлъ угадать смыслъ пѣсни.... и не выдержалъ новобрапецъ! Какъ ни скрывался, а не я одинъ подмѣтилъ слезу на глазахъ его. Чтò жъ! оно и не стыдно уронить слезу на чужбинѣ: всякъ знаетъ, что ни

(*) См. Современникъ 1848, № 6, статью «Джемсъ Фениморъ Куперъ».

отъ чего другаго, ни по комъ другомъ, какъ по родинѣ. Вотъ хоть бы и я: вѣкъ изжилъ, какъ собака, на чужой сторонѣ, чуть помню, да гдѣ! и совсѣмъ не помню, — знаю только по разсказамъ Днѣпръ, да душа-то крѣпко помнитъ его; она знаетъ откуда пришла, туда и просится. А казалось, чего бы? И тутъ было приволье, рѣка — гла-зомъ не докинешь съ берега на берегъ, рыбы вдоволь, плеса — что озера, и небо тожъ и вольности были: свой бунчукъ, свое знамя; не были раями, у насъ были раи, и вѣру нашу чтили.... да Днѣпръ-то нашъ! да наша слава казацкая! Ахъ, горько, горько, братъ!... Ужъ лучше бы не вспоминать, да такъ къ слову пришлось.

Старикъ умолкъ, но вскорѣ оправился и продолжалъ: — Пора, ска-залъ Павелъ, вскочивъ какъ бы самъ не свой. Онъ вынулъ туго наби-тый кошелекъ и отдавая старшему на громаду, велѣлъ сказать, что давно не былъ такъ счастливъ, какъ между нами. Потомъ осмотрѣлъ каждаго по очередно словно всю внутренность хотѣлъ высмотрѣть, опять подошелъ ко мнѣ, ударилъ по плечу, да и говоритъ: Маршъ! — Маршъ, такъ маршъ! Я перекрестился и сѣлъ въ лодчонку, онъ со мной, и пошли: Онъ правилъ рулемъ, я веслами.

«Мы шли молча, чтобы не дать о себѣ вѣсти врагу, — а шли прямо къ нему, — да и о чемъ намъ было толковать между собою: товарищъ, какъ я узналъ дорогою, только и смыслилъ одно слово по нашему, а я и того не зналъ по ихнему. Лодчонка бѣжала и вертѣ-лась подъ рулемъ и веслами, словно шаловливая рыбка. Огни наши чуть маячили издали, а потомъ и совсѣмъ пропали. Вдругъ Павелъ пріостановилъ лодку, оглянулся кругомъ, вытянулъ шею, прищурилъ глаза, наторочилъ уши, словно степной конь, послышавшій хрускъ сухой травы подъ ногою звѣря, потомъ круто поворотилъ въ камыши; плескъ веселъ въ сторонѣ послышался ясно и мнѣ; я было спросилъ знаками не итти ли назадъ, но онъ только кивнулъ рукою, убавилъ ходу, и мы пошли впередъ, какъ ни въ чемъ не бывали. Сзади насъ показались двѣ лодки; онѣ шли одна къ другой, видимо стараясь от-рѣзать намъ возвратъ къ своимъ. Что жъ, думалъ я, мое дѣло сторо-на: дѣло подчиненное, а убьютъ, онъ будетъ въ отвѣтѣ!

Съ каждымъ взмахомъ своихъ двѣнадцати веселъ, непріятельскія лодки становились къ намъ ближе и ближе, а мы все убавляли ходу, какъ бы поджидая ихъ; между тѣмъ, всякій разъ, какъ я посматри-валъ на Павла, онъ только говорилъ, «впередъ!» и держался прямо на семидесяти-пушечный корабль. Дьяволы! подумалъ я, не измѣнщикъ ли какой! да еще моими руками творитъ свое нечистое дѣло. и поко-сился на него изъ подлобья, что жъ? глядитъ такъ прямо, такъ пове-лительно, что мнѣ самому стало стыдно за себя.

Лодки приблизились на человѣческій голосъ и стали окликать насъ; это были Запорожцы, служившіе у Турокъ, и Павелъ далъ мнѣ знать, чтобы я отвѣчалъ какъ сказано мнѣ было прежде. Я поразговорился. Запорожцы, слыша мои отвѣты и видя нашу безпечность, ни какъ и не подозрѣвали злаго умысла; они приняли насъ за своихъ и попро-

сили водки; Павелъ перекинулъ имъ баклагу, а самъ, пока тѣ пили, прислонился къ рулю, будто ни о чемъ не думалъ, а было о чемъ подумать!

— Видно съ приказомъ какимъ къ аяну? спросилъ меня рулевой Запорожецъ.

— Нѣтъ, соль веземъ на капитанскій корабль, отвѣчалъ я.

— Да знаете ль вы окликъ?

— Гдѣ жъ намъ знать? Мы съ острова.

— Такъ, пожалуй, Турокъ, съ переполоху пулей пуститъ.

— Э, кто станетъ стрѣлять въ двухъ человѣкъ, что прямо на корабль идутъ: вотъ хоть бы и вы напримѣръ.

— Мы другое дѣло! Мы и по чутью узнаемъ своихъ, а тѣ, безмозглые, только по кличкѣ.

— Ну, такъ скажи, коли знаешъ, вашъ окликъ!

— А чортъ его знаетъ! какой-то мудреный.

— То-то и есть! сказалъ я, повидимому равнодушно, а по сердцу кошки скребли.

— Не знаешь ли ты, Пахомъ?

— Спроси Ивана грамотнаго: это его дѣло.

И тотъ намъ наконецъ сказалъ откликъ.

— Павлу только то и нужно было, а сидитъ себѣ хоть бы глазомъ смигнулъ, какъ бы совсѣмъ не до него дѣло: откликъ былъ турецкій, и онъ хорошо понялъ его, потому что разумѣлъ по турецки. Я съ роду не видалъ такого человѣка, гдѣ не нужно — лоза лозой, гдѣ нужно — камень камнемъ! Какъ размыслю теперь: Господи, твоя воля! какъ я ввѣрился человѣку, да еще нехристу, что вотъ казалось такъ прямо и велъ въ руки врага, да на измѣну; а тогда какъ-то вѣрилось; махнетъ рукой — такъ слушаешься, какъ командирскаго голосу. Ужъ видно иные люди такъ и созданы для команды.

Скоро мы пришли къ непріятельскому флоту. Словно городъ какой стоялъ на якорѣ; цѣлый лѣсъ мачтъ! Насъ окликнули, и Павелъ отвѣчалъ по-ихнему. Мы шмыгали между кораблями, что чайка; кто погрозится на насъ, кто пропуститъ молча; гдѣ ползкомъ, гдѣ нахрапомъ, казалось уже все высмотрѣли и пора бы домой, нѣтъ: пристали къ осмидесяти-пушечному кораблю.

— Веземъ соль на капитанскій корабль, говорилъ Павелъ, стоя у самой кормы: не надо ли вамъ?

Онъ еще о чемъ-то потолковалъ и мы отъѣхали. Гляжу: надпись мѣломъ, на черномъ полѣ корабля; буквы въ четверть; я такъ и захохоталъ: это его штуки! проказникъ! словно на гербовомъ листѣ руку приложилъ, свидѣтельство далъ, что дѣйствительно тутъ былъ своею персоною. На зарѣ вся наша флотилія увидѣла надпись, потому что Турки и не догадались стереть ее; тутъ было сказано по французскому «сжечь. Павелъ Джонзъ». И онъ послѣ самъ исполнилъ свой приказъ. Не могши одолѣть корабль, въ который впился, какъ пьявица, онъ зажегъ его и потопилъ.

Вышедши изъ подъ выстрѣловъ непріятельской флотиліи, мы сняли тряпье съ веселъ и пустились уже не ходомъ, а летомъ, прямо къ Нассаусскому, съ отчетомъ. Никто изъ Турковъ и не подозрѣвалъ, что за гости у нихъ были; только одна сторожевая, крайняя къ нашимъ линіямъ непріятельская лодка, окликнула было насъ на обратномъ пути: мы не хотѣли ей отвѣчать; стоило время терять? она пустила въ насъ ружейный залпъ, — мы посмѣялись; тѣмъ дѣло и кончилось.»

Извѣстно, какой успѣхъ имѣло смѣлое предпріятіе Нассаускаго, которому такъ дѣятельно способствовалъ Джонзъ и графъ Роже де-Дама (Roger de Damas). Шесть непріятельскихъ кораблей было взорвано на воздухъ, два взято; почти весь флотъ турецкій былъ истребленъ и самъ капуданъ-паша спасся въ рыбацкой лодкѣ. Четыре тысячи Турковъ взято въ плѣнъ. Суворовъ много способствовалъ этой побѣдѣ удачнымъ дѣйствіемъ своихъ баттарей съ суши. Къ этой экспедиціи принадлежитъ отважный подвигъ Рейнгольда фонъ Сакена, взорвавшаго на воздухъ свою дубель-шлюпку, чтобы недостаться въ руки непріятелю. Какихъ подвиговъ не было въ то время!»

Послѣ трехъ названныхъ мною статей разныхъ туристовъ, болѣе всего обратило на себя мое вниманіе сочиненіе г. Гросгейнриха, помѣщенное въ апрѣльской и майской книжкахъ Библ. для Чтенія, подъ заглавіемъ «Елисавета Кульманъ и ея стихотворенія». Предметъ статьи былъ для меня весьма новъ; я не имѣлъ случая читать ни стихотвореній молодой писательницы, ни журнальныхъ статей о литературной дѣятельности этой дѣвушки, Пика ди Мирандолы девятнадцатаго столѣтія. Все, что зналъ я о дѣвицѣ Кульманъ, вычитано было мною въ Библіотекѣ для Чтенія, въ большой статьѣ, напечатанной въ первый годъ существованія этого журнала. Если не ошибаюсь, эта статья принадлежала г-ну Никитенкѣ. Кромѣ того я имѣлъ случай читать какую-то прехитрую мистерію, основанную на событіяхъ изъ жизни дѣвицы Кульманъ. Въ этой мистеріи, духи бродятъ по Васильевскому острову какъ по Броккену, геній поэзіи за-просто толкуетъ съ юной писательницею, потомъ является геній бѣдности, два генія задаютъ другъ другу нѣчто въ родѣ потасовки, и спектакль оканчивается въ храмѣ Славы, между геніями, духами, зефирами и амурами. Драма, кажется, написанная г-мъ Тимофѣевымъ, была очень плоха и не могла дать мнѣ ни малѣйшаго понятія о жизни дѣвушки, стихами которой восхищался самъ авторъ Фауста.

Отбросивъ лѣнь, принялся я со вниманіемъ за статью г-на Гросгейнриха и дошелъ до конца второй ея части, не смущаясь ни тяжеловѣснымъ изложеніемъ, ни длиннѣйшими періодами, ни безпрестанными германизмами, напоминающими собою прозу романовъ барона Ровена.

Предполагая, что многимъ изъ вашихъ читателей интересны будутъ нѣкоторыя свѣдѣнія о жизни Елисаветы Кульманъ, я извлеку изъ статей г. Гросгейнриха нѣсколько данныхъ, относящихся до этой необыкновенной дѣвушки.

Елисавета Кульманъ родилась въ Петербургѣ, въ 1808 году, отъ весьма небогатыхъ родителей. Повивальная бабка, осматривая голову дитяти, предсказала его огромныя способности и раннюю смерть. Семи мѣсяцовъ Елисавета уже говорила весьма внятно и правильно, а до тѣхъ поръ удивляла всѣхъ, кто ее зналъ, своею необыкновенною наблюдательностью надъ всѣмъ, чтó попадалось ей на глаза. Горе встрѣтило ее на порогѣ жизни. Отецъ ея умеръ не оставивъ никакихъ средствъ къ существованію; умерли и братья, которые могли бы поддерживать семейство. Мать Елисаветы, посреди грустной борьбы съ нищетою, находила еще средства заниматься воспитаніемъ своей дочери. Она говорила съ нею по-русски и по-нѣмецки, такъ что у дитяти было, такъ сказать, два родныхъ языка. Вотъ нѣсколько анекдотовъ изъ дѣтства дѣвицы Кульманъ, которые могутъ познакомить желающихъ съ раннимъ и неестественнымъ развитіемъ ея способностей.

«Мы уже сказали, что Елисавета была внимательна ко всему, что происходило около нея. Она примѣтила то, что многія дѣти оставляютъ безъ вниманія. Вотъ одинъ примѣръ. — «Ахъ! маменька, какъ я рада, что вы пришли домой!» — «Отчего же?» — «Я ужасно испугалась». — Чего? — «Я ходила по двору, и, кромѣ меня, никого тамъ не было. Вдругъ, вижу, передо мной на землѣ ползетъ черная пребольшущая женщина, распустя волосы, и все за мной идетъ. У нея были предлинныя руки. Когда я шла изъ дому на улицу, она была позади меня, когда же я возвращалась домой, она шла впереди. Ужасъ, что такое, и я никакъ не могла отъ нея отвязаться. Я стану, и она станетъ. Все у нея было черно, голова, платье, руки, ноги, все; и все ноги ея касались моихъ ногъ. Какъ я обрадовалась, когда наша сосѣдка пришла домой. Я побѣжала къ ней на встрѣчу, и вмѣстѣ съ нею пошла въ горницу. Я взглянула въ окошко на дворъ, но гадкая черная женщина пропала». Съ трудомъ растолковала ей г-жа Кульманъ, что она видѣла собственную свою тѣнь; бѣдняжка, вѣрно съ испугу, не могла вдругъ этому повѣрить.

Читатель не взыщетъ, что мы, говоря о ребенкѣ, обратимъ его вниманіе на нѣкоторые предметы; мы желаемъ представить доказательства того, что сказали нѣсколько выше. По нашему мнѣнію, два случая неспоримо свидѣтельствуютъ, что въ этомъ трехлѣтнемъ ребенкѣ уже проявляется здравый разсудокъ. Однажды одинъ изъ четырехъ ея меньшихъ братьевъ, — старшихъ трехъ она никогда не видала, и въ то время ихъ уже не было въ живыхъ, — сказалъ при ней: «Насъ здѣсь пятеро, сколько пальцевъ на рукѣ». А чтобы по ять, что даль-

ше слѣдуетъ, надобно знать, что пятый, шестой и седьмой братъ были почти одинаковаго роста, а четвертый въ то время старшій, ниже всѣхъ, и къ тому жъ довольно толстъ. «Да, это правда», отвѣчала Елисавета: «Борисъ, Николай и Иванъ три средніе пальца, я мизинецъ, а Петръ.... тутъ она пріостановилась и взглянула съ усмѣшкой на старшаго брата, — Петръ большой палецъ». — Пришелъ гость. Онъ сталъ разпрашивать Елисавету, между прочимъ, что она съ утра дѣлала, и что завтракала. — «Сегодня я ѣла одинъ хлѣбъ, отъ того, что у маменьки не было чаю». Гость ушелъ, и часа черезъ два прислалъ съ человѣкомъ чаю. Елисавета видѣла въ окошко, какъ пришелъ и потомъ ушелъ слуга; тутъ вскорѣ вошла въ комнату мать и сказала: — «Душа моя, Богъ послалъ намъ чаю»! Помолчавъ не много, Елисавета спросила: «Маменька, какъ-же это Ефимъ (такъ звали слугу) полѣзъ на небо и досталъ у Бога чаю»?

Когда разсказывали, ребенокъ весь обращался въ слухъ, и чудесныя сказки въ видѣ картинъ запечатлѣвались въ сокровищницѣ дѣтской памяти, день ото дня расширявшейся. А какъ у нея рано началъ развиваться и здравый разсудокъ, то нерѣдко случалось, что она, по окончаніи разсказа, просила растолковать ей то или другое обстоятельство, которое было для нея не совсѣмъ понятно. Подобными случаями въ особенности пользовались мать и наставникъ, чтобы исправлять въ ней понятія, сколько позволялъ нѣжный возрастъ, и полагать всегда равновѣсіе между разсудкомъ и воображеніемъ. Рано примѣтили въ этомъ юномъ умѣ какое-то стремленіе къ познанію причины того и другаго, и слово отъ чего? уже тогда находилось въ словарѣ ребенка. Иногда невольно надобно было прибѣгать къ новымъ баснямъ, чтобы удовлетворить ея любопытству. Такъ напримѣръ, случилось однажды, когда ей захотѣлось знать откуда она произошла. Такъ какъ она сдѣлала этотъ вопросъ своей матери при хозяинѣ дома, который чрезвычайно любилъ Елисавету, то онъ, взявъ ее за руку, повелъ въ свой садъ, занимавшій бо̀льшую часть двора, и, указывая на два ясминные куста, росшіе въ тѣни италъянскаго тополя, сказалъ: «Видишь ли, душенька, эти два ясминные куста? Вотъ, сюда прилетѣлъ однажды журавль съ красной корзинкой въ клеву, въ которой ты лежала, да и положилъ тебя на травку, потомъ пришли папенька и маменька, увидали тебя и понесли въ свой домъ». Дѣвочка ни мало не сомнѣвалась въ справедливости этого объясненія, и бывало въ послѣдствіи, если кто ее спрашивалъ, откуда она явилась, то она, съ выраженіемъ безусловной вѣры, отвѣчала: «Меня принесъ журавль въ красной корзинкѣ, и положилъ въ саду у хозяина, на траву, тамъ, гдѣ ростутъ два ясминные куста. Угодно, я вамъ покажу, гдѣ это?» За то, съ того дня, всѣ три свидѣтеля ея появленія въ этотъ подлунный міръ стали для нея много уважаемыми и искренно любимыми существами, отъ которыхъ и въ радости и въ печали она ничего не таила, у которыхъ искала утѣшенія въ одной, и участія въ другой.

Теперь мы намѣрены распространиться о предметѣ, нѣсколько похожемъ на предъидущій, и также имѣвшемъ не малое вліяніе на душу ребенка.

Окрестности хижины, въ которой жила г-жа Кульманъ, въ то время (за 30 лѣтъ предъ симъ) были таковы, что сводъ неба опускался къ землѣ почти со всѣхъ сторонъ одинаково низко, и Елисавета со двора безпрепятственно могла провожать солнце и мѣсяцъ, отъ восхода до заката. Если она тогда уже давала мѣсяцу предпочтеніе, выразившееся ясно въ ея стихотвореніяхъ, то мы готовы приписать это попеременному исчезанію и появленію этого небеснаго свѣтила, которое заставило дитя вообразить, что мѣсяцъ еще чудеснѣе солнца. Вѣрно то, что Елисавета болѣе была привязана къ мѣсяцу, нежели къ солнцу. Но возможно также, что привязанность эта возникла и отъ другаго обстоятельства. Домикъ ихъ стоялъ въ самой срединѣ двора, однимъ окномъ, довольно большимъ, въ сравненіи съ двумя другими окошками, на западъ. Если бывало полнолуніе, и, въ такомъ случаѣ, мѣсяцъ находился на югѣ, то первою забавою Елисаветы было бѣгать взадъ и впередъ отъ западнаго угла дома до восточнаго, и такимъ образомъ играть съ мѣсяцемъ въ-прятки. Но, конечно, правильнѣе сказать, что мѣсяцъ игралъ съ нею въ-прятки, по крайней мѣрѣ такъ она полагала. Не можемъ устоять противъ искушенія, разсказать одинъ случай, обстоятельства котораго мы слышали отъ нея самой, и который, повидимому, не мало содѣйствовалъ къ подкрѣпленію ея мнѣнія о чудесномъ свойствѣ мѣсяца. Постараемся передать по возможности этотъ случай собственными ея словами: «Мы были въ гостяхъ у дяденьки, и обѣдали тамъ. Когда подали кофе, тётенька дала мнѣ коровай; она купила его нарочно для меня. Послѣ обѣда, дяденька и еще три пріятеля его начали играть. Маменька торопилась домой, отъ того что намъ далеко было итти, тогда тётенька поскорѣй велѣла подать чаю, чтобы мы подольше у ней пробыли. Когда мы вышли изъ дому, мѣсяцъ уже былъ на небѣ. Мы шли немножко скорѣе обыкновеннаго; перешли Исакіевскій мостъ; вдругъ оглядываюсь, и, что-жъ? мѣсяцъ вмѣстѣ съ нами перешелъ черезъ Неву. Какъ это онъ сдѣлалъ? Черезъ Исакіевскій мостъ онъ не переходилъ, я это знаю; ни черезъ Троицкій, тоже; я смотрѣла туда, когда мы шли по Исакіевскому, и и непремѣнно увидала-бы его, если-бы онъ переходилъ мостъ въ одно время съ нами. Если-же ему непремѣнно хотѣлось перебраться на Васильевскій островъ, куда мы шли, то все таки ему надобно-бы было переѣхать на лодкѣ, и то если у него было съ собой десять копѣекъ, чтобы заплатить за перевозъ; а иначе, если-бъ ему вздумалось заплатить только двѣ копѣйки, то пришлось-бы дожидаться по крайней мѣрѣ полчаса, покуда лодка наполнилась людьми. Мы съ маменькой ужь знаемъ это, отъ того мы лучше любимъ итти въ обходъ, черезъ мостъ. Облаковъ-же не было на небѣ, чтобъ перевести мѣсяцъ черезъ Неву.»

«Но до чего касались ея чувства, то она обнимала съ любовью. Тогда она не имѣла еще понятія о злѣ и его послѣдствіяхъ. По ея по-

нятіямъ, кошка, подстерегавшая птичку, поджидала ее съ тѣмъ, чтобы поиграть съ нею, какъ бывало она сама гонялась за бабочкой, не для того, чтобъ отнять у нея свободу и смотрѣть, какъ бѣдняжка будетъ биться между пальцами, стараясь вырваться, но только, чтобы полюоваться пестрыми ея крылышками, и сдѣлать ей нѣсколько вопросовъ о ея житьѣ-бытьѣ, на которые она, по обыкновенію своему, разумѣется, сама же и отвѣчала. Отъ того-то она однажды такъ удивилась, когда увидѣла, что служанка хозяина ударила свою кошку, которая сидѣла притаившись. — «За чѣмъ ты бьешь кошку?» — «За тѣмъ, что она хочетъ поймать птичку и съѣсть». — «Быть не можетъ!» Однако съ той поры, Елисавета, казалось, меньше стала довѣрять кошкѣ, и перестала ласкать ее по прежнему. Не смотря на пятилѣтній возрастъ, она почитала паука, при всей его непривлекательной наружности, безвреднымъ, даже добрымъ твореніемъ. Никогда ей на умъ не приходило мѣшать пауку, когда онъ работаетъ, или истреблять паутину, хотя ей еще не было тогда извѣстно, что пауки предвѣщаютъ погоду. Однажды, гуляя по двору, она увидала въ углу между дровянымъ сараемъ и досчатымъ заборомъ, составлявшимъ границу владѣній хозяина дома, паутину, въ серединѣ которой былъ большой паукъ, окруженный нѣсколькими убитыми имъ мухами и одной, которую онъ еще добивалъ. Скоро послѣ того пришла мать ея, и Елисавета сказала ей: — «Маменька, посмотрите, какъ паукъ стережетъ мухъ, покуда онѣ спокойно около него спятъ». «Нѣтъ, душенька, онѣ не спятъ, онѣ мертвы». — Что вы, маменька? Сегодня я пришла попозже и видѣла только конецъ, но сколько разъ я видѣла, какъ паукъ пускалъ муху въ свою паутину. Когда она придетъ къ нему въ гости, онъ идетъ ей на встрѣчу, обнимаетъ ее, и по немножку уводитъ, вѣрно въ свою гостиную, то есть въ самую середину паутины. Тутъ они еще немножко ласкаютъ другъ друга, потомъ муха перестаетъ двигаться, вѣрно, чтобы отдохнуть послѣ дальняго пути, или даже и заснуть, какъ дѣлаетъ Андрей Ильичъ, когда, уставъ ходить по городу, онъ придетъ къ намъ и бросится на диванъ. Но паукъ смирно присядетъ возлѣ гостьи, чтобы не потревожить ея отдыха, или сна».

Полагая, что анекдоты эти могутъ дать читателю понятіе о способностяхъ дѣвицы Кульманъ, сокращаю мой разсказъ.

Семи лѣтъ отъ роду, Елисавета читала и писала на двухъ языкахъ, осьми лѣтъ сочиняла нѣмецкіе стихи, девяти лѣтъ выучилась итальянскому языку и выучила наизустъ всего Тасса, около этого же времени познакомилась съ французскимъ и латинскимъ языками. Нѣмецкихъ и другихъ классиковъ читала она безпрестанно; все прочитанное этимъ необыкновеннымъ ребенкомъ живо оставалось въ его памяти. На двѣнадцатомъ году своей жизни, дѣвица Кульманъ стала читать Гомера въ подлинникѣ; Анакреонъ и Ѳеокритъ сдѣлались ея любимыми писателями. Съ этой поры во всѣхъ ея произве-

деніяхъ замѣтно было то очарованіе, которое произвела на молодую писательницу обаятельная греческая поэзія. Многіе изъ ея стиховъ, которые попадались мнѣ въ руки, дышатъ древнимъ элементомъ; но, по моему мнѣнію, они напоминаютъ древнихъ какъ неудачная Ахиллеида Гёте напоминаетъ Иліаду. Подобнаго рода снимки можно сравнить съ дагеротипомъ, но не съ портретомъ великаго мастера. Не хочу передавать дальнѣйшихъ подробностей жизни Елисаветы Кульманъ: статья г-на Гросгейнриха еще не кончена; полагаясь плохо на свою память, удержусь отъ дальнѣйшихъ подробностей. Всѣмъ извѣстенъ конецъ этой жизни, обильной надеждами: смерть поразила дѣвицу Кульманъ почти въ дѣтскомъ возрастѣ, въ полномъ цвѣтѣ красоты, окруженную общей любовью и золотыми надеждами.

Въ описаніи этого необыкновеннаго характера болѣе всего поразило меня необыкновенное богатство женской натуры дѣвицы Кульманъ,—натуры, выдержавшей напоръ этого ужаснаго океана мертвой книжной учености, и сохранившей посреди этого истиннаго несчастія всю свою грацію, всю свою дѣтскую воспріимчивость. Лингвистика дѣвицы Кульманъ меня не удивляетъ: Пикъ де Мирандола зналъ до тридцати языковъ и былъ скучнѣйшимъ педантомъ, мальчишкою-педантомъ. Елисавета Кульманъ привязалась къ древнимъ классикамъ, какъ привязываются воспріимчивыя дѣти къ красивымъ картинкамъ, и огромное чтеніе не могло извратить ея натуры. Еслибъ мнѣ довелось встрѣтить тринадцатилѣтнюю дѣвочку, разсуждающую объ одахъ Анакреона и идилліяхъ Ѳеокрита, меня взяло бы отвращеніе. Но дѣвица Кульманъ, не взирая на этотъ омутъ безвременной учености, въ которую ввергнули легкомысленные наставники ея раскошную натуру, съумѣла сохранить весь поэтическій инстинктъ женщинъ.

Читая ея жизнеописаніе, начинаешь понимать причину той привязанности, которую питали къ Елисаветѣ люди къ ней близкіе, начинаешь думать, что этотъ ребенокъ отмѣченъ былъ клеймомъ генія; — потому-что дѣвушка, сохранившая кротость, грацію и мягкость души при такихъ обстоятельствахъ, должна быть существомъ необыкновеннымъ.

Чѣмъ болѣе читалъ я о дѣвицѣ Кульманъ, тѣмъ грустнѣе мнѣ становилось. Участь необыкновеннаго дитяти заключаетъ въ себѣ нѣчто раздирающее душу. Нѣтъ средствъ хладнокровно читать описаніе этой грустной жизни, полной борьбы съ нищетой, — эфемерной, преждевременной погони за знаніемъ и поэзіею, — невозможно безъ страданія видѣть, какъ люди, утѣшавшіеся дѣвицею Кульманъ, удивлявшіеся ея способностямъ, усиливали это неестественное, безвременное развитіе и, боготворя маленькую Елисавету, въ про-

стотѣ души не сдѣлали ничего, чтобъ отвратить отъ нея раннюю смерть, почти неизбѣжное слѣдствіе всѣхъ благъ, приходящихъ къ намъ несвоевременно. Эта исторія трогательнѣе исторіи Павла Домби, можетъ быть потому, что она точно случилась. Старикъ Домби по-крайней-мѣрѣ былъ холоденъ къ своему сыну, а наставникъ молодой Елисаветы обожалъ ввѣреннаго ему ребенка, для уроковъ ея отрывался отъ отдыха, отъ всѣхъ занятій, любилъ ее съ рѣдкою нѣжностью. И къ чему повела эта нѣжность? изумленный умомъ дитяти, воспитатель захотѣлъ мѣрять дѣвицу Кульманъ одной мѣрою съ людьми взрослыми, испытанными. И одинадцатилѣтней Елисаветѣ далъ онъ въ руки Мильтона, Петрарку и Тасса, и усердно принялся онъ развивать въ ребенкѣ ту мысль, что изъ него должна выйти женщина писательница—«Новая Коринна»—дочь Гомера. И взгляните, съ какою горячностью усвоила себѣ бѣдная дѣвочка эту горькую, вредную въ ея лѣта мысль — мысль о славѣ и литературной извѣстности. Одна изъ ея подругъ подсмѣялась надъ тѣмъ, что Елисавета пишетъ стихи. Она написала стихами отвѣтъ своей подругѣ. Вотъ эти стихи:

Я слышу хохотъ твой обидный,
Но звуки струнъ моихъ браня,
Знай, я избрала путь завидный,
И не догнать тебѣ меня!
Надменная! съ тобою въ землю,
И память о тебѣ сойдетъ;
Меня же смерть, я свыше внемлю,
Сіяньемъ славы обведетъ, и т. д.

Бѣдное дитя, бѣдная дѣвушка! Нѣтъ, не завидный путь ты себѣ избрала, или, вѣрнѣе, не на завидный путь навели тебя любящіе тебя умники! Поэзія перестаетъ быть поэзіею, если ея доискиваются съ дѣтскихъ лѣтъ; ее даетъ жизнь, а у тебя не было жизни: ты умерла въ тѣ лѣта, когда она только-что начинается,—умерла, истощивъ себя преждевременнымъ и несоразмѣрнымъ развитіемъ. Поэзія дается черезъ страданіе; ты могла горевать, но тебѣ не доводилось ни разу испытать страданія; наслажденія ведутъ насъ къ поэзіи, —у тебя были счастливые дни, но — бѣдный ребенокъ! — ты не могла еще испытать наслажденія.

Стихотворенія Елисаветы Кульманъ, приведенныя въ названной мною статьѣ, и тѣ, которыя я читалъ прежде, постоянно производили на меня одно и тоже грустное впечатлѣніе. Подражательность Елисаветы Кульманъ была изумительна, поэтическій инстинктъ ея былъ вѣренъ, но у ней не было жизненности, не было взгляда, не было обширности идей, не было всего того, что̀ дается не однѣми книга-

ми. Ея стихотворенія похожи на персики, съ трудомъ выращенные въ теплицѣ: видъ ихъ прекрасенъ, но у нихъ почти нѣтъ вкуса персика. Вся поэзія Елисаветы Кульманъ напоминаетъ мнѣ усилія виртуоза, которому дали скрипку съ одной струною, положивъ передъ нимъ лучшія ноты, самыя блестящія музыкальныя произведенія. Въ инструментѣ, данномъ бѣдной дѣвушкѣ, звучала одна только струна — подражаніе тому, что́ было ею читано со всею жадностью юношескаго возраста. Зачѣмъ было давать ей въ руки этотъ опасный инструментъ? къ чему привела эта ранняя наука, эта жажда славы, это знаніе семи языковъ? Или она была не довольно хороша собою, или у ней не было сердца, не было прекраснаго голоса, не было инстинкта добра, присущаго каждой женщинѣ? И взгляните, какъ тѣснило, какъ мучило бѣднаго ребенка это грустное обиліе мертвыхъ познаній, пустыхъ звуковъ, не сознанныхъ вполнѣ, не освѣщенныхъ опытомъ, не свѣренныхъ съ жизнью, не бывшихъ, такъ сказать, въ передѣлкѣ съ дѣйствительностью! Какъ хочется бѣдной дѣвушкѣ выйти изъ тѣснаго круга чужихъ мыслей, создать новые образы, перелить въ собственной пѣснѣ свои собственныя ощущенія! Вотъ содержаніе одного изъ такихъ стихотвореній. Елисавета, утомленная дневными заботами, глядитъ на лѣтнее небо. По небу ходятъ облака, безпрестанно мѣняясь въ своей формѣ, каждую минуту представляя изъ себя горячему воображенію дѣвушки новыя формы, новые пейзажи. Описанію этихъ фигуръ и пейзажей посвящено нѣсколько страницъ длиннаго стихотворенія, утомительнаго по изобилію картинъ и образовъ. Вы думаете, что воображеніе Елисаветы, утомленное книгами, отдохнуло въ то время, когда она смотрѣла на небо и слѣдила за облаками, гонимыми вѣтромъ, — напрасно: и тутъ не было дано отдыха истомленному воображенію. На небѣ, въ причудливыхъ клочкахъ облаковъ, Елисаветѣ чудятся тѣже книжныя описанія, тѣже картины природы, которую она знала по книгамъ. То видятся ей Андскія горы, которыхъ она не могла видѣть, то льямы, которые водятся только въ южной Америкѣ, то развалины рыцарскихъ за̀мковъ, — все предметы, въ дѣйствительности незнакомые маленькой Кульманъ.... Очень нужно было ученымъ наставникамъ будить это могучее воображеніе, тревожить ранній поэтическій инстинктъ и, расшевеливъ жажду извѣстности, продовольствовать развивающійся талантъ идилліями Ѳеокрита и «Картинами живописнаго міра».

Поэзія, поэзія! много зла сдѣлала она на свѣтѣ, много страдальцевъ породила она, начиная отъ Марсіаса, лишившагося кожи за соперничество съ Аполлономъ, до Жильбера, умершаго съ голоду между грудами поэмъ и посланій, отъ Данта, проклинающаго свою

родную Флоренцію, до иныхъ современныхъ версификаторовъ, которымъ чудится «зависти шипѣнье» въ самомъ молчаніи читателей! И Елисавета Кульманъ можетъ назваться жертвою поэзіи. Можетъ быть въ этой дѣвушкѣ таился зародышъ высокаго вдохновенія, но я имѣю слабость думать, что вдохновеніе это не выказалось бы вполнѣ, еслибъ дѣвица Кульманъ жила и теперь. Еслибъ способности ея развились позже, еслибъ наставники медлили открывать ей таинства эрудиціи, съ такимъ же усердіемъ, какъ рвались они посвящать ее въ заколдованныя тайны поэзіи, талантъ дѣвицы Кульманъ, дождавшись истинной эпохи своего развитія, укрѣпившись нѣкоторою жизненною опытностью, заблисталъ бы можетъ быть ослѣпительнымъ сіяніемъ....

И все это погибло подъ гнетомъ неестественнаго развитія!

Спѣшу однако же отвратить часть нареканія отъ людей, руководившихъ воспитаніемъ дѣвицы Кульманъ. Можетъ быть иной читатель подумаетъ, что бѣдный ребенокъ находился всю жизнь свою въ рукахъ сухихъ педантовъ, образецъ которыхъ безсмертный Диккенсъ изобразилъ намъ въ лицѣ доктора Блимбера, мистриссъ Блимберъ и ученой миссъ Корнеліи Блимберъ. Величавое семейство, обрисованное въ романѣ Домби и Сынъ, губило дѣтей ввѣренныхъ его попеченію, единственно отъ сухости собственной души воспитателей и черстваго педантизма. Съ Елисаветою Кульманъ было другое: она сама рвалась къ пріобрѣтенію познаній, и воспитатели ея виноваты были только въ томъ, что не постигли всей мѣры опасности, къ которой стремился поэтическій ребенокъ. Ошибка ихъ была невинна и непроизвольна; въ стремленіяхъ Елисаветы видѣли они залогъ будущихъ ея успѣховъ; въ ихъ воображеніи рисовалась та эпоха, когда изумленный свѣтъ будетъ зачитываться произведеніями молодой писательницы, наградитъ ее громкою славою; они видѣли все семейство Елисаветы выведенное изъ нужды, обезпеченное, прославленное трудами своего дитяти....

Чтобъ еще болѣе оправдать воспитателей, припомнимъ то уваженіе, которымъ въ то время общество надѣляло людей, посвящавшихъ свои досуги на сочиненіе звучныхъ размѣренныхъ строчекъ. Стоитъ раскрыть литературные журналы того времени (не одни русскіе, но и иностранные), и мы увидимъ въ каждой книжкѣ стихотворенія подъ которыми подписано: «автору этой пьесы 12 лѣтъ отъ роду. Привѣтствуемъ будущее свѣтило нашей поэзіи!» Изъ подобныхъ замѣтокъ можно заключить, что юными поэтами интересовались въ то время также, какъ еще недавно восхищались крошечными скрипачами и лилипутскими піанистами. Но прошли года, и изъ бо́льшей части маленькихъ поэтовъ и микроскопическихъ виртуозовъ не

сформировалось ни одного таланта сильнаго. Время прошло, и одною иллюзіею стало менѣе. А сколькихъ страданій, сколькихъ слезъ, стоила, по всей вѣроятности, каждая потеря подобной иллюзіи!

Теперь мнѣ остается сказать нѣсколько словъ о послѣднемъ (пятомъ) нумерѣ Отеч. Записокъ, потому-что «Сына Отечества» даже четвертой книжки я все еще не получилъ (*). Многаго я не могу сказать, какъ потому, что майская книжка особенно пуста, такъ по той причинѣ, что о бо́льшей части статей, продолжаемыхъ и оконченныхъ въ ней, я не разъ уже сообщалъ мои замѣчанія, а говорить во второй разъ о Запискахъ Шатобріана, о Признаніяхъ Ламартина и Завоеваніи Перу я не считаю нужнымъ. Замѣчу только, что чрезвычайно смѣшны выходятъ часто краснорѣчивыя и страстныя изліянія Ламартина, передаваемыя переводчикомъ въ третьемъ лицѣ, со всею неизбѣжной въ такихъ случаяхъ сухостью и отрывочностью. За исключеніемъ этихъ статей остается указать на интересныя путевыя записки г. Небольсина, хотя и растянутыя мѣстами до утомительной степени, да еще на разборъ сочиненій Богдановича, помѣщенный въ отдѣлѣ критики.

Съ недавней поры, критики наши, къ крайнему удовольствію многихъ читателей, рѣже и рѣже впадаютъ въ полемику и литературные споры. Тишина и согласіе готовы воцариться между литераторами старыми и молодыми, но еще остается одинъ пунктъ, на которомъ еще проявляются прежніе споры. Пунктъ этотъ есть разсужденіе о достоинствѣ литераторовъ, писавшихъ за сорокъ и пятьдесятъ лѣтъ до нашего времени. Чуть доходитъ дѣло до сочиненій Карамзина и Державина, тотчасъ начинаются споры и возгласы, до крайности простодушные. «Вы порочите старыя, славныя имена русской словесности» — говорятъ одни изъ спорящихъ, и при этомъ

(*) Сегодня (28 мая) вышла въ Петербургѣ эта *четвертая* книжка «Сына Отечества», въ которой между прочимъ сказано и даже повторено два раза (разъ на оберткѣ и разъ въ Смѣси, стр. 97), что «Современникъ и Отечественныя Записки дружно содѣйствуютъ успѣху Сына Отечества.» Не входя въ разсмотрѣніе, справедливо ли это, замѣтимъ только, что Современникъ и Отечественныя Записки оканчиваютъ уже полу-годичное изданіе, выдавая свои *шестыя* книжки, — а «Сына Отечества» вышла еще только *четвертая* книжка: и это, какъ увѣряетъ редакція, при дружномъ содѣйствіи Современника и Отечественныхъ Записокъ. Подписчикамъ этого журнала, которые повѣрятъ этому содѣйствію, предстоитъ разрѣшить любопытный вопросъ: сколько же вышло бы до сей поры книжекъ Сына Отечества, еслибъ ему несодѣйствовали дружно Современникъ и Отечественныя Записки?

Прим. Ред.

случаѣ силятся доказать, что *всѣ* сочиненія Державина и Карамзина также пріятны въ чтеніи теперь, какъ были они пріятны публикѣ, жившей за сорокъ лѣтъ до нашего времени. Этотъ парадоксъ заран;даетъ кучу другихъ, отвѣтныхъ парадоксовъ, и вопросъ затемняется безъ надобности. Защитники Державина и Карамзина упускаютъ изъ виду, что, преувеличивая славу этихъ писателей, они вредятъ имъ; доказывая, что русская словесность не подвинулась ни на шагъ послѣ ихъ смерти, они обижаютъ и русское общество, и русскую публику, которая читаетъ Пушкина чаще, нежели оды Державина, и сочиненія Гоголя чаще исторіи бѣдной Лизы. И отъ этого предпочтенія нисколько не страдаютъ заслуги такихъ дѣятелей, какъ Карамзинъ и Державинъ. Чтобъ убѣдиться въ этомъ, достаточно сказать извѣстную поговорку: все хорошо въ свое время. Изъ того, что Муръ и Байронъ сдѣлались любимыми британскими поэтами, не слѣдуетъ, чтобъ имена Попа и Драйдена были въ пренебреженіи; нѣмецкій читатель не скажетъ, что Лессингъ и Клопштокъ плохіе дѣятели, изъ-за того, что послѣ нихъ явились Гёте и Шиллеръ. Къ этому неоспоримому факту прибавлять нечего.

Эта самая мысль очень ясно и отчетливо высказана авторомъ статьи о сочиненіяхъ Богдановича, котораго Душенька, имѣвшая огромный успѣхъ въ свое время, въ нашу пору читается только людьми изучающими исторію отечественной словесности. Все на свѣтѣ относительно, и относительно потребностей современниковъ Богдановича Душенька была очень хорошею поэмою, — теперь же, при развитіи словесности и вкуса читателей, при знакомствѣ съ древними писателями, которое уже не сдѣлалось рѣдкостью между нашими дилетантами, ошибки и несообразности, которыми полна эта поэма, понятны самому нехитрому читателю. Можетъ быть найдутся люди, которымъ этотъ приговоръ покажется посягательствомъ на прежнія знаменитости; но, признаюсь откровенно, я не повѣрю подобному обвиненію. Критикъ, который бы вздумалъ прославлять Богдановича и оорицать справедливый судъ надъ его поэмою, напоминаетъ мнѣ библіомановъ, которые, забывая о ходѣ всей словесности, не разъ утверждали, что въ пѣсняхъ трубадуровъ искусство дошло до высшей степени развитія, а съ тѣхъ поръ шагаетъ назадъ, безъ всякой видимой причины. Я зналъ одного француза, который вызубрилъ всю Федру Расина и говорилъ, что послѣ такихъ стиховъ не стоитъ читать никакихъ новыхъ книгъ. Онъ и не читалъ ничего, а признавался очень свѣдущимъ судьею. Подобнаго рода эрудиція тѣмъ выгодна, что достается дешево.

III.

НОВОСТИ ХОЗЯЙСТВЕННЫЯ, ПРОМЫШЛЕННЫЯ и проч.

— *Извѣстіе о количествѣ золота, платины и осмійстомаго иридія, добытыхъ на казенныхъ и частныхъ заводахъ хребта уральскаго, во второй половинѣ 1848 г.* — Золота: заводовъ казенныхъ добыто всего 60 пудовъ 6 ф. 34 зол. 47¹/₂ дол., заводовъ частныхъ и промысловъ 102 пуда 13 ф. 57 зол. 23 дол. (Наибóльшее количество на заводахъ Верхъ-иретскихъ гв. корнета Яковлева (свыше 24 пуд.), и Нижнетагильскихъ гг. Демидовыхъ (свыше 16 пуд.), —всего 162 пуд. 19 ф. 91 зол. 70¹/₂ дол. — Платины добыто на заводахъ казенныхъ 2 ф. 19 зол. 82 дол., частныхъ 1 пуд. 33 ф. 5 зол. 72 дол. Платины, смѣшанной съ золотомъ: коммиссіонера Заозерской компаніи по имѣніямъ и дѣламъ гг. Всеволожскихъ, 2 ф. 39 дол. Осмійстаго иридія добыто на заводахъ казенныхъ 10 ф. 80 зол. 24 дол., на заводахъ частныхъ 7 ф. 46 зол. 72 дол.

По имѣющимся нынѣ свѣдѣніямъ, въ Алтайскомъ округѣ казенныхъ заводовъ и на частныхъ промыслахъ западной и восточной Сибири добыто въ 1848 году золота 1,361 пуд. 5 ф. 76 зол. 60 дол., и въ Нерчинскомъ округѣ до 28 пуд. 6 ф. 78 зол. 72 дол., съ которыми все добытое въ 1848 году золото составляетъ 1,724 пуд. 33 ф. 2 зол. 94¹/₂ дол., кромѣ золота, полученнаго отъ раздѣленія алтайскаго и нерчинскаго серебра въ количествѣ 43 пуд. 26 ф., съ которыми всего золота будетъ до 1,768 пуд. 19 ф., — противъ 1847 года менѣе 59 пуд. 22 ф. 89 зол. 10¹/₂ долей.

— *Состояніе Демидовскаго Дома Трудящихся въ 1848 году.* — Вотъ нѣсколько данныхъ изъ всеподданѣйшаго донесенія Ея Императорскому Величеству попечительства Демидовскаго Дома Призрѣнія Трудящихся за 1848 годъ. — Демидовскій Домъ Призрѣнія Трудящихся состоялъ изъ 4 отдѣленій: 1) для призрѣнія трудящихся; 2) для воспитанія бѣдныхъ дѣвицъ; 3) для призрѣнія малолѣтнихъ и 4) для снабженія бѣдныхъ пищею. Трудящіяся призрѣваемыя заведеніемъ были: а) помѣщенныя на жительствѣ въ самомъ домѣ, какъ благороднаго званія, такъ и изъ состоянія разночинцевъ; б) получавшія работы отъ заведенія для производства оныхъ на своихъ квартирахъ и в) приносившія свои собственныя издѣлія для продажи въ магазинѣ, при заведеніи учрежденномъ. Женщинъ благороднаго званія, помѣщенныхъ на жительствѣ въ Домѣ Трудящихся, находилось 50, а изъ состоянія разночинцевъ 20. Цѣнность всѣхъ издѣлій, выработанныхъ ими, простиралась до 8,318 р. 33 к.

сереб. — Число бѣдныхъ, которымъ были раздаваемы работы на ихъ квартиры, простиралось до 35; задѣльной платы имъ выдано 756 р. 70 к. сер. — Число приносившихъ издѣлія для продажи въ магазинѣ доходило до 150. Сумма, полученная этою продажею въ ихъ пользу состояла изъ 6,744 р. 28 к. сер. — Бѣдныхъ дѣвицъ воспитывалось 174. — Малолѣтныхъ дѣвицъ призрѣвалось 41. — Среднимъ числомъ отпускаемо было бѣднымъ пищи каждодневно 866 порцій. — Общее число призрѣваемыхъ Демидовскимъ Домомъ Трудящихся въ 1848 году каждодневно простиралось до 1,300 человѣкъ. Общій приходъ суммъ Дома Трудящихся (съ остаткомъ отъ 1847 года) состоялъ изъ 74,970 р. серб. — Общее содержаніе призрѣваемыхъ, со включеніемъ всѣхъ расходовъ по Дому, стоило 55,104 р. сер. — Приходъ Дома былъ слѣдующій: А) по заведенію вносновъ. Къ 1848 году состояло въ остаткѣ суммы серебромъ 21,797 руб. 2 коп. Къ тому въ 1848 году поступило: 1) постоянныхъ доходовъ 5,657 р. 43 к.; измѣняющихся: 2) ежегодныхъ приношеній 7,942 р. 58 к. сер.; 3) единовременныхъ приношеній 737 р. 86 к. сер; — 4) отъ промышленныхъ оборотовъ Дома 9,628 р. 84 к. сер.; Б) по отдѣленію для воспитанія бѣдныхъ пищею 9,413 р. 40 к. сер. В) по отдѣленію для призрѣнія малолѣтнихъ 2,414 р. 28 к. сер. Г) По отдѣленію для снабженія бѣдныхъ дѣвицъ: 1) пріобрѣтено раздачею благотворителямъ мѣсячныхъ билетовъ для бѣдныхъ, по одному рублю сер. каждый, 2,733 р. 2) получено раздачею дневныхъ билетовъ бѣднымъ, по $3^1/_2$ к. за билетъ, 7,929 р. 74 к. 3) пожертвовано благотворителями для сего отдѣленія: а) ежегодно 505 р. 71 к., б) единовременно 5,210 р. 14 к. сер. — Расходъ: А) по заведенію вообще 24,707 р. 85 к. сер., Б) по отдѣленію для воспитанія бѣдныхъ дѣвицъ 10,239 р. 49 к. сер. В) по отдѣленію для призрѣнія малолѣтнихъ 2,662 р. 78 к. сер. Г) по отдѣленію для снабженія бѣдныхъ пищею 17,493 р. 88 к. сер. А всего вообще въ расходѣ въ 1848 году 55,104 руб. сереб.

— *Замѣчанія о корнеплодныхъ растеніяхъ.* — Представляемъ нѣсколько замѣчаній о корнеплодныхъ растеніяхъ, въ отношеніи къ прибыльности разведенія ихъ по степени ихъ питательности. Для того, чтобъ судить, какое изъ различныхъ родовъ корнеплодныхъ растеній обильнѣе родится и наиболѣе содержитъ въ себѣ питательныхъ веществъ, могутъ служить нижеслѣдующія показанія, выведенныя изъ опытовъ надъ картофелемъ, обыкновенною красною морковью, жолтою крупною, пастернакомъ, брюквою, свеклою, рѣпою и земляною грушею.

Почва участка, на которомъ производились опыты, была совершенно одинаковаго свойства, служила до употребленія ея для этихъ

опытовъ къ разведенію одного и того же плода и для посѣва вышепоказанныхъ растеній одинаково была унавожена и обработана; участокъ потомъ былъ раздѣленъ на 8 разныхъ частей, каждая въ 280 кв. саженъ.

Самыя растенія, взятыя для опыта, были разводимы и собираемы обыкновеннымъ порядкомъ.

Самый бо́льшій сборъ доставила свекла. Вообще, относительно къ плодородію, показанныя растенія идутъ въ слѣдующемъ порядкѣ: 1) свекла, 2) крупная жолтая морковь, 3) пастернакъ, 4) брюква, 5) обыкновенная красная морковь, 6) картофель, 7) рѣпа, 8) земляная груша.

Но легко впасть въ заблужденіе, если вслѣдствіе плодородія принимать свеклу за самое прибыльное изъ всѣхъ корнеплодныхъ растеній; потому-что не одно количество, но преимущественно и качество плода условливаетъ достоинство его для предпочтительнаго разведенія.

Для опредѣленія этого достоинства, необходимо было произвести еще дальнѣйшіе опыты, которые клонились собственно къ изслѣдованію вліянія извѣстнаго корма на количество и качество молока и на приращеніе мяса.

Для этой цѣли было взято 16 головъ рогатаго скота, одинаковой породы, возможно одинаковой организаціи, одинаковыхъ лѣтъ и дававшихъ одинаковое количество молока. Они размѣщены были попарно въ 8 отдѣленіяхъ, при чемъ предварительно опредѣленъ и вѣсъ каждой изъ нихъ. Кромѣ корма, надъ которымъ производился опытъ, давался имъ еще въ одинаковой мѣрѣ кормъ сухой и пойло. Количество полученнаго изъ каждаго отдѣленія молока ежедневно записывалось, отдѣльно скапливалось и отдѣльно же превращалось въ масло.

I	отдѣленіе	питалось	картофелемъ
II	—	—	красною морковью.
III	—	—	крупною желтою морковью.
IV	—	—	пастернакомъ.
V	—	—	брюквою.
VI	—	—	свеклою.
VII	—	—	рѣпою.
VIII	—	—	земляною грушею.

Опытъ продолжался 30 дней.

Во все это время получено молока:

Изъ	I	отдѣленія	360	кружекъ (около 40 ведръ).
—	II	—	382	—
—	III	—	372	—
—	VI	—	378	—
—	V	—	370	—
—	VI	—	332	—
—	VII	—	306	—
—	VIII	—	318	—

Итакъ, скотъ, питаемый морковью, доставилъ самое бо́льшее количество молока, а питаемый рѣпою (турнипомъ) — самое ме́ньшее. Вообще, по вліянію каждаго, кормовыя растенія идутъ въ такомъ порядкѣ: обыкновенная красная морковь, пастернакъ, крупная жолтая морковь, брюква, картофель, свекла, земляная груша, рѣпа (турнипъ).

Добыто масла:

Изъ	I	отдѣленія	28	фунтовъ.
—	II	—	32	—
—	III	—	31	—
—	IV	—	33	—
—	V	—	29	—
—	VI	—	24	—
—	VII		21	—
—	VIII	—	$23^1/_2$	—

Итакъ, скотъ, питаемый пастернакомъ, доставилъ самый бо́льшій скопъ масла, а питаемый рѣпою (турнипъ)—самый малый. Вообще, растенія, способствующія скопу масла, по своему достоинству, могутъ быть распредѣлены такъ: пастернакъ, обыкновенная красная морковь, крупная жолтая морковь, брюква, картофель, свекла, земляная груша, рѣпа (турнипъ).

Относительно къ приращенію питательныхъ веществъ.

Отдѣлъ	I	получилъ	около	18	фунтовъ.
—	II	—	—	12	—
—	III	—	—	14	
	IV	—	—	11	—
—	V	—	—	9	—
—	VI	—	—	$7^1/_2$	—
—	VII	—	—	5	—
—	VIII	—	—	6	—

Поэтому, всего болѣе дѣйствуетъ на приращеніе мяса картофель, всего же менѣе водяная рѣпа. Вообще, растенія, относительно къ своему достоинству, идутъ здѣсь въ такомъ порядкѣ: картофель, обыкновенная красная морковь, пастернакъ, брюква, свекла, земляная груша, рѣпа (турнипъ).

Итакъ, изъ всѣхъ корнеплодныхъ растеній (если они исключительно разводятся для корма), вслѣдствіе произведенныхъ опытовъ, преимущество принадлежитъ брюквѣ, потому-что она даетъ самую бо́льшую прибыль. Напротивъ того, рѣпа въ сѣвооборотѣ не заслуживаетъ почти никакого одобренія. Она еще имѣетъ нѣкоторую цѣну, если разводится вторично на одномъ и томъ же полѣ, и въ одномъ и томъ же году.

— *Мелкія извѣстія.* — 1) 10 апрѣля данъ былъ Обществомъ посѣщенія бѣдныхъ, въ залѣ Дворянскаго собранія, балъ-маскарадъ-

аллегри. Несмотря на многіе дорогіе выигрыши, прекрасную музыку и великолѣпное убранство залы, мы должны сказать, что успѣхъ маскарада далеко не соотвѣтствовалъ ожиданіямъ: публики было мало, — и этотъ контрастъ тѣмъ болѣе былъ разителенъ, что данный въ прошедшемъ году Обществомъ подобный же балъ былъ вполнѣ достоинъ своей прекрасной цѣли благотворенія.

2) 6 апрѣля, въ домѣ Дворянскаго собранія, данъ былъ балъ-маскарадъ-аллегри въ пользу Елисаветинской клинической больницы для бѣдныхъ малолѣтныхъ дѣтей, состоящей подъ главнымъ попечительствомъ Ея Императорскаго Высочества Государыни Великой Княгини Елены Павловны.

3) Въ № 86. Спб. Вѣдомостей сообщено извѣстіе о заведеніи въ Кіевѣ городскихъ каретъ. Кареты эти ходятъ тамъ 4 раза въ день отъ Печерской крѣпости изъ-за Лавры до Оболони. Карета помѣщаетъ въ себѣ 16 человѣкъ; запрягается шестерня лошадей; главный сборъ между гостиными дворами (Никольскимъ и Подольскимъ); цѣна 10 к. сер. Карета бываетъ постоянно полна.

IV.

ИНОСТРАННЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

— *Г-жа Рекамье.* — Въ прошедшемъ мѣсяцѣ умерла въ Парижѣ одна изъ замѣчательнѣйшихъ женщинъ, у которой собирались постоянно представители различнѣйшихъ мнѣній до февральскаго переворота: мы говоримъ о г-жѣ *Рекамье.*

«Дѣвица Аделаида-Жюльетта Бернаръ, дочь г. Бернара, начальника администраціи почтъ, вышла за-мужъ, въ 1794 г., за г. Рекамье, банкира, который, съ помощію ума и счастливыхъ оборотовъ, увеличилъ свое состояніе всѣмъ тѣмъ, что́ потеряли другіе въ это смутное время. Г. Рекамье, преданный тѣломъ и душою финансовымъ интересамъ своего отечества и поддержанію блеска своего частнаго кредита, представлялся самымъ неромантическимъ мужемъ для такой хорошенькой женщины, но онъ былъ для нея едва ли не лучшимъ руководителемъ, какого она могла найти. Лѣта и знаніе свѣта давали ему средства защищать ее отъ толпы пошлыхъ обожателей, неизбѣжныхъ спутниковъ богатства и красоты. Несмотря на направленіе тогдашняго общественнаго мнѣнія и на опасность итти на-перекоръ ему, г. Рекамье любилъ людей *порядочныхъ* и окружалъ ими свою жену. Эта предосторожность сдѣлала г-жу Рекамье нечувствительною къ грубымъ поклоненіямъ пошлыхъ льстецовъ.

«Едва появившись на аренѣ того свѣта, который возникалъ тогда съ новыми идеями своими и старыми предразсудками, г-жа Рекамье обратила на себя всеобщее вниманіе красотою, желаньемъ нравиться и скромностью посреди успѣховъ своихъ. Послѣднее достоинство заставило даже подозрѣвать ее въ простотѣ ума. Соединять въ себѣ столько преимуществъ и не стараться колоть ими глаза другимъ казалось неслыханнымъ великодушіемъ, наивнымъ обманомъ, на которые способна только одна дурочка. Красавицы того времени мирились съ похвалами свѣжести, тальѣ и прекраснымъ чертамъ г-жи Рекамье только подъ условіемъ колкихъ эпиграмъ на счетъ ея умственныхъ способностей. Такую репутацію, какъ бы она ни была основательна, довольно трудно уничтожить. Я (это говоритъ г-жа Софья Гэ) была такъ счастлива, что если не вполнѣ доказала, то хоть нѣсколько обнаружила несправедливость свѣтскаго приговора. — Узнавъ, въ одинъ вечеръ, что г-жа Рекамье не совсѣмъ здорова, я оставила моихъ друзей и отправилась навѣстить ее. Гости наши условились подождать меня (я хотѣла тотчасъ же возвратиться) и сѣли: кто играть въ вистъ съ моимъ мужемъ, кто разговарить. Случилось иначе. Меня учтиво упрекнули за мое отсутствіе, и старый де П*** сказалъ мнѣ:

— Вы не захотите насъ увѣрить, надѣюсь, что разговоръ г-жи Рекамье заставилъ васъ позабыть условный часъ?

— Это однако же точно такъ, отвѣчала я: — и вы видите меня до сихъ поръ совершенно удивленною и съ твердымъ намѣреніемъ никогда болѣе не вѣрить слухамъ, распускаемымъ завистью въ отомщеніе красотѣ.

«Тутъ всѣ возстали противъ притязанія моего надѣлить умомъ особу, которая болѣе всѣхъ могла обойтись безъ него. Я перенесла всѣ шутки, колкости и остроты кавалера Буффлà, графа Сегюра, Бенжамень Констана, Дюсиса, Лемерье и др. Только одинъ г. де Лоншанъ, авторъ нѣсколькихъ миленькихъ комедій и «*Ma tante Aurore*», принялъ мою сторону, сознаваясь, что уже нѣсколько разъ намѣревался обличить людей, мнѣніе которыхъ оклеветало умъ этой прекрасной особы, но что его единственно удерживала боязнь подвергнуться тѣмъ эпиграмамъ, которыми меня осыпали въ настоящую минуту. Найдя себѣ такую остроумную опору, я распространилась о тонкой наблюдательности, изящной веселости, ласкающей граціи и безобидной ироніи ума г-жи Рекамье. Въ подтвержденіе моихъ словъ, я привела нѣсколько сужденій ея о лицахъ, тутъ находившихся и не подозрѣвавшихъ въ ней способности судить такъ вѣрно. Г. де Лоншанъ подтвердилъ мои доводы, добавивъ ихъ съ своей стороны, и Бенжаменъ Констанъ, внимательно слушавшій насъ обоихъ, сказалъ:

— Я нахожу такое удовольствіе смотрѣть на нее каждый день, что мнѣ до сихъ не приходила мысль послушать ее; теперь надобно будетъ подумать объ этомъ.

«Извѣстно, какъ дорого обошлось ему впослѣдствіи это рѣшеніе.

«Если бы теперь надобно было приводить доказательства того, что̀ уже извѣстно всѣмъ, ихъ можно бы найти въ твердости, съ которою г-жа Рекамье перенесла свои несчастія, и въ великодушномъ безкорыстіи, съ которымъ она раздѣляла несчастія своихъ друзей. Душа до такой степени благородная, такъ наивно геройская имѣетъ всегда необходимымъ спутникомъ возвышенный умъ. Притомъ люди выбираютъ всегда общество по себѣ, и г-жѣ Рекамье часто приходилось бы страдать отъ высокихъ качествъ знаменитостей, которыми она была окружена, если бы не была достойна понимать ихъ.

«Лишившись безъ отчаянія огромнаго состоянія, перенеся смерть мужа, сраженнаго тоскою о потерѣ блестящаго существованія, перемѣну котораго она переносила съ мужествомъ смиренія, г-жа Рекамье посвятила всю жизнь свою наслажденію быть любимой и жертвовать собою для тѣхъ, кого она любила. Я никогда не забуду радости, съ которой она поѣхала въ Коппетъ, къ г-жѣ де Сталь, только-что сосланной туда. Фуше, министръ полиціи, явился на-канунѣ объявить ей, что̀, въ случаѣ, если она не покинетъ намѣренія отправиться въ Коппетъ, ей уже нельзя будетъ возвратиться въ Парижъ и даже видѣться съ г-жею де Сталь. Она отвѣчала на это:

— Не все ли равно императору, обладателю міра, гдѣ я буду, въ Парижѣ или Коппетѣ? Бывали герои, имѣвшіе слабость любить женщинъ; онъ будетъ первый, который ихъ боится.

«И она точно поѣхала къ знаменитой изгнанницѣ. Вотъ какъ разсказываетъ объ этомъ самоотверженіи г-жа де Сталь, въ своихъ «*Dix années d'exil*»:

«Въ такомъ положеніи я получила письмо отъ г-жи Рекамье, той «прекрасной особы, которая приняла поклоненія всей Европы и не «покинула ни одного друга въ несчастіи.... Боясь, чтобы ее не пос«тигла участь г. де Монморанси, я послала на-встрѣчу ей курьера съ «просьбой не пріѣзжать въ Коппетъ.... Просьба моя не помогла, и я «встрѣтила со слезами на глазахъ ту, пріѣздъ которой былъ всегда «праздникомъ для всего за̀мка. Она уѣхала на другой день, но уже «было поздно: тягостная ссылка постигла ее. Подобное перемѣщеніе «было очень отяготительно для состоянія ея, послѣ тѣхъ кризисовъ, «которые она претерпѣла въ послѣднее время. Вдали отъ всѣхъ дру«зей, она провела цѣлые мѣсяцы въ провинціяльномъ городишкѣ, «посреди однообразія и скуки одиночества. Вотъ чего я стоила самой «блестящей особѣ своего времени».

«Этихъ нѣсколькихъ строчекъ достаточно для славы женщины, и если присоединить къ нимъ тѣ, которыя она внушила автору «Рене», то придется сравнить г-жу Рекамье съ метеоромъ, являющимся послѣ грозы и утѣшающимъ пострадавшихъ отъ града возвратомъ небесной синевы.

«Описанная такими великими кистями (и между прочимъ кистью Жерара), г-жа Рекамье можетъ много потерять отъ описанія пріятельницы. Поэтому я имѣю намѣреніе показать только огромную пустоту, которую оставляетъ въ остаткахъ фешенебельнаго и литературнаго свѣта закрытіе ея залопа. Она одна обладала даромъ покровительствовать всѣмъ. Она одна, предметъ обожаній вельможи и артиста, героя и рекрута, сановника и водевилиста, обладала тайной соединять ихъ, не оскорбляя взаимнаго притязанія и увѣряя всѣхъ во взаимномъ другъ къ другу уваженіи. Каковы бы ни были отношенія и контрасты посѣтителей ея салона, эта благодѣтельная хитрость пораждала терпимость мнѣній, снисхожденіе критики и охотный обмѣнъ похвалъ, которыя выставляли умы во всемъ ихъ объемѣ. Политикъ спорилъ тамъ безъ горечи, свѣтская дама кокетничала безъ злословія, разскащикъ наводилъ смѣхъ, не заставляя краснѣть, и всѣ разставались довольные другъ другомъ. Это легко объяснить: самолюбіе стихаетъ тамъ, гдѣ господствуетъ неоспориваемое превосходство; а салонъ г-жи Рекамье, отъ Камиля Журдана до Шатобріана, былъ постоянно подъ вліяніемъ какого-нибудь геніяльнаго человѣка (г-жа де Сталь, лордъ Байронъ и др.).

«Никогда не забуду я впечатлѣнія, произведеннаго на меня записками автора «Атала», читанными въ присутствіи столь великихъ знаменитостей въ салонѣ «*Abbaye aux Bois*». Разсказъ объ этихъ несчастіяхъ, брошенный любопытству избранной публики, наводившій раздумье на государственнаго человѣка, вырывавшій вздохъ изъ груди поэта и слезу изъ глазъ женщины, представлялъ зрѣлище блестящее и вмѣстѣ драматическое. Всѣ поддались могуществу послѣднихъ звуковъ торжественнаго голоса, всѣ были тронуты признаніями умирающаго генія. Созерцая кроткое лицо и еще столь граціозную улыбку хозяйки дома, нетрудно было перенестись воображеніемъ къ временамъ ея успѣховъ, когда графъ д'Етурмель, встрѣтивъ ее въ Римѣ, писалъ:

«Если бы я увидалъ ее въ тѣ годы, когда сходятъ съ ума, я потерялъ бы голову. По счастью, я встрѣтилъ ее въ тотъ возрастъ, когда глупѣемъ: вотъ что́ и спасло меня».

«Весело было отыскивать въ ласкающемъ взглядѣ г-жи Рекамье архивъ ея обворожительной кокетливости, а въ повелительномъ взорѣ Шатобріана — движеніе, сообщенное геніемъ его вѣку. Всѣ бы-

ли благодарны имъ за то, что они сложили оружіе свое въ одномъ арсеналѣ. Въ годы, когда полководцамъ осталось только удовольствіе разсказывать другъ другу побѣды свои, свидѣтельница ихъ блестящихъ подвиговъ и всеобщаго обожанія обоихъ, я любила наблюдать въ нихъ стараніе нравиться и любить по привычкѣ, потому-что ихъ дружба сохранила всѣ эти сердечныя прихоти, тонкости и кокетливую заботливость, которыя такъ часто исчезаютъ въ любви. Г-жа Рекамье умѣла сдѣлать пріятною для молодыхъ друзей своихъ эту картину благородной привязанности. Каждый изъ нихъ, пылкій обожатель таланта Шатобріана, представлялъ на его судъ свой собственный, и изъ этихъ литературныхъ исповѣдей вышло уже не одно замѣчательное твореніе: гг. Амперъ, Сенъ-При, де Ноаль лучше всего могутъ подтвердить слова мои.

«Достаточно было бы взять по слову отъ каждаго изъ знаменитыхъ писателей, окружавшихъ г-жу Рекамье со временъ ея ранней молодости, чтобы составить портретъ, достойный того воспоминанія, которое останется о ней въ потомствѣ.... да, въ потомствѣ, потому-что, несмотря на презрѣніе многихъ ко всему тому, что̀ только *любезно*, мы еще не потеряли вкуса до такой степени, чтобы не прельщаться той красотой безъ гордости, умомъ безъ претензіи и добротой безъ желанья выказаться, которые характеризуютъ пріятельницу г-жи де Сталь. Всѣ вспомнятъ конечно слова Лагарпа, который, въ педантизмѣ своемъ, разсматривалъ ее, какъ одно изъ лучшихъ произведеній, вышедшихъ въ свѣтъ въ его время; отвѣтъ Непомукена Лемерсье тѣмъ, которые бранили г-жу Рекамье:

— «Повѣрьте мнѣ, миліонерка, имѣющая ловкость возбуждать удивленіе столь многихъ, надѣвая каждый день на голову маленькій платочекъ въ 30 су, гораздо умнѣе всѣхъ васъ!»

«Отвѣтъ Балланша метафизикамъ, превозносившимъ его «Антигону». — «Это блѣдная копія съ этого живого оригинала», сказалъ онъ, указывая на г-жу Рекамье.

Примѣчаніе къ «Кориннѣ»:

— «Стараясь описать эту манеру танцовать, я имѣла въ виду г-жу Рекамье. Эта женщина, знаменитая граціей и красотой своей, представляетъ, посреди несчастій, постигшихъ ее, примѣръ такого трогательнаго смиренія и такого полнаго пренебреженія къ собственнымъ своимъ интерессамъ, что нравственныя качества ея, въ глазахъ всѣхъ, столь же достойны удивленія, какъ и ея прелести».

«Можно ли прибавить что-либо къ этому хору похвалъ? (заключаетъ г-жа Гэ). Превозносить ли еще смиреніе и покорность судьбѣ ея послѣднихъ годовъ, мужество жить слѣпою, чтобы принять по-

слѣдній вздохъ ея знаменитаго друга? Да, это было бы любопытно, но теперь я не въ состояніи приняться за эту картину: сквозь слезы плохо видно.»

— *Послѣднія извѣстія изъ Калифорніи* отъ 3 марта; они вмѣстѣ и хороши и дурны. Вотъ что́ мы нашли въ нихъ интереснаго:

Съ ноября мѣсяца густой слой снѣга покрываетъ землю. Тѣмъ не менѣе въ Сьерра-Невада все еще находятъ много золота. Въ Верхней-Калифорніи найденъ новый *placer*, богатый рудою не менѣе долины Сакраменто. Изобиліе металла превосходитъ всякое описаніе. Если вѣрить общему мнѣнію, земля перемѣшана съ золотомъ на пространствѣ нѣсколькихъ сотъ миль. Цѣлые вѣка и миліоны работниковъ потребны будутъ для истощенія этихъ насыпей. Въ Санъ-Франциско земли также дороги, какъ и въ Нью-Йоркѣ. Деньги отдаются по 5 процентовъ въ мѣсяцъ, подъ залогъ земель, стоившихъ годъ тому назадъ 500 франковъ, а теперь оцѣняемыхъ въ 50,000 франковъ.

До 50 кораблей пришли въ Санъ-Франциско, отъ разныхъ пунктовъ Тихаго океана, съ различными товарами, въ послѣднюю недѣлю февраля. Рынокъ снабженъ обильно. Золотой песокъ продается по 14½ и 15 долларовъ унція.

Стимеръ «Калифорнія» прибылъ въ Санъ-Франциско, но полагаютъ, что, по недостатку угля, онъ будетъ задержанъ нѣкоторое время въ портѣ. Поденная плата все еще стра́шно высока; работники заработываютъ безъ труда 30 франковъ въ день, плотники —40 фр.; обыкновенное жалованье повара — 500 франковъ въ мѣсяцъ.

Занимаются образованіемъ сколько-нибудь правильной власти.... Въ ожиданіи окончательной организаціи управленія, которое будетъ назначено конгресомъ, избраны выборные, для образованія временной администраціи. Были *митинги*, на которыхъ рѣшили противиться введенію невольничества въ этой новой территоріи Соединенныхъ-Штатовъ.

— *Экспедиція Джона Франклина къ полярному кругу.* — Съ 26 іюля 1845 года сэръ Джонъ Франклинъ, съ храбрымъ экипажемъ своимъ, исчезли изъ виду и до сихъ поръ не подавали о себѣ никакого извѣстія. Эскимосы видѣли въ 1846 году чужеземныя суда къ востоку отъ устья Макензи, но, Богъ знаетъ, должно ли вѣрить этому показанію. Какъ бы то ни было, въ минуту настроенія всеобщаго любопытства, мы не считаемъ излишнимъ изложить обстоятельства этой новой попытки — пробиться сквозь вѣчные льды, покрывающіе полярныя моря въ продолженіи бо́льшей части года.

Существованіе сѣверо-западнаго прохода было искони вѣковъ любимой мечтой мореходовъ (*). Коломбъ, въ началѣ экспедиціи своей, искалъ только болѣе прямого пути въ Индію; этотъ путь думали найти, огибая сѣверъ Америки, по направленію къ западу. На основаніи этого мнѣнія мы видимъ изъ годовъ въ годы періодическое возобновленіе попытокъ пройти изъ Атлантическаго океана въ Тихій, поддерживаемыхъ покровительствомъ и деньгами монарховъ и негоціянтовъ. Въ 1585 году, лондонскіе купцы, убѣдившись, какъ они выразились, въ возможности существованія сѣверо-западнаго прохода, снарядили экспедицію, съ цѣлью открытія его. Неуспѣхъ этой попытки не привелъ ихъ въ уныніе, и вскорѣ она была возобновлена.

Въ декабрѣ 1844 года, сэръ Джонъ Бэрро (*Barrow*), одинъ изъ секретарей адмиралтейства, представилъ совѣту Королевскаго общества проэктъ открытія сѣверо-западнаго прохода и требовалъ настоятельно снаряженія экспедиціи, которая бы прошла отъ острова Мельвиля къ Берингову проливу, между предполагаемой землею Банкъ и берегомъ Америки. По предположенію Бэрро, островъ Мельвиль не долженъ пересѣкать прямого сообщенія между Беринговымъ проливомъ и мысомъ Валькеръ, несмотря на то, что сэръ Пэрри видѣлъ неопредѣленную точку его на югѣ, означенную на полярной картѣ, какъ и земля Банкъ. Предвидя вопросъ практиковъ: *cui bono?* сэръ Берро отвѣчаетъ на него фактами, изъ которыхъ видно, что всѣ чисто-ученыя экспедиціи приносили всегда прямую или относительную пользу матеріяльнымъ интересамъ. Такъ экспедиція въ Ньюфундлендъ Гумфри Джильберта, благородно погибшаго въ путешествіи своемъ, доставила намъ промыселъ трески. Дэвисъ открытіемъ прохода, названнаго его именемъ, очистилъ путь китоловамъ. Фрёбишеръ указалъ Гудсону проливъ въ губѣ того же имени, и это открытіе повело къ учрежденію комерческаго общества «Компаніи Гудсонова залива», дѣйствія которой обнимаютъ теперь весь материкъ Америки и берега Полярнаго моря.

«Еще недавно Бэффинъ, обративъ вниманіе на бассейнъ, находящійся къ востоку отъ залива его имени, открылъ Ланкастерскій проливъ, который ведетъ къ Полярному морю и укажетъ намъ современемъ путь изъ Атлантики въ Тихій океанъ. Для Англіи было

(*) Первое указаніе на этотъ проходъ находимъ мы въ исландской сагѣ, въ которой разсказывается, какъ Торфиннъ поселился въ 1006 году въ землѣ дотолѣ невѣдомой, которую онъ назвалъ Финландомъ. Копенгагенское общество сѣверныхъ антикваріевъ написало нѣсколько диссертацій для доказанія тезисовъ: 1) что торфинновъ Финландъ была Америка, и 2) что Христофоръ Коломбъ, при отъисканіи Новаго Свѣта, имѣлъ въ виду указанія исландскихъ преданій.

бы униженіемъ не открыть самой этого пути, послѣ всѣхъ усилій ея найти его на востокѣ и западѣ. Если мнѣ станутъ приводить въ препятствіе необходимыя для этого издержки, то я замѣчу, что для разрѣшенія этого вопроса потребно не болѣе одного сезона, что экспедиція для этого предмета не будетъ стоить и трети той, которая была направлена капитаномъ Россомъ къ южному полюсу и, что она можетъ сдѣлать много наблюденій надъ земнымъ магнетизмомъ, изслѣдованіемъ котораго Европа много обязана Англіи.»

Таковъ былъ проэктъ Бэрро. Поддержанный лордомъ Гэддингтономъ, первымъ лордомъ адмиралтейства, онъ получилъ одобреніе Королевскаго общества, и правительство рѣшилось сдѣлать еще попытку для разрѣшенія задачи сѣверо-западнаго прохода.

Вслѣдствіе этого рѣшенія, въ началѣ 1845 года, были снаряжены суда «*Erèbe*» и «*Terror*», бывшія въ экспедиціи Росса, и начальство надъ ними было поручено почтенному и смѣлому Джону Франклину, только-что возвратившемуся изъ Фанъ-Дименовой земли, гдѣ онъ находился въ качествѣ губернатора. Франклинъ расположился на «*Erèbe*» и поручилъ «*Terror*» начальству капитана Фрэнсиса Раудена.

Оба судна были снабжены небольшой паровой машиной и архимедовымъ винтомъ, которые однако не принесли большой пользы въ предъидущей экспедиціи Росса. Кромѣ того они запаслись припасами на три года и возможными магнетическими и метеорологическими инструментами. 26 марта 1845 года экспедиція снялась съ якоря. Вотъ содержаніе ея инструкціи:

Цѣль экспедиціи — отъисканіе сѣверо-западнаго прохода; она отправится немедленно къ Дэвисову проливу и войдетъ въ Бэффинову губу и проливъ Ланкастерскій. Этотъ проливъ былъ изслѣдованъ четыре раза Пэрри и знакомъ китоловамъ; поэтому экспедиція отправится безпрепятственно къ западу, придерживаясь $74^1/_4{}^\circ$ широты до мыса Валькеръ (98°). Оттуда она будетъ искать прохода въ Беринговъ проливъ по сколь возможно прямой линіи. Въ этомъ-то пунктѣ Полярнаго моря долженъ находиться, по соображеніямъ, искомый проходъ. Наблюденія «Гритра» и «Геклы» въ 1820 г. показали, что къ юго-западу отъ острова Мельвиля идутъ вѣчные льды, но въ случаѣ если предначертанный инструкціей путь окажется непроходимымъ, то не мѣшаетъ изслѣдовать справедливость предъидущихъ наблюденій. Если капитанъ Франклинъ будетъ такъ счастливъ, что откроетъ искомый проходъ, то ему предписывается отправиться къ Сандвичевымъ островамъ для починки судовъ и отдыха экипажу. Оттуда онъ отправитъ въ Англію офицера съ депешами, черезъ Панамскій перешеекъ, а самъ возвратится, обогнувъ мысъ Горнъ. Кро-

мѣ главной цѣли экспедиціи, правительство поручило ревности офицеровъ точное опредѣленіе географическихъ пунктовъ и направленія токовъ полярныхъ морей и составленіе ботаническихъ, минералогическихъ и зоологическихъ коллекцій.

Итакъ, 26 марта 1845 г. экспедиція отправилась въ путь. 9 іюля капитанъ Франклинъ писалъ съ Китовыхъ острововъ полковнику Сабину, предъувѣдомляя его, что намѣренъ возвратиться, даже въ случаѣ неудачи, неранѣе какъ черезъ три года. Послѣднія извѣстія объ отважномъ мореходѣ были, какъ уже сказано, отъ 26 іюля 1845 г. Г. Даннетъ, капитанъ китоловнаго судна «Принцъ Валлійскій», встрѣтилъ корабли экспедиціи Франклина въ Мельвильскомъ заливѣ между 74°48′ широты и 66°13′ долготы. Шлюпка съ семью офицерами пристала къ китолову, и на другой день капитанъ Даннетъ долженъ былъ обѣдать на «*Erèbe*». Но ночью подулъ попутный вѣтеръ, и китоловъ отправился, не имѣвъ возможности захватить письма, которыя ему обѣщали доставить. Даннетъ присовокупилъ, что офицеры, которыхъ онъ видѣлъ, были очень веселы и вполнѣ убѣждены въ счастливомъ окончаніи экспедиціи.

Лѣто 1846 года прошло въ безвѣстіи. Китоловы донесли, что погода была все время суровая; термометръ стоялъ ниже точки замерзанія въ продолженіи двадцати дней, и сѣверные льды не ломались. Ни одинъ изъ китолововъ не могъ достигнуть Ланкастерскаго пролива.

Въ теченіи лѣта 1847 года также не было ни одного извѣстія объ участи Франклина. Китоловъ Пенни отважился пойти для отъисканія слѣдовъ экспедиціи: онъ дошелъ до 78° долготы. По отобраннымъ имъ показаніямъ, зима была очень умѣренная, да и онъ самъ мало боролся со льдами. Капитанъ китоловнаго судна «*Lady Jane*» дошелъ до 76° ширины и 80° долготы. Онъ свидѣтельствуетъ, что въ теченіи лѣта 1847 г. льды были очень высоки и густы; въ странахъ, гдѣ они имѣютъ обыкновенно шесть футовъ толщины, масса ихъ увеличилась до десяти. Туземцы приписываютъ это утолщеніе силѣ юго-восточнаго вѣтра, который, въ продолженіи всей зимы, гналъ льды къ западу. «*Lady Jane*» дошла въ Ланкастерскомъ проливѣ до пункта *Navy-Board* и остановилась за невозможностью итти далѣе по причинѣ льдовъ.

Такъ кончился 1847 годъ. Вниманіе публики было настроено, и всѣми начинало овладѣвать безпокойство. Компанія Гудсонова залива поручила агентамъ своимъ подвинуть туземцевъ къ поискамъ экспедиціи, обѣщая большую награду тѣмъ, которые доставятъ письма или бумаги отъ членовъ ея въ одно изъ заведеній компаніи. Обѣщанію этой награды должно приписать, по всей вѣроятности, рас-

пространившійся слухъ, что въ концѣ 1846 г. эскимосы примѣтили, къ востоку отъ прилива Макензи, двѣ шлюпки съ бѣлыми людьми. Таково по-крайней-мѣрѣ, мнѣніе сэра Джона Ричардсона.

Съ самого начала 1847 года люди опытные въ плаваніи по полярнымъ морямъ начали разсуждать о средствахъ помочь Франклину. Въ сентябрѣ 1846 года сэръ Джемсъ Россъ предложилъ адмиралтейству отправиться для поисковъ «*Erèbe*» и «*Terror*». Почтивъ благородное побужденіе капитана, адмиралтейство увѣдомило его, что еще не намѣрено снаряжать немедленной экспедиціи, но тѣмъ не менѣе занялось обдумываньемъ средствъ получить извѣстіе о потерянныхъ изъ виду мореходахъ.

Чтобы показать ложность опасеній тѣхъ, которые считаютъ Франклина погибшимъ, должно поставить на видъ:

1) что онъ говорилъ и писалъ неоднократно, что не покинетъ предпріятія, покуда не истощитъ всѣхъ возможныхъ средствъ,

и 2) что ни одно изъ судовъ, пытавшихся отъискать слѣдъ его экспедиціи, не знало навѣрное, въ какую сторону онъ держалъ путь отъ мыса Валькеръ, — важное обстоятельство.

«Мы часто толковали съ нимъ о предстоящемъ путешествіи — говоритъ сэръ Ричардсонъ, близкій пріятель Франклина. — Отправляясь, онъ намѣревался достигнуть сосѣдства мыса Валькеръ и итти оттуда по этому паралелю назадъ. Въ случаѣ невозможности слѣдовать этимъ путемъ, онъ хотѣлъ повернуть на югъ, къ каналу, открытому у сѣверной части материка, и плыть оттуда къ Берингову проливу. Въ случаѣ неуспѣха попытки пробиться съ этой стороны, онъ хотѣлъ дойти до Веллингтонова пролива и искать прохода къ сѣверу отъ острововъ Пэрри. Если бы и въ этомъ направленіи онъ встрѣтилъ препятствія, то намѣревался спуститься къ фарватеру Регента и искать прохода, открытаго вдоль береговъ гг. Дизомъ и Симпсономъ.»

Полковникъ Сабинъ, долго изучавшій вопросъ о сѣверо-западномъ проходѣ и котораго мнѣніе должно имѣть авторитетъ, предполагаетъ, что названный выше проходъ долженъ итти черезъ Веллингтоновъ проливъ, и что положительныхъ свѣдѣній о Франклинѣ должно искать не на западномъ, а на восточномъ концѣ его.

Обозначивъ, такимъ образомъ, затруднительное положеніе тѣхъ, которые рѣшались отъискивать слѣды экспедиціи, обратимся къ изложенію мѣръ, предпринятыхъ для этой цѣли.

Положено было снарядить три экспедиціи: одна, изъ двухъ судовъ, должна была итти къ Ланкастерскому проливу; другая, изъ того же числа судовъ, къ Берингову проливу, и третья, изъ нѣсколькихъ шлюпокъ, которыя должны спуститься по Макензи и изслѣдо-

вать восточный берегъ этой рѣки въ то время, какъ шлюпки, принадлежащія ко второй экспедиціи, будутъ осматривать западный.

Начальство первой экспедиціи было ввѣрено Джемсу Россу, по его желанію; вторая экспедиція была поручена коммандору Муру, а третья г. Джону Ричардсону, который рѣшился на это пушествіе несмотря на недавній бракъ и преклонныя лѣта свои. Изложивъ вкратцѣ инструкцію каждой изъ экспедицій, мы сообщимъ извѣстные въ настоящее время результаты ихъ изслѣдованій.

Сэръ Джемсъ Россъ имѣлъ предписаніе итти безъ замедленія къ Ланкастерову проливу, изслѣдовать берега этого пролива, равно какъ и пролива Бэрро, и искать всюду слѣдовъ Франклина. Если время позволитъ, онъ долженъ продолжить изслѣдованія свои на одной изъ сторонъ Виллингтонова пролива и на всѣхъ пунктахъ, означенныхъ на нашихъ картахъ, между мысами Клоренсъ и Валькеръ. «Изслѣдователю» (одному изъ двухъ судовъ первой экспедиціи) предписано зимовать въ вѣрномъ портѣ близь мыса Реннель, чтобы продолжать изслѣдованія сухимъ путемъ, по значительному пространству окрестныхъ береговъ. Весною 1849 года надлежитъ пробраться по льдамъ къ ряду бухтъ, окаймляющихъ западный берегъ Боотіи въ то время, какъ часть экипажа направится къ югу, для изслѣдованія пустого пространства, означеннаго на картахъ, и опредѣнія, есть ли оно открытое море, по которому Франклинъ могъ пройти, или безпрерывная цѣпь островов, въ которыхъ онъ завязъ? Съ наступленіемъ лѣта «Изслѣдователь» отправитъ паровой ботъ свой въ Ланкастерскій проливъ для сообщенія инструкцій судамъ, которыя посѣщаютъ объ эту пору Бэффиновъ заливъ.

«Предпріятіе» (другое судно первой экспедиціи) имѣетъ итти на западъ и стать на зимовку у острова Мельвиля. Оттуда оно отправитъ двѣ партіи для ислѣдованій: одну къ мысу Пэрри и форту Доброй Надежды вдоль западнаго берега земли Банкъ; другую вдоль восточнаго берега той же земли до мысовъ Крузенштерна и Горна. Здѣсь она присоединится къ экспедиціи Ричардсона и возвратится съ нею въ Англію.

12 мая 1848 года «Предпріятіе» и «Изслѣдователь» снялись съ якоря и достигли уже 13 іюля 72°40′ широты. Послѣднія вѣсти были отъ 28 августа: капитанъ Россъ находился между 73°50′ широты и 78°6′30″ долготы.

Экспедиція снаряженная въ Беринговъ проливъ состоитъ изъ «*Plover*» подъ начальствомъ Мура, и «*Herald*», подъ начальствомъ капитана Келлетта. Оба корабля должны соединиться у Панамы и отправиться оттуда къ Петропавловску и Ситхѣ, для добытія толмачей и свѣжихъ припасовъ.

Если экспедиція успѣетъ дойти до Берингова пролива къ 1 іюля, то она должна подвигаться вдоль американскаго берега, сколько позволитъ движеніе льдовъ. Четыре китоловныя лодки будутъ отправлены для отъисканія удобнаго зимовья «*Plober*»'у, и, въ случаѣ неудачи, двѣ изъ нихъ отведутъ судно къ выбранному мѣсту, а двѣ другія отправятся на поиски Франклина и будутъ стараться войти въ сообщеніе съ флотиліей, которая, подъ начальствомъ Ричардсона, будетъ изслѣдовать берега Макензи. «*Herol*» будетъ подавать извѣстія о «*Prover*»'ѣ.

Русское правительство предписало начальству Ситхи помогать «*Plover*»'у всѣми средствами и властью своей. Капитанъ Бишей, опытный въ плаваніи по полярнымъ морямъ, снабдилъ командора Мура драгоцѣнными свѣдѣніями. Съ своей стороны, компанія Гудсонова залива предписала агентамъ своимъ поддерживать сколько возможно партію «*Plover*»'а, которая будетъ изслѣдовать берега Макензи.

Большія надежды полагаютъ на третью экспедицію, планъ которой былъ составленъ Ричардсономъ въ февралѣ 1847 года, и которая поручена его начальству. Она составлена изъ четырехъ ботовъ нарочно срубленныхъ въ Англіи изъ самыхъ легкихъ матеріяловъ. Каждый изъ этихъ ботовъ имѣетъ тридцать футовъ длины и шесть ширины и снабженъ двадцатью матросами. Лѣтомъ 1847 года флотилія эта покинула Англію вмѣстѣ съ судами Компаніи Гудсонова залива и направилась быстро къ Макензи. Сэръ Ричардсонъ присоединился къ своимъ ботамъ изъ Нью-Йорка 4 іюля. Инструкціи г-ну Ричардсону не заключаютъ ничего особеннаго: ему дана полная власть предпринимать изслѣдованія по своему усмотрѣнію, но предписано прекратить ихъ послѣ зимы 1849 года, чтобы не подвергать боты безполезнымъ опасностямъ.

Кромѣ этихъ попытокъ для отъисканія слѣдовъ Франклина, лэди Франклинъ предложила награду въ двѣ тысячи фунтовъ стерлинговъ тому китоловному судну, которое сообщитъ ей извѣстіе о ея мужѣ и его экспедиціи. 23 марта 1849 года англійское правительство предложило еще награду въ двадцать тысячь фунтовъ стерлинговъ всякой экспедиціи сухимъ путемъ или моремъ, которая доставитъ свѣденія о судьбѣ капитана Франклина.

Какова участь этого морехода? По расчетамъ Джемса Росса и другихъ, онъ не можетъ нуждаться въ припасахъ до осени 1849 года. Вліяніе температуры полярныхъ странъ на здоровье людей не злокачественно: изъ шести сотъ девяти человѣкъ, бывшихъ въ девяти предъидущихъ экспедиціяхъ къ полярному кругу, погибло только семь. Остается опасность возможности быть затертымъ и раздавлен-

нымъ льдами, но и эта опасность устраняется предосторожностями опытнаго человѣка.

Заключимъ нашу статью словами Фрёбишера. Когда старались отклонить его отъ предпріятія отъискать сѣверо-западный проходъ, онъ отвѣчалъ: «Въ настоящее время это единственное средство обезсмертить свое имя!»

— *Бой тигра съ быкомъ въ Мадритѣ.* — Съ нѣкотораго времени жители Мадрита любовались, въ Турецкомъ саду, превосходнымъ бенгальскимъ тигромъ, привезеннымъ въ Испанію французомъ, г. Шарлемъ, *укротителемъ* хищныхъ звѣрей. Съ нѣкотораго же времени любители (*aficionados*) боевъ быковъ жаловались на скудный составъ труппы и обыкновенную бѣдность представленій. Для удовлетворенія этихъ любителей, горячо поддерживаемыхъ журналами, администрація выписала съ юга и ангажировала чикланеро, одного изъ лучшихъ *шпажниковъ* Испаніи, съ тѣхъ поръ, какъ великій Монтесъ уже не *работаетъ;* но, какъ публика все еще не была довольна, то наконецъ прибѣгли къ необыкновенному средству.

Съ дозволенія г-на мера и начальствъ, администрація предложила г-ну Шарлю устроить бой насмерть между бенгальскимъ тигромъ и однимъ изъ быковъ знаменитаго заводчика Хоза Бенхумеа Севильскаго.

При этомъ извѣстіи, ловко пущенномъ въ ходъ, общество любителей оживилось, образовались парй, и на сторонѣ быка оказались только старые *aficionados*, классики *plaza*, обычные посѣтители *enciero* и *a partado*, занимающіе всегда первыя скамьи *tendito* (партера) у барьера, чтобы лучше судить объ ударахъ и возбуждать жестомъ и голосомъ быка и пикадора. Молодые же, тѣ, которые не знаютъ ни преданій, ни могущества тавромахіи, которые не видали и не читали описаній *работъ* великихъ мастеровъ, а только любовались въ Турецкомъ саду гибкостью и силой тигра, держали парй за звѣря г. Шарля, противъ быка донъ Хозе Бенхумеа Севильскаго.

День представленія былъ назначенъ 17 мая. Знали, что королева и король должны прибыть изъ Аранхуеца нарочно для этого зрѣлища; поэтому за двѣ недѣли всѣ мѣста были уже разобраны и въ кассѣ улицы Алькала уже не было болѣе билетовъ.

Къ нетерпѣнію и естественному любопытству, возбужденнымъ въ высшей степени перспективой рѣдкаго зрѣлища, присоединялось еще неопредѣленное чувство страха, ласкавшее воображеніе. Вслѣдствіе предувѣдомленія, напечатаннаго въ журналахъ, начальства города и администрація взяли всѣ мѣры для отвращенія бѣды, *въ случаѣ, если тигръ, перескочивъ барьеръ, попалъ бы между зрителей.*

Представленіе должно было начаться въ половинѣ пятаго. Съ двухъ часовъ улица Алькала, ведущая къ площади Быковъ, была уже запружена лошадьми, экипажами и пѣшеходами, притекавшими изъ самыхъ отдаленныхъ частей города и изъ окрестностей. Болѣе 20,000 находились уже въ зданіи, когда, въ четверть пятаго, музыка возвѣстила пріѣздъ Ихъ Величествъ, которые, при входѣ въ ложу, были встрѣчены громкими рукоплесканіями.

Директоры, до начала представленія, поднесли, по обыкновенію, королевѣ програму въ букетѣ цвѣтовъ. Королева сдѣлала знакъ согласія, и музыка подала сигналъ боя.

Двадцать человѣкъ, одѣтыхъ по-римски и вооруженныхъ длинными пиками и щитами, окружали клѣтку тигра.

Первая часть празднества мало потѣшила публику. На ристалище пустили оленя съ сворой собакъ, которыя скоро разтерзали его.

Вторая часть представила болѣе интереса и оживленія. Укротитель звѣрей явился съ двумя марокскими полосатыми гіенами. Одна изъ нихъ сдѣлала такой скачокъ, что очутилась въ узкомъ круговомъ пространствѣ, отдѣляющемъ публику отъ бойцовъ, и, отбиваясь, метала оттуда сосѣдамъ такіе взоры, что окружныя скамьи начали-было пустѣть, пока не пришолъ за нею укротитель.

Послѣ довольно жаркой борьбы, ему удалось увлечь гіену на середину арены, гдѣ онъ выдержалъ нападеніе обѣихъ вмѣстѣ. Опасность, которой онъ подвергался, доставила зрителямъ много минутъ страха. Въ одинъ моментъ, одна изъ взбѣшенныхъ гіенъ охватила его сзади, въ то время, какъ другая собиралась напасть спереди, но онъ увернулся съ такой удивительной ловкостью и такимъ искусствомъ, что оба звѣря, поверженные, покатились на обѣ стороны, испуская жалобный ревъ. Столько силы, ловкости и присутвія духа возбудило страшный аплодисманъ въ этой толпѣ, знающей толкъ въ опасностяхъ подобнаго рода. Шляпы, зонтики, апельсины, бонбоньерки летѣли на арену отовсюду.

Чтобы менажировать ощущенія, спустили между гіенами и тигромъ бѣлаго гренландскаго медвѣдя, который былъ затравленъ здоровыми собаками при помощи цѣпи и веревки, которыми стѣснили неблагородно движенія ихъ противника. Но нетерпѣливая публика не могла уже усидѣть на мѣстѣ: она требовала тигра; желаніе ея было исполнено. Обѣ клѣтки съ тигромъ и быкомъ были отворены въ одно время.

Быкъ выбѣжалъ первый. Онъ былъ, говорятъ мадритскіе журналы, *нѣсколько плотенъ, черенъ, хорошо вооруженъ, со всѣми ухватками храбреца*. Онъ кинулся впередъ, и свирѣпый свистъ его ноздрей огласилъ ристалище.

Тигръ, напротивъ, принялъ положеніе оборонительное, готовясь встрѣтить нападеніе и отразить его.

Завидѣвъ его, быкъ сдѣлалъ скачокъ въ сторону и остановился какъ вкопанный. Двое враговъ взглянули другъ на друга прямо, и это была самая торжественнѣйшая минута всего зрѣлища. Мертвое молчаніе замѣнило обычный шумъ и гамъ. Всякой ожидалъ осуществленія той страшной сцены, которую онъ создалъ въ своемъ воображеніи. Ожиданіе продолжалось не долго. Два звѣря бросились быстро другъ на друга, и съ этой минуты участь боя была уже рѣшена.

Тигръ напалъ прямо, а не сбоку, какъ предполагали любители, и, по слабости его размаха, было замѣтно, что пребываніе въ тѣсной клѣткѣ и недостатокъ упражненія лишили его части силъ. Быкъ, бросившійся въ тоже время, принялъ его на рога. Отброшенный на большое пространство, тигръ обратился въ бѣгство.

Страшныя рукоплесканія и *bravo* показали ясно, на чьей сторонѣ было сочувствіе зрителей. *Bravo toro! bravo toro!* кричали со всѣхъ сторонъ махая платками, шляпами и тростями. Въ минуту быкъ былъ осыпанъ дождемъ букетовъ. Классики боя были въ наслажденіи.

Подстрекаемый криками, быкъ гналъ передъ собою непріятеля, который, обѣжавъ два раза арену, укрылся у подножія барьера. *Vequero*, изъ *Tendito*, ободрилъ быка ласковыми словами и показалъ ему красный платокъ, махая имъ по направленію къ тигру. Онъ бросился снова на врага и сдѣлалъ ему широкую рану въ шеѣ.

Тогда тигръ поползъ, глухо стеная, вдоль барьеры и свалился у дверей своей клѣтки, откуда его уже невозможно было вызвать, несмотря на подстреканія зрителей, окружавшихъ *toril* и бо́льшей части *toreros*'овъ по ремеслу.

Быкъ обошелъ еще раза два-три арену посреди рукоплесканій, и, столь же великодушный, какъ и храбрый, говорятъ мадритскіе журналы, онъ не искалъ употребить во зло свою побѣду.

Нѣсколько минутъ не знали, что́ предпринять. Бой былъ оконченъ, но побѣжденный еще жилъ, вопреки правиламъ тавромахіи. Рѣшили вывести быка изъ арены и, набросивъ, изъ излишней предосторожности, петлю на тигра, въ арену впустили старыхъ быковъ, пріученныхъ водить молодыхъ съ пастбища къ мѣсту боя *(cabestros)*. Побѣдитель былъ выведенъ не безъ усилія.

Тогда, для удовлетворенія нѣсколькихъ безжалостныхъ зрителей, напустили на тигра 8 или 10 собакъ, которыя легко загрызли его. Но, передъ смертью, онъ собралъ послѣднія силы и глубоко изборозилъ лапами бока и спину непріятелей.

Королева и король вышли изъ ложи, когда борьба уже перестала быть серьёзною.

Вечеромъ, на гуляньи и въ кандитерскихъ только и былъ разговоръ о храбромъ быкѣ дона Хозе Бенхумеа, побѣдителѣ огромнаго бенгальскаго тигра, которымъ такъ долго любовались въ Турецкомъ саду.

— *Состояніе Англіи съ 1815 по 1849 годъ.* — Извѣстно, что въ Англіи виги и торіи занимаются историческими изслѣдованіями съ точки зрѣнія своихъ относительныхъ убѣжденій, и что историческая литература Великобританіи представляетъ двойственное рѣшеніе самыхъ важныхъ вопросовъ въ исторіи развитія этого государства. Эта двойственность особенно поразительна въ изслѣдованіяхъ исторіи англійскаго парламента. «Исторія Англіи» Мэколея подверглась недавно охужденію «*Blackwood Magazine*», органа торіевъ, за ея стремленіе выказать въ блестящемъ свѣтѣ эпоху царствованія Вильгельма III, въ противоположность предшествовавшимъ ей временамъ. «*Blackwood Magazine*» находитъ, что обратный тезисъ былъ справедливѣе и, въ подтвержденіе словъ своихъ, приводитъ слѣдующую картину состоянія Англіи съ 1815 по 1848 г.

«Вся эпоха съ 1815 года до 1848 представляетъ въ Англіи постепенное преобладаніе самыхъ разнохарактерныхъ явленій. Въ предъидущемъ періодѣ государство употребило геркулесовское усиліе для поддержанія національныхъ интересовъ; въ настоящемъ — оно пожертвовало ими безъ сожалѣнія. Двадцать лѣтъ борьбы оставили 15 милліоновъ стерлинговъ ежегоднаго фонда для погашенія долговъ. Тридцать пять лѣтъ *благосостоянія* уничтожили этотъ фондъ. Въ эпоху войны лозунгами были: покровительство національной промышленности, пособія колоніямъ, содержаніе флота; въ эпоху спокойствія: свобода торговли, отверженіе колоній, дешевый фрахтъ. Между состояніями, — постоянно увеличивающаяся неравность; съ одной стороны 200,000,000 ф. стерл. дохода у класса, имѣющаго болѣе 150 ф. стерл. ежегодной ренты; съ другой — 4,000,000 нищихъ, т. е. ровно седьмая часть всего народонаселенія. Народонаселеніе увеличилось, а съ нимъ и преступленія: въ 40 лѣтъ число разныхъ проступковъ противъ общества увеличилось *вдесятеро*. Только пособіе парламента въ 10,000,000 ф. стерл. предохранило отъ голодной смерти два милліона Ирландцевъ. Такса бѣдныхъ возрасла страшно и стала такъ отяготительна, что жители Ливерпуля торжествовали ограниченіе притока въ ихъ городъ бѣдныхъ ирландцевъ 2,000 въ недѣлю. Такса бѣдныхъ Гласгова возрасла въ 4 года отъ

20,000ливр. до 200,000. Прибавьте къ этому истощеніе казны, возстаніе въ Ирландіи и конечное раззореніе Вестъ-Индіи.

«Состояніе общественныхъ нравовъ въ Англіи не болѣе утѣшительно въ теченіи этого періода. Пьянство увеличилось съ уменьшеніемъ пошлины на спиртовые напитки, развратъ сдѣлался всеобщимъ. Драма превратилась, какъ это обыкновенно бываетъ въ эпохи паденія, въ мелодраму; звѣринцы и жонглёры замѣнили комедію и трагедію; театры сдѣлались достояніемъ итальянскихъ пѣвцовъ и французскихъ танцовщицъ. Театръ Оперы бился еще коекакъ посреди этого паденія, но и тотъ принужденъ былъ ставить балеты, въ которыхъ танцовщицы являются передъ публикой въ непристойныхъ костюмахъ. Безнравственность дошла до того, что платили по три гинеи за купонъ, чтобы послушать какую-то шведскую пѣвунью. Спекуляція дѣлалась всеобщимъ двигателемъ: даже элегантныя дамы сдѣлались причастны ей. Мужчины читали только биржевыя извѣстія».

Но мы напрасно стали бы доказывать ложность и преувеличенность положеній «*Blackwood Magazine*»; въ настоящее время исторія эпохи, о которой шла рѣчь, описывается серьёзно писателемъ строгимъ и философическимъ, — миссъ Мэртино, авторомъ извѣстныхъ «Политико-экономическихъ разсказовъ».

Особенное вниманіе обращено ею на царствованіе Георга IV. Миссъ Мэртано судитъ строго о людяхъ и событіяхъ: разсказывая комерческій кризисъ 1826 года, который едва не повлекъ государство къ раззоренію частныхъ лицъ, она клеймитъ энергически безнравственность всѣхъ классовъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ роняетъ слезу сожалѣнія на несчастныя семейства, погибающія отъ личнаго самолюбія ихъ главы. Сужденіе ея объ о'Коннелѣ, котораго она представляетъ скареднымъ собирателемъ ренты *рэпилл*, отзывается національными предубѣжденіями, общими какъ вигамъ, такъ и таріямъ; но въ книгѣ ея есть страницы, подобныя которымъ можно найти развѣ только у Мэколея. Не можемъ не подѣлиться съ читателями одной изъ нихъ. Мы въ королевскомъ склепѣ виндзорской капеллы, присутствуемъ при погребеніи герцога йоркскаго, ревностнаго противника католической эманципаціи. Придворный этикетъ привелъ къ гробу брата короля всѣ политическія знаменитости того времени; пользуясь этимъ случаемъ, миссъ Мэртино показываетъ намъ, каковы были въ это время ихъ мысли, о чемъ они думали, и, пораженная присутствіемъ смерти, приводитъ всѣ ихъ сбывшіеся и несбывшіеся замыслы къ этому общему, неизбѣжному знаменателю. Эта сцена очень эффектна, нова и полна драматизма.

«Если бы лица, присутствовавшія при этомъ погребеніи, могли видѣть свое положеніе между прошедшимъ и будущимъ такъ, какъ оно представляется намъ теперь, это ясновидѣніе поглотило бы ихъ мысли и отвлекло бы отъ гроба, спускаемаго въ склепъ, и панихиды, совершаемой священнослужителями. Трудно найти болѣе странное собраніе людей, случайно соединенныхъ. Мы, пережившіе ихъ, можемъ созерцать теперь каждаго съ судьбой его, парящей надъ обнаженной головой. Самое главное лицо, которое должно было лечь прежде другихъ въ этомъ склепѣ, посреди членовъ своей королевской фамиліи, не присутствовало при церемоніи. Онъ былъ въ своемъ дворцѣ, печальный и страждущій, довольный и вмѣстѣ съ тѣмъ смущенный событіемъ, которое упрощало его правленіе, удаляя навсегда оппозицію брата, слишкомъ близко поставленнаго къ трону, для того, чтобы вмѣшательство его могло быть не значущимъ и отвергнутымъ; это вмѣшательство, тягостныя свиданія, письма съ короткой и повелительной надписью: *королю*, *моему брату*, — все это уничтожилось навсегда. Теперь все было возможно и легко! Да, а между тѣмъ вопросъ все оставался вопросомъ: на что́ рѣшиться? Отвѣчать на это должны были Кэннингъ и Ливерпуль. Если они были убѣждены въ необходимости католической эманципаціи, то на нихъ лежала обязанность указать средства къ этому и привести ихъ въ исполненіе. Ливерпуль и Кэннингъ! Что́ будетъ съ нами самими черезъ годъ? Лорда Ливерпуля не было въ Виндзорѣ, въ эту ночь. Онъ старался усыпить голову свою, снѣдаемую заботами, не подозрѣвая, что ему оставалось только нѣсколько дней разумной жизни. Тѣло его еще дышало нѣсколько мѣсяцовъ, но разумъ.... покинулъ его, черезъ нѣсколько дней. Что́ касается до Кэннинга, онъ обладалъ всей теплотой сердца, всей силой души въ минуту, когда погребальные факелы освѣтили его благородное чело. Онъ зналъ хорошо, что умершій былъ не только личнымъ непримиримымъ врагомъ его, но единственной непреодолимой преградой его политикѣ. Ему представлялось поприще открытое или которое, по-крайней-мѣрѣ, онъ могъ открыть самъ. Для него клали въ гробъ съ покойникомъ фантомъ, вызванный подъ именемъ революціи 1688 года. За предѣлами этой часовни, освѣщенной блѣднымъ пламенемъ факеловъ, ему представлялась Ирландія, освѣщенная лучами свѣтила примиренія; онъ ощущалъ въ себѣ великодушную надежду упрочить въ Соединенномъ-королевствѣ внутренній миръ, какъ онъ упрочилъ его въ остальномъ мірѣ. Не видѣлъ онъ и не ощущалъ только сырой и холодный воздухъ капеллы, пасмурную атмосферу зимней ночи, которая всасывалась какъ тонкій ядъ въ источники его жизни. Съ нимъ вмѣстѣ стоялъ другъ его и

товарищъ Хёскиссонъ. Они родились въ одномъ году и оба не должны были знать здоровья, послѣ панихиды этой ночи. То, что́ оставалось имъ прожить, составляло отстой жизни, самыя горькія минуты ея: болѣзнь, работа, безпокойство, униженіе, страшная тоска. Да, если бы они могли предвидѣть будущее, они покинули бы всякую мысль о личномъ самолюбіи, всякую надежду на око́нчаніе своего дѣла и счастливую старость; послѣ понихиды они отправились бы собраться съ мыслями и приготовиться къ преждевременному концу. Эти два человѣка не выказывали ложной печали: они стояли мрачно и задумчиво въ офиціяльномъ траурѣ; но, подлѣ нихъ было лицо, которое громко свидѣтельствовало всѣмъ о прискорбной потерѣ своего царственнаго друга, — потерѣ невозвратимой для всей Великобританіи: это былъ лордъ-канцлеръ Эльдѐнъ. У этого склепа, въ которомъ, по словамъ его, погребены въ эту ночь всѣ надежды отечества, былъ ли онъ точно погруженъ въ отчаяніе, забывшись посреди слезъ и патріотическихъ размышленій? Да, конечно.... однако.... онъ одинъ изъ всѣхъ вспомнилъ.... что́ такое? что онъ можетъ простудиться на холодныхъ плитахъ, и потому поспѣшилъ подложить себѣ подъ ноги свою шляпу. Предосторожность не излишняя и которая оказалась впослѣдствіи очень полезною.... Вотъ, кабы Кэннингъ хватился положить себѣ шляпу подъ ноги! Но онъ думалъ о другомъ!

«Между присутствовавшими нѣкоторыхъ также ждала скорая смерть, а другихъ — жизнь, исполненная долгихъ и тяжкихъ трудовъ: тутъ былъ миссъ Тирней, безпокойный противникъ министровъ, котораго должны были найти мертвымъ въ кабинетѣ своемъ, до смерти короля; лордъ Грэвасъ, наложившій руки на себя. Между шестью герцогами, несшими балдахинъ, находился герцогъ Веллингтонъ, который наслѣдовалъ высокій военный санъ покойника. Лордъ Веллингтонъ думалъ тогда быть одного мнѣнія съ предшественникомъ своимъ; да, онъ намѣревался, въ случаѣ, если ему случится быть главою кабинета, возставать всѣми силами противъ дарованія католикамъ правъ гражданства. Но домогался ли онъ мѣста перваго министра? О, нѣтъ; герцогъ объявлялъ всѣмъ, что воинъ не можетъ занимать этой должности. Что́ же вышло? Прежде, чѣмъ королевскій склепъ открылся опять, Веллингтонъ долженъ былъ быть первымъ министромъ и употреблять все свое вліяніе на уничтоженіе законовъ противъ католиковъ. Въ склепѣ находились еще: лордъ Гэрдинджъ, будущій губернаторъ Индіи, и наконецъ новый наслѣдникъ престола, который, подъ именемъ Вильгельма III, долженъ былъ быть королемъ Великобританіи и, въ качествѣ этомъ, подписать новую избирательную хартію Англіи».

— *Расходы Англіи на свои колоніи.* — Англійскія владѣнія въ сѣверной Америкѣ (Канада, Новая Шотландія, острова принца Эдуарда, Нью-Брунвикъ, Нью-Фундлендъ и Бермудъ), стоили правительству въ теченіи пяти лѣтъ (до 31 марта 1847 года), два милліона 646,094 фунта стерлинговъ, которые были употреблены на содержаніе войска и расходы по разнымъ сношеніямъ; владѣнія на Средиземномъ морѣ и въ Африкѣ (Гибралтаръ, Мальта, Іоническіе острова, колонія мыса Доброй Надежды, Сьерра-Леоне, Гамбія, Золотой Берегъ и св. Елена), стоили правительству, въ теченіи того же времени, 3 милліона 170,988 ф. стерл.; Вестъ-Индія поглотила 1 милліонъ 779,337 ф. стерл.; владѣнія въ Австраліи и другихъ земляхъ — 2 милліона 52,935 ф. стерл. Итакъ, колоніи Англіи стоили метрополіи своей, въ теченіи пяти лѣтъ, ни болѣе, ни менѣе, какъ 9 милліоновъ 742,354 ф. стерл., которые ушли единственно на содержаніе войска и расходы по сношеніямъ. Это составитъ среднимъ числомъ ежегодный расходъ въ 2 милліона ф. стерл. (50 милліоновъ франковъ).

— *Литературныя новости въ Англіи.* — Къ замѣчательнымъ книгамъ, появившимся въ послѣднее время въ Англіи, принадлежатъ 1) «*Саксонцы въ Англіи*». Соч. Митчеля Кембля; 2) «Посѣщеніе Леванскаго Монастыря Кюрчаномъ». Англійскій критикъ замѣчаетъ, что этотъ разсказъ также интересенъ какъ «Путешествіе по Востоку», которое было переведено въ Современникѣ прошлаго года.

3) Чарльзъ Диккенсъ, по послѣднимъ газетнымъ извѣстіямъ, отправился въ деревню. Въ Лондонѣ ожидаютъ появленія 1-го ливрезона его новаго романа, подъ заглавіемъ: «Исторія, приключенія, личные опыты и наблюденія Давида Коперфилля-младшаго (сочиненіе, написанное съ цѣлью никогда не быть изданнымъ).»

4) Появился новый романъ Купера: «Львы моря». Это уже сто первый романъ этого писателя.

Мужскія моды. Быть франтомъ очень нетрудно; быть человѣкомъ хорошаго тона не совсѣмъ легко. Это истина неоспоримая. Между *франтомъ* и *человѣкомъ хорошаго тона* — неизмѣримая бездна. Франтъ, человѣкъ одѣвающійся вычурно, съ претензіями по послѣднимъ парижскимъ картинкамъ; слѣдовательно, франтъ уже никакъ не можетъ быть человѣкомъ хорошаго тона, девизъ котораго— изящная простота во всемъ... И это такъ не въ одной области модъ. Замѣтьте, въ литературѣ истинные таланты всегда и вездѣ были писателями хорошаго тона. Они никогда не позволяли себѣ никакихъ эффектныхъ, вычурныхъ фразъ: ихъ языкъ отличался изящною простотою и самой строгой чистотою. Напротивъ, литературные франты никогда не произносили и не произносятъ словечка съ-проста... Вмѣсто того, напримѣръ, чтобы сказать, «я близокъ къ смерти»; они говорятъ, «*закваска смерти уже бродитъ во мнѣ*» у нихъ «*сердце расплывается грязью*», они «*взоромъ разбиваютъ адскія врата*»; отъ ихъ возлюбленныхъ «*вѣетъ мускусомъ*», и проч., и прочее.

Эти франты-литераторы совершенно походятъ на тѣхъ франтовъ, которыхъ мы часто встрѣчаемъ на гуляньяхъ или на публичныхъ балахъ: на гуляньяхъ — въ васильковыхъ плюшевыхъ жилетахъ, въ такого же цвѣта галстухахъ, въ сюртукахъ съ бархатными отворотами и съ различными галантерейными украшеніями въ видѣ булавокъ, цѣпей, брелоковъ и прочее; на публичныхъ балахъ — въ бѣлыхъ галстухахъ и въ бѣлыхъ изъ стеклянной матеріи жилетахъ съ золотыми цвѣточками. Эти франты, и литературные и не литературные, думаютъ, что изящное заключается въ вычурности и рѣзкости, и что только этою рѣзкостью можно обратить на себя вниманіе.

Нашъ старый пріятель *Новый Поэтъ*, котораго, къ сожалѣнію, лира давно умолкла (по домашнимъ обстоятельствамъ), прислалъ намъ недавно стихотвореніе, въ которомъ онъ изображаетъ одного изъ такихъ франтовъ:

ФРАНТЪ.

Онъ молодецъ, и въ цвѣтѣ лѣтъ,
Онъ вѣчно завитъ, распомаженъ,
Къ нему лазоревый жилетъ
Безукоризненно прилаженъ,
А по лазори все цвѣты;
Сюртукъ съ иголочки, и брюки
Невѣроятной пестроты:
Въ перчаткахъ стянутыя руки,
И сверхъ перчатки — *бриліянтъ*...
Онъ въ полномъ смыслѣ слова — *франтъ!*
Брелоковъ бездна: рогъ и ножикъ,
И барабанъ и паровозъ;
Духи — *экстре изъ тюберозъ*,

И фонари у круглыхъ дрожекъ!...
Самъ бодрости своей не радъ,
Въ пальто на полосатой байкѣ,
Въ *четырехъмѣстной* таратайкѣ,
Одинъ онъ скачетъ въ Лѣтній садъ.
Онъ у Дюссо, какъ-будто дома,
Кричитъ: «Матюшка! поскорѣй
Подай мнѣ коньяку иль рому
Да *Редереръ* похолоднѣй!»
На сторонѣ его всѣ шансы,
Онъ обольститель *легкихъ* дамъ:
Всегда собой доволенъ самъ,
Онъ въ ихъ кругу поетъ романсы.
Онъ вретъ и хвастаетъ безъ мѣръ,
Какъ Хлестаковъ, почти невольно,
Всегда твердя самодовольно:
«Diantre, монъ шеръ, комъ *са кутъ шеръ!*

Такіе франты имѣютъ большой успѣхъ въ гостиныхъ у госпожъ Чуфыриныхъ, Курмицыныхъ (¹) и Горбачовыхъ (²). Одѣваются они обыкновенно у Ассысалова.

Портные хорошаго тона—Шармеръ и Сара. Мы уже не разъ говорили о нихъ. Это истинные художники въ своемъ родѣ. Мужскія моды впрочемъ измѣняются не такъ быстро, какъ дамскія.

Сюртуки носятъ теперь, какъ и прежде, по преимуществу черные, двубортные, немного покороче прошлогоднихъ.

Выборъ брюкъ (весеннихъ и лѣтнихъ) отличается у Шармера необыкновеннымъ разнообразіемъ. Брюки по большей части съ лампасами. Они носятся безъ штрипокъ и со штрипками.

Жилеты самые употребительные — черные казимировые или изъ небеленаго батиста.

Жилеты съ глянцомъ и съ шелковистымъ отливомъ носятъ только франты.

Лѣтніе галстухи, клетчатые и полосатые, повязываются очень свободно и низко съ большимъ бантомъ напереди. Рубашки бѣлыя, батистовыя. Мы въ особенности рекомендуемъ магазинъ г. Лепретра (въ Большой морской, въ домѣ Жако) отличающійся превосходнымъ выборомъ галстуховъ и мужского бѣлья.

Пальто немного повыше колѣнъ, двубортные, безъ обшлаговъ, съ суконнымъ воротникомъ, — преимущественно двухъ цвѣтовъ: свѣтло-гороховыя съ бѣлыми перламутровыми пуговицами и цвѣта *fumée de Londres* съ черными костяными.

Очень легкія ботинки для лѣта изъ лакированной кожи можно заказывать у г. Леона, на Невскомъ проспектѣ, въ домѣ Менщикова.

(¹) См. повѣсть гр. Соллогуба *Большой свѣтъ*.
(²) См. разсказы г. Панаева въ Лит. Газ. 1843.

HOUDETOT (Adolphe d'). Le Chasseur rustique, contenant la théorie des armes, du tir et de la chasse au chien d'arrêt, en plaine, au bois, au marais, sur les bancs, etc. Paris 1848. Un volume in-8. 2 rbls. 50 c.

JOBERT (Docteur). Traité de Chirurgie plastique. Paris 1849. Deux forts volumes in-8. accompagnés d'un Atlas in-fo. de 18 planches coloriées. 15 rbls.

LAMARTINE (Alph. de). Les Confidences. Paris 1849. Un volume in-8. 1 rbl. 75 c.

——— *Les mêmes.* Bruxelles 1849. Deux volumes in-18. 1 rbl. 50 c.

——— Raphaël. Bruxelles 1849. Un volume in-18. 70 cops.

MANUEL (nouveau) complet du décorateur ornementiste, du graveur et du peintre en lettres par *M. J. P. Schmit.* Paris 1848. Un volume in-18. avec Atlas in-4.

MANUEL de l'éclairage au gaz, ou traité élémentaire et pratique à l'usage des ingénieurs, directeurs et contre-maîtres d'usines à gaz, par *M. D. Magnier.* Paris 1849. Un volume in-18. orné de 10 planches gravées. 1 rbl. 25 c.

——— D'éducation physique, gymnastique et morale, par le colonel *Amoras, marquis de Sotelo.* Paris 1848. 2 volumes in-18. et atlas in-8. oblong. 3 rbls. 50 c.

——— du facteur d'orgues, ou traité théorique et pratique de l'art de construire les orgues, précédé d'une notice historique sur l'orgue, etc., par *M. Hamel.* Paris 1849. 3 volumes in-18. accompagnés d'un Atlas renfermant un grand nombre de planches. 5 rbl. 75 c.

——— des falsifications des drogues simples et composées par *M. P. M. Pedroni fils,* Paris 1848. 1 vol. in-18. 85 cops.

——— de la fabrication des acides gras concrets employés dans les arts et de celle des bougies stéariques, mayariques, éloidiques, palmitiques et cociniques, par *M. F. Malpeyre.* Paris 1848. Un volume in-18. 85 cops.

——— de mécanique pratique à l'usage des directeurs et contre-maîtres de fabriques, par *Benaulti,* traduit de l'allemand par *Nolécius.* Paris 1849. Un volume in-18. avec figures. 75 cops.

——— de médecine et du chirurgie domestiques, nouvelle édition, entièrement refondue et considérablement augmentée par *M. J. Morin.* Un vol. in-18. 1 rbl. 15 c.

——— de Mythologie, par *N. A. Dubois.* Paris 1848. Un volume in-18. 1 rbl.

——— de peinture à l'aquarelle (Cours théorique et pratique), accompagné de quatre tableaux représentant les 108 principales teintes. Paris 1849. Un volume in-18. 75 cops.

——— du souffleur à la lampe et au chalumeau, par *M. Pedroni fils.* Paris 1849. Un volume in-18. fig. 85 cops.

——— du Terrassier et de l'entrepreneur de terrassement, par MM. *Ch. Etienne* et *Ad. Masson.* Paris 1849. Un volume in-18, orné de 20 planches gravées. 1 rbl. 25 c.

——— du Tourneur, ou traité théorique et pratique de l'art du tour, par *E. de Valicourt.* Ouvrage entièrement refondu et rédigé sur un nouveau plan. Paris 1848. Deux vol. in-18. ornés de planches. 2 rbls.

MARCO DE SAINT-HILAIRE (Emile). Souvenirs intimes du temps de l'Empire. Nouvelle édition, illustrée par 60 dessins de Jules David. 3 volumes grand in-8. 6 rbls.

MOINET (M. L.). Nouveau Traité général astronomique et civil d'Horlogerie théorique et pratique d'aprés les plus habiles auteurs, et les progres recents de l'art, contenant une nouvelle méthode pratique et universelle de l'engrenage, enrichi d'éléments de physique générale. Ouvrage terminé. Paris 1848. Deux forts volumes grand in-8. avec un grand nombre de planches. 18 rbls.

Ч

ОГЛАВЛЕНІЕ

ПЯТНАДЦАТАГО ТОМА.

I.

СЛОВЕСНОСТЬ.

Стран.

II.

НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

*

Стран.

III.

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

IV.

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА.

V.

СМѢСЬ.

МАЙ.

ІЮНЬ.

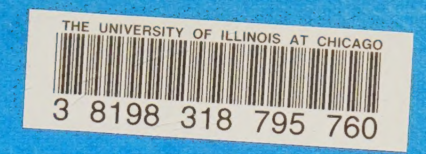
V.

МОДЫ.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Санктпетербургъ, мая 31-го дня 1849 года.

Ценсоръ *А. Крыловъ.*
Ценсоръ *А. Мехелинъ.*

THE UNIVERSITY OF ILLINOIS AT CHICAGO
3 8198 318 795 760

